

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

Сборник материалов

Международного научного конгресса

«Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве»

6–10 декабря 2021 г.

Часть III

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

**Международный научный конгресс
«Русский язык в глобальном научном
и образовательном пространстве»
(6–10 декабря 2021 года)**

Сборник материалов

Часть III

*Направление 4: Русский язык на рынке труда
Направление 5: Русский язык — язык
литературы и культуры*

Москва

2021

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
М43

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. Протокол № 6 от 23 апреля 2021 года.

Рецензенты:

Тагаев Мамед Джакыпович, доктор филологических наук, профессор (Институт русского языка ГОУ ВПО «Кыргызско-Российский славянский университет им. Б. Н. Ельцина»)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина»)

Редакционная коллегия:

Русецкая М. Н. (гл. ред.), Осадчий М. А. (отв. ред.), Хехтель А. С., Шамбезода Х. Д., Вологина Н. В., Акопян К. С., Голубь А. Р., Васюкова Е. А., Ольховская А. И., Циммерлинг А. В., Азимов Э. Г., Нестерова Т. В., Рогозная Н. Н., Ионова С. В., Милованова М. С., Богуславская В. В., Афанасьева Э. М., Камышева С. Ю., Колтакова Е. В., Яскевич М. И., Горбатова Д. А., Катышев П. А., Боженкова Н. А., Щербаков А. В., Соломонова А. А., Пашков А. В., Брагина Н. Г., Юрина Е. А., Лешутина И. А., Тишина Н. И., Персиянова С. Г., Леонов И. С., Аннушкин В. И., Акимова Э. Н., Рублева Е. В., Веселовская Т. С., Маркина Н. А., Жукова А. Г., Кудоярова Т. В., Халеева О. Н., Аду С. С., Ратникова А. Г., Саакян Л. Н., Кравченкова Е. А., Водопьянова А. Б.

Статьи печатаются в авторской редакции.

М43 Международный научный конгресс «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве» (6–10 декабря 2021 года). Сборник материалов. В 3 ч. Ч. III. Направление 4: Русский язык на рынке труда. Направление 5: Русский язык — язык литературы и культуры / М. Н. Русецкая (гл. ред.) ; М. А. Осадчий (отв. ред.). — Москва : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2021. — 484 с.

ISBN 978-5-98269-268-9

ISBN 978-5-98269-270-2 (Часть III)

В сборнике, состоящем из трех частей, собраны статьи докладов Международного научного конгресса «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве» (6–10 декабря 2021 года), на котором всесторонне обсуждались проблемы функционирования русского языка как глобального языка науки и образования, языка межнационального общения стран СНГ. В конгрессе приняли участие научные работники, преподаватели и студенты вузов, учителя, представители органов власти, общественные деятели стран СНГ.

Организатором конгресса выступил Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в партнерстве с Кыргызско-Российским славянским университетом, Российско-Таджикским (славянским) университетом, Белорусско-Российским университетом, Российско-Армянским университетом.

ISBN 978-5-98269-270-2

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

© Коллектив авторов, 2021

© Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, 2021

Направление 4

Русский язык
на рынке труда

9 декабря 2021 г.

Короткевич Вячеслав Иванович

viachka@yandex.ru

Национальный институт образования

Республика Беларусь

Шарапова Елена Васильевна

elenasharapova@tut.by

Белорусско-Российский университет

Республика Беларусь

Русский язык в системе образования Республики Беларусь

В данной статье анализируется состояние русского языка в современной системе образования Республики Беларусь на разных уровнях. Характеризуются исторические изменения в подходах к определению статуса русского языка. Приводятся статистические данные по количеству обучающихся на разных языках в учреждениях образования Беларуси.

Ключевые слова: система образования, русский язык в Республике Беларусь, учреждения образования, мотивация, белорусский язык.

Русский язык сегодня входит в десятку самых популярных языков в мире. Согласно одному из самых популярных и авторитетных справочников по языкам мира Ethnologue [6], который разрабатывается и выпускается компанией SIL International, русский занимает восьмую позицию среди 100 самых распространенных языков. Его носителями являются 154 млн человек, а еще в 2013 году эта цифра составляла более 161 млн человек. Столь стремительное сокращение носителей связано, в первую очередь, с сокращением сферы употребления русского языка на постсоветской территории. Существенно влияют на положение языка геополитические, социально-экономические, демографические, миграционные факторы. Во многих странах наблюдается переориентация молодежи на изучение языков западноевропейских стран (чаще всего английского и немецкого) или стран-соседей (например, турецкого в Азербайджане). Это связано с усилением экономических связей с другими странами, глобализационными процессами и развитием информационной системы.

В конце XX в. в Беларуси статус русского языка несколько раз изменялся. Так, 26 января 1990 года Верховным Советом БССР был принят закон, регламентирующий использование языков в республике. Согласно этому закону, белорусский язык приобрел статус государственного, а русский — языка межнационального общения. Данный факт не исключал право граждан на получение образования на русском языке. В частности, статья 22 гласила: «Белорусская ССР гарантирует каждому жителю республики неотъемлемое право на воспитание и получение образование на белорусском или русском языке. Это право обеспечивается системой дошкольных учреждений, общеобразовательных школ, профессионально-технических училищ, средних специальных и высших учебных заведений. Право на воспитание и получение образования на родном языке имеют и граждане других национальностей, живущих в республике. Государство создает условия для реализации этого права» [1].

14 мая 1995 года в уже независимой Республике Беларусь был проведен первый референдум, на котором большинством голосов русскому языку был дан статус одного из государственных языков. Эта же норма закреплена статьей 17 действующей Конституции Республики Беларусь. Необходимо отметить, что во время переписи 2009 года русский язык назвали родным 3 948 074 гражданина Беларуси, а в 2019 — 3 983 765. Белорусский назвали родным в 2009 году 5 058 402 гражданина Беларуси, а в 2019 — 5 094 928. Были также и граждане, которые называли родным два и более языка. Несколько иной видится ситуация, если посмотреть количество участников переписей, которые указали в качестве разговорного русский язык: в 2009 году это было 6 672 964 человека, а в 2019 — 6 718 557; белорусский же указали в качестве разговорного 2 227 175 человек в 2009 году, 2 447 764 в 2019 [2]. Эти цифры свидетельствуют о том, что русский язык считают родным достаточно большое количество граждан Беларуси, а в повседневном общении его использует большинство.

В сфере образования на законодательном уровне закреплено равенство использования в процессе обучения и воспитания белорусского и русского языков [3] на всех уровнях. Статья 90 Кодекса об образовании гласит: «Основными языками обучения и воспитания в Республике Беларусь являются государственные языки Республики Беларусь. Государство гарантирует гражданам право выбора обучения и воспитания на одном из государственных языков Республики Беларусь и создает условия для реализации этого права. Язык обучения и воспитания определяется учредителем учреждения образования (организации, реализующей образовательные программы послевузовского образования, иной организации, которой в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность), индивидуальным предпринимателем, которому в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность, с учетом пожеланий обучающихся (законных представителей несовершеннолетних обучающихся)» [3].

Таким образом, русский язык является одним из важных компонентом системы образования Беларуси. Учитывая тот факт, что белорусы в своем большинстве являются билингвами, степень их русской языковой компетенции достаточно высока, а социальная потребность как языка науки, образования, межнационального общения, рыночной экономики сохраняется на очень высоком уровне.

Общее количество воспитанников дошкольных учреждений образования по языкам обучения и воспитания в 2016/2017 и 2020/2021 учебных годах представлено на диаграмме 1 (здесь и далее в соответствии с [4]).

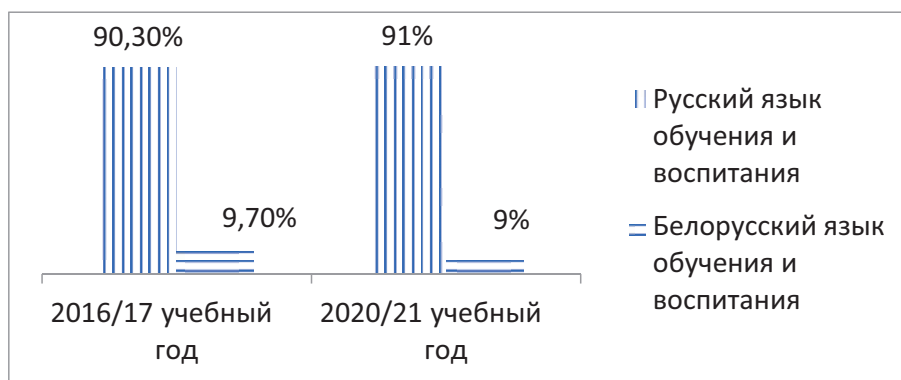

Диаграмма 1. Общее количество воспитанников дошкольных учреждений образования по языкам обучения и воспитания

Как видим из диаграммы 1, подавляющее большинство белорусских детей первично получает образование на русском языке. Подобная тенденция сохраняется и на уровне общего среднего образования (диаграмма 2).

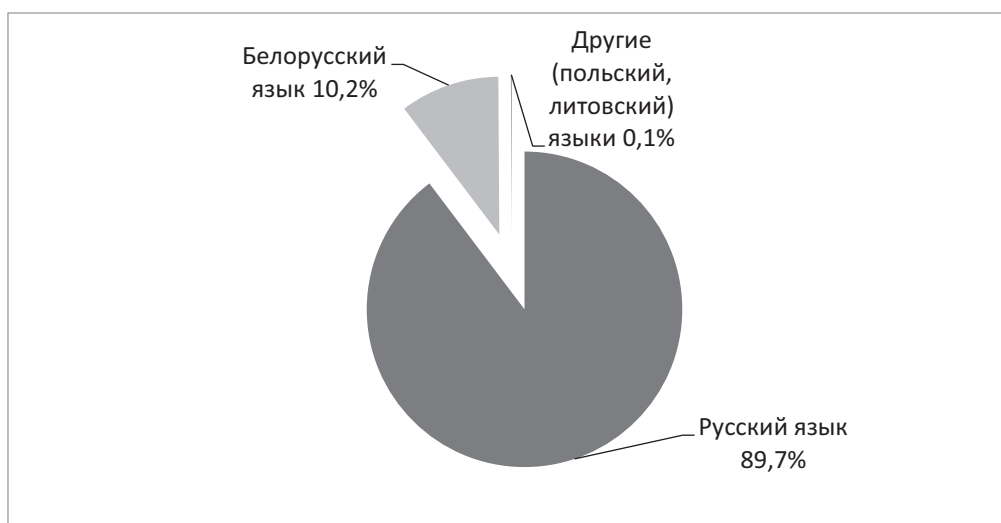

Диаграмма 2. Общее количество учащихся в учреждениях общего среднего образования по языкам обучения и воспитания в 2020/21 учебном году

Абсолютное превосходство русского замечаем на уровнях среднего специального и высшего образования (диаграммы 3, 4).

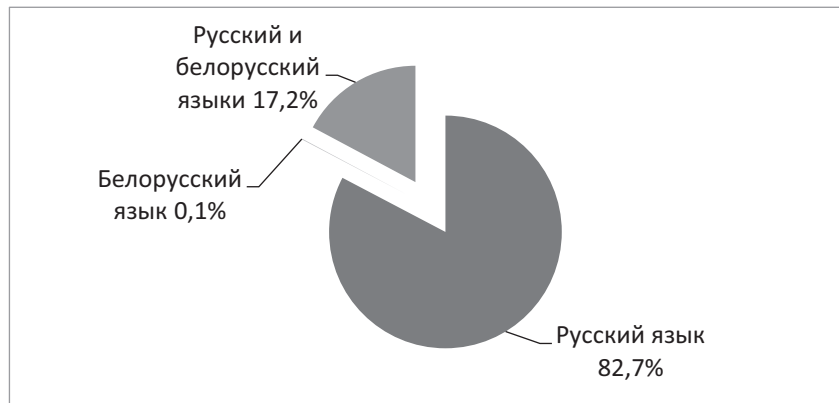

Диаграмма 3. Общее количество обучающихся в учреждениях среднего специального образования по языкам обучения и воспитания в 2020/21 учебном году

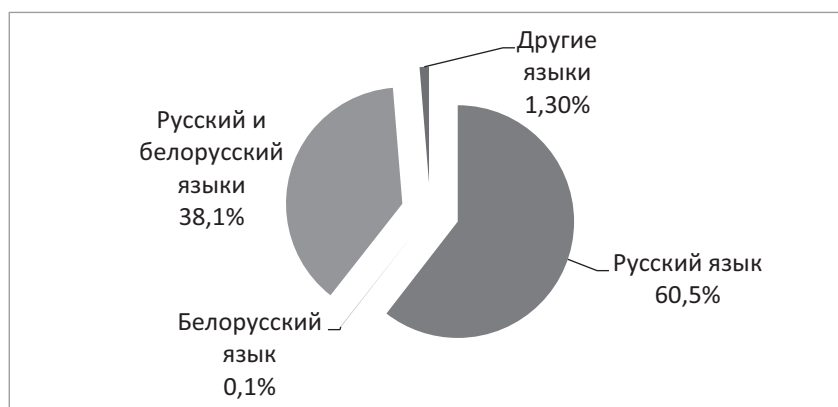

Диаграмма 4. Общее количество студентов учреждений высшего образования по языкам обучения и воспитания в 2020/21 учебном году

Как видим из данных диаграмм 3, 4, в профессиональном образовании и науке Республики Беларусь превалирует русский язык, что не может не сказаться на требованиях рынка труда.

Отметим, что на уровне дошкольного, общего среднего образования изучение русского и белорусского языков и литератур является обязательным. В стране в равной степени обеспечивается возможность использования учебных программ, учебных пособий для обучающихся на всех государственных языках. Выпускники также имеют право выбора использования русского или белорусского языка на вступительных испытаниях в учреждения среднего специального или высшего образования независимо от языка дальнейшего обучения (в т. ч. на централизованном тестировании).

Тем не менее, русский, как белорусский и другие языки, которые функционируют на территории Беларуси, испытывает конкурирующее давление, обусловленное глобализационными процессами. Современные молодые люди все чаще мотивированы на изучение английского языка, который используется в качестве «lingua franca». В связи с этим в учреждениях высшего образования Беларуси открываются различные программы на английском языке. Например, в Белорусском государственном университете можно обучаться на английском языке на таких программах первой ступени высшего образования, как бизнес-администрирование, маркетинг, логистика, медико-биологическое дело, медицинская экология, а также на 23 программах магистратуры и 36 научных направлениях аспирантуры. Такие программы также имеются в Белорусском государственном экономическом университете и других учреждениях высшего образования. При этом учитывается необходимость адаптации студентов-иностранцев к социокультурным реалиям Беларуси, что приводит к необходимости дополнительного изучения русского языка как иностранного. Также русский используется в качестве основного языка обучения для многих иностранных граждан, получающих высшее образование на первой или второй ступенях в Республике Беларусь. Как

отмечает Министр образования И. В. Карпенко, «в 2019/2020 учебном году в учреждениях образования Республики Беларусь обучается 26,28 тыс. иностранных граждан из 102 стран мира. Из них 25,12 тыс. человек — в учреждениях высшего образования, 1,16 тыс. — в учреждениях среднего специального и профессионально-технического образования» [5, с. 5].

Таким образом, русский язык сегодня в Республике Беларусь в системе образования и на рынке труда занимает важное место. Он сохраняет весь объем своих функций: средство приобретения, кумуляции и распространения информации, идеологического воздействия на население, средство и объект образования, культуры и науки. Тем не менее процесс функционирования и взаимодействия языков достаточно динамичен, так как затрагивает различные аспекты культурной и экономической жизни страны. Постоянное переосмысление роли и места, значимости языка в обществе и жизни отдельной личности ведет к изменению речевого поведения и речевой деятельности. Эти тенденции требуют постоянного наблюдения и изучения мотивов выбора того или иного языка в различных сферах деятельности.

Литература:

1. Закон Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі аб мовах у Беларускай ССР: прыняты на чатырнаццатай сесіі Вярхоўнага Савета адзінаццатага склікання 26 студзеня 1990 года № 3094-XI. — Мінск: Беларусь, 1990. — 31 с.
2. Итоговые данные переписей населения Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://census.belstat.gov.by> (Дата доступа: 20.10.2021).
3. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-3 (в актуальной редакции) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (Дата доступа: 28.10.2021).
4. Образование в Республике Беларусь: Education in the Republic of Belarus. — Минск, 2021. — 39 с.
5. Образование на европейском уровне // Экспорт Беларуси: образование в Беларуси = Export of Belarus: Education in Belarus. — 2020. — № 1(23). — С. 5–11.
6. Ethnologue [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ethnologue.com> (Дата доступа: 20.10.2021).

Karatkevich Viachaslau

viachka@yandex.ru

National Institute of Education

Sharapava Alena

elenasharapova@tut.by

Belarusian-Russian University

Russian language in the education system of the Republic of Belarus

This article analyzes the state of the Russian language in the modern education system of the Republic of Belarus at different levels. Historical changes in approaches to determining the status of the Russian language are characterized. The article provides statistical data on the number of students in different languages in educational institutions of Belarus.

Keywords: education system, Russian language in the Republic of Belarus, educational institutions, motivation, Belarusian language.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, научно-исследовательский проект «Оценка роли и конкурентоспособности русского языка на пространстве СНГ».

Пантюхина Карина Федоровна

kprantuhina1@gmail.com

*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
Российская Федерация*

РЫНОК ЯЗЫКОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

В статье предлагается и реализуется качественно иной концептуальный подход к измерению конкуренции языков в законодательной сфере. Посредством измерения рыночных долей языков можно прийти к выводу, что русский язык, несмотря на отсутствие какого-либо правового режима, играет в данной языковой сфере более серьезную и важную роль, чем ему отведено законодательством Республики Узбекистан.

Ключевые слова: рынок языков, государственный язык, Республика Узбекистан.

В действующей редакции Конституции Республики Узбекистан 1992 года в качестве государственного языка закреплён узбекский [1, ч. 1 ст. 4]. Кроме того, гарантируется уважительное отношение к другим языкам народов и наций Республики [1, ч. 2 ст. 4].

В действующей редакции закона о государственном языке 1989 г. устанавливается, что все законодательные акты Республики Узбекистан, другие документы органов государственной власти и управления принимаются и публикуются на государственном языке [1, ст. 8]. Положения названного закона также уточняют, что переводы этих документов публикуются и на других языках. При этом указания этих «других языков» законодатель не приводит. Из смысла названных норм вытекает, что аутентичными будут законодательные акты, принятые исключительно на государственном языке. Иные языковые версии законодательных актов обладают по смыслу названных положений качеством перевода, т. е. не регулируют общественные отношения, а являются одной из форм ознакомления населения Республики с имеющимися нормами права.

В ст. 20 закона «О порядке подготовки проектов Законов и их внесения в законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан» 2006 г. [2, ст. 20] дублируются вышеприведенные требования к литературным нормам официального использования государственного языка при подготовке правовых актов применительно к проектам законов, которые вносятся в нижнюю палату парламента Республики в рамках реализации права на законодательную инициативу. При этом названный закон четко предписывает обязанность внесения проекта закона и прилагаемых к нему документов субъектами права законодательной инициативы в Законодательную палату на государственном языке [2, ст. 26]. Одновременно законодатель допускает возможность их представления в переводе на других языках. Тем самым на стадии начала законодательного процесса действующие нормы права Республики Узбекистан обеспечивают аутентичность только текстов будущих законов только на государственном языке страны, четко определяя значение текстов на других языках как переводы.

Законы Республики Узбекистан могут быть вынесены на всенародное обсуждение согласно положениям закона 2000 г. «О всенародном обсуждении проектов законов». Гражданам предоставляется право вносить предложения и замечания по проекту закона на государственном языке или любом другом языке, которым они владеют [3, ст. 20]. В целом можно заметить, что приведенное положение соответствует вышеприведенным нормам действующего законодательства Республики и идет в той же логике укрепления и обеспечения правового режима государственного языка.

Закон о государственном языке определяет язык работы органов государственной власти и управления — работа ведется на государственном языке. При этом по необходимости обеспечивается перевод на другие языки [4, ст. 9]. Подобные же положения содержатся в Регламентах палат парламента Республики Узбекистан — Законодательной палаты и Сената. На заседаниях

каждой из палат парламента работа ведется на государственном языке и, по необходимости, на основании постановления всей палаты или Кенгаша (ее председателя) обеспечивается синхронным переводом на другие языки.

Таким образом, действующее законодательство Республики Узбекистан ориентирует на употребление в законодательном процессе только государственного языка, исключая возможности для использования иных языков в аналогичном порядке, который предусмотрен для узбекского языка.

Для оценки реализации приведенных выше норм права на практике можно воспользоваться разработанным в рамках Центра психолого-экономических исследований Поволжского института управления имени П. А. Столыпина подходом для измерения конкуренции языков [18]. Авторская методология базируется на математической модели расчета конкурентных объектов, разработанных экономистами Оррисом Херфиндалем и Альбертом Хиршманом [20, с. 170]. Разработанный американскими учеными индекс традиционно используется в экономических исследованиях с целью оценки конкуренции и степени монополизации различных отраслей экономики и на различных товарных рынках. Особенность модификации, которая предложена А. С. Айрапетяном, заключается в переносе индекса Херфиндала — Хиршмана в сферу употребления языка, обозначаемую как «рынок языков». В нашем исследовании учету будут подлежать не доли проданных товаров, а доли используемых языков в законодательном процессе Республики Узбекистан. В рамках подхода было введено понятие Индекса языковой монополизации (ИЯМ), который рассчитывается из сумм квадратов долей языков, используемых на рынке языков в определенный период времени (бюджет времени). Итоговое значение индекса варьируется от 0 до 1. Чем ближе значение к 1, тем меньше конкуренция между языками и тем, соответственно, более монополизированным является положение какого-то из языков. Чем, соответственно, ближе значение к 0, тем сильнее конкуренция между языками, тем большее количество языков используется на рынке языка.

В оригинальном подходе экономистов О. Херфиндала и А. Хиршмана применительно к анализу товарных рынков в экономических исследованиях выделялись следующие пороговые значения индекса:

Высококонцентрированные рынки: в диапазоне $0,1801 < \text{ИЯМ} < 1$;

Умеренноконцентрированные рынки: в диапазоне $0,1001 < \text{ИЯМ} < 0,1800$;

Низкоконцентрированные (высококонкурентные) рынки: в диапазоне $\text{ИЯМ} < 0,1000$.

Указанная классификация также может быть применима к оценке рынка языков законодательства Узбекистана.

Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан «LexUZ on-line» предоставляет тексты законов и иных нормативных актов Республики на четырех языках: узбекском на основе латиницы, узбекском на основе кириллицы, русском и английском языках. Проведение анализа законодательной базы за 30-летний период с 1990 по 2020 гг. показало следующие результаты.

Доля русского языка в законодательной базе идет наравне с государственным языком (узбекский латиница), и в это же время лидирующее положение занимает узбекский (кириллица). Рыночные доли узбекского латиницы варьируются от 28,7% до 33,33%, узбекского кириллицы от 31,82% до 39%, русского от 29,57% до 33,33%, английского от 0 до 5,56%.

В целом узбекский латиница, кириллица и русский занимают примерно одинаковые доли на рынке языков законодательства Республики — каждому из них принадлежит по 1/3. С английским языком в законодательстве Узбекистана ситуация иная — его в разы меньше. Так, например, за период 2007–2009 гг. было выпущено на узбекском латинице 168 законодательных актов, на русском также 168, на узбекском кириллице — 180, а на английском — 1. Кажется, это наглядно демонстрирует использование «иных языков» и русского в законодательстве страны.

Подсчет индекса языковой монополизации на рынке законодательства Республики Узбекистан демонстрирует, что названный рынок является высокомонополизированным и высококонцентрированным, так как значение названного индекса варьируется в диапазоне 0,3–0,34 (рис. 1). Логичность такой классификации рынка языков законодательства Узбекистана обусловлена тем, что здесь и не может быть много языков в связи с тем, что деятельность по принятию законов довольно затратная и в финансовом измерении, и в плане времени. Порой требуется оперативное принятие законов для наличия серьезной правовой основы решения тех или иных общественных проблем. Использование более чем одного языка в законодательном процессе может затянуть названную

процедуру. Тем не менее рынок языков законодательства Узбекистана не просто высококонцентрированный, но и представляет собой олигополию, так как каждый из трех лидирующих языков тут не имеет «контрольного пакета акций».

Рис. 1. Динамика изменения языковой конкуренции на рынке языков законодательства Республики Узбекистан

С одной стороны, такое положение на рынке языков законодательства Республики не должно вызывать исследовательского интереса. Исходя из «буквы» действующего законодательства о языках, тексты на языках, которые употребляются в названной сфере, кроме узбекского на основе латиницы, представляют собой переводы, то есть не регулируют общественные отношения в стране. Но в действительности это не так. Во-первых, лидирующее положение узбекского языка на основе кириллицы — за весь исследуемый период на нем составлялось и принималось либо большинство законов страны, либо столько же, как и на узбекском языке на основе латиницы.

Последнее должно было бы вызвать удивление, так как государственным языком Республики Узбекистан признан узбекский язык на основе латинской графики алфавита, как это установлено действующим законодательством страны, а именно законом 1993 г. «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике» [7], подвергшимся корректировке в 1995 году.

Во-вторых, роль русского языка представляется совсем иной, чем это вытекает из вышеприведенных положений законодательства о языках Республики Узбекистан. В этой связи следует отметить ряд актов Конституционного Суда Республики Узбекистан. Решением 2009 г. [8] суд реализовал право законодательной инициативы, которым попытался разрешить вопрос несоответствия одной из статей Налогового кодекса Республики в ее версиях на узбекском и русском языках. В соответствии с положением узбекского языка в качестве государственного, законы на других языках должны представлять собой лишь перевод с узбекского языка. Однако в названном решении 2009 г. Конституционный Суд настаивает на приведении статей на узбекском и русском в соответствие между собой. Подобные акты только в виде постановлений Конституционный Суд принимал также в 2002 и 2003 гг. [9, 10] по той же причине — наличие расхождения смыслов в версиях законов на русском и узбекском языках. Названная практика Конституционного Суда Республики свидетельствует о большей роли русского языка в законодательном процессе, чем это указано в Основном законе.

Помимо этого, в текстах законов Республики Узбекистан можно встретить формулировки об изменении текстов законов либо сразу на обоих языках (узбекском как государственном и русском), либо только на государственном или русском языках, при этом текст на другом языке остается без изменений. В качестве примера можно привести законы от 18.03.2017 г. [11], закон о внесении изменений в Конституцию от 24.11.2020 г. [12], а также в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы от 04.12.2020 года [13].

Данная ситуация во многом аналогична той, что сложилась в Казахстане и Киргизии, в законодательных актах которых тоже встречаются подобные формулировки. Однако положение русского языка в Киргизии и Казахстане закрепляется Основными законами. Так, например, статья 7 действующей редакции Конституции Казахстана 1995 года [5] определяет казахский язык в качестве государственного, одновременно говоря об употреблении русского языка в качестве официального в области государственной и местной власти. В то же время в новом Основном законе Киргизии, принятом в этом году на всенародном референдуме, русский язык вновь был закреплен в качестве официального в Республике.

В актах органов конституционного надзора в Казахстане и Киргизии подчеркивается значимость русского языка как официального. Постановлением Конституционного Совета Республики Казахстан от 23.02.2007 г. [15] уточняется, что в государственных организациях и местном самоуправлении казахский и русский языки употребляются в равной степени независимо от обстоятельств. Конституционный Совет в своем постановлении от 14.02.2007 г. [14] четко выразил свою правовую позицию, что несоответствие текстов нормативно-правового акта на казахском и русском языках в случае концептуального искажения содержания его правовых норм делает невозможным их однозначное понимание и в соответствии с п. 2 ст. 7 Конституции Республики. Это исключает применение указанных норм на практике и выступает основанием для признания их в установленном порядке неконституционными.

По сравнению с вышеуказанными странами в актах Конституционного Суда, затрагивающих вопросы соответствия законов на узбекском и русском языках, не определяется и не закрепляется роль русского языка в качестве официального. Суд ограничивается формулировкой, гарантирующей «уважительное отношение к другим языкам народов и наций республики». Но на практике Узбекистан, по сути, отводит русскому языку ту же роль, что Киргизия и Казахстан, гарантирующие, в целом, равенство между языками в законодательном процессе. Можно предположить в этой связи, что ситуация русского языка в Узбекистане не уникальна и характерна также для ряда иных сфер официального общения, а также других зарубежных стран СНГ, таких как, например, Республика Молдавия.

Литература:

1. Конституция Республики Узбекистан от 08.12.1992 г. (в ред. от 08.02.2021 г. № ЗРУ-671) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. — 1994. — № 1.
2. Закон от 21.08.2006 г. № ЗРУ-60 «О порядке подготовки проектов Законов и их внесения в законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан» (в ред. от 10.08.2020 г. № ЗРУ-631) // Собрание законодательства Республики Узбекистан. — 2006. — № 41. — Ст. 406; Национальная база данных законодательства. — 10.08.2020. — № 03/20/631/1153.
3. Закон Республики Узбекистан от 14.12.2000 г. № 166-II «О всенародном обсуждении проектов законов» (в ред. от 04.09.2019 г. № ЗРУ-563) // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. — 2001. — № 1–2. — Ст. 14; Национальная база данных законодательства. — 05.09.2019. — № 03/19/563/3685.
4. Закон Республики Узбекистан от 21.12.1995 г. № 167-I «О внесении изменений и дополнений в закон «О государственном языке Республики Узбекистан» (в ред. от 03.12.2020 г. № ЗРУ-653) // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. — 1995. — № 12. — Ст. 257; Национальная база данных законодательства. — 04.12.2020. — № 03/20/653/1592.
5. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 г. (в ред. от 23.03.2019 г. № 238-VI ЗРК) // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. — 1996. — № 4. — Ст. 7; Ведомости Парламента РК. — 2019. — № 5–6 (2780–2781). — Ст. 28.
6. Дополнительное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 23.02.2007 г. № 3 «Об истолковании постановления Конституционного Совета Республики Казахстан от 8 мая

- 1997 года № 10/2 «Об обращении Президента Республики Казахстан о соответствии Конституции Республики Казахстан представленного на подпись Президенту Республики Казахстан Закона Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан», принятого Парламентом Республики Казахстан 12 марта 1997 года» // Конституционный Совет Республики Казахстан официальный сайт. — URL: <http://www.constcouncil.kz/rus/resheniya/?cid=10&rid=270> (дата обращения 01.01.2020).
7. Закон Республики Узбекистан от 02.09.1993 г. № 931-ХП «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике» (в ред. от 06.05.1995 г. № 71-И) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. — 1993. — № 9. — Ст. 331; Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. — 1995. — № 6. — Ст. 119.
 8. Решение Конституционного суда Республики Узбекистан от 05.02.2009 г. О внесении в Законодательную Палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан проекта закона Республики Узбекистан «О внесении изменения в пункт 35 статьи 208 текста на узбекском языке Налогового кодекса Республики Узбекистан» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. — 2009. — № 6. — Ст. 54.
 9. Постановление Конституционного суда Республики Узбекистан от 01.07.2003 г. О представлении в Олий Мажлис проекта Закона «О внесении изменений и дополнений в Закон «О Конституционном суде Республики Узбекистан» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан «LexUZ on-line». — URL: <https://lex.uz/docs/4619662> (дата обращения 20.04.2021).
 10. Постановление Конституционного суда Республики Узбекистан от 14.11.2002 г. О представлении в Олий Мажлис предложения об устранении несоответствия в текстах на русском и узбекском языках части четвертой статьи 128 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан «LexUZ on-line». — URL: <https://lex.uz/docs/4623869> (дата обращения 20.04.2021).
 11. Закон Республики Узбекистан от 18.03.2017 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. — 2017. — № 16. — Ст. 265.
 12. Закон Республики Узбекистан от 24.11.2020 г. «О внесении изменений в Конституцию Республики Узбекистан» // Национальная база данных законодательства. — 09.02.2021. — № 03/21/671/0093.
 13. Закон Республики Узбекистан от 04.12.2020 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Узбекистан» // Национальная база данных законодательства. — 18.02.2021. — № 03/21/675/0126.
 14. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 14.02.2007 г. № 2 «О проверке Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам адвокатуры» на соответствие Конституции Республики Казахстан» // Конституционный Совет Республики Казахстан официальный сайт. — URL: <http://www.constcouncil.kz/rus/resheniya/?cid=10&rid=267> (дата обращения 01.01.2020).
 15. Дополнительное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 23.02.2007 г. № 3 «Об истолковании постановления Конституционного Совета Республики Казахстан от 8 мая 1997 года № 10/2 «Об обращении Президента Республики Казахстан о соответствии Конституции Республики Казахстан представленного на подпись Президенту Республики Казахстан Закона Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан», принятого Парламентом Республики Казахстан 12 марта 1997 года» // Конституционный Совет Республики Казахстан официальный сайт. — URL: <http://www.constcouncil.kz/rus/resheniya/?cid=10&rid=270> (дата обращения 01.01.2020).
 16. Айрапетян А. С. Математическая оценка динамики полиязычности в современном мире // Психолого-экономические исследования. — 2019. — № 3. — С. 20–28.
 17. Айрапетян А. С. Конституционно-правовые проблемы использования русского языка в странах СНГ // Конституция Российской Федерации: 20 лет спустя: сб. науч. трудов. — Саратов: Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина, 2014. — С. 30–32.
 18. Неверов А. Н., Айрапетян А. С. Языковые рынки и инструменты их анализа // Психолого-экономические исследования. — 2019. — № 2. — С. 11–22.

19. Неверов А. Н., Маркелов А. Ю., Айрапетян А. С. Оценка влияния интеграционных процессов на этнополитическую конкуренцию языков в Балтийском регионе // Балтийский регион. — 2021. — № 3. — С. 58–77.
20. Hirschman, A. National Power and the Structure of Foreign Trade. — Berkely and Los Angeles, University of California Press, 1945. — 170 p.

Pantyukhina Karina Fedorovna
Pushkin State Russian Language Institute

The market of languages of legislation of the Republic of Uzbekistan

The article proposes and implements a qualitatively different conceptual approach to measuring the competition of languages in the legislative sphere. By measuring the market shares of languages, it can be concluded that the Russian language, despite the absence of any legal regime, plays a more serious and important role in this language sphere than it is assigned by the legislation of the Republic of Uzbekistan.

Keywords: language market, state language of Uzbekistan.

Исследование было проведено с использованием средств гранта Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, научно-исследовательский проект «Оценка роли и конкурентоспособности русского языка на пространстве СНГ»

Райденко Екатерина Алексеевна
raidenkoekaterina@yandex.ru

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал РАНХиГС
Российская Федерация

Оценка конкурентоспособности языков на рынке труда в Республике Армения

Целью статьи выступает анализ динамики конкурентоспособности языков на рынке труда Республики Армения. На основе данных о вакансиях, а также языковых требованиях, предъявляемых разными западными компаниями, работающими в Армении, автор приходит к ряду выводов. Рост востребованности английского языка, действие некоторых экономических факторов сохранения позиций русского языка и потенциал для возможной популяризации французского языка могут серьезно повлиять на рост полиязычия в Армении.

Ключевые слова: рынок труда, языковая монополизация, конкуренция языков.

В современном мире владение иностранными языками является важным требованием, которые предъявляются экономически активному населению страны. Знание иностранных языков может заметным образом сказаться в положительную сторону развития профессиональной карьеры, открыть дорогу для достижений в научной, политической и иных сферах. Язык может представлять собой одну из серьезных основ для интеграционных процессов.

В Центре психолого-экономических исследований предлагается иной альтернативный подход к оценке явления многоязычия и полиязычия. Разработанная новая авторская методология оценки взаимодействия языков предусматривает измерение конкуренции между ними путем расчета индекса языковой монополизации. Он представляет собой сумму квадратов долей конкретных языков, которыми владеет население или которое население использует в определенной сфере общения. Итоговое значение данного индекса варьируется в диапазоне от 0 до 1. Чем ближе результат к 1, тем более монополизированное положение занимает какой-то один язык. Соответственно, чем ближе итоговый результат индекса к 0, тем выше уровень конкуренции языков и тем большее их количество используется [1, с. 3–5].

Знание иностранных языков может повлиять на выбор граждан при трудоустройстве, поскольку может выступать квалификационным требованием при реализации свободы труда. Нами был изучен рынок труда в Республике Армения, где мы рассмотрели несколько объявлений о вакансиях в период с 2011–2021 года на ресурсе (<http://www.jobfinder.am>), которые предъявляют требования к знаниям английского, русского и армянского языков (рис. № 1).

Рис. 1. Конкуренция языков по материалам объявлений по работе в Республике Армения

Индекс языковой монополизации демонстрирует высокую концентрацию языков и низкую языковую конкуренцию на рынке труда Армении (рис. № 2). Следует отметить, что она происходит, в основном, между английским и армянским языками. Уменьшение количества вакансий, которые требуют владения русским языком, связано, скорее всего, с тем, что граждане Армении больше заинтересованы в них и они быстро реагируют на предложения о работе, тем самым закрывая потребности работодателей в необходимых трудовых ресурсах. В таких условиях одновременно с этим для граждан Армении, владеющих русским языком, усиливается фактор Российской Федерации как серьезной альтернативы в качестве перспективы своего трудоустройства, особенно в условиях участия Республики в ЕАЭС.

Рис. 2. Динамика изменения уровня конкуренции языков по материалам объявлений о работе в Республике Армения

Международная организация франкоязычных стран в 2018 году проводила исследование о распространении французского языка среди стран-членов данной Организации, в которую входит и Армения. В одном из них участие приняли компании, которые функционируют на территории Республики (рис. № 3). Они указали, что для трудоустройства в эти компании требуется определенный процент знания языка на некоторое количество рабочих мест. В итоге, мы видим конкуренцию между французским, английским и русским языками за исключением компаний, где требовалось знание только английского. Названные респонденты являются зарубежными компаниями и на рынке Армении обеспечивают участие ранее экономически не активного населения.

Рис. 3. Языковые требования при трудоустройстве в зарубежные компании на рынке Республики Армения (2018)

Рассчитанные показатели Индекса языковой монополизации в приведенных компаниях демонстрируют, что на данный момент востребованности в других языках нет, а конкуренция происходит в основном между французским и английским языками, с некоторыми вкраплениями русского (рис. № 4). Видимо, это может быть связано с наличием у названных компаний торговых партнеров в ЕАЭС и СНГ.

Рис. 4. Языковая конкуренция в некоторых зарубежных компаниях на рынке Республики Армения

Работа в названных организациях предоставляет возможность для работников изучить бесплатно требуемый иностранный язык. Ежегодно они финансируют языковую подготовку сотрудников. Например, KASA (швейцарский гуманитарный фонд) выделяет больше 3 000 евро на изучение французского языка, UFAR более 20 000 евро на изучение английского, русского и французского [2, с. 309].

Таким образом, с учетом роста спроса на знание иностранных языков на рынке труда можно предположить усиление конкуренции языков в стране. Сказанное может способствовать увеличению и большему разнообразию языкового капитала граждан Армении, а также росту уровня полиязычных граждан (знающих более одного языка). При сохраняющихся моделях экономического развития Армении и способах хозяйствования рост полиязычия граждан страны, увеличение уровня конкуренции между такими иностранными языками, как русский и английский (с возможным добавлением французского), может способствовать усилению миграционного оттока из страны и даже диверсификации таких потоков.

Литература:

1. Неверов А.Н., Маркелов А. Ю., Айрапетян А. С. Оценка влияния интеграционных процессов на этнополитическую конкуренцию языков в Балтийском регионе // Балтийский регион. — 2021. — Т. 13. — № 3. — С. 58–77. doi: 10.5922/2079–8555–2021–3–4.
2. La langue française dans le monde 2015–2018. — Éditions Gallimard, 2019. — 309 p.

Raidenko E. A.

raidenkoekaterina@yandex.ru

Volga Region Institute of Management — branch of RANEPА

Assessment of the competitiveness of languages in the labor market in the Republic of Armenia

The purpose of the article is to analyze the dynamics of the competitiveness of languages in the labor market of the Republic of Armenia. Based on the data on vacancies, as well as the language requirements imposed by various Western companies operating in Armenia, the author comes to a number of conclusions. The growing demand for English, the effect of some economic factors to preserve the position of the Russian language and the potential for the possible popularization of the French language can seriously affect the growth of polylinguism in Armenia.

Keywords: Index of lingual monopolization (ILM), labor market, language monopolization.

Языковые особенности профессионального отбора для профессии инженера

Статья посвящена особенностям профессионального отбора инженера-строителя. Важное значение при профотборе имеет языковая компетентность претендента. Языковая компетенция является определяющей для самосовершенствования инженера при формировании его карьеры. Профессиональный рост неразрывно связан с овладением терминологией, изменяющейся по мере трансформации профессии. Общественные отношения обуславливают необходимость поддержания высокого уровня профессиональной и общей культуры специалистов, что включает в себя знание русского и иностранных языков.

Ключевые слова: языковая компетенция, деятельность инженера, профессиональная коммуникация, профессиональный отбор.

Профессиональный отбор (профотбор) — это функция соответствующих отделов или служб, оказывающих содействие руководству организации в подборе кандидатов, оптимально подходящих по психологическим характеристикам, требованиям к профессии или должности. Целью профессионального отбора является определение компетентности и пригодности человека к конкретному виду труда. При осуществлении профессионального отбора отбираются те претенденты, которые имеют более высокий уровень профессионально важных качеств, свойств и перспективы их развития. Задачей профессионального отбора выступает научно обоснованное определение возможности личности выполнять конкретные виды трудовой деятельности с учетом его способностей и наклонностей, и что самое важное — потребностей производства в этих способностях и наклонностях.

Профессиональный отбор осуществляется в случае, когда к кандидату на замещение должности предъявляются не просто профессиональные, но зачастую повышенные требования. Цена ошибок в подборе кадров для опасного производства чрезвычайно высока. Это обусловлено высокими затратами на обучение специалистов, требуется дополнительное изучение профессиональной пригодности кандидатов для замещения рассматриваемых должностей. При профессиональном отборе учитываются четыре основных фактора: медицинский, физиологический, педагогический и психологический.

Таким образом, по основным критериям профессиональный отбор выступает социально-экономическим мероприятием, а по методам реализации — медико-биологическим и психологическим [1].

Важное значение при составлении психологических портретов и компьютерной диагностике, а далее — рекомендации при приеме на работу, имеет языковая компетентность претендента.

Изучая инженерную коммуникацию, следует учитывать как когнитивный, так и практический (профессиональный) аспект. В связи с тем, что «речь — это только верхушка айсберга текущего речевого взаимодействия с его когнитивными и социальными измерениями» [2, с. 294], языковой уровень инженерной коммуникации выступает эксплицитным, внешним, вербальным проявлением когнитивного и профессионального уровней, выступающих ее основой. «Языковой уровень инженерной коммуникации свидетельствует о том, что фактор “социального контекста” — речевое поведение с учетом знания реалий инженерной деятельности и определенных социально-коммуникативных ролей — превалирует над фактором “устности”» [3, с. 176].

Как отмечает И. Б. Авдеева [3], для представителей инженерной профессии характерно вербальное восприятие информации только на 10%. В связи с этим можно констатировать, что выделяется две языковые семиотические системы: обычная (вербальная) и образная, к которой относятся чертежи, графики, рисунки и схемы.

Профессиональным отбором и профессиональной подготовкой для профессии инженера активно занимается психолингвистика, так как им постоянно сопутствуют процессы речепорождения и речевосприятия. Так как инженерную психологию определяют как «...область психологической науки, изучающая процессы информационного взаимодействия человека и технических устройств» [4, с. 136], под информационным взаимодействием понимают процессы, которые происходят с использованием языка (текста) или опосредованных языком образов (предметных значений).

Образ профессии, если его рассматривать в качестве когнитивного и эмоционального образования, в какой-то мере влияет на систему общих ориентиров общественного и индивидуального сознания людей. Традиционный подход к определению идеального образа профессионала ассоциировался с образами конкретного человека и его профессиональной «биографией», присущими работнику определенными профессиональными ценностями. Собираемый образ профессионала формировался годами, хотя нередко он ассоциировался с образом конкретного человека, на которого могла равняться молодежь. При выборе той или иной профессии молодежь идентифицировала себя с общепризнанными героями, будь то производственник, знаменитый летчик, шахтер, врач или актер.

Рубеж XX и XXI веков характеризуется определенной переоценкой ценностей: «идеальный образ профессионала» уступил место «идеальному образу жизни» — «европейскому», «американскому», «богемному» и другим. Отход от ценностных ориентиров в восприятии самой профессии приводит к модели, когда предпочитаемая, желаемая модель образа жизни выбирается с использованием профессий. В результате, профессия воспринимается в качестве средства достижения этого образа жизни, а не как существенная часть самого образа жизни.

Мир профессий динамичен и гибок. Каждый год появляется примерно 500 новых профессий. Ряд вновь появившихся профессий в существующей социально-экономической формации существует не более 5–15 лет, а затем либо исчезает, либо полностью меняется. Спецификой мира профессий в современных условиях выступает смена монопрофессионализма полипрофессионализмом.

Другими словами, человек, чтобы достичь успеха в динамично развивающемся обществе, должен овладеть не единственной профессией, а рядом смежных профессий. Это в полной мере относится к профессии инженера.

Языковая, вербальная компетенция является определяющей для самосовершенствования инженера при формировании его карьеры. Последняя становится результатом связанной с должностным или профессиональным ростом осознанной позиции и поведением человека в трудовой деятельности. Профессиональный рост неразрывно связан с овладением терминологией, изменяющейся по мере трансформации профессии.

Сложившиеся сегодня общественные отношения обуславливают необходимость поддержания высокого уровня профессиональной и общей культуры специалистов. Это включает в себя знание иностранных языков и владение русским языком.

Вопросы повышения качества профессионально-языковой подготовки специалистов рассматривались в исследовании В. Ф. Тенищевой: «Остается также актуальной задача повышения качества профессионально-языковой подготовки целого класса специалистов, деятельность которых связана с ситуациями повышенного риска, угрозой столкновения, поломками оборудования, экономическими и людскими потерями. Для этих специалистов владение русским и иностранным языком входит в структуру профессионального опыта, их профессионально важных качеств (ПВК). Безопасность и эффективность производства, как показывает анализ литературы и причин аварий, во многом зависит от компетентности в речевой деятельности специалистов этого профиля» [5, с. 48].

Как показывает анализ, языковую подготовку в технических вузах бывает трудно связать с будущей профессиональной деятельностью студентов. В рамках обучения по этой дисциплине основной акцент делается на специальную лексику, соответствующую профилю будущих специалистов. Также рассматривается ряд фрагментарных ситуаций общения, которые слабо отражают технологии и самоорганизацию реальной трудовой деятельности инженера.

Обычно научный стиль берется за основу инженерной коммуникации. Научному стилю присущи черты безличности, безэмоциональности, лаконичности, точности выражения, сжатости

и высокой степени терминованности. Научный стиль в учебниках по инженерным дисциплинам не столь лаконичен и нормативен (например, лирические и философские отступления), что свидетельствует о большей образности, эмоциональности, многословности русской языковой личности, накладывающейся на языковую личность инженера.

Научно-технический лексикон включает в себя в основном слова, обладающие однозначностью смысла, недвусмысленностью, что создает монофункциональность лексики.

В инженерных текстах/дискурсах также представлена большая группа глаголов, обозначающая действие, направленное на объект для того, чтобы видоизменить существенные внутренние, но не органические, свойства: *улучшить качество, усилить требования, упростить решение, расширить отверстие*. Кроме того, это глаголы, обозначающие действие, в результате которых не меняются никакие существенные внутренние свойства объекта: *одобренное решение (одобрить решение), упрощенное решение (упростить решение), обновленный план (обновить план)*, а также глаголы перемещения или иного изменения в пространстве: *расширить (расширенное отверстие), опустить (опущенный груз)* [3, с. 150]. Подобная неэффективная переходность — исторически новейший класс переходности в русском языке, а винительный лица и вещи при приставочных глаголах — новейший винительный [6, с. 146]. Поэтому при обучении иностранному языку и русскому языку как иностранному отдельно делается акцент на письменном типе речи, так как в научно-техническом подстиле он выступает основным, а устный тип — производным. Письменный аспект речи научного стиля выступает в качестве формообразующего фактора в инженерных коммуникациях [3, с. 176].

Для инженерной коммуникации также характерно:

- 1) большое количество пассивных причастий настоящего времени (например, *допустимый, разрешимый, сравнимый*);
- 2) мало активных причастий прошедшего времени: (например, *вошедший*);
- 3) причастия могут образовывать как свободные словосочетания, так и сложные термины. Одно причастие способно образовать несколько сложных терминов, которые принадлежат к разным подязыкам (например, *мнимая единица, мнимая ось, мнимая часть числа, мнимая поверхность*);
- 4) большое число сложных причастий (например, *быстрозвращающийся, труднодеформируемый, формообразующий*);
- 5) причастия выступают в роли существительных (например, *данные, слагаемые, содержимое, составляющая*) [7, с. 77–78].

В инженерных текстах преобладают причастия. Они могут традиционно выполнять функцию согласованного определения в составе причастных оборотов (*Сплошная толстая основная линия применяется для изображения **видимого** контура предмета*), свободного словосочетания, синонимичного придаточному предложению со словом «который» (*Изделием называют любой предмет или набор предметов, **подлежащих** изготовлению*), а также в составе сложных терминов (*При выплавке **легированных** сталей **легкоокисляющиеся** легирующие элементы вводят в ванну после раскисления*) [3, с. 173].

Таким образом, у языка инженерной коммуникации имеются специфические черты на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях. Это отражает образ мира инженера в соответствующем тексте/дискурсе.

В современных условиях назрела необходимость разработки новой модели иноязычной подготовки и русской языковой подготовки для будущих инженеров. Эта модель должна, в первую очередь, быть основана на требованиях, закрепленных в международных и профессиональных стандартах, применяемых в рассматриваемой сфере, а также лучших бизнес-практиках.

Важное место в этом процессе должно занять применение электронных форм обучения и дистанционных образовательных технологий. Новая модель языковой подготовки специалиста должна, в первую очередь, быть ориентирована на принципы персонализации. Ее реализация не представляется возможной без применения современных инновационных форм распространения знаний и форм обучения, в том числе овладения профессиональной, деловой риторикой, что активно учитывается при профессиональном отборе специалистов-инженеров.

Литература:

1. Управление персоналом. Словарь-справочник. — URL: <http://www.psyfactor.org/personal0.htm>
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
3. Авдеева И. Б. Инженерная коммуникация как самостоятельная речевая культура: когнитивный, профессиональный и лингвистический аспекты (теория и методика обучения русскому языку как иностранному). — М.: МГТУ, 2005. — 232 с.
4. Психологический словарь / ред.: В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков. — М.: Педагогика-пресс, 1999. — 440 с.
5. Тенищева В. Ф. Формирование профессионально важных качеств инженера в контекстном обучении (на примере иноязычной речевой деятельности инженера-судоводителя): дис. ... канд. пед. наук. — М., 1991. — 194 с.
6. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 784 с.
7. Васильева Т. В. Учет когнитивного уровня при моделировании базового портрета языковой личности специалиста инженерного профиля с целью создания модульных тестов // Проблемы преподавания РКИ в вузах инженерного профиля: Межвузовский сборник научных трудов в рамках городского научно-методического семинара «Русский язык как иностранный в российских технических вузах / Под ред. Г. М. Левиной. — М.: Янус-К, 2003. — С. 49–57.

Мамаева А. В.

mamaeva@pgups.ru

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

Language features of professional selection for the profession of civil engineer

The article is devoted to the features of vocational selection of a civil engineer. The language competence of the applicant is of great importance in the vocational selection. Linguistic competence is decisive for the self-improvement of an engineer in the formation of his career. Professional growth is inextricably linked with the mastery of terminology that changes with the transformation of the profession. Public relations require maintaining a high level of professional and general culture of specialists, which includes knowledge of Russian and foreign languages.

Keywords: linguistic competence, professional communications, linguistic persona, vocational selection.

Русский язык на Кубе сейчас — что дальше?

Статья посвящена преподаванию русского языка как иностранного в Республике Куба в данный момент. В статье дается обобщенная характеристика контингента кубинских студентов, изучающих РКИ, раскрываются практические проблемы преподавания русского языка на Кубе в современных условиях.

Ключевые слова: РКИ, отсутствие языковой среды, Куба.

Утверждение, что «...языковая среда стимулирует речевую деятельность (как учебную, так и внеучебную), создает предпосылки для значительной интенсификации обучения и качественного скачка в профессиональной подготовке студентов, а также способствует накоплению фоновых знаний...» [1, с. 269], является уже основополагающим, бесспорным фактом. Равно как и вытекающий из него вывод о том, что отсутствие языковой среды негативно влияет на мотивацию к изучению иностранного языка.

Массовое изучение русского языка началось на Кубе в 60-е годы прошлого века, вскоре после победы Кубинской революции и установления отношений с СССР. Были открыты два языковых училища: им. М. Горького — для подготовки учителей и им. Поля Лафарга — для подготовки переводчиков. Для работы в этих двух учебных заведениях в Республику Куба прибыло около 100 советских специалистов по русскому языку. Позже в средних школах было введено факультативное изучение русского языка. В 1974 г. общими усилиями министерства образования Кубы и радиостанции «Радио Ребельде» был организован учебный курс «Русский язык по радио». С момента вступления Республики Куба в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) русский язык стал весьма востребованным в различных сферах жизни общества, в стране остро встал вопрос подготовки национальных кадров. Подготовка их осуществлялась в Высшем педагогическом институте иностранных языков им. Поля Лафарга, позже — на факультете иностранных языков Педагогического института им. Энрике Хосе Варона, а также на факультете иностранных языков Гаванского университета.

19 мая 1977 года в Гаване был открыт филиал Института русского языка им. А. С. Пушкина, в котором работали советские и кубинские специалисты по русскому языку и литературе. Этот филиал просуществовал до начала 1990-х годов, за это время его выпускниками стали тысячи человек.

Советская культура была широко представлена на Кубе: активно работал Дом кубино-советской дружбы, приезжали на гастроли лучшие артисты и театры СССР — Театр им. Ленинского комсомола («Ленком»), театр Сергея Образцова; ежегодно проводились двухнедельные показы советского кино, книжные ярмарки, в Гаване существовал магазин книг на русском языке, активно работал зал русской литературы в Национальной библиотеке. Особенностью кубинского кинопроката является то, что фильмы не дублируются, а снабжаются субтитрами, таким образом, кино- и телезрители имели возможность непосредственного контакта с русским языком. Посольство СССР ежемесячно устраивало для русской диаспоры, студентов-филологов и других заинтересованных лиц просмотры новых фильмов в посольском кинотеатре.

Perestroika всему этому положила конец. Подготовительный факультет, где русскому языку обучались сотни абитуриентов для вузов СССР, прекратил свое существование, преподаватели были перепрофилированы на английский язык либо вовсе сменили профессию, прекратилось преподавание русского языка на факультете иностранных языков Педагогического института, Дом кубино-советской дружбы стал просто Домом дружбы... Единственным оплотом обучения русскому языку на Кубе осталось русское отделение факультета иностранных языков Гаванского университета с одной-единственной группой, с числом студентов, на протяжении десятилетий не достигающим десяти человек.

За последние несколько лет статус русского языка на Кубе существенно изменился: отношения между Россией и Кубой развиваются весьма динамично, появились масштабные проекты

в самых различных областях, поэтому везде нужны кубинские специалисты, владеющие русским языком. Именно специалисты, владеющие языком, так как переводчик даже широкого профиля не всегда может обеспечить полноценное общение специалистов, разделенных языковым барьером. На рынке труда знание русского языка котируется так же высоко, как и знание английского. Вслед за оживлением и расширением экономических отношений между Россией и Кубой, ростом потока российских и русскоязычных туристов русский язык вновь востребован, а интерес к нему со стороны абитуриентов активизировался. Вот уже третий год количество поступающих на отделение русского языка выражается двузначным числом. Однако культурный обмен в прежнем объеме не был восстановлен, и вот почему так важно в этих условиях обеспечить восстановление позиций русского языка и русской культуры.

В своей диссертации на тему «Методические основы книги для чтения художественных произведений (для кубинских студентов-филологов)» доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка факультета иностранных языков Гаванского университета Рейна Родригес так описывает своих студентов восьмидесятых годов прошлого столетия.

«На дневное отделение языковых вузов Республики Куба поступают выпускники средних школ, получившие установленную оценку ...согласно действующей в стране стобалльной системе...

Оценка этих выпускников по окончании средней школы не всегда высока для поступления на более популярные факультеты — экономический, инженерный, медицинский, философский и др., на которых они предпочитали бы учиться.

...Поступление кубинских студентов на факультет иностранных языков Гаванского университета или в Высший педагогический институт иностранных языков им. Поля Лафарга для изучения русского языка мотивировано, в основном, потребностью в получении высшего образования. В большинстве случаев, как свидетельствует многолетняя практика преподавания, студенты не имеют четкого представления о своей будущей профессии, о конечных целях изучения иностранного языка. Такие учащиеся внутренне не заинтересованы в овладении языком, у них отсутствует внутренняя готовность, внутренняя установка на овладение изучаемым языком» [3, с. 20–29].

По прошествии трех десятилетий ситуация изменилась. В соответствии с проведенными в прошлом году на младших курсах опросами, а также по результатам бесед со студентами нового, рекордного (!) набора, практически все студенты выбрали факультет иностранных языков сознательно, по собственному желанию. Правда, некоторые из них попали на русскую кафедру, не добрав несколько сотых балла для английского языка. Тем не менее, здесь следует учитывать и тот факт, что они все же предпочли русский язык французскому, изучение которого давалось бы им значительно легче, или немецкому. Несколько студентов прямо указали на то, что выбрали русский язык, потому что он кажется им «более классным», чем английский, «на котором говорят все». Они выбирали язык «редкий на Кубе». Можно предположить, что они охотно склонились бы и к китайскому языку (китайская культура имеет на Кубе исторические корни и пользуется большой популярностью), если бы эта кафедра уже открылась в Гаванском университете [2, с. 444].

Таким образом, мы имеем дело с сильно мотивированным студентом. Мотивация эта подтверждается также и тем фактом, что на факультете иностранных языков студенты учатся на целый год (два семестра) дольше, чем их товарищи с других факультетов (кроме медицинского), т. к. для зачисления на первый курс они должны успешно (на 4 или 5) закончить подготовительный курс. Получившие более низкую итоговую оценку переводятся на другой, не филологический, факультет.

Однако эти благоприятные социально-психологические факторы не просто вступают в конфликт, а буквально разбиваются о стену крайне ограниченных материально-технических и просто материальных возможностей страны. И можно без преувеличения сказать, что качественное обучение языку Пушкина было бы просто не возможно без неопределимой помощи Института русского языка им. А. С. Пушкина.

22 мая 2017 года в Гаванском университете открылась кафедра русского языка Института Пушкина. В торжественной церемонии открытия приняли участие министр высшего образования Кубы Хосе Р. Саборидо, посол России на Кубе М. Камынин, ректор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина М. Русецкая, ректор Гаванского университета Г. Кобрей-

ро, представитель Россотрудничества на Кубе В. Ярошевский. По словам ректора Института Пушкина М. Русецкой, следующим шагом может стать возвращение русского языка в школы. «Институт Пушкина готов оказывать содействие в подготовке учителей для преподавания русского в школах. Уже со следующего учебного года мы планируем начать преподавать русский язык в одной или двух школах Гаваны в качестве факультатива», — подчеркнула в тот момент М. Русецкая. Открытие кафедры стало первым шагом на пути восстановления позиций русского языка на Кубе.

Кафедра русского языка включает две учебные аудитории, одна из которых оборудована современной мультимедийной техникой, укомплектована новыми книгами и современными учебниками по русскому языку, литературе, истории. Вторая аудитория — компьютерный класс — полностью подготовленный для изучения русского языка, тестирования, повышения квалификации педагогов и работы со студентами. Студенты здесь смогут заниматься по электронным материалам портала «Образование на русском», которые размещены на сервере университета. Это позволяет пользоваться ими автономно, без выхода в Интернет. Обе аудитории оформлены портретами выдающихся русских ученых, писателей, художников и педагогов. Кроме того, коллектив авторов института специально разработал рабочую тетрадь для студентов Гаванского университета, которая будет знакомить ребят с современным русским языком.

Институт им. А. С. Пушкина в настоящий момент осуществляет методическое руководство при подготовке намеченных к возрождению передач, обучающих русскому языку, на радио и телевидении. Факультативное изучение русского языка было начато в двух гаванских школах, в этой программе участвуют 40 старшеклассников, по 20 в каждой школе.

На момент открытия кафедры планировалось, что каждый триместр Институт Пушкина будет командировать на кафедру трех преподавателей, которые будут вести занятия на всех курсах. К сожалению, в полной мере осуществить эти планы не удалось, последний масштабный «десант» на Кубу состоялся в самом начале 2019 года уже благодаря исключительно правительственному гранту Российской Федерации.

В течение месяца преподаватели института вели занятия со студентами, провели курс повышения квалификации для местных специалистов, студенческую олимпиаду по русскому языку и конкурс профессионального мастерства молодых преподавателей. Трудно переоценить значение такого импульса для глобального процесса преподавания русского языка на Кубе в целом и для каждого из участников этих мероприятий, как в профессиональном, так и в эмоциональном плане. Для опытных специалистов это было возвращение в молодость, обращение к годам наиболее активного сотрудничества наших стран, а для многих представителей молодого поколения это был первый опыт продолжительного контакта с представителями «экзотической» культуры.

К сожалению, русское отделение факультета иностранных языков также заплатило дань пандемии, мы возвращаемся к работе не в полном составе. Приостановлены, что вполне естественно, и программы сотрудничества. Будут ли они восстановлены в полном объеме после пандемии — вот в чем вопрос. Правительственная программа Российской Федерации по предоставлению ежегодно 100 стипендий кубинским студентам для прохождения обучения в вузах России продолжится, но как будет обстоять дело с обучением русскому языку на Кубе? Кубинским преподавателям в настоящий момент требуется практическая поддержка.

У Кубы есть серьезные партнеры и среди других стран. В Гаванском университете уже много лет работает факультет испанского языка и культуры, созданный специально для студентов из Китая. Активно работает на Кубе Институт Конфуция. Можно с уверенностью сказать, что, как только появится такая возможность, студенты факультета иностранных языков охотно выберут для изучения китайский. Уже сейчас, несмотря на трудности, которые представляет собой изучение русского языка для кубинцев, вторым языком они часто избирают японский. Китайская диаспора обосновалась на Кубе еще в девятнадцатом веке, в настоящее время она активно контактирует со своей исторической родиной и получает разнообразную поддержку.

Разумеется, такие проблемы не под силу решить учебным заведениям России и Кубы даже совместными усилиями, требуется серьезное практическое участие правительственных структур. Как сказала в момент открытия кафедры им. А. С. Пушкина в Гаванском университете ректор института Маргарита Русецкая: «Дверь русскому языку открыта, но работы предстоит еще много».

Литература:

1. Лобанова Н. А., Слесарева И. П. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс. Книга для преподавателя / Н. А. Лобанова, И. П. Слесарева. — М.: Русский язык, 1983. — 269 с.
2. Льоренс Тревиньо А. А. Особенности преподавания русской литературы на Кубе в современных условиях, в сб. «Русский язык в цифровом пространстве в эпоху пандемии». Juraj Dobriča University of Pula, Хорватия. — URL: <https://repositorij.unipu.hr/islandora/object/unipu:5712>, 2020. — с. 444.
3. Родригес Кабрера Р. Методические основы книги для чтения художественных произведений (для кубинских студентов-филологов): диссертация д-ра педагогич. наук / Р. Родригес Кабрера. — М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 1988. — С. 21–29.
4. Материалы российской и кубинской прессы.

Llorens Treviño A. A.
allorems257@gmail.com
Havana University, Cuba

Russian language in Cuba now — what next?

The article is devoted to teaching Russian as a foreign language in the Republic of Cuba at the present time. The article provides a generalized characteristic of Cuban students, studying RFL, reveals the practical problems of teaching Russian in Cuba in modern circumstances.

Keywords: RFL, lack of linguistic environment, Cuba.

Речекоммуникативная составляющая в компетентностной модели бакалавра-юриста

В статье рассматривается проблема формирования речекоммуникативной компетенции бакалавров-юристов в ходе изучения дисциплины «Коммуникативная культура устной и письменной речи в профессиональной деятельности». В работе рассмотрены типы практических заданий, направленных на формирование навыков ведения эффективного диалога в профессиональной сфере, на умение анализировать и обобщать информацию, продуцировать тексты разных стилей. Отбор заданий для анализа осуществлялся на основе анкетирования студентов и учета их мнения. В статье установлено, что формирование речекоммуникативной компетенции в рамках языковых курсов должно основываться на интеграции профессионально ориентированных заданий разных типов.

Ключевые слова: деловая коммуникация, компетентностная модель выпускника неязыковой специальности, речекоммуникативная компетенция, эффективный диалог.

Динамичные изменения в российском обществе первого десятилетия XXI века активно влияют на современный рынок труда, который нуждается в специалисте нового формата. Умение коммуницировать, выстраивать эффективный диалог наряду с ключевыми профессиональными компетенциями входит в стандарты не только специалистов-гуманитариев, но и экономистов, юристов, государственных служащих. Данная установка просматривается в современных требованиях к компетентностной модели выпускника.

Прежде, чем перейти к сути рассматриваемой проблемы, определимся с базовой терминологией работы. При всем многообразии интерпретаций компетентностной модели остановимся на точке зрения О. В. Кононовой, определяющей данное понятие «как совокупность сформированных в процессе обучения общекультурных и профессиональных компетенций, а также связанных с ними знаний, умений и владений» [3, с. 126]. Речекоммуникативная составляющая в стандартах для нефилологических специальностей входит в общекультурный блок компетенций. Она связана с «выбором и реализацией программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения; умением классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих до беседы, а также во время ее в процессе взаимной адаптации» [1, с. 38]. Речекоммуникативная составляющая формируется на сопряжении собственно речевых умений с навыками ведения эффективного делового общения в устной, письменной и электронной (новой!) речи.

В компетентностной модели бакалавра-юриста владение технологией эффективного общения занимает одно из важных мест, поскольку это связано с новыми условиями формирования конкурентоспособности выпускника на рынке труда. Чтобы стать успешным, сегодняшнему выпускнику юридического факультета недостаточно знаний и практических навыков только в профессиональной сфере, он должен уметь объективно воспринимать и правильно понимать партнера, организовывать деловую коммуникацию. Так в ФГОС ВО 40.03.01 «Юриспруденция» [4] в перечень профессиональных задач входят разработка нормативных правовых актов и подготовка их к реализации. На решение данных задач направлены такие компетенции, как: способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия, а также способность логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь. Следовательно, компетентностная модель бакалавра-юриста должна включать в себя сформированные у выпускника навыки владения эффективной грамотной деловой речью, практический опыт продуцирования текстов профессиональной направленности, умение вести публичный диалог.

В модели бакалавра-юриста речекоммуникативная составляющая направлена на формирование:

- культуры мышления и речи, технологи публичного выступления;
- умения грамотно, точно и логично выстраивать свою речь в письменной и устной форме с учетом жанровой специфики;
- способности устанавливать и поддерживать коммуникацию в сфере официально-делового общения;
- навыка работы с юридическими документами (структурой, речевым оформлением).

На формирование этого корпуса умений и навыков нацелены речеведческие дисциплины, включенные в учебный план по направлению «Юриспруденция» (уровень бакалавриата). К ним относятся «Русский язык и культура речи», «Деловые коммуникации», «Деловая риторика» и др.

В рамках данной статьи мы обратимся к рассмотрению дисциплины «Коммуникативная культура устной и письменной речи в профессиональной деятельности». Она включена в базовую часть предметов, осваиваемых студентами-юристами в Алтайском филиале РАНХиГС.

Цель статьи — проанализировать практическую составляющую дисциплины «Коммуникативная культура устной и письменной речи в профессиональной деятельности» с позиции формирования речекоммуникативной составляющей будущего юриста.

Материалом для анализа послужили практические задания, которые были разработаны автором статьи в ходе преподавания дисциплины студентам 2 курса дневного отделения направления «Юриспруденция». Отметим, что анализ целого ряда учебных пособий по культуре речи, деловой коммуникации, к сожалению, свидетельствует о том, что обучающимся предлагается практический материал, далекий от профессиональной компоненты. Следовательно, такие задания не позволяют будущему юристу продуктивно закрепить на практике теоретический материал.

При выборе заданий мы руководствовались отзывами обучающихся, которым была предложена анкета с типами заданий, выполненных в ходе изучения всего курса. Респонденты должны были указать эффективность заданий с точки зрения формирования речекоммуникативной компетенции будущего юриста, также письменно аргументировать свой выбор. Так, были выделены: 1) творческие задания на продуцирование текстов в разных стилях речи; 2) задания на закрепление языковых норм; 3) поисковое задание, ориентированное на работу с профессиональной терминологией; 4) составление ментальных карт; 5) деловые игры.

Тип задания и его содержание предопределялись логикой курса и тематическим планом, представленным в рабочей программе дисциплины.

Итак, перейдем к анализу практического материала. При изучении темы «Языковая норма, ее роль в становлении и функционировании литературного языка» наиболее продуктивным было названо *практическое задание, связанное с анализом речевых ошибок*. В ходе отбора материала мы руководствовались двумя критериями: а) соответствие официально-деловому стилю; б) учет профессиональной составляющей. Для работы над этим заданием применялась групповая форма работы. Каждая микрогруппа, получив карточку с заданием, в течение 6 минут обсуждала варианты ответов, затем публично озвучивала свое решение. Противоположные команды анализировали возможные ошибки, дополняли ответы друг друга. Итоговое решение принимали эксперты, выбранные из числа студентов. Преподаватель выступал в роли координатора всей групповой работы, в случае необходимости корректировал ход выполнения задания. Приведем фрагмент данного задания.

В приведенных ниже предложениях найдите речевые ошибки, определите их типы. Запишите правильный вариант.

1. Однозначно говорить о том, что требования комплектования выполняются невозможно, т. к. экспертиза ценности документов не проводится. 2. Денежный вклад с семьсот тридцатью пятью тысячами рублей был обналичен. 3. Дело выделено в отдельное делопроизводство. 4. Протокол следственного эксперимента по изготовлению во время следствия поддельных документов. 5. Он систематически избивает жену, нанося побои кулаками, ногами и другими предметами домашнего обихода. 6. На основании изложенного и принимая во внимание указанные обстоятельства, следователь постановил... 7. Антохин организовал и постоянно занимался сбытом «левого» железа. 8. При задержании у гр-на Борисова имеется запах алкоголя, покраснение кожного покрытия лица, заплетание языка.

В теме «Понятие функционального стиля. Специфические черты официально-делового стиля» продуктивным с точки зрения профессиональной значимости было *выбрано задание на работу с текстами разных стилей*. Цель творческого задания заключалась в продуцировании четырех тек-

стов одной проблематики: публицистического, научного, официально-делового, разговорного. Результаты работы представлялись в ходе публичной защиты. Студенты должны были продемонстрировать составленные тексты и аргументировано доказать их принадлежность к тому или иному стилю. Например, проблема увлечения детьми виртуальным миром была представлена в тексте публицистического стиля: *«Виртуальный мир — искусственно созданный мир, построенный посредством программирования, на основе компьютерных технологий. Большинство детей с раннего возраста имеют свободный доступ к компьютеру. Они проводят много времени в виртуальном мире и отдаляются от реальности: не хотят гулять, общаться со сверстниками, с трудом делают домашние задания. Даже в период каникул школьники редко гуляют на улице. Сидя за компьютерами, они уже не могут обходиться без мира иллюзий, в котором чувствуют себя безопасно и комфортно. Компьютерная зависимость — это зарождающаяся проблема в современном мире».*

Вторым по значимости в этой теме было отмечено *поисковое задание*, при выполнении которого требовалось составить словарь профессиональной юридической лексики. В качестве материала работы над лексикой были предложены статьи из периодических изданий: «Административное право и процесс»; «Государственная служба»; «Журнал российского права»; «Административное право и процесс»; «Государственная служба».

В ходе изучения тем «Правила оформления документов; приемы унификации языка служебных документов», «Жанры устной деловой речи» студентам предлагались задания творческого характера.

Наглядно представить деловые устные жанры позволили *ментальные карты*, разработка которых являлась частью домашнего задания, к которому прилагались четкие инструкции по составлению карт. На занятии студенты публично защищали свой вариант работы. В комментариях к данному заданию обучающиеся отметили, что «ментальные карты помогали *наглядно и понятно представить сложную типологию жанров делового общения...* (курсив мой. — Г. А.)», «способствовали *развитию образного восприятия информации*», «представление большого объема информации *графическим способом* помогло *лучше запоминать и воспринимать материал*», «ментальные карты *научили отсеивать лишнюю информацию*, оставлять только самое главное».

Карты представляют собой развернутую схему, воспроизводящую в сжатом и понятном виде ту или иную актуальную информацию. Схема отражает иерархическую связь (смысловую, причинно-следственную, ассоциативную и т. д.) между составляющими рассматриваемой области. Методисты и психологи считают данные карты «новым актуальным типом инструментальных дидактических средств, выполняющих одновременно функции визуализации и структурирования информации» [2, с. 135].

Приведем пример ментальной карты, разработанной студентами-юристами 1 курса в рамках темы «Жанры устной деловой речи».

Рисунок 1. «Ментальная карта»

Центральное место в теме «Культура разговорной и профессиональной устной речи» отводится формированию умения вести эффективную коммуникацию. Именно поэтому студентами были отмечены задания, проводимые в форме деловой игры.

Относясь к активному методу обучения, игровая технология решает целый ряд учебных и профессиональных задач: помогает смоделировать ситуацию, активизирует творческое мышление обучающихся, формирует умение аргументированно и корректно высказывать свою точку зрения, прививает навыки активного слушания, учит поиску оптимального варианта решения проблемы.

В отзывах студентов говорится: «Деловая игра помогла мне со стороны увидеть, как может проходить деловое общение... (курсив мой. — Г. А.)», «в игровой форме проще увидеть и осознать свои ошибки...», «игра помогла мне понять, что не всегда по телефону проще вести деловую беседу, иногда диалог «вживую» эффективнее».

На занятии со студентами была проведена *Деловая игра «Служебный телефонный разговор»* — звонок в юридическую консультацию с просьбой записаться на прием. Подготовительный этап включал в себя: а) выбор коммуникантов и определение их ролей, личностные и профессиональные характеристики; б) конкретизацию темы разговора, выделение в нем возможных шумов и барьеров; в) определение этикетных формул, функционально-смысловых единиц и т. д.); г) выбор экспертов. Студенты под руководством преподавателя выработали единые четкие критерии оценивания диалога, куда вошли следующие позиции: 1) соблюдение/несоблюдение правил бесконфликтного общения; 2) наличие/отсутствие сигналов конфликтного поведения (примеры из речи коммуникантов); 3) наличие/отсутствие техник активного слушания и правил убеждения со стороны собеседников; 4) положительный/отрицательный результат деловой беседы.

Итак, подведем некоторые итоги. Практика преподавания дисциплины «Коммуникативная культура устной и письменной речи в профессиональной деятельности», отбор теоретического и практического материала, а также анализ отзывов студентов наглядно доказывают, что процесс формирования речекоммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей не должен опираться на сугубо языковые задания по отработке орфографических, пунктуационных правил, заучиванию языковых норм. Необходимо предлагать обучающимся профессионально ориентированные, нестандартные задания, которые помогают смоделировать ситуации реального делового общения, активизируют поисковую работу, пробуждают творческий интерес. Грамотное комбинирование методов обучения, тщательный отбор практического материала позволят результативно сформировать компетентностную модель выпускника, имеющего навыки самопрезентации, владеющего технологией делового общения, способного грамотно и логично обосновывать собственную точку зрения.

Литература:

1. Вятютнев М. Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах // Русский язык за рубежом. — 1977. — № 6. — С. 38–45.
2. Ижденева И. В. Ментально-контекстные задания как средство повышения мотивации будущих педагогов-психологов при обучении информатическим дисциплинам // Вестник Томского гос. пед. ун-та. — 2015. — № 9. — С. 134–139.
3. Кононова О. В. Компетентностная модель выпускника как инструмент управления, контроля и оценки образовательных результатов ООП ВПО на базе ФГОС // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2012. № 5. — С. 124–132.
4. ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 юриспруденция (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]. — URL: <http://fgosvo.ru/400301>

Anufrieva G. V.

agvbarnaul@inbox.ru

*Altai branch of the Russian Academy
national economy and state*

Office under the President of the Russian Federation

Speech-communicative component in the competence model of the bachelor-lawyer

The article considers the problem of formation of recomunicative competence of bachelor-lawyers during the study of the discipline “Communicative culture of oral and written speech in professional activity.” The work considers the types of practical tasks aimed at the formation of skills for conducting effective dialogue in the professional sphere, the ability to analyze and generalize information, and produce texts of different styles. The selection of tasks for analysis was carried out on the basis of questionnaires of students and taking into account their opinion. The article establishes that the formation of communication competence within the framework of language courses should be based on the integration of professionally oriented tasks of different types.

Keywords: business communication, competent model of a graduate of a non-language specialty, communication competence, effective dialogue.

Возвращаясь к вопросу необходимости овладения РКИ при обучении в России

В рамках реализации проекта «Экспорт образования» многие учебные заведения прибегают к обучению иностранных граждан на языке-посреднике, считая изучение русского языка вторичным. Автор статьи, опираясь на опыт исследователей процесса миграции и связанных с ним проблем адаптации и ассимиляции, полагает, что изучение в вузе и под контролем профессионалов РКИ является залогом не только овладения профессией, но и распространения русского языка на мировой языковой арене.

Ключевые слова: миграция, русский как иностранный, адаптация, ассимиляция.

Необходимость реализации федерального проекта «Экспорт образования» и перевод образования, как, впрочем, и медицины, в сферу услуг привели к значительным изменениям парадигмы развития данных отраслей. Перемены коснулись также практики обучения иностранных граждан в РФ, однако процесс овладения профессией студентами из-за рубежа имеет достаточно обширный перечень особенностей, аналогов которым практически невозможно найти в процессе обучения граждан своей страны. Одной из важнейших причин уникальности процесса получения образования в другой стране является необходимость длительного пребывания на территории другой страны (образовательная миграция), что влечет за собой вынужденную адаптацию к условиям проживания, необходимость постоянного взаимодействия с представителями иной культуры и т. д. Отметим, что вопросы адаптации иностранных граждан к условиям проживания и обучения не теряет своей актуальности на протяжении достаточно долгого времени, проблемы адаптации, помимо ключевых и/или универсальных, общих для всех, меняются в зависимости от контингента обучающихся и требуют четкой организации и сопровождения со стороны принимающего учебного заведения на каждом этапе [подробнее см.: 2].

Выбор вузом той или иной стратегии адаптации иностранного студента должен быть обоснованным и тщательно взвешенным, разнообразие программ по адаптации зарубежных граждан в свою очередь дает возможность познакомиться с накопленным опытом, прогнозировать результат с большой долей вероятности. Вместе с тем, полагаем, немаловажным является и опыт многих государств, реализовавших различные стратегии в вопросах ассимиляции иммигрантов. Считаем необходимым подчеркнуть, что в данной статье мы принципиально не делаем акцент на различии, безусловно, самостоятельных и неравноценных понятий «адаптация» и «ассимиляция», отчасти в статье мы уравниваем данные термины, осознавая последствия такого рода «произвола». Использование указанных понятий в роли контекстуальных синонимов, считаем, может быть оправдано схожестью стратегий и механизмов реализации как адаптации, так и ассимиляции.

Тенденция развития современного общества, где государственные границы между странами становятся все более условными, а языковой барьер благополучно преодолевается с помощью онлайн-переводчиков, поставила перед правительствами многих развитых стран вопрос о необходимости государственной стратегии адаптации на первых порах, а впоследствии и ассимиляции большого количества мигрантов к условиям незнакомой им среды, культуры. На данный момент исторически «опробованы» несколько стратегий адаптации и ассимиляции мигрантов. Наиболее популярной в XX веке стала стратегия «плавильного котла» (melting pot), при реализации которой представители разных этнических групп стремились к одной, одинаковой для всех цели, в процессе достижения которой происходила ассимиляция представителей разных народностей. Данный механизм основан на том, что представители другой нации и культуры полностью принимают цель, предлагаемую принимающей стороной. Отметим, что наиболее подробно стратегия «плавильного котла» описана в работах американских социологов.

Примечательно, что помимо объединяющей всех конечной цели в данном процессе вспомогательным инструментом является язык страны пребывания: знание государственного языка на до-

статочном высоком уровне представляется неотъемлемой и объективной необходимостью. Таким образом, идея «плавильного котла» как механизма адаптации к условиям если не постоянного, то длительного пребывания в стране с другой культурой кажется легко достижимой и привлекательной, и, казалось бы, может быть применена в процессе адаптации иностранных студентов к обучению в России: изучение русского языка как языка-посредника и значительной части русской культуры должно стать одной из первостепенных задач в реализации программы адаптации по типу «плавильный котел». Однако история государств, в частности США, сделавших ставку на такой способ ассимиляции иммигрантов, показала ее несостоятельность, ведь «каждая из этнических групп интересуется родиной своих предков» [1, с. 11] и не готова терять связь со своей культурой, своим народом. Неприменима данная стратегия и при обучении иностранцев: желание сохранить этническую идентичность — один из основных мотивирующих или демотивирующих процессов, учет и планирование развития которых может как способствовать адаптации иностранного студента к обучению, так и мешать ему.

Второй достаточно популярной стратегией адаптации и, в конечном счете, ассимиляции иммигрантов является концепция культурного многообразия (концепция мультикультурности). Реализация данного механизма на практике легла в основу политики в отношении мигрантов в Великобритании, Канаде, Австралии и т. д. В данном случае речь идет о максимальном сохранении культурной, языковой, религиозной аутентичности той или иной нации. Однако «в чистом» виде данный механизм реализован быть не может, т. к. достаточно часто стереотипы поведения представителей одной культуры являются осуждаемыми или даже недопустимыми и оскорбительными для представителей другой. Сложные взаимоотношения коренных жителей многих стран Европы и иммигрантов показали несостоятельность такой стратегии: желание сохранить свою культуру принимают часто воинствующий образ. Порождают негативное отношение к культуре страны проживания. Отметим, что попытка адаптировать зарубежных граждан к пребыванию и обучению в России с помощью стратегии мультикультурного общества также потерпит неудачу: основная мотивирующая цель — получение образования и профессиональный рост — будет постоянно испытываться на прочность необходимостью сохранить свою национальную идентичность. Отсутствие точек соприкосновения на культурном уровне может породить конфликты и сделать адаптацию невозможной, т. к. при такой «политике» неизбежен процесс концентрации по этническому или религиозному признаку, что в конечном счете приведет к обособленности и кризису самоизоляции. Возможным негативным последствием такой стратегии может стать конкуренция как ведущая коммуникативная стратегия, причем конкуренция не учебная, а этническая/религиозная/физическая.

Третья стратегия, появившаяся в последние десятилетия в результате анализа опыта ассимиляции иммигрантов в странах Европы и в Америке, носит название «Мозаики», или «Теория салатницы» (salad bowl theory). Согласно данной теории этнические группы не должны пройти процессы полной ассимиляции к этническому большинству страны проживания, сплавления и утраты своей идентичности (плавильный котел), не должны они и ревностно сохранять свою индивидуальность (мультикультурность). Механизм «салатницы» сложнее, заложенный в самом метафорическом названии стратегии: представители различных национальностей сохраняют свою индивидуальность, но при этом существует объединяющая всех «идея». Это может быть общая цель (например, получение хорошей оценки на занятии, интересный отдых в свободное время и пр.), «общие места» в культуре и религии (уважение и авторитет старших, честность, отзывчивость и т. д.) и, конечно, язык (в нашем случае русский). Именно русский язык как иностранный должен стать одним из объединяющих факторов, т. к. сплоченность вокруг общей проблемы способствует более быстрому прохождению процесса адаптации. Дело в том, что язык является, с одной стороны, языком межкультурного общения с местным населением и нередко с однокурсниками, с другой — каждый язык является частью породившей его культуры, ее зеркалом и хранителем ценностей.

Полагаем, что на данный момент именно стратегия адаптации на основе «теории салатницы» является оптимальной, при этом воплощение ее ставит перед учебными заведениями ряд сложных и трудоемких задач. Так, например, наиболее прочным связующим звеном при реализации данной стратегии является русский язык. Однако многие вузы для привлечения большего количества зарубежных абитуриентов предлагают обучение на языке-посреднике, отводя на овладение русским как иностранным минимальное из возможного количества часов, что, на наш взгляд, является в корне

неверным [3, с. 89], т. к. язык уровня выживания достаточен только для выполнения неквалифицированной работы и не дает возможности оптимально функционировать в данном обществе, что в свою очередь не способствует адаптации иностранного студента. Изучение языка на продвинутом уровне — неотъемлемая часть адаптации, т. к. при этом осуществляется «показ современной культуры через семантику русских слов», при этом «преподаватель должен исходить не только из материала ... новой для обучающихся действительности, но и из родной культуры аудитории» [4, с. 292]. Таким образом, сама методика изучения русского языка как иностранного воплощает в себе идею «теории салатницы»: каждый ингредиент (культура) имеет свое неповторимое звучание, но вместе они создают нечто удивительное и гармоничное. Полагаем, что данная стратегия адаптации иностранного студента станет залогом успешного освоения профессией и будет способствовать созданию положительного образа русского языка и русской культуры, что, безусловно, сделает обучение в России более привлекательным для зарубежных граждан.

Литература:

1. Горшунова Е. Ю., Горшунов Ю. В. Межкультурная коммуникация, этнические стереотипы и ярлыки англоговорящего общества: учебное пособие. — М.: Проспект, 2020.
2. Емельянов Д. Н., Фомина Т. К., Коврижных Д. В. Социокультурная адаптация студентов — комплексный подход // Вестник Тульского государственного университета. Серия: Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. — 2018. — № 1(17). — С. 28–31.
3. Емельянов Д. Н. Русский язык в структуре учебного плана как основа освоения медицинских знаний иностранными студентами // Актуальные вопросы обучения зарубежных граждан в медицинских вузах. Материалы V Российской научно-практической конференции с международным участием. Посвящено 85-летию юбилею Волгоградского государственного медицинского университета. — Волгоград, 2020. — С. 89–91.
4. Кудрявцева И. И., Ефремова Н. В. Роль лингвострановедческого подхода в методике преподавания русского языка как иностранного // Актуальные вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного. Материалы международной научно-практической конференции / Под общей редакцией С. А. Вишнякова. — М., 2021. — С. 288–292.

Fateeva Yulia Gennadievna

fatjg@mail.ru

Volgograd State Medical University

Returning to the question of the need to master RFL while studying in Russia

As part of the “Export of Education” project, many educational institutions resort to teaching foreign citizens in an intermediary language, considering the study of the Russian language as secondary. The author of the article, relying on the experience of researchers of the migration process and the related problems of adaptation and assimilation, believes that studying at a university and under the supervision of professionals in RFL is the key to not only mastering the profession, but also spreading the Russian language in the world linguistic arena.

Keywords: migration, Russian as a foreign language, adaptation, assimilation.

О роли программы переподготовки учителей в Грузии (модуль «Русский язык»)

В статье говорится о роли годичной программы переподготовки учителей русского языка в Грузии. Эта программа при поддержке Министерства образования Грузии является бесплатной, цель программы — подготовка квалифицированных кадров для школ Грузии. После окончания программы выпускники курса без проблем находят работу. По статистике все выпускники этих программ работают по специальности в школах. Данная годичная программа «Переподготовки учителей», в нашем случае «русского языка», дает большой потенциал для развития языка и поддержки учителей в Грузии.

Ключевые слова: программа, учитель русского языка, Грузия.

В Грузии русский язык изучают почти во всех школах с 5 по 12 классы или с 7 по 12, в коммерческих школах — со 2 по 12 классы (школы сами выбирают модель обучения).

В высших учебных заведениях русский язык, как и другие иностранные языки (английский, немецкий, французский и др.) по выбору студентов, изучают в течение 2 лет — 21–24 кредита.

В университетах есть программы «Русская филология» или «Славянская филология», к сожалению, очень мало студентов выбирают эту специальность.

С целью подготовки кадров была введена программа переподготовки учителей. Любой желающий может зарегистрироваться на сайте Министерства образования Грузии, затем должен сдать экзамен по специальности, в нашем случае — русский язык, а затем необходимо пройти собеседование в университете (который выбрал).

Эта программа при поддержке Министерства образования Грузии является бесплатной, цель программы — подготовка квалифицированных кадров. Хочется отметить, что после переподготовки будущие учителя без проблем находят работу. По статистике, все выпускники этих программ работают по специальности в школах.

Данные программы функционируют на базе разных университетов, однако, модуль «Методика преподавания русского языка» открыт только в Тбилисском государственном университете, Университете имени Ильи, Сухумском государственном университете и Кутаисском государственном университете им. Акакия Церетели на факультете «Образование».

Обучение ведется на грузинском языке. На этой программе в Сухумском государственном университете (Грузия) изучаются такие предметы как:

- Основы педагогики
- История педагогики (образования)
- Профессиональная этика педагога
- Образовательно-правовые акты
- Методика преподавания РКИ (и др. методик: математики, грузинского, английского, французского, немецкого, географии, биологии, истории, информатики и т.д.)
- Обучение практике предмета
- Школьная практика
- Исследования практики.

Следует отметить, что желающих поступить на эту программу с каждым годом становится все больше, в отличие от программ бакалавриата и магистратуры.

По статистике, на эту программу приходят студенты, в нашем случае «Методика преподавания РКИ», в основном русскоязычные учащиеся. Это билингвы и трилингвы.

На данную программу имеют право поступить студенты, которые имеют диплом о высшем образовании, например: филологи (действующие учителя русского языка), юристы, специалисты по информационным технологиям, биологи, врачи и многие другие.

Был проведен опрос студентов с целью выявить необходимость выбора данной программы и будущей специальности — преподаватель русского языка. С какой целью респонденты выбрали данную программу?

- Действующие учителя написали, что выбрали данную программу с целью повышения квалификации, а также после получения данного диплома учителей освобождаются от сдачи профессиональных экзаменов учителей.
- Юристы, которые получили образование в др. странах (России, Украине, Беларуси и др. странах на русском языке) — хотят получить другое образование, т. к. не могут себя реализовать по своей специальности (языковой барьер).
- Другие специальности — это студенты, которые не смогли найти работу по специальности, но в совершенстве владеют русским языком.
- И следующая категория студентов — это те, которые хотят преподавать русский язык.

Сейчас в Грузии у учителей зарплата выше средней, бесплатная медицинская страховка и др. льготы. Зарплата зависит и от того, сдал ли учитель профессиональный и логический экзамены, является ли он ментором, старшим преподавателем, классным руководителем и т. д. В 2022 году планируется поднять зарплату учителям, что вызывает интерес у будущих учителей.

Если посмотреть статистику, то каждый год все реже и реже абитуриенты выбирают специальность «Русская филология». Это значит, что в скором времени не будет специалистов русского языка в Грузии. Данная годичная программа 60 кредитов «Переподготовки учителей», в нашем случае русского языка, дает возможность развиваться русскому языку в Грузии.

Литература:

1. მასწავლებლის მომზადების 60 კრედიტიანი პროგრამა
2. <https://www.mes.gov.ge/content.php?id=7058&lang=geo>
3. <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/32830/60/ru/pdf>

Adamia Zoia
a.zoia777@gmail.com
Sokhumi State University
Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences

On the role of the teacher re-qualification programme in Georgia (Russian language module)

The article discusses the role of the one-year program of refresher school teachers of Russian language in Georgia. The programme is supported by the Ministry of Education of Georgia and is free of charge and aims at training qualified personnel for schools in Georgia. After graduating from the program, the graduates have no problems finding jobs. Statistics show that all the graduates of these programmes are employed in their profession in schools. This one-year «Teachers' Retraining Program» in our case «Russian Language», offers great potential for language development and teacher support in Georgia.

Keywords: programme, Russian language teachers, Georgia.

Проект профориентационной направленности «Работа с профессионально важным словом» на уроках русского языка в средней школе

В статье раскрывается роль деятельности учителя русского языка и литературы на уроках русского языка в средней школе по организации проектной деятельности учащихся, нацеленной на освоение ими предмета «Русский язык» и формирование их профессионального самоопределения; в статье представлен авторский проект «Работа с профессионально важным словом», реализовывавшийся в течение нескольких лет с обучающимися средней школы.

Ключевые слова: проект, проектная деятельность, профессионально важное слово, контекстно-компетентностный подход, формирование, компетенция, конкурентоспособность.

В настоящее время возникает необходимость в подготовке выпускника школы к ситуации, обусловленной рыночной экономикой.

Юноши и девушки должны иметь такие качества, как самостоятельность, мобильность, коммуникативную культуру, способность к осознанному выбору профессии, а в дальнейшем — и к профессиональному росту, ответственности за качество своего будущего труда и принятие решений в стандартных и незапланированных ситуациях. Такое понимание конечных целей образования отражено в Федеральных государственных образовательных стандартах. В связи с этим в настоящее время так необходима в общеобразовательном учреждении целенаправленная профориентационная работа.

И такая работа должна быть системной, инициироваться и проводиться не только ответственными за профориентационную работу, но и каждым отдельным учителем-предметником, который, кроме предметного содержания, при организации и проведении работы с учащимися может учитывать и профориентационный компонент.

Но появляется вопрос: «А как проводить такую работу?» И как ответная реакция на этот вопрос возникает оправданное желание взять уже имеющиеся и практически применимые идеи по ее проведению, а лучше — не только идеи, но и методически выверенные разработки уроков и внеурочных мероприятий, и применять на практике продукты уже имеющегося методического опыта. Но такая возможность педагогу в реальности предоставляется довольно редко. Именно поэтому учителю-предметнику, в том числе и учителю русского языка и литературы, приходится не спать ночами, думая над предметным (а в настоящее время, безусловно, и метапредметным) и профориентационным содержанием своих уроков, а особенно такое «комплексное» видение учителя необходимо при работе со старшеклассниками: перед ними скоро встанет выбор как профессионального, так и жизненного маршрута. Безусловно, в школе (где в большем объеме, где в меньшем) так или иначе проводится профориентационная работа, используются различные ее формы. И именно в этот период так необходимо осознавать каждому учителю-предметнику важность помощи ученику в этом серьезном выборе.

Именно основываясь на таком осознании, работая долгое время со старшеклассниками, автор данной статьи разработал ряд заданий профориентационной направленности для работы на уроках русского языка: это и тестовые задания на материале собственных авторских текстов о той или иной специальности или профессии, это и различные творческие задания (например, по аналогии с письменными заданиями ЕГЭ последних лет) и другие.

Но именно работа в проектом режиме, по мнению автора статьи, способствует достижению хороших результатов обучения, предметных и метапредметных, а также введению учащихся в контекст будущей специальности или профессии.

В данной статье вниманию читателей будет представлен авторский проект профориентационной направленности по русскому языку «Работа с профессионально важным словом».

Работа в рамках этого проекта имеет разные результаты: кроме предметных знаний и умений освоения предмета «Русский язык» формируются различные компетенции, необходимые выпускникам в жизненных и профессионально важных ситуациях. Кроме того, при использовании слов той или иной профессиональной сферы происходит своеобразное вхождение учащихся в контекст будущей специальности или профессии, понимание сущности и социальной их значимости. Таким образом, используя в качестве примера специальность «Педагог дополнительного образования», можно увидеть, как организуется проектная деятельность по введению учащихся в контекст будущей специальности/профессии, а сама работа в проектном режиме формирует компетенции, необходимые в будущем разным специалистам (а в данном случае — педагогу дополнительного образования): это компетенция «Работать в коллективе и команде, взаимодействовать с руководством, коллегами и социальными партнерами», но эта компетенция, как показывает практика, нужна не только специалистам этой специальности, вторая формируемая компетенция «Понимать сущность и социальную значимость будущей возможной специальности/профессии» также важна для будущего специалиста (в данном случае вышеназванной специальности) любой сферы профессиональной деятельности.

Задание к проекту по русскому языку «Работа с профессионально важным словом»:

1) повторить теоретический материал (учитель может дать для повторения тот материал, который изучался, но этот материал должен быть учтен в проектном задании);

2) прочитать и осмыслить статью «Слова о специальности „Педагогика дополнительного образования“» (статья профориентационной направленности «Слова о специальности „Педагогика дополнительного образования“», опубликованная в региональном издании «Яшкинский вестник» (№ 8, от 22.02.2012, автор статьи — Кухта Е. Е.), и использовать ее, при желании, для выполнения домашнего практического задания [4];

3) поработать дома с одним из ниже приведенных слов следующим образом: рассказать о его происхождении, значении/значениях (проверка знаний и умений раздела «Лексика и фразеология»), указать ударение, сделать транскрипцию (проверка знаний и умений раздела «Фонетика, орфоэпия, графика, орфография»), ответить на вопрос о том, зачем педагогу дополнительного образования необходимо знать «это» слово (используя фразеологизмы) — проверка умений раздела «Язык и речь» и формирование понимания сущности и социальной значимости специальности педагога дополнительного образования. Проверка умений раздела «Функциональные стили речи», знаний и умений раздела «Лексика и фразеология», затем оформить ответ как слайдовую презентацию (формирование общей компетенции будущего педагога дополнительного образования). В продолжение работы с выбранным словом члены команды помогают друг другу во всех возможных затруднительных ситуациях (формирование общей компетенции будущего педагога дополнительного образования работать в коллективе и команде).

Командные лидеры (3 человека) собирают материал (слайдовые презентации) у членов команды. Командные лидеры имеют право оказывать любую помощь членам своей команды в процессе выполнения проектного задания. Члены команды тоже могут помогать друг другу. Собранный материал командные лидеры используют для формирования общей командной папки либо делают одну общую презентацию, собранную из отдельных фрагментов, а затем на зачете представляют презентацию, предоставляя возможность каждому члену команды «защитить» свою часть общей работы. Таким образом, продуктом проектной деятельности является подготовленная презентация, проделанная работа представляется в ходе очной защиты. Критерии оценивания представлены ниже.

Оценивание каждого члена команды осуществляется индивидуально, результат оценивания влияет на подведение итогов в общем командном зачете каждой из трех групп по выполнению заданий проекта «Работа с профессионально важным словом».

Подведение итогов работы в рамках проекта, как индивидуальной, так и командной, проводится в течение дня, итоги работы оглашаются на следующий день, проводится выставление отметок и награждение, индивидуальное и командное.

Слова для практической работы даются студентам за месяц до защиты проекта, критерии оценивания всех заданий проекта представляются студентам за месяц.

Слова для практической работы в рамках проекта «Работа с профессионально важным словом»: образование, педагогика, возраст, психология, интерес, мотивация, увлеченность, досуг, ребенок, организация, деятельность, воспитание, обучение, преподавание, соревнование, мероприятие, конкурс, выставка, коллектив, команда, воспитанник, занятие, программа, группа, педагог, среда, сценарий, план, метод, форма, анализ, отчет, особенность, активность, познание, творчество, условие, совершенствование, одаренность, развитие, поведение, наблюдение, взаимоотношения, коммуникация, технология и др. — на выбор обучающегося (см. словарь профессиональных слов педагога дополнительного образования: <http://harmony-ang.ru>, <http://go.mail.ru>).

Критерии оценивания проекта

«Работа с профессионально важным словом»

К1 — использование при выполнении работы словаря/словарей (этимологического, толкового, словаря ударения и др.) и представление слова на основании словарных статей (0–3 балла),

К2 — правильность сделанной транскрипции слова (0–2 балла),

К3 — соблюдение орфографических, пунктуационных, грамматических и речевых норм (0–4 балла),

К4 — грамотное и уместное использование фразеологизмов при ответе на вопрос о значимости слова в профессиональной деятельности (0–2 баллов),

К5 — последовательность, логичность, доказательность при представлении слова и ответе на вопрос о его значимости в будущей профессиональной деятельности (0–3 балла),

К6 — умение донести информацию до аудитории: выразительность и понятность речи, артистизм (0–3 балла),

К7 — оформление слайдов (0–3 балла).

Максимальное количество баллов за всю работу в рамках проекта «Работа с профессионально важным словом» I — 20 баллов.

Шкала перевода баллов в оценку (количество процентов и отметка) за работу в рамках проекта «Работа с профессионально важным словом»:

20–18 баллов, 100 % — 86 %, «5»;

17–15 баллов, 85 % — 71 %, «4»;

14–9 баллов, 70 % — 45 %, «3»;

8–7 баллов, 44 % — 31 %, «2»;

6–0 баллов, 30 % и меньше, «1».

Проект «Работа с профессионально важным словом» предполагает возможность введения/вхождения учащихся в контекст самых разных специальностей или профессий на уроках русского языка: все зависит от предпочтений учеников и учителя. Продолжительность этого проекта, как было сказано ранее, — 1 месяц, но продолжительность может быть и другой; это зависит от разных факторов: уровня предметных знаний и умений учащихся, сформированности у них всех необходимых умений для осуществления проектной работы или готовности к их формированию и др.

Литература:

1. Вербицкий А. А., Ларионова О. Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. — М.: Логос, 2009. — 336 с.
2. Гусарова И. В. Русский язык и литература. Русский язык: 10 класс: базовый и углубленный уровни: учебник для общеобразовательных организаций. — М.: Вентана-Граф, 2014. — 448 с.
3. Кухта Е. Е. Контекстно-компетентностный подход при работе с текстами о будущей профессиональной деятельности // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2013. — № 1 (9). — 111 с.
4. Кухта Е. Е. Слова о специальности «Педагогика дополнительного образования» // Яшкинский вестник. — 2012. — № 8 (8253).
5. Моисеев А. М. Проекты и проектное управление // Практика административной работы в школе. — 2016. — № 2. — С. 21–23.

6. Панина Т. С., Вавилова Л. Н. Современные способы активизации обучения. 4-е изд., стер. — М.: Академия, 2008. — 176 с.
7. Поташник М. М., Левит М. В. Проекты и исследования на основе ФГОС [Текст] // Народное образование. — 2015. — № 9. — С. 100–110.
8. Справочно-информационный портал Грамота.ру [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gramota.ru/> (Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ — русский язык для всех).
9. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 050148 Педагогика дополнительного образования, утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 ноября 2009 г. № 512.
10. Хуторской А. В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Интернет-журнал «Эйдос». 2005 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.eidos.ru/joiirnal/2005/1212.htm>
11. Янушевский В. Н. Учебное и социальное проектирование в основной и старшей школе. Методическое пособие. — М.: Сентябрь, 2017. — 224 с.

Kukhta Ekaterina Evgenievna

kemgppk.kuhta@yandex.ru

*State Autonomous Institution of Continuing Education
of the Kemerovo Region «Regional center for identification,
support and development of abilities and talents of children and youth “Sirius. Kuzbass”»*

The article reveals the role of the activity of a teacher of Russian and literature in the Russian language classes in secondary schools in organizing students' project activities aimed at mastering the subject "Russian language" and the formation of their professional self-determination; The article presents the author's project "Working with a professionally important word", which has been implemented for several years with high school students.

Keywords: project, project activity, professionally important word, context-competence approach, formation, competence, competitiveness.

Современный деловой стиль: литературная норма и тренды коммуникации

В статье рассматриваются изменения в деловой коммуникации, влияющие на норму функционального делового стиля. Автор констатирует возникновение корпоративных и поколенческих субстандартов, ориентированных на нормы «продвигающих» текстов, а также определяет тренды создания новой нормы: усиление разговорности, смещение в сторону неофициальности, поляризацию коммуникации деловой и «по делу».

Ключевые слова: деловая коммуникация, официально-деловой стиль, стилистическая норма, субстандарт, регистры стиля, образ адресата.

Деловая коммуникация — одна из важнейших сфер бытования русского языка на рынке труда, где он представлен в устной и письменной формах и соответствующих этим формам речевых жанрах.

При этом функциональный деловой стиль определяется исследователями как стиль письменный, представленный двумя разновидностями: *официально-документальной* (законодательный, юрисдикционный, административный подстили) [3, с. 329] и *обиходно-деловой* (подстили служебной переписки и деловых бумаг) [3, с. 337–339]. Обе разновидности подчиняются деловой стилистической норме [3, с. 326–328], которая закрепляет официальный, неличный характер изложения, точность, не допускающую интолкувания, терминологичность, речевую шаблонность, трафаретность оформления документов. Этой нормы в полной мере придерживаются лишь государственные корпорации, в которых документооборот регламентируется ГОСТом, в то время как частные компании формируют свою речевую бизнес-культуру и корпоративные субстандарты, во многом ориентированные на нормы так называемых «продающих» и «продвигающих» текстов. Именно в частной деловой сфере формируются тренды, манифестирующие сдвиги в нормах деловой речи. Двумя главными тенденциями можно назвать гибридизацию устной и письменной форм деловой речи и ее функциональное смещение в сторону неофициальности.

Специалисты по деловой коммуникации говорят о ее коллоквиализации (усилении разговорности), объясняя этот процесс влиянием Интернета как сферы преимущественного функционирования [2, с. 48]. Действительно, 75 % деловых вопросов, по данным компании «Програмота. Русский язык для работы», решаются сегодня по переписке в мессенджерах, представляющей собой запись воображаемого разговора. В результате появляются тексты-гибриды, в которых канцеляризм сочетается с разговорной лексикой: *В феврале 2021 года россиянам выпала (разг.) шестидневная рабочая неделя с 15-го по 20-е по причине переноса (канц.) выходного дня с субботы на понедельник (стилевой однородности можно было достичь, заменив либо выпала на была установлена, либо по причине на из-за)*. Разговорность может проявляться и на семантико-синтаксическом уровне — в использовании номинализованных конструкций, представляющих собой «свертку» ситуации в конкретном существительном: *Депремирование (канц.) у А. из-за архива (разг.) ‘депремирование А. произошло из-за того, что А. вовремя не отправил архив с файлами, содержащими его отчеты о работе сотрудников’* (пример А. В. Дегальцевой [2, с. 51]).

С усилением разговорности деловой речи коррелирует и отмечаемая многими тенденция к деофициализации [1, с. 50; 2, с. 48; 5, с. 32; 6, с. 99], которая проявляется «в активном процессе сближения институционального общения с общением межличностным» [2, с. 48] и образует антиномичную оппозицию с официализацией обиходного языка [5, с. 32]. С одной стороны, деловая переписка становится более фамильярной (это проявляется, например, в замене официального *Вы*-общения на неофициальное *ты*-общение [4, с. 58–60], в формате В2В стирающее различия по возрасту и положению в бизнесе, в формате В2С — дистанцию между компанией и клиентом, как в клиентской рассылке Билайна: *Это рубрика What the film, где мы загадываем фильмы и сериалы. С нас максимально скучное описание фильма, с тебя — правильный ответ*. С другой,

наблюдается абсолютизация норм делового письма, а конкретнее — канцелярского стиля, что проявляется в злоупотреблении отглагольными существительными: *Есть возможность **принятия решения** уже сегодня* вм. ***Решение** может быть **принято** / **примем решение** уже сегодня*, Документооборот осуществляется на основе **применения системных кодов** вм. В документообороте **применяются системные коды**; пассивным залогом: Проведено 332 заседания *Комиссий территориальных органов Росстата* вм. *Комиссии территориальных органов Росстата **провели** 332 заседания*; расщепленными сказуемыми: «Газпром» **предложил осуществить переход** (вм. **перейти**) *на договорные цены для всех потребителей, кроме населения*; отыменными предложениями: *Наш офис не работает **по причине** выходных* вм. *В выходные наш офис не работает*.

Канцеляризм порой добавляется «для солидности», без учета сферы общения, образа адресата и содержания делового сообщения. Негибкостью в переходе от официально-деловой переписки по ГОСТу к публикациям на сайте компании или в корпоративных социальных сетях больше всего страдают государственные корпорации: *Во избежание невыполнения решения о предоставлении первичных статистических данных в электронном виде в настоящий момент в целях повышения эффективности взаимодействия проводятся разъяснительные работы с респондентами* (публикация на сайте Росстата), но и бизнес «грешит» неуместной канцелярищиной, ср. объявление: *Оказываем услуги в области русского языка. Между тем уровень официальности коммуникации определяет и степень жесткости применяемых к составлению деловых текстов требований* [6, с. 99–100], и диапазон шкалы в этом случае весьма велик: «официальность — строгая — нейтральная — дружеская (на грани с полуофициальностью); неофициальность — нейтральная — дружеская — фамильярная» [1, с. 50].

Соглашаясь с другими исследователями, можно предложить различать коммуникацию деловую и «по делу» и образы адресата «чужой» и «свой» / «квазисвой» [4, с. 231–233], соответствующие полюсам официальности и неофициальности / полуофициальности и определяющие тип и стиль письма [4, с. 233–238]. Соответственно можно определить и регистры стиля — официально-деловой: ***В ответ на ваш запрос сообщаем: мы готовы к реализации заказа, однако срок исполнения может увеличиться по сравнению со стандартным договором*** («письмо в конверте», официальное электронное письмо, формат «чужой — чужой»); деловой: *Благодарим за заказ. Мы с радостью его выполним, но конкретные сроки пока определить трудно* (электронное деловое письмо, формат «чужой — чужой»); *Сроки выполнения ваших заказов определяются индивидуально в каждом конкретном случае* или *Выполним любой заказ, сроки зависят от сложности!* (публикация на сайте, форматы «чужой — чужой» и «квазисвой»); «по делу»: *Сделать можем, но это длительный процесс* (неформальная внешняя переписка, внутренняя переписка, сообщение в мессенджере, формат «свой — свой»).

В целом же даже официально-деловой стиль сегодня дрейфует в сторону «человечности» и «разговорности»: используются более короткие фразы, меньше усложняющих конструкций, меньше «канцеляризмов», больше «рекламности». Например, в официальных обращениях мэра Москвы С. Собянина к москвичам используется деловой регистр с минимумом канцеляризмов: *Дорогие друзья, / **В связи с резким ростом заболеваемости коронавирусом Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин принял решение об объявлении нерабочих дней.** / Ситуация в Москве также продолжает развиваться по худшему сценарию. В ближайшие дни мы достигнем исторических пиков заболеваемости ковидом. / Поэтому **во исполнение указа Президента** мною **приняты следующие решения...***, с переключением на разговор «по делу»: *Как показывает опыт, нерабочие дни являются самым эффективным способом снижения заболеваемости и смертности от ковида <...> Это как температура при простуде. Если она становится слишком высокой, врачи требуют принять жаропонижающее средство. Само по себе оно не лечит, но дает организму передышку и позволяет собраться с силами. Таким «жаропонижающим» в нынешней ситуации и будут нерабочие дни. / Давайте отдохнем немного и поможем сохранить жизни и здоровье многих людей. А затем город сможет вернуться к обычной жизни, при этом последовательно сохраняется формат «квазисвой», характерный для дружеского разговора, возможного при «неофициальной официальности». Город тоже чаще говорит с горожанами неформально, что заметно по смене регистра административных обращений в метро — с официально-делового: *С 14 января по 13 марта 2015 года в связи с ремонтом эскалатора вход на станцию «Тверская»**

осуществляется через станцию «Пушкинская» (переход в центре зала). Приносим извинения за временные неудобства, на неформальный «по делу»: *Уважаемые пассажиры! Этот эскалатор нужно отремонтировать. Пришло время! Обещаем вам работать быстро. С 15 января до 21 марта 2018 года*, что предполагает «свойское» общение.

Необходимо обратить внимание и на формирование поколенческих субстандартов делового общения [7], что также меняет стилистическую норму: сегодня в деловом поле встречаются 6 поколений (традиционалисты, победители, X, Y, Z и α -миллениалы), возраст более 50% менеджеров, вступающих в коммуникацию, 26–35 лет, и их поколение Z, в отличие от поколения X, уже не является носителем нормированного официально-делового стиля. При их соприкосновении в коммуникативном поле «конфликтотенными» становятся этикетные нормы и тренды вежливости, образ адресата и стиль дискурса, различия в активном словаре.

Нарушения дистанции, приводящие к коммуникативным неудачам, особенно заметны в формате В2С.

Например, оператор связи рекламирует в социальной сети услугу, видя адресата «(квази)своим»: Займись этим на верхней полке плацкартного вагона. Или в закрытой кладовке, пока коллеги не видят. Или ночью на пляже. Или даже на крыше небоскреба. Смотри наше ТВ везде!, но получает в комментарии к посту строго официальный ответ «чужого», явно раздраженного фривольностью обращения и подтекста: Господа, довожу до вашего сведения, что не могу воспользоваться оплаченной услугой. А именно, не могу ни войти на сайт, ни зарегистрироваться под своим номером — ни с телефона, ни с планшета. Убедительно прошу разобраться и устранить трудности с подключением моего аккаунта либо вернуть уплаченную сумму на мой счет. В противном случае буду вынужден сменить провайдера. В другом примере агентство интернет-маркетинга обращается через соцсеть к своей целевой аудитории — очень молодой, энергичной и заводной: На премию представлены 6 наших кейсов в различных номинациях. Висят и ждут народной поддержки. Вы знаете, что делать! **Тыц на большую зеленую кнопку** в блоке «Нравится эта работа?». **Тыц 6 раз, пожалуйста!** — *раздражая излишней разговорностью и фамильярностью «чужую» среди «своих» часть клиентов поколений X и Y, не говоря о «старичках».* Выигрывают компании, использующие нейтральный деловой регистр: Наша связь — это то, что объединяет людей. Даже в сложных ситуациях, когда нужно держать дистанцию и вообще находиться дома. С нами вы остаетесь ближе друг к другу (Билайн); Доехать, а не дойти. Домой на такси через 5 минут (Яндекс-такси). Мешает коммуникации и нарушение усвоенных старшими поколениями лексико-семантических норм, создающее эффект мнимой понятности: Мы готовы презентовать ‘представить vs подарить’ вам свой новый продукт; Я пришел на конференцию с новым кейсом ‘примером ситуации vs портфелем для документов’; Зная о вашей экспертизе ‘профессионализме vs экспертном заключении’, мы рады сотрудничеству и т. п. Как и апелляция к поколенческому фоновому знанию «своих», не доступному старшим «чужим» клиентам: Будь как Кодзима, живи на гениальной стороне! Первый шаг: не забудь в ноябре сыграть в Death Stranding (Билайн), но вызывающим неприятные ассоциации с реальной встречей со смертью (ср. сыграть в ящик — ‘умереть’).

Таким образом, можно констатировать, что сегодня нельзя говорить о единой норме делового стиля, который постепенно перестает быть официальным, превращаясь в нейтральный деловой и неофициальный «разговор по делу» и сосуществует с рядом корпоративных и поколенческих субстандартов, так или иначе нарушающих, изменяющих функционально-стилистическую норму. И нельзя не признать целесообразность нового нормирования деловой речи в ее официальной и обиходной разновидностях для усиления эффективности общения в деловом поле.

Литература:

1. Байкулова А. Н. Коммуникативно-прагматические функции категории официальность/неофициальность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6 (2). — С. 50–54.
2. Дегальцева А. В. Основные тенденции развития электронной деловой переписки // Проблемы речевой коммуникации. — 2015. — № 1. — С. 47–54.
3. Кожина М. Н. и др. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. — 4-е изд., стереотип. — М.: ФЛИНТА, Наука, 2008. — 464 с.

4. Северская О. И., Селезнева Л. В. Эффективная бизнес-коммуникация. «Волшебные таблетки» для деловых людей. — М.: ЭКСМО, 2019. — 416 с.
5. Сологуб О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте. — Новосибирск: НТГУ, 2008. — 332 с.
6. Трубникова Ю. В. Официально-деловой стиль и современный документ: причины и направления трансформации // Вестник Бурятского государственного университета. Язык, литература, культура. — 2019. — № 2. — С. 97–101.
7. Тылинская Н. Как ставить задачи работникам разных поколений [Электронный ресурс]. — URL: <https://megaplan.ru/blog/management/kak-stavit-zadachi-rabotnikam-raznyh-pok/> (доступ 07.11.2021).

Severskaya O. I.

oseverskaya@yandex.ru

Vinogradov' Russian language institute of RAS

Modern business style: literary norm and communication trends

The article discusses changes in business communication that affect the norm of functional business style. The author states the emergence of corporate and generational substandards focused on the norms of «promoting» texts, and also identifies trends in the creation of a new norm: increased colloquialism, a shift towards informality, polarization of business and «about business» communication.

Keywords: business communication, official business style, stylistic norm, substandard, style registers, image of the addressee.

Международное сотрудничество: интеграция нестоличных вузов в мировой образовательный рынок (на примере Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина)

В данной статье рассматривается процесс интеграции нестоличных вузов в международное образовательное пространство. Сформированы и подробно представлены цели и задачи, которые должен поставить и решить вуз. Сделан вывод, что в результате глобализации экономического пространства российские нестоличные вузы, повышая эффективность образовательного процесса, должны самостоятельно обеспечивать и выработать свою индивидуальную стратегию развития путем экспорта/импорта образовательных услуг.

Ключевые слова: нестоличный вуз, русский язык, образование, международное сотрудничество, мировой рынок, экспорт.

Присоединение России к происходящему в европейских странах Болонскому процессу (2003 г.), ее активное участие в международных политических, экономических и культурных событиях стимулировало нестоличные (региональные) вузы к интеграции в мировое научное пространство. Перед вузами областных центров открылись действительно реальные возможности продемонстрировать и реализовать свои предложения на рынке образовательных услуг мирового масштаба в качестве равноправного партнера.

В условиях процесса глобализации мировой экономики, непрерывного роста конкуренции в каждом современном государстве необходим максимально высокий уровень квалифицированных специалистов, что, в свою очередь, требует не только налаживания широкого международного сотрудничества в образовании, но и увеличения экспортно-импортных связей [3]. Подобное направление несет бесспорную финансовую выгоду, однако, главным образом, позволяет решить вузу ряд важных задач: расширить возможности и повысить международную мобильность преподавателей, исследователей, студентов; развить двуязычные образовательные программы как для российских, так и для иностранных учащихся (поэтому важно уделить внимание языковой подготовке самих преподавателей); совместить образовательные программы с зарубежными и улучшить материально-техническую базу вуза за счет дополнительного финансирования и полученных от услуг средств. Главное, что в итоге должен получить вуз при решении данных задач, — укрепление, повышение статуса российского образования как за рубежом, так и внутри страны [1, с. 32].

Конечно, региональным вузам намного сложнее реализовывать свои программы для выхода на международный рынок образовательных услуг в сравнении с ведущими вузами страны, поэтому, разрабатывая собственные программы, нужно учитывать прежде всего преимущества своего вуза и показать их с наиболее выгодной стороны.

В качестве значительного бонуса можно выделить более низкую стоимость обучения, проживания, питания, страхования и прочих необходимых услуг для нормального существования иностранных учащихся; размещение самого вуза в небольшом городе представить как положительный момент, поскольку шаговая доступность дает учащемуся возможность экономии времени и, безусловно, способствует более быстрому процессу адаптации; благоприятная экологическая ситуация; рекомендуется разнообразить образовательные программы так, чтобы они соответствовали пожеланиям самих иностранных обучающихся, причем не стоит стремиться объять необъятное, можно представить несколько оригинальных программ, разработанных только в этом вузе; конечно, огромным помощником будет культурно-историческая программа, базирующаяся на использовании местных достопримечательностей (музеев, памятников архитектуры), проведении экспедиций, традиционных

культурных мероприятий, несущих и сохраняющих красоту и дух настоящей России. Например, в г. Тамбове ежегодно проводят Международную Покровскую ярмарку — обладателя Гран-при «Russian Event Awards» как лучшего проекта по популяризации традиций и народных промыслов, входящую в 10 лучших фестивалей осени. Она интересна не только внутри страны, но и за рубежом, ее гостями неоднократно были послы Франции, Люксембурга, Японии, делегации из Болгарии. Иностранцы учащиеся всегда с удовольствием принимают в ней самое активное участие [2].

Однако нестоличный/региональный вуз для реализации этой цели — выход на международный уровень образовательных услуг — сначала должен решить ряд внутренних задач. Их список не мал, поэтому остановимся, на наш взгляд, на наиболее значимых. Необходимо организовать такую систему подготовки согласования и заключения соответствующих договоров и соглашений, которая распространялась бы не только на межвузовском уровне, но и в рамках международных связей областной администрации. В самом учебном заведении должны быть эффективно функционирующие структурные подразделения, отвечающие за прием и размещение учащихся, реализацию учебных научно-исследовательских и культурно-развлекательных программ, паспортно-визовый и правовой контроль. Необходимо договариваться с местными предприятиями и организациями, которые могут оказать поддержку (материальную и техническую) в организации производственной практики, социокультурных мероприятий, мультикультурных проектов, предоставить услуги по размещению и питанию экскурсионного обслуживания и т. д. Следуя современным веяниям, проводить эффективную рекламную кампанию в сети Internet, используя доступные социальные сети (ВКонтакте, Facebook, Telegram-каналах и прочее).

В качестве примера экспортных образовательных услуг приведем программы *Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина* (регионального вуза), победителя программы «Приоритет — 2030».

Русский язык как иностранный. Данная программа предполагает организацию для иностранных студентов групповых или индивидуальных занятий по изучению русского языка на довузовском отделении (медико-биологический, гуманитарный, экономический профили), а также на курсах русского языка.

Включенное обучение. Для студентов из Китая по специальности «Филология» разработан специальный план, позволяющий им познакомиться с русским языком, литературой и культурой, сдать экзамен и получить сертификат.

Летние школы. Программа предполагает организацию обучения групп зарубежных слушателей по заранее оговоренной тематике.

Различные формы практик и стажировок. Программа предполагает организацию практик и стажировок студентов и аспирантов в соответствии с выбранными ими темами курсовых, дипломных и диссертационных работ, закреплением за ними курирующих преподавателей.

Организация научно-практических конференций и семинаров. Цель программы — обмен опытом по организации учебного процесса и развитие связи между учебными заведениями-партнерами по совместному проведению научно-исследовательских и учебно-методических работ.

Предоставление ресурсов университета иностранным обучающимся для **курсового и дипломного проектирования.** Программы предполагают предоставление комплекса образовательных, консультационных и информационных услуг по сбору, обработке и анализу данных, а также оформление полученных результатов применительно к выбранным и согласованным сторонами тем курсовых проектов, дипломных, магистерских, диссертационных работ.

В рамках международного сотрудничества ТГУ им. Г. Р. Державина ежегодно реализует проекты, направленные на формирование интереса к русскому языку и культуре, популяризации русского языка среди детей и молодежи зарубежных стран.

Все вышеперечисленные программы также включают в себя культурные, спортивные и развлекательные мероприятия (международный фестиваль «Дни национальных культур»; «Державинская миля» — легкоатлетический кросс, объединяющий студентов, преподавателей, сотрудников и выпускников вуза, экскурсии по историческим местам Тамбовской области и городам России и многое другое). Подобные программы требуют обращения к услугам организаций и предприятий гостиничного бизнеса, экскурсионного обслуживания, общественного питания..., что, в свою очередь, способствует увеличению дохода отчислений в бюджет города и области.

Таким образом, для нестоличных вузов экспорт образовательных услуг в форме обучения иностранных граждан, международная образовательная деятельность в качестве равноправного партнера служат не только дополнительным источником финансирования, но и способствуют совершенствованию и активизации образовательного и социокультурного взаимодействия.

Литература:

1. Гужова Н. В. Особенности обучения иностранных студентов в нестоличном вузе // Актуальные проблемы обучения русскому языку, культуре речи и дисциплинам специализации. — 2014. — С. 31–33.
2. Покровская ярмарка в Тамбове: история, традиции, будущее [Электронный ресурс]. — URL: <https://tmbreport.ru/pokrovskaja-jarmarka-v-tambove-istorija-tradicii-budushhee> (дата обращения 4.11.2021).
3. Черников Г. П. Экспорт образования как глобальный бизнес [Электронный ресурс]: Мировое и национальное хозяйство. — 2006. — № 1. — URL: <https://mirec.mgimo.ru/2006/2006-01/eksport-obrazovania-kak-globalnyj-biznes> (дата обращения 5.11.2021).

Anastasia M. Tovt

Tovt_tasya@mail.ru

Derzhavin Tambov State University

International cooperation: integration of non-capital universities into the global educational market (on the example of Derzhavin Tambov State University)

This article examines the process of integration of non-capital universities into the international educational space. The goals and objectives that the university should set and solve are formed and presented in detail. It is concluded that as a result of the globalization of the economic space, Russian non-capital universities, increasing the efficiency of the educational process, should independently provide and develop their individual development strategy by exporting/importing educational services.

Keywords: non-capital university, Russian language, education, international cooperation, world market, export.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, научно-исследовательский проект «Оценка роли и конкурентоспособности русского языка на пространстве СНГ».

Балякин Алексей Алексеевич

lesha.balyakin@mail.ru

*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
Российская Федерация*

Сравнительная оценка приграничного рынка языков Саратовского Поволжья и Западного Казахстана

На примере Саратовской и Западно-Казахстанской областей представлен подход к анализу динамики использования языков с позиции измерения лингвистической конкуренции путем вычисления коэффициента полиязычия (КП), индексов языковой интеграции (ИЯИ) и языковой монополизации (ИЯМ). Анализ динамики рынка языков названных областей на основе переписей населения показывает тенденцию населения к полиязычию и языковой вариативности в данном регионе евразийской интеграции.

Ключевые слова: рынок языков, Саратовская область, Западно-Казахстанская область.

Развитие интеграционного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза, Содружества Независимых Государств является в настоящее время одним из значимых направлений российской внешнеполитической стратегии на международной арене, а Республика Казахстан является одним из ключевых партнеров России по евразийской интеграции, также до 1991 года данные страны являлись участниками интеграционного процесса в рамках СССР. Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) от 29 мая 2014 года [1] начал формировать новую реальность экономического взаимодействия России и Казахстана.

Российско-казахстанская граница является самой длинной по протяженности границей в мире и составляет 7598,6 км [2]. Согласно двустороннему договору 2005 года о российско-казахстанской государственной границе [3], 568,3 км (около 7 %) от общей протяженности сухопутной границы двух государств приходится на Саратовское Поволжье и Западный Казахстан. На данном участке государственной границы Саратовская область Российской Федерации соседствует с Западно-Казахстанской областью Республики Казахстан.

В условиях политики интеграции происходит постоянное воздействие на приграничные территории обеих стран.

В работе были проанализированы данные Всесоюзных переписей населения 1970 [4], 1979 гг. [5], Всероссийской переписи 2010 г. [6], Микропереписи населения РФ 2015 г. [7], а также переписей населения Республики Казахстан 1999 [8] и 2009 гг. [9] по Саратовской области и Западно-Казахстанской области для оценки влияния интеграционных процессов на формирование рынка языков двух названных регионов.

Для анализа была использована концептуальная рамка, предложенная Центром психолого-экономических исследований Поволжского института управления имени П. А. Столыпина [10–12]. Суть подхода заключается в переносе расчета индекса товарной монополизации и измерения товарной конкуренции, предложенных американскими экономистами Оррисом Херфиндалем и Альбертом Хиршманом [13], на сферу языков. Названные экономисты оценивали уровень конкуренции различных товарных рынков. Индекс представляет собой сумму квадратов долей каждой фирмы, продающей товары в определенной отрасли.

Подход А. С. Айрапетяна предлагает расчет Индекса языковой монополизации путем сложения квадратов долей использования каждого языка. В данном случае мы используем данные вышеназванных переписей населения о владении языками населением Саратовской и Западно-Казахстанской областей. Индекс языковой монополизации рассчитывается в диапазоне от 0 до 1

(или 10 000, если считать доли языков в процентах). Чем ближе значение индекса к 1 (10 000), тем меньше уровень языковой конкуренции, тем сильнее монопольное положение одного из языков на соответствующем рынке языков. Подход так же предполагает перенос классификации типов рынка:

1 тип: Высококонцентрированные рынки языков при $0,1801 < \text{ИЯМ} < 1$.

2 тип: Среднеконцентрированные рынки при $0,1001 < \text{ИЯМ} < 0,18000$.

3 тип: Низкоконцентрированные (высококонкурентные) рынки при $\text{ИЯМ} < 0,1000$.

Помимо Индекса языковой монополизации мы используем концептуальную рамку ЦПЭИ измерения полиязычия и языковой интеграции. Мы осуществили расчет индекса языковой интеграции населения Саратовской и Западно-Казахстанской областей, демонстрирующий уровень языковой вариативности в выборе средств коммуникации. Чем выше показатель ИЯИ, т. е. чем ближе к 1, тем большее количество людей в населении владеет более, чем одним языком. Коэффициент полиязычия как индикатор демонстрирует общую долю граждан, владеющих более чем одним языком.

Показатели полиязычия, языковой интеграции и языковой конкуренции показывают, что в Саратовской области рынок языков характеризуется высоким уровнем монополизации одного языка (очевидно, русского) (Табл. 1), следовательно, довольно низким уровнем конкуренции.

Таблица 1. Лидеры «языкового рынка» Саратовской области

Бюджет времени	1970	1979	2010	2015
Русский	91,27 %	91,21 %	90,63 %	88,83 %
Казахский	—	—	1,12 %	1,94 %
Английский	—	—	—	2,57 %
Другие	8,73 %	8,79 %	8,25 %	6,57 %

Одновременно с этим при высокой монополизации рынка языков за последние несколько лет число людей, говорящих на нескольких языках, очень медленно возрастает, что демонстрирует нам коэффициент полиязычия (почти 12 % на 2015 г.) и индекс языковой интеграции (менее 0,1 за весь наблюдаемый), что говорит о доминировании монолингвов в структуре населения региона. За период с 2010 по 2015 год наблюдается рост коэффициента полиязычия, а график с каждой переписью показывает стабильный очень медленный прирост количества граждан, которые знают несколько языков.

Показатели языковой конкуренции, в Западно-Казахстанской области (ранее область называлась Уральской) говорят о том, что рынок языков здесь находится в диапазоне от 0.4 до 0.5. Это очевидно демонстрирует преобладание двух языков (русского и казахского) (см. табл. 2). Следовательно, два этих преобладающих языка создают более конкурентную языковую среду (по сравнению с Саратовской областью).

Таблица 2. Лидеры «языкового рынка» Западно-Казахстанской области

Бюджет времени	1970	1979	1999	2009
Казахский	39,09 %	39,57 %	45,65 %	41,11 %
Русский	54,27 %	55,32 %	52,71 %	49,16 %
Английский	—	—	0,33 %	9,73 %
Другие	6,63 %	5,11 %	1,31 %	—

Одновременно с этим за последние несколько лет число людей в Западно-Казахстанской области, говорящих на нескольких языках, возрастает в ускоренном темпе, что демонстрирует нам коэффициент полиязычия. Индекс языковой интеграции (более 0,2 почти за весь наблюдаемый период) говорит о тенденции выхода Западного Казахстана к структуре населения с доминирующей

щим билингвальным компонентом. За период с 1979 по 2009 год наблюдается рост коэффициента полиязычия, а график с каждой переписью показывает уверенный прирост количества граждан, которые знают несколько языков. При этом Западно-Казахстанская область по сравнению с Саратовской областью демонстрирует не просто более высокие показатели полиязычия и языковой интеграции, но и более быстрые темпы роста названных показателей. Представленные данные позволяют предполагать, что на это может влиять, с одной стороны, миграционный фактор, а с другой стороны, языковая политика центральной власти Республики Казахстан.

Для сравнения хочется представить анализ данных переписей населения в Саратовской и Западно-Казахстанской областях в части, содержащей сведения о количестве людей, говорящих на казахском, русском и других языках, а также людях, владеющих несколькими языками, позволяет прийти к нескольким важным выводам. Русский язык выступает в качестве основного средства коммуникации либо одного из основных, используемых населением обеих приграничных областей. Существенную рыночную долю занимает казахский язык в Западном Казахстане (табл. 2). Отмечается рост доли владения казахским языком в Саратовской области. В обеих приграничных областях обозначает свое присутствие и английский язык. К сожалению, данные официальной статистики Казахстана не позволяют раскрыть ситуацию по рынку языков в данной стране полнее, в частности, владение английским языком как третьим или же вторым. Мы исходили при расчетах из посылки английского языка как третьего с опорой на официальную позицию властей Казахстана, продвигающих его именно в таком качестве. Общая тенденция, по нашему мнению, заключается в постепенном росте языковой вариативности в рамках интеграционных процессов, когда указанные процессы сопровождаются не установлением какого-то одного языка, на котором должны говорить все, а предоставляется возможность выбора средства коммуникации. На примере пограничных Саратовской и Западно-Казахстанской областей мы видим, что указанные тенденции характерны для них обеих, правда следует отметить, что скорость протекания разная. Для проверки выдвинутой гипотезы необходимо провести исследование всех приграничных субъектов Российской Федерации и соседствующих с ними областей Республики Казахстан, а также аналогичные исследования иных стран, принимающих участие в различных проектах экономической интеграции, а также их приграничных регионов.

Литература:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе подписан в г. Астане 29.05.2014 г. (в ред. от 01.10.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 8. — Ст. 1107; Бюллетень международных договоров. — 2021. — № 3.
2. Границы России // География [Электронный ресурс]. — URL: <https://geographyofrussia.com/granicy-rossii/> (дата обращения 07.11.2021).
3. Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о российско-казахстанской государственной границе от 18.01.2005 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. N 13. Ст. 1329.
4. Таблицы 4–29 // Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. — М.: Статистика, 1973. — С. 20–320.
5. Таблицы 13–35 Национальный состав населения / Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. Статистический сборник / ЦСУ СССР. — М., 1985. — С. 71–137.
6. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Всероссийская перепись населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 07.11.2021).
7. Раздел X. Национальная принадлежность и владение языками / Микроперепись населения 2015 // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения 07.11.2021).
8. Национальный состав населения Республики Казахстан. Население Республики Казахстан по национальностям и владению языками / Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. — Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. — Т. 2. — С. 103–112.

9. Западно-Казахстанская область. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Статистический сборник. — Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2011. — Т. 2. — 124 с.
10. Неверов А.Н., Айрапетян А. С. Языковые рынки и инструменты их анализа // Психолого-экономические исследования. — 2019. — № 2. — С. 11–22.
11. Неверов А.Н., Маркелов А. Ю., Айрапетян А. С. Оценка влияния интеграционных процессов на этнополитическую конкуренцию языков в Балтийском регионе // Балтийский регион. — 2021. — № 2.
12. Айрапетян А.С. Математическая оценка динамики полиязычности в современном мире // Психолого-экономические исследования. — 2019. — № 3. — С. 20–28.
13. Hirschman, A. National Power and the Structure of Foreign Trade. — Berkely and Los Angeles, University of California Press, 1945. — 170 p.

A. A. Balyakin

Pushkin State Russian Language Institute

Comparative assessment of the near-border language market of the Saratov Volga region and Western Kazakhstan

On the example of the Saratov and West Kazakhstan regions, an approach to the analysis of the dynamics of language use is presented from the point of view of measuring linguistic competition by calculating the coefficient of multilingualism (KP), the indices of language integration (INR) and language monopolization (INR). The analysis of the dynamics of the language market of these regions on the basis of population censuses shows the tendency of the population to multilingualism and language variability in this region of the Eurasian integration.

Keywords: market of language, Saratov region, West Kazakhstan region.

Коммуникативные навыки в структуре компетенций современного профессионала

В настоящей статье рассматриваются основные аспекты проекта по формированию национальной (русской) рамки универсальных компетенций, в частности — коммуникативных навыков. Данный проект реализуется с 2020 года экспертной группой Национального агентства развития квалификаций и Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

Ключевые слова: компетенции, рамка компетенций, коммуникативные навыки, квалификация, рынок труда, цифровая экономика.

В ответ на потребности рынка труда в описании востребованных «сквозных» компетенций персонала в настоящее время Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Институт Пушкина) и Национальное агентство развития квалификаций (НАРК) начали работу над проектом по разработке общенациональной (русской) рамки общих (универсальных) компетенций, актуальных для всех отраслей в условиях цифровизации экономики.

Одна из задач проекта — описать коммуникативные компетенции современного профессионала и сформировать надежный инструментарий их оценки. Сегодня эти компетенции включают не только свободное владение устной и письменной коммуникацией на русском языке как государственном языке Российской Федерации, но и умение общаться в цифровой среде, решать рабочие задачи с использованием онлайн-инструментов, участвовать в сетевых сообществах. На международном уровне, по данным Boston Consulting Group, коммуникативные компетенции вышли на первое место, опередив аналитический склад ума (79 против 77 % голосов) [2].

Выводы экспертов подтверждаются результатами аналитического исследования, проведенного в 2021 году специалистами российского рекрутингового интернет-портала SuperJob, которые выявили, что резюме с грамматическими ошибками отклоняет каждый второй рекрутер (в опросе приняли участие 1000 менеджеров по персоналу из всех федеральных округов России). Наиболее требовательная позиция менеджеров по персоналу оказалась характерна для финансовой и IT-сфер.

Кроме этого, 17 % рекрутеров уверены, что грамматические ошибки в резюме — это достаточная причина для отказа в приеме на работу, независимо от позиции, на которую претендует соискатель. Каждый третий менеджер по персоналу (33 %) считает грамматические ошибки неприемлемыми при трудоустройстве лишь в резюме претендентов на определенные позиции, для которых речевая грамотность является одним из обязательных навыков (например, топ-менеджеры, секретари, делопроизводители, менеджеры по работе с клиентами, копирайтеры, редакторы, SMM-менеджеры, специалисты пресс-служб).

Однако заметим, что за минувшее десятилетие работодатели стали терпимее к грамматическим ошибкам в резюме: 10 лет назад всем или некоторым неграмотным кандидатам отказывали 68 % нанимателей, сегодня — 50 % [1].

Указанные исследования подтверждают, что включение коммуникативных навыков в структуру общенациональной рамки компетенций современного профессионала является обязательным и не вызывает дискуссий в экспертном сообществе.

В рамках рассматриваемого проекта Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина курирует одну из четырех компетенций рамки — компетенцию «Работа с информацией», которая включает:

- поиск и анализ информации, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий, оценку информации;
- преобразование и создание информации;
- обмен информацией (деловая устная и письменная коммуникация).

Так, в рамках компетенции «Работа с информацией» мы говорим о новой цифровой языковой личности человека, которая формируется в XXI веке — фактически, на наших глазах.

Основой для сотрудничества Института Пушкина и НАРК служат собственная система диагностики и сертификации кадров «Пушкин100» и опыт работы института с органами власти, госкорпорациями и бизнес-структурами в сфере проведения оценки персонала и последующего обучения (например, программы института включены в реестр поставщиков услуг повышения квалификации для госслужащих Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации) [3].

Отдельное внимание в проекте уделяется навыкам коммуникации и обработки информации в цифровой среде. Исследователи наблюдают существенную перестройку коммуникативных стратегий, размывание границ устного и письменного общения, возрастающую роль мультимодальных и несплошных текстов. Критически важным навыком в настоящее время является чтение так называемого множественного текста, которое требует умения интегрировать информацию из разных источников и устранять противоречия между ними [3].

Кроме этого, в современном информационном пространстве важную роль играют метакогнитивные стратегии — отслеживание цели при работе с источником, выбор адекватных стратегий и т. д. [4]. Уровень сформированности у сотрудников этих навыков также планируется оценивать в проекте.

В настоящее время продолжается экспертное обсуждение и описание составных частей компетенции «Работа с информацией», формируется портфель оценочных средств — системы диагностики сформированности компетенций.

В дальнейшем, в 2022 году, начнется апробация рамки компетенций — по нескольким направлениям.

Первое направление — это интеграция оценки общих компетенций в профессиональные экзамены системы профессионального образования. Ключевыми партнерами проекта выступают Советы по профессиональным квалификациям (СПК) — прежде всего в образовании.

Второе направление — это формирование корпоративных требований к общим компетенциям и оценка работников различных предприятий. Ключевые партнеры-участники проекта — СПК водного транспорта, акционерное общество «Информационные спутниковые системы» имени академика М. Ф. Решетнева и ООО «Масса».

Также планируется внедрить систему подготовки экспертов по профессиональным квалификациям в рамках общей квалификации из регионов России. В частности, разработан курс повышения квалификации для экспертов, который позволит спроектировать им перечень своих корпоративных компетенций и внедрить его на основе базовой рамки квалификаций. Одним из прикладных результатов проекта является сотрудничество с профессиональным сообществом транспортной отрасли во взаимодействии с Департаментом транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры г. Москвы (проект для водителей легкового такси).

Литература:

1. Аналитическое исследование SuperJob 01.06.2021 // superjob.ru — М., 2021.
2. Исследование Boston Consulting Group — 2018 // bcg.com — 2018.
3. Резолюция Костомаровского форума, 24–28 мая 2021 года // kostomarovforum.ru — М., 2021.
4. Резолюция Седьмого Всероссийского форума «Национальная система квалификаций России», 18–19 ноября 2021 года // nark.ru — М., 2021.

Gorbatova D. A.

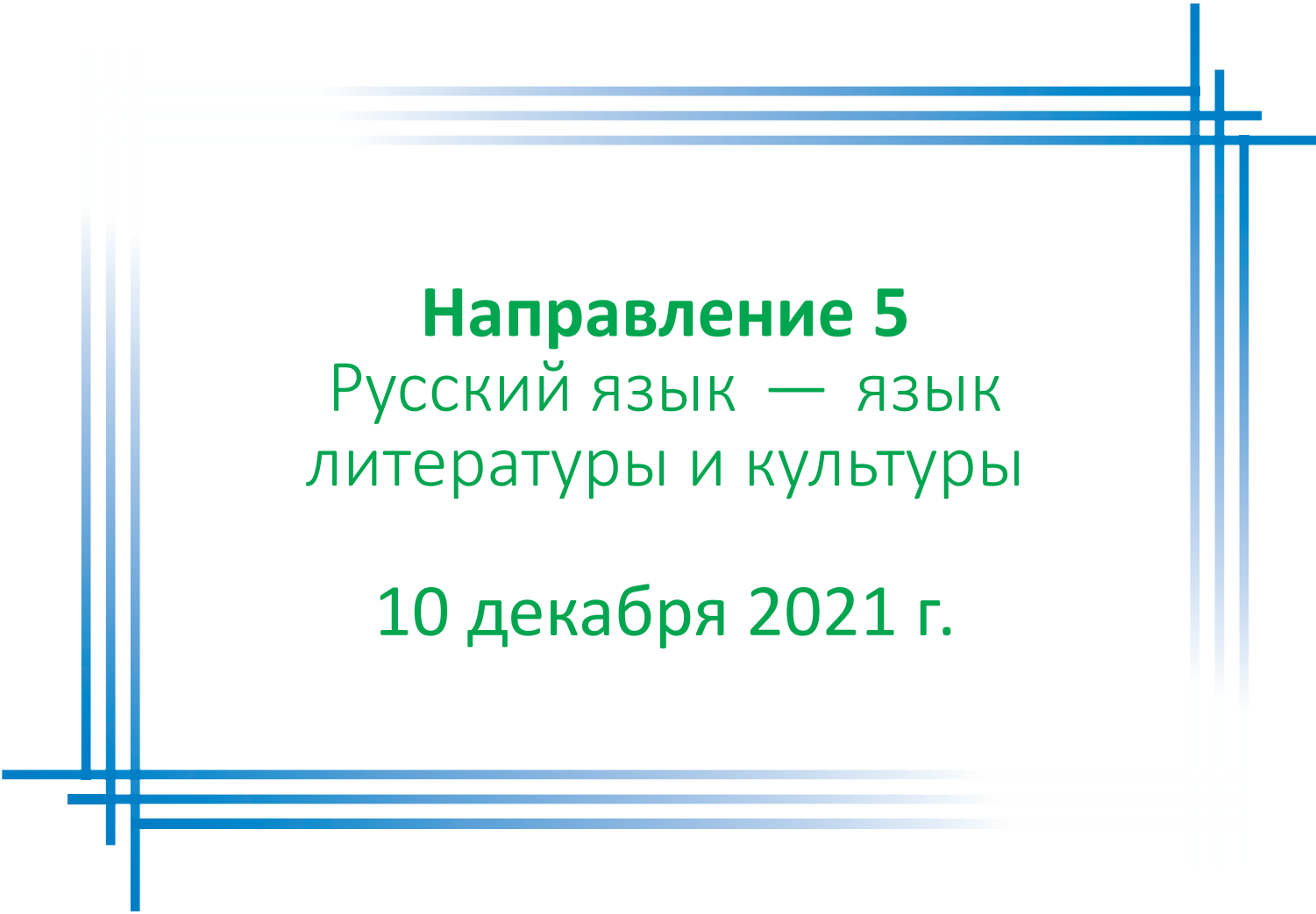
dina.a.gorbatova@gmail.com

The Pushkin State Russian Language Institute

Communication skills in the modern professional competence structure

This article is about new project which is being implemented by The National Agency for Qualifications Development and The Pushkin State Russian Language Institute. The project describes the value of communication skills in modern job market.

Keywords: soft skills, communication skills, qualifications, competence, job market, digital economy.

Направление 5
Русский язык — язык
литературы и культуры

10 декабря 2021 г.

Конструкции с творительным сравнения в поэзии Анны Ахматовой

В статье исследуются структурно-семантические характеристики и лингвопоэтические функции конструкций с творительным сравнения в поэзии Анны Ахматовой. Рассматривается также вопрос об использовании фольклорного bestiaria и переосмыслении его образов в данных конструкциях. Анализ был осуществлен в двух перекрестных направлениях: 1) по семантике глагола, управляющего творительным падежом, и 2) по семантике «субъекта» сравнения. В соответствии с первым классификационным признаком были выявлены следующие группы творительного сравнения: 1) конструкции с глаголами движения, 2) с глаголом, обозначающим статическое состояние, положение в пространстве, 3) с глаголами, обозначающими крики животных и пение птиц, 4) с глаголами, обозначающими характерные для того или иного животного или птицы действия. В соответствии со вторым классификационным признаком были выявлены следующие группы: «птицы», «животные», «растения», «явления и объекты природы», «артефакты», «человек».

Ключевые слова: творительный сравнения, поэзия, Анна Ахматова.

Период Серебряного века, зарождение литературного течения символизма и вслед за ним — акмеизма, многогранность и разнообразие поэтических языков во многом определили особенность языковой структуры поэзии Анны Ахматовой и преимущественно многообразное употребление ею стилистических средств. Ее творчество является бесценным материалом для анализа такого интересного языкового феномена, как творительный сравнения. Вдохновением для Ахматовой явилось и устное народное творчество, в котором нашел свое отражение и творительный падеж со значением сравнения.

Фольклор явился для Ахматовой способом выражения ее творческой индивидуальности. По утверждению П. П. Червинского: «Особенность ахматовского фольклоризма заключается не в прямом следовании источнику и обработке его, а в индивидуально-творческом восприятии некоторых существенных сторон поэтики определенного фольклорного жанра (лирической песни, заговора, частушки, причитания).

То змейкой, свернувшись клубком,
 У самого сердца колдует,
 То целые дни голубком
 На белом окошке воркует. (Вечер: 25)

В этом стихотворении («Любовь») от фольклорного (змейка — клубок — голубок — окошко) поэт переходит к индивидуальному, продолжая ряд (иней — левкой — скрипка — улыбка), помещая фольклорное в сферу индивидуально-авторского. Включением достигается своеобразная фольклорно-лирическая двойственность переживания. Ахматовские фольклорные включения свободно входят в структуру стиха, не подвергаясь коренным преобразованиям смысла, подчас сохраняя его почти полностью:

Серой белкой прыгну на ольху,
 Ласочкой пугливой пробегу,
 Лебедью тебя я стану звать,
 Мертвую невесту поджидать. (Милому: 115)

Белкой — на ольху, ласочкой — пробегу, лебедью — стану звать (в фольклоре ряд: утушкой, горностаюшкой, колечком, семечком) — соотносимы с фольклорными. Разница здесь в том, что у Ахматовой — мотив зова и ожидаемой встречи; в фольклоре — прощание после свидания с милым, возвращение домой» [3: 171].

Как отмечает Б. Эйхенбаум, у Ахматовой «эти творительные большею частью имеют смысл сравнений, но отличаются большей смысловой энергией, большей спаянностью с фразой и при этом ослабляют значение глагола. Можно поэтому утверждать, что кроме тенденции ослабить глагол, здесь выражается тенденция освободиться от обычной формы сравнений (с «как»), удлиняющей фразу... Ахматова явно избегает вводить сравнения... Ее сравнения относятся именно к глаголу, к сказуемому, и поэтому стоят как бы на месте наречий: «...в небе облачко серело, как беличья расстеленная шкурка» (серело, как шкурка). Таким образом, с точки зрения не грамматических, а художественно-стилистических функций употребление Ахматовой «сказуемого творительного» <...> свидетельствует о тенденции к сокращению синтаксиса и к увеличению выразительной энергии. Это особенно ясно в тех случаях, когда мы имеем рядом сравнение и творительный или творительный и наречие:

Она сначала обожжет,
Как ветерок студень,
А после в сердце упадет
Одной *слезой* соленой. (Белая стая: 74)

Лежал закат *костром* багровым
И медленно густела тень» (Белая стая: 79) [4: 339].

Категорически не согласен с мыслью Б. Эйхенбаума об «ослаблении глагольного значения» В. В. Виноградов. «Б. М. Эйхенбаум ссылками на творительные падежи и сравнения пытался подтвердить странное (если не сказать больше) мнение об ослаблении глагола в поэзии Ахматовой. Мне нет необходимости доказывать, что его аргументация лингвистически беспомощна. Это может сделать всякий, кто знает синтаксис... Во всех случаях [творительного сравнения] «глагол является полновесным сказуемым», и, следовательно, об ослаблении его не может быть никакой речи» [2, с. 410–411].

В. В. Виноградов разграничивает «творительный сказуемый» от «творительного метаморфозы», или творительного сравнения, в поэзии А. Ахматовой. Метаморфоза — это прежде всего сцена, эпизод, в котором читатель должен «увидеть» превращение. «Творительный метаморфозы» позволяет наблюдать, как исчезает субъект (предмет) и остается... его «оборотень»:

Ты *краткою голубкой* не прильнула
К моей груди, но *коришном когтила*. (Другой голос: 146)

И черным *вороном* другой,
Меня целуя, стал. (Подорожник: 137)

Во всех этих и подобных случаях, в которых «глагол является полновесным сказуемым», имеет дело не с чисто словесными метафорами, а с отголосками «мифологического мышления». Все эти «превращения» созерцаются героиней как реальность. Стало быть, здесь дело не в языковых метаморфозах, а в способе восприятия мира. И поэтому в этом же аспекте должны быть толкуемы и такие примеры реализации излюбленных Ахматовой словесных образов...» [2, с. 412–413].

В ходе анализа поэтического творчества А. Ахматовой методом сплошной выборки было выявлено до 60 примеров творительного сравнения. Дальнейший наш анализ проводился в двух перекрестных направлениях: 1) по семантике глагола, управляющего творительным падежом и 2) по семантике предмета, т. е. «субъекта», сравнения.

В соответствии с первым классификационным признаком было выявлено несколько групп творительного сравнения.

1. Самая многочисленная группа представлена конструкциями с глаголами движения. В эту группу мы включили не только собственно глаголы движения, но и те глаголы, которые обозначают некоторое конкретное (физическое) действие, осуществление которого предполагает движение, перемещение в пространстве. В этой группе существительные в творительном падеже могут иметь целый спектр взаимосвязанных значений, объединенных способом осуществления действия (в данном случае — через сравнение).

1. Он в шестнадцатом году весною
Говорил, что *птицей прилечу*. (Тростник: 181)
2. И слава *лебедью плыла*
Сквозь золотистый дым. (Вереница четверостиший: 237)
3. Пусть *струится* она (речь) сто веков подряд
Горностаевой *мантией* с плеч. (Вечер: 24)
4. Я к нему *влетаю* только *песней*. (Белая стая: 116)
5. И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал. (Тростник: 194)
6. Но месяц алмазной *фелукой*
Вдруг *выплыл* над встречей — разлукой. (Из цикла «Ташкентские страницы»: 287)
7. Черной *нищенкой скитаюсь*
По столице иноземной. (Подорожник: 129)
8. Все *унеслось* прозрачным *дымом*. (Тростник: 184)
9. Пыль *взматается* *тучею* снежною,
Скачут братья на замковый двор. (Anno Domini: 150)
10. Еще недавно *ласточкой* свободной
Свершала ты свой утренний *полет*. (Подорожник: 138)

2. Следующую группу составляют конструкции с глаголом, обозначающим статическое состояние, положение в пространстве. В этих конструкциях используются глаголы *лежать*, *стлаться*, *стоять*.

1. Когда *лежит* луна *ломтем* чарджуйской *дыни*
На краешке окна, и духота кругом... (Нечет: 217)
 2. Она (жизнь) передо мною *стлалась* *лугом*,
Где некогда гуляла Прозерпина. (Северные элегии: 260)
 3. Глухонемая *ночь* вокруг стеной *стояла*...
(Шиповник цветет: 272)
- (стоять стеной — адвербиализованный творительный сравнения)

Переходным типом в данной группе являются конструкции, в которых глагол совершенного вида обозначает движение, завершающееся фиксацией определенного статического положения в пространстве.

1. Пусть *камнем* надгробным *ляжет*
На жизни моей любовь. (Четки: 45)
2. А на жизнь мою *лучом* нетленным
Грусть легла, и голос моей незвонок. (Четки: 65)

3. Третью группу составляют конструкции с глаголами, обозначающими крики животных и пение птиц (шире — характерные звуки, издаваемые теми или иными животными или птицами). В некоторых случаях характеризующий признак скрыт в глаголе, он выражается лишь в сочетании с данным конкретным существительным. Следовательно, семантическая связь между глаголом и существительным может быть:

а) сильной (если реализуется синтагматическая, валентностная обусловленность, взаимозависимость глагола и субъекта сравнения):

То целые дни *голубком*
На белом окошке *воркует* (Вечер: 25)

б) слабой (если характеризующий признак выражен только в существительном — это более распространенная группа):

1. И придя в свою светлицу,
Застонала хищной птицей. (Anno Domini: 156)
2. А тайная боль разлуки
Застонала белой чайкой... (У самого моря: 123)
3. И в полночь майскую над молодой черницей
Кричит истомно раненой орлицей. (Anno Domini: 173)

4. Четвертая группа образуется в результате расширения характерного признака: учитывается не традиционный признак — крики (звуки) животных и птиц, а вообще характерные для того или иного животного или птиц действия.

1. ...И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери. (Северные элегии: 261)
2. Ты кроткою голубкой не прильнула
К моей груди, но *коршунном когтила.* (Anno Domini: 146)

Второй классификационный признак — семантика предмета («субъекта») сравнения — ориентирован на выявление наиболее типичных образов, реализуемых в конструкциях с творительным сравнения у Ахматовой. Были выявлены следующие группы:

1. Птицы. Этот образ встречается и как общее родовое понятие (лексема «птица») и как ее видовые реализации (лексемы «лебедь», «ласточка», «голубь (голубок — голубка)», «орлица», «коршун», «чайка», «ворон» (а также — вне творительного сравнения — «кукушка», «соловей», «журавль», «аист»...). (Примеры см. выше). Всего было выявлено 89 употреблений 19 орнитонимов. Многозначный символ птицы, прочно связанный с народной традицией, занимает особое место в художественном восприятии действительности Ахматовой. Птицы в ее поэтическом мире соотносимы с фольклорными. «Голубь (голубка) — вестник либо параллель любви счастливой; соловей — обнаруживает связь с поэзией; творчеством, пением; кукушка — предсказывает число лет; журавль — зов и клик над полем, напоминание в уединении, уход; ворона — тревожный вестник недоброго, неосуществленность желаний» [3, с. 178].

2. Животные. Другая часть «субъектов» сравнения, используемых в творительном падеже, состоит из зоонимов-наименований животного мира. Это лексемы «белка», «ласточка», «собака» и «змея» (= «змея»). Семантические и коннотативные признаки, выраженные в тех или иных зоонимах и ассоциируемые с соответствующими животными, относятся к человеку. Выражение этого явления и наблюдается в приведенных ахматовских строчках. По Е. В. Огольцевой «эта группа лексики, пожалуй, с наибольшей полнотой выражает сокровенные, сакральные представления Человека о самом себе, о своем месте и предназначении в мире. У человека нет иного способа выразить то, что он думает о себе, кроме как «дистанцироваться» от самого себя, мысленно отождествив себя с другими, но себе подобными, существами» [5]. Данная группа слов наиболее ярко отражает национальную культуру русского языка, и семантика большинства выбранных Ахматовой субъектов сравнений вобрала в себя именно мифологическое сознание русского народа. Ведь лебедь, ястреб, орлица, белка и т. д. являются неотъемлемой частью русского фольклорного бестиария.

3. Растения. В стихотворениях встречается образ «плакучей ивы», в котором отразился фольклорный мотив, «терновой ветки», несущий в себе мотив христианской культуры, и «ломоть дыни» (восточные мотивы) (см. выше).

1. Над вашей памятью не стыть *плакучей ивой*
А крикнуть на весь мир. (Ветер войны: 210)
2. Туго согнутой *веткой терновою*
Мой венец на тебе заблестит. (Anno Domini: 145)

4. Явления и объекты природы. Здесь встречаются конструкции с лексемами «молния», «туча», «дым», «луч» (примеры см. выше), «зарница».

- Зачем улыбаешься ты
Мне с неба внезапной *зарницей*? (Белая стая: 95)

5. Артефакты. В особую группу входят лексемы, обозначающие созданные человеком предметы материальной культуры. Здесь встречаются такие лексемы, как «погремушки», «венец», «коронка» (= «корона»), «стена», «мантия», «фелука»:

1. *Венцом* черновым заплетутся розы
И голоса незримых прозвучат (Белая стая: 78)
2. Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы *коронкой*
И взволнованным голосом петь (Четки: 61)
3. А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать (Anno Domini: 164)

6. Человек. В этой группе встречается социально окрашенная, эмоционально-экспрессивная лексика, такие слова, как «отрок», «муж» (в значении «мужчина»), «нищенка», «вдова», «хозяйка», «пленница».

1. А, это снова ты. Не *отроком* влюбленным,
Но *мужем* дерзостным, суровым, непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь (Белая стая: 77)
(В данном примере мы имеем дело с творительным сказуемым).
2. *Вдовою* у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна (Ветер войны: 213)
3. Нежной *пленницею* песня
Умерла в груди моей (Подорожник: 128)
4. А здесь уже вошла *хозяйкой* — гибель,
И эта гибель — это тоже ты. (Второй том: стр. 84)

Примыкают к этой группе конструкции с лексемами «песня», «улыбка»:

1. Я к нему влетаю только *песней*
И ласкаюсь утренним лучом. (Белая стая: 116)
2. Днем перед нами ласточкой кружила,
Улыбкой расцветала на губах. (Последние стихи: 298)

Отметим также, что творительный сравнения встречается не только в собственных оригинальных произведениях Ахматовой, но и в ее переводах:

1. ...пшатовый кустарник
Колочей тянется *каймай*. (перевод из Маро Маркарян)
2. Как будто холмы и поля цветут
Огромным живым *ковром*. (перевод из Исаакяна)
3. То грубел он (язык) горными *пластами*,
То кристалл не смел сравниться с ним... (перевод из Чаренца)

В результате исследования стало ясно, что у А. Ахматовой нет ни одного случая употребления творительного сравнения приименного — только приглагольные, что, несомненно, связано с характером ее поэтического языка — энергией выражения, динамизмом и некоторыми другими чертами, отмеченными еще Б. М. Эйхенбаумом и В. В. Виноградовым. В то же время наш анализ доказал правоту точки зрения В. В. Виноградова о ложности тезиса об ослаблении глагола и глагольности в поэтическом языке А. А. Ахматовой.

Литература:

1. Ахматова А. Сочинения в двух томах. — М.: Правда, 1990. — Т. 1. — С. 448. — Т. 2. — 432 с.
2. Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // Избранные труды. Поэтика русской литературы. — М.: Наука, 1976. — С. 367–459.
3. Червинский П. П. Семантический язык фольклорной традиции. — Тернополь: Крок, 2011. — 228 с.
4. Эйхенбаум Б. М. А. Ахматова (опыт анализа) // О поэзии. О прозе: сборник статей. — Л.: Художественная литература, 1986. — С. 374–439.
5. Огольцева Е. В. Опыт гнездового описания образной производной лексики (на материале образных гнезд зоонимов) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tjano.ruslang.ru/index.php/ru/archive/2006-2/139-164> (дата обращения: 06.03.2020 г.).
6. E. Rakhilina, E. Tribushinina The Russian instrumental-of-comparison: constructional approach. In: Linguistics in a Cognitive Framework. Publisher: Peter Lang. Editors: M. Grygiel, L. Janda. 2011. 328 p. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/234136240_The_Russian_instrumental_of_comparison_A_constructional_approach (дата обращения: 14.11.2021 г.)

K. Hakobyan

karen.hakobyan@rau.am

T. Hovhannisyan

t.hovhannisyan.99@mail.ru

Russian-Armenian University,

The Institute of Humanities

Constructions with instrumental of comparison in the poetry of Anna Achmatova

The article examines the structural and semantic characteristics and linguopoetic functions of constructions with instrumental of comparison in the poetry of Anna Akhmatova. The issue of the use of the folklore bestiary and the rethinking of its images in these constructions is also considered. The analysis was carried out in two cross-current directions: 1) on the semantics of the verb ruling the instrumental case and 2) on the semantics of the “subject” of comparison. According to the first classification’s feature, the following groups have been identified: 1) constructions with verbs of movement, 2) verbs denoting as a state, position in space, 3) verbs denoting animal cries and birdsong and 4) verbs denoting action characteristics of specific animal or bird. According to the second classification’s feature the following groups have been identified: “birds”, “animals”, “plants”, “natural phenomena and objects”, “artifacts”, “human”.

Keywords: instrumental of comparison, poetry, Anna Achmatova.

Национально-прецедентные феномены в политической речи (на примере высказываний президента РФ В. В. Путина)

Данная статья посвящена рассмотрению национально-прецедентных феноменов в речи В. В. Путина, в результате чего делаются попытки выявить особенности прецедентных феноменов, которые представляют сложность для понимания носителей другого языка. В статье подчеркивается роль национально-прецедентных феноменов в политической речи президента РФ, что демонстрируется на конкретных примерах. Исследование показывает необходимость создания специальных справочников и словарей для трактовки сложно переводимых или безэквивалентных прецедентных феноменов, используемых в политической речи, на основе чего автором даются рекомендации.

Ключевые слова: национально-прецедентные феномены, прецедентный текст, политическая речь, речь В. В. Путина.

Введение

Лингвистическая теория прецедентности и исследование особенностей использования прецедентных феноменов в речи были удостоены внимания филологов особенно во второй половине и в конце XX века. Это можно объяснить тем, что XX век был ознаменован началом развития коммуникационных технологий, в результате чего та или иная информация распространялась с заметной силой. Получить информацию стало намного проще, газеты, листовки, журналы, телефон, а также теле- и радиокommunikация стали новым и быстрым способом передачи важной информации. Среди всех видов информации стоит особо выделить ту, которая непосредственно касалась политической ситуации в стране и за рубежом. В газетных заголовках особо подчеркивались цитаты и высказывания выдающихся людей, артистов, политиков и т. д. с целью сделать передаваемую информацию более выразительной, ссылаясь на те или иные предыдущие знания о рассматриваемом вопросе. С феноменом распространения информации политическая речь становилась краше и богаче с единственной целью — охватить внимание большей аудитории. Именно в данное время политическая и ораторская речь обогащалась различными высказываниями, с помощью которых делались попытки психологического и эмоционального влияния на читателей.

Актуальность, а также интерес к рассмотрению данной тематики обуславливается тем, что существуют различные классификации прецедентных феноменов, однако в настоящее время более фундаментальной и традиционной считается классификация Ю. Н. Караулова, которая, по нашему мнению, не может дать объяснение некоторым малоизученным феноменам и представить полную картину дифференциации прецедентных феноменов в политической речи. Стоит отметить, что прецедентность как явление в жизни человека, в зависимости от рода его деятельности и уровня коммуникативной компетенции, охватывает более широкий ареал проблематики.

Цель работы — выявить особенности национально-прецедентных феноменов в речи президента РФ В. В. Путина.

Вопросом особенностей прецедентных феноменов, в частности прецедентного текста, занимались Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Ю. Е. Прохоров, В. Г. Костомаров, А. Е. Супрун, В. В. Красных, Н. Д. Бурвикова и т. д. В трудах Караулова и Сорокина были рассмотрены такие понятия, как «прецедентный текст», «прецедентное высказывание», «текстовая реминисценция», «прецедентная текстовая реминисценция» и т. д. [1: 264]. Для исследования особенностей использования прецедентных текстов в политической речи мы обратились к работе В. В. Красных, изучая которую

можно прийти к выводу, что к прецедентным относятся следующие явления, события, предметы, названия или высказывания:

- 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»);
- 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
- 3) обращение (апелляция), постоянно возобновляемые в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества, обобщенно названные феноменами [2: 170].

В своих трудах Ю. А. Сорокин и И. М. Михалева обращаются в особенности к тем прецедентным текстам, которые присутствуют в художественном произведении, подчеркивая их ведущую роль в раскрытии феномена прецедентности. Данные ученые называют прецедентность «средством фокусировки смысловой массы художественного текста», подчеркивая социальную обусловленность художественного текста. Обращаясь к данной мысли, Красных отмечает, что прецедентность не может быть исследована только в рамках художественного текста [2: 375]. В данном случае мы согласны с мыслью Красных, принимая во внимание то, что прецедентные феномены так многогранны в своем употреблении, что могут быть использованы в разных контекстах, с разной целью и иметь различные функции в зависимости от стилистических характеристик речи. Особо стоит выделить культурно обусловленные функции, благодаря которым прецедентные феномены могут приобрести роль знака, эталона или характерного символа нации. Мы считаем, что в большинстве случаев именно с такой ролью выступают прецедентные высказывания, используемые политиками в политической речи.

Мы рассматриваем в данной статье прецедентные высказывания в политической речи, в частности речи Президента РФ В. В. Путина. В **фокусе исследования** находится национальная маркированность тех или иных высказываний, которые занимают особое место в национальном самосознании русских и могут быть рассмотрены как когнитивные компоненты традиционных народных символов. В данном случае, обращаясь к позиции В. В. Красных, национально маркированные прецедентные высказывания рассматриваются как имеющие сверхличностный характер, хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, а также актуальные для них в когнитивном и эмоциональном плане (в данном случае в роли лингвокультурного сообщества выступают русские — носители русского языка и русской культуры).

Метод исследования — дискурсивный и интерпретационный анализ.

Результаты и обсуждение. Рассмотрим некоторые примеры из речи Президента РФ В. В. Путина. По случаю инцидента уничтожения российского Су-24 в Сирии 24 ноября 2015 года Путин ответил на вопрос журналиста: *«Русский медведь дремлет, но никогда не спит»*. Стоит отметить, что данное высказывание в своих различных вариациях распространено среди русских и используется в речи с целью предупредить о грядущей и неминуемой реакции РФ на те или иные угрозы или провокации извне. В когнитивном плане носитель языка непременно понимает, что реакция проснувшегося медведя может быть более опасной, чем бодрствующего. Выражение «русский медведь» часто используется не только в обыденной, но и в политической речи как русских, так и зарубежных политиков, ссылаясь на саму страну — Российскую Федерацию. В качестве символа России бурый медведь появился на Западе на рубеже XVIII века. Многие европейские лидеры часто говорили, что Россия — «большая, неуклюжая и жестокая» страна. В связи с этим нами был проведен опрос среди носителей русского языка/культуры и студентов, изучающих РКИ (50 % на 50 % соответственно). 95 % первой и 80 % второй группы отметили, что в любых русских сказках, телевизионных передачах и программах, а также в политическом контексте воспринимают медведя как символа России, ассоциируя его поведение, характер и действия с русской нацией.

Путин напомнил о крылатом латинском выражении *«То, что позволено Юпитеру, не позволено быку»* и заявил, что Россия не может согласиться с таким подходом. *«Может быть, быку и не позволено, но хочу вам сказать, что русский медведь разрешения спрашивать не будет. Вообще, он считается у нас хозяином тайги, и он не собирается — и я знаю это точно — куда-то переезжать в другие климатические зоны, ему там неуютно. Но тайги он своей никому не отдаст, я думаю, что это должно быть понятно»*, — заявил президент на заседании Валдайского клуба, которое транслировалось в эфире телеканала «Россия 24» [6].

С декабря 2014 года западными СМИ было отмечено, что активные действия России по укреплению собственных арктических позиций вызывают настороженность у Вашингтона. Владимир

Путин неоднократно подчеркивал: «*Многие воспринимают нашу активность с настороженностью. Однако следует понимать, что воевать с кем-то мы не собираемся и действуем исключительно в рамках международного права*». «*Россия демонстрирует всему миру: “русский медведь” в Арктике не дремлет и будет решительно отстаивать свою часть северных ресурсов планеты*» [4]. Как видно из предыдущего примера, президент снова прибегает к прецедентному высказыванию, называя Россию медведем. Стоит отметить, что русский медведь снова ассоциируется со словами «дремать», «спать» или «бодрствовать», и в этом контексте он «не дремлет» и готов решительно бороться за свою долю.

Президент РФ Владимир Путин на пресс-конференции 18 декабря 2014 г. сравнил Россию с медведем, из которого другие страны хотят сделать чучело. «*Мне самому иногда приходит в голову мысль: может быть, мишке нашему надо посидеть спокойненько, не гонять поросят и подсвинков по тайге, а питаться ягодками, медком. Может быть, его в покое оставят? Но разве медведя когда-нибудь оставят в покое? Нет. Медведя всегда будут пытаться посадить на цепь и вырвать зубы и когти — говорю это, имея в виду силы ядерного сдерживания. А потом чучело сделают или шкуру повесят на стенку. Вот такой у нас выбор*», — добавил он [7].

В данном случае президент снова сравнивает Россию с медведем, приписывая России участь убитого медведя в случае соответственного мягкого поведения. Интересным является использование уменьшительно-ласкательной формы «мишка», целью которого является акцентирование мягкости и дружелюбия лесного зверя.

На встрече с Джоном Болтоном в октябре 2018 г.: «*Насколько я помню, на гербе США изображен орлан, с одной стороны он держит 13 стрел, а с другой стороны — оливковую ветвь как знак миролюбивой политики, с 13 оливками. Вопрос: ваш орлан уже все оливки склевал — остались одни стрелы?*» [5] — улыбаясь, спрашивает Путин у помощника Трампа по нацбезопасности. Президент России намекнул на агрессивную внешнюю политику США с юмором. Слово «орлан» ссылается на символ Америки *Bald Eagle*.

«*Бойцы поминают минувшие дни, и битвы, где вместе рубились они*», — сказал В. В. Путин на встрече «Без галстуков» с Юлией Тимошенко, прокомментировав встречу президентов Грузии и Украины [8]. Это измененная президентом цитата из «Песни о Вещем Олеге» А. С. Пушкина. В данном контексте просторечное слово «продули» носит ироничный характер. Интересно заметить, что речь президента очевидным образом наполнена прецедентными высказываниями, фразами и выражениями, что делает политическую речь более выразительной.

В октябре 2016 г. В. В. Путин ответил на вопрос о смягчении санкций, введенных Россией следующим образом: «*И кого-то пытаются учить... Пусть жену свою учат щи варить*» — заметил российский лидер (из фильма «Место встречи изменить нельзя»). Заметим, что данным высказыванием президент намекал, что никакая страна не вправе командовать Россией, учитывая тот факт, что сами эти страны имеют различные проблемы, нуждающиеся в решении. В данном прецедентном высказывании прецедентностью характеризуется не только сама фраза из фильма, но и слово «щи», так как, являясь национальным блюдом, «щи» также выделяется прецедентной характеристикой и имеет национально-культурную маркированность.

«*А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь*», «*Кто в лес, кто по дрова*» — президент описал ситуацию перестановок в кадровой политике (из произведения И. А. Крылова «Квартет») [8]. Фраза из басни определенно несет негативную коннотацию, однако благодаря одной прецедентной фразе президент выразил свое недовольство работой чиновников.

«*Правда, сейчас они что-то там зажали в потный кулачок, как Буратино свои пять золотых, не хотят нам больше ничего давать...*» — заявил Путин, ссылаясь на нежелание Туркмении давать России кавказских леопардов для восстановления популяции [9]. Согласно сказке у Буратино не было ничего ценнее пяти монет. Из данного высказывания можно предположить, что у Туркмении недостаточно иных ресурсов, а этими леопардами они дорожат так, словно леопарды имеют весомую цену с экономической точки зрения. Очевидно, что прецедентное высказывание и ссылка на народную сказку в данном контексте помогли выразить мысли, которые не были представлены прямым текстом. Стоит отметить, что в отличие от выражений «русский медведь», «американский орел/орлан», «пять золотых Буратино», национально маркированные выражения, или определенные предложения, взятые из народных сказок/произведений, с трудом

поддаются переводу, из-за чего именно в синхронном переводе можно столкнуться со значительными проблемами. Многие прецедентные высказывания подобного характера опускаются как при синхронном, так и в текстовом переводе, чем и выражается сложность перевода когнитивных значений тех или иных высказываний. Исследование показало, что в основных официальных зарубежных источниках отсутствует перевод национально-прецедентных высказываний российских политиков, в частности В. В. Путина, а на их месте иногда можно заметить маркировку «*omitted section*». Таким образом, можно сделать вывод, что национально-прецедентные феномены представляют значительную сложность особенно в переводе. В данной статье мы предлагаем решить вопрос текстового перевода специальной маркировкой (например знаком *), ссылаясь на тщательное объяснение тех или иных национально окрашенных прецедентов в приложении, что облегчит понимание политической речи для иностранного читателя. Что касается проблем восприятия национально-прецедентных феноменов при синхронном переводе, то в данном случае вопрос нуждается в более тщательном рассмотрении, с целью

Обсуждение результатов

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- ✓ политический дискурс, ввиду своей специфики, является достаточно продуктивной платформой для рассмотрения и исследования прецедентных феноменов;
- ✓ прецедентный феномен, в частности прецедентный текст, функционируя в политическом дискурсе, делает политическую речь более красочной и выразительной;
- ✓ основная проблема, с которой сталкивается иностранный читатель/слушатель — непонимание или неправильная трактовка языковых феноменов, которые несут глубокое когнитивное, культурное и национально маркированное значение, специфичное только для носителей определенной культуры;
- ✓ национально-прецедентные феномены почти не подвергаются переводу/правильному переводу в официальных иностранных источниках, что способствует возникновению значительных проблем и затрудняет процесс понимания политической речи;
- ✓ интерпретационный, когнитивный и дискурсивный анализ прецедентных феноменов в целом сможет способствовать облегчению процесса понимания;
- ✓ мы считаем уместным создание специальных справочников/толковых словарей для интерпретации прецедентных феноменов в политической речи;
- ✓ речь В. В. Путина на самом деле насыщена различными видами прецедентных феноменов, не имеющих каких-либо соответствий в другом языке;
- ✓ правильная идентификация всех смысловых особенностей национально-прецедентных феноменов возможна только при наличии знаний о языке, традициях, истории, литературе и других культурно обусловленных аспектах носителей исходного текста.
- ✓ национально-прецедентные феномены представляют широкий спектр для дальнейших исследований в этом направлении, что может способствовать развитию межкультурной коммуникации.

Заключение

В настоящее время прецедентные феномены удостоились значительного внимания со стороны лингвистов XXI века, так как ввиду быстроразвивающейся глобализации межкультурная коммуникация, изучение различных языков, а также развитие межполитических взаимоотношений способствуют широкому охвату изучения всех сфер жизнедеятельности другой страны. Среди данных аспектов можно выделить также культурно обусловленные языковые особенности, благодаря чему овладение коммуникативной компетенцией становится наиболее полным. Прецедентные феномены являются одними из тех культурно обусловленных спектров языка, которые тесно связаны с ментальными и когнитивными аспектами мышления нации, из-за чего их понимание почти невозможно для носителя другой культуры. Политическая речь является той сферой, в которой требуется максимум четкости и ясности во избежание необоснованных конфликтов сторон. Исследование национально-прецедентных феноменов в политической речи может способствовать как развитию межнациональных связей, так и межкультурной коммуникации, что очень актуально ввиду быстро развивающейся глобализации в XXI веке.

Литература:

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — 7-е изд. — М.: ЛКИ, 2010. — 264 с.
2. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003. — 375 с.
3. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М., 1990. — С. 180–196.

Электронные ресурсы

1. <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=news&action=view&id=23317>
2. <https://www.rbc.ru/politics/23/10/2018/5bcf41f39a7947094524804d>
3. <https://www.vesti.ru/article/1800941>
4. https://www.bbc.com/russian/russia/2014/12/141218_putin_press_conference_analysis
5. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2009/11/24/kak-yuschenko-i-saakashvili-otreagirovali-na-shutki-putina>
6. <https://ria.ru/20091203/196835790.html>

National-precedent phenomena in political speech on the example of statements of the president of RF V. V. Putin

The article is devoted to consideration of national-precedent phenomena in the political speech of the president of RF V. V. Putin, in the result some peculiarities of precedent phenomena are revealed, which give rise to some problems of understanding for the bearers of foreign language. The role of Putin's national-precedent statements is underlined, which is presented on the particular examples. The investigation demonstrates the necessity of some guidelines and dictionaries, which will contain interpretation of precedent phenomena, which do not have counterparts or are not subject to translation. On this basis some recommendations are given by the author.

Keywords: national-precedent phenomena, precedent texts, political speech, speech of V. V. Putin.

О дисфункциональном использовании библейских крылатых слов на русском

Традиция и преемственность удержали в современном русском языке более 200 библейских крылатых слов. Крылатость в русском (как и в других языках) библейские выражения приобрели в силу разного рода этнопсихолингвистических, лингвокультурологических и прочих причин. Новая российская социокультурная ориентация проявляется и в актуализации устаревших единиц, в частности в актуализации конфессиональной и церковнославянской лексики и фразеологии. Но этот процесс могут сопровождать помехи, причиной которых может являться незнание глубинного смысла текста Священного Писания, откуда и может вытекать неверная интерпретация слов и фразеологических единиц, содержащихся в библейских текстах. Это обстоятельство дает право говорить о проблеме *дисфункционального использования актуализированных единиц языка*.

Ключевые слова: этимология, фразеология, дисфункциональное употребление библеизмов.

Возвращение русского народа к своим христианским истокам выдвинуло необходимость составления новых словарей и энциклопедий, адресованных широким слоям населения, интересующегося вопросами Церкви, веры, культуры и языка. Эти же обстоятельства привели к образованию лакун при чтении, воспроизводстве и аудировании библейских текстов, при употреблении библеизмов и библейских крылатых слов (далее — БКС).

В отличие от проницаемости и постоянного увеличения фразеологического уровня русского языка, фонд БКС остается неизменным. Отметим, что *двуязычные (русско-национальные)* словари крылатых слов впервые появились в СССР в 1980 г. [3]. Согласно нашим подсчетам, в «Русско-английском словаре крылатых слов» Уолша И. А. и Беркова В. П. 12,2 % составляют библеизмы, восходящие к текстам Священного Писания [21], в «Русско-немецком словаре крылатых слов» Афонькина Ю. Н. их — 103 из 1200 единиц, то есть 9 % [2], в словаре «Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения» Ашукина Н. С. и Ашукиной М. Г. — 201 из более полутора тысяч, то есть свыше 7 % [1], в словаре «Современные крылатые слова и выражения» Грушко Е. А. и Медведева Ю. М. — 206 из свыше 2500, то есть более 12 % [8]. Эта разница (5 % — А. С.) объясняется бóльшим охватом крылатых слов в последнем словаре. Нами не рассматривалась книга М. А. Булатова «Крылатые слова», потому что издана она была в 1958 г., да еще в издательстве «Детгиз», и по понятным причинам число БКС там составляет мизерное количество [4]. На страницах «Словаря крылатых слов и выражений» Э. А. Вартамянна насчитывается 83 БКС из 754 [6].

Знание значительного числа БКС и использование их как в письменной, так и в устной речи входит в «облигаторный корпус русского сознания» [5, с. 196–199], хотя и они не являются внутрикультурными и не ориентированы исключительно на русскоязычных. Толкование словарной статьи в словарях должно быть достаточным для понимания значения лексической единицы. И поэтому имеющиеся дополнительные сведения о БКС, которые помогут читателю сориентироваться в семантическом поле данного выражения, должны быть представлены в словарной статье. Именно так мы и поступили в словарной статье *Что есть истина?* нашего «Русско-армянского словаря библейских крылатых слов» [15].

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА? На сюжет этого евангельского рассказа художником Н. Н. Ге (1831–1894) написана картина «Что есть истина?» (1890), находящаяся в Третьяковской галерее в Москве. Она была запрещена к показу повелением императора Александра III, куплена П. М. Третьяковым по настоянию Л. Н. Толстого.

До сих пор для многих является откровением, что источником (по нашим подсчетам — 234 единицы) некоторых распространенных крылатых выражений «Перекуем мечи на орала», «Кто не работает, тот не ест» и др. является Библия.

С. Г. Тер-Минасова в классическом университетском учебнике «Язык и межкультурная коммуникация» в «§ 4. Современная Россия через язык и культуру», говоря о радикальных переменах в общественной жизни и в русском языке, в качестве **первой тенденции** приводит **возвращение старых слов** (выделение автора. — А. С.) [20, с. 127], и большую часть среди них занимают библеизмы.

Среди массива «обновленных» слов особым случаем актуализации устаревших единиц является актуализация конфессиональной и церковнославянской лексики (см. работы В. Г. Костомарова, Е. В. Кокориной, Е. С. Кара-Мурзы, В. Москвича, Л. П. Кременцова). Но этот процесс могут сопровождать помехи, которые создают дополнительные трудности при восприятии информации. Причиной таких помех может являться незнание глубинного смысла текста Священного Писания, откуда и может вытекать неверная интерпретация слов, содержащихся в библейских текстах. Это обстоятельство (наряду с другими) дает право говорить о проблеме *дисфункционального использования актуализированных единиц языка*. Под дисфункциональным использованием актуализированных единиц понимаются случаи, когда говорящий или пишущий приписывает лексеме неверное значение, отчего возникает эффект, автором этого сообщения не планируемый. Существует много случаев неуместного употребления библейской фразеологии, причина которых в непонимании тех речений, которые заимствуются из Священного Писания. Вероятно, подобные случаи подходят под определение: «Помехи: незапланированные искажения в процессе передачи информации, приводящие к тому, что адресат получил не то сообщение, которое передал отправитель» [11, с. 869].

В основе ошибок слов, фразеологических единиц, афоризмов, восходящих к Священному Писанию, их дисфункционального использования, по Е. Н. Прибытько, «лежит не только незнание фразеологии, невнимательное отношение к языку, но в ряде случаев плохое знание библейских сюжетов, непонимание церковнославянских слов, сохранившихся в русских библеизмах» [14, с. 53–55].

Иначе освещает проблему неправильного использования библеизмов С. А. Гостева: «из-за недостаточного знания современным обществом иностранных языков, в особенности классических — латинского, греческого, а также старославянского языка... для неспециалиста становится недоступным осознание внутренней формы некоторых сакральных слов» [7, с. 87].

Среди работ, посвященных теме неправильного употребления БКС, особо следует выделить работу Г. Я. Лилич и О. И. Трофимкиной, где рассматривается использование в современном русском языке сочетания «*ложь во спасение*» вместо непонятого сегодня церковнославянского «*ложь конь во спасение*» [12, с. 277].

Е. В. Кокорина, рассматривая использование конфессиональной и церковнославянской лексики в современных массово-коммуникативных текстах, подчеркивает случаи «оживления старых метафор» [10, с. 72]. В этом контексте следует сказать об использовании *актуализированных БКС*, ибо стилизация под тексты конфессионального типа является сегодня излюбленным приемом литераторов и журналистов. К сожалению, мы вынуждены отметить, что примеров правильного и осознанного употребления БКС как в текстах современной литературы, так и в речевом пространстве сегодняшних СМИ мало.

Для некоторых БКС обязательны лингвокультурологические и лингвострановедческие пояснения, которые должны помочь современному читателю понять некоторый имеющийся семантический сдвиг в значении данного выражения. Большое количество БКС получило крылатость в форме цитаты на церковнославянском языке. Это естественно, ведь Библию на Руси, в Московии, в Российской империи на протяжении многовековой истории русского народа читали на церковнославянском языке. Незнание народом языка Священного Писания и богослужения, генетически близкого к языку, на котором он говорил, привело к появлению разного типа «семантических сдвигов» в дефиниции некоторых БКС. Вероятно, именно поэтому мы имеем сейчас: 1) *крылатые выражения с противоположным первичному значением* (**ЗЛАЧНОЕ МЕСТО; УНИЖЕНИЕ / УНИЧИЖЕНИЕ / ПАЧЕ ГОРДОСТИ** и др.). Здесь и далее в целях экономии места разберем по одному примеру.

ЗЛАЧНОЕ МЕСТО — в современном русском языке это выражение употребляется иронически в значении: место пьянства, разврата, азартных игр и пр. Однако в Псалтире «злачное место» употребляется в противоположном современному значении: приятное, спокойное, всем изобильное место.

Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим (Псл. 22: 1–2).

В современном русском литературном языке существительное «*пажить*» — «луг, поле» имеет стилистическую помету *трад.-поэт.* [13, Т. III, с. 11]. Слово это восходит к старославянскому *пажить* (частота по Старославянскому словарю — 11) — «пастбище» [19, с. 440], см. также в ЭСРЯ «пажить — др.-русск., ст.-слав. «луг» [22, Т. III, с. 185].

Злачное от существительного *злакъ* «травянистое растение, идущее в пищу» [17, III, с. 384]. Словарь русского языка XVIII века уже приводит два значения к этому прилагательному «1. изобилующий травой, зеленью; 2. *перен.* Приятный, покойный, благоденственный» [16, с. 185]. В Словаре В. Даля зарегистрировано одно значение прилагательного *злачный* «травный, травнистый, богатый растительностью, обильный злаками» [9, Т. I, 683]. В МАС с пометой «устарелое» представлено то же значение «обильный, богатый злаками; плодородный», но после знака «ромб» представлено устойчивое сочетание *злачное место* с пометами «шутливое», «ироническое» — «место, где кутят и развратничают» [13, Т. I, с. 611].

Фраза *на злачных пажитях* означала некогда «на урожайных полях». В заупокойной православной молитве есть такое выражение: «Упокой, Господи, душу раба Твоего в месте светле, в месте злачне, в месте покойне», то есть в раю. Сравни также: «И так мы оба, на земли поживши... водворимся в место злачно, в место покойно идеже праведники упокоеваются» Трут. 1769 [16, с. 185].

2) *БКС с ущербной дефиницией, которая появилась в силу неправильно понятого (переведенного) компонента* (ЛЕГЧЕ **ВЕРЬЛЮДУ** ПРОЙТИ СКВОЗЬ ИГОЛЬНЫЕ УШИ, НЕЖЕЛИ БОГАТОМУ ВОЙТИ В ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ; ЗАРЫТЬ (ЗАРЫВАТЬ) ТАЛАНТ В ЗЕМЛЮ; ЮДОЛЬ ПЛАЧА; КОЛОСС НА ГЛИНЯНЫХ НОГАХ; ПОСЫЛАТЬ ОТ ПОНТИЯ К ПИЛАТУ; ПРИТЧА ВО ЯЗЫЦЕХ; ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ; ВЛАСТИ ПРЕДЕРЖАЩИЕ и др.).

Неправильному пониманию БКС **ПРИТЧА ВО ЯЗЫЦЕХ** способствует компонент *во языцех*, который воспринимается как словоформа от *язык* «орган речи» [13, Т. IV, с. 780].

Во языцех — форма древнерусского существительного местного падежа множественного числа с заменой смягченного заднеязычного *к* свистящим *ц* от слова *языкъ*. В «Старославянском словаре» после вокабулы *языкъ* (с орфографическим йотированным юсом малым) третьим значением представлено: «народ, племя» [19, с. 807]. В Словаре В. Даля последним значением зарегистрировано: «народъ, земля, съ иноплеменнымъ населеньем своимъ, съ одинаковою речью» [9, Т. IV, с. 674]. Уже в академическом словаре последней трети XX века (МАСе) это значение сопровождается пометой «устарелое»: «6. Народ, народность» и из 41 фразеологического оборота и устойчивого сочетания, помещенных после объяснения всех значений слова, за знаком «ромбик» предпоследним представлено *Притча во языцех* [13, Т. IV, с. 780]. В «Стилистическом словаре публицистики» Г. Я. Солганика после третьего заголовочного слова-омонима *язык* в значении «народ, нация» с пометой «устарелое» зафиксирован БКС **ПРИТЧА ВО ЯЗЫЦЕХ** [18, с. 646].

3) *БКС с наличием лексического и грамматического архаизмов, которые иногда приводят к их неправильному использованию* (СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ и СЫНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ; МАФУСАЛОВ ВЕК и МАФУСАИЛОВ ВЕК; ВРАЧУ, ИСЦЕЛИСЯ САМ; ДОВЛЕЕТ ДНЕВИ ЗЛОБА ЕГО; ЗАДНЮЮ СОЗЕРЦАТЬ; ИМЯ ИМ ЛЕГИОН; НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ; СТРАХА РАДИ ИУДЕЙСКА; ТРУДНО ПРОТИВ РОЖНА ПРАТИ; УБОЯСЯ БЕЗДНЫ ПРЕМУДРОСТИ; ЧАЮЩИЕ ДВИЖЕНИЯ ВОДЫ и др.).

БКС **ВРАЧУ, ИСЦЕЛИСЯ САМ** выражение получило крылатость в форме цитаты на церковнославянском языке и употребляется в значении: прежде чем осуждать других, исправься сам, то есть когда рекомендуемый кому-либо исправиться от какого-либо недостатка сам страдает этим пороком не в меньшей степени. Однако обращение, стоящее в некогда звательном падеже, дезориентирует читающего/слушающего. Форма компонента *врачу* восходит к звательному падежу единственного числа, мужского рода древнерусского существительного «*врачь*» с основой на *-jo*.

Форма глагольного компонента *исцелися* в рассматриваемом БКС может привести к неправильному выводу о якобы разговорной форме глагола повелительного наклонения *исцелиться*. Однако здесь наличествует древнерусская форма префиксально-постфиксального глагола 2–3 лица единственного числа повелительного наклонения *исцелися* с постфиксом *-ся* вместо ожидаемого в современном русском языке постфикса *-сь* после флексии *-и*.

Литература:

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. 4-е изд., доп. — М.: Худож. лит., 1987. — 528 с.
2. Афонькин Ю. Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов. — М.: Рус. яз., 1985. — 287 с.
3. Берков В. П. Русско-норвежский словарь крылатых слов. — М., 1980.
4. Булатов М. А. Крылатые слова. — М.: Детгиз, 1958.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. яз., 1990. — 196 с.
6. Варганьян Э. А. Словарь крылатых слов и выражений. — М.: ООО «Торгово-издательский дом “Русское слово” — РС», 2001. — 416 с.
7. Гостева С. А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ // Журналистика и культура речи. Вып. 2. — М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, ф-т журналистики, 1997. — С. 87.
8. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Современные крылатые слова и выражения. — М.: Рольф, Айрис-пресс, 2000. — 544 с.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Рус. яз., 1978–1980.
10. Кокорина Е. В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — 2-е изд. — М., 2000. — С. 72.
11. Котлер Ф., Амстронг Г., Сондерс Д., Вонг В. Основы маркетинга. — 2-е европейское изд. — М. — СПб. — Киев, 1999. — С. 869.
12. Лилич Г. Я., Трофимкина О. И. Библизмы в современном русском и сербском языках // Изучение славянских языков и культур в инославянской среде. — Белград, 1998. — С. 277.
13. МАС–Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Рус. яз., 1985–1988.
14. Прибытько Е. Н. Ошибки в употреблении библизмов на газетной полосе / Акценты. Новое в массовой коммуникации. — М., 2000. № 1–2. — С. 53–55.
15. Саркисян А. Г. Русско-армянский словарь библейских крылатых слов. — Тула: Изд-во «Гриф и К», 2001. — 236 с.
16. С XVIII–Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8. — СПб.: Наука, 1995. — С. 185.
17. СДР — Словарь древнерусского языка (XI–XIV) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. I–IV. — М.: Рус. яз., 1988–1990. (Издание продолжается).
18. Солганик Г. Я. Стилистический словарь публицистики. — М.: Русские словари, 1999. — С. 646.
19. СС 1999 — Старославянский словарь (по рукописям (X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд. — М.: Рус. яз., 1999. — 842 с.
20. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — 2-е изд., дораб. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 352 с.
21. Уолш И. А., Берков В. П. Русско-английский словарь крылатых слов. — М.: Рус. яз., 1984.
22. ЭСРЯ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М.: Прогресс, 1986–1987. Т. III. 1987. — С. 185.

Sargsyan A. G.

gevrobsar@yandex.ru

Russian-Armenian University

On the disfunctional application of the russian biblical proverbial expressions

Tradition and continuity have kept more than 200 Biblical proverbial expressions in the modern Russian language. Biblical expressions became proverbial expressions in Russian (as in the other languages) due to various ethnopsycholinguistic, linguocultural, and other reasons. The new Russian sociocultural orientation is also manifested in the actualization of obsolete units, in particular, in the actualization of confessional and Church Slavonic vocabulary and phraseology. However, this process may be accompanied by obstacles, the cause of which may be ignorance of the deep meaning of the text of the Holy Scriptures, from which an incorrect interpretation of words and phraseological units contained in Biblical texts may follow. This circumstance gives an opportunity to speak about the problem of the disfunctional application of the actualized language units.

Keywords: eptology, phraseology, compromised application of the Biblical expressions.

Архитектура и камень в армянском нарративе Осипа Мандельштама

Программное для акмеистов внимание к миру вещному, предметному общеизвестно. Точно так же, как смыслообразующий для Мандельштама образ камня, очевидно встраивающийся не только в контекст акмеистической эстетики, но и — как минимум — в евангельскую, тютчевскую, соловьевскую традицию. В поэтике Мандельштама камень — и мифологема, и вполне самостоятельная кантовская вещь в себе, в этом смысле объединяющая, сводящая воедино программное для поэта противопоставление «культуры» «природе». В армянском нарративе Мандельштама камень и архитектура обрели новые грани значения, выявлению которого посвящена данная статья.

Ключевые слова: Мандельштам, акмеизм, камень, архитектура, армянский нарратив.

К. Каванага пишет: «Акмеистический камень Мандельштама, сам по себе являющийся воплощением содержащейся в нем энергии, может быть образцом мифологического образа, наделенного свойствами целостности, идентичности и роста» [1, р. 60]. Камень одновременно и неотъемлемый компонент архитектуры, стуктурной организации обжитого человеком пространства. Вспомним знаменитый манифест «Утро акмеизма» [2, с. 259]. Между тем так сложилось, что в 1930 году Мандельштам сам в некотором роде был загипнотизирован пространством, когда «тоска по мировой культуре» вкупе с тоской удушья и беспросветности «буддистской Москвы» привела его в Армению. Как заметил О. Ронен, «для поэтики Мандельштама характерна строгая мотивированность всех элементов поэтического высказывания не только в плане выражения и в семантических явлениях, <...> но и в плане содержания на самых высших его уровнях» [3, с. 15]. И в этом смысле коды армянской культуры, в частности архитектурные, оказались той универсальной моделью, которая вернула Мандельштаму его поэтическое дыхание после продолжительного молчания. Как позже отметила Н. Мандельштам, «путешествие в Армению — не туристская прихоть, не случайность, а может быть, одна из самых глубоких струй мандельштамовского историософского сознания» [4].

Именно это путешествие позволило поэту освободиться от удушья, почувствовать связь времен, преемственность с пушкинской традицией «Путешествия в Арзрум» и т. д. Однако не затрагивая пушкинские мотивы путешествия Мандельштама, его интерес к армянской путевой прозе А. Белого и т. д., не говоря о концепции «домашнего эллинизма» [5], перейдем непосредственно к теме камня и архитектуры в армянском нарративе Мандельштама.

Армению принято называть страной камней — это клише, тем не менее, обладает особенностью, свойственной некоторым банальностям — оно правдиво. Верно также то, что архитектура — тот вид искусства, к которому армяне издревле проявляли особый интерес и в который внесли свой самобытный вклад в том числе в становление средневековой европейской архитектуры [6]. Мандельштам, которого «демон архитектуры» сопровождал всю жизнь, с обостренной чуткостью откликается на армянский ландшафт и архитектуру. Данное им определение нашей стране как государству «оружия камней» и «хриплых гор» широко известно. Однако думается, что в его армянских стихах «архитектурных» и «каменных» образов несколько больше, чем обычно принято считать.

Как известно, цикл «Армения» открывает образ шестикрылого быка, перекликающегося не только с пушкинским, христианским шестикрылым серафимом, широко известным соотношением с образами евангелистов, но и с ассиро-вавилонской и древнеармянской мифологией, с барельефами и каменными фигурами крылатых быков. Тем более что связь быков с архитектурными образами подчеркивается уже в строчках «Плечья осьмигранными дышишь. Мужичких бычачьих церквей. Восьмигранные «соты» церквей и вовсе будут рефреном не только армянских стихов, но и прозы Мандельштама. Для Мандельштама Армения представляет сплав эллинистического и христианского мира. В этом плане по насыщенности архитектурной и куль-

турно-исторической символикой особняком стоят стихи «Не развалины — нет, — но порубка могучего циркульного леса».

Именно здесь явно отражены особенности армянской архитектуры и историческая судьба Армении. Однако в армянском нарративе поэта архитектурные образы даются не только явно, но и подчас латентно. Например, в строчках «Ах, Эривань, Эривань! Не город — орешек каленый, Улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны», отражается особенность старого Еревана, узкие и кривые улочки которого как бы повторяют замысловатые узоры и перегородки грецкого ореха. Выражение «Улиц твоих большеротых» традиционно соотносят с темой языка, шума — «Большеротые, потому что шумные», — пишет мандельштамовед М. Андреева [7, с. 20], и не она одна. Для подтверждения этой версии можно сослаться и на строку самого Мандельштама: «большеротые люди, с глазами, просверленными прямо из черепа, — армяне». Но знакомство с архитектурой старого Еревана позволяет выдвинуть еще одну версию. Для ереванских домов начала века были чрезвычайно характерны так называемые «даланы» — большие арочные проходы. Сам Мандельштам описывает их: «Не ворота, а длинный прохладный туннель, прорубленный в дедовском доме...». Такими вот проходами «зияли» многие дома, так что большеротость ереванских улиц может иметь и свое архитектурное прочтение.

Наконец, если иметь в виду, что гора — по сути огромный камень, то весь армянский цикл выстраивается вокруг такого вот Камня — горы Арарат, доминирующей не только в скайлайне Еревана и Эчмиадзина, но и в контексте постпотопной цивилизации. Что же касается армянской путевой прозы Мандельштама, то в первом же предложении его «Путешествия в Армению» отмечены «два достойнейших архитектурных памятника VII века» и камни — весь остров Севан «вымощен огненно-рыжими плитами безымянных могил — торчащими, расшатанными и крошащимися». Примечательно, что непосредственно до этих крошащихся каменных могильных плит упоминаются усеивающие весь остров кости — останки от богомольных пикников, — очевидно, тоже крошащиеся под ногами, желтые и ассоциативно связываемые Мандельштамом уже не с ранним средневековьем, а с гомеровскими временами. И уже через несколько страниц снова возникает тема остающихся после смерти и тлена телесности «вещественных доказательств бытия» в их противопоставленности «одним восклицаниям и междометиям», в мире которых «страшно жить».

Между тем, сверяя время «не по вокзальным и не по учрежденческим, а по солнечным часам, какие я видел на развалинах Зварднотца в образе астрономического колеса или розы, вписанной в камень», поэт считает важнейшим для себя «армянский императив»: «не бойся своего времени, не лукавь».

«Осьмигранники монастырей», «дома из апельсинового камня», каменчики, водопроводчики, «едкая строительная пыль», «увесистый обломой черного вулканического стекла — камень обсидиан», издевательски «засеянное каменными зубьями» поле, «ямщицкая гора» — тема камня, строительства тонкой линией прошивает пространство путевой прозы с практически неизбежным упоминанием ухабов, хребтов и оврагов.

Тем резче выступает музыкально поданная архитектурная тема в очерке, посвященном поселку Аштарак, само название которого тоже архитектурно маркировано и переводится как «башня»: «И вдруг — скрипка, расхищенная на сады и дома, разбитая на систему этажерок, — с распорками, перехватами, жердочками, мостиками. Село Аштарак повисло на журчаньи воды, как на проволочном каркасе. Каменные корзинки его садов — отличнейший бенефисный подарок для колоратурного сопрано». Музыкальность, звуковая окрашенность Аштарака как архитектурного комплекса «этажей и этажерок» нарастает — сначала от первого столкновения с «материей армянской архитектуры» сменяясь почти слепотой («Зубы зрения крошатся и обламываются, когда смотришь впервые на армянские церкви»), потом трансформируясь в «камни», из которых строит поэт — слова и звуки другого языка, а затем сливая звуковые и зрительные образы в особое, «шестое — «араратское» чувство: чувство притяжения горой», которое останется с ним уже навсегда. И уже после выработки этого особого шестого чувства следует архитектурное крещендо: «Аштаракская церковка самая обыкновенная и для Армении смиренная. Так — церквушка в шестигранной камиллавке с канатным орнаментом по карнизу кровли и такими же веревочными бровками над скупыми устами щелистых окон. Дверь — тише воды, ниже травы. Встал на цыпочки и заглянул внутрь: но там же купол, купол! Настоящий! Как в Риме у Петра, под которым тысячные толпы, и пальмы, и море свечей, и носилки».

Соотнесение простой сельской церкви с собором Св. Петра в Риме — не случайная прихоть, а именно архитектурное решение Мандельштама. И речь не о связи раннехристианского армянского зодчества с европейским, а об архитектуре самого «Путешествия в Армению»: перемежая армянские впечатления с фрагментами о натуралистах, импрессионистах, включая в текст многочисленные упоминания и отсылки к самым разным научным, историческим, религиозным и культурным «кодам», Мандельштам именно строит единое пространство, позволяющее преодолеть или хотя бы смягчить ту самую «тоску по мировой культуре», представить Армению в контексте и у истоков общеевропейского наследия.

Как считает Джейн Харрис, в финале «Путешествия в Армению» Мандельштам «сам становится своим собственным императивом» [8, p. 8], и происходит это при воспоминании о царе Аршаке, заточенном в мрачной крепости Аньюш. Пересказывая возникающую почти сновидением легенду об Аршаке, Мандельштам меняет ее концовку: царь так и умер, заточенным в крепость, но Мандельштам заканчивает пересказ не смертью, а ее отсрочкой — просьбой Драстамата (Дай мне пропуск в крепость Ануш. Я хочу, чтобы Аршак провел один добавочный день, полный слышания, вкуса и обоняния, как бывало раньше, когда он развлекался охотой и заботился о древонасаждении). Харрис считает, что это изменение «усиливает тему продолжения жизни и ее непредсказуемости в качестве ультиматума смерти». И мандельштамовская версия легенды заканчивается «печальным криком о жизни, которая осталась в прошлом». Это ощущение принятия жизни и неминуемой, неизбежной близости смерти связано не только с крепостью-тюрьмой, но и с последними предложениями «Путешествия в Армению»: «Сон мурует тебя, замуровывает... Последняя мысль: нужно объехать какую-то гряду». Таким образом, «Путешествие» начинается и заканчивается темой камня и построек: от церквей и могильных плит к крепости, замурованности и горным грядам. В самом начале своего поэтического пути Мандельштам противопоставил символистам архитектурные своды и твердость камня. И в жизненно важном для него путешествии в Армению камень, архитектура снова оказались для него опорой и «вещественным свидетельством» о жизни прожитой и о предстоящей.

Литература:

1. Cavanagh Clare. Osip Mandelstam and the Modernist Creation of Tradition. — Princeton University Press, 1994. — 384 p.
2. Мандельштам О. Э. Утро акмеизма / Мандельштам О. Э. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. — Тула: Филин, 1994. — С. 259.
3. Ронен Омри. Поэтика Осипа Мандельштама. — СПб.: Гиперион, 2002. — 242 с.
4. Мандельштам Н. Я. Третья книга. — М.: Аграф, 2006. — 560 с.
5. Айрапетян В. Э. Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. Серия: Studia philologica. — М.: Языки русской культуры, 2001. — 484 с.
6. Стржиговский Йозеф. Архитектура армян и Европа. — Ер.: Гитутюн, 2011. — 29 с.
7. Андреева М. Р. Армянские фрески Осипа Мандельштама. — Ер.: РАУ, 2001. — С. 20.
8. Harris Jane Gary. The 'Latin Gerundive' as Autobiographical Imperative / Slavic Studies, Vol. 45, No.1 (Spring 1986), p. 8.

Meliksetyan Lilit

Lilit.meliksetyan@rau.am

Russian-Armenian (Slavonic) University

The Architecture and stone in the Armenian narrative of Osip Mandelstam

Programmed for acmeists attention to the material world is well known. In exactly the same way as the image of a stone that is meaningful for Mandelstam, which is obviously embedded not only in the context of acmeistic aesthetics, but also in the evangelical, Tyutchev, and Soloviev traditions. In Mandelstam's poetics, stone is both a mythologeme and a completely self-sufficient Kantian thing in itself, in this sense uniting, bringing together the opposition of "culture" to "nature" programmed for the poet. And in the Armenian narrative of Mandelstam, stone and architecture have acquired new facets of meaning, the identification of which this article is devoted to.

Keywords: Mandelstam, acmeism, stone, architecture, Armenian narrative.

Роль чтения художественной литературы в овладении языком и обретении опыта

В статье рассматриваются два аспекта влияния чтения художественной литературы на личность читателя: приобретение читательского и жизненного опыта и усвоение языка. В тексте описываются основные положения авторской методики обучения чтению художественной литературы и приводятся примеры интерактивных уроков чтения, созданных по этой методике.

Ключевые слова: художественный текст, русский язык, интерактивный урок чтения, методика обучения чтению художественной литературы.

Художественную литературу любого народа можно изучать, исследовать, анализировать с помощью инструментария различных наук, а можно... читать и получать удовольствие. Изучением литературных произведений занимаются ученые, специалисты в области теории и истории литературы, литературоведы. А читать художественную литературу на родном языке и получать от этого особое — эмоциональное и интеллектуальное — удовольствие может любой носитель языка, но не каждый читает, объясняя отсутствием времени, оторванностью «книжных» проблем от насущных жизненных, тем, что неинтересно, скучно и т. д.

А умеет ли каждый выпускник средней школы читать художественную литературу? К сожалению, школьный курс литературы предполагает, прежде всего, изучение литературного процесса в целом и отдельных произведений художественной литературы в частности, оставляя развитие имени «читать с пониманием» (термин Л. В. Щербы) на волю случая. Однако еще Дмитрий Иванович Писарев писал, что «умение читать», т. е. понимать сложные тексты, вовсе не «равносильно знанию грамоты», или, как сказали бы сегодня, владению техникой чтения. Редкий человек осознает, что читать книги ему неинтересно потому, что не достает каких-то навыков, проще обвинить в этом писателей и результаты их работы.

Отложив (на время) в сторону вопрос о выборе книги для своего (и чужого) чтения, что, по словам Н. А. Рубакина, «не только наука, но и искусство», отметим, что никто не признается в том, что ... *не умеет читать*.

У меня был интересный опыт: летом 2018 года я объявила курс чтения в павильоне «Книги» на ВДНХ — Уроки чтения для всех! Рекламы не было никакой, только те, кто заходил по какой-то надобности в павильон (посмотреть или купить книги, выпить кофе, передохнуть от жары или спрятаться от дождя), могли увидеть анонс или сразу стать участником. Уроки проходили по вечерам раз в неделю и собирали от 15 до 30 слушателей разного возраста и социального положения: школьников, студентов, инженеров, менеджеров, учителей, безработных и пенсионеров (почему-то против ожиданий больше было лиц мужского пола). Мы читали стихи поэтов Серебряного века, всего пять или шесть стихотворений. И я видела, как менялось отношение к тексту у моих «учеников», как они увлекались процессом, радовались нашим общим открытиям. Надеюсь, наши уроки чтения для кого-то стали кратким путеводителем в удивительный мир ЧТЕНИЯ и познакомили с замечательными русскими поэтами, для кого-то стали просто приятным времяпрепровождением (что, согласитесь, тоже немало).

Что же может дать внимательному читателю художественная литература?

Даже с иронией относясь к словам В. Г. Белинского про то, что, читая Пушкина, можно «превосходным образом воспитать в себе человека», нельзя не согласиться, что художественные тексты демонстрируют читателю различные модели поведения как знакомые и понятные читателю, так и вызывающие у него яркую реакцию от восторга до протеста и/или неприятия. А. А. Леонтьев называл поэзию «полигоном человеческих чувств», т. е. местом, где эмоциональная сфера человека проходит испытания, подчас испытывая сильные нагрузки. Проходя через это, читатель приобретает опыт, пусть не жизненный, но читательский, который в той или иной мере готовит его к будущему.

Писатели рассказывают множество историй, показывают различные жизненные ситуации и человеческие взаимоотношения, предлагая читателю «примерить» их на себя. Чем выше мастерство писателя и чем *отзывчивее* читатель, тем более успешным будет процесс «воспитания идеального читателя». По мнению Умберто Эко, воспитать «идеального читателя» может только сам писатель.

Роль чтения художественной литературы не ограничивается передачей опыта. На протяжении всей своей жизни человек осваивает родной язык, а в определенные моменты и иностранный (иностраные). Распространено мнение, что чтение на любом языке обогащает лексикон человека. Если бы это было так, то и чтение словаря или энциклопедии могло бы с успехом (за более короткое время) выполнить эту роль, но это далеко не так. По мнению многих ученых как российских, так и зарубежных, наиболее эффективное усвоение языка происходит в процессе чтения сложных текстов, прежде всего художественных. Причем происходит усвоение и лексических, и грамматических единиц в их стилистическом разнообразии. По поводу лексического запаса, характерного для носителей языка, Борис Михайлович Гаспаров отмечает интересный момент: «В памяти любого говорящего хранится множество образных отпечатков языковых выражений, относящихся к предметам, визуальный облик которых этот говорящий субъект способен представить себе лишь с очень большой приблизительностью. Например, современный городской житель часто имеет очень неопределенное представление о том, как конкретно выглядят те или иные виды деревьев, трав, птиц... Много ли современных говорящих по-русски способны отличить по виду «шарабан» от «ландо» или «бричку» от «пролетки»? Но читая роман прошлого века, говорящий принимает их в составе подходящих им выражений, которые он знает как «знакомые выражения». Говорящий адекватно реагирует на *языковое* бытие предмета, даже если его онтологическое бытие остается ему почти или совсем неизвестным. Итак, *если нам неизвестен сам предмет, но известно его языковое употребление, мы с готовностью принимаем его в свой образный мир, включая в состав подходящих ситуаций, подсказываемых языковой памятью, — даже если сам предмет в составе такой ситуации видится не более чем смутным намеком*» ([2, с. 256–257]; курсив наш. — Н. К.). Очевидно, что корпус подобной лексики формируется в результате чтения художественных текстов разного времени написания и различной тематической направленности.

Для того чтобы обучение чтению художественной литературы (точнее — художественных текстов, ибо художественное произведение — объект, интересующий по преимуществу литературоведов, специалистов в области теории и истории литературы и т. п. [3, с. 12–15]) было эффективным и способствовало формированию прочных навыков, составляющих читательскую деятельность, оно должно подчиняться определенным требованиям.

Прежде всего, это касается выбора художественных текстов. Текст должен быть аутентичный, не подвергавшийся методической обработке (адаптации или сокращению). Нередко художественные тексты существуют в нескольких авторских вариантах, однако для первого знакомства читателя с текстом стоит выбрать один из них. Впоследствии можно познакомить читателя и с другими вариантами. Например, в сценарии урока чтения по стихотворению А. А. Ахматовой «Смуглый отрок бродил по аллеям» нами использовался в основном текст, написанный в 1911 году и впервые опубликованный в сборнике «Вечер» (1912) и только на этапе послетекстовой работы предъявлялся вариант, отредактированный автором для последнего сборника «Бег времени» (1966) <https://ac.pushkininstitute.ru/storage/SmOtrok/index.htm>: вторая строка стихотворения — «У озерных глухих берегов» (1912) и «У озерных грустил берегов» (1966). Принципиальное различие авторской правки и методической адаптации заключается в том, что первая решает *коммуникативную* задачу: вызвана работой над словом, поиском более точного эквивалента авторского смысла, а вторая объясняется *учебной* задачей «подгонки» текста под возможности читателя.

Для урока чтения целесообразно изначально выбрать художественный текст, соответствующий интересам, потребностям и возможностям потенциального читателя, учитывая, что для успешного продвижения «к совершенству» (формату «идеального читателя») объективная сложность текста должна превосходить возможности читателя. Таким образом, чтение художественного текста не может быть «легкой прогулкой», оно должно оправдывать определение В. Ф. Асмуса: «чтение — труд и творчество» [1]. Единственное ограничение: в предлагаемом для чтения художественном тексте не должно быть незнакомой читателю грамматики. Именно поэтому чтение художественных рекомендуется начинать, когда потенциальный читатель доберется до уровня

А2: здесь уже несложно подобрать текст, так как основы русской грамматики освоены учащимися (за исключением причастий и деепричастий, с которыми учащиеся знакомятся на уровне В1).

Так как выбранный для урока чтения художественный текст не содержит незнакомой грамматики, а преодоление лексических трудностей с помощью разнообразных когнитивных стратегий (видов языковой догадки) является неотъемлемой частью умения чтения, нет необходимости в проведении детальной *предтекстовой* работы [3, с. 104–113]. Задача этого этапа урока чтения состоит в формировании внутреннего мотива читательской деятельности (*Я хочу прочитать! Мне интересно!*)

Предлагаемый на уроке чтения художественный текст целесообразно разделить на небольшие фрагменты, имеющие некоторые смысловую завершенность, и читать последовательно фрагмент за фрагментом. Целесообразность подобного подхода заключается в минимизации трудностей, «обрушивающихся» на читателя, и возможности расставить все по местам, уделить внимание всем ключевым единицам текста и установить внутритекстовые связи между ними. В контексте предлагаемой методики обучения чтению ключевыми считаются единицы художественного текста, которые описывают основные компоненты ситуации текста (субъект, событие, место и время) [там же: 137–144]. Ситуация художественного текста редко бывает статичной, чаще она представлена последовательностью миниситуаций, в которых также можно выделить основные компоненты. Как правило, последовательность выделенных фрагментов текста отражает последовательность миниситуаций. Так, в уже упоминавшемся нами стихотворении А. А. Ахматовой первые две строки представляют одну миниситуацию, а последующие третья и четвертая — вторую миниситуацию, в каждой может быть выявлен свой *субъект, событие, время* и только *место* — Царское Село — остается неизменным.

Притекстовая работа является основным этапом урока чтения: именно здесь происходит понимание конкретного художественного текста, предложенного читателям, а также собственно обучение чтению художественной литературы, так как обучение читательской деятельности (как и любой другой) происходит только в процессе этой деятельности. Именно поэтому все действия учащегося и преподавателя должны быть максимально приближены к тому, что и как происходит в реальной взаимодействии читателя и книги. Именно поэтому исключаются комментарии и объяснения (*готовое понимание*), но могут быть «подсказаны» когнитивные стратегии, применить которые для получения *выводного знания* должен сам читатель.

Именно таким образом построен сценарий интерактивного онлайн-урока чтения по рассказу Ф. М. Достоевского «Елка и свадьба». Интерактивный урок чтения по рассказу Ф. М. Достоевского является основным компонентом Мультимедийного комплекса по обучению чтению художественной литературы «Достоевский на интерактивном уроке чтения», созданного в Институте Пушкина при грантовой поддержке Фонда «Русский мир» <https://mwr.pushkininstitute.ru/fmd/>

Рис. 1. Скриншот Главной страницы сайта «Достоевский на интерактивном уроке чтения»

Рассказ начинается с того, что неизвестный хочет поведать об увиденной им свадьбе, но возвращается мыслями на пять лет назад, когда на елке (детском празднике) произошло случайное «знакомство» будущих жениха и невесты: солидный господин Юлиан Мастакович увидел одиннадцатилетнюю девочку — дочь богатых родителей, которая, по слухам, в свое время сможет получить большое приданое. Через пять лет верный расчет (не только финансовый, но и житейский) приводит Юлиана Мастаковича к удачной женитьбе на богатой невесте — свадьбе, с краткого описания которой начинается рассказ.

Первый фрагмент рассказа: «На днях я видел свадьбу... но нет! Лучше я вам расскажу про елку. Свадьба хороша; она мне очень понравилась, но другое происшествие лучше. Не знаю, каким образом, смотря на эту свадьбу, я вспомнил про эту елку».

Читателю предлагается два задания с вариантами ответа в тестовом формате, а также комментарии после правильного ответа читателем:

Задание 1. *Как вы думаете, о какой елке здесь говорится?*

Варианты ответа: *О празднике накануне Нового года.*

О дереве в лесу.

Ель в лесу нельзя назвать происшествием, здесь речь идет о празднике накануне Нового года, когда главное украшение дома — украшенная игрушками и подарками елка.

Задание 2. *Вспомните подзаголовок рассказа и предположите, кто является очевидцем описанных событий и героем рассказа.*

Варианты ответа: *Какой-то неизвестный человек.*

Сам автор.

Несмотря на то, что рассказ написан от первого лица, авторский подзаголовок «Из записок неизвестного» указывает на то, что свидетелем событий и героем рассказа является именно неизвестный

Текст рассказа разделен на 20 фрагментов, к каждому из которых предлагается от двух до шести заданий. В сценарии урока использованы различные варианты тестовых заданий: выбор из двух или нескольких вариантов ответа, а также задания, предлагающие еще раз вернуться к тексту и найти в нем необходимую информацию.

Уроки чтения с Н.В. Кулибиной

Фрагмент № 7

Гости с уважением указывали на одного богатого откупщика, её родителя, и кое-кто замечал шёпотом, что за ней уже отложено на приданое триста тысяч рублей. Я оборотился взглянуть на любопытствующих о таком обстоятельстве, и взгляд мой упал на Юлиана Мастаковича, который, закинув руки за спину и наклонив немножечко голову набок, как-то чрезвычайно внимательно прислушивался к празднословию этих господ. Потом я не мог не подивиться мудрости хозяев при раздаче детских подарков. Девочка, уже имевшая триста тысяч рублей приданого, получила богатейшую куклу. Потом следовали подарки понижаясь, смотря по понижению рангов родителей всех этих счастливых детей.

Читаем
рассказ Ф.М. Достоевского
«Ёлка и свадьба»

Задания: 1 2 3 4

Как вы думаете, какая информация заставила Юлиана Мастаковича прислушаться к разговору господ? Выделите нужный фрагмент текста.

Рис. 2. Скриншот сцены интерактивного урока чтения по рассказу Ф. М. Достоевского

Помимо двух версий интерактивного онлайн-урока чтения «Читателям» и «Учителям» в комплекс входят дополнительные ресурсы: аудио- и видеoverсии текста рассказа, Приложение к онлайн-уроку чтения PDF с творческими заданиями, а также Мобильное приложение для работы там, где нет интернета.

Особенности авторской методики обучения чтению художественной литературы, основными методическими принципами которой являются использование аутентичных художественных текстов, не подвергавшихся методической обработке (сокращению и/или адаптации), и организация урока чтения по модели естественного взаимодействия читателя и книги делают возможным использование интерактивного онлайн-урока по рассказу Ф. М. Достоевского «Елка и свадьба» на занятиях с иностранцами, изучающими русский язык (B2+), старшеклассниками-билингвами, а также носителями русского языка как в России, так и зарубежными странами, где интерес к творчеству русского классика традиционно велик.

В завершение хочется напомнить слова Иннокентия Анненского, русского поэта и педагога, бывшего одно время директором Царскосельского лицея:

*«Читайте Достоевского, любите Достоевского, — если можете, а не можете, браните Достоевского, но **читайте...**»*

Литература:

1. Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество // Вопросы литературы. — 1961. — № 2.
2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М.: Новое литературное обозрение, 1996.
3. Кулибина Н. В. Методика обучения чтению художественной литературы / Монография. — 2-е изд. — М.: Флинта, 2021.

Kulibina N. V.

Pushkin State Russian Language Institute

The role of reading fiction in language acquisition and gaining experience

The article examines two aspects of the influence of reading fiction on the reader's personality: the acquisition of reading and life experience and language acquisition. The text describes the main provisions of the author's methodology for teaching reading fiction and provides examples of interactive reading lessons created using this methodology.

Keywords: literary text, Russian language, interactive reading lesson, methods of teaching reading fiction.

О долгом «возвращении» очерка «Музы слышны» Т. Капоте в Россию

В данной статье рассматриваются жанрообразующие факторы очерка Т. Капоте «Музы слышны» о гастролях американской театральной труппы в СССР, а также приводятся причины, по которым произведение, повествующее о постановке представления «Порги и Бесс» в Москве и Ленинграде, было переведено на русский лишь спустя полвека после оригинального издания.

Ключевые слова: жанр, паратекст, «Порги и Бесс» в СССР, Капоте, синтез жанров.

Произведение американского писателя Трумена Капоте «Музы слышны», повествующее о гастролях труппы «Everyman opera» с постановкой пьесы Дж. Гершвина «Порги и Бесс» в Ленинграде, в оригинале было издано еще в середине XX века (1956 г.), однако русскоязычному читателю оно стало доступно лишь в начале XXI века (2007 г). При том, что другие произведения Капоте переводились и печатались еще в СССР.

Возникает два закономерных вопроса. Во-первых, почему «обратный путь» этого произведения в Россию занял полвека, хотя, казалось бы, его и стоило переводить в первую очередь. Во-вторых, почему репортаж о гастролях полувековой давности все же был переведен и по сей день представляет интерес не только для читателей, но и исследователей, занимающихся проблематикой жанра, и не только.

Начнем со второго пункта. Актуальность произведения обусловлена жанровыми новаторствами писателя, поскольку он написал репортаж о гастролях, используя техники художественного письма. Что касается первого пункта, полагаем, причина (помимо идеологической составляющей) кроется в некоторой неопределенности жанра произведения. В связи с этим обратимся к некоторым жанрообразующим факторам «Муз».

Оговоримся, что называем «Музы слышны» многозначным термином очерк, поскольку слово отчет («account»), которое использовал Капоте для подзаголовка, не созвучно множеству художественных приемов, использованных в произведении. Трумен Капоте, уже известный в США писатель, отправился в путешествие с театральной труппой, чтобы написать развернутый репортаж о приключениях американцев в СССР. Впервые произведение было опубликовано в двух выпусках газеты The New Yorker, затем вышло отдельной книгой в твердой обложке. На русском оно было опубликовано только в 2007 году в литературном журнале «Звезда» в разделе «Новые переводы».

В статье «Капоте в русских переводах» исследователь Д. Захаров пишет: «Единственный экземпляр «Муз» появился в СССР лишь в 1984 году, и то в спецхране Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. В Москве с текстом документальной повести можно было познакомиться только в журнальной публикации «Нью-Йоркера», оригинал которой с 1956 года находится в спецфонде Библиотеки им. Ленина». На обложке был шестигранник, которым помечались «иностранные издания, содержащие враждебно-клеветнические, антисоветские и антисоциалистические материалы» [3, с. 148–172]. В 2017 году издательство «Азбука» переиздало «Музы слышны» в составе сборника нефикциональной прозы Капоте «Призраки в солнечном свете».

Учитывая политическую ситуацию в мире, холодную войну и борьбу идеологий, от Капоте ожидали описания эпохального события — 94 американца приехали в СССР на гастроли. Однако итоговый текст не оправдал надежд, редакторы ожидали журналистского репортажа с некоторым политическим пафосом, а получили нечто другое. Это «другое» трудно было отнести к какому-либо жанру (литературы или журналистики). В действительности, это синтетический жанр, который в дальнейшем перерастет в роман нон-фикшн, который в свою очередь положит начало новому журнализму. Биограф Капоте Дж. Кларк пишет, что это необычный стиль репортажа, который через десяток лет назовется «новым журнализмом», тогда был «свежим и непривычным», Капоте собирал факты и придавал им «форму и структуру» [5, с. 294].

Политика и идеология интересовала автора в последнюю очередь. Его увлекали люди, бытовые ситуации, частные события, поэтому в книге одинаково «досталось» и русским, и американцам. Капоте, которого отправили написать о культурном взаимодействии США и СССР, умудрился сделать это так, что не угодил ни тем, ни другим. По стилю произведение близко к путевым заметкам, оно ироничное, с меткими замечаниями и добрыми (и часто — злыми) насмешками. Критик К. Кассиди писала: «Лучше уж тигр-людоед в качестве попутчика, чем беспристрастный наблюдатель, который умеет писать» [цитируется по 3, с. 148–172].

Задолго до того, как написать культовый роман «Хладнокровное убийство», Капоте проявлял интерес к журналистике и долгие годы хотел попробовать себя в роли репортера. Его биограф Джеральд Кларк пишет, что эта форма прозы его всегда волновала и когда ему предложили отправиться с трупной «Порги и Бесс» освещать историческое событие, Капоте просто не мог удержаться, он бросил все свои дела и отправился в путешествие [5, с. 290]. Безусловно, этот очерк был шагом на пути к созданию романа нон-фикшн, который выйдет в свет ровно через десять лет. В произведении уже прослеживается специфический почерк Капоте-репортера. Говоря о «Хладнокровном убийстве», Капоте отмечал, что он описывал реальные события, используя техники художественного письма [6]. В «Музах» автор, может быть, с меньшей долей осознанности делает то же самое — повествует о событиях действительности, будто рассказывая о мире художественном.

В вопросе определения жанра произведения немалую роль играют элементы паратекста. В очерке «Музы слышны» используются следующие паратекстуальные элементы: заглавие, подзаголовок, посвящение, названия глав и др. Заглавие произведения является отсылкой к любимой фразе представителя советского Министерства культуры Савченко «Когда говорят пушки, музы молчат; когда молчат пушки, музы слышны». Гуревич отмечает, что для «репортажей, зарисовок, очерковых публикаций характерны образные заголовки, использование в них пословиц, поговорок и тому подобных оборотов», но тут же предостерегает от их использования, так как «читатель может отказаться разгадывать непонятные ему заголовки» [1]. Речь идет о газетных и журнальных публикациях, и нужно учитывать, что «Музы» изначально писались для журнала. Информативность заглавия равна нулю, оно выполняет художественную функцию, раскрываясь только по мере прочтения произведения.

У «Муз» есть пояснительный подзаголовок, который в переводе Нины Ставиской звучит как «Отчет о гастролях «Порги и Бесс» в Ленинграде». Выбор слова «отчет» здесь далеко не очевиден. Действительно, «account» переводится как «отчет», «доклад», «сообщение» и т. д. Однако Капоте использовал это универсальное слово для подзаголовков и других своих произведений. (Например, в «Хладнокровном убийстве», «Самодельных гробиках»). Словом «account», фактически дает подсказки, характеризует жанр своих произведений. В переводе диссонанс возникает от соседства паратекстуального элемента, характеризующего текст как «отчет», и посвящения. Обычно отчет — это нехудожественное произведение, и отчеты не принято кому-то посвящать. Капоте посвящает свое произведение подруге Барбаре Пейли. Это еще один маркер художественности текста. Заглавия имеют и две части романа. Первая называется «Когда молчат пушки», вторая — «Музы слышны».

Другим жанрообразующим фактором является степень и способ проявленности автора в тексте. Под способом проявленности мы подразумеваем «присутствие» автора в тексте в виде повествовательной инстанции, действующего персонажа, наблюдающего лица. В «Музах» Капоте выступает в качестве повествующего и действующего лица. В рассматриваемом произведении нарратор диегетический, по Шмиду, он присутствует как в плане повествуемой истории, так и в плане повествования [4, с. 79]. Активным присутствием автора с его субъективным взглядом метод повествования «Муз» отличается от метода того же «Хладнокровного убийства». В «Музах» Капоте не претендует на объективность, но при этом не уходит от роли репортера и периодически дает небольшие исторические справки или пояснения, передает мнения разных людей.

С темой автора и нарратора неразрывно связана тема выбора точки зрения/перспективы/фокализации. Автор ограничивает нарративное поле зрения тем, что вводит себя в качестве персонажа, тем самым, ограничивая и четко определяя свои нарраторские компетенции. Автор руководствуется преимущественно своим видением реальности, тем не менее, не теряет связи с действительностью и выражает общее мнение касательно той или иной ситуации, прибегая к различным приемам, в том числе, и условно называемой «собирающей точкой зрения». Например:

«Все решили, что это прекрасная мысль, — но русский, когда ему перевели нашу просьбу, поглядел на самовар...»

«Она отпила глоток и вздохнула от удовольствия, выразившего общий настрой».

Капоте также прибегает к журналистским техникам и использует vox pop, цитируя анонимные мнения людей по каким-либо социально важным вопросам. В нефикциональных жанрах именно источники информации обуславливают выбор точки зрения. В традициях жанра репортажа автор опрашивает участников события, чтобы всесторонне его представить. Выглядит это следующим образом: *«Айра Вольверт назвал эту операцию “очень хорошо проведенной”; Герман Сарториус — “в высшей степени впечатляющей”; зато мисс Райан заявила, что это “скучища — умереть можно” и что если я пойду с ней на вокзал, она поставит мне порцию водки».*

Автор перевода на русский Нина Ставиская, говоря о своих мотивах, призналась: *«мне ужасно захотелось его перевести; передать эту очаровательную легкость, это сочетание точности и выдумки, и главное, этот взгляд, безжалостно и не без нежности фиксирующий абсурд русской и американской жизни»* [цитируется по 3, с. 148–172].

Хронология в «Музах» в основном выстроена линейно. Это отражается как на уровне крупных сегментов текста (первая часть повествует о сборах и дороге в СССР, вторая — о пребывании в Ленинграде), так и на уровне десятков более мелких. Однако это не репортаж с места событий, а отчет о поездке, поэтому иногда используются пролепсисы. Например:

«Лишь бы куда-нибудь поселили — я и не подумаю переезжать, — сказала миссис Гершвин, которой суждено было в последовавшие дни трижды потребовать, чтобы ей сменили комнату».

Нетипичная для этого произведения временная рамка используется в самом конце, когда автор повествует о том, как он после премьеры воспроизводил в уме события вечера, воображая, как будет рассказывать о них корреспонденту, которому обещал сообщить, «как все было». До кульминационной сцены нарратор рассказывал о событиях в хронологическом порядке. Однако в описании спектакля Капоте использовал паралипсис (прохождение «мимо некоторого факта» [2, с. 323]). Очень подробно описав все скучные официальные церемонии, которые вызвали у зрителей нетерпение, Капоте говорит о самом главном в одном предложении: *«Начало было назначено на восемь, но занавес поднялся в девять ноль пять, а опустился в одиннадцать сорок».*

Затем читатель застаёт нарратора в его номере в гостинице. Здесь нарратор выражает мысль, которая вполне справедлива не только в контексте его предстоящего разговора с коллегой, но и «Муз...», и его нефикционального наследия в целом — *«В таких вещах абсолютной истины не существует, есть только мнения».* Здесь нарратор «крутит» в голове события прошедшего вечера, смотря на них сквозь призму предстоящего разговора. Учитывая ретроспективность жанра отчета, читатель фактически видит воспоминание о воспоминании. В этих аналептических фрагментах отражается не только восприятие самого нарратора, но и остальной труппы и действующих лиц. Фактически, это третичный уровень повествования. Фокальным объектом является не только сам нарратор, но и другие действующие лица, чьи мнения он излагает и иногда прямо цитирует.

Все эти жанрообразующие факторы не соответствовали представлениям о журналистском или художественном произведении. Капоте экспериментировал, и его произведение не вписывалось в существующую тогда жанровую сетку. Из вышесказанного также следует, что очерк «Музы слышны» выходит далеко за пределы репортерского отчета о событии. Работа Капоте, прежде всего, представляет не идеологическую, а культурную ценность, вот почему спустя полвека она не потеряло своей актуальности и была переведена на русский. Вот почему жанровые нововведения Капоте по сей день интересуют исследователей и историков литературы.

Литература:

1. Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра: учебное пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс. 2004. — 288 с.
2. Женетт Ж. Фигуры. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — 944 с.
3. Захаров Д. В. Капоте в русских переводах // Вопросы литературы. — 2019. — № 2. — С. 148–172.
4. Шмид В. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
5. Clarke Gerald. Capote: A Biography. Simon and Schuster. — New York, 1988. — 631 p
6. Plimpton G. The Story behind a non-fiction novel // The New York Times January. — 1966. — № 16 // URL: <https://www.nytimes.com/>

Mkrtchyan Narenare.mkrtchyan@rau.am*Russian-Armenian (Slavonic) university*

On the long “return” of the account “The Muses Are Heard” by T. Capote to Russia

This article examines the genre-forming factors of T. Capote’s account “The Muses Are Heard” about the tour of the American theater troupe in the USSR, and also provides the reasons why the work, which tells about the production of “Porgy and Bess” in Moscow and Leningrad, was translated into Russian only half a century after the original edition.

Keywords: genre, paratext, “Porgy and Bess” in the USSR, Capote, synthesis of genres.

Порог двойного бытия...

В статье исследуется стихотворение Ф. Тютчева «О, вещая душа моя!..», отличающееся «тончайшим психологическим самоанализом» и важное для понимания тютчевского творческого пути, а также рассматриваются переводы данного стихотворения на армянский язык.

Сделана попытка выявления в переводе «системы отклонений» от оригинала, мешающей правильному восприятию творческой мысли и стиля переводимого автора.

Ключевые слова: поэзия, перевод, оригинал, стиль.

В стихотворении Тютчева «О вещая душа моя!..» (1855) [8, с. 75], отличающемся «тончайшим психологическим самоанализом» [6, с. 38], многое объясняющим в его жизни и творчестве, показана двойственность, полярность человеческого бытия, дисгармония, существующая в душе, расколотость чувств в противостоянии небесного и земного.

Тютчева всегда восхищали цельные натуры, которые могли жить в гармонии с миром и с собой.

Б. Бухштаб, говоря о тютчевском трагическом ощущении жизни, психологической разорванности, его двойственном отношении к душевному хаосу, темному сладострастию, называет рассматриваемое стихотворение «откровением» [2, с. 48–49].

В 1872 году, позднее стихотворения «О вещая душа моя!..», Тютчев так напишет о страшном раздвоении века, больного неверием, полного отчаянных сомнений («Памяти М. К. Политковской» [8, с. 236–237]):

В наш век отчаянных сомнений,
В наш век, неверием больной,
Когда все гуще сходят тени
На одичалый мир земной, —

О, если в страшном раздвоенье,
В котором жить нам суждено,
Еще одно есть откровенье,
Есть уцелевшее звено...

Стихотворение «О вещая душа моя!..» было впервые переведено на армянский язык А. Хачунцем в 1977 году [9, с. 46]. В дальнейшем появляются переводы В. Бабаяна (2003 год) [5, с. 62] и Р. Папаяна (2006 год) [9, с. 245].

В первой строфе Тютчев обращается к душе, называя ее вещью, к сердцу, полному печали, удивляясь его биению на пороге «двойного бытия».

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги, —
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

В переводе Ал. Хачунца душа мечтательная и пророческая («...երիզողն մարմանն հոգի»), у В. Бабаяна — предсказывающая («հոգի կանխագուշակ»), у Р. Папаяна — пророческая («մարմանն հոգի»).

Тютчев трижды повторяет междометие «о», что передает нарастающее чувство тревоги, «прибой которой особенно усиливается к концу строфы» [3, с. 22]. Анафора не сохраняется ни в одном из армянских переводов. Сравним:

Օ՛, իմ երազող մարգարե հոգի, Եվ սիրտ իմ՝ լեցուն տազնապով հրկեզ, Ո՛նց ես տրոփում քո շեմքին մոտիկ՝ Կարծես երկկենցաղ բնակիչ լինես. (Пер. Ал. Хачунц)	Օ՛, իմ հոգի կանխազուշակ, Սիրտ իմ, լի ես տազնապով հին, Բարախում ես ընկած շեմին Չույզ կենցաղի երկնքի տակ: (Пер. В. Бабаян)	Ո՛վ դու, իմ մարգարե հոգի, Ո՛վ սիրտ իմ՝ իմ տազնապահարս, Երկված գոյի շեմին շվար ես Ու թարսում ես կաթոզին: (Пер. Р. Папаян)
--	--	--

Отметим также особую пунктуацию первой строки стихотворения: Тютчев не ставит запятую после начального «о», первая строка прочитывается полностью и звучит как единое обращение к душе: «О вещая душа моя!». Все переводчики данного стихотворения, следуя канонам литературного языка, ставят здесь запятую: «Օ՛, իմ երազող մարգարե հոգի» (Ал. Хачунц), «Օ՛, իմ հոգի կանխազուշակ» (В. Бабаян), «Ո՛վ դու, իմ մարգարե հոգի» (Р. Папаян). В переводе Ал. Хачунца появляется сочинительный союз «и» («Եվ սիրտ իմ՝ լեցուն տազնապով հրկեզ»). У В. Бабаяна междометие «о» не повторяется, вместо этого — простое перечисление с бессоюзной сочинительной связью («Սիրտ իմ, լի ես տազնապով հին»). В последнем переводе появляется транспозиция междометия «о» в «нц» с привнесением обращения «դու», что придает ощущение одушевленности предмета. К тому же из всех трех переводчиков только Р. Папаян частично сохранил повтор (вместо трех в русском — «нц» появляется дважды).

В двух последних строках первой строфы Тютчев пишет о биении сердца на пороге как бы двойного бытия. С. Бочаров выделяет оборот «как бы» как одно из стилистических характеристик Тютчева, называя его знаком, неким мыслительным средоточием тютчевской поэтики. Исследователь рассматривает употребление оборота «как бы» в стихотворении «О вещая душа моя!...» как создание поэтом универсальной формулы всего мира. «Можно сказать, — продолжает С. Бочаров, — что это главное тютчевское философское «как бы». Как бы двойного бытия, потому что в сущности единого, тождественного себе, но как бы удвоенного (наверное, так точнее сказать, чем раздвоенного) существования мыслящего тростника, человека» [1, с. 15–16].

Как видим, Тютчев не дает определения двойного бытия. Восклицательное местоимение «как» сохранено только в переводе Ал. Хачунца («ո՛նց»). В данном переводе мотив неопределенности сохраняется, хотя в смысловом плане переносится на сердце, которое в переводе становится жителем-амфибией (от греч. «μφί» — «двойкий» и «βίος» — «жизнь») — «Ո՛նց ես տրոփում քո շեմքին մոտիկ՝ // Կարծես երկկենցաղ բնակիչ լինես...». В двух последних переводах мотив неопределенности полностью утрачивается, а восклицательная интонация двух последних строк первой строфы сменяется утвердительной: «Բարախում ես ընկած շեմին // Չույզ կենցաղի երկնքի տակ» (В. Бабаян), «Երկված գոյի շեմին շվար ես // Ու թարսում ես կաթոզին» (Р. Папаян).

Во второй строфе Тютчев дает развернутую характеристику дня и ночи, небесного и земного, двух противостоящих миров, в которых живет человек.

Так, ты жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

В тютчевском истолковании день для души является болезненным и страстным. В переводе Ал. Хачунца день предстает то «теплым» («տաք»), то «больным» («հիվանդ»), а в переводе В. Бабаяна — «лихорадочным» («տենդոս»), «ужасным» (ужасающим) («ղեմի»). Р. Папаян заменяет два грамматически равнозначных определения («болезненный» и «страстный»), выступающих в роли сказуемых, одним определительным словосочетанием «лихорадочная страсть» («տենդախան կիրք է»). Ночь в стихотворении Тютчева приносит с собой пророчески-неясные сны душе, как «откровение духов...». Все переводчики ставят акцент на неясность снов, отбрасывая важную характеристику, данную Тютчевым сну души, — пророческую. В переводе Ал. Хачунца сон, словно миф, запутанный, и неясный, как «откровение души» («Խառն է երազը՝ անեղծվածի պես, // Եվ պարզ չէ՝ հոգու հայտնությունն նման»). В переводе В. Бабаяна мотив сна утрачивается полностью, превращаясь в мечту («երազանք»), с определением сумбурная («խճուճ») — «Երազանքը խճուճ է մի, // Հայտնությունն պես մի անվարան». В переводе Р. Папаяна сон становится затуманенным видением («Երազը՝ մշուշված տեսիլք է, // Հայտնությունն պես ոգիների...»).

Отметим, что Ал. Хачунц допускает ошибку, употребляя слово «հոգի» (душа) вместо эквивалентного слова «նզի» (дух) в переводе последней строки второй строфы («Եվ ցարգ չէ՝ հոգու հայտնութեան նման»). В. Бабаян вообще избегает перевода понятия «духи» («Հայտնութեան ցես նի անվարան»), между тем, как Р. Папаян находит правильное решение — «Հայտնութեան ցես ոգիների».

В третьей строфе рассматриваемого стихотворения предстает образ Христа, к ногам которого готова прильнуть душа, в то время как в груди кипят роковые страсти.

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

Таким образом, Тютчев создает смысловое кольцо, начиная и завершая стихотворение разделением человеческой жизни на два бытия, непримиримые и несоизмеримые между собой.

В переводе данной строфы Ал. Хачунцем утрачена тема роковых страстей («Թող որ տառապան իմ արտի վրա»). Вместо этого появляется тема злосчастной судьбы, сеющей грусть («Տիրություն մտնի բախտն իմ չարադեմ»), что уводит нас от центральной мысли подлинника. Далеко уходит от оригинала также В. Бабаян, желающий, чтоб не замолкала выстраданная песня («Թող տառապան երգի հոսի») и сам восхваляющий возмужание воли и смелости («Կամք ու կրքով արիանան»). Ближе к оригиналу перевод Р. Папаяна («Թեպետ իմ կործրը վտառայելի // Լցրել է կրքերի ցարանները»), хотя здесь не страсти волнуют грудь, а грезы о страстях наполнили ее.

Если у Тютчева душа готова прильнуть к ногам Христа, то в переводе Ал. Хачунца душа готова молиться вечно перед Христом («Աղոթել հավերժ Քրիստոսի դեմ»).

Обратим внимание, что в концовке стихотворения Тютчев говорит лишь о готовности души прильнуть к ногам Христа, но завершенности данного намерения автор не дает. В переводе В. Бабаяна намерение сменяется действием — душа бросается в ноги Христа («Հոգիս ... Ոտքն է ընկնում Քրիստոսի...»). В переводе Р. Папаяна появляется обращение к Христу («Քո ոտքերին փարվել, հիսուս»), звучащая как мольба об освобождении и очищении.

В переводе Ал. Хачунца много эпитетов и дополнительных слов, которые не только удлинняют строку, но и снижают емкость поэтической мысли Тютчева. В частности, Ал. Хачунц добавляет: эпитеты («երազող» — мечтательный, «հրկեզ» — пламенный, «չարադեմ» — злосчастный); сравнение («տեղծվածի ցես» — словно миф). Порог двойного бытия выступает у Хачунца порогом, находящимся поблизости души («ըն շնորհն մոտիկ»).

В. Бабаян также добавляет определение «հին», уточнение «երկնքի տակ», при этом последнее привносит ненужную конкретизацию, потому что в тютчевском стихотворении говорится не о реальном и в то же время ирреальном двойном мире, а о духовном мире человека, терзаемого роковыми страстями, но стремящегося к очищению. Поэтому в данном контексте перевод В. Бабаяна уводит нас от основной мысли подлинника. Таким образом, тютчевское стихотворение, построенное с такой логической цельностью, «словно в скалах прорубается путь безукоризненно прямой» [10, с. 292], в переводе Бабаяна эту цельность утрачивает.

Отметим, что Р. Папаян остается верен подлиннику в смысловом отношении: в переводе нашли свое отражение и страсти, терзающие сердце днем («Քո օրը՝ տենդախան կիրք է»), и сон души как затуманенное видение («Երազող՝ մշուշված տեսիլք է»), и сравнение сна с откровением духов («Հայտնութեան ցես ոգիների»).

Согласно К. Чуковскому, хотя случайные ошибки не простительны, но не ими определяется качество перевода, важна «система отклонения от оригинального текста: не одна ошибка и не две, а целая группа ошибок, производимых в уме у читателя один и тот же сокрушительный эффект: искажение творческой личности переводимого автора» [11, с. 30].

Рассматривая структуру стихотворения «О вещая душа моя!», следует отметить, что оно написано четырехстопным ямбом, катренами, с опоясывающей рифмовкой abba. Ал. Хачунц увеличивает строку на стопу, при этом рифма в его переводе, в отличие от оригинала, перекрестная. В двух последних по времени переводах способ рифмовки сохранен, хотя по количеству слогов оригиналу соответствует перевод В. Бабаяна; Р. Папаян так же, как Ал. Хачунц, увеличивает стро-

ку на стопу. По поводу затруднений, возникающих у переводчика в связи с тем, что одна и та же мысль требует для выражения на разных языках всякий раз другого числа слогов, И. Левый пишет: «Различная семантическая насыщенность языка подлинника и перевода принуждает переводчика к сокращениям или, наоборот, к «размазыванию» — и то и другое не может не влиять на общую трактовку стихотворения» [4, с. 247].

Смысловая эквивалентность как одна из важнейших характеристик перевода требует сохранения смысла оригинала и авторского стиля. В этом отношении близким оригиналу является перевод Р. Папаяна, который, сознавая себя в проигрыше в «состязании» с великим, тем не менее «не избегает риска» (слова Р. Папаяна. — *К. П.*) представить творчество Тютчева своему читателю, «ибо если этого не будет, то в проигрыше окажется культура — как национальная, так и общечеловеческая» [7, с. 36].

Литература:

1. Бочаров С. Два поэта мысли // Десять веков русской литературы. Т. 12. Е. Боратынский. Ф. Тютчев. — М.: Слово, 2008. — С. 15–16.
2. Бухштаб Б. Я. Тютчев // Бухштаб Б. Я. Русские поэты: Тютчев. Фет. Козьма Прутков. Добролюбов. — Л., 1970. — С. 9–75.
3. Зунделович Я. О. Этюды о лирике Тютчева. — Самарканд, 1971.
4. Левый И. Искусство перевода. — М.: Прогресс, 1974. — 394 с.
5. Многоголосье. Переводы и переложения (на армянском языке) / Пер. В. Бабаян. — Ереван: Саак Партев, 2003. — С. 62.
6. Петрова И. В. Мир, общество, человек в лирике Тютчева // Ф. И. Тютчев / АН СССР, М.: Наука, 1998. — Кн. I. — С. 38.
7. Тютчев Ф. И. Лирика (на русском и армянском языках) / Пер. Р. Папаян. — Ереван: Рау. — С. 245.
8. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем в 6 т. — М.: Классика, 2002–2004. — Т. 2. Стихотворения, 1850–1873, 2003. — 640 с.
9. Тютчев Ф. И. Стихотворения (на армянском языке) / Пер. Ал. Хачунц. — Ереван: Советакан грох, 1977. — С. 46.
10. Чичерин А. Стиль лирики Тютчева // Контекст — 1974. — М., 1975. — С. 275–294.
11. Чуковский К. И. Высокое искусство. — М.: Советский писатель, 1968. — 352 с.

K. Petrosyan

kristinaayr@mail.ru

Primary school № 10 after Viktor Ambartsumyan

The edge of dual existence

The article deals with Tutchев's poem "Oh, my propethic soul!.." which is revealed with the "spiritual gentle self-analyse" and is important to understand the creativity of Tutchев as well as the Armenian translations of the poem are observed.

There is an attempt to clarify "the system of inclinations" from the original in the translations that disturbs the true comprehension of the creative thought and style of the translating author.

Keywords: poetry, translation, original, style.

Матевосян Лианна Бениаминовна
lianna.matev@gmail.com
 Ереванский государственный университет
 Республика Армения
Фрунджян Марианна Тиграновна
mashaego@netscape.net
 Психологический центр «Эго»
 Республика Армения

Раннее знакомство с языками — гарант полилингвального будущего

Функционирование и уровень владения русским языком в Армении определяются ее национальным составом. Большинство населения считало и считает своим родным языком армянский, но и сегодня в независимой Армении большая часть армян являются носителями «координативного» армяно-русского двуязычия, а языковая политика в Армении носит сбалансированный характер.

В Армении обучение иностранным языкам, в том числе русскому, начинают с раннего возраста. Чем раньше ребенок начинает знакомиться с иностранным языком, тем лучше, так как усвоение происходит на интуитивном, имитационном уровнях вместе с естественными процессами познания мира и родного языка.

Ключевые слова: обучение языкам, русский язык, Армения.

«Нет в мире такого народа, который бы не зачах, если бы не обращался к культурным и научным достижениям других народов. *Цивилизация возможна как результат творческого гения не одного, а многих народов мира*» (курсив наш. — Л. М.), — писал академик Л. М. Мкртчян [2, с. 185].

Армяне связали свою судьбу с русским народом почти два века назад, но условия функционирования и уровень владения русским языком в Армении имели и имеют ряд специфических черт, ибо национальный состав Армении был и остается однородным, и большинство населения считало и считает своим родным языком армянский. И сегодня значительная часть армян — носители «координативного» армяно-русского двуязычия.

В 1938 году в стенах Ереванского государственного университета на филологическом факультете открылось отделение русского языка и литературы и была создана кафедра русского языка. Позже в разных вузах страны возникли целые коллективы русистов. И сегодня в Армении достаточно много центров русского языка и очагов русской культуры: Русский драматический театр им. К. С. Станиславского, Московский культурно-деловой центр *Дом Москвы* в Ереване, *Русский Дом* в Ереване, Гюмри и др.

Общеизвестно, знание языков не только веление времени, но и сила, инструмент коммуникации. Общеизвестно также, что погружение в языки должно происходить в детстве. Вот почему языкам в Армении обучают в детских садах и центрах, приобщая тем самым к разным моделям мира и культурам через язык. Опыт показывает, чем раньше ребенок начинает знакомиться с иностранным языком, тем лучше. В таком возрасте обучение происходит на интуитивном, имитационном уровнях посредством естественных процессов познания языка. Малыши, как губка, впитывают из окружающего мира информацию, которую со временем научатся применять. Обучение языкам, в частности русскому, начатое в детском саду, при правильном подходе полезно для ребенка и через несколько месяцев дает результат.

Занятия в детском саду кардинально отличаются от классических школьных уроков. Педагоги учитывают возрастные особенности малышей: их способность концентрироваться, быть сосредоточенными на чем-то одном, поэтому и ограничиваются 15-минутными занятиями, после чего меняют вид активности. Дети дошкольного возраста быстро усваивают и воспроизводят небольшие объемы информации, так что занятия русского языка в детских садах построены с учетом этого.

Основной организационной формой занятий является игра. В процессе такой игры заучиваются не только слова, буквы алфавита, но и стихи, считалки, песни. Таким образом формируется естественная потребность в речи. Выделяют несколько разновидностей игр: *художественные*

(постановки сказок, где роли распределяются между детьми), *ситуативные* (моделируется ситуация на ту или иную тему), *ритмико-музыкальные* (танцы, сопровождающиеся определенными фразами), *соревновательные* (решение кроссвордов, выполнение команд) [см.: 1]. Комплексное использование педагогом перечисленных игр способствует быстрому усвоению неродного языка. Следует помнить, что дети дошкольного возраста быстро утомляются, поэтому нагрузка должна быть умеренной — занятия, как правило, длятся не более полутора часов.

Обучение языкам, в том числе русскому, дает результат через 3–4 месяца: дети понимают педагога, выполняют разнообразные задания, начинают общаться друг с другом на русском языке, у них формируется словарный запас по определенным темам, интересным им. Для качественного освоения языка к занятиям в детском саду добавляются домашние занятия: чтение вслух книг с яркими иллюстрациями и просмотр мультфильмов на русском языке.

Общеобразовательные школы в Армении — армянские, однако русский язык в средней/общеобразовательной школе — обязательный. Во всех школах изучают русский язык со 2-го класса и другие иностранные языки — с 3-го, изучают все 12 лет. В начальной и средней школе 2–3 часа в неделю, в старшей — 2 часа, 3–5–8 часов — в 10–11–12-х классах с профильным обучением.

Русский язык в вузах Армении — обязательный учебный предмет. Изучают студенты всех факультетов (гуманитарного, естественного и технического профиля), как правило, 2 учебных семестра по 4 или 2 часа в неделю. Обучаются студенты по учебникам и учебным пособиям, подготовленным преподавателями вузов Армении. К сожалению, каждый вуз занимается по учебнику, разработанному коллективом кафедры русского языка данного вуза.

В шести университетах Армении изучают русский язык как специальность. Это Ереванский государственный университет (факультет русской филологии), Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В. Брюсова (факультет русского и иностранных языков и межкультурной коммуникации), Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна (факультет иностранных языков), Российско-Армянский университет (институт гуманитарных наук), Ширакский государственный педагогический университет им. М. Налбандяна (факультет иностранных языков), Ванадзорский государственный педагогический университет им. О. Туманяна (филологический факультет). Во всех университетах существуют программы бакалавриата и магистратуры по русистике. Обучаются студенты по российским учебникам и учебным пособиям, рекомендованным Министерством образования и науки РФ для специальных/филологических факультетов вузов. Используются также отдельные учебные пособия, подготовленные русистами Армении.

Таким образом, русский язык в Армении сегодня, хотя и назван в ряду иностранных языков, продолжает оставаться первым/обязательным (его изучают в школе, в вузе) среди равных, ибо есть мотивация для его изучения:

- Россия была и остается печатающей и переводящей страной;
- наши библиотеки достаточно хорошо укомплектованы литературой на русском языке;
- армянская диаспора России насчитывает около трех миллионов армян;
- для армян, проживающих или выезжающих на заработки на территорию постсоветского пространства, в страны Восточной Европы, русский язык — орудие производства и часть культуры;
- русский язык — средство общения не только между специалистами, но и людьми разных стран.

Сегодня все чаще говорят о консолидирующей роли русского языка в развитии межкультурных отношений не только между РФ и странами ближнего и дальнего зарубежья, но и во всем евразийском пространстве, — так что реальный статус русского языка в Армении гораздо выше его правового статуса. Об этом говорят и цифры: сегодня русские составляют приблизительно 1 % населения Армении (Армения всегда была мононациональной республикой), число же владеющих русским языком намного больше — 70 % (данные МИД РФ).

Наконец, благодаря русскому языку мы, армяне, несем свой этнос и свою культуру русскоязычному миру.

В Армении в настоящее время действуют как бесплатные, так и недорогие платные курсы русского языка. На платных курсах людей не очень много в силу неплатежеспособности населения. Бесплатные курсы по проектам *Дома Москвы*, *Русского Дома* в Ереване, *Центра русского языка* при Ереванском государственном университете нерегулярны и зависят от финансирования.

В настоящее время в Армении проводятся на постоянной основе конференции и симпозиумы по русистике: «Брюсовские чтения» — Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В. Брюсова, кафедра мировой литературы; Международная научно-практическая конференция «Русский язык — гарант диалога культур, научного сотрудничества, межличностного и межнационального общения в XXI веке» (каждый год, ноябрь) — *Русский дом* в Ереване, Армянская ассоциация русистов, Армянская ассоциация учителей русского языка и литературы и Армянская ассоциация выпускников российских вузов; с 2009 года — серия международных научно-практических конференций под общей тематикой «Русская литература: русская и национальные литературы» (каждый год, весной/осенью) — Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В. Я. Брюсова, Министерство культуры РА, *Русский дом* в Ереване, Общество дружбы *Армения — Россия* АОКСА; Международная научно-практическая конференция «Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике» (каждый год) — *Русский дом* в Ереване, Российско-Армянский университет.

В Армении издаются научные журналы и сборники статей в области русистики: научно-методический журнал «Русский язык в Армении» (6 номеров в год), включенный в перечень ВАКа Республики Армения (публикации в журнале засчитываются при защитах иностранных соискателей); сборник научных статей «Брюсовские чтения» (Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В. Брюсова, кафедра мировой литературы); «Вестник Ереванского университета. Русская филология», 2 номера в год (стал выходить в 2015 г., включен в перечень ВАКа Республики Армения); «Проблемы современной русистики» (филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, с января 2020 г. включен в перечень журналов ВАКа РА). И много других периодических изданий, вузовских и кафедральных, публикующих русскоязычные статьи. Список их значится на сайте НАН РА (<https://www.sci.am>).

На русском языке выходят газеты «Голос Армении», «Новое Время» и журнал «Литературная Армения». Русский язык активно присутствует в «языковом ландшафте» городов страны, в частности Еревана [см.: 3].

Русистов Армении всегда интересовала проблема взаимодействия языков — армяно-русское двуязычие, проблема взаимодействия культур. Русисты Армении обогатили и продолжают обогащать лексикографический фонд русского языка двуязычными — армяно-русскими, русско-армянскими — словарями, а также учебными словарями разных типов. Из года в год увеличивается число студентов-иностранцев. Это граждане Индии, Китая, стран Ближнего Востока: арабы, персы, армяне из разных диаспор. Поэтому проблема обучения русскому языку как иностранному вместе с проблемой билингвизма стала ведущей в Армении.

В культурной жизни страны велика роль Русского драматического театра имени К. С. Станиславского (<https://www.stanislavski.am>), который открылся в 1937 году. Театр — часть жизни многих ереванцев, тех, кого русская культура вела по жизни и вдохновляла. В сложные 90-е годы, когда многие театры Армении бездействовали или закрывались из-за отсутствия света, финансов, Русский драматический театр продолжал жить при свечах и керосиновых лампах, ибо был востребован. И сегодня жизнь театра неотделима от культурной жизни страны, а его история связана с именами классиков русской литературы и известных российских деятелей русского театра: драматургов, режиссеров, народных артистов.

На театральных сценах Еревана часто гастролируют российские театры, а Большой филармонический зал им. А. Хачатуряна при выступлениях российских музыкантов (и не только российских) неизменно полный. Это показатель интернациональности наших культур. «Пусть будут мысли и чувства едины, Разными будут пусть языки», — призывал грузинский поэт Григор Абашидзе.

Литература:

1. Арутюнян Н. М., Шахзадеян И. М. Обучение русскому языку в детском саду: Пособие для учителей арм. дет. садов. — Ереван: Луйс, 1988.
2. Мкртчян Л. М. Русский как национальная необходимость // Слепой, но не настолько: Художественная публицистика. Литературная критика. — Ереван, 1998.
3. Федорова Л. Л. Русский язык в Армении: языковая ситуация и языковой ландшафт современного Еревана // *Slavica Helsingiensia*. — 2019. — № 52.

Matevosyan L. B.
lianna.matev@gmail.com
Yerevan State University
Frunjyan M. T.
mashaego@netscape.net
Psychology Centre Ego

Early Acquaintance with Languages is the Guarantor of Multilingual Future

This is about the balanced language policy in Armenia. Implementation of the Russian language and the level of its proficiency are, in effect, determined by the ethnic specificity of country's population. Armenia has always been a monoethnic state, and the majority of the population considers Armenian as their mother tongue. However, today independent Armenia, most of the people are viewed as "coordinated" Armenian-Russian bilinguals. In Armenia, teaching foreign languages, including Russian, begins at an early age, in kindergarten. The earlier the child begins to get acquainted with a foreign language, the better, since assimilation takes place at the intuitive, imitative levels along with the natural processes of cognition of the world and language.

Keywords: language training, Russian language, Armenia.

Влияние русской литературы XX века на творчество Ч. Айтматова (на примере романа «И дольше века длится день»)

В статье рассматривается значение и роль русского языка в нашей стране. В современном литературном процессе дается характеристика актуальности художественного наследия Ч. Айтматова и его отношения к русскому языку и литературе. Кроме этого, выявляются аспекты влияния русской литературы XX века на творчество Ч. Айтматова и анализируется роман «И дольше века длится день». В данном произведении обнаруживаются черты, органически присущие многим писателям XX века, в поэтике, жанре, конфликте, архитектонике и стиле. В тексте романа обнаруживаются интертекстуальные переключки с произведениями Е. Замятина, Б. Пастернака, В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова, Ю. Трифонова. В прозе Айтматова кардинальные проблемы человечества ставятся на повестку дня по-новому: в ней воспеваются величавость Человека, благодатность Природы и вечность Жизни.

Ключевые слова: антиутопия, билингвизм, интертекст, манкуртизм, притча, русский язык.

XXI явился для Кыргызстана временем перемен и обретения опыта самостоятельного управления государством, его экономикой и культурой. Кыргызстан — это многоязычная страна, где проживают представители более 80 национальностей. Среди населения страны распространенными языками являются кыргызский (государственный) и русский (официальный) языки. В Конституции Кыргызской Республики, принятой 27 июня 2010 года, статья 10 гласит, что государственным языком Кыргызской Республики является кыргызский язык, а в качестве официального употребляется русский язык.

В статье «Русский язык в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана» д-р филол. наук, профессор ОшГУ Зулпукаров К. З. аргументирует о значимости русского языка «...у нас в Киргизии особое отношение к России, к Российской истории, культуре, к русскому народу и языку. В Киргизии русский язык мыслится как огромный неиссякаемый источник социально-значимой информации, который вобрал в себя общечеловеческие цивилизационные ценности и аккумуляровал в себе философские, исторические, экономические, правоведческие, культуроведческие, физико-математические, научно-технические, художественно-эстетические и прочие знания о мире. Русский язык для нас — колоссальное хранилище информации о действительности.

Он обладает свойством рационально систематизировать, синтезировать, накапливать, хранить и распространять многовековой опыт своих носителей и всего человечества, быть мощным средством обмена информацией на международном уровне. Именно поэтому по настоянию, желанию и выбору нашего народа за русским языком закреплен статус официального языка» [5, с. 7–8].

Главной особенностью и важнейшей культурной ценностью страны является двуязычие с компонентом русский язык. Отметим, что 59,4% населения Кыргызстана в возрасте 15 лет и старше активно используют два и более языка. Русский язык остается в республике языком межнационального общения. Своим вторым языком его считают 94,9% взрослых киргизов, 94,5 дунган, 92,9% калмыков.

Ведущий ученый Тагаев М. Дж. в монографии «Диалог языков и культур» подчеркивает: «...кыргызский и русский языки — ведущие и взаимодействующие субъекты языкового сообщества в Кыргызстане, создание и укрепление которого составляет основу языковой политики страны. Русский язык реально занимает ведущие позиции в социально-экономической и научно-образовательных сферах жизнедеятельности государства [7, с. 67].

Сегодня размышления и высказывания Ч. Айтматова о русском языке звучат как заповеди для кыргызов, впрочем, как и для других народов постсоветского пространства. Писатель уделяет огромное влияние литературному языку. «Литературный язык — народная собственность, благородное богатство. Язык каждого народа — это дорогое наследство его истории» и считает

что «бессмертие народа — в его языке» [2, с. 348]. Он также подчеркивает роль русского языка в обогащении и развитии лексики национальных языков. «От русского языка не должны мы уходить — это будет невосполнимая потеря», предостерегал Ч. Айтматов и напоминал о том, что «государственное многоязычие — признак цивилизованной зрелости страны» [2, с. 348].

Благодаря писателю Чингизу Айтматову синхронный перевод на русский язык зазвучал на встречах послов в НАТО. В одном из интервью в радио «Азаттык» писатель утверждает, что «русский язык, как язык межнационального общения, является незаменимым фактором и необходимым условием для гражданского согласия и сохранения политической стабильности в стране.

Русский язык — один из основных, главных мировых языков. Моя жизнь сложилась таким образом, что мой культурный фонд складывался на двух языках. Благодаря русскому языку я приобщился к мировой культуре, потому что на русский язык переведены все основные книги мировых классиков — это было уже готовое богатство, и я мог воспользоваться этим богатством. Я уже не говорю о русских писателях — это само собой!

Когда спрашивают, на каком языке я думаю, то даже не знаю, что ответить. Оба эти языка для меня как правая и левая рука — это дар истории, дар судьбы. Мы должны быть полигамны не только в языках, но и в отношении к религиям» [9].

Безусловно, Чингиз Айтматов стал одним из самых популярных писателей и мыслителей XX века. Столь повышенный интерес к творчеству писателя объясняется, прежде всего, мощью его литературного таланта и актуальностью проблем, поднимаемых им в своих произведениях.

Творчество Ч. Айтматова становится хрестоматийным с первых повестей писателя. Оно изучается в учебных заведениях Кыргызстана, России и стран СНГ. Зарубежная печать оценивает произведения писателя как значительное явление в мировой художественной культуре. В отечественном и зарубежном литературоведении формируется направление — «айтматоведение».

Исследователь творчества Г. Гачев пишет: «Чингиз Айтматов не просто житель середины XX века, но и мифотворец, акын-рапсод, сказитель гомеровского толка, ренессансно-шекспировский драматург, просветитель и дидакт своего народа, романтик с идеалом высокого накала, реалист-нравописатель и историограф...» [4, с. 13].

Билингвизм в своем творчестве Ч. Айтматов объясняет так: «У нас в стране уже есть опыт билингвизма в художественном творчестве. Опыт этот говорит о том, что наиболее верный путь — это сочетание знаний обоих языков... Я пишу свои книги на киргизском языке..., перевожу на русский, и наоборот. При этом я получаю глубочайшее удовлетворение от этой двусторонней работы. Это чрезвычайно интересная внутренняя работа писателя, ведущая, по моему убеждению, к совершенствованию стиля, к обогащению образности языка» [1, с. 84].

Нравственно-этическая проблематика творчества Ч. Айтматова чрезвычайно близка русской литературе XIX–XX веков и одновременно многим литературам народов России и стран СНГ. Сам писатель неоднократно подчеркивал определяющее влияние русской литературы на развитие национальных литератур: «Лично я считаю, что многие национальные литературы происходят от самой русской литературы, от ее плоти и духа. Скажем прямо: не было бы русской литературы — не было бы и современной казахской, киргизской, каракалпакской и многих других литератур. Никакая другая литература — ни английская, ни американская, ни немецкая — не смогла выполнить такую благородную историческую миссию, не смогла «породить» по своему образу и подобию родные ей национальные литературы» [8, с. 182].

В настоящее время по изучению творчества Ч. Айтматова большой интерес вызывают исследовательские работы Коваленко А. Г. «Ч. Айтматов и русская литература XX века», Темаевой Х. Н. «Духовно-нравственный и художественный мир Ч. Айтматова и его мотивы в северо-кавказской прозе», Юрьевой С. Н. «Концепция художественного психологизма в романном творчестве Ф. М. Достоевского и Ч. Т. Айтматова», Шафранской Э. Ф. «Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XIX–XX вв.», Ничипорова И. Б. «„Тавро Кассандры“ Чингиза Айтматова как роман-антиутопия» и др.

В данной работе рассмотрим некоторые аспекты влияния русской литературы XX века на роман Ч. Айтматова «И дольше века длится день».

В 1980 году опубликован роман «И дольше века длится день». Названием романа является строчка из стихотворения Б. Пастернака, «запрещенного» поэта и писателя, лауреата Нобелев-

ской премии. Поэта не было тогда ни в школьных, ни в университетских учебных программах. На то нужна была определенная смелость. Приведем отрывок из стихотворения Б. Пастернака «Единственные дни» (1959):

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла к скворешни.
И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье. [6, с. 492]

Айтматов дал строчке вторую жизнь. Выражение «*И дольше века длится день*» стало популярным после выхода в свет романа советского кыргызского писателя.

Если у Пастернака речь идет о любви, переполняющей лирического героя, то Айтматов наполнил ее эпическим смыслом. Для айтматовского Едигея Буранного, главного героя романа, прожитый день равновелик вечности. Он вместил в себя все события личной жизни персонажа и исторической судьбы народа. И воплощение этого замысла связало воедино в романе темы личной и исторической памяти.

Здесь мы можем говорить об интертекстуальности текста.

И еще одно наблюдение позволяет говорить о перекличках с Пастернаком. Известный литературовед Б. М. Гаспаров показал, что важнейшим сюжетообразующим и «жанроформирующим» мотивом в романе «Доктор Живаго» является железная дорога. Благодаря ему текст романа приобретает полифонию и лирико-эпическое звучание. У Айтматова в романе железная дорога становится своего рода эпическим «камертоном» сюжета, на который настроено повествование. Железная дорога в семиотическом пространстве романа — «горизонтальной», «земной» шкалы координат, противовес «вертикальной» оси, уходящей одной стороной в космос, другой — в глубь земли, где лежит прах ушедших предков» [3, с. 304]

В 1970-е годы критика обратила внимание на приход в литературу нового типа героя — героя, прожившего жизнь. Обратим внимание, что главный герой Едигей Буранный — мудрый старец. Стал заметным явлением в литературе роман Ю. Трифонова «Старик». В повестях В. Распутина «Прощание с Матерой» и «Последний срок», в повести В. Астафьева «Последний поклон» старые и по-народному мудрые женщины воплотили авторскую мысль о памяти поколений, о растраченных этических ценностях, о тревоге за судьбы потомков. Рядом с ними заняли свое место Едигей и Казангап. По-своему Айтматов сокрушается о забвении прошлого — и не только далекого, но и совсем недавнего. Нельзя забывать не только национальные исторические корни, говорит Айтматов, но и страницы связанные с репрессиями 1930-х годов.

Коваленко А. Г. в статье «Ч. Айтматов и русская литература XX века» отмечает, что «...любопытно заметить, что тема ликвидации памяти, которую в романе предпринимают жуань-жуаны с целью поработить пленный народ имеет свою аналогию в творчестве Е. Замятина. В антиутопическом романе «Мы», написанном еще в 1920-е годы, писатель изобразил именно такую операцию. Замятинская лоботомия способствовала созданию населения, целиком послушного воле диктатора.

Вспомнив Замятина обнаружим еще одну общую тему. Антиутопический аспект романа «Буранный полустанок», связанный с планетой Лесная грудь и бегством на нее космонавтов с орбитальной станции, указывает на связь с художественным пространством замятинского романа. Единое государство романа Замятина с его «цифровой» механистической регламентацией жизни отгорожено от естественного мира Мефи непроеходимой Зеленой стеной. Герметичная замкнутость гарантирует беспомысленность. А выход за его пределы смертельно опасен. Моральный аспект антиутопии Айтматова, как и у Замятина, очевиден: чтобы миром управлять, власть имущие мира должны будут не только лишиться людей памяти, но и удержать общество в герметичном замкнутом социальном пространстве» [10].

Авторитет писателя позволил ему смело говорить в конце 1970-начале 1980-х гг. о том, о чем не было принято говорить вслух, особенно в литературе. И этому во многом помогла притча. Айт-

матов привнес в художественную литературу притчу, иносказание, в которое оформилась народная мудрость. Не политическими заявлениями, но яркой образностью поддерживалось противостояние забвению исторических истин. Притча о матери Найман-ана и ее сыне манкурте стала символом такого противоборства.

В романе рассказывается о том, как молодого кочевника Жоламана, сына Доненбая, попавшего в плен к жуань-жуанам, сделали манкуртом. Его мать Найман-Ана долго искала сына, но, когда она нашла его, он ее не узнал. Более того, он убил ее по приказу своих хозяев. По указаниям исследователей легенда имеет реальный фольклорный источник.

Выясним семантику слова *манкурт* — согласно роману Ч. Айтматова «Буранный полустанок» («И дольше века длится день»), взятый в плен человек, превращенный в бездушное рабское создание, полностью подчиненное хозяину и не помнящее ничего из предыдущей жизни. В переносном смысле слово «манкурт» употребляется для обозначения человека, потерявшего связь со своими историческими, национальными корнями, забывшего о своем родстве. В этом значении слово «манкурт» стало нарицательным и уже используется в публицистике. В русском языке появились неологизмы «манкуртизм», «манкуртизация», «деманкуртизация» [11].

Русская литература густо «населена» животными, образы которых являются знаковыми для национальных картин мира. Русский север по-своему представляет корова Роголя из повести В. Белова «Привычное дело», север Сибири — верный пес Бойе из одноименного рассказа В. Астафьева и другие произведения.

Не случайно то, что и в художественном мире Айтматова большое место занимают животные — конь Гульсары, Рогатая мать-олениха, буранный Каранар, волки Акбара и Ташчайнар и снежный барс Жаабарс. В случае с Ч. Айтматовым важно указать на то, что мир животных имеет свой семиотический акцент. Например, в последнем романе-реквиеме «Когда падают горы» писателем создано произведение о судьбе снежного барса, который в древности был тотемным животным у кыргызского народа. В многочисленных сказаниях барс становится символом отчаянной смелости, мужества и выносливости, что для воинов-горцев определяет высокий эталон настоящего мужчины, воина-защитника. Поэтому он был тотемом национального кыргызского героя Манаса. К примеру, одним из правителей древнего великого Енисейского Кыргызского каганата (VIII в) был Барс-бек Ынангу Алп Билге.

Отличие Айтматова от других художников слова заключается в том, что хищники у него вовсе не хищники. Писателя в них интересует «гуманизм», положительные качества. Звери в изображении Ч. Айтматова по многим своим качествам стоят гораздо выше отдельных персонажей из числа людей.

В заключение обобщим основные выводы исследования:

- русский язык занимает ведущие позиции в социально-экономической и научно-образовательных и в других сферах жизнедеятельности государства;
- повышенный интерес к творчеству Ч. Айтматова объясняется, прежде всего, мощью его литературного таланта, дихотомией национальное-общечеловеческое, актуальностью проблем, поднимаемых им в своих произведениях;
- в тексте романа Айтматова «И дольше века длится день» обнаруживаются интертекстуальные переключки с произведениями Е. Замятина, Б. Пастернака, В. Распутина, В. Астафьева, Ю. Трифонова.

Исходя из вышеизложенного, в прозе Айтматова кардинальные проблемы человечества ставятся на повестку дня по-новому: в ней воспеваются величавость Человека, благодатность Природы и вечность Жизни.

Литература:

1. Айтматов Ч. В соавторстве с землей и водой... — Фрунзе, 1979. — С. 84
2. Акматалиев А. Чингиз Айтматов: Человек и Вселенная / НАН Кырг. Респ. — Б.: Илим, 2013. — 576 с.
3. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. — М.: Наука, 1994. — 304 с.
4. Гачев Г. Ч. Айтматов и мировая литература. — Фрунзе: Кыргызстан, 1982. — С. 13.

5. Зулпукаров К. З. Русский язык в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана [Текст] // Вестник ЖАГУ. — 2019. — № 3. — С. 7–8.
6. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы / Сост. Е. Пастернака. — М.: Худ. лит., 1990. — 511 с.
7. Тагаев М. Дж. Диалог языков и культур. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. — 240 с.
8. Темаева Х. Н. Духовно-нравственный и художественный мир Ч. Айтматова и его мотивы в северо-кавказской прозе: дис. ... канд. филол. наук. — Майкоп, 2010. — 182 с.
9. <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-aitmatov/29377878.html>
10. <https://cyberleninka.ru/article/n/chingiz-aytmatov-i-russkaya-literatura-hh-veka/viewer>
11. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%82>

Ayilchieva Dilara Tursunaliyevna
dilara.a71@mail.ru
Kyrgyzstan
Jalal-Abad State University
named after B. Osmonov.
Department «Russian philology»

Influence of Russian literature of the XX century for Ch. Aitmatov's works (on the example of the novel "A day lasts longer than a century")

The article discusses the meaning and role of the Russian language in our country. In the current literary process there is a description of the relevance of Ch. Aitmatov's artistic heritage and his attitude to the Russian language and literature. Besides it, aspects of influence of Russian literature of the XX century on Ch. Aitmatov's works are found out and his novel «A day lasts longer than a century» is analyzed. This work reveals features that are organically inherent to many 20th century writers in poetry, genre, conflict, architectonics, and style. The text of the novel contains intertextual recordings with the works of E. Zamyatin, B. Pasternak, V. Rasputin, V. Astafyev, V. Belov, Y. Triphonov. In Aitmatov's prose, the cardinal problems of humanity are put on the agenda in a new way: it praises the majesty of Man, the grace of Nature and the eternity of Life.

Keywords: anti-utopia, bilingualism, intertext, mankurtism, parable, the Russian language.

Концепт «Бог» в русской провербиальной картине мира

Выявление когнитивных признаков концепта «Бог» в русской провербиальной картине мира. Методикой моделирования концептуального поля определены базовые составляющие ядерной зоны, представленные в виде пяти микрополей (слоев).

Ключевые слова: лингвоэтнокультура, провербиальный, картина мира, когнитема, концепт.

В русской лингвоэтнокультуре важное место занимает концепт «Бог». В. В. Колесов писал: «Сила русской ментальности именно в том, что крайним авторитетом она признает идею Бога, ибо Бог, по определению, у каждого — свой, это личная совесть» [83, с. 519]. Этот концепт синтезирует представления этноса о Боге, что концентрированно отражено в русских пословично-поговорочных изречениях.

Для выявления когнитивных признаков концепта «Бог» в русской провербиальной картине мира нами было проанализировано 1250 провербиальных языковых единиц. Их анализ позволил определить те признаки концепта, которые рассматривались нами как существенные, важные, отличительные, как предмет осмысления. Прием количественных подсчетов дал возможность выявить наиболее продуктивные для вербализации концепта группы. Всего было выявлено 22 группы, в которых сконцентрированы 69 наиболее частотных (повторяющихся) когнитивных единиц. См. таблицу-рисунок № 1.

БОГ — СОЗДАТЕЛЬ, ТВОРЕЦ (92 единицы)

Когнитема № 1 **Бог управляет миром и человеком** (10 пословиц)

Примеры: *Один воин тысячи водит, а Бог и тысячи и воина водит. Не конь везет, Бог несет.*

Когнитема № 2 **Бог создал мир, все живое на земле** (41 пословица)

Примеры: *Над семью поясами небесными сам Бог, превыше его покров. Бог создал три зла: черта, бабу и козла.*

Когнитема № 3 **Бог один (един)** (3 пословицы)

Примеры: *Один Бог, один государь. Один, как Бог.*

Когнитема № 4 **С Богом нельзя спорить** (9 пословиц)

Примеры: *С Богом не поспоришь. Спорь во всем, кроме власти Божьей.*

Когнитема № 5 **Бог свят, а люди грешны** (16 пословиц)

Примеры: *Один Бог без греха. Кто Богу не грешен, кто бабке не внук?*

Когнитема № 6 **Божьим именем клянутся** (13 пословиц)

Примеры: *(Да) убей (побей, накажи, разрази) (меня) Бог. Каюсь, как перед Богом. Как Бог свят!*

БОГ — ВЛАДЫКА (ПОВЕЛИТЕЛЬ) (208 единиц)

Когнитема № 7 **Все осуществляется по воле Бога** (180 пословиц)

Примеры: *Подумаешь — горе; а раздумаешь — воля Господня. Под Богом ходишь, и власть Его (или: Божья и власть).*

Когнитема № 8 **Душа человека отправляется к Богу** (2 пословицы)

Примеры: *Отдал Богу душу. Бог души не вынет, сама душа не выйдет. Без поры душа не выйдет. Кто вложил душу, тот и вынет.*

Когнитема № 9 **Все будут отвечать перед Богом** (3 пословицы)

Примеры: *Не хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда божьего не миновать*

Когнитема № 10 **Бог все видит** (2 пословицы)

Примеры: *От людей утаишь, а от бога не утаишь. Бога не обманеешь, хоть и пораньше нашего встанешь.*

БОГ — ЗАСТУПНИК, СПАСИТЕЛЬ

Когнитема № 11 **Бог мудр и справедлив** (4 пословицы)

Примеры: *Всякая мудрость от Бога. Видел Бог, что не дал свинье рог.*

Когнитема № 12 **Бог на каждого возлагает по силе** (2 пословицы)

Примеры: *Бог по силе крест налагает. Чего Бог не найдет, того человек не понесет.*

Когнитема № 13 **Бог благословляет** (3 пословицы)

Примеры: *Бог не допустит (не выдаст), свинья не съест. На Бога положишься, не обложишься.*

Когнитема № 14 **Бог оберегает** (5 пословиц)

Примеры: *Кто правду хранит, того Бог наградит. Кто правды желает, тому Бог помогает.*

Когнитема № 15 **Бог любит праведников** (3 пословицы)

Примеры: *Кто кого обидит, того Бог ненавидит. Бог виноватого найдет.*

Когнитема № 16 **Бог наказывает неправедных** (3 пословицы)

Примеры: *Дай Бог кому детей родить, тому их и вскормить.*

Когнитема № 17 **Бога просят благ** (6 пословиц)

Примеры: *Дай Бог счастливо день дневать и ночь ночевать.*

Когнитема № 18 **Бога просят отвести беду** (8 пословиц)

Примеры: *Не дай Бог с дураком связаться. От пожара, от потопы и от злой жены, Боже сохрани!*

Когнитема № 19 **Бог может помочь** (6 пословиц)

Примеры: *Не унывай, не Бога уповай (или: а Бога призывай).*

Когнитема № 20 **Бог помогает в работе** (8 пословиц)

Примеры: *Пораньше просыпайся, да за Бога хватайся! Помогай Бог. Да поможет вам (тебе) Бог. Дай бог доброму часу!*

Когнитема № 21 **Именем Божиим можно усостыжить человека** (7 пословиц)

Примеры: *Побойся (побойтесь) Бога. Бог суди твои костыли (т. е. лукавство).*

Когнитема № 22 **Бог бережет заботящихся о себе** (4 пословицы)

Примеры: *Береженого и Бог бережет. Кто себя стрежет, того и Бог бережет.*

Когнитема № 23 **Кто живет не с Богом, подвергает себя опасности** (5 пословиц)

Примеры: *От Бога отказаться — к сатане пристать. Удаляющие от Бога погибают.*

БОГ — НАДЕЖДА НА СПАСЕНИЕ (124 единицы)

Когнитема № 24 **Смысл жизни — в служении Богу** (2 пословицы)

Примеры: *Жить — богу служить. Велики труды его к Богу (т. е. Богомол, великопостник).*

Когнитема № 25 **Нужно жить по воле Божьей** (23 пословицы)

Примеры: *Не живи, как хочется, а живи, как Бог велел. Живи так, чтоб ни от Бога греха, ни от людей стыда.*

Когнитема № 26 **Бог помогает тем, кто любит его** (8 пословиц)

Примеры: *Любящих и Бог любит. Кто любит Бога, добра получит много.*

Когнитема № 27 **Бога нужно восхвалять, благодарить** (26 пословиц)

Примеры: *Дай Бог нашему Богу жить — все живы будем. Буди имя Господне благословенно отныне и до века!*

Когнитема № 28 **Лучше восхвалять Бога, чем просить у него подаяния** (2 пословицы)

Примеры: *Лучше слава Богу, нежели дай Бог. Дай Бог — хорошо, слава Богу — лучше.*

Когнитема № 29 **Бога нужно бояться, его нельзя гневить** (25 пословиц)

Примеры: *Прости, Господи, мою душу грешную! Прости, Господи, прегрешения мои!*

Когнитема № 30 **У Бога просят прощения за грехи** (5 пословиц)

Примеры: *Кто добро творит, того Бог благословит. Кто сирых напитает, тот Бога знает (или: того бог знает).*

Когнитема № 31 **Бог воздает за добрые дела** (30 пословиц)

Примеры: *Кто все Бога призывает, все свой век проживает. На это плакаться — только Бога напрасно гневить.*

Когнитема № 32 **Бога нельзя беспокоить по пустякам** (3 пословицы)

Примеры: *На это плакаться — только Бога напрасно гневить*

БОГ — ЛЮБОВЬ (146 единиц)

Когнитема № 33 **Бог заботится о людях, он милосерден** (104 пословицы)

Примеры: *Бог — любовь. Где любовь, там и Бог. Даст Бог день, даст и пищу.*

Когнитема № 34 **Бог помогает несчастным, обиженным, бедным и сиротам** (17 пословиц)

Примеры: *Бог — заступник сирым и вдовым. Сирый да вдовый плачут, а за сирого да вдового Бог на страже стоит.*

Когнитема № 35 **Бог прощает** (20 пословиц)

Примеры: *Виноват да повинен — Богу непротивен. Бог простит, только вперед не каверзи.*

Когнитема № 36 **Бог указывает нужный путь** (5 пословиц)

Примеры: *Добрым путем Бог правит. Бог пути кажет.*

БОГ БЫВАЕТ НЕСПРАВЕДЛИВ (62 единицы)

Когнитема № 37 **Бог забывает, не милует, не всем помогает** (28 пословиц)

Примеры: *Бог с бедного последнее сдирает да богатого одевает. Плачься Богу, а слезы — вода.*

Когнитема № 38 **Бог не всем дает** («обижает», «убивает») (15 пословиц)

Примеры: *Бог умом его обделил. Дураки да нищие не родом ведутся, а кому Бог даст.*

Когнитема № 39 **Интересы человека не соответствуют интересом Бога** (7 пословиц)

Примеры: *Человек предполагает, а Бог располагает. Человек по-своему, а Бог по-своему.*

Когнитема № 40 **Бог находится слишком далеко** (3 пословицы)

Примеры: *До бога высоко до царя далеко. Бог на небе, царь на земле.*

Когнитема № 41 **Бог награждает не по заслугам** (6 пословиц)

Примеры: *Бог дураков любит. Умный сам по себе, а дураку Бог на помощь.*

Когнитема № 42 **Дела Бога непонятны людям** (5 пословиц)

Примеры: *Пути господни неисповедимы. Мудрено сотворено. Премудры дела твои, Господи.*

Когнитема № 43 **Человек должен надеяться на себя** (28 пословиц)

Примеры: *Божьим именем сыт не будешь. Богу молись, а к берегу гребись.*

БОГ И ЧЕРТ (35 единиц)

Когнитема № 44 **От бога — добро, от черта** (дьявола, сатаны, окаянного) — зло (25 пословиц)

Примеры: *Где Господь пшеницу сеет, там черт — плевелы. Бог с рожью, а черт с костром.*

Когнитема № 45 **Нужно угождать и Богу и черту** (10 пословиц)

Примеры: *Бога зови, а черта не гневи! Богу угождай, а черту не перечь!*

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ (11 единиц)

Когнитема № 46 **Бога упоминают, когда иронизируют над собой или над кем-либо** (11 пословиц)

Примеры: *Боже мой, Боже, всякий день то же: солнце встанет — хочется есть.*

Ох, мой Бог, болит мой бок девятый год, не знаю, которое место!

БОГ И ЦАРЬ (39 единиц)

Когнитема № 47 **Бог и царь (государь) обладают властью** (39 пословиц)

Примеры: *У Бога да у царя всего много. Кто Богу не грешен, царю не виновен?*

БОГ И ДУРАК (22 единицы)

Когнитема № 48 **Дураки рождаются по воле Бога** (5 пословиц)

Примеры: *Дураки да нищие не родом ведутся, а кому Бог даст. Дал Бог сыночка, дал и дубочка (дурака).*

Когнитема № 49 **Бог дураков любит** (6 пословиц)

Примеры: *Бог дурака поваля кормит. Дураку счастье Бог даст.*

Когнитема № 50 **Бог не волен над дураком** (10 пословиц)

Примеры: *В дураке и Бог не волен. На дураке и Бог не ищет.*

Когнитема № 51 **Боги (при многобожии)** (9 пословиц)

Примеры: *Плохого Бога (т. е. идола) и телята лизнут. Всем богам по сапогам.*

Когнитема № 52 **Деньги не Бог, а спасают** (6 пословиц)

Примеры: *Денежка не бог, а бережет (или: а милует). Денежка не Бог, а полбога есть.*

Когнитема № 53 **Дела Бога бывают непонятны** (5 пословиц)

Примеры: *Бог — старый чудотворец. Пути господни неисповедимы.*

Когнитема № 54 **Человек неблагодарен Богу** (5 пословиц)

Примеры: *В тревогу — и мы к Богу, а по тревоге — забыли о Боге. Не дал Бог ста рублей, а пятьдесят — не деньги.*

Когнитема № 55 **Не всем Бог может угодить** (2 пословицы)

Примеры: *На весь мир и сам бог не угодит. Дал Бог здоровье, да денег нет.*

Когнитема № 56 **«Свой» и «чужой» Бог** (5 пословиц)

Примеры: *У нас свой Бог, у никониян свой (или: иной). Какова вера, таков у ней и бог.*

Когнитема № 57 **Бог и народ (люди)** (5 пословиц)

Примеры: *Глас народа — глас Божий. Где народ увидит, там и Бог услышит.*

Когнитема № 58 **«Русский» бог велик и милосерден** (4 пословицы)

Примеры: *Русский Бог велик. Велик Бог русский и милосерд до нас.*

Когнитема № 59 **Бог один для всех** (4 пословицы)

Примеры: *Все один Бог, что у нас, что у них (у иноверцев). Бог один, как ни призывай его.*

Когнитема № 60 **Бог как образ (икона)** (4 пословицы)

Примеры: *Бог на стене, хлеб на столе. Бери зятя в дом, носи Бога вон! Зять в дом — все иконы вон.*

Когнитема № 61 **Авось — русский Бог** (4 пословицы)

Примеры: *Русский Бог — авось, небось да как-нибудь. Авось не Бог, а полбога есть.*

Когнитема № 62 **К Богу (Аллаху) посылают или упоминают его, когда имеют дело с неприятным человеком (или людьми)** (8 пословиц)

Примеры: *Иди ты к Аллаху! Иди ты богу в рай! Вот тебе Бог, а вот тебе порог (или: двери). Ступай домой — и Бог с тобой. Об полы руками, да и Бог с вами.*

Когнитема № 63 **Неугодные Богу и людям** (22 пословицы)

Примеры: *Ни Богу свеча, ни черту ожиг (кочерга). Стоит урод у Божьих ворот. Ему хоть плюй в глаза, а он говорит: Божья роса.*

Когнитема № 64. **Бог любит троицу** (2 пословицы)

Примеры: *Бог любит троицу. Святой счет, что троица. Три перста крест кладут.*

Итого: 125

Анализ провербиальных единиц значительно расширил набор признаков и позволил сделать вывод, что объем концепта значительно превышает объем словарных статей слова-номинанта концепта. Пользуясь методикой моделирования концептуального поля, мы определили базовые составляющие ядерной зоны, представленные в виде пяти микрополей (слоев):

1. «Бог — Заступник, Спаситель».
2. «Бог — Владыка, Повелитель, Всевидящий, Всемогущий».
3. «Бог — любовь».
4. «Бог — надежда на спасение».
5. «Бог — Создатель, Творец».

Значения, входящие в эти слои, выделены на основании тематической общности представленных значений в данном конкретном поле. Внутри слоя подобранные значения отмечены выступающим конституирующим признаком (характеристикой):

- первый слой «Бог — Заступник, Спаситель» — включает когнитемы, объединенные идеей охраны, защиты человека, дающей внутренний покой и уверенность. Данный слой включает наибольшее количество когнитем: *Бог мудр и справедлив; Бог на каждого возлагает по силе; Бог благословляет; Бог оберегает, Бог любит Праведников; Бог наказывает неправедных; У Бога просят благ; Бога просят отвести еду; Бог может помочь; Бог помогает в работе; Именем Божьим можно усовестить человека; Бог бережет заботящихся о себе; Кто живет не с Богом, подвергает себе опасности;*

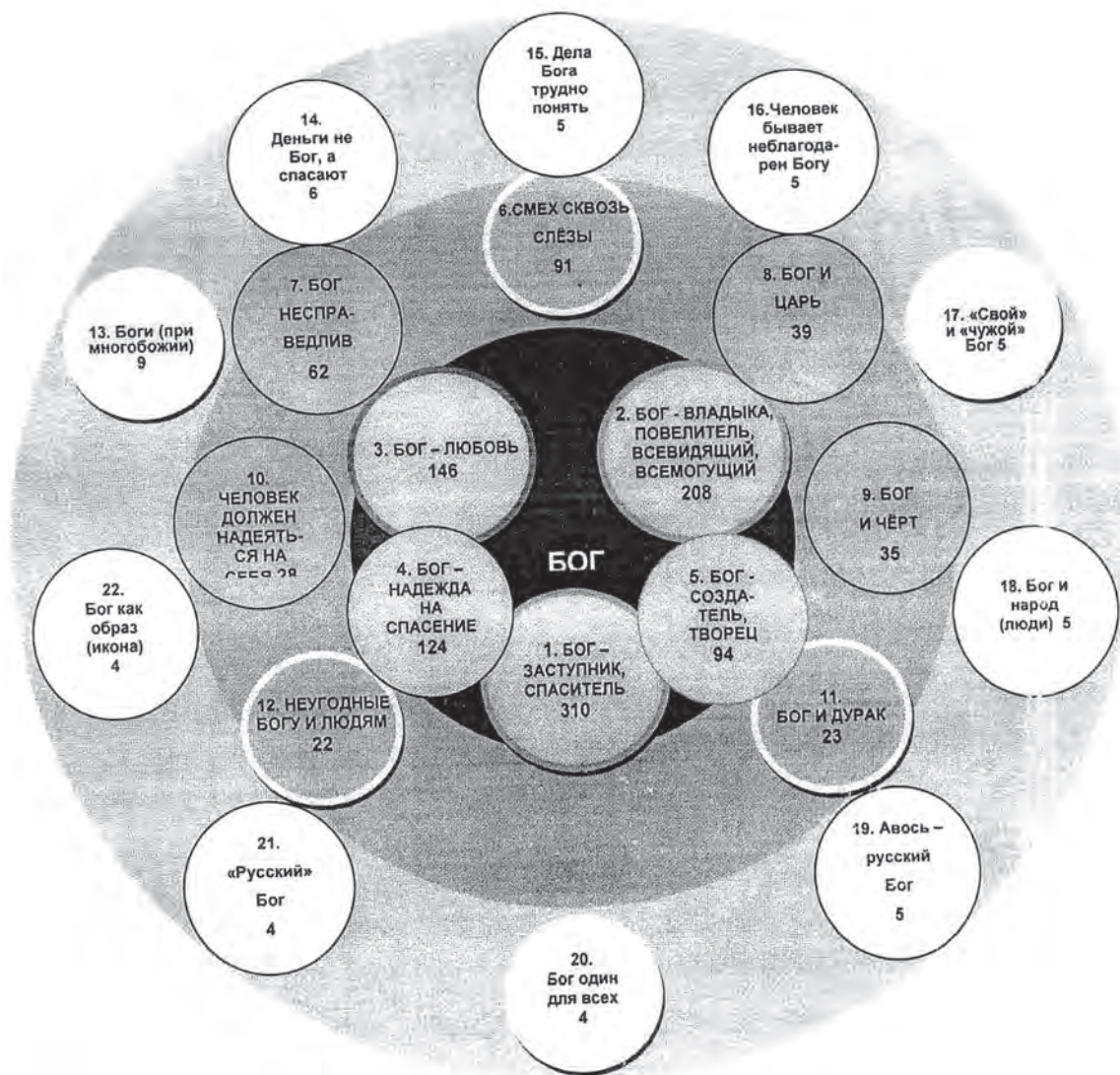

Таблица-рисунок № 1

- во втором слое «Бог — Владыка, Повелитель, Всевидящий, Всемогущий» объединяющая тема — абсолютная власть Бога над людьми. Выделяемые когнитемы: *Все осуществляется по воле Бога; Душа человека отправляется к Богу; Все будут отвечать перед Богом; Бог все видит;*
- для третьего «Бог — любовь» общей темой когнитем является безграничная любовь к людям: *Бог заботится о людях, он милосерден; Бог помогает несчастным, обиженным, бедным и сиротам; Бог прощает; Бог указывает нужный путь;*
- в четвертом «Бог — надежда на спасение» выделяется общая тема надежды на спасение через безграничную веру и бескорыстное служение Богу. Определяющие когнитемы: *Смысл жизни — в служении Богу; Нужно жить по воле Божьей; Бог помогает тем, кто любит его; Бога нужно восхвалять, благодарить; Лучше восхвалять Бога, чем просить у него подаяния; Бога нужно бояться, его нельзя гневить, У Бога просят прощения за грехи; Бог воздает за добрые дела; Бога нельзя беспокоить по пустякам;*
- слой с темой «Бог — Создатель, Творец», являющийся первым при определении структуры концепта по данным словарных значений, при анализе провербиального фонда по количеству единиц отодвигается на пятое место, но тем не менее содержит главное понятие, определяющее Бога: Создатель, Творец, высший разум и наивысший авторитет. Когнитемы отражают характеристики Творца: *Бог управляет миром и человеком; Бог создал мир, все живое на земле; Бог один (един); С Богом нельзя спорить Бог свят, а люди грешны; Божьим именем клянутся.*

К ближней периферии нами отнесены такие концептуальные признаки, как: «Бога упоминают, когда иронизируют над собой или над кем либо», «Бог бывает несправедлив», «Бог и царь обладают властью», «Бог несет добро, а черт — зло», «Человек должен надеяться на себя, а не в Бога».

Дальнюю периферию представили группы поговорочных единиц, отражающие такие темы, как «Бог и боги (при многобожии)», «Бог и дурак», «Бог и деньги», «Человек неблагодарен Богу», «Не всем Бог может угодить» «Бог и народ», «Русский Бог», «Свой и чужой бог», «Авось — русский Бог», «Бог как образ, икона, изображение» (отметим, что данный слой при начальном рассмотрении понятийной основы концепта находился в ядерной зоне; это свидетельствует о вытеснении данного понятия на периферию языка) и др.

После анализа всех групп поговорочных единиц мы выделили понятийный, образный и оценочный компоненты концепта «Бог»:

- понятийный аспект: Бог, Господь (Господи), Творец, Боже, Создатель Вселенной, всего сущего, высший разум, управляющий миром;
- образный аспект: Бог вершит все происходящее, обладает всемогуществом, абсолютным совершенством и абсолютным знанием; все осуществляется с его ведома и по Его воле; оберегает от беды; Бог благословляет людей, заботится об их благополучии; Бог, справедлив и милосерден, покровительствует бедным и обиженным, богатых не одобряет, наказывает лицемерных, злых; особую любовь проявляет к тем, кто живет по Его воле; от Его воли зависит благополучие или жалкое существование человека, но Он не всегда справедливо распределяет земные блага между людьми (*Господь богатит и высит, убожит и смиряет; Подумаешь — горе; а раздумаешь — воля Господня; Всякая власть от Бога; Бог дает власть кому хочет*), не всем помогает, обижает, награждает не по заслугам;
- аксиологический (оценочный) аспект: Бог — это истина, добро, мудрость, праведность; Бог дает людям надежду, являет любовь, милосердие и всепрощение, дает человеку внутренний покой и уверенность. Однако Бог бывает несправедлив, Его интересы не соответствуют интересам человека, Его дела непонятны людям.

Как видим, в поговорочном концепте по сравнению с общекультурным в понятийной составляющей не присутствуют понятия «бессмертный Дух», «в христианстве Бог троичен: Бог Отец (Саваоф), Бог Сын (Иисус Христос) и Бог Святой Дух». В поговорочном фонде слово *троица* встречается лишь в одной единице — *Бог любит троицу*, но ее значение уже не связано с христианским учением о троице, а имеет смысл: все так или иначе происходит трижды. В двух единицах встречается слово *Христос* (*как у Бога (или у Христа) за пазухой; Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню проклинаям*), но в основном массиве поговорок преобладает понятие «Бог один» (Бог един). Но в целом понятийная составляющая поговорочного концепта совпадает с соответствующим компонентом общекультурного концепта.

Различия возникают на образном и аксиологическом уровнях. *Образная* составляющая в поговорочном пространстве представлена под другим углом зрения, нежели в общеязыковом употреблении: Всемогущий, Всевидящий и мудрый Бог бывает несправедлив. Вследствие такого образного представления Создателя в народном сознании на аксиологическом (оценочном) уровне эксплицитно проявляется не только положительная, но и негативная оценка действиям Бога.

На материале русских пословиц и поговорок в силу их многочисленности установлено полевое иерархическое устройство когнитивной семантики в поговорочном пространстве; наиболее продуктивные когнитивные образы образуют ядро поля, другие — периферию; периферия двухступенчатая: она состоит из ближней и дальней зон.

Литература:

1. Беккер Г. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении [Текст] / Г. Беккер, А. Босков. — М.: Наука, 1961. — 896 с.
2. Большой словарь иностранных слов. — М.: ИДДК, 2007.
3. Гнедаш С. И. Поговорочные трансформанты в функциональном стиле прессы и публицистики: На материале немецкоязычной печати ФРГ [Текст] / С. И. Гнедаш. — М.: Наука, 2005. — 189 с.
4. Зулпукаров К. К. О предмете лингвопаремиологии [Текст]: сб. науч. тр. фак. рус. филол. Ошск. гос. ун-та / К. К. Зулпукаров. — Ош: ДиПолиграфия. — 2011. — Вып. 3. С. 3–12.
5. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте [Текст] / В. В. Колесов. — СПб.: Петерб. востоковедение, 2006. — 624 с.

6. Красных В. В. Строение языкового сознания: фрейм-структуры [Текст] / В. В. Красных // Когнитивная семантика. — Тамбов, 2003. — Ч. 1. — С. 53–55.
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов [Текст]. — М.: Изд-во рус. яз., 2001. — 152 с.
8. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка [Текст] / Л. П. Крысин // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. — С. 135–138.
9. Крюкова Г. А. Ключевые концепты современной публицистики [Текст]. — СПб., 2007. — 252 с.
10. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 26–34.
11. Кубряков Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике... [Текст] // Известия АН. — М., 1999. — Сер. лит. и яз. — Т. 58. — № 5/ 6. — С. 3–12.
12. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов [КСКТ] [Текст]. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — 330 с.
13. Левин Ю. И. Провербиальное пространство [Текст] // Паремииологические исследования: сб. ст. — М., 1984. — С. 108–126.
14. Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2004. — 24 с.
15. Новый словарь иностранных слов. — by EdwART, 2009.
16. Попова З. Д. Полевые структуры в системе языка [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляева. — Воронеж: ВГУ, 1989. — 196 с.

Kalmurzaeva A. A.

Baltabaeva E. M.

Jalal-Abad State University named after B. Osmonov, Kyrgyzstan

The concept of “God” in the Russian proverbial worldview

Identification of cognitive features of the concept “God” in the Russian proverbial worldview. The conceptual field modeling method defines the basic components of the nuclear zone, presented in the form of five microfields (layers):

Keywords: linguo-ethnoculture, proverbial, worldview, cognition, concept.

Анализ прагматической функции эмотивных фразеологизмов в контексте коммуникации

Понимание эмотивных фразеологизмов осуществляется в коммуникативном контексте, что отражает мнение о том, что значение коммуникативной темы совпадает с контекстом коммуникации. Поэтому их восприятие должно меняться в зависимости от постоянного изменения и развития коммуникативного контекста. Таким образом, употребление эмотивных фразеологизмов в коммуникативном контексте реализует их прагматическую функцию.

Ключевые слова: эмотивные фразеологизмы, прагматическая функция, контекст коммуникации, эмоциональная выразительность.

Фразеологизм находится в непрерывной связи со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью. Предметно-логическое значение каждого фразеологизма «окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста» [1, с. 19]. Задача проведения исследования — интерпретация прагматической функции эмотивных фразеологизмов, употребленных в контексте коммуникации. Отмечается, что «прагматическая функция эмотивных фразеологизмов является так воплощением динамической специфики фразеологизма, как и речевой динамики» [2, с. 272]. В связи с этим на цель данного анализа ориентируются описание и утверждение эмоциональной экспрессивности, маркированной в фразеологизмах, размещенных в вербальной коммуникативной деятельности.

Фразеологизм характеризуется собственной *краткостью*. Наиболее очевидной стилистической особенностью фразеологизмов отличается то, что они выражают богатую эмоциональную окраску с помощью кратких устойчивых единиц, которые в том аспекте доминируют над другими языковыми единицами (словами, словосочетаниями, предложениями и т. д.). Например:

Через несколько шагов девочка говорит Ольге.

— *Моя мама счастливая, красивая, раздурманившаяся, говорит по телефону, установленному на седьмом небе.*

— *Но с ним, нож в нашем сердце, очень печальным, сидящим где-то на втором с половиной небе...* [3, с. 16]

Фразеологизмы *на седьмом небе* и *нож в сердце* относятся к типичным устойчивым сочетаниям, которые формулируют яркий положительный и отрицательный оттенок. Девочка предпочитала фразеологизм прилагательным, чтобы ассоциировать ее состояние радости и счастья с восхождением на семь небес. Аналогичным образом, фразеологизм *нож в сердце* выбирала Ольга в ответ на девочку, связывая ее печальную обстановку с болью от ножа, режущего их сердце. Ввиду этого, употребление фразеологизмов между собеседниками в коммуникативной деятельности способствует созданию атмосферы взаимного передачи эмоций, тем самым продолжению разговора.

По мнению ученого В. И. Шаховского, «на языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность; эмоция — психологическая категория, а эмотивность — языковая, поскольку эмоции могут и вызываться и передаваться в языке и языком» [4, с. 3]. В процессе речевой деятельности человек, как доминирующий фактор, вызывающий контекстуальные изменения, увеличивает интенсивность эмотивности по мере непрерывной углубленной коммуникации, что проявляется в выборе и понимании эмотивных фразеологизмов. На лингвистическом уровне такие выделяющиеся языковые явления, как в соответствии с логическими отношениями повторяющееся использование одной и той же языковой единицы или параллельное использование языковых единиц с одинаковым значением для показания различий в количестве, степени или объеме, российские лингвисты называют *эмоциональным приращением* или *эмоциональной амплификацией*. Например:

— *Вы прямо на себя не похожи?! — спросил доцент.*

— *Ничего у меня не случилось. Просто противно все. Тоска такая... Паду духом.*

— *ответила Настя Каменская хмуро, пряча глаза.*
 — *На личном фронте беда? — вежливо поинтересовался доцент.*
 — *На личном фронте, **хоть вешайся!** — сказала громко Настя Каменская.*
Доцент молчал [5, с. 6].

В диалоге сначала Настя просто употребила фразеологизм *насть духом*, чтобы выразить разочарование в себе, а затем использовала фразеологизм *хоть вешайся*, чтобы передавать чувство уныния в своем сердце. Ее Эмоции прогрессировали поэтапно, и наконец, ей не могло сделать. Настя повторяла свои чувства разочарования путем двух устойчивых сочетаний, содержащие разные структуры, но схожие значения друг с другом. Изображен персонаж, который превращается из высокомерного в смиренный и терпимый.

Отсюда видно, что фразеологизм с эмоциональным компонентом может трансформироваться в языковую организационную структуру, направленную на системную и специфическую экспрессивную форму в определенном контексте. Помимо эмоционального приращения, и **эмоциональное уменьшение** в речевой практике, в качестве языкового явления, тоже находится в значительном месте. В конкретных вербальных коммуникациях эмоциональная выразительность фразеологизмов часто уменьшается, при этом их семантика не меняется, за исключением того, что говорящий намеренно вызывает у слушателя любопытство и создает увлекательную атмосферу для реальной коммуникации. Например:

— *Мне товарищ Калинин рассказал в общих чертах вашу историю... Но, может, вы какие-нибудь детали сами хотите добавить?*
 — *Что ж добавлять, — сказал Синцов, —... Только **кишки мотать!** Ну, уж сразу и **кишки!** Хоть у меня фамилия и немецкая, но я вам не немец, чтобы **кишки мотать.***
 — *Э-эх, Николай Леонидович, о каком укрывательстве речь, слушать чудно! — не выдержал Калинин [6, с. 67].*

Военное прошлое произвело на Синцова глубокое впечатление. С самого начала и до конца он не мог забыть душераздирающие воспоминания. Он использовал фразеологизм *кишки мотать*, чтобы выразить свое невыносимое эмоциональное отношение к прошлому и мучительные пытки. Впоследствии Синцов изменил свои прежние болезненные эмоции, только подчеркнув, что первоначальные воспоминания были немного болезненными. Сразу после этого его эмоции продолжали меняться: Синцов решительно отрицал болезненные переживания своего прошлого неравного обращения из-за своей немецкой фамилии, скрывал свои внутренние чувства унижения и полностью подавлял любопытство другого. Несмотря на повторение одного и того же эмотивного фразеологизма трижды, его эмоциональная выразительность резко падала, и каждый раз он резко контрастировал с предыдущего, так что Калинин был невыносим, думая, что Николай Леонидович скрывал правду.

Каламбур — это стилистический прием, основанный на двойном понимании. Упомянутое здесь двойное понимание опирается на семантику. Эмотивные фразеологизмы характеризуются и концептуальными значениями, и дополнительными значениями. Семантическая структура фразеологизмов представляет собой сложный комплекс, включающий таких аспектов, как этимологического значения, лексического значения, грамматического значения, риторического значения, культурного значения, на которых основываются семантические коннотации фразеологизмов. Как отмечал российский лингвист В. П. Жуков, что «фразеологизм — это устойчивая и воспроизводимая единица языка, состоящая из компонентов, наделенная целостным (или реже частично-целостным значением) и сочетающаяся с другими словами» [7, с. 6]. И поэтому важную функцию в этом отношении выполняют компоненты фразеологизма, поскольку фразеологическое значение имеет компонентную основу, а в отдельных случаях общее значение фразеологизма вытекает из ослабленного значения его компонентов. Таким образом, больше внимания уделяется совокупности и степени слитности семантики фразеологизма. Например:

— *Такой у нас председатель. Он тебе за это ногу рвет напрочь.*
 — *Никак не думал, что он такой человек. Мне он **на мозоль наступил** [8, с. 109].*

Слово *мозоль* означает волдырь. Здесь оно обогащает метафорическое значение, как будто это оболочка, окутывающая тайну, но легкая, как крыло, и если ее случайно протыкают, то она выплеснется наружу, и этот всплеск будет подобен тайне, которая раскрыта и не может быть отменена.

Боль от мозоли можно себе представить, что вызвано с одной стороны неловкостью и смущением от того, что его позор раскрывается, а с другой — отвращением и ненавистью к поведению человека, который раскрывает свои недостатки. Используя фразеологизм говорящий обнаруживает негативное и критическое отношения. В этом случае выражение эмоции в коммуникационной дискурсе считается всеобъемлющим и двойственным, то есть собственной и глубокой эмоциональной окрашенности в конкретном контексте.

Благодаря исследованию прагматической функции эмотивных фразеологизмов в контексте коммуникации, можно прийти к выводу, что по мере изменения и колебания вербального коммуникационного контекста, эмоциональная интерпретация и экспрессивность эмотивных фразеологизмов также меняется соответствующим образом. Из этого следует, что обе стороны в собеседнике могут найти новое равновесие в диалоге только посредством постепенного соответствия меняющемуся вербальному контексту. Изменение выражения эмотивности в фразеологизмах отвечает на гибкость и вариативность коммуникационной деятельности, создавая более гармоничную беседу между двумя сторонами и обеспечивая условия для беспрепятственного общения. Важно отметить, что понимание данной вариативной эмоции основано на семантике и контексте общения, и что при ее использовании важно не преувеличивать ее семантику, не выдумывать коннотативное значение фразеологизмов по своему усмотрению и не выбирать значение вне возможного диапазона значений, так как это может привести к непониманию и препятствиям в взаимодействующей коммуникационной практике.

Литература:

1. Виноградов В. В. Русский язык. — М.: Московский университет, 1952. — 518 с.
2. Чжао Айго. Наследие русской лингвистики в XX веке: теории, методы и школы. — Пекин: Издательство Пекинского университета, 2012. — 508 с.
3. Весник Е. Я. Дарю, что помню. — М.: Вагриус, 1996. — 371 с.
4. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987. — 208 с.
5. Маринина А. За все надо платить. — М.: Эксмо, 1995. — 131 с.
6. Симонов К. М. Живые и мертвые. — СПб.: Амфора, 2016. — 543 с.
7. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. — М.: Просвещение, 1978. — 160 с.
8. Абрамов Ф. А. Две зимы и три лета. — М.: Вече, 2021. — 295 с.

Zhao J.

zj2312052258@163.com

Ural Federal University

named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Analysis of pragmatic function of emotional idioms in communicative contexts

Understanding of emotional idioms is carried out in a communicative contexts, which reflects the opinion that the meaning of a communicative topic coincides with the context of communication. Therefore, their perception should be changed depending on the constant change and development of the communicative contexts. Thus, the use of emotional idioms in a communicative context realizes their pragmatic function.

Keywords: emotional idioms, pragmatic function, communication context, emotional expressiveness.

Русский язык в Армении как инструмент межкультурной медиации

Развитие русского языка в Армении обусловлено геополитическими, социальными, экономическими и культурными факторами. Русский язык и культура являются важнейшей частью истории Армении, после родного языка русский является вторым по степени распространенности в Армении. Наш анонимный опрос показал, что молодежь Армении активно использует русский язык в различных сферах. Русский язык выступает в качестве инструмента межкультурной медиации, способствует сохранению и укреплению культурных связей.

Ключевые слова: межкультурная медиация, литературоцентричность, культурный медиатор, опрос.

Русский язык выполнял и продолжает выполнять в Армении функцию языка-посредника между культурами: как армянской и русской, так и армянской и мировой. Армению и Россию связывают давние связи и прежде всего — культурные. Одинаковый вектор культурных приоритетов, длительные исторические связи, литературные контакты — все эти факторы сделали русский язык и русскую культуру неотъемлемой частью жизни армянского народа.

«Межкультурное взаимодействие предусматривает сбор, систематизацию, обобщение и интерпретацию культуроведческой информации средствами иностранного языка» [1]. Изучение языка всегда предполагает и погружение в культуру народа-носителя данного языка. Вспомним слова С. Тер-Минасовой: «Каждый урок иностранного языка — это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [2, с. 25].

Многие исследователи указывали на литературоцентричность русской культуры. Как писал Ю. Борев в труде «Эстетика»: «Литература занимает ведущее положение в системе искусств и оказывает влияние на их развитие. <...> Чтение не заменимо ничем, никакими художественными впечатлениями. Оно основная форма художественной коммуникации, опирающаяся на естественный язык, вобравший в себя опыт поколений; ориентирующаяся на сотворчество при восприятии. Сильные стороны чтения объясняются и особой активностью собственного опыта читателя, и опорой на многовековую традицию, и выразительностью литературных средств, и обращенностью литературных образов к фантазии читателя, и прямой связью чтения с национальным характером культуры» [3].

Конечно же, познать все нюансы, особенности русского сознания и той самой «загадочной русской души» позволяет возможность читать русские произведения на языке оригинала. Русская литература прежде всего гуманистична, и армянскому народу близки те идеи, которые продвигает русская культура, в частности литература.

Литература всегда являлась одним из основных, а в сложные времена — зачастую единственным способом и возможностью выразить свою позицию, философию и мысли. Приведем в связи с этим слова Иосифа Бродского о том, «что литература — единственная форма нравственного страхования, которая есть у общества; что она неизменное противоядие против принципа «человек человеку — волк»; что она предлагает наилучший довод против любого массового, тотального решения, хотя бы потому, что вся она от начала и до конца — о человеческом разнообразии» [4, с. 803].

Мы можем говорить о том, что русский язык в Армении и в первую очередь язык художественной литературы является своего рода медиатором, связующим звеном между культурами.

Нами был проведен опрос среди молодежи относительно положения русского языка в Армении. В качестве фокусной группы была выбрана молодежь, поскольку среднее поколение и тем более старшее в основном являются билингвами и владеют русским языком либо хорошо, либо свободно. Нас интересовала языковая ситуация именно в молодежной среде Армении.

Мы подготовили анонимную электронную анкету из 11 вопросов. В опросе приняло участие 400 респондентов, в основном это были школьники и студенты как из Еревана, так и из областей. Ситуация, безусловно, разная в Ереване и за его пределами. И потому участие в опросе респондентов из Еревана и областей позволило нам получить более полную, неоднобокую картину.

Вы проживаете в Ереване?

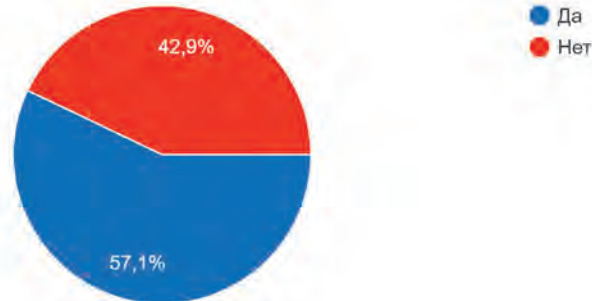

Диаграмма 1

Возраст респондентов колеблется от 11 до 63 лет, но основную часть составили молодые люди в возрасте от 14 до 22 лет.

Ваш возраст

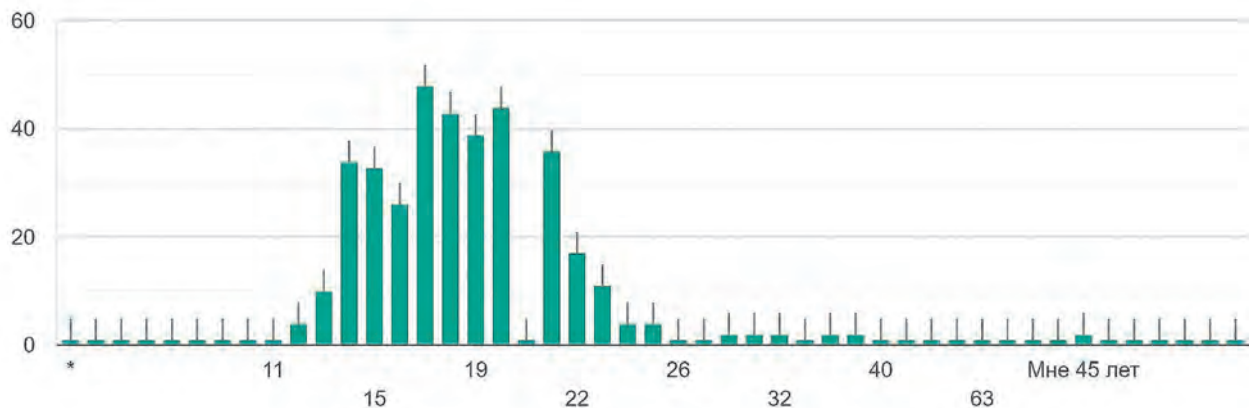

Диаграмма 2

Вопросы анкеты касались различных сторон использования русского языка: как в повседневной речи (общение с друзьями, просмотры фильмов, общение в соцсетях), так и в сфере образования (чтение учебной, специальной и художественной литературы). Приведем здесь ответы на некоторые из них. На вопрос о чтении художественной литературы были получены следующие ответы:

Читаете ли вы художественную литературу на русском языке?

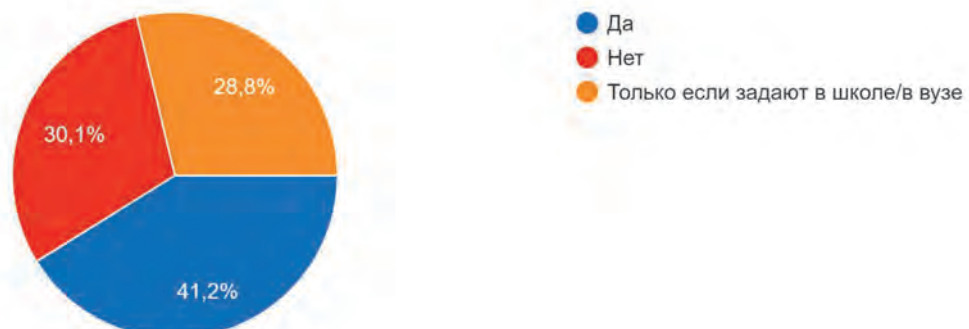

Диаграмма 3

Как видим, ответ «да» дал 41,2% опрошенных. Вместе с 28,8% респондентов, ответивших: «только если задают в школе/вузе», они составляют большинство.

Читаете ли вы учебную литературу на русском?

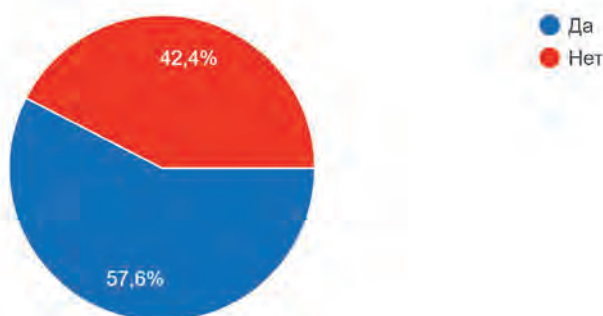

Диаграмма 4

Здесь мы также видим, что большинство молодежи читает на русском учебную литературу — 57,6%. Отметим, что из 168 человек, ответивших «нет», почти половина (53 респондента) — школьники, что понятно и объяснимо: у школьников нет такой необходимости читать учебную литературу на неродном языке. Студенты же обычно, в дополнение к учебной литературе на родном языке, читают и на русском, английском и других языках (по необходимости).

Фильмы на каком языке вы предпочитаете смотреть?

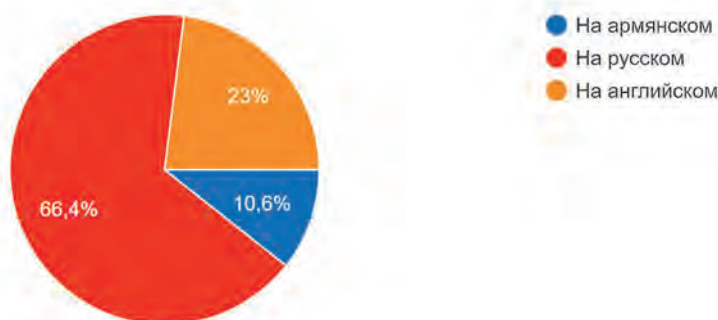

Диаграмма 5

42 опрошенных — наименьший процент респондентов (10,6%) — ответили: «на армянском». Это еще раз подтверждает наш тезис о том, что русский язык является инструментом взаимодействия культур: в основном именно посредством русского языка армянская молодежь знакомится, к примеру, с современным кинематографом.

Таким образом, проведенный нами анонимный электронный опрос показал, что армянская молодежь активно использует русский язык в различных сферах. Все это подтверждает тот факт, что русский язык в Армении выступает в особом статусе, его фактический статус выше юридического. Русский язык в Армении выполняет не только (и не столько) роль средства коммуникации, но и способствует сохранению и укреплению культурных связей, является связующим звеном между культурами, иными словами — выступает в роли культурного медиатора.

Литература:

1. Плеханова Ю.В., Ковылов В. Н. Межъязыковая медиативная деятельность в обучении иностранным языкам // Нижневартковский филологический вестник. — 2018. — № 2. — С. 59–65. — <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36490909>
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000. — 624 с.
3. Борев Ю. Б. Эстетика. — М.: Высшая школа, 2002. — 511 с. — http://artsearch.ucoz.ru/knigi/Borev_Estetika.pdf
4. Бродский И. А. Состояние, которое мы называем изгнанием, или Попутного ретро // Малое собрание сочинений. — СПб.: Азбука, 2014. — 880 с.

Gazarova D. Yu.
dgazarova@ysu.am
Yerevan State University

Russian language in Armenia as an instrument of intercultural mediation

The development of the Russian language in Armenia is due to geopolitical, social, economic and cultural factors. Russian language and culture are the important part of the history of Armenia, after the native language Russian is the second most spoken language in Armenia. Our anonymous survey showed that Armenian youth actively use English in various spheres. Russian language acts as an instrument of intercultural mediation, contributes to the preservation and strengthening of cultural ties.

Keywords: intercultural mediation, literature-centrism, cultural mediator, survey.

Фольклорные истоки персонажей-«чужаков» в прозе Довлатова

В статье рассматривается художественная литература Сергея Довлатова, известного русско-американского писателя и журналиста XX века. Основная цель статьи — показать влияние русского фольклора на формирование ведущего типа персонажей в прозе Довлатова. В статье показано, что данный персонаж, получивший в критике название «довлатовские аутсайдеры», является реализацией архетипа дурака/шута/юродивого, широко распространенного в русском и мировом фольклоре, своеобразной вариацией сказочного «безнадежного героя». На примерах повести С. Довлатова «Заповедник», его сборников рассказов «Наши» и «Компромисс» авторы изучают не только генезис этого типа персонажей, но и их функции в художественном тексте, влияние на содержание произведений и восприятие читателями. Анализ его прозы показывает, что персонажи С. Довлатова и юмористический мир в целом носят подчеркнуто символический характер.

Ключевые слова: юмор, русская проза, фольклор, архетип, семиосфера, абсурд.

Сергей Довлатов — один из самых интересных русских писателей второй половины XX века. В некотором смысле он стал культовым писателем для российского общественного сознания 1980–90-х годов. Вне всякого сомнения, творчество Сергея Довлатова отражает многие ведущие тенденции современной русской литературы и поэтому заслуживает самого пристального внимания.

Переходя к изучению объекта нашего исследования, то есть персонажей Сергея Довлатова, сочетающих в себе традиционные для русской классической литературы черты «маленького» и «лишнего человека» (так называемых «посторонних»), мы выдвигаем гипотезу о фольклорном происхождении этого типа довлатовского героя. Благодаря фольклорному влиянию эти персонажи Довлатова становятся современной вариацией образов дурака, шута и юродивого, которые близки друг другу, поскольку совпадают по ряду основных параметров, и, следовательно, могут рассматриваться как своего рода один архетип в определенных ситуациях.

Анализ прозы С. Довлатова показывает нам, что в создании юмористического мира писателя активно задействованы семиотические механизмы, проявляющиеся как в отражении современной писателю семиосферы, так и в процессе его художественного осмысления фольклора.

Поэтому авторы статьи поставили в качестве фундаментальной задачи в области методологии привлечение мифологических, структурных и семиотических методов для изучения элементов довлатовского юмора наряду с традиционным методом изучения рассказов Довлатова с помощью исторических и генетических методов. Кроме того, рассмотрение символической природы юмора и его знаковой функции в художественном тексте также является существенным.

Среди многочисленных персонажей-действующих лиц в прозе С. Довлатова наибольший вес (и, возможно, наибольшую этическую и эстетическую ценность с точки зрения авторской концепции существования) имеет парадигма персонажей, формирующих литературный тип так называемых «посторонних» или «лишних людей». Критики и литераторы сразу отметили связь этого типа с русской литературной традицией [1, с. 17]. А. Плотникова отметила, что в произведениях С. Довлатова переплетаются черты «лишнего», «скромного» человека и создается новый тип персонажа, связанный с современной писателю действительностью [7, с. 16].

Однако этот тип примечателен еще и тем, что в нем литературная традиция четко пересекается с фольклором. В то же время фольклорные корни образов Довлатова (в отличие от литературного генезиса) остаются практически неисследованными по сей день. К таким неизученным вопросам относятся, в частности, заимствования из фольклора и специфическое преломление образа дурака в прозе Довлатова.

Дурак (традиционный сказочный персонаж) был назван Е. Мелетинским «бесперспективным (безнадежным) героем» [6, с. 17]. Сказочный дурачок характеризуется невзрачной внешностью, ленью, в начале сюжета он либо вообще не предпринимает активных действий, либо ведет себя неуместно (плачет на свадебной церемонии, танцует на похоронах и т. д.). У него низкий социальный статус, что подчеркивается прозвищами: Иван-Крестьянский сын, Иван-Коровий сын, Иван-Вдовый сын. Однако за этими прозвищами скрываются истинные ценности души, дающие главному герою награду в конце сказки. Необходимо внести определенные коррективы в понятия «дурак» и «глупость». Фольклорный дурак вовсе не глуп: он расчетлив и хитер.

А. Панченко указывает, что в экспозиции и в начальных эпизодах сказки противостояние дурака миру выглядит как конфликт глупости и здравого смысла, но позже, по ходу сюжета, выясняется, что это фальшивая или мнимая глупость [4, с. 100–101].

Н. Выгон приходит к выводу, что Иван-дурак обладает альтернативным видом мудрости, который высоко ценится в народном восприятии и дает ему все возможные преимущества [2, с. 295]. Исследователь ссылается на подход О. М. Фрейденберга, где ритуальная фигура сумасшедшего (шута) возводится к мифологическим представлениям о временном помешательстве героев, которые впоследствии становятся разумными [9, с. 129–130].

Однако диалектический характер народного образа дурака предполагает иной способ существования, отраженный, в частности, в работе русского религиозного философа Ю. Трубецкого, который считал, что в русской сказке сочувствие к лени и воровству граничит с апофеозом ленивого и вора. Ю. Трубецкой выражает свою неприязнь к тому факту, что возвышение дурака над героем, замена личного подвига надеждой на чудесную помощь являются общими элементами русской сказки [8, с. 107].

Фигуры древнерусских юродивых (юродивых) близки к фольклорным юродивым. По мнению А. Панченко, слова «чокнутый» и «дурак» являются, по сути, синонимами. В словарях XVI–XVII веков слова «глупость», «сумасшествие» находятся в одном синонимическом ряду [4, с. 100].

Маргинальные персонажи С. Довлатова выбрали в себя многие черты дурака/юродивого/шута, причудливо сочетая фольклорные и литературные черты.

В книге «Довлатов и окрестности» А. Генис определил аутсайдеров Довлатова как «эксцентричных» и провел параллели с персонажами Шукшина [3, с. 119]. Хотя известный критик указывал в первую очередь на литературный генезис этого типа, в современной науке существует довольно убедительное представление о влиянии народного образа дурака на формирование персонажей Шукшина. Разумно поставить вопрос об этом влиянии и в отношении персонажей С. Довлатова.

Одной из ведущих черт этого типа персонажей является социальная заброшенность. Фольклорный дурак подвергался насмешкам и отторжению среди односельчан и родственников, шутнику запрещалось селиться среди добропорядочных граждан, сам дурак «извергает себя из мира», разрывает с ним все связи [4, с. 129–130]. Когда один из ярчайших довлатовских маргиналов, журналист и «деградирующий человек» Буш, пытаясь вести себя так же, устраивается на работу в котельную, он неожиданно встречает среди рабочих других маргиналов-интеллектуалов. Один из них — буддист, последователь школы Дзен, ищущий покоя в монастыре своего собственного духа. Другой — художник-авангардист, работающий в традициях метафизического синтетизма. Он рисует, как иронично отмечает автор, в первую очередь контейнеры — коробки, банки и футляры. Третий представляется как «скромный человек», который на досуге занимается теорией музыки.

На самом деле «аутсайдеров» Довлатова, его «безнадежных персонажей», можно разделить на два подтипа. Первый из них четко представлен персонажами из описанной выше котельной — социально адаптированными интеллектуалами, умными, талантливыми, разносторонними личностями, которые не нашли себя в современном писателю обществе или не приняли систему ценностей, господствовавшую в то время. К этому подтипу относится также автобиографический персонаж-рассказчик, маргинальность которого не вызывает сомнений в подавляющем большинстве произведений Довлатова.

Второй подтип представляет обычных людей «из народа», «сброд», пользуясь словами писателя. Они являются носителями примитивного мышления и, в отличие от представителей первого

подтипа, стремятся порвать связи с миром. Это заключенные, ярко описанные в повести «Зона. Записки надзирателя», пьяницы, такие как Михаил Иванович из повести «Заповедник» или завсегда-тай пивного ларька в рассказе «Шоферские перчатки». Существует также ряд персонажей, не явно маргинальных, но демонстрирующих некоторое отклонение от социальных норм, демонстрирующих нелогичное или странно-необычное поведение, которое сразу бросается в глаза на фоне мрачного уровня жизни. Мы утверждаем, что все вышеперечисленные типы имеют фольклорные черты дурака/шута/юродивого и близки к агиографическому образу юродивого.

«Нестандартный» персонаж Довлатова отражает особенности фольклорного социального положения изгоя, «сбившегося с пути», отчаявшегося провинциального хулигана. С точки зрения общества и правительства, он ренегат, не связанный никакими нормами поведения, который может «делать все, что угодно». Ю. Лотман предполагает, что само понятие «быть аутсайдером» подвержено градации в любом обществе и имеет относительный характер: можно различать социальные позиции, воспринимаемые как «чужие» в конкретном обществе, и позиции относительного характера, заметные только на определенном социально-структурном фоне [5, с. 230]. Действительно удивительно, что персонажи-неудачники тоже не всегда находят общий язык между собой, подозревая друг друга в глупости или сумасшествии. Так, Михаил Иванович из «Заповедника» говорит жене главного героя: «У нас с Борей все хорошо... с точки зрения поведения и в целом... В смысле — ни белого, ни красного, ни пива... Не говоря уже о одеколоне... Он просто читает эти книги. Он читает, учится, и умрет дураком». (*Заповедник*).

Кстати, мы также можем вновь пережить тот факт, что в «Десятом компромиссе» автобиографический персонаж-рассказчик («безнадежный») был назван, хотя и с некоторым сочувствием, «абсолютным шизофреником» маргинальным Бушем и его женой Галиной.

Однако стоит отметить, что автобиографический герой Довлатова не сводим к образу шута/дурака. Юродивый покидает дом добровольно, из презрения к мировым сокровищам. В случае с персонажем Довлатова ситуация сложнее. Трудно установить, отказались ли герои Довлатова от общественной жизни или были выброшены из нее. Этот процесс взаимозависим. На эту особенность особенно указывают тонкости сюжетов в рассказах писателя [1, с. 10–11].

Таким образом, мы рассмотрели фольклорно-семиотические механизмы как особый способ характеристики персонажей С. Довлатова и организации гомосексуального пространства прозы писателя. Диалогическое мышление, исключая «авторитарное слово», реализуется в бинарных оппозициях прозы Довлатова, что особенно характерно для юмора. В своих произведениях искусства С. Довлатов создает семиотическое пространство, оперирующее «тоталитарным», «монологическим» духовным порядком с периферии, извне, как бы с позиции «кого-то другого», функции которого выполняют персонажи, типологически соотносимые с образом дурака/шута/юродивого. В пространстве текста происходят постоянные столкновения «я» и «других», в результате упорядоченная знаковая система подвергается динамической коррекции сферой знаков с иным семиотическим кодом.

Литература:

1. Арьев А. История рассказчика / А. Арьев // Сергей Довлатов. — СПб., 2003. — Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. — С. 5–32.
2. Выгон Н. Фольклорные источники юмористического отношения в русской прозе XX века (Тэффи, М. Зощенко, С. Довлатов, Ф. Искандер) / Н. Выгон // Смеющийся человек. — М., 2008. — С. 290–300.
3. Генис 2002 Генис А. А. Расследования: два! / А. Генис. — М.: Подкова ЭКСМО, 2002. — 492 с.
4. Лихачев Д., Панченко А., Поньрко Н. Юмор в Древней Руси. — Л., 1984. — 295 с.
5. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. — СПб., 2002. — 768 с.
6. Мелетинский Е. М. Персонаж сказки / Е. М. Мелетинский. — М., 2005. — 242 с.
7. Плотникова А. Традиции русской классической литературы в творчестве С. Д. Довлатова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008. — 21 с.
8. Трубецкой Е. Другое царство и его искатели в русской народной сказке // Литературоведение. — 1990. — № 2. — С. 100–118.
9. Фрейденберг О. Поэтика сюжета и жанра. — М., 1997. — 450 с.

Ishanova G. M.
guleka.98@mail.ru

Aleleshova L. B.
lyazzat.bisenbaevna@mail.ru

*NJSC «Atyrau University named after H. Dosmukhamedov»
Atyrau, Kazakhstan*

Folklore origins of characters-«strangers» in Dovlatov's prose

The article examines the fiction of Sergey Dovlatov, a famous Russian-American writer and journalist of the XX century. The main purpose of the article is to show the influence of Russian folklore on the formation of the leading type of characters in Dovlatov's prose. The article shows that this character, which has been called «Dovlatov outsiders» in criticism, is the realization of the archetype of the fool/fool/fool, widely spread in Russian and world folklore, a kind of variation of the fairy-tale «hopeless hero». One of the examples is the story of S. Dovlatov's «Zapovednik», his collections of short stories «Ours» and «Compromise» study not only the genesis of this type of characters but also their functions in the literary text, the impact on the content of works and the perception of readers. An analysis of his prose shows that the characters of S. Dovlatov and the humorous world as a whole are emphatically symbolic.

Keywords: humor, Russian prose, folklore, archetype, semiosphere, absurdity.

Инновационные подходы к преподаванию русского языка как иностранного: работа с литературным текстом

В статье рассматриваются современные образовательные технологии (компьютерные симуляции, проектное обучение, технологии «перевернутого класса», деловые игры, вебинары, кейс-технологии, дебаты, дискуссии), используемые преподавателем в работе с иностранными студентами при обращении к анализу литературного текста. Инновационные формы и методы обучения способствуют формированию у студентов творческого мышления, готовности к ценностному самоопределению, глубокому самостоятельному постижению изучаемого материала, успешному генерированию новых идей.

Ключевые слова: интерактивные образовательные технологии, компьютерные симуляции, технологии «перевернутого класса», деловые игры, дебаты, дискуссии.

В условиях модернизации образования в высшей школе актуализируется роль преподавателя как координатора учебного процесса, представляющего обучающимся инструментарий для самостоятельного совершенствования заданных компетенций. Задача дисциплин филологического цикла заключается в изучении и интерпретации разного рода текстов, чтобы в доступных формулировках донести до каждого студента современные представления о мире и человеке, о гуманистических ценностях и приоритетах.

В работе с иностранными студентами мы исходим из тех интерактивных форм, методов и технологий обучения, при которых студенты становятся активными соучастниками творческой деятельности, имеют возможность рефлексировать по поводу представляемого учебного материала и тем самым осуществлять движение к саморазвитию. Занятия осуществляются со студентами среднего и продвинутого уровня владения русским языком (B2, C1). В парадигме сегодняшнего дня особая роль принадлежит методу проблемного и проектного обучения, различного типа тренингам, методу мозгового штурма, деловым и ролевым играм, кейсам, дебатам и дискуссиям, вебинарам и компьютерным симуляциям [3, с. 359–360].

С помощью интерактивных методов обучения (видеолекций, презентаций, использования материалов веб-сайтов, специальных учебных интернет-программ) студенты самостоятельно осваивают теоретический материал еще до начала занятия, до встречи с педагогом и сокурсниками. Студенты обладают большей свободой учиться по своему усмотрению: у них есть время, чтобы изучить и обдумать предлагаемый преподавателем материал, самостоятельно поработать с интернет-ресурсами. Данная технология способствует более продуктивному использованию рабочего времени. Повышается уровень освоения учебного материала, сформированности общих и профессиональных компетенций студентов. Однако некоторые учащиеся с большим трудом привыкают к новой технологии обучения, к большой первичной нагрузке. Увеличивается время работы студента с компьютером, что может косвенно сказаться и на его здоровье. Значительно возрастает и объем работы для преподавателя, ему требуется больше времени для планирования и подготовки к каждому занятию [4].

В целом информационно-обменное взаимодействие «человек — информация — человек» способствует высокой организации образовательного процесса, когда преподаватель выстраивает гибкую и мобильную систему обучения, поддерживая самостоятельность и активность работы студентов интенсивными коммуникациями посредством информационной образовательной среды. Погружение в атмосферу делового сотрудничества, открытых контактов и творческой инициативы успешно осуществляется при изучении темы «Человек в пространстве большого города», где на примере московских текстов в творчестве поэтов серебряного века преподаватель осуществляет

проблемное обсуждение русской культуры XX века и творчества ее лучших представителей, чья жизнь теснейшим образом связана с пространственным локусом Москвы. И здесь актуальными оказываются следующие вопросы:

- 1) Москва в жизни российского общества в прошлом и настоящем.
- 2) Художник и его время; власть и культура.
- 3) Культура серебряного века в воспоминаниях современников, в трудах исследователей литературы, исторических и философских работах.
- 4) Москва и Арбат в творчестве русских художников и поэтов.

Очень важно предложить студентам перед обсуждением заданных для индивидуального изучения вопросов специальные материалы о судьбе Марины Цветаевой, Бориса Пастернака и их современников, чтобы предотвратить неоднозначность возможных решений проблемы. Студенты знакомятся с эпистолярным наследием поэтов, архивными документами, предметами быта, историей взаимоотношений поэтов, их воспоминаниями. Рукописи, дневники, записные книжки, стенограммы выступлений поэтов и писателей, хранящиеся в архивах, в отделах рукописи РГАЛИ — это тот материал, который доступен для изучения и актуален для последующего интересного и конструктивного разговора о русской культуре XX века. Как видим, работа предполагает большую внеаудиторную подготовку: изучение специальной литературы, высокий уровень владения технологией продуктивного чтения (фактуального, концептуального, подтекстового), как образовательной технологией деятельностного типа. Важными компетенциями становятся понимание и оценка содержания информации, доведение навыков чтения до автоматизма, умение обрабатывать нужную информацию, исходя из целевой установки, определять уровень ее достоверности (релевантность информации, точность, значимость, своевременность) [3, с. 359–360]. Здесь могут допускаться разного рода ошибки, которые трудно предугадать даже студентам продвинутого уровня обучения, поэтому педагог должен помогать обучающимся в соблюдении чувства меры и такта.

Какие-то факты могут быть просто не доступны для изучения, а отдельная информация может быть представлена тенденциозно. Студентам-иностранцам иногда сложно воспринимать многозначные слова, метафоры, дезинформирующие реципиента. В работе с новой информацией студенты нередко оказываются лицом к лицу с проблемой недостаточности сведений о том или ином объекте изучения, и тогда возникает необходимость дополнить информацию, восстановить ее или воспользоваться дополнительными ресурсами в соответствующих системах. Поэтом естественно, что на каждом этапе самостоятельной работы студента его консультантом выступает преподаватель, встречи с которым в удобном режиме времени осуществляются через skype или zoom. Примечательно, что обучение проходит с учетом включенности в образовательный процесс всех студентов без исключения, при этом обязательно предполагается обратная связь, взаимные оценки, комментарии и обоснованность аргументов, для этого активно используются возможности системы moodle. Индивидуальные задания предлагаются с учетом интеллектуальных и творческих способностей студентов. Это может быть аналитическая работа с исследованием коротких художественных текстов, обсуждение продуктов переводческой деятельности, с большим успехом студенты представляют опыты своего собственного художественного творчества.

Индивидуальные проекты студентов включают демонстрацию фрагментов из документальных и художественных фильмов, архивные материалы и материалы рукописных фондов, слайды с репродукциями картин изобразительного искусства, записи музыкальных произведений [5; 1, с. 64–73]. Все это так или иначе позволяет субъект-объектный формат обучения переключить на субъект-субъектный и сделать обучение максимально эффективным. Диалогическое взаимодействие предполагает когнитивную включенность в образовательный процесс обучающегося и обучающих и активную эмоциональную сопричастность к исследуемому явлению, а также развитие поведенчески-регулятивных компонентов и компонентов коммуникативной культуры.

Сегодня в процесс обучения активно вводятся элементы деловой игры. В качестве условий такой игры могут быть импровизации с сюжетом: «Прогулки по Москве с Мариной Цветаевой и Осипом Мандельштамом» (как варианты: «За кофейным столиком на Арбате: Цветаева и Пастернак: скрещение судеб», «Цветаева и Тэффи: история одной невстречи») с демонстрацией самостоятельно подготовленных фильмов, презентаций и др., с чтением стихов одного и другого поэтов; в выступление студентов могут быть введены элементы драматизации действий, художественное

чтение фрагментов прозаических текстов. Ценно то, что студенты ищут решение конкретных социально значимых задач, «проживают» конкретные ситуации, спорят вместе с воображаемыми участниками диалога, учатся видеть каждую ситуацию многопланово, находить аргументы и контраргументы в решении частных проблем. Преподаватель в данном случае выступает в роли «играющего тренера», эксперта, деликатно помогающего студенту оценить его собственное решение, разработать алгоритм дальнейших поисков истины.

Эффективность использования учебной дискуссии как перспективного метода обучения определяется целым рядом факторов: студенты демонстрируют навыки критического мышления, умение структурировать реплики и составлять монологи, приводить убедительные аргументы, отрабатывать риторические умения, навыки невербального общения. Значимым этапом работы для решения целого ряда задач станет самостоятельное исследование студентами небольших по объему текстов. Индивидуальные задания определяются педагогом с учетом творческих и интеллектуальных способностей обучающихся. Преподаватель может задавать алгоритм такой исследовательской работы. У студентов формируется представление о художественном тексте как своеобразном диалоге между автором и читателем, воспитывается восприимчивость к поэтическому тексту, при этом ориентирование осуществляется на усвоение механизмов интерпретации текста, на выявление способов языковой репрезентации авторских личностных смыслов [2, с. 121–122].

Анализ стихотворения Мандельштама, посвященного Цветаевой, «В разноголосице девичьего хора...» может выполняться в соответствии с заданным планом:

1. Время авторское и время художественное в произведении.
2. Сюжетно-композиционные достоинства произведения.
3. Изобразительно-выразительные средства языка. Словарь. Интонационный строй речи.
4. Проблемно-тематический пафос стихотворения (См. «Стихи О. Мандельштама о Москве как художественное преломление московских встреч поэта с М. Цветаевой» // М. М. Полекина *Творчество Марины Цветаевой в контексте русской литературы начала XX века: учебное пособие*. — Одинцово, 2011. — 392 с.).

На заключительном занятии можно предложить студентам подготовить виртуальное путешествие по любимым уголкам Москвы с демонстрацией слайдов, музыкальных композиций, репродукций, художественным исполнением фрагментов лучших произведений поэтов о Москве. В своих сочинениях-эссе с большой теплотой студенты пишут о той стране, где они получили образование, которую они узнали и полюбили и которая навсегда останется в их сердцах как страна великой культуры, литературы, музыки и театра. Студенты получают доступ к когнитивной деятельности более высокого порядка, более активно участвуют в обсуждении сложных проблем и, что самое главное, получают удовольствие от учебного процесса и занимаются более эффективно.

Литература:

1. Лешутина И. А. Современные образовательные технологии в условиях профильного обучения РКИ // *Русский язык за рубежом*. — 2017. — № 4. — С. 64–73.
2. Мушнина С. И., Хоружий Л. В. Технология продуктивного чтения как образовательная технология деятельностного типа // *Наука будущего: вопросы и гипотезы: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции*. — М.: Империя, 2017. — С. 121–122.
3. Polekhina M. M. The Experience of Teaching Philology in the Context of New Educational Technologies: the Value Approaches to the Study of Literary Texts // *The European Proceedings of Social Behavioural Sciences EpSBS—ISSN: 2357–1330. Volume XII, Pages 1–451 (July 2016)*. Edited by: Prof. Dr. Roza Valeeva, Kazan Federal University, Russia Articles: 1–70. Conference: IFTE 2016–2nd International Forum on Teacher Education Dates: 19–21 May 2016. Location: Kazan Federal University, Russia. P. 357–363 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/IFTE2016VolumeXII> (Дата доступа 30 октября 2021 г.).
4. Smailova F. I., Abilova R. D. Modern educational technologies of productive reading // *Science and World*, 2020. — Т. № 1(77). — P. 57–61.
5. Walker A., White G. *Technology enhanced language learning: Connecting theory and practice*. — Oxford, 2013. — 249 p.

*Polekhina Mayya Mudarrisovna**illusio2008@yandex.ru**Moscow State Institute of International Relations (University)*

Innovative approaches to teaching Russian as a foreign language: working with a text

The article discusses interactive educational technologies that are used in the classroom with foreign students studying the Russian language when referring to the analysis of the literary text (Internet resources, distance learning, the «flipped class» method, webinars, business games, debates, discussions). Interactive forms and methods of teaching contribute to the formation of students' creative thinking, their readiness for value self-determination, deep independent comprehension of the material being studied, and the successful generation of new ideas.

Keywords: interactive educational technologies, Internet resources, distance learning, the «flipped class» method, business games, debates, discussions.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК «МЯГКАЯ СИЛА» В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

В статье рассматриваются возможные пути продвижения русского языка в рамках российской государственной политики «мягкой силы», формирующей позитивный образ русского языка. Актуальность избранной темы определяется необходимостью корректировки этой политики в создавшихся внешнеполитических условиях, осложняющихся информационной войной. Автор исходит из того, что, выступая в двух разных качествах, как инструмент и как обладатель «мягкой силы», русский язык формирует свой имидж и репутацию.

Ключевые слова: русский язык, «мягкая сила», имидж, репутация.

Планета заговорит по-русски!

Л. Вербницкая

Русский язык всегда служил средством международного, межнационального и межкультурного общения, являясь одним из шести официальных языков ООН и занимая четвертое место в международных организациях. На постсоветском пространстве и за рубежом он позиционируется как один из главных инструментов государственной политики «мягкой силы», который способствует формированию положительного образа Российской Федерации и так называемого Русского мира, интегративного транснационального социокультурного пространства с особыми культурными ценностями и нормами.

Выступая в качестве инструмента «мягкой силы», русский язык одновременно является актором-обладателем «мягкой силы» и лингвистическими средствами формирует свой позитивный имидж, который социально обусловлен и, как отмечал А. В. Олянич, зависит «от особенностей конкретного общества, в котором этот имидж формируется — от его ценностей, норм, традиций, установок и т. п.» [15, с. 107]. При этом во главу угла ставятся коммуникативная функция, обеспечивающая эффективный межкультурный и межнациональный диалог, кумулятивная, способствующая сохранению и передаче культурного опыта, и интегративная функция русского языка, нацеливающая языковые сообщества на объединение людей как в рамках одной лингвокультуры, так и за ее пределами. И это учитывается, например, в проектах Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина: в программе «Послы русского языка в мире», целью которой является «популяризация русского языка, культуры и литературы в России и за рубежом, а также развитие и укрепление партнерских связей межвузовского и международного характера, пропаганда культурных ценностей толерантности и организация диалога культур» [18, URL]; в организации портала «Образование на русском» как пространства для обучения и эффективной коммуникации на русском языке [17]. Русский язык при таком подходе оказывается «универсальным транслятором смыслов, обеспечивающим культурно-цивилизационное единство СНГ, связывая национальные культуры с русским миром, а через него с европейским культурным пространством посредством “языковых констант”» [4, с. 103], а «универсальность» трактуется как «указание на действительно особое положение языковой практики среди всего набора социальных практик, в среде которых и происходит смыслопорождение» [Там же].

Однако сокращение числа носителей русского языка за последние 20 лет [2, 6, 3, 8; 9] негативно сказалось на имидже языка, прежде всего, на постсоветском пространстве, где он утратил доминирующее положение [1, с. 899]. Это привело к снижению уровня конкурентоспособности в различных сферах, и русский язык занял пятое место в перечне 12 ведущих языков мира по индексу глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), что обусловлено невысокими позициями по численности говорящих (8-е место), численности пользователей сети Интернет (10-е место) и количеству СМИ (7-е место) [9, с. 18–21].

Поэтому одной из актуальных задач для продвижения русского языка в современном поликультурном мире является повышение уровня конкурентоспособности, что включает: восстановление

репутации русского языка, создание его позитивного образа, формирование привлекательности, определение ресурсов языка в качестве «мягкой силы».

Понятие «мягкая сила» («soft power») было введено Joseph Nye и определяло способность субъекта получить желаемое путем привлечения, а не принуждения или оплаты («It is the ability to get what you want through attraction rather than coercion or payments» [21, с. X]). Термин давно вышел за пределы политической сферы и используется как «a complex set of instruments including everything from the economy and business, culture and education, the interaction between societies and individual relationships, to a set of other instruments» (сложный набор инструментов, включающий экономику и бизнес, культуру и образование, общественные и индивидуальные отношения и т. п. — перевод наш. (Л.С.)) и даже как образ мышления [22, с. 24].

Рассматривая «мягкую силу» как концепт, исследователи выделяют в его структуре такие инструменты, как «имидж (бренд)» актора-обладателя «мягкой силы» и репутацию, которая является индикатором относительной эффективности внедрения концепта и представляет собой обратную сторону имиджа [16, с. 112].

Имидж часто формируется на основе субъективных представлений о языке и может быть обусловлен отношением к стране и политической ситуации: от восхищения языком («великий, могучий, правдивый и свободный» (И. Тургенев) до его неприятия «Русский язык — попросту незадавшийся язык» [12, URL], «Состояние русского языка по итогам XX века вызывает тревогу. Кажется, что наряду с депопуляцией страны происходит делексикация ее языка, обеднение словарного запаса» [20, URL]. Для создания образа «незрелого языка» используют сопоставление с английским языком, показывая «основную разницу в историческом плане между зеленым русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским: между гениальным, но еще недостаточно образованным, а иногда довольно безвкусным юношей, и маститым гением, соединяющим в себе запасы пестрого знания с полной свободой духа» [13, URL].

Репутация как «общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-чего-н.» [14, с. 553] складывается чаще всего на основе объективных сведений, к которым относят количество носителей языка, степень распространенности [1; 6], число иностранных обучающихся в России [2], правовой статус. Однако не всегда репутация языка обусловлена его правовым статусом. Так, например, в Армении русский язык «объективно продолжает находиться выше статуса иностранного языка» [7, с. 99] и выступает в качестве языка межнационального общения и межкультурной коммуникации.

Позитивный образ языка с положительной репутацией тесно переплетается с понятием престижа, под которым понимают привлекательность, приписываемую в общественном сознании изучению языка и владению им. Так, по данным опроса, проведенного во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса (ВГУЭС) среди 200 русских и 90 китайских студентов, китайские молодые люди оценивают престиж русского языка в мире выше, чем русские студенты. Из 10 баллов оценки престижности русского языка 62 % китайских студентов выбрали диапазон от 6 до 8. Самый популярный ответ — 7 баллов. Варианты ответа «1 балл» и «2 балла» не выбрал никто. Среди русских студентов самыми низкими баллами (1 и 2) оценили русский язык 3,5 % опрошенных. 56 % студентов указали диапазон от 4 до 6 баллов. Самый распространенный ответ — 5 баллов (22 % респондентов). При этом престиж русского языка в России русские студенты оценили достаточно высоко. Почти треть участников (30,5 %) указали максимальный балл — 10; 37 % участников — 8 и 9 баллов; 27 % участников — на 6 и 7 баллов. Ниже 5 баллов русский язык оценили 1,5 % опрошенных. Престиж русского языка в своей стране китайские студенты оценили ниже: 21 % участников поставил 3 балла, 16 % участников — 4 балла, 17 % участников — 5 баллов, 21 % — 6 баллов [10, с. 206–207].

Для формирования «мягкой силы» используют «механизм селекции», который предполагает ранжирование уровней привлекательности объекта: «внимание — интерес — благожелательное отношение — симпатия — восхищение» (Песцов, Бобыло, 2015: 112), в которых внешние стимулы, т. е. привлекательные качества объекта, сочетаются с вызываемой ими реакцией. Примером использования данного механизма является букварь-комикс для изучения русского языка, изданный в Армении. Автор идеи — руководитель Русского дома в Ереване Вадим Фефилов. Текст написал детский писатель и сценарист Армен Ватьян: *Армянские дети смогут учить русский язык по бук-*

варю-комиксу, главным героем которого стал Александр Грибоедов — драматург и посол, убитый в 1829 году в Тегеране. «Это интересный и увлекательный способ научить детей русскому языку. Причем они изучают не только язык, но и знакомятся с приключениями и биографией писателя-дипломата Александра Грибоедова, историей России», — сообщает Sputnik Армения. Отмечается, что особенность букваря в том, что в армянский текст постепенно вставляются русские буквы. <...> В первое издание вошли 11 букв. Еще два аналогичных комикса будут опубликованы в ближайшее время, в них войдут остальные буквы русского алфавита [5].

Использование языка в качестве «мягкой силы» в поликультурном мире способствует формированию не только имиджа самого языка, но и имиджа страны, в том числе распространению ее культуры. Именно политика «мягкой силы» путем выделения разных уровней привлекательности языка создает естественную мотивацию для его изучения. На II Международном конгрессе «Языковая политика стран СНГ», проходившем в Алматы 27–28 октября 2021 г., об этом говорила профессор Ереванского государственного университета Лианна Матевосян: «Никаким указом, никаким законом на государственном уровне нельзя заставить изучать русский язык. Должна быть естественная мотивация, т. е. желание изучать язык, интерес должен быть естественным» [(2) Facebook].

Литература:

1. Арефьев А. Л. Русский язык в мире. Прошлое, настоящее, будущее // Вестник Российской академии наук. — 2014. — Т. 84. — № 10. — С. 896–903.
2. Арская Ю. А. Продвижение русского языка за рубежом как инструмент «мягкой силы»: роль вузов в реализации Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом // Известия Иркутского гос. университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2017. — Т. 22. — С. 141–148.
3. Бовт Г. Мягкая сила русского слова // Русский мир.ru. 02.10.2013 [Электронный ресурс]. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myagkaya-sila-russkogo-slova/> (дата обращения: 12.03.2021).
4. Васильева Т. В., Саакян Л. Н., Ускова О. А. Русский язык как фактор, организующий русское культурное пространство в странах СНГ // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. — 2011. — № 2. — С. 103–109.
5. Взгляд. Деловая газета. 1 июня 2021. — URL: <https://vz.ru/news/2021/6/1/1102183.html>
6. Вербицкая Л. А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // Российский гуманитарный журнал. — 2015. — Т. 4. — № 2. — С. 90–100.
7. Дашян Н. А. Статус русского языка проблемы билингвизма в Армении // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2021. — № 2 — С. 96–99.
8. Дорофеев Н. Почему русский язык утрачивает свои позиции // Парламентская газета. 21.02.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pnp.ru/social/pochemu-russkiy-yazyk-utrachivaet-svoi-pozicii.html> (дата обращения: 12.03.2021).
9. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) / сост. А. Л. Арефьев и др.; под ред. М. А. Осадчего. — М.: Гос. институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. — 34, [2] с.
10. Коновалова Ю. О. Русский язык как фактор формирования гражданской позиции российской и зарубежной молодежи // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8–12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2 т. Т. 1. — Симферополь: АРИАЛ, 2017. — С. 205–211.
11. Матевосян Л. Facebook. Личная страница.
12. Мельц Борис (Алексей Буэнси). У русского языка нет будущего. [2008] // Проза.ру [Электронный ресурс]. — URL: <https://proza.ru/2008/09/09/56> (дата обращения: 12.03.2021).
13. Набоков В. В. Постскрипtum к русскому изданию романа «Лолита» // Набоков В. В. Лолита / пер. с англ. автора. — СПб.: Азбука, 2014. — С. 438.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1987. — 750 с.
15. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. — М.: Гнозис, 2007. — 407 с.

16. Песцов С. К., Бобыло А. М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. — 2015. — № 2 (34). — С. 108–114.
17. Портал «Образование на русском». — URL: <https://journalrla.pushkininstitute.ru/prez/Portal.pdf>
18. Проект «Послы русского языка». — URL: <https://www.pushkin.institute/projects/posly-russkogo-yazyka/>
19. Программа «Послы русского языка в мире». — URL: <http://www.pushkin.institute/projects/posly-russkogo-yazyka/>
20. Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. — 2006. — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=2854> (дата обращения: 12.03.2021).
21. Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. — N.-Y.: Public Affairs, 2004. — 193 p.
22. Simonyi A., Trunkos J. *Eliminating the Hard/Soft Power Dichotomy // Smarter Power: The Key to a Strategic Transatlantic Partnership* / A. Jehan, A. Simonyi (ed.). — Washington, DC: Center for Transatlantic Relations, 2014. — P. 13–30.

Larisa V. Selezneva

loramuz@yandex.ru

Pushkin State Russian Language Institute

The Russian language as a «soft power» in a multicultural world

The article examines possible ways to promote the Russian language within the framework of the Russian state policy of «soft power», which forms a positive image not only of the Russian world, but also of the Russian language itself. The relevance of the chosen research area is determined by the need to adjust this policy in the current conditions, complicated by information war. The author proceed from the fact that, acting in two different qualities, as a tool and as the owner of «soft power», the Russian language forms its image and reputation.

Keywords: Russian language, soft power, image, reputation.

«Русские» отсылки в «Пенелопе» Гоар Маркосян-Каспер

Аллюзии в романе «Пенелопа» Гоар Маркосян-Каспер многочисленны и охватывают широкий пласт русской, зарубежной и античной литературы. В данной статье выявляются и анализируются отсылки, цитаты и аллюзии к русской литературе, определяется их роль в новом контексте, где один день из жизни молодой ереванской женщины по имени Пенелопа превращается в «Одиссею», роднясь с «Улиссом» Дж. Джойса.

Ключевые слова: отсылка, русская литература, ирония, контекст.

Творчество Гоар Маркосян-Каспер является самобытным феноменом в литературном поле в том смысле, что здесь задействованы сразу несколько культурных пластов: во-первых, это армянское происхождение автора, ее «армянский мир», во-вторых, русский язык, на котором написаны все романы, в-третьих, европейская, в том числе и русская культура, к которой постоянно отсылают многочисленные аллюзии, и, наконец, античные мифы, на которые автор опирается. Творчество Г. Маркосян-Каспер справедливо называют «жанровой симфонией»: начинала она с фантастики, которую, по словам ее мужа — эстонского писателя Калле Каспера, любила до поры, когда та превратилась в «сказки для взрослых» [1], затем перешла сначала к рассказам, собранным впоследствии в книге «Сон и другие мистические истории» (2003), потом — к романам. Первый и центральный ее роман — «Пенелопа» (1998) — появился на страницах журнала «Звезда», затем был издан в Москве, привлек к себе внимание, был переведен на французский, немецкий, испанский, голландский, издан в 2001–2003 гг. в Париже, Берлине, Мадриде, Амстердаме.

«Пенелопа» — оригинальное произведение на стыке двух направлений — модернизма и постмодернизма, не относящееся, однако, ни к одному из них. Оно трудно поддается и жанровой классификации: хотя традиционно «Пенелопа» считается романом, справедливо, на наш взгляд, замечание эстонского писателя Калле Каспера о том, что «Пенелопа» — «поэтическое произведение». Поэтичность достигается, в частности, и через вплетение в ткань внутренней речи героини-протагониста отсылок к русской поэзии. Повышенная ритмичность и музыкальность речевого строя придают тексту ту однородность, при которой большинство отсылок как к поэзии, так и к прозе становятся трудно уловимыми.

Общая картина подмеченных нами обращений к русской литературе в рассматриваемом романе следующая: особой и центральной фигурой русской поэзии, к которой в разных контекстах обращается Г. Маркосян-Каспер, является Пушкин (более 10), далее — Лермонтов (4), Мандельштам (4), Есенин (2), Маяковский (2); по одному — Некрасов, Северянин, Пастернак, Хлебников, Бродский; к драматургии — Грибоедов (3), Чехов (2); к прозе — Гоголь (2), Толстой (1), Булгаков (4), Катаев (2), Ильф и Петров (1), Ефремов (3 — «Туманность Андромеды»), братья Стругацкие (1 обращение в данном случае к поэзии), к детской литературе — Маршак (2 — «Кошкин дом»), Чуковский (1).

В ходе анализа выделяются некоторые из подмеченных обращений и рассматривается, какой статус приобретают возникающие на уровне ассоциаций цитаты, аллюзии и реминисценции в новом контексте, где один день из жизни молодой ереванской женщины «раздувается» на подобие мифологического времени, рождается с «Одиссеей» Джойса, стирает границы войны и мира: войны — потому что действие относится к Карабахскому движению 90-х годов, и мира — потому что в блокадной Армении надо было не только выживать, но и помыть голову, что и пытается сделать в зимний день скитающаяся по городу, от дома к дому, в поисках совпадения где-то воды с обогревом героиня романа Пенелопа. Разбор начинается с обращений к поэзии Пушкина, которые рассматриваются сквозь призму авторской иронии, закрепившейся в русской литературной традиции с появлением «Евгения Онегина». Г. Маркосян-Каспер вослед за другими представителями

новой русской литературы продолжает эту традицию, наделяя свою героиню ироническим взглядом на мир и на саму себя. Пенелопа, включая кипяtilьник в надежде помыть голову, цитирует пушкинское «Я помню чудное мгновенье», обожествляя нечто, казалось бы, самое простое, обыкновенное — воду: «Да и все равно, теплая вода есть теплая вода. Божественная влага! И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь...» [2, с. 14]. Для тех, кто пережил 90-е годы в бессветной и безводной Армении, обожествление воды выглядит вполне естественным. Цитата из Пушкина при таком раскладе приобретает иронический статус, обнаруживая контраст между реальностью и поэзией. Обращения в романе к Лермонтову, Хлебникову, Маяковскому возникают в связи с темой освободительной борьбы, бунта, к Мандельштаму — в связи с исторической памятью народа.

Очень часто соединяя несоединимое, Гоар Маркосян-Каспер показывает, что ассоциации — «арена», где возможно все. Она и вправду жонглирует ими, превращая роман в тонкую «игру в бисер». Размышляя о сути постмодернистского мира, избегая, однако, этого туманного слова, писательница утверждает «...благородный катарсис несбыточен в нашем прямолинейном, однослойном существовании. Кто это сказал? Неважно, кто-нибудь да сказал, все уже давно сказано, наши мысли лишь цитаты, наши мечты только копии» [Маркосян-Каспер 2001, с. 139]. Как бы то ни было, «для героини „Пенелопы“, как и для самой Гоар (русскоязычной армянки!), книги — неустранимая часть жизни. Игра в слова сопровождает каждый ее шаг» [3, с. 40].

Литература:

1. Голос Армении; Армянские поэты; Гоар Маркосян-Каспер [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://golosarmenii.am/article/54582/goar-markosyan-kasper>
2. Маркосян-Каспер Г. К. Пенелопа. — М., 2001.
3. Сухих И. Н. Что читала Пенелопа (несколько положений). Чтения памяти Гоар Маркосян-Каспер. — Таллинн, 2018. — С. 40.

Avetisyan Venera
Russian-Armenian University

“Russian” Links in Gohar Markosian Kasper’s “Penelope”

G. Markosyan-Kasper’s novel “Penelope” is rich with references to Russian, foreign and antique literature. The author considers in this article references to Russian literature. The role of the references is determined in the new context, where one day a woman from Yerevan named Penelope turns into an Odysseus, compared with “Ulisses” by James Joyce.

Keywords: russian literature, references, irony, context.

Креолизованный текст в методическом контексте

В статье рассматривается специфика креолизованных текстов, описываются их функции, структура, а также некоторые этнокультурные особенности. Особое внимание обращается на наиболее распространенные виды иллюстраций — фотографии, рисунки. Показаны методические возможности работы с креолизованными текстами.

Ключевые слова: креолизованный текст, кулинарный рецепт, путеводитель, карикатура, реклама.

Креолизованные тексты (КТ) — это тексты, в которых вербальные и визуальные компоненты составляют единое структурно-смысловое целое [1]. Вербальная часть — это обычно надпись или текст, а визуальный компонент может быть представлен таблицей, рисунком или фотографией.

Зрительный ряд помогает «оживить» вербальный текст, сделать его более красочным, а также обеспечить лучшее восприятие информации за счет совмещения вербального и визуального кодирования.

К креолизованным текстам относятся плакат, афиша, реклама, кулинарный рецепт, путеводитель, карикатура и др.

Так, в путеводителе самым частотным типом иллюстраций является фотография, которая характеризуется достоверностью и наглядностью. Фотографии знакомят с уникальным обликом того или иного туристического объекта, позволяют получить представление о его достопримечательностях.

В российских путеводителях можно обнаружить этнокультурный компонент, который отсылает к истории России: «*Барклай-де-Толли и Кутузов Зимой морозили французов. За то их русский люд прославил: Без шапок на мороз поставил*» или знакомит с региональными мифами и легендами: «*самый известный призрак Петербурга, как утверждают, живет в Михайловском замке. Печальную тень императора, играющего на флажолете (инструменте, напоминающем флейту), видели в XIX в., видят иногда и сегодня. Впрочем, сотрудники музея замечают, что при первых звуках музыки достаточно сказать: „Здравствуйте, Ваше Величество“, — и призрак затихает*» (2).

Использование прецедентных феноменов во франкоязычном путеводителе по Санкт-Петербургу связано с реалиями как французской, так и русской культуры: «*L'avenue principale de Saint-Pétersbourg (souvent surnommée les Champs-Élysées pétersbourgeois) a été imaginée par Pierre Le Grand et taillée dans une forêt à partir de 1760. ... La Perspective Nevski est aussi le nom d'une nouvelle de Gogo*» (Главная улица Санкт-Петербурга (которую часто называют петербургскими Елисейскими Полями) была спроектирована Петром Великим и проложена через лес в 1760 г. ... Невский проспект — это также название повести Гоголя) (3).

В кулинарном рецепте фотография передает всю палитру красок того или иного блюда, показывает капли пара над ним. Изображение в данном случае — это вход в сферу обоняния, осязания и вкуса, т. е. в область чувств. Фотографии в данном случае реализуют не только эстетическую, но и гедонистическую функцию.

Реклама пропагандирует определенные позитивные ценности и жизненные установки, например, на защиту окружающей среды, здоровый образ жизни и т. д., выполняя при этом воспитательную функцию. Эстетическая функция рекламы связана с тем, что искусство нередко включается в рекламный продукт как система ценностей и культурных образцов. Реклама в какой-то мере использует законы кинематографа, графики, живописи и других видов искусства, создавая собственные малые формы и жанры.

В карикатуре вербальная и невербальная составляющие выполняют различные функции. Изобразительный ряд включает место действия, персонажей и их действия. Вербальный компонент во многом повторяет рисунок, дополняя информацию, представленную изображением. Его предназначение — быть смысловой доминантой карикатуры. Вербальный ряд карикатуры может охватывать как слова автора, так и героев, изображенных на рисунке. В речь автора вклю-

чают заголовок, подпись, а также комментарий. Реплики персонажей, как правило, размещаются прямо в составе рисунка. В изобразительный ряд карикатуры входит графика в виде одного или нескольких рисунков, заключенных в рамку и составляющих кадр, который обозначает пределы семиотического текстового пространства. Карикатура, адресуясь к чувству юмора учащихся, вызывает эмоциональное отношение к изучаемому материалу. Восприятие и понимание карикатуры предполагает креативную, поисковую деятельность, так как карикатура строится по принципу обманутого ожидания, она напоминает загадку, для решения которой надо приложить усилия, чтобы понять, почему она смешна. Для этого нужно актуализировать знания о культуре страны изучаемого языка. Например, приметы, которые можно встретить в карикатуре, отражают сложную национально-специфическую систему суеверий и представлений о нечистой силе, истоки которых уходят в далекое прошлое, в архаическую картину мира древних славян. Карикатуры, отражающие народные приметы, могут сопровождаться четкой языковой формулой. Например (в самолете): «Президент, это Ваша страна». — «Не узнал — богатой будет».

Креолизованный текст имеет большой лингводидактический потенциал, поскольку транслирует в вербально-визуальной форме социокультурную информацию. Из него можно почерпнуть сведения о быте, истории, социально-политических и экономических проблемах страны изучаемого языка. Креолизованный текст может использоваться как *смысловая опора* при создании и восприятии высказывания. КТ помогает разгрузить оперативную память от удержания логической последовательности, например, в следующих заданиях: «Опишите серию карикатур», чтобы внимание было сконцентрировано на отборе языковых средств. Логическая же последовательность изложения подсказывается рецептивными образами. Креолизованный текст может создавать эффект приобщения к естественной языковой среде, к условиям, в которых функционирует иноязычная речь. КТ является *средством стимулирования высказывания*, которое реализуется в созданной речевой ситуации. Он может быть использован для создания ситуации речевого общения при обучении монологической речи. Поскольку наша речь является адресной и мотивированной, то для того, чтобы у обучаемого появилось намерение что-то сказать, он должен быть поставлен в условия, когда он будет вынужден это сделать. КТ может выполнять функцию моделирования «предполагаемых условий» (термин К. С. Станиславского), в соответствии с которыми студент будет планировать свою коммуникативную деятельность. Эта функция может реализовываться в заданиях типа: «Что бы Вы сказали, если бы оказались в ситуации, которая изображена в рекламе / на карикатуре?»

Креолизованный текст выступает как средство визуальной наглядности, помогает активизировать познавательные интересы иностранных учащихся, усиливает их мотивацию к обучению, вызывает положительное отношение к изучаемому материалу.

Рассмотрим некоторые методические возможности работы с креолизованными текстами. Среди методов и приемов, связанных с направленностью обучения русскому языку в контексте диалога культур может быть назван *прием учебной аналогии*, который предполагает установление сходства в процессе познавательной деятельности между объектами и явлениями по определенным признакам или отношениям. Так, например, при работе с карикатурой, на которой изображены типичный русский и американец, на фоне Кремля и небоскребов соответственно, студентам предлагалось ответить на вопросы «Как бы выглядел типичный представитель Польши (Китая / Австрии / Азербайджана) Во что он был бы одет? Какое у него было бы имя? Какое здание вы бы назвали архитектурным символом вашей страны?».

Ролевая игра может быть использована в процессе работы с карикатурой, в заданиях типа: «Представьте, что вы оказались в ситуации, изображенной на карикатуре (например, в переполненном автобусе или в приемной у врача). Что бы вы сказали на месте героев карикатуры?».

Сущность *зрительно-ассоциативного приема* заключается в следующем: иностранным учащимся в качестве подсказки может быть предложена карикатура на ту же тему, что и использованная ранее в процессе обучения и воссоздающая в памяти студента необходимый круг ассоциаций и фоновых знаний.

В работе с кулинарным рецептом можно применять прием решения этнокультуроведческих пропорций, например:

Испания: паэлья = Россия: ?

При закреплении материала, связанного с кулинарным рецептом, студентам может быть предложена игра «Угадай блюдо». Называются ключевые понятия, репрезентирующие то или иное блюдо. Студенты должны угадать, о каком блюде идет речь. Можно также сравнить кулинарные рецепты своей и чужой культуры.

Студентам может быть также предложена *ролевая игра* с заданиями типа: «Представьте...», например, «Представьте, что вы оказались роли шеф-повара. Какие указания по приготовлению блюда Вы дадите своим коллегам?» (4)

Для работы с рекламными текстами использовался следующий алгоритм:

1. Опишите, что изображено в рекламном объявлении.
2. На кого рассчитана данная реклама? Что об этом свидетельствует?
3. Считаете ли Вы эту рекламу эффективной? Почему?
4. Почему, с Вашей точки зрения, рекламу можно назвать удачной? / не очень удачной?

В конце работы над КТ можно предлагать выполнение проектных заданий. Так, в ходе проектного задания по кулинарному рецепту на разных этапах студенты выполняют различные задачи: высказывают свое мнение о блюдах своей кухни, работают в микрогруппах, где обсуждают и выбирают блюдо для приготовления, готовят выбранное блюдо и фотографируют процесс приготовления и готовое блюдо, записывают рецепт на родном языке. Далее студенты изучают лексический аппарат по теме «Мы готовим вкусно» и знакомятся с блюдами национальной русской кухни, учатся читать и понимать рецепты блюд на русском языке, знакомятся с принципами записи рецептов. На этапе презентации проекта студенты готовят выступление для представления проекта и представляют проект на занятии.

Литература:

1. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения [Текст] / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2006. — Вып. 20. — С. 180.
2. «Путеводитель по Санкт-Петербургу от Юрия Нежинского». — URL: <http://ispbguide.com> (дата обращения: 25.06.2020).
3. Croisière sur la Volga, 2016, p. 29.
4. Харченкова Л. И., Баранова И. В. Использование текста кулинарного рецепта при обучении немецкому языку студентов-филологов // Преподаватель. XXI век. — 2018. — № 3. — С. 88–98.

Kharchenkova L. I.

lih116@mail.ru

Russian State Hydrometeorological University

The article examines the specifics of creolized texts, describes their functions, structure, as well as some ethnocultural features. Special attention is paid to the most common types of illustrations — photographs, drawings. The methodological possibilities of working with creolized texts are shown.

Keywords: creolized text, culinary recipe, travel guide, caricature, advertising.

Путевые письма русского писателя А. С. Грибоедова. Первая встреча с Арменией

В статье представлены путевые письма А. С. Грибоедова (1819 г.) о его первом пребывании в Армении.

Ключевые слова: письма, Армения, Грибоедов, документ, художественный текст.

Армения занимает особое место в творческой биографии и дипломатической карьере А. С. Грибоедова. Его имя много значит для армянского народа, факты его пребывания на армянской земле, творчество драматурга и деятельность Грибоедова-посла здесь помнят, изучают и популяризируют [1]. Представляется интересным и возможным воссоздать первую встречу А. С. Грибоедова в Армении с помощью сохранившихся, хотя и немногочисленных, записей самого автора «Горя от ума». Этот биографический материал ценен не только своей достоверностью, но и с точки зрения художественных описаний, образов и реминисценций, созданных гениальным мастером слова.

Жизнь Грибоедова была по преимуществу кочевой. Приятные путешествия в усадьбу в детстве и юности сменились участием в походах в Белоруссию и Польшу в годы войны с наполеоновской Францией в составе русской армии, а после назначения в персидскую миссию он семь раз проехал по России от Петербурга до Тифлиса и обратно, не считая поездок по городам и провинциям в пределах Кавказа и путешествий по Ирану.

Грибоедов, как и его современники, был хорошо знаком с жанром путешествий, чрезвычайно распространенным в Европе, а на рубеже XVIII–XIX вв. получившим широкое распространение и в России. Грибоедовские путевые заметки составляют значительный пласт прозаических текстов автора «Горя от ума» и наполнены дорожными впечатлениями. Литературовед Н. А. Тархова неоднократно отмечала, что они представляют собой не только краткую фиксацию увиденного в пути, но и прекрасно иллюстрируют глубину познаний в различных областях науки, наблюдательность, любопытство, желание встречи с новым и неизвестным [3].

На первый взгляд, краткость изложения не поражает нас своим мастерством, и только вчитавшись можно понять, насколько литератор и путешественник Грибоедов точен, глубок, как много он сумел увидеть и вместить в свои записи. Это и природа доселе невиданных мест, и бесконечная смена ландшафтов, это история народов, запечатленная в памятниках старины и современной писателю этнографии, это социальная жизнь простых людей и высокопоставленных персон, и многие другие приметы, которые не каждому дано разглядеть в дороге. Во многом благодаря этим записям, а иногда только им, мы знаем о жизни писателя и дипломата А. С. Грибоедова на Востоке, когда совершались и его путешествия по территории Армении.

Впервые писатель посетил Армению в 1819 г., когда направлялся в Тавриз из Тифлиса с группой сослуживцев и военнослужащих и совершил шестидневный переход до Эривани общей протяженностью около 250 верст по зимнему пути через горы, с гололедицей, сильным ветром и морозом.

Свое настроение, окружение, распорядок дня и времяпровождение в пути он описывает в «Путевых письмах» С. Н. Бегичеву 31 января 1819 г. «Хочешь ли знать, как и с кем я странствую то по каменным кручам, то по пушистому снегу? Не жалею меня, однако: мне хорошо, могло бы быть скучнее. Нас человек 25, лошадей с выючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Ранним утром поднимаемся; шествие наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгрустнулось, пою, как знаю, французские куплеты и наши плясовые песни, все мне вторят, и даже азиатские толмачи; доедешь до сухого места, до пригорка, оттуда вид отменный, отдыхаем, едим закуску, мимо нас тянутся наши выюки с позвонками. Потом опять в путь. Народ веселый; при нас борзые собаки, пустился за зайцем или призраком зайца, потому что я еще ни одного не видал» [2, с. 296].

В этом же письме А. С. Грибоедов в первый раз упоминает Эривань: «Четыре дня как мы из Тифлиса, три остается до Эривани; нас очень пугают Дилижанским ущельем» [2, с. 296].

Часть дороги по Дилижанскому ущелью в грибоедовское время действительно была в самом плачевном состоянии, что объяснялось частыми разливами рек, а также, как свидетельствует сам А. С. Грибоедов в письме от 2 февраля 2019 г., «здесь руками человека ничего не приспособлено к удобному проезду. Груды камней на каждом шагу как будто нарастают; отростки деревьев бьют в глаза; дорога почти непроходимая; вышли на открытое место, тут сильный ветер поднялся навстречу и не переставал нас продувать и после, когда уже горы сузились, и мы возле, в лесу, выбрали себе у склона горы, упершись в речку, местечко для отдыха и ночлега» [2, с. 298].

Временная, по выражению автора письма, «пастырская жизнь», с незатейливым ужином, теплом костра и обозрением окрестностей дает возможность Грибоедову погрузиться в мир древних библейских сказаний, предаться воспоминаниям о «Муфусаилах и Ламехах» и рассуждениям о вечной «охоте странствовать»: «С тех пор, как есть города и граждане, едем, едем от Финского залива дотудова, куда сын Товитов ходил за десятью талантами, а все в надежде добыть похвальную знаменитость, и, может быть, век до нее не доедем...» [2, с. 298].

Согласно записям писателя, путешественники прибыли в столицу Армении 3 февраля 1819 г., а на следующий день Грибоедов пишет С. Н. Бегичеву письмо, в котором представляет отчет о переходах сделанных караваном путешественников по дороге Тифлис — Эривань, рассказывает об утомительности последнего перехода, делится впечатлениями от красоты армянских пейзажей, точными замечаниями об особенностях ландшафтов и климата: «Вот другой день пребываем в армянской столице... Вам, гиперборейцам невероятно покажется, что есть другие края, и на юге, где можно себе отморозить щеки; однако это сбылось на одном из наших людей и все мы ознобили себе лица. Еще теперь слышу, как хрупкий снег хрустит под ногами наших лошадей; во всякое другое время быстрая Занги в иных местах застыла, во других медленно пробивается сквозь льды и снега под стены Эривани. Земля здесь гораздо возвышенней Грузии, и гораздо жарче; один хребет гор, уже от Тифлиса, или еще прежде, отделился влево, с другим мы расстаемся, — он уклоняется к западу; все вместе составляет ту цепь, которую древние называют Тавром» [2, с. 299].

В своих записях Грибоедов оставил и впечатления от первой встречи с Араратом: «Ни Стефан-Цминд (*Казбек* — примечание авторов), ни другие колоссы кавказские не поразили меня такую огромностью; обе завладели большею частию горизонта, — это двухломный Арарат, в семидесяти верстах от того места, где в первый раз является таким величественным. Еще накануне синелись верхи его. Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями, один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением. Я долго стоял неподвижен...» [2, с. 300].

Сильный туман помешал путешественникам издали увидеть Эривань, окраина возникла перед ними слева, а дорога к крепости шла мимо садов, обширных кладбищ, длинных оград «за которыми стояли дома, башни и купола мечетей» [2, с. 300]. Внутренний двор Эриванской крепости, торжественную встречу русской миссии представителями правящего сардаря, устройство дома одного из жителей Грибоедов тоже красочно и подробно описывает в этом письме С. Н. Бегичеву.

5 февраля 1819 г. представители русской миссии встречались с сардарем Гусейн-ханом. Письмо Грибоедова, датированное этим же числом, дает яркие характеристики не только законам, нравам и обычаям, действующим на территории Армении в 20-х гг. XIX в., но и повествует об особенностях архитектуры и интерьеров, произведениях искусства, одежде и гастрономических пристрастиях местного населения.

Сохранившаяся короткая записка от 9 февраля 1819 г., написанная в Нахичевани, свидетельствует, что русская миссия оставила Эривань 7 февраля, Путешественники опять погрузились в «свирепость зимы нестерпимую» [2, с. 305], что сказалось и на настроении будущего автора «Горя от ума».

Письмо, которое Грибоедов датировал 10–13 февраля 1819 г., расширяет наши знания о его пребывании и впечатлениях от первой встречи со столицей и окрестностями Армении. Писатель констатирует, что в Эривани пробыл всего три с половиной дня, «и то задержали некоторые дела с сардарем. Думали также переждать холод, но напрасно: он не переставал свирепствовать. Я даже не отважился съездить в древний Эчмиадзинский монастырь» [2, с. 305].

По словам Грибоедова, день отъезда из Эривани был «пасмурный и ненастный. Щедро осыпанный снегом, я укутался буркою, обвертел себе лицо башлыком, пустил коня на удачу и не принимал участия ни в чем, что вокруг меня происходило» [2, с. 306]. С таким настроением Грибоедов добрался до большого татарского селения Девалу, «бросился к камельку, не раздевался, не пил, не ел и спал, как убитый» [2, с. 306].

На следующий день встреча с одним из множественных персидских ханов и его свитой вновь оживили творческое воображение мастера слова, он с юмором описывает многочисленных слуг и их жаровни, кальяны, подкальяны, кисы с табаком и другие предметы ханского обихода, рассказывает об особенностях восточной речи и пытается представить комичность встречи древнего спартамца с «нынешним персиянином велеричивым»: «как бы они ему внимали, как бы приняли, как бы проводили?» [2, с. 307–308].

Армянский эпизод в «Путевых письмах» А. С. Грибоедова к ближайшему другу С. Н. Бегичеву наглядно подтверждает, что подобные краткие записи интересны не только с точки зрения документальности, они позволяют по-новому взглянуть и пережить моменты, связанные с малоизвестными фактами из жизни гениального человека и еще раз оценить талант писателя.

Литература:

1. А. С. Грибоедов: русская и национальные литературы: материалы Международной научно-практической конференции 26–27 сентября 2015 г. — Ереван: Лусабац, 2015. — 760 с.
2. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. — СПб.: Нотабене, 1999. — 618 с.
3. Тархова Н. А. Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова. — М.: Минувшее, 2017. — 604 с.

Kamyshova Svetlana Yurievna

sykamyshova@pushkin.institute

Filippova Albina Alexandrovna

aafilippova@pushkin.institute

Pushkin State Russian Language Institute

Travel diaries and letters of the Russian writer A. S. Griboyedov. First meeting with Armenia

The article presents travel letters of A. S. Griboyedov (1819) about his first stay in Armenia.

Keywords: letters, Armenia, Griboyedov, document, artistic text.

Лингвокультурологический аспект преподавания РКИ

В статье акцентируется необходимость дальнейшей разработки лингвокультурологического аспекта как магистрального направления в области преподавания иностранных языков вообще и русского языка как иностранного в частности.

Ключевые слова: язык и культура, лингвокультурология, национальная картина мира, лингвокультурологический словарь, методика преподавания РКИ, лингвокультурологический аспект преподавания.

Границы языка моей нации определяют границы моего мировоззрения.

В. фон Гумбольдт

1. В настоящее время язык и культура является магистральным направлением в области преподавания иностранных языков.
2. Лингвокультурология — интердисциплинарная лингвистическая наука, пограничная с культурологией, исследующая способы, с помощью которых в языке хранится и транслируется культура (см. работы В. Г. Костомарова, Е. М. Верещагина, В. И. Карасика, В. А. Масловой и др.).
3. Язык изучается как феномен культуры, отзеркаливающий национальную картину мира и менталитет.
4. Лингвокультурологический подход опирается на кумулятивную функцию языка, благодаря которой в ней запечатлевается, хранится и передается опыт народа.
5. На современном этапе в теоретических и методических целях ощущается острая необходимость в создании лингвокультурологических словарей, ярким примером которого является мультимедийный словарь «Россия», созданный в Государственном институте русского языка имени А. С. Пушкина.
6. Несмотря на огромное количество теоретических работ по проблемам языка и культуры, проблема введения лингвокультурологического аспекта в лингводидактику и методику преподавания РКИ остается актуальной и требует пристального внимания исследователей.

Svetlana Yu. Kamysheva

sykamysheva@pushkin.institute

Pushkin State Russian Language Institute

The linguoculturological aspect of teaching Russian as a foreign language

The article emphasizes the need for further development of the linguoculturological aspect as a major direction in the field of teaching foreign languages and Russian as a foreign language in particular.

Keywords: language and culture, linguoculturology, national picture of the world, linguoculturological dictionary, teaching methodology of the RFL, Linguoculturological aspect of teaching.

Язык глубоко мыслящих и чувствующих людей

Языковая система живет и изменяется под влиянием узуса, который за последние десятилетия существенно трансформировался. Эти изменения нередко становятся причиной опасений за состояние современного русского языка. Анализ художественного дискурса и авторской публицистики показывает, что русский язык и практика текстовой коммуникации не только не упрощаются, но, напротив, демонстрируют все новые способы репрезентации усложненных образов современного мира, вырабатывают точные способы кодирования информации, отражения психологических глубин человека.

Ключевые слова: русский язык, художественная литература, кодирование, усложнение.

Известно, что любая языковая система живет и изменяется под влиянием узуса, который за последние десятилетия существенно трансформировался.

Во многом этому способствует расширение сферы электронного общения, позволяющей в письменной форме реализовывать спонтанную разговорную речь и образовывать новые «формы овеществления» текстов [3, с. 47]. Интердискурсивный характер коммуникации и процесс гибридизации дискурсов определяют возможность пересечения в одном ее пространстве функционально адаптированных единиц, способствующих информационным обменам, эффективному изложению специального содержания в общедоступной форме (например, передача содержания научного, юридического текста в периодической печати, публичных дебатах, привнесение элементов политической борьбы, рекламы в иные дискурсивные сферы и др.) [1]. Современная коммуникация имеет явную тенденцию к размыванию стилевых, жанровых и дискурсивных границ, образованию всеобщего поля смыслов.

Нормы письменного литературного языка испытывают значительное влияние норм устной разговорной речи со свойственными ей качествами — компрессией, редукцией, эллипсисом, стяжением, свертыванием форм как отражением универсального закона языковой экономии и прагматического принципа экономии речевых усилий, времени и печатной площади. Не эти ли изменения нередко становятся причиной вынесения вердикта состоянию современного русского языка и речи: «примитивизация», «компрессия», «клиповость», «разговорность», «унификация», структурная развернутость, одноплановость содержания. Многие работы ученых демонстрируют действие тенденции к упрощению организации языковых единиц и способов современной речевой коммуникации. Однако в этом случае, по выражению В. Г. Костомарова, часто исследуется язык как «вещь в себе», а не язык как инструмент, который исследовать очень **трудно, чаще рассматривается речь как деятельность, направленная исключительно на достижение успеха, а норма** — как максимальная убедительность (например, в рекламе), стимулирующая обращения к «антинорме — что и происходит» [7].

В то же время обращение к сферам художественного дискурса, авторской публицистики, научных эссе показывает, что литературный язык и практика текстовой коммуникации не только не упрощаются и не деградируют, но, напротив, демонстрируют все новые способы репрезентации усложненных образов современного мира, вырабатывают точные способы кодирования информации, отражения психологических глубин человека. Наблюдения над языком художественной литературы и публицистики демонстрируют обратное. Создание литературного текста и работа по его пониманию (дешифровке) — «очень большой труд, связанный с запуском своего разума, своего мозга, своей догадки, своей разгадки, своего жизненного опыта и многих других вещей» [7].

Анализ материала художественных произведений XXI в., образцов публицистической литературы позволяет увидеть, что в них реализуются сложные полиинтерпретируемые образы, порождаются обогащенные ассоциативные связи, неочевидные смысловые построения, сложные импликации. Эти сложные речевые образования требуют активной работы ассоциативных механизмов сознания,

а также креативного подхода к языку. Исследования образного языка художественной литературы показывают, что он демонстрирует тенденцию к расширению изобразительных возможностей, отражению процессуального характера жизни.

Так, на примере развития моделей образных сравнений [5], используемых авторами отечественной литературы, видно, что художественный язык сегодня расширяет пределы своих возможностей: он ориентирован на кодирование сложных, в том числе подразумеваемых смыслов, а его ресурсы позволяют отражать усложненные образы современного мира, свойственные сознанию современного человека.

В качестве предмета сравнения в современной художественной литературе [8] помимо привычных, известных всем объектов изображения появляются все новые имена реалий нашего времени: *пазл, высотка, зарядное устройство, жилой массив, пластик окон, пластиковая карта, компакт-диск, быстрорастворимая пицца, сушеная еда, энергетический напиток, фармацевтическая еда, целлофановый дождь* и др. Модус сравнений показывает, что осмысление мира современными авторами осуществляется не прямо, а сквозь призму сложно организованного концептуального мира человека. Оно предстает как углубленное, научно осмысленное, детальное, развернутое, актуализирующее целый ряд признаков: *небо — полог / небо — полог линиялого черного сати-на; глаза, как нарисованные / глаза, будто размытые акварельной кистью; нем как рыба / нем, как кольчатый булавобрюх; края одежды — крылья / края одежды — потрепанные пыльные крылья умирающей в осень бабочки*. Отмечается использование рядов образов для целостной и многосторонней передачи самого существа изображаемого объекта: *«Рельсы — это как интуиция, экстракт дороги, и металлическая река, и целебный вектор»* (О. Славникова) [8, с. 31–35]. В современном художественном языке частое явление — образы целостных ситуаций и сложных ситуативных комплексов, они входят в число наиболее продуктивных моделей образной мысли [5; 8]: *Девушка! Садитесь в салон! — позвал он, приплясывая, точно дождь стрелял ему под ноги из пистолета* (Славникова О. Старик и смерч).

Большое количество новых, окказиональных образов сравнений, смоделированных с помощью лингвокреативного мышления автора, фиксирует типичные коллективные ассоциации, вносит новое содержание, делает основание сравнения неочевидным, что приводит к появлению полиинтерпретируемых окказиональных образов. Язык современной художественной литературы демонстрирует выразительный потенциал, чрезвычайно многообразные, структурно и семантически усложненные средства кодирования мыслей и чувств автора. Они заимствуются авторами утилитарных текстов и продуктов нашей повседневности, поскольку в экономной, свернутой форме способны передавать информацию о многомерных предметах речи.

Сокращенные образные модели становятся носителями все большего объема сжатого содержания, включающего общее и индивидуальное знание, ассоциации, аллюзии, эмоции: *Все окружающее переменилось, и если уместно такое сравнение, то субботняя ночь — была Достоевским, воскресное утро — Толстым, да простит мне литература* (Зыкун П. Минск-Пружаны-Минск); *обитатели интернета как бесконечная пьеса голодных самолюбий и грамматических ошибок* (Сахновский И. Нелегальный рассказ о любви). Процесс сжатия — это проявление компрессии, экономии формы для воплощения заданного содержания. Данная особенность современной коммуникации в ускоряющемся темпе нашей жизни, однако, не отменяет сложности содержания общения, для которой язык также вырабатывает сегодня все новые формы и средства реализации.

Вместе с актуализацией когнитивного механизма концептуальной интеграции [9, р. 308], закрепляемого в системе типов мыслительных операций, в речевой практике, а затем и в языке формируются и кодифицируются интегративные конструкты, основанные на смысловом синкретизме. В современной письменной коммуникации вырабатываются особые синтезированные формы, которые определяются как результат концептуальной интеграции *олигофренд (олигарх + френд) — друг, являющийся по социальному статусу олигархом; Херминатор (Херманн Майер + Терминатор) — спортивное прозвище знаменитого австрийского горнолыжника Херманна Майера; гражданипоэт = гражданин + поэт; долбин = должностное лицо с бизнес-интересами; перезагрузка = перезагрузка + Грузия — процесс установления отношений между Россией и Грузией «с чистого листа»; юрийгагарин = Юрий + Гагарин*) [2, с. 22, 57].

Эти и подобные им новообразования отражают не просто стремление пишущих выразиться максимально кратко по форме, но и особую способность современных носителей русского удерживать в памяти и синтезировать структуры исходных ментальных пространств, которые проецируются на новое, конструируемое, ментальное пространство. Как показывает в своих работах В. И. Шаховский, эмоциональное содержание таких новообразований соответствует порожденным временем новым контекстуальным понятиям, переосмысленным и закрепленным в сознании носителей языка: *целлофановый дождь, почти живой фрукт, медленно несущийся экспресс, компьютерная жизнь, виртуальные отношения, видимость личной переписки, доброе кино про убийство*. Создаваемый усложненный и воспринимаемый как единство фрагмент образа мира, представленный компактно, в виде смешения самостоятельных элементов (блендинга), не только существенно расширяет предметный ряд актуальных объектов обозначения, но и позволяет отрабатывать речевые модели, соответствует современному стилю мышления.

Блендинг при порождении образных сравнений в современной художественной литературе сводится, например, к смешению предмета и образа без обозначения основания сравнения. Восприятие таких единиц требует креативной работы ассоциативного мышления читателей: *Это ухо — ценный признак породы! — напоминало использованный троллейбусный билет (О. Славникова); Вот плечи стали, как мякоть абрикоса (И. Осокина)*. В электронной коммуникации, языке СМИ блендинг основывается на использовании предельно коротких обозначений при полном сохранении всей сложности эмоционального смысла: *груболайк*», где «лайк» — знак симпатии, особой позитивной отмеченности в интернет-общении с несвойственным ему признаком («отметить грубо симпатию» или «негативная симпатия»); *счастливоубивец* (в спортивном комментарии в применении к удачно отстрелявшему свою норму спортсмену). В пределах единого номинативного пространства соединяются, адаптируясь друг к другу, в том числе противоположные по семантике и оценочному знаку понятия, расширяя возможности лексической сочетаемости в языке. Пространство языка, выражая амбивалентные образы, все больше ориентируется на сложный фантомный образ мира, где возможны любые отношения между объектами.

При изучении когнитивной специфики современного текстового пространства особое место занимает подход, опирающийся на поликодовый способ представления информации. Именно поликодовость позволяет текстуализировать и означивать любые сущности, выделяемые волей автора в качестве объектов вербализации: невербализованные ситуации и образы (см. город как текст, динамические картины, данные в «скопическом режиме» [4, с. 93], содержание, объективированное различными национальными, социальными, стилевыми кодами и поликодовыми формами [6]). Обоснование текстуальной природы таких форм снимает все границы на пути к соединению в едином смысловом пространстве произведений разной знаковой природы, их означивания и неоднократного переозначивания.

Наблюдения над исследуемым материалом позволяют заключить, что в условиях накопления информации, насыщения жизненного пространства современного человека многообразными текстовыми произведениями различной природы, стремительным уменьшением ее ценности с течением времени в языке и речевых практиках вырабатываются все новые формы кодирования информации. Их информативная ценность определяется успешностью решения с их помощью не примитивных, а сложных коммуникативных и когнитивных задач. Анализ художественного дискурса и авторской публицистики показывает, что русский язык и практика текстовой коммуникации не только не упрощаются, но, напротив, демонстрируют все новые способы репрезентации кодирования информации об освоенных отношениях в осмысленной реальности, о постижении глубин психологического мира, которая присуща носителям языка нашего времени. Современный русский язык — это, безусловно, язык глубоко мыслящих и чувствующих поколений людей.

Литература:

1. Ионова С. В. Внутренняя форма текста и способы ее экспликации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2007. — № 6. — С. 14–20.
2. Коробкина Н. И. Концептуальная интеграция как способ языковой экономии: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19. — Волгоград, 2009. — 226 с.
3. Костомаров В. Г. Формы о веществе текста // Русская речь. — 2005. — № 2. — С. 47–56.

4. Метц К. Воображаемое означающее: психоанализ и кино. — СПб.: Изд-во Европейского университета, 2010. — 334 с.
5. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков. В 2 т. Т. 1, 2. 2-е изд., стер. — М.: Эдиториал УРСС, 2007. — 848 с.
6. Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: Когнитивный аспект. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. — 219 с.
7. Филолог Виталий Костомаров: Норма языка скоро погибнет / Интервью А. Матрусовой и Е. Эрихмана // Pravmir.ru, 4 мая 2018. — Режим доступа: WWW.Pravmir.ru/filolog-vitaliy-kostomarov-norma-yazyika-skoro-pogibnet
8. Юдина Ю. И. Сравнения с невыраженным модулем как средство активизации читательской рефлексии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание. № 2 (12), 2010. — С. 31–35.
9. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. — P. 303–371.

S. V. Ionova

sionova@mail.ru

Pushkin State Russian language Institute

The language of deeply thinking and feeling people

The language system lives and changes under the influence of usage, which has significantly transformed over the past decades. These changes often cause concerns about the state of the modern Russian language. The analysis of artistic discourse and author's journalism shows that the Russian language and the practice of textual communication are not only not simplified, but, on the contrary, demonstrates all new ways of representing complicated images of the modern world, develop accurate ways of encoding information, reflecting the psychological depths of a person.

Keywords: Russian language, fiction, coding, complication.

Коммуникативные стратегии в модели коммуникативной координации на примере современного устного спонтанного диалога

Рассматривается проблема реализации коммуникативных стратегий в современном устном спонтанном диалоге на теоретическом материале, данном О. В. Федоровой в монографии «Экспериментальный анализ дискурса». Анализируется языковой материал, собранный экспериментальным путем, и сопоставляется с выводами, сделанными автором монографии О. В. Федоровой. Теоретическая значимость разработки данных моделей автором статьи подтверждается, а также дополняется некоторыми тезисами.

Ключевые слова: диалог, коммуникативные стратегии, устный спонтанный диалог, модель коммуникативной координации, общая позиция, кооперация.

В рамках данного исследования рассматривается модель коммуникативной координации, данная О. В. Федоровой в монографии «Экспериментальный анализ дискурса», в частности — коммуникативные стратегии, реализуемые в диалоге. Тенденция к диалогичности — одна из ключевых характеристик современного языкового общества, что позволяет устному спонтанному диалогу занимать важные позиции в коммуникации. В сетевом дискурсе наблюдается похожая тенденция к диалогичности, в связи с чем возникает потребность в интерпретации и анализе специфики такой коммуникации. Целью данного исследования является анализ, теоретическое осмысление и дополнение модели коммуникативной координации, данной О. В. Федоровой. Материалом настоящего исследования послужили видеозаписи, фиксирующие устную речь. С помощью видеосъемки зафиксированы сконструированные коммуникативные ситуации, заданные определенными условиями.

В современной лингвистике существует много подходов, обосновывающих структурирование процесса коммуникации (диалога). Один из них состоит в том, что участники диалога координируют свои реплики, при этом **бессознательно подстраиваясь** друг под друга на разных языковых уровнях [3, с. 268]. Этому подходу мы будем придерживаться в рамках данного исследования, потому что координация реплик в диалоге является основным способом для его продолжения.

Для достижения коммуникативных целей в диалоге говорящий выбирает определенный способ его построения: это во многом зависит от личностных характеристик, от цели и задач, поставленных перед началом диалога, языковых средств и т. д. Все это характеризует такое понятие, как коммуникативная стратегия — особый способ ведения диалога.

В современной науке существует множество определений коммуникативных стратегий. М. Л. Макаров предлагает трактовать коммуникативную стратегию как «цепь решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действия и языковых средств; реализация набора целей в структуре общения» [1, с. 137]. Следовательно, коммуникация понимается как линейная, структурированная коммуникантами последовательность, что не всегда так. М. Л. Макаров уделяет внимание и языковым средствам — любое их употребление свидетельствует о коммуникативно-стратегических интенциях говорящего.

О. В. Федорова в главе 9 монографии «Экспериментальный анализ дискурса» предлагает свое понимание коммуникативных стратегий. Выделяется **модель интерактивной координации** — модель речевого взаимодействия партнеров по диалогу [3, с. 437]. Чтобы объяснить функционирование этой модели, нужно обратиться к ее элементам: **координация, взаимная позиция, общая позиция, коммуникативная стратегия, способы координации, механизмы координации и уподобление стратегий**.

Для успешного взаимодействия в диалоге собеседникам необходима некоторая **координация**, которая достигается их совместными усилиями [3, с. 438]. В современной лингвистике существует

много трактовок понятия координации. О. В. Федорова, проанализировав имеющиеся представления, предлагает свое понимание: координация — «генерическое имя, обозначающее два различных процесса совместной речевой активности собеседников, приводящих к совпадению их языковых репрезентаций». Иными словами, координация представляется как совместная ментально-языковая активность говорящих, помогающая достичь какого-либо результата.

Позиции в процессе диалога — то, без чего невозможно его дальнейшее функционирование. Именно наличие позиции определяет движение диалога, ведь достижение какой-либо позиции (или стремление достичь) — цель любой коммуникации. О. В. Федорова, незначительно переформулировав уже имеющиеся в теории игр и эпистемологии термины, предлагает следующие понятия и их трактовки [3, с. 439]:

- 1) **взаимная позиция** — такая определенная сумма знаний, мнений и допущений относительно некоторой пропозиции *P* среди группы агентов *G*, которая наблюдается в том случае, если **каждый представитель группы агентов *G* имеет знание, мнение и допущение относительно *P***;
- 2) **общая позиция** — такая определенная сумма знаний, мнений и допущений относительно некоторой пропозиции *P* среди группы агентов *G*, которая наблюдается в том случае, если **каждый представитель группы агентов *G*, который имеет знание, мнение и допущение относительно *P*, одновременно знает, что каждый представитель агентов группы *G* имеет знание, мнение и допущение относительно *P***.

Сопоставляя понятия, можно заключить следующее: взаимная позиция — это знание (мнение, допущение), при котором каждый участник диалога имеет представление об объекте речи (передаваемом объекте). А общая позиция — такое знание (мнение, допущение), при котором каждый участник коммуникации имеет представление не только о передаваемом объекте, но и о знании собеседника об объекте речи.

Обратимся к примеру:

A: Т...ты их вертикально положила?

H: Да, как фотографии 10 на 15 и если ... н = да, вертикально.

A: Вертикально, мцм.

Коммуникативной целью участников диалога является постановка танграмм в определенном порядке, при этом участники диалога не видят друг друга. Важным является то, что фрагмент демонстрирует первый коммуникативный шаг собеседников. Соответственно, каждый субъект речи имеет знание о цели коммуникативного события: поэтому субъект речи *A* использует словоформу *их*, потому что имеет знание о том, что субъект речи *H* имеет представление об объекте речи — танграммах. Таким образом, в данном фрагменте продемонстрирована экспликация наличия **общей позиции** у собеседников.

В начале любого коммуникативного взаимодействия говорящий бессознательно выбирает определенную коммуникативную стратегию. **Коммуникативная стратегия** — языковой инструмент, помогающий собеседникам решить поставленную коммуникативную задачу. Наличие общей или взаимной позиции у собеседников или ее отсутствие определяет выбор коммуникативной стратегии. О. В. Федорова выделяет следующие коммуникативные стратегии: **эгоцентрическую, нейтральную и кооперативную** [3, с. 440]. Рассмотрим каждую стратегию подробнее.

Эгоцентрическая коммуникативная стратегия — такая стратегия, в ходе которой говорящий не принимает во внимание факт существования своего собеседника. Соответственно, ни общей, ни взаимной позиции, ни координации в таком диалоге не будет. Связь между репрезентациями осуществляется только на фонетическом уровне через акустический сигнал [3, с. 447]. Выбор такой стратегии зачастую обуславливается форматом коммуникации — чаще всего эгоцентрическая стратегия встречается в интервью, публичных выступлениях. Обратимся к примеру:

H: А изначально вот эти две группы были?

ЕЕ: Изначально было две группы, очень полные. Тридцать человек в одной группе, тридцать человек в другой группе. Ну, конечно все шестьдесят до конца не дожили, как вы понимаете... Вот, но тем не менее, выпуск у нас был интересным, большой. Выпуск, с которого, например, люди достаточно известные и в среде факультетской, например, Власова Мария Александровна училась со мной, в параллельной группе, вы пока не имеете о ней представления, потому что она сейчас находится в декретном отпуске. Учился со мной Александр Ивченко, человек, который

сделал в журналистике карьеру. Сейчас он живет в Воронеже. А начинал он на «Аисте» у нас, и у него репортажи были действительно журналистскими расследованиями. Концептуальный человек, который себе имя как журналисту сделал.

Выбор эгоцентрической стратегии в этом фрагменте обусловлен экстралингвистическими факторами — формат интервью подталкивает интервьюируемого развернуто отвечать на вопросы, заданные интервьюером. Стоит обратить внимание на то, что говорящий *ЕЕ* учитывает наличие слушающего, об этом свидетельствует реплика *вы пока не имеете о ней представления*. Но если проанализировать весь контекст и посмотреть на количество реплик, эксплицирующих ориентацию на слушателя, то процент таких реплик будет крайне низок. В данном интервью длительностью 29 минут 22 секунды ориентированных на слушателя реплик 6. Следовательно, наличие рядом собеседника **практически** не учитывается.

Нейтральная коммуникативная стратегия предполагает, что в ходе речевого взаимодействия как у говорящего, так и у слушающего будет вырабатываться взаимная координация (взаимная позиция):

Sb1: Настя, ш... возьми картинку, которая... ш... У которой слева есть квадрат... ээ... а сама она такая похожа на многоугольник... Ты поняла?

Sb2: Они все похожи друг на друга.

Sb1: Ну, слева там есть квадрат, ну или что-то похожее на квадрат.

Sb2: Допустим.

Sb1: Эээ ... и там еще... такой сверху как треугольник ээ... ну как-то не знаю, как это описать... В общем, один такой большой многоугольник, а другой маленький и рядом квадратик из двух фигур состоит, поняла?

Sb2: н-н=не очень, у тебя картинки вертикально расположены? В смысле, по более длинному э...

Sb1: Ну да.

Представленный фрагмент демонстрирует нейтральную стратегию. Так как обязательным критерием анализируемой стратегии является наличие взаимной позиции, то попробуем это доказать. Начнем с экстралингвистических факторов: участникам дана задача, не видя друг друга, расставить танграммы в определенном договоренностью порядке; представленный фрагмент демонстрирует начало коммуникативного взаимодействия. Оба коммуниканта имеют представление (мнение, допущение) о поставленной коммуникативной цели (это эксплицировалось ведущим в самом начале эксперимента). О том, что коммуниканты поняли коммуникативную цель, свидетельствуют их реплики: они начинают достигать коммуникативную цель с помощью верно выбранной коммуникативной задачи — дифференциация танграммы и ее распределение в нужном порядке. На этом уровне мы видим, что каждый представитель группы агентов G (*Sb1* и *Sb2*) имеет знание, мнение и допущение относительно Р (Р – ‘найти первую танграмму’). Далее с помощью коммуникативных шагов субъекты речи решают поставленную задачу, но это получается не совсем успешно: мы видим, что три коммуникативных шага не помогли решить коммуникативную задачу. Следовательно, здесь присутствует попытка достичь общей позиции, но ее еще нет (она может появиться либо сразу, либо после взаимной).

Стоит отметить, что четкого определения нейтральной коммуникативной стратегии нет, следовательно, нет и четких рамок в дифференциации. Иногда мы не можем с точностью сказать, какая именно стратегия представлена, ведь их распределение диффузно. Поэтому правильным будет сказать, что данный фрагмент тяготеет к нейтральной стратегии, потому что в нем отсутствуют формальные показатели достижения общей позиции — есть лишь попытки.

Кооперативная коммуникативная стратегия предусматривает, что в ходе речевого взаимодействия будет вырабатываться **общая позиция**. Рассмотрим пример использования коммуникативной стратегии:

(1) *А: Все... Значит, следующей пусть будет тот, который тоже как будто бы что-то по-дает, но у него сзади вот как будто бы он плечом поворачивается, знаешь... как будто бы...*

(2) *Н: Короч, у него там большой такой квадрат, да? Полностью заполненный.*

(3) *А: Нет, я имею в виду другую, но давай ее.*

Чтобы понять, действительно ли здесь представлена кооперативная стратегия, нужно определить наличие общей позиции в диалоге. Она есть: оба участника, решая коммуникативную задачу

(расположить танграммы в определенном порядке), имеют знание о цели коммуникации и коммуникативных задачах и одновременно понимают, что собеседник располагает тем же знанием. Обратимся к языковым репрезентациям общей позиции. Первая реплика субъекта А демонстрирует коммуникативный шаг в достижении задачи — «найти нужную танграмму». Следовательно, пропозицией мы можем считать следующее: «определенная танграмма». Если общая позиция — это такое знание (мнение, допущение), при котором каждый участник коммуникации имеет представление не только о передаваемом объекте, но и о знании собеседника об объекте речи, то взаимодействие (1) и (2) реплик — это процесс достижения общей позиции, приближение к ней. С помощью конструкций перехвата реплики субъект речи Н помогает субъекту речи А преодолеть когнитивное затруднение в объяснении внешнего вида танграммы. И далее субъект речи А достигает общей позиции, выражая это вербально с помощью верификативной конструкции через отрицание.

Обобщая все проанализированные элементы этого диалога, можно сказать, что в рамках рассматриваемого коммуникативного взаимодействия действительно присутствует кооперация, потому что общая позиция выражается **вербально**.

Для того чтобы диалог был успешным, у собеседника в запасе имеются способы координации совместной коммуникативной деятельности. Каждой коммуникативной стратегии свойственен определенный способ координации: **отсутствие координации, уподобление, кооперация**.

Интересным для данного исследования представляется то, что «модель интерактивной координации обязательно должна быть расширена за счет интеграции в нее невербальных средств коммуникации». Это связано с тем, что жестовый уровень репрезентаций связан как с семантическими, так и с дискурсивными уровнями, поэтому играет не менее важную роль в оформлении устного дискурса и в объяснении функционирования реальной коммуникации [3, с. 471].

Литература:

1. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.
2. Матвеева Т. В. Экология языка и коммуникативная практика. — 2014. — № 2. — С. 121–131. (Ведение диалога как сфера лингвоэкологии).
3. Федорова О. В. Экспериментальный анализ дискурса. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 512 с.

Lusheva A. A.

lusheva.nast@yandex.ru

State Institute of the Russian Language. A. S. Pushkin

Communication strategies at the model of communicative coordination on the example of modern spontaneous dialogue

The problem of implementation of communicative strategies in modern oral spontaneous dialogue is considered on the basis of theoretical material given by O. V. Fedorova at the monograph “Experimental Analysis of Discourse”. The linguistic material collected experimentally is analyzed and compared with the conclusions made by the author of the monograph O. V. Fedorova. The theoretical significance of the development of these models is confirmed by the author of the article, and also supplemented by some theses.

Keywords: dialogue, communication strategies, spontaneous dialogue, model of communicative coordination, common position, cooperation.

Урок русского языка глазами учителя и ученика-иностранца (из опыта работы)

Автор статьи представляет опыт преподавания русского языка детям-инофонам, рассказывает о поэтапной работе на уроках с письменной речью. Также автор делится отзывом одной из учениц, успешно осваивающей курс русского языка в школе.

Ключевые слова: письменный и устный текст, языковая среда, литература.

Около 10 лет назад к нам в село стали приезжать армяне. Ими выкупаются хозяйства, развивается малый бизнес. Вместе с родителями, разумеется, переезжают и дети. Ребята приходят в школу, зачастую не зная русского языка или имея начальный уровень. В статье я поделюсь лишь одним примером успешного обучения русскому языку ребенка-инофона.

Я считаю, что работа с такими детьми должна проводиться поэтапная, но никаких специальных занятий формата РКИ не даю. В основе овладения русским языком лежит языковая среда обучающегося, а также мотивация к изучению и его упорство. Очень важно не оставлять таких детей без внимания на каждом уроке, поощрять их ответы, стараться проверять все письменные работы, выдавать дополнительные задания по просьбе ребенка. Стоит отметить, что дети, которые у меня обучались, отличались целеустремленностью, активностью, не боялись ошибиться и старались наладить коммуникацию с одноклассниками.

Если языковая среда помогает развивать навык устной речи, то с речью письменной мы работаем много. Начинаем с переписывания текстов. Поскольку в армянском и русском языке разная графика, предлагается не печатный формат текстов, а рукописный. Сначала отрывки небольшие, без орфографических или пунктуационных заданий. Постепенно задача усложняется: объем текста становится больше, появляются задания на определение темы текста, уточняющие вопросы. Затем к уже имеющемуся заданию мы прибавляем работу с лексикой. Ребенок знакомится со словарями, ему предлагается в любое время приходить и использовать их, а также рекомендуются электронные версии.

Следующий этап: работа над орфографией. Поскольку дети чаще всего приходят в 5–6-м классе, получается объяснять правила детям-инофонам наравне с детьми-носителями языка. Да, иногда то или иное правило приходится объяснять дополнительно. Чаще всего это правила, которые опираются на понимание, правила, которые заучить сложно.

Особой является работа над сочинениями и изложениями с такими ребятами. Работу по обучению написания изложения тоже можно разделить на несколько этапов: 1. Совместное чтение текста. 2. Обсуждение текста. 3. Работа по разграничению главной и второстепенной информации. 4. Создание плана предложенного текста. 5. Только потом первое чтение вслух учителем и дополнение плана ключевыми словами. 6. Второе учительское чтение и создание текста. С 5 по 7 класс дети-инофоны и дети-носители русского языка пишут разные тексты. Конечно, у инофонов материал будет немного легче, но все зависит от ребенка. Иногда можно сравнить материал уже в 7 классе, а иногда и до начала 9 класса требуется индивидуальная работа.

С сочинением работать немного проще. Здесь будут следующие этапы: 1. Обсуждение предложенной темы. 2. Форматирование основной мысли будущего сочинения (Зачем я его пишу? Что хочу донести?) 3. Работа над композицией сочинения. 4. На четвертом этапе мы можем столкнуться с проблемой скудности словарного запаса ребенка. Поэтому я всегда рекомендую два-три небольших художественных произведения для примера. Конечно, выбор произведения будет зависеть не только от идеи, но и от типа речи.

Для обучения русскому языку ребенка-инофона важна командная работа педагогического коллектива. Поэтому учителю-филологу важно поддерживать связь с учителями предметов естественно-научного и гуманитарного цикла, а также вести дневник наблюдений за прогрессом или регрессом обучающегося.

Всегда интересно посмотреть на деятельность не только со стороны учителя, но и ученика. Я интервьюировала свою ученицу Софию, которая начала учиться в нашей школе с 5-го класса. До этого Соня обучалась в армянской школе в Грузии. По признанию девочки, грузинский язык она немного понимает, но на нем не говорит, а вот русский язык начала изучать как иностранный в школе за год до переезда в Россию.

Дома у Софии принято говорить на армянском языке. Да, родители и сестры владеют русским языком, но предпочитают говорить на родном. Языковая среда Софии — это школьные друзья и родственники, которые довольно долго живут в России и хорошо владеют языком. К ним всегда можно было обратиться. Хочу отметить, что девочка легко идет на коммуникацию со сверстниками и взрослыми. Также ученица отмечает, что словарную работу считает не просто полезной, но и необходимой, потому что первое время она довольно часто обращалась к «Толковому словарю» С. И. Ожегова. Иногда на понимание значения слова уходило много времени, но новое знание всегда радовало.

Если говорить о заданиях, которые девочка выполняла в школе, она не может выделить одно, потому что считает, что все они были полезными и нужными. София любит читать русскую литературу. В прошлом году она активно участвовала в обсуждении романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на уроках литературы, а летом перед 11-м классом смогла прочитать роман-эпопею М. А. Шолохова «Тихий Дон». Во время чтения девочка часто ко мне обращалась с уточняющими вопросами и по лексике, и по идее произведения. Но родную литературу София не забывает и тоже успеваешь читать.

Как я уже сказала, София говорит на родном языке дома, но по ее признанию, случаются комичные ситуации, когда она забывает слова на армянском языке и вместо них употребляет русские. Моя ученица сформулировала секрет своего успеха так: во-первых, не бояться и не стесняться ошибок. Во-вторых, как можно больше общаться с носителями языка. В-третьих, очень много читать. Если школьная литература кажется скучной, то всегда можно найти что-нибудь по душе. В-четвертых, в изучении языка, как и в любом другом деле, важно трудолюбие и старание.

К слову, в начале 10-го класса София написала диагностическую работу в формате ОГЭ на отметку 4. Считаю это отличным результатом. Сейчас ребенок готовится к сдаче ЕГЭ на равных условиях с остальными учениками класса. Такой результат не может не радовать.

Arzhanova I.

arzh.i@mail.ru

Kashirskaya Secondary School

Russian language lesson from the point of view of teacher and foreign-speaking student (from work experience)

The author of the article presents the experience of teaching Russian to foreign-speaking children, talks about step-by-step work in lessons with written speech. The author also shares the feedback of one of the students who successfully mastered the Russian language course at school.

Keywords: written and oral text, language environment, literature.

Языковая картина мира мансийского поэта Ю. Шесталова (концептуальный подход)

В статье описывается концептосфера языковой картины мира мансийского поэта Ювана Шесталова. Выделяется ряд базовых концептов, на основе которых строится корпус его художественных текстов. Ключевым является концепт «человек». Концептуальный анализ позволяет сделать ряд выводов относительно языковой картины мира автора. Концепты в творчестве автора претерпевают ряд изменений, эволюционируют, переходя из сферы материального в сферу ментального.

Ключевые слова: менталитет, югорский текст, культура народа, человек, концепт, символ, языковая картина мира.

Отталкиваясь от анализа художественного текста конкретного автора, мы можем составить его языковую картину мира, определить, как соотносится мировоззрение автора с культурой народа, в рамках которого он был взращен.

Мы избрали концептуальный анализ как ведущий метод, поскольку он дает возможность охватить максимально возможный круг поэтических текстов, осветить широкий спектр тем и проблем, которые волнуют автора, составить общее представление о языковой картине мира писателя, его интенциях, мотивах, побуждающих к творчеству.

Названный анализ все чаще применяется исследователями, поскольку дает возможность увидеть связь между художественным произведением и культурными традициями народа. Поэзия Ю. Шесталова имеет характер космический в том смысле, что создает / воспроизводит модель мира, включающего множество «звуков, красок, жизни растений, животных, человека, жизни уникальной культуры народа манси» [7, с. 7]. На основе концептуального анализа корпуса поэтических текстов Ю. Шесталова мы выделили следующие концепты (ядро и ближайшая периферия), определяющие, с одной стороны, уникальность, а с другой — включенность произведений в региональный (югорский) текст как культурный феномен: *нефть, человек, север, снег, огонь (костер), вода (река, болото), рыба, тайга (лес), олень, зверь, медведь, дети, сердце, земля, природа, ночь, дорога (путь), жизнь.*

Нетрудно заметить, что большинство названных концептов, выделенных нами как составляющие художественного мира Ю. Шесталова, являются универсальными для художественного творчества северных народов (см. об этом, например, в данной работе [4]). В этой связи мы можем говорить об органичной включенности лирики Ю. Шесталова в пространство *югорского текста.*

В данном исследовании мы остановимся лишь на ключевых (базовых) концептах лирики автора (ядро концептосферы). При этом изучение вопроса развития и трансформации базовых концептов на уровнях ближней и дальней периферии в поэзии автора кажется нам достаточно перспективным.

Мы пришли к выводу, что большинство названных концептов организуется в рамках творчества писателя в четкую, стройную систему на основе оппозиции «человек — природа». В этой связи языковую картину мира автора мы предлагаем рассматривать именно в этом ракурсе.

Итак, ключевым концептом лирики Ю. Шесталова, по нашему мнению, является *человек*, образ которого часто обогащается, расширяется (по сравнению с традиционным в мансийской культуре) и мифологизируется автором. Люди для поэта делятся на две категории: манси (коренные жители Севера) и русские (в широком смысле слова, то есть все приезжие, иноземцы, «покорители Севера»). При этом, вопреки ожиданиям, манси, по мнению автора, не являются исключительно положительными, они наделяются рядом негативных черт (зависть, пьянство, хитрость, злоба и т. д.), а о русских, напротив, говорится с уважением. В «Четвертой думе медвежьей головы» автор хвалит русских, считает их помощниками манси, призывает последних стать добрее, лучше, справедливее, призывает их исправиться:

«Мне виден в облаках просвет.
Э, люди, лучше будьте.
Кривую песню давних лет
Скорее позабудьте!
Ищите новые слова...» [9, с. 123].

Иначе говоря, манси должны отказаться от старых традиций, имеющих деструктивный характер. Нужно перестать осуждать других, лгать, злиться, сплетничать, пьянствовать... А еще не нужно завидовать, «коль он (русский. — В. Г.) умом берет» [9, с. 122], «построит «корабль на крыльях колдовских» [9, с. 122], полетит на другие планеты. Русская культурная традиция, образование, стремление познавать мир разумом, осваивать его могут стать жизненной философией и для манси.

Человек, по Ю. Шесталову, могуществен, однако деятельность его может быть созидательной или разрушительной по отношению к окружающему миру (для манси тайга — это и дом, и весь мир). Красной нитью через все творчество автора проходит идея о бережном отношении к природе как к своему дому. Эта идея, отметим, является ключевой и для югорского текста в целом. Д. В. Ларкович пишет: «Такое понимание дома объединяет авторов самых разных идеологических позиций: как носителей родового, так и социального сознания. Для одних важной задачей представляется сохранение дома, для других — его обустройство, но и те и другие испытывают подлинное чувство безраздельной привязанности к территории...» [5, с. 49].

Одним из важнейших концептов, составляющих ближайшую периферию концептосферы лирики Ю. Шесталова, является «лес, тайга». Д. В. Ларкович пишет: «Часто лес и его обитатели (деревья, травы, животные, птицы) выступают в произведениях югорских писателей в ореоле антропоморфных мифологических реминисценций и являются индикатором системы ценностных ориентаций человека в мире. Для коренных народов Югры лес (тайга, бор, чаша) — это живая, естественная среда их обитания, их укрытие, их дом, поэтому потребительское отношение к лесу, его бездумное уничтожение, истребление неизбежно приводит не только к нарушению мировой гармонии, но и к нравственной катастрофе самого человека» [5, с. 47–48].

Для поэта лес — это дом, где все знакомо, к нему следует относиться бережно. Дом не может существовать без хозяйки. В лесу обитает идеальная женщина — Миснэ, лесная фея. Она олицетворяет все лучшее в женщине: доброту, ласку, материнскую любовь, заботу.

Поэт размышляет над вопросом о том, кто такая Миснэ: «Кто мне она? / Мечта? / Воспоминанье / О давних встречах с девушкой земной? / А может, просто ветер и сиянье / Просторов, околдованных зимой?» [9, с. 140].

Прежде всего она идеал поэта: «А дружить с ней — значит, жить / С песней молодой» [9, с. 136], олицетворяющая вдохновение, побуждающая к творчеству, развитию, движению вперед:

«Только где ее искать?
Лесу-много-много!
Слышишь сердце, хватит спать,
Нам пора в дорогу» [9, с. 136].

Лес представляет в данном контексте сложный и противоречивый мир (со своими достоинствами и недостатками), который требуется понять, а потом поэту нужно рассказать о своих открытиях людям.

Если исходить из того, что лес — это дом для северных народов, то возникает вопрос: «Кто хозяин в этом доме?» Возможно, это человек со всем его могуществом, техникой, ружьями и т. д. Однако в лирике Ю. Шесталова хозяином тайги называется *медведь*, точнее, его голова (см. описание медвежьего праздника). Медведь — дух леса, сакральное для манси животное, которое послано с неба следить за порядком:

«Живешь ты, то — грубя,
То — ластясь, то — переча...
Я не пойму тебя,
Отродье человечье!» [9, с. 111].

Анализируя лирику Ю. Шесталова, мы выделили три основных функции (роли) этого животного в мировоззренческой системе поэта: 1) критик (животное оценивает беспристрастно поступки людей); судья (животное может выносить приговор манси: «Твоя омрачена душа, / О маленький народ...» [9, с. 123]); советчик (животное хочет, чтобы народ изменился, дает рекомендации по исправлению):

«Мне виден в облаках просвет.
Э, люди, лучше будьте.
Кривую песню давних лет
Скорее позабудьте!
Ищите новые слова» [9, с. 123].

Концепт *река* в творчестве поэта также крайне важен, является системообразующим «благодаря действенности механизмов культурной памяти, ...приобретает в югорском тексте статус пространственной доминанты. Вблизи реки или в ее русле происходят ключевые события произведений, вдоль ее берегов сосредоточено все живое, в ее течении отражается общий ход жизни» [2, с. 43].

С. В. Галян пишет о том, что «река как одна из форм бытования водной стихии ...содержит в себе витальную коннотацию. Она символизирует мировой путь от его возникновения до завершения. В мифологии обских угров важное значение имеет образ связывающей все три яруса универсума Мировой реки, в качестве которой рассматривается Обь. Двигаясь с юга на север, она берет свои истоки в верхнем мире, далее пересекает весь средний мир и завершает свое течение в преисподней — загробном мире холода и мрака, тем самым намечая траекторию человеческой жизни. Все прочие реки Югры (Аган, Сосьва, Пим, Салым, Вах, Тромъеган и др.) по аналогии воспринимаются как своего рода локальный эквивалент реки Мировой» [2, с. 42–43].

В произведении «Ас» [9, с. 31] («Обь» на языке манси) автор говорит о реке как о счастливом месте, где радостно трудиться, радостно влюбляться, расставаться и встречаться вновь. От Оби как от истока берет начало жизнь человека. Автор рано потерял мать, поэтому великая река заменяет ему и самого дорогого человека: «Обь сердечная вздыхала, / На колени нежно брала / Из бересты у причала / Колыбель мою качала» [9, с. 186]. Река очищает (омывает своими водами) сердце героя, дарит вдохновение: «Сердце сына захлестнула, / Свой напев мне в грудь вдохнула» [9, с. 186]. На реке человек может восстановить силы: «Вся сила в нас от обских рыб» [9, с. 169], Обь лечит, оживляет:

«Стою на камне...
Но блестит волна
Не каменной тоской —
Живой водою» [10, с. 184].

Река в поэзии автора получает мифологическое значение, впадает как бы в космос:

«Нынче река как огромное небо,
Небо — как будто река в половодье.
Звезды, как рыбы, толкаются немо,
В тучи заходят и резко выходят» [10, с. 223].
Это символ бытия, времени:
«Я плыву в крылатой лодке
По волнистым облакам
Сквозь родное, сквозь бывшее
К неизведанным годам» [9, с. 169].

В жизни северных народов *огонь* играет важнейшую роль, он столетиями сакрализован, освящен сказками, преданиями, легендами. Концепт *огонь* в лирике Ю. Шесталова обрастает значительным количеством дополнительных характеристик и смыслов.

В произведении «Пусть горит костер» мы находим просьбу к людям о сбережении, сохранении, постоянном поддержании огня:

«Не забудь, человек, о высоких кострах,
Даже если метели высоко в горах,
Если даже тебя не морозят они,
Пусть не гаснут костров золотые огни!» [9, с. 212].

Причем огонь в данном случае надо понимать в том числе и как внутреннее состояние, то есть автор призывает сохранять душевное тепло, без которого на Севере не прожить ни самому человеку, ни его окружению.

Мы определили на основании изученного материала ближайшую концептосферу концепта «огонь», она включает в себя такие слова, как *женщина, любовь, душа, сердце, Солнце, свет, ко-*

стер, пламя, заря, рассвет, северное сияние, творчество, жизнь. Огонь для автора имеет сакральный характер, является синонимом жизни, как физической, так и духовной: «Если меня из огня сотворили, / Где мой огонь?» [10, с. 439]. Именно через огонь поэт может установить связь с небом, Вселенной, обретает вдохновение, творческие и жизненные силы.

Выводы. Итак, проанализировав концептосферу лирики Ю. Шесталова, мы можем сделать вывод о том, что она является достаточно цельной, на уровне образов и смыслов соотносится с югорским текстом как культурным феноменом. Их объединяют общие истоки (мифология народов Севера) и общее ментальное пространство территории Югры. Базовым, как показывает проведенный анализ, является концепт «человек» (оппозиция «человек — природа»). Концептуальный анализ позволил нам сделать ряд выводов относительно языковой картины мира автора, которая, безусловно, во многом является отражением менталитета, культурных и нравственных установок коренного северного народа манси. Концепты в творчестве автора претерпевают ряд изменений, эволюционируют, переходя из сферы материального в сферу ментального, создается новое, во многом мифологическое художественное пространство.

Литература:

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64–72.
2. Галян С. В. Литературное краеведение: филологический анализ регионального (югорского) текста. — Тюмень: Аксиома, 2017. — 168 с.
3. Гололобов Е. И. Конструирование геоисторического образа Севера Западной Сибири в конце XIX — первой трети XX века в российском (советском) общественном сознании // Современная регионалистика: Сб. статей Всероссийской научной конф. — Сургут: РИО СурГПИ, 2016. — С. 258–264.
4. Косинцева Е. В. Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2013. — С. 27.
5. Ларкович Д. В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // Вестник угроведения. — Т. 9. — № 1. — 2019. — С. 40–51.
6. Полякова Л. В. Филологическая регионалистика в системе гуманитарных наук // Филологическая регионалистика. — 2015. — № 3–4. — 161 с.
7. Семенов А. Н. Концептосфера лирики Андрея Тарханова. СПб.; Ханты-Мансийск: Литературный фонд «Дорога жизни»: Первый ИПХ, 2021. — 319 с.
8. Семенов А. Н. Художественное пространство и художественное время // Филологический вестник. 2020. — № 1. — С. 104–120.
9. Шесталов Ю. Собр. соч. — Т. 1. — СПб. — Ханты-Мансийск, 1997. — 480 с.
10. Шесталов Ю. Собр. соч. Т. 2. СПб. — Ханты-Мансийск, 1997. — 528 с.

Gavrilov Viktor Viktorovich

victorg12@mail.ru

Surgut State Pedagogical University

The linguistic picture of the world of the mansi poet Yu. Shestalova (conceptual approach)

The article describes the conceptual sphere of the linguistic worldview of the Mansi poet Yuvan Shestalov. A number of basic concepts are highlighted, on the basis of which the corpus of his artistic texts is built. The key is the concept of “man”. The conceptual analysis allows us to draw a number of conclusions regarding the author’s linguistic picture of the world. Concepts in the author’s work undergo a number of changes, evolve, moving from the material to the mental sphere.

Keywords: mentality, Yugra text, culture of the people, person, concept, symbol, linguistic picture of the world.

Традиционные и инновационные аспекты содержания школьного образования при аксиологическом подходе к обучению при изучении русского языка и литературы

В статье рассматривается аксиологический подход как один из приемов изучения русского языка и литературы; представлена роль педагога на уроке при аксиологическом подходе к изучению дисциплин гуманитарного цикла, а также традиционные и инновационные аспекты содержания школьного образования при аксиологическом подходе при изучении русского языка и литературы.

Ключевые слова: аксиология, русский язык, объект, ценность, школьник, нравственность, образование, тип образования, ценности образования, культура.

Принято считать, что понятие «аксиология» появилось в науке в 1902 году, было введено философом из Франции П. Лапи, а уже в 1908 г. его активно использовал немецкий ученый Э. Гартман. В разного рода философских словарях аксиология определяется как наука о ценностях.

Аксиология — это раздел философии, занимающийся изучением разного рода материальных и духовно-культурных ценностей личности, а также наука о нравственности не только отдельной личности, но и коллектива, общества в целом [3]. Понятие «ценность» появилось в философской науке намного раньше понятия «аксиология», и с XIX века стало применяться для наименования свойств объектов и явлений, теорий и идей, которые служат чем-то вроде образца качества и идеалом должного в соответствии с социально обусловленными приоритетами развития культуры. В связи с этим стали подниматься на поверхность некие проблемы ценностей.

В нашей стране аксиология как учение о ценностях возникло в конце XIX века почти одновременно с немецкой аксиологией, которая оформилась в новую философскую дисциплину.

Времени, в котором мы живем, свойственны самые тяжелые трагедии, потрясения и утраты. К большому сожалению, мы видим, что конфликты между странами и даже войны не перестают затихать, мир с каждым днем пополняется все большим количеством зла, негатива и ненависти. Человечество почти утратило высшие ценности. Взаимное доверие постепенно исчезает, родители уже не являются авторитетом, как и учителя, правительство тоже не имеет такого высокого статуса, как в прежние времена. Все это ведет к непереносимой потере ценности человека, человеческой жизни, ее духовных, культурных, материальных аспектов, некогда стоявших на первом месте.

Считаю, что очень ярко характеризуют происходящее сегодня слова Н. А. Бердяева: «Современное общество растеряло духовное измерение вещей и деяний, оно разлюбило духовность в жизни и вместе с тем разучилось любить, а научилось ожесточаться и ненавидеть...»

Очевидно, что наше общество в значительной степени нездорово, и прежде всего, духовно. Мир нестабилен, а человек нуждается в нравственных ориентирах. Этим объясняется легкость, с которой люди впитывают современные ценностные ориентации, которые определяют поступки и действия.

Попытки деструктивных изменений ценностных (аксиологических) параметров основ человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни, вызываются в большей мере тем, что мы с каждым днем все более отрываемся от своей истории, от своих корней, мы становимся пренебрежительны к памятникам русского языка, литературы, культуры. А ведь справедливо будет отметить, только благодаря этим знаниям человечество до сих пор и существует. История показывает нам, насколько трагична судьба народов, отрекшихся от своей памяти, истории и культуры. По словам И. А. Ильина, при этом «они не создают никакой новой; они сходят в истории на «нет» в снижении, разложении, разврате, принимая свои большие и дурные создания за некое «новое слово» «новой культуры».

Здесь уместным будет вспомнить слова известного всем романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних...» Получается, что подобные проблемы сопровождали человеческое общество всегда. Вопрос в их преодолении с учетом особенностей, характерных для каждой новой эпохи.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод: человечеству не стоит ждать, когда кто-то или что-то откроет ему, бесполовому прожигателю жизни, основы истины, ведь для каждого эта самая истина своя.

Единственным верным путем изменения или перенаправления мыслей человека, его моральных и нравственных взглядов на сегодняшний момент является образование во всех его вариативностях. Оно играет важную роль в жизни каждого человека с самого рождения, оно формирует собственное мировоззрение, в связи с этим появляется необходимость в расширении методов, приемов образования, среди которых на первый план должен встать аксиологический подход в образовании не только школьном, а всех ступенях формирования и развития человеческой личности.

Это, конечно, задача очень трудная, так как современный школьник имеет «клиповое мышление», а его окружающий мир представляет собой разрозненную мозаику из разных фактов, а осведомленность почти по любым вопросам стала бессмысленной, бессистемной. Современные учащиеся в итоге становятся морально дезориентированными с раннего детства, хотя дети более всего нуждаются в духовной поддержке.

Это время формирования нравственных ориентиров, осознания проявления несправедливости, обмана, поэтому образование должно обязательно включать в себя формирование у учащихся теоретического рефлексивного мышления, которое позволит подросткам анализировать окружающий мир, искать ошибки и их решение.

Роль педагога всегда сводилась к главной задаче — оказать помощь ученику, помочь ему в обретении уверенности, в поиске верного ориентира, смысла жизни. Особая ответственность за осуществление поставленных задач ложится, конечно, на учителя-словесника. Считаем важным, что именно сегодня, именно с современными учащимися уместно обращение с произведением литературы, как с ценностью. Ценностью не только литературной, но и исторической, культурной, духовной. Вспоминаются известные слова из Нобелевской лекции А. И. Солженицына: «Кто сумел бы косному, упрямому человеческому существу внушить чужие дальние горе и радость, понимание масштабов и заблуждений, никогда не пережитых им самим? Бессильны тут и пропаганда, и принуждение, и научные доказательства. Но, к счастью такое в мире есть! Это искусство. Это литература... Искусство воссоздает опыт, пережитый другими, — дает усвоить как свой собственный».

Таким образом, важность применения аксиологического подхода на уроках русского языка и литературы полностью оправдана. Вопрос остается только в методическом исполнении данного метода. На уроках с аксиологическим подходом на помощь приходят имеющиеся в арсенале каждого учителя-словесника высокоэффективные современные педагогические технологии (проблемного обучения, коммуникативные, интегрированного обучения (межпредметные связи на занятиях словесностью, связи литературы с музыкой, русским языком, изобразительным искусством, историей, информатикой, иностранным языком, психологией, МХК), личностно-ориентированного подхода, здоровьесберегающие), разнообразные приемы, формы, виды работы, методики проектной деятельности, развития связной речи учащихся, разносторонняя, многоуровневая работа с текстом как «опредметченной духовностью» с разных точек зрения (лингвистической, литературоведческой, историко-культурной) при помощи разных методов (системно-функционального, конкретно-исторического, типологического, сравнительно-исторического).

Аксиологический подход к формированию личности учащихся на уроках русского языка и литературы предполагает не только поиск в тексте или художественном произведении ценностей высшего назначения, но и воспитание отношения к языку, книге как к ценностям высокого уровня.

Для достижения запланированного результата деятельности учителя-словесника следует поставить следующие методические цели:

- стремиться развивать интерес учащихся к чтению, формировать читательские компетенции на уроках русского языка и литературы;
- развивать чувство слова;
- совершенствовать на уроках коммуникативные навыки учащихся, их умственную деятельность в соответствии с возрастными особенностями;
- научить понимать, интерпретировать и анализировать тексты разных функциональных стилей, типов речи, жанров.

Необходимо научить учащихся:

- создавать собственные грамотные тексты, творческие работы;
- глубже проникать в суть художественных произведений, интерпретируя их через разные формы анализа (лингвистический, стиховедческий, текстоведческий, культурологический);
- видеть функции средств художественной и речевой выразительности;
- устанавливать взаимосвязь между текстами одного и того же автора;
- устанавливать интертекстуальные связи между произведениями разных авторов и эпох, обращая внимание на диалектику общего и индивидуального;
- грамотно высказывать свое восприятие текста, совершенствуя свою речь (как устную, так и письменную);
- работать с научной литературой (литературно-критическими статьями, теоретическими справочниками, энциклопедиями, словарями, письмами, мемуарами, дневниковыми записями);
- видеть и устанавливать межпредметные связи, использовать их в работе на уроках русского языка и литературы;
- осваивать новые методы и формы работы как на уроках, так и в ходе внеурочной деятельности;
- побуждать к созданию самостоятельных научно-исследовательских произведений, то есть развивать научно-филологические способности учеников;
- поощрять и направлять ученическое творчество.

В реализации запланированных задач можно использовать разнообразные виды уроков, на которых учащиеся будут не только постигать язык как средство коммуникации, но и будут приобщаться к культуре:

- уроки с нестандартными способами организации работы: лекция, семинар, публичная защита проекта, зачет, мастерская, диспуты, дебаты, дискуссии, ученическая конференция и т. д.;
- уроки — творческие мастерские: спектакль, коллективное сочинение, концерт, дебаты, дискуссия, диспут (с последующим творческим анализом);
- уроки-имитации: экскурсия, прогулка, ярмарка, гостиная, путешествие в прошлое (будущее), путешествие по стране, интервью, пресс-конференция и т. д.;
- уроки-игры: дидактические, ролевые, деловые, состязательные;
- уроки — подготовки к сочинению по картине, сюжетным картинкам, предложенному тексту, личным впечатлениям, сочинения-рецензии и т. д.;
- уроки комплексного анализа текста, творческой работы с ним, создания собственных текстов.

С. Соловейчик отмечал: «Безучастное перелистывание страниц, холодное наблюдение за происходящим в книге — не чтение. Любование искусством писателя и поэта, смакование слова и сочетаний слов, восторг по поводу удачного выражения, изумление перед мастерством изображения и описания, волнение, вызванное глубиной мысли — вот чтение». Поэтому на уроках русского языка и литературы современной профильной школы особое место занимают ниже указанные приемы:

- многосторонняя работа над текстом художественного произведения, подробный анализ на жанровое соответствие, а также работа с литературоведческим словарем; речевой портрет героя;
- разные формы пересказа (близкий к тексту, фрагментарный, аналитический, сжатый, комментированный);
- создание контекста к определенному факту, образу;
- редактирование текста с помощью внесения разного рода средств художественной выразительности;

- сравнительно-сопоставительный анализ художественных текстов по одной тематической направленности;
- сочинения разных видов и их качественный анализ (*сочинения по наблюдениям, по впечатлениям эмоционального характера (по литературному произведению, картине, спектаклю, фильму, по мотивам музыкальных произведений и т. д.), сочинения-стилизации (басня, сказка, фельетон, «Как писатель...», сочинение собственных рассказов и т. д.)*);
- стихосложение;
- ролевые игры и импровизации (*пересказ эпизода произведения от лица одного из героев, устная или письменная презентация книги, отзыв, рецензия, вступительная статья к литературному сборнику, комментарий к различным произведениям искусства, составление вопросов для интервью с художником, писателем, режиссером, актером и т. п.*);
- подготовка и защита проектов;
- подготовка и презентация исследовательских работ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что применение аксиологического подхода в преподавании русского языка и литературы в современных нам условиях успешно реализует наиважнейшие задачи:

- помогает создать положительные условия для самореализации, самоопределения учащихся, адекватного восприятия окружающего мира и себя в нем, формирование у школьников лучших морально-нравственных качеств (добро, красота, честность, вера) и личностных ценностей (творчество, компетентность, профессионализм, целеустремленность), которые непременно помогут жить в современном мире и найти свое место в нем;
- обеспечить условия для развития творческих способностей учащихся на уроках литературы;
- сохранить и укрепить психическое, физическое, духовное здоровье школьника.

Современное образование и заложенная в нем система ценностей формирует будущее: от того, что будет заложено в учащихся, зависит развитие национальной и духовной культуры, целеустремленной и зрелой личности и соответственно государства.

Смысл аксиологического подхода в обучении русскому языку и литературе может быть раскрыт через систему аксиологических принципов, к которым относятся: равноправие философских взглядов в рамках единой гуманистической системы ценностей при сохранении разнообразия их культурных и этнических особенностей; равнозначность традиций и творчества, признание необходимости изучения и использования учений прошлого и возможности духовного открытия в настоящем и будущем, взаимообогащающего диалога между традиционалистами и новаторами; экзистенциальное равенство людей, социокультурный прагматизм вместо бессмысленных попыток оспорить существующие ценности, диалог и сотрудничество единоличия и безразличия. Согласно данному подходу, одной из главных задач современного образования становится выявление гуманистической направленности педагогики, в том числе и литературы, ее отношения к человеку как ценности. Образование как один из аспектов развития культуры и духовности в этой связи приобретает особое значение, так как является, пожалуй, основным средством развития гуманизма в современном школьнике.

Можно выделить следующие ценности образования, которые рассматриваются на уроке литературы как раз при использовании аксиологического подхода:

1. Социальные ценности.

а) Жизнь как человеческая ценность. Общеизвестным фактом является то, что жизнь есть наивысшая человеческая ценность. Главная цель педагога при рассмотрении жизни как ценности на уроке литературы — воспитание бережного отношения к жизни и здоровью каждого человека, влияние на утверждение данного явления в обществе.

б) Природа как ценность. К сожалению, современность диктует нам быстрый ритм жизни, который не оставляет времени задуматься о том, что нас окружает. Здесь как раз уместен вопрос о разрушении ресурсов природы, которое, в общем-то, равняется с разрушением жизни человека, ведь именно в природе черпаем силы, богатства, позволяющие жить. Потребительское и безрассудное отношение к окружающей среде, давление на природу ведет к неминуемым последствиям — эко-

логическим катастрофам, исчезновению человека как вида. Поэтому воспитание ответственного отношения к экологии — одна из главных задач современного образования, лежащая на плечах, в первую очередь, учителя на уроках литературы, в частности.

в) Общество как ценность. Нельзя обойти стороной тот факт, что именно в обществе происходит становление жизни каждого индивида, самореализация, раскрытие способностей и возможностей, поэтому на сегодняшний день становится весьма актуальной идея формирования устойчивого общества, не стремящегося унижить, обидеть, оскорбить, а наоборот, стараться действовать таким образом, чтобы способствовать воплощению гуманизации, что позволяет осуществить аксиологический подход к литературе.

г) Семья как ценность. Одно из самых важных мест в жизни человека всегда отводилось семье. Именно в условиях семьи человеку предоставляется возможность осознать истинные ценности. Семья — главный источник сохранения и передачи общечеловеческих ценностей, в семье формируются основы любви, добра, блага, бескорыстия и доброжелательности, самоотверженности и солидарности. Ребенок только в семье видит социальную значимость каждого из родителей. Одной из самых серьезных психологических проблем становится отчуждение человека от семьи, а, соответственно, семейных ценностей. Ослабление функции семьи непременно ведет к ожесточению, бессердечию и эгоизму.

2. Нравственные ценности. Область нравственных ценностей широка, можно сказать, что она охватывает почти все стороны мировосприятия человека, его внутрисоциальные отношения. Нравственные ценности отражаются в том, что движет человеком в совершении тех или иных поступков. Добром здесь принято считать то, что не противоречит общепринятым канонам, то, что приносит благо, поэтому нельзя не сказать о проблеме нравственного выбора, заключающегося в определении для себя, что важнее: интерес, обстоятельства, результат или выгода. Формирование нравственных ценностей — это очень важный аспект современного образования, особенно на уроках русского языка и литературы.

3. Эстетические ценности. Эстетические ценности — еще один из аспектов формирования развитой, культурной и положительно настроенной личности. Они заключены в адекватном восприятии действительности и в умении видеть (даже в самом простом) что-то прекрасное, а также в умении понимать, переживать и наслаждаться. Основой эстетического является чувство прекрасного (прекрасным для каждого будет что-то свое), но это будет понимание особой красоты, гармонии, совершенности, и отличие в связи с этим явного безобразия, уродства, хаоса.

4. Труд как ценность. Труд — это определенного рода деятельность человека, направленная на преобразование, развитие и улучшение действительности. Труд является неотъемлемой составляющей каждого развитого физически и морально человека. Именно труд позволяет определить свою индивидуальность, особенность, талант, а также дает возможность самоутвердиться, выделиться и принести пользу не только себе, но и обществу в целом. Трудовая деятельность требует от человека применения волевых усилий, характера, которые должны помочь преодолеть разного рода сложности. От процесса занятия каким-либо трудом и по достижениям итогов и результатов труда человек обязательно должен испытывать удовлетворенность от своей деятельности. И, конечно же, именно образование внушает не только уважение к трудовой деятельности, но и ценностное к нему отношение, а также любовь к труду, который в определенный момент жизни должен стать привычкой.

5. Ценности гражданственности. Гражданственностью принято считать сознательное и заинтересованное участие граждан в управлении обществом и его формировании. Основой гражданских ценностей является правосознание, заключающееся в том, что каждый гражданин должен осознает свою роль в государстве, знает свои права и обязанности, умеет защищать себя законодательно и четко выполняет свой гражданский долг.

Одним из главных требований к образованию Закон РФ «Об образовании» считает «формирование человека и гражданина, интегрированного в современное общество и нацеленного на совершенствование этого общества» (статья 14).

Именно поэтому в условиях воспитания ценностного отношения к миру, его адекватному восприятию, а также при формировании устойчиво развитой, культурной и духовной личности, на первый план встает аксиологический подход — системно-ценностный подход, позволяющий

через современные приоритеты, основанный на традиционных и новых ценностях образования, подчеркнуть центральное положение человека в педагогической системе [13]. Он направлен, в первую очередь, на формирование общечеловеческих и национальных ценностей у учащихся.

Формирование и развитие на уроках русского языка и литературы тех или иных ценностей приводит к появлению разных типов образования. Первый тип (традиционный) характеризуется наличием адаптивной практической направленности, т. е. стремлением ограничивать содержание общеобразовательной подготовки минимумом сведений, имеющих отношение к обеспечению жизнедеятельности человека. Второй (инновационный) — основан на широкой культурно-исторической ориентации. При таком типе образования предусматривается получение сведений, которые заведомо не будут востребованы в непосредственной практической деятельности. Оба типа аксиологических ориентаций неадекватно соотносят реальные возможности и способности человека, потребности производства и задачи образовательных систем.

Литература:

1. Агапова Л. А. Роль читательских компетенций в развитии представлений школьников (на материале мифа и библейских текстов) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2012. — Т. 18. — № 2. — С. 117–121.
2. Акшабаева Р. Ч. Образцы низшей славянской мифологии в русской литературе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://almatylit.ucoz.ru/publ/russkij_jazyk_i_literatura_v_shkole/razrabotki_urokov/obrazy_nizshej_slavjanskoj_mifologii_v_russkoj_literature/30-1-0-386
3. Артамонов С. Д. Литература Древнего мира: книга для учащихся старших классов. — М.: Просвещение, 1988. — 254 с.
4. Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. — М.: Просвещение, 2012. — 638 с.
5. Ачина Е. Методическая разработка «Античная мифология на уроках литературы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zavuch.ru/methodlib/162/88400/#sthash.mcwFYY9g.dpuf>
6. Барт Р. Мифологии / пер. С. Зенкина. — М.: Академ. проект, 2014. — 351 с.
7. Белова И. Т. Разработка урока с презентацией по теме: «Мифы народов мира» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/01/14/mify-narodov-mira>
8. Белякова Г. С. Славянская мифология: книга для учащихся. — М.: Просвещение, 1995. — 240 с.
9. Бражкина Н. А. Формирование понятия о мифе в 5–6 классах: автореф. дис ... канд. пед. наук. — Самара, 2002. — 20 с.

Ermakova Y. D.
ermakovaud@bk.ru
Secondary school № 9

Traditional and Innovative Aspects of School Education Content in an Axiological Approach to Teaching Russian Language and Literature

The article considers the axiological approach as one of the methods of studying the Russian language and literature; presents the role of a teacher in a lesson with an axiological approach to studying the disciplines of the humanitarian cycle, as well as traditional and innovative aspects of the content of school education with an axiological approach when studying the Russian language and literature.

Keywords: axiology, Russian language, object, value, schoolboy, morality, education, type of education, values of education, culture.

Традиции жанра жития в повести Л. Толстого «Отец Сергей»

В статье рассматривается проблема осмысления Л. Толстым традиции древнерусской житийной литературы с точки зрения его мировоззренческих исканий и их претворения в поэтике его художественных произведений.

Ключевые слова: особенности поэтики древнерусских житий, нравственно-философский поиск и художественная практика в наследии Л. Толстого, типологические связи житийных памятников и прозы Л. Толстого.

В последние годы отечественное литературоведение обращается к серьезному научному исследованию литературных и публицистических произведений Толстого с точки зрения традиции древнерусской литературы в поэтике его художественных произведений (Галаган Г. Я., Николаева И. В., Ремизова В. Б., Гулина А. В., Салманова А. Ф., Городецкая А. Г., Переверзева А. Н. и др.). Серьезный и широкий спектр исследования, осуществленный учеными, в целом имеет единодушное мнение о принципиальном отталкивании Толстого от житийных канонов. Однако представляется, что не все моменты в художественной природе и мировоззренческой основе наследия Толстого были учтены. Кроме того, необходимо учитывать степень и характер влияния древнерусских текстов на Толстого.

Известно, что Толстой состоял в сложных отношениях с православием, вынашивал свое религиозно-нравственное учение. Однако всегда сомневался в верности выбранного пути, сознавая: «Художник для того, чтобы действовать на других, должен быть ищущим, чтобы его произведение было исканием. Если он все нашел и все знает и учит или нарочно потешает, он не действует». 1) Обращение к традиции древнерусских житий подтверждает поиски истины, неуспокоенность на достигнутом.

Изначально жанр жития «...служил укреплению авторитета новой религии...на примерах жизни конкретных людей воспитывал стремление следовать нормам христианского морального идеала». 2) Однако известно, что оригинальность древнерусской литературы заключалась в «соединении» общественного, нравственного и религиозного идеалов в единый и неразделимый сплав». 3) Обращение Толстого к житийному наследию состоялось в русле его нравственно-философского поиска «правды жизни», высшей правды и справедливости в онтологическом масштабе. По-видимому, это обстоятельство делает возможным говорить о типологическом сходстве толстовской повести и житийных памятников.

Литературоведы отмечают в качестве источников для «Отца Сергия» жития Иакова Постника, Мартиниана и протопопа Аввакума, эпизод искушения блудницей из житий старца Философа и Арсения Великого, историй Скитского патерика, поучений Пролога. История жизни князя Касатского внешне тяготеет к каноническим житийным образцам: рассказ о достойных родителях, детстве, испытаниях судьбы на жизненном пути, обративших героя к Богу, жизнь в монастыре, затворничество в скиту, используются и сцены искушения блудницей и мотив чудесного. Однако, следование внешней схеме сочетается с внутренней полемической направленностью.

Толстой вовсе не стремится критиковать монашеский уклад, институт праведничества. И хотя отец Сергей наделен всеми приметами православного подвижника (ученик оптинских старцев, аскет, затворник, чудотворец), писатель отчетливо дает понять, что его герой одержим гордыней и сомнением. Припомним, что главной целью своей жизни с младенчества Касатский ставил «достигать совершенства и успеха, вызывающего похвалы и удивление людей». 4) И во время учебы в кадетском корпусе, и во время службы в кирасирском полку его жизнь наполняло одно — «стремление отличиться» [1, с. 546], быть первым. Даже в выборе невесты Касатский руководствуется желанием проникнуть в «высший круг» общества, свет. К счастью, девушка оказалась еще

и привлекательна, и Касатский искренне влюбился. Известие о связи его невесты с императором Николаем оскорбляет его как влюбленного, как порядочного человека. Вполне объяснимой выглядит его поведение после крушения идеала женского и монархического: он уходит со службы, запирается в деревне, чурается общества. Но дальнейшее решение — уйти в монахи — мотивируется не ожидаемым разочарованием в жизни суетной светской, но желанием показать, «что презирает все то, что казалось столь важным другим», встать на новую высоту, «с которой он мог сверху вниз смотреть на людей» [1, с. 550]. Хотя Толстой замечает, что присутствовало и «истинно религиозное» чувство, вызванное крайней степенью отчаяния.

Моменты обращения к Богу как следствие отвращения от греховности мира нередки в житийной литературе. Однако в противовес отрешенности, погружению в мир духовного служения, свойственного монахам, Касатский «старался быть совершенным» (выделено мною. — Н. Д.), не понимая, «зачем надо слышать несколько раз в день те же молитвы», «моллился телом, души не было» (выделено мною. — Н. Д.). Главное, сомнения в верности выбранного пути преследовали его постоянно, все чаще он испытывал «раскаяние в своем обращении», «жил не во своей воле, а по воле старца» [1, с. 552]. На седьмой год жизни в монастыре Сергию стало скучно. Важно, что разочарование в монашестве настигает Сергия по причине, абсолютно не имеющей отношения к духовному подвижничеству: «чего надо было достигнуть, — он достиг, и больше делать было нечего». Духовно-нравственный тупик Сергия объясняется прежде всего тем, что его поиск совершается вовсе не в религиозной плоскости, а по-прежнему в сфере светских амбиций. Переход его в столичный монастырь сообщил его жизни некоторый интерес, потому что в нем соблазнов «всякого рода было много» и отца Сергия увлекает борьба с ними [1, с. 552]. Толстой переосмысливает мотив искушения традиционный для житийного героя, представляя поведение Сергия не как проявление душевной крепости, незыблемости обета, но как вспышку гордости, страха за себя перед соблазнами. На помощь душевной слабости Сергия опять приходит оптинский старец. Внешне наш герой движется по пути все большей аскетичности — он становится затворником. Толстой акцентирует внимание на предельной строгости жилища Сергия: пещера, выкопанная в горе, «ниша для спанья с соломенным матрацем, столик и полка с иконами и книгами» [1, с. 556].

Для поэтики древнерусских житий свойственен абстрактный психологизм, при котором «... герои ... характеризуются через свои поступки и действия, а не через изображение душевных состояний и размышлений», человек наделяется «не внутренними переживаниями, а внешними проявлениями его изначальной заданности: праведник последовательно праведен, грешник — грешен». 5) Толстой не пишет о том, как прошли годы отшельничества для Сергия, лишь отмечает, что прошло шесть лет. Этот период для внутреннего состояния отшельника стал временем непрекращающейся борьбы с соблазном: «сомнение и плотская похоть». Толстой, в отличие от житийной традиции, делает своего героя неоднозначным. Внешне суровый и аскетичный отец Сергей не просветлен, а мрачен и раздражен. Его одолевают сомнения в истинности избранного пути, в оправданности своей жертвы радостями мира ради того, чего «нет, но может быть» [1, с. 558]. За долгие годы одиночества Сергей научился судить себя строго и беспристрастно, словно глядя со стороны. Оглядываясь на свой путь подвижничества, что примечательно, он отмечает, что всегда стремился к внешнему благообразию: величественный вид, который он держал в монастыре, внешнее благочестие, свои иступленные молитвы, поддерживающие «веру на колеблющейся ножке» [1, с. 559]. Сергей осознает: «Это обман. Но других я обману, а не себя и не Бога» [1, с. 558]. Телесная сторона жизни — воспоминания о плечах вдовы, с которой он жил прежде, жар похоти, охватывающий его, жалкий вид собственного исхудавшего тела, успокаивающий ритм движений молитвотворения — занимают сознание отшельника, а вовсе не духовные воспарения.

Мотив искушения, традиционный для жанра жития, используется Толстым дважды. В первом случае появление Маковкиной Сергей воспринимает на привычном для него чувственном уровне: звук колокольчика приближающейся тройки, нежный тембр голоса женщины, вид ее милого, доброго испуганного лица, взгляд, «которым они обменялись», объяснивший, что они «понятны друг другу» [1, с. 560], и наконец, их непосредственная встреча, запах ее духов. Отец Сергей отчетливо понимает для чего она пришла, у него, в отличии от героев житий, нет сомнений в том, что это женщина, а не дьявол. И так же отчетливо он понимает, что это для него «погибель». Значимо, что в поисках выхода из роковой ситуации отец Сергей обращается к традиции святых отцов — че-

рез истязание плоти избежать искушения. По аналогии со святым Иаковом Пустынником — для собственного укрепления отрубает себе палец. Слова, с которыми он обращается к Маковкиной, исполнены высокого проповеднического смысла: «Милая сестра, за что ты хотела погубить свою бессмертную душу? ... Молись, чтобы Бог простил нас». Автор подчеркивает, что не смотря на внутренние сомнения и борьбу со страстями, герой пытается следовать канону святой жизни, преодолевая свои слабости. Не случайно автор акцентирует внимание на последствиях этой встречи с Сергием для Маковкиной. В прошлом «грешная женщина» под влиянием далеко не идеального проповедника обращается в лоно церкви, принимает постриг в одном из монастырей.

Второй эпизод искушения в жизни Сергия представляет героя в несколько ином свете. Прошедшие до этого семь лет он провел в еще более строгой аскезе и трудничестве. Его внутреннее состояние по-прежнему противоречиво, но теперь в герое доминирует стремление к «божественному свету истины», сосредоточенности на молитве, уединении. Мир внешней, мирской жизни тяготит его. Уступая просьбам, он выходит к людям для благословления или исцеления, но мучится тем, что «внутреннее переходило во внешнее, как иссякал в нем источник воды живой» и все, что он делает, «все больше и больше для людей, а не для Бога» [1, с. 567].

Углубляя впечатление о произошедших в герое изменениях, Толстой вводит еще один традиционный для житийного жанра мотив — мотив чудесного. Однако и с этим мотивом автор экспериментирует. Чудеса, творимые Сергием, представлены как происходящие помимо его воли, из-за фанатичной веры людей в его духовную силу. Первое чудо — исцеление мальчика — он сотворил, чтобы исполнить требование матери, убежденный, что «вера ее может спасти ее сына; сам же он ... ничто иное как *ничтожное орудие, избранное Богом*» (выделено мною. — Н. Д.) [1, с. 566]. И в дальнейшем также, не отказывая в просьбах, «накладывал руку и молился, и исцелялись многие» [1, с. 567]. Радуюсь своему влиянию на людей, он вместе с тем переживает «потухание божественного света истины, горящего в нем». Удивляясь тому, что он, Степан Касатский, стал «таким необыкновенным угодником и прямо чудотворцем», он вместе с тем с радостью осознавал это. Творя молитвой чудеса «для других», он «для себя не мог выбросить у Бога освобождения от этой ничтожной страсти», страсти тщеславия [1, с. 573].

Второй эпизод искушения происходит в период усталого разочарования отца Сергия в служении людям, которые, в его восприятии, «затолкли» его «ключ воды живой», который тек через него в уединении. Фанатичная потребительская вера суетных людей мешала его духовному укреплению. Сцена падения отца Сергия предваряется живописной картиной весенней природы. Запах черемухи, шелканье соловьев, свет солнца, песня, доносящаяся с реки — все очарование живого мира нарушает строгую мерность молитвы Сергия: «Он читал молитву, в которой говорил о своем отречении от мира, и торопился поскорее прочесть ее, чтобы послать за купцом и его дочерью». Неожиданно, оглянувшись на годы своего затворничества, он вдруг осознал, что прежней чистоты, смирения, любви в нем нет. И вновь проснулись сомнения в истинности выбранного пути: «Что как я стучусь у запертого снаружи дома... Замок на двери, и я мог бы его видеть. Замок этот — соловьи, жуки, природа». Дальнейшая сцена греховного падения Сергия ассоциативно восходит к сцене соблазна из Жития Макария Римлянина. Но если в Житии Макария сцена греховного совокупления решена в метафорическом ключе, то Сергий, уставший от борьбы за бесплотную веру, отдается наваждению, осознавая свое падение, не имея сил сопротивляться ему.

В работах, посвященных повести «Отец Сергей», традиционно трактуют решение образа отца Сергия как развенчание Толстым института монашества, дискредитацию феномена праведничества (Галаган Г. Я. «Л. Н. Толстой. Художественно-этические искания»; Никитина В. А. «Богоискательство» и богоборчество Толстого» и др.). Однако имеет место и иная трактовка авторской позиции, с учетом особенностей религиозно-нравственных исканий Толстого (Николаева Е. В. Жанр народного рассказа в творчестве Льва Толстого» // Жанровое своеобразие произведений русских писателей XVIII–XIX веков; Назаров В. «Метафоры непонимания: Толстой и Русская Церковь в современном мире»). Представляется убедительной точка зрения исследователя Тарасова А. Б., утверждающего, что «Толстой через свое художественное творчество дает анализ качества духовной жизни человека». Мерилом этого качества для Толстого, по мнению ученого, является праведничество. Феномен праведничества имел огромное влияние на общественную и духовную жизнь как в Древней Руси, так и в новое время. По мнению ученого, в гносеологическом

плане «праведничество открывает человеку его глубинные ресурсы, необходимые для преодоления социального эгоизма и для обретения способности позитивно влиять на все стороны жизни, а в «онтологическом аспекте праведничество свидетельствует о глубинной открытости праведника социальной жизни, об эффективном служении обществу в целом и конкретным окружающим людям в частности», и в этом служении «задействованы все жизненные уровни человека: духовный, душевный и материально-телесный». б) Последующее развитие сюжета рассказа демонстрирует авторское понимание праведничества как деятельное участие в жизни, служение людям делом и примером трудового послушания. Визит к Пашеньке, в образе которой проступает облик Юлиании Осорьбиной, и покаяние перед ней, стоически несущей свое служение близким, в авторской концепции, является освобождением для Сергея от гордыни и ложно понятого религиозно-нравственного долга. Не случайно поступок этот мотивируется сном-видением, так же традиционным для героя жития. Важным является и мотив пути, в который отправляется Сергей, обрамляемый картиной расстилающихся перед путником новых пространств. Путь Сергея — путь освоения не только новых пространств — от центральной России до Сибири, не только открытие новых форм служения людям («советом, или грамотой, или уговором ссорящихся» [1, с. 586]). Это стало для Сергея и путем восстановления духовной силы, возвращением к Богу. Финал рассказа, часто трактуемый в толстоведении как развенчание Толстым феномена праведничества, в концепции Толстого логичен для героя, открывшего, что служение людям, умножение добра в мире и есть посвящение себя Богу. Труд на земле, воспитание детей, уход за больными, которым посвящает себя Сергей, в концепции Толстого — свидетельство духовного взросления героя, поскольку граница между праведностью и неправедностью для Толстого «проходила в другом месте, там, где покаяние и смирение не принципиальны и не важны». Потому древнерусские мотивы и формы наполнялись в творчестве Толстого его собственным религиозно-нравственным содержанием.

Литература:

1. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. — М., 1928–1958. — Т. 54. — С. 74.
2. Минеева С. В. Истоки и традиции русского агиографического жанра // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. — 2000. — № 1. — С. 217.
3. Там же, с. 218.
4. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. — М., 1928–1958. — Т. 31. — С. 545.
5. Николаева И. В. Жанр народного рассказа в творчестве Льва Толстого // Жанровое своеобразие произведений русских писателей XVIII–XIX веков. Сб. науч. трудов. — М., 1980. — С. 68.
6. Тарасов А. Б. Феномен праведничества в художественной картине мира Л. Н. Толстого: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — URL: <https://www.dissercat.com/cart>
7. Там же.

Dergunova N. G.

natalia.dergunova@gmail.com

Russian New University

Traditions of the genre of life in the story of L. Tolstoy “Father Sergius”

The article deals with the problem of L. Tolstoy’s comprehension of the tradition of ancient Russian hagiographic literature from the point of view of his ideological searches and their implementation in the poetics of his artistic works.

Keywords: features of the poetics of ancient Russian lives, moral and philosophical search and artistic practice in the legacy of L. Tolstoy, typological connections of hagiographic monuments and prose of L. Tolstoy.

Изучение произведений узбекских писателей в классах с русским языком обучения

В своей статье я решила проанализировать процесс изучения произведений классиков узбекской литературы в классах с русским языком обучения, как можно заинтересовать учащихся при их изучении, какими приемами можно пользоваться на уроках литературы.

Ключевые слова: классики узбекской литературы, Абдулла Каххар, молодое поколение.

В связи с тем, что в настоящее время, когда не только наша страна, но и весь мир следует по пути интенсивного развития, в век информационных технологий, важной задачей стало прославление духовности, истории, культуры, быта, нравов нашего народа посредством литературы. Перед современным педагогом стоит проблема освещения «актуальных вопросов изучения классической узбекской литературы».

На уроках литературы мы стараемся нестандартно подходить к творчеству и произведениям узбекских писателей-классиков. В результате у учащихся появляется не только интерес к их творчеству, но и формируется представление о тех периодах времени, о которых рассказывается в том или ином произведении, они изучают «жемчужины» узбекской литературы, высказывают свои ценные мысли, сопоставляют их с произведениями классиков других народов.

Можно позавидовать условиям, созданным в вашей стране для молодежи. Им предоставлены все условия для учебы. Учащимся хорошо известны выдающиеся представители классической узбекской литературы. Например, я бы хотела остановиться на творчестве моего любимого писателя Абдуллы Каххара. Важная особенность его произведений заключается в том, что в его лучших образцах основное значение придается воспитанию человека. Именно через его произведения мы можем наглядно преподнести ту культуру, которую в себе хранит узбекский народ.

При помощи художественных образов писатель стремится воссоздать у читателя ту атмосферу, в которую хотел направить и их. Он владел высоким художественным мастерством и заметен его вклад в развитии узбекской национальной новеллистики. Язык А. Каххара богат пословицами и поговорками, что позволяет вызвать интерес у учащихся к тому или иному моменту в произведении. Взять, к примеру, новеллу «Воры». Там писатель использовал более десяти пословиц, которые мастерски и к месту использованы им. Во время урока учащимся можно будет давать задания разного уровня, касающиеся этих пословиц. Можно провести различные викторины, в которых анализируется использование этих пословиц, а именно: соответствие их содержанию произведения. В конце можно учащимся дать задание написать эссе по произведению. Они творчески подойдут к таким заданиям.

Очень своеобразна сатира и юмор писателя. При анализе его сатирических произведений смело можно провести параллель между его героями и героями произведений выдающегося русского писателя А. П. Чехова, чьи произведения он перевел на узбекский язык и кого он считал своим учителем.

Наряду с сатирой и юмором в его произведениях присутствует и печаль, но автор мастерски уводит читателя от этой печали, и ученики это чувствуют.

Темы и сюжеты свои он находил в окружающей действительности, герои — простые люди со свойственными им характерами, они связаны с обычаями, традициями, бытом, нравами того общества, в котором они живут. Когда читаешь его произведения, невольно совершаешь путешествие в то далекое время, в котором жил и творил этот великий мастер слова.

А. Каххар хорошо известен и как драматург. Старшеклассники воспринимают произведения писателей при помощи инсценировок, что способствует не только восприятию, но и активному участию в учебном процессе. Так как у писателя маленькие сатирические рассказы, они, во-первых, быстро читаются, во-вторых, можно легко инсценировать, а в-третьих, можно уложиться за один урок.

Писатель хорошо знал родной язык и характер своего народа, что отчетливо наблюдается во всех его произведениях. Читая его произведения, мы невольно чувствуем эту его любовь.

Я думаю, что молодые люди, к какой бы нации они не принадлежали, в первую очередь должны быть воспитанными, и в воспитании нынешнего поколения изучение произведений узбекских классиков играет огромную роль. Ведь только воспитав молодое поколение в духе патриотизма и любви к родной земле, мы сможем достичь той цели, к которой стремимся.

Чтение — поколений связующая нить

Основными тенденциями последних лет можно назвать утрату роли чтения в обществе, падение престижа образования и знаний, ориентация на не книжные формы культуры. Чтение в наши дни больше ориентируется на удовлетворение информационно-прагматических потребностей, а не общекультурных, эстетических, эмоциональных. В результате массовых и постоянных мероприятий по мотивации чтения, в том числе семейного, работы сайта <https://icmyngng.blogspot.com>, повышается количество обращений за художественными и популярными изданиями.

Ключевые слова: русский язык, литература, семейное чтение, культура.

Негативным фактором в формировании читателя является и утрата традиций семейного чтения. На современном этапе развития общества в большинстве семей книга перестает быть темой для разговора, исчезают домашние библиотеки. Такое положение крайне негативно сказывается на духовном климате семьи и не способствует формированию ребенка-читателя.

Современная ситуация, сложившаяся в обществе, характеризуется падением престижа чтения и библиотек в целом среди детей и молодежи. Утрачиваются традиции семейного чтения: в 70-е годы регулярно читали детям в 80% семей, сегодня только в 7%. Снижается интерес населения к печатной прессе, растет невзыскательность вкуса и предпочтений в области чтения, ухудшается владение родным языком, снижается уровень грамотности населения. Все это неизбежно ведет к быстрой культурной деградации общества, к снижению уровня общекультурной и профессиональной компетентности населения. Определенное снижение интереса к чтению детей и подростков — это сегодня общемировая тенденция.

На основе многолетнего изучения и обобщения опыта приобщения к чтению совместно с кафедрой учителей русского языка и литературы в 2017 году был разработан долговременный проект «Чтение — поколений связующая нить».

Наладить работу с каждым ребенком, чтобы с малых лет он получал радость от чтения, от непосредственного общения с книгой дома, в школе — вот первоочередная задача, которая стоит перед родителями, учителями, библиотекарями.

Свою работу мы начали в 2019 году с проекта «Эхо войны в моей семье», передавшего эстафету юбилейному 2020 году — 75-летию Великой Победы. Классные коллективы гимназии собрали большой материал, посвященный участникам войны и ветеранам тыла, представленный в виде книг-альбомов классов на русском языке. В 2020 году альбом-книга воспоминаний учащихся 8 В класса участвовала в городском конкурсе «Война в истории моей семьи». Работы Васильева Айхала, Романовой Дайааны, Михайлова Артемия и других были признаны одними из лучших и включены в городскую книгу воспоминаний школьников. В 2020 году в связи с особыми условиями работы вся деятельность приняла виртуальные формы: был организован виртуальный музей «Дедушкина награда»; прошли видеочтения солдатских писем, стихотворений о войне советских и российских авторов.

В 2017 году в рамках Всероссийского проекта, по инициативе Якутского регионального отделения Движения «Матери России» с целью формирования в обществе позитивного имиджа читающей матери, духовного объединения матери и ребенка, улучшения семейных взаимоотношений и популяризации лучшего педагогического опыта воспитания детей в семье средствами книги и чтения проводился ряд мероприятий, в том числе республиканский конкурс «Читающая мама — читающая нация». Семья Кривогорницыных (Екатерина Анатольевна с дочкой Анна-Марией, ученицей 4 класса) заняла 1-е место и была награждена путевкой во Всероссийский лагерь «Океан».

В рамках проекта «Вызов-Книга» Легантьева Т. Г., артистка Саха театра, родительница гимназии, в 6 Б классе читала рассказ О'Генри «Дары волхвов» в образе героини Деллы, что стало одним из незабываемых моментов для школьников, когда рекомендация к чтению была проведена родительницей необычным приемом.

Каждый год традиционно проводится конкурс самодельных книжек собственного сочинения, лучшие из которых принимают участие в муниципальных и республиканских конкурсах, где становятся победителями и призерами. К празднованию юбилейных дат писателей ежегодно проводятся семейные праздники песни и стихов «Стихи, окрыленные музыкой», где семьи читают стихи и исполняют песни на стихи юбиляров.

Вошли в традицию ежегодные семейные конкурсы «Читающая семья», посвященные юбилейным и знаменательным датам писателей и общества. Каждый год мы проводим Библио-День с массой интересных и разнообразных мероприятий, мотивирующих к чтению, рекламирующих различные хобби детей, родителей, учителей, ЗОЖ.

Весной 2020 года Министерство образования РС(Я) совместно с НВК «Саха» осуществили мультимедийный проект «Уроки на НВК «Саха», который позволил выпускникам качественно подготовиться к экзаменам. В нем приняла участие учитель русского языка и литературы нашей гимназии Илларионова В. И. с циклом уроков русской литературы, где применила презентации, подготовленные ИЦМ. Учительница использовала различный материал, включая экспонаты школьного музея, чтобы заинтересовать обучающихся, привлечь их к чтению классической литературы, повторить пройденные темы.

В результате массовых и постоянных мероприятий по мотивации чтения, в том числе семейного, работы сайта <https://icmyng.blogspot.com> повышается количество обращений за художественными и популярными изданиями. В последнее время растет посещаемость сайта за счет чтения по ссылкам, выполнения Google-тестов и Online Test Pad по прочитанным произведениям.

Улучшается культура чтения учащихся, степень участия в конкурсах чтецов города и республики, в конкурсах сочинений, Всероссийском конкурсе сочинений, семейного выразительного чтения, интеллектуальных конкурсах «Мудрая сова», «Читающая мама — читающая нация» и др. По итогам 2020 года ИЦМ присуждена номинация «Лучший педагог семейного чтения».

Таким образом, совместные инновационные проекты, на наш взгляд, имеют свои положительные результаты, если в процессе семейных чтений реализуются как психологическая, так и социальная функции общения, что в целом ведет к всестороннему развитию личности.

Литература:

1. Проект сотрудничества с родителями «Семейное чтение». — URL: <https://infourok.ru/proekt-sotrudnichestva-s-roditelyami-semeynoe-chtenie-1151350.html>
2. Семейное чтение как источник формирования интереса к книге и духовного обогащения семьи. — URL: <https://www.maam.ru/detskijasad/semeynoe-chtenie-kak-istochnik-formirovaniya-interesa-k-knige-i-duhovnogo-obogascheniya-semi.html>
3. Традиции семейного чтения как средство развития интереса ребенка. — URL: <https://infourok.ru/material.html?mid=68520>
4. Семейные чтения: уходящая традиция или вечная ценность? — URL: <http://www.ya-roditel.ru/parents/base/lecture/semeynye-chteniya-ukhodyashchaya-traditsiya-ili-vechnaya-tsennost/>

Soloveva Anna Afanasievna

solannaaf@mail.ru

Burnasheva Oxana Vasilievna

burokvas@mail.ru

Yakutsk city national gymnasium named after A. G. and N. K. Chiryayevs

Reading is the connecting thread

The main trends of recent years include the loss of the role of reading in society, the decline in the prestige of education and knowledge, and the focus on non-book forms of culture. Reading nowadays is more focused on meeting information and pragmatic needs, rather than general cultural, aesthetic, and emotional ones. As a result of mass and constant events to motivate reading, including family, the work of the site <https://icmyng.blogspot.com>, the number of requests for art and popular publications is increasing.

Keywords: russian language, literature, family reading, culture.

Контекст и семантика относительного прилагательного

В данной статье рассматривается вопрос о влиянии контекста на семантику относительных прилагательных. Отмечается, что определение в значение имени вносит субъективный компонент. Употребление относительных прилагательных отражает субъективный взгляд автора (метафору сравнение), поэтому для их понимания очень важен контекст. Значение относительного прилагательного зависит от семантической наполняемости определяемого существительного и содержания более широкого контекста.

Ключевые слова: актуализация значения, относительное прилагательное, контекст, контекстовая функция.

Семантика лексической единицы реализуется только в контексте. Необходимо отметить, что у слова имеется как бы два параллельных значения: сигнификат на уровне языка и дискурсное значение на уровне речи.

В научных трудах лингвистов отмечается, что при толковании слова необходимо учитывать все лингвистические указания текста. Д. Н. Ушаков указывал на возможность появления нового слова именно в контексте. Некоторые лингвисты выводили зависимость определенности семантической значимости слова от конкретной ситуации. Развитием этого положения можно считать позицию В. Н. Кодухова, который считает главной функцией контекста актуализацию значения, «необходимого для включения единицы в акт коммуникации, для выражения и передачи внеязыковой информации» [2, с. 16].

Для семантики относительного прилагательного контекст играет огромную роль. Можно сказать, что семантика относительного прилагательного определяется только контекстом, если принять определение Г. В. Колшанского: «контекст есть прежде всего грамматически организованное единство, в котором реализуется семантика единиц всех уровней» [3, с. 35].

Действительно, если, помня о зависимости семантики относительного прилагательного от семантической наполняемости определяемого существительного, принять структуру прилагательное + существительное за *минимальный контекст*, который «приводит в соответствие значение уточняемого, детерминируемого, и уточняющего, детерминирующего», то это положение будет соответствовать языковой действительности. По мнению И. С. Кругликовой, контекст в этом случае «внутренне организуется семантическим вектором, который направляется от ключевого слева, или слов, к слову, значение которого нуждается в определении. Таким образом, сочетание существительного с прилагательным квалифицируется И. С. Кругликовой как «контекст прилагательного» [4, с. 35].

Однако семантика относительных прилагательных часто зависит не только от семантики определяемого, но и более широкого контекста. Здесь возникает проблема *объема контекста*, то есть количества самостоятельно значимых единиц, необходимых для раскрытия содержания детерминируемого члена.

При анализе семантики относительного прилагательного, представленного в разных контекстах, встает вопрос о квалификации этих явлений как *полисемичных*. Лингвисты, рассматривая выражение «*снежные городки*» и «*снежные пушки*», считают их семантически близкими, хотя подчеркивают, что только в предложении они получают различие или *омонимичных*. Мы придерживаемся того мнения, что в данном случае возникает так называемый открытый омонимический ряд, открытый в том смысле, что невозможно предвидеть, *что* будет вовлечен данный знак игрой ассоциаций. Особое значение последнее положение приобретает при определении семантики сигнально-определяющего слова. Отсутствие собственной номинативной значимости у этих единиц обеспечивает им самый широкий реестр возможных значений. С этой точки зрения, информативная ценность собственно относительного прилагательного, которое стало сигнально-определяющим словом, низка и, следовательно, увеличивается зависимость таких единиц от контекста: чем больше объем значения, тем меньше информативная ценность единицы и тем больше может быть объем

контекста. Контекст, необходимый для определения семантики относительных прилагательных, может быть реальным или мыслимым. В некоторых учебниках характеризуют такие прилагательные как эллиптические преобразования многословных описательных оборотов. Данная характеристика вызывает сомнения, Элипсис — принадлежность разговорной речи. По определению Ш. Баяли, это «знак, который фигурирует в предшествующем или последующем тексте» [1, с. 143]. Но сигнально-определятельные слова — реальный факт языка.

В этих единицах нет четкой согласованности между означаемым и означающим. Здесь действует сосюровский принцип, когда «языковые реальности обнаруживаются... в потенциальных ассоциациях, хранимых в памяти, т. е. в мнемонических ассоциациях. По мнению лингвистов, в основе этих ассоциаций лежат дискурсивные ассоциации, и они часто подсказываются контекстом.

Лингвисты пишут, что эти сочетания выражают случайные, ситуативные связи между предметами. Однако нельзя их сводить только к явлениям разговорной речи.

Относительные прилагательные дают тот самый семантический эффект, который И. С. Кругликова квалифицирует как актуализацию, в отличие от моносемантизации и спецификации. Под семантическим эффектом понимается максимальная контекстовая функция, которая «превращает значение в содержание конкретного слова, ориентированного на конкретный речевой акт. Актуализация возможна только в контексте [4, с. 35]. Действительно, чтобы определить семантику относительного прилагательного *зеленый* в такой, например, структуре, как *зеленый директор*, мало семантики определяемого *директор*. Также недостаточно и контекста-предложения: «Зеленый, облаченный в черные нейлоновые доспехи велосипедиста, директор». В данном случае необходим более широкий контекст: зеленая страна Суоми, где чистая, неиспорченная природа, живет по законам зеленой философии, т. е. по законам, не разрушающим природу, частью которой является человек. Именно эту идею несет в себе развернутая номинация *зеленый директор*, «зеленый директор» как «принявший зеленую философию».

Отметим, что контекст может уточнять значение слова, выдвигать вперед одно или другое из его значений и даже развивать дальше определенное, конкретное значение слова. Эти положения высказаны в русле направления, рассматривающего относительные прилагательные как явления полисемии. Именно такое понимание лежит в основе *контекста функционирования* В. Н. Кодухова, в котором содержатся условия реализации и актуализации значения языковых единиц. Подчеркнем еще раз, что мы относим ряд относительного прилагательного к явлениям омонимии [2, с. 19].

В нашей статье семантическая квалификация относительного прилагательного основана на учете, во-первых, семантической наполняемости определяемого существительного и, во-вторых, контекста, под которым понимается «отрезок текста, вычлененный и объединенный языковой единицей, которая функционирует в нем, выявляя свое значение».

Мы принимаем два вида контекстов: микро-, предложение-высказывание, и макро-, текстовой контекст.

Именно в предложении-высказывании сигнально-определятельные слова получают семантическую определенность. Рассматривая высказывание как высший уровень номинации, надо отметить, что оно охватывает всю лексическую организацию предложения во взаимодействии с синтаксической. Высказывание находится на уровне интеграции всех различных других уровней, выделяемых в процессе анализа языка, на уровне завершеного семиотического акта. При анализе семантики сигнально-определятельных слов необходимо помнить, что слова многозначны, а конкретное высказывание однозначно. Взятые вне контекста, вне предложения, сигнально-определятельные слова могут иметь любое содержание.

В представленном ряду первые две номинации содержат относительное прилагательное *курительный* для определения семантики которого достаточно семантической наполняемости определяемого существительного. Последняя номинация содержит в своем составе сигнально-определятельное слово, семантика которого разъясняется только в контексте: в данном случае под этим выражением подразумевается сигарета, а в другом контексте это могут быть и трубки для курения, так как информативная ценность выражения *курительная единица* максимально низка, и именно это придает ему динамичность.

Остановимся на вопросе *семантической общности слов*. Некоторые исследователи обращают особое внимание на связь семантики и синтаксических функций лексической единицы. В научных

трудах по лексикологии отмечается, что любое лексическое значение должно обладать способностью функционировать в роли члена предложения. Е. Курилович рассматривает это на более абстрактном уровне: каждая часть речи имеет неотмеченную синтаксическую функцию, присущую только ей. Т. А. ван Дейк рассматривает эту связь в контексте ситуации: «...синтаксические функции (субъект, непрямой объект и т. д.) связаны с семантическими функциями и распределением участников в прагматической ситуации», а «выбор слов (в общем случае) связан с соответствующими концептами и, следовательно, с возможными референтами» [1, с. 147]. В некоторых научных работах исследователи отмечают, что семантическая общность слов существует еще до акта высказывания. Они выдвигают гипотезу, что необходимой составляющей содержания лексической единицы является *информация* об условиях использования этой единицы в тексте. В каком-то отношении эта позиция сходна с точкой зрения Г. В. Колшанского: «Каждое слово имеет характерный *только для него контекст*, который предопределяется им, но не наоборот, как это принято считать» [3, с. 48]. Несмотря на это, роль контекста заключается в выявлении конкретного значения некоторого абстрактного содержания слова, экстраполированного, как правило, в словарях. Лингвисты пишут, что в процессе синтаксического употребления слово может получить «ряд дополнительных семантико-синтаксических характеристик, не «предсказываемых» его семантической структурой», что противоречит предыдущей гипотезе.

Сущность этого явления, на наш взгляд, наиболее четко определена Ю. С. Степановым, который утверждает, что семантическая общность есть сущность акта высказывания, а предрасположенность отдельного слова к той или иной сочетаемости — лишь следствие, проекция этого свойства в сферу словаря. В принципе та же позиция и у Н. Д. Арутюновой, по мнению которой семантика возникает внутри предложения, а не как непосредственное созерцательное отражение мира, за основу принята концепция о функциональном различии субъекта и предиката, в соответствии с которой субъект относится к миру, а предикат к мышлению о мир [1, с. 148].

С точки зрения семасиологии все слова в предложении являются собой определенный признак имени. В соответствии с этим выделяется группа имени и группа предиката. Последние выражают отношения между именами в составе предложения. Относительные прилагательные выражают атрибутивные отношения, функция которых *актуализирующая*: эти единицы, присоединяясь к одному из субстанциальных членов, преобразуют виртуальное понятие о денотате в конкретизированный образ референта.

Основная позиция, которую занимают относительные прилагательные в предложении — компонент именной группы. В некоторых исследованиях относительные прилагательные определяются как семантические распространители имен. Эта функция обусловлена способностью имени к увеличению степени семантической детализации. О. Б. Сиротина, вслед за В. В. Виноградовым, рассматривает структуру прилагательное + существительное как *распространенное сло-вр.*, называя прилагательные, которые конкретизируют значение определяемого, *связанными* [4, с. 35].

Однако необходимо подчеркнуть, что функция детализации характерна только для относительных прилагательных, которые образуют структуры с именами существительными, входящими в тематическую группу «Вещи», имена разделяются на несколько тематических групп. Входя в состав других тематических именных групп, относительные прилагательные этой функцией не обладают.

Следует учитывать и то обстоятельство, что иногда бывает трудно вычленить семантическую нагрузку каждого из составляющих именной группы. Не только семантика относительного прилагательного определяется семантической наполняемостью определяемого, но часто семантика и самого определяемого актуализируется только в структуре с прилагательным, включенным в широкий контекст («*вертикальный контекст*» или «*информационный контекст*»). «Вертикальный контекст» представляет собой «знание определенного историко-филологического материала», или, как называет это Г. В. Колшанский, *материальный контекст* — «знание контекстов о соответствующих предметах и явлениях». Более широкое понятие — «информационный контекст» — включает в себя те аспекты, которые могут быть возведены к содержанию речи — объектам референции, настоящим или воображаемым, пресуппозициям об объектах референции и утверждениям об объектах референции, которые передаются предложением [3, с. 48].

Итак, относительным прилагательным присущи следующие семантические особенности: им свойственна крайне низкая степень информативности, общая идея относительности; с денотатом

соотносятся не относительные прилагательные, а вся развернутая номинация *относительное прилагательное + существительное*; значение относительного прилагательного зависит от семантической наполняемости определяемого существительного и содержания более широкого контекста.

Литература:

1. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 456 с.
2. Кодухов В. Н. Контекст как лингвистическое понятие // Языковые единицы и контекст. — Л., 1973. — С. 15–24.
3. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. — М., 1980. — 152 с.
4. Кругликова И. О. Сочетание слов как минимальный контекст лексического значения слова // Языковые единицы и контекст. — Л., 1973. — С. 35.
5. Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. — М., 1922. — С. 51.

Abdujabborov Sarhadjon Abdujabborovich

Sarhadjon95@mail.ru

Khujand State University after academician B. Gafurov

Context and semantics of the relative adjective

This article discusses the impact of context on the semantics of relative adjectives. It is noted that the definition introduces a subjective component into the meaning of the name. The use of relative adjectives reflects the subjective view of the author (metaphor, comparison), therefore context is very important for their understanding. The meaning of a relative adjective depends on the semantic content of the noun being defined and the content of the broader context.

Keywords: actualization of meaning, relative adjective, context, contextual function.

Читательские предпочтения школьников

В статье представлен анализ читательских предпочтений. Даны рекомендации для повышения уровня чтения.

Ключевые слова: чтение, читательская грамотность, история книги, читательские предпочтения.

21 ноября 2013 г. в Москве, выступая на первом Российском литературном собрании, Владимир Путин заявил, что Россия утратила статус самой читающей в мире страны. Он выразил озабоченность в связи с распространением безграмотности и снижением роли чтения в обществе.

В 2017 году принята государственная программа «Развитие образования» на 2018–2025 гг. Цель программы — сохранение лидирующих мест в мировом рейтинге читательских способностей школьников и входение в топ-10 достижений школьников PISA.

3 июня 2017 г. вышло Распоряжение Правительства РФ за № 1155-р об утверждении «Концепции программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации», а 2018–2027 гг. объявлены «Десятилетием детства в России». Также для поддержки интереса к чтению у детей и подростков одной из приоритетных задач ФГОС стало формирование читательской компетентности, в основе которой лежит читательская деятельность. Согласно стандарту, развитие читателя предполагает формирование такой читательской деятельности, когда он «способен воспринимать текст произведения; понимать читаемое не только на уровне фактов, но и смысла (иметь свои суждения, выражать эмоциональные отношения); воссоздавать в своем воображении прочитанное (представлять мысленно героев, события) и, наконец, воспроизводить текст, то есть уметь рассказывать его в разных вариантах — подробно, выборочно, сжато, творчески» [1].

История книги своими корнями уходит в далекое прошлое, когда первобытные художники оставляли первые рисунки на камнях и стенах пещер. Разные народы использовали для письма разный материал: камень, кость, дерево, металл, шелк, кожу, кукурузные стебли. Рассмотрим виды книг.

Глиняные книги — самые древние. На еще мягкой и влажной глине выдавливали острой палочкой слова-значки. Потом дощечку сушили и обжигали в печах, как горшки. По размеру глиняные плитки были 32x32 см и толщиной в 2,5 см — настоящий плоский кирпич. Из десятка, а иногда из сотни таких страниц создавалась книга. Такие книги писались в древних государствах Месопотамии и Ассирии.

Книги из папируса делали в Египетском государстве из речного тростника с высоким и толстым стволом, разрезанным на полосы и высушенным. На них писали палочками, обмакивая их в чернила или цветные краски. Потом листы склеивали и получалась книга в виде длинного свитка. Обычно длиной около 6 м. После чтения свиток сворачивали в трубку и хранили в особом футляре. Много веков люди пользовались папирусом. До нас дошли египетские, еврейские, греческие, персидские папирусы, которые хранятся в крупнейших музеях мира. В Британском музее в Лондоне хранится папирус длиной 40 метров, но встречались и свитки 45-метровой длины. Свиток — это одна сплошная страница. На свитках записаны исторические документы, научные труды, литературные произведения народов Древнего Востока, Греции и Рима.

На смену папирусу пришел новый материал — пергамент. Пергамент — это кожа скота, обработанная специальным образом, ее изготавливали в древнем Пергамском государстве. Он был мягким, прочным и удобным. На нем можно было писать с обеих сторон. Лист пергамента сгибали пополам, и получались четыре страницы. Четвертинка по-гречески называлась «тетрадос», а все вместе они составляли тетрадь. Несколько таких тетрадей сшивалось и получалась книга,

в которой можно было писать и рисовать, и называлась она кодексом. По внешнему виду кодекс напоминает современную книгу. Эти книги были очень дорогими, обложкой служили деревянные таблички, обтянутые кожей животных. Сверху обложки украшались драгоценными камнями и дорогими запонками. На написание одной книги уходило целое стадо баранов. Писали на пергаменте ручками из гусяного пера. Написания одной книги могло занимать несколько лет. Хранились книги в монастырских библиотеках.

В Древней Руси писали на березовой коре — бересте, это был легкий и дешевый материал. Изготавливали бересту с верхней части коры березы. Затем ее выпаривали в кипятке, благодаря чему она становилась гибкой и мягкой. Знаки на кору наносили костяным стерженьком с ушком сверху, сквозь которую продевалась тесемка. Стерженек подвешивали к поясу.

Во II в. н. э. в Китае изобрели бумагу. Это был более дешевый материал. Бумагу изобрел Цай Лунь. Он нашел способ делать бумагу из волокнистой внутренней части коры тутового дерева. Китайцы научились толочь кору в воде, чтобы отделить волокна, потом они выливали эту смесь на подносы, на дне которых находились длинные узкие полоски бамбука. Когда вода стекала, мягкие листы клали сушиться на ровную поверхность. Китайцы 800 лет хранили тайну производства бумаги.

С появлением бумаги в разных странах стали создавать целые мастерские по изданию книг. Работа эта считалась очень важной и почетной. Первыми создателями рукописных книг были монахи. Букву за буквой, строку за строкой выводил писец, художники заполняли страницы рисунками, особым шрифтом писали заголовок. Затем книгу «одевали» в переплет, украшали серебром и драгоценными камнями. Книги были подлинными произведениями искусства.

Изготовление одной книги очень трудоемкий процесс и занимал много времени, а потребность в ней была — велика.

Немецкий мастер Иоганн Гутенберг изобрел первый печатный станок. Текст в нем набирался с помощью металлических букв. Изобретение Иоганна Гутенберга дало возможность во много раз ускорить процесс создания книг. Первой печатной книгой была «Библия», которую напечатали в 1455 году. А за следующий год он изготовил около 300 экземпляров, на что прежде нужно было потратить несколько жизней.

В 1563 г. царь Иван Грозный учреждает в Москве первую государственную типографию и первые русские книги напечатали Иван Федоров — дьякон церкви Николы Гостужского и его сподвижник Петр Тимофеевич Мстиславец. В Москве, у стены Китай-города, где был первый Печатный двор, стоит памятник Ивану Федорову.

1 марта 1564 года появилась первая русская печатная книга «Апостол». Хоть книга была печатной, ее шрифт и иллюстрации напоминали ручную работу. Следующей работой Ивана Федорова был «Часослов». Затем уже на Украине были изданы «Псалтырь» и «Азбука».

Теперь для изготовления книг используются современные скоростные печатные машины, которые печатают со скоростью до 15 000 оттисков в час. Используются поточные линии, которые без вмешательства человека изготавливают обложки и прикрепляют их к книжному блоку. Набор текста происходит авторами на компьютерах, на них же и проводится верстка (размещение всех элементов на странице книги) [2; 3].

«Люди перестают мыслить, когда они перестают читать», — считал философ Дени Дидро. Наверное, это действительно так, ведь книги побуждают нас задуматься о том, где правда и где ложь, что верно и что ошибочно, что хорошо, а что плохо, помогают нам понять себя. Иногда чтение приносит радость и умиротворение, иногда гнев и возмущение. Все зависит от того, какие книги мы читаем [6].

XXI век — век космических скоростей и компьютерных технологий. Наука развивается, создается много новой техники для комфортной жизни человека. Основная информация, необходимая человеку, поступает в электронном виде через компьютерные сети, Интернет. В поисках определенной информации, для сокращения времени, разумнее воспользоваться компьютером. Есть такие отрасли знаний, где наглядность для восприятия информации лучше печатного текста. Ведь намного интереснее наблюдать за животными, чем прочитать об этом в учебнике. Тут книга уступает кино и телевидению. Но у книги гораздо больше преимуществ. Книги являются источниками знаний о духовной и нравственной жизни. Роль книги в образовании, воспитании, интеллектуальном

развитии велика. Через обращение к книге, чтению человек приобщается к духовным ценностям, развивается, расширяет свой кругозор. Чтение высокохудожественной литературы способствует формированию гармоничной личности — личности активной, творческой, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту, физическое совершенство. Классическая литература является одним из факторов формирования такой личности. Замечательные произведения русской классической и современной литературы таких авторов, как А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и др., помогают читателям найти ответы на многие вопросы о личности, об окружающем ее мире, о добре и зле. Книга как источник информации, как средство познания, как инструмент общения между людьми обладает огромной притягательной силой. Например, приступая к чтению романа, рассказа и т. д. мы сами представляем своего героя, его одежду, движение, взгляды. А кино и телевидение предлагают уже готовый образ, и мы уже не можем фантазировать. А чтение книг развивает воображение ребенка [4; 5].

В процессе нашего исследования для выявления читательских предпочтений школьников мы провели анкетирование среди учеников г. Челябинска (30 человек, 11–12 лет). Анализ ответов обучающихся на вопросы анкеты приведен в таблице 1.

Таблица 1. Анализ ответов обучающихся

Вопросы	Результат выбора ответа, %	
	Да	Нет
1. Посещаете ли Вы библиотеку?	Да	Нет
	30	70
2. Есть ли у Вас дома домашняя библиотека?	Да	Нет
	97	3
3. Любите ли Вы читать?	Да	Нет
	60	40
4. Есть ли у Вас дома энциклопедии?	Да	Нет
	100	0
5. Какие энциклопедии есть у Вас в домашней библиотеке? Можете выбрать несколько вариантов.	А) о животных — 49	
	Б) детская энциклопедия — 70	
	В) все о космосе — 30	
	Г) моря и океаны — 33	
	Д) медицинская энциклопедия — 3	
	Е) чудеса света — 66	
6. Какая научно-популярная литература у Вас есть? Можете выбрать несколько вариантов.	Ж) нет — 0	
	А) научно-популярные журналы — 12	
	Б) словари — 60	
	В) энциклопедия — 63	
	Г) справочники — 53	
	Д) учебная литература — 56	
7. Жанр Вашей любимой книги?	Е) нет подобного — 0	
	А) фантастика — 27	
	Б) детективы — 33	
	В) приключенческие романы — 27	
	Г) мистика — 6	
8. Чтение для Вас — это...:	Д) современная литература — 7	
	А) помощь в учебе — 72	
	Б) отдых, развлечение — 22	
	В) это познание нового — 6	

Анализируя данные анкетирования обучающихся, мы пришли к следующим выводам: всего 30 % школьников посещают библиотеку, в основном в летний период для ознакомления с художественной литературой и подготовки к следующему учебному году; среди опрошенных ребят практически у всех есть домашняя библиотека; разные энциклопедии есть у всех и ими чаще пользуются; большая половина, моих сверстников утверждают, что любят читать, но при этом добавляют — «смотря что»; больше всего мои одноклассники читают детективы и фантастику; и самое главное, большинство учеников прибегают к чтению во время подготовки к урокам или различным заданиям.

По результатам анализа анкетирования можно сделать вывод, что нужно повышать читательский интерес подростков. Начинать развивать интерес к чтению надо как можно раньше, в детском возрасте, в семье. Рекомендации для родителей: учить читать детей; родителям важно ежедневно читать с ребенком детские книги, обсуждать прочитанное, помогать составлять по иллюстрациям рассказы; помогать ребенку вести читательский дневник, записывать или проговаривать сюжет прочитанного; предлагать ребенку самому придумать продолжение прочитанного произведения (таким образом воспитывать творческого читателя); воспитывать отношение к библиотеке как к информационному центру, как к центру духовной культуры; формировать у ребенка отношение к книге как к источнику человеческого опыта, постоянному партнеру в общении; посещать вместе с ребенком книжные выставки и магазины.

В школьной библиотеке организовать различные мероприятия: выставки книг по разным направлениям и интересам; проводить литературные игры и конкурсы; оформлять стенды с обзором новых книг; как можно больше вовлекать подростков в литературные кружки.

Обобщая результаты проведенного исследования, мы пришли к следующим выводам:

Жанр любимой книги школьников — детективы и фантастика, к классической литературе, подростки обращаются чаще всего во время учебного года для подготовки к урокам литературы.

Мир развивается, большую часть времени подростки тратят на просмотр телепередач и компьютерные игры, а также социальные сети. Меняются и читательские предпочтения, художественная литература уходит на второй план, а главным мотивом обращения к книге остается учебное задание по школьной программе. Это тревожный факт, ведь именно в школьном возрасте формируется любовь к чтению и книге.

Таким образом, книга передает духовные знания, воспитывает характер. Современный школьник — это будущее России, и именно от него зависит, какие нравственные ценности будут преобладать в нашей стране. В данной ситуации повышение читательского интереса является общенациональной, государственной задачей. Будущее нашей страны — это читающий человек.

Литература:

1. Антонова Н. А. Анализ сформированности читательской грамотности у школьников [Текст] / Н. А. Антонова // ПРОчтение: дислексия в XXI веке. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции Российской ассоциации дислексии (10 сентября 2020 г., Москва) [Электронное издание] / под общ. ред. О. А. Величенковой и А. В. Лагутиной. — М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. — С. 21–26.
2. История книги. — URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2017/01/09/soobshchenie-istoriya-knigi> (дата обращения: 03.02.2021).
3. История создания книги. — URL: <http://drukarstvo.com/ru/istoriya-sozdaniya-knigi/> (дата обращения: 03.02.2021).
4. Чернышева Л. Н. Чтение как компонент духовно-нравственного развития подрастающего поколения / Л. Н. Чернышева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2012. — № 4(8). — С. 5–11.
5. Чудинова В. П. Чтение в контексте развития информационного общества / В. П. Чудинова // Социологические исследования. — 1999. — № 5. — С. 30–36.
6. Чудинова В. П. Чтение детей и подростков в России на рубеже веков: смена «модели чтения» / В. П. Чудинова // Социологические исследования. — 1999. — № 8. — С. 25–30.

Antonova Nadezhda Anatolyevna

in-nadya@mail.ru

Postgraduate, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

Antonova Svetlana Anatolyevna

in-aca@mail.ru

tutor Municipal Budgetary Educational Institution

Secondary School № 68 Chelyabinsk

Students' reading preferences

The article presents an analysis of reader preferences. Recommendations for improving the level of reading are given.

Keywords: reading, reader literacy, book history, reader preferences.

Повышение интереса к английскому языку посредством идиом

В статье предлагается для повышения интереса к английскому языку использовать идиомы.

Ключевые слова: обучение английскому языку, идиомы, студенты колледжа.

Развитие интереса — это сложный процесс, включающий интеллектуальные, эмоциональные и волевые элементы в определенном сочетании и взаимосвязи. Особенность преподавания любого урока заключается в том, что оно строится с учетом интересов, наклонностей и профилизации обучающихся. Так как же повысить навыки самообразования, практические умения обучающихся, расширить их кругозор?

В рамках дисциплины «Английский язык» в колледже, мы предлагаем использовать идиомы.

Проанализировав литературу, определили, что фразеологизм, или фразеологическая единица, также как и идиома — устойчивое словосочетание, выполняющее функцию отдельного слова, употребляющееся как некоторое целое, не подлежащее дальнейшему разложению и обычно не допускающее внутри себя перестановки своих частей [1–3].

С целью повышения интереса к английскому языку нами было разработано пособие: «Английский язык: идиомы в нашей жизни» [4]. Приведем примеры идиом из данного пособия (таблица 1):

Таблица 1. Примеры идиом «Английский язык: идиомы в нашей жизни»

<p>Боб — твой дядя</p> <p>Bobs your uncle (Означает: Без проблем! Раз-два — и готово! Дело в шляпе, это как раз то, что нужно!)</p>	<p>Буря в стакане</p> <p>A storm in a teacup (Обозначает шум, переполох, большое волнение, поднятые по слишком незначительному поводу. Синоним — из мухи слона раздувать.)</p>
---	---

Выявляя роль английского языка и идиом в нашей жизни, мы провели анкетирование студентов первого курса по направлению подготовки «Операционная деятельность в логистике», «Правоохранительная деятельность», «Технология эстетических услуг», «Коррекционная педагогика в начальном образовании», «Экономика и бухгалтерский учет» ПОУ «Колледжа предпринимательства и отраслевых технологий» (82 человека). Анализ ответов студентов на вопросы анкеты приведены в таблице 2.

Таблица 2. Анализ ответов студентов на вопросы анкеты

1. Что такое идиома?	А. лингв. оборот речи, значение которого определяется значением входящих в его состав слов — 7 %	
	Б. лингв. устойчивый оборот речи, значение которого не определяется значением входящих в его состав слов — 80 %	
	В. лингв. устойчивый оборот речи — 13 %	
2. Встречались ли вам английские идиомы?	Да	Нет
	86 %	14 %
3. Встречались ли вам идиомы в русском языке?	Да	Нет
	100 %	0 %
4. Используете ли вы в речи идиомы?	Да	Нет
	93 %	7 %
5. Соедините идиомы и их перевод	Правильные ответы	
	1) 66 %	
	2) 7 %	
	3) 93 %	
	4) 66 %	
	5) 40 %	
	6) 86 %	
	7) 66 %	
	8) 60 %	
	9) 80 %	
10) 60 %		

Анализируя данные опроса обучающихся, мы пришли к следующему выводу, что идиомы оказывают положительное влияние на изучение английского языка.

Таким образом, в процессе знакомства с английскими идиомами у студентов повышается не только интерес к данному предмету, но и приобретаются умения: пользоваться фразеологическим словарем; отличать идиому от ее грамматического значения; определять ее стиль; сферу употребления.

Литература:

1. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. — Ч. 2. — М.: 1954. — 174 с.
2. Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М.: 1967. — 275 с.
3. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. — М., 1956. — 260 с.
4. Чернова Д. А. Английский язык: идиомы в нашей жизни: сборник идиом. — Челябинск, 2020. — 12 с.

Antonova Nadezhda Anatolyevna
in-nadya@mail.ru

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

Chernova Diana Alexandrovna

chernovada@kpiot.ru

POU College of Entrepreneurship and Industry Technologies

Increasing interest in the English language by means of idioms

The article suggests using idioms to increase interest in the English language.

Keywords: English language teaching, idioms, college students.

Безэквивалентная лексика как источник лингвострановедческого материала на уроках РКИ

Статья посвящена исследованию роли безэквивалентной лексики при обучении студентов русскому языку как иностранному (РКИ). Автором представлены теоретические основы изучения безэквивалентной лексики, проанализирован феномен лакун, разработаны методы работы с безэквивалентной лексикой на уроках РКИ.

Ключевые слова: лингвострановедческая компетенция, безэквивалентная лексика, лакуны, РКИ.

В научной литературе по исследуемой проблематике принято выделять следующие виды языковых компетенций: лексическую, грамматическую, семантическую, фонологическую, орфографическую, орфоэпическую. Однако во всех принятых классификациях, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяется лингвострановедческой компетенции, которая при изучении русского языка как иностранного (РКИ) играет архиважную роль.

Обучение иностранному языку предполагает экскурс в культурные особенности языка. В этом смысле особую роль играют реалии — лексические единицы, относящиеся к безэквивалентной лексике, образный строй которых отражает своеобразие языка и некоторые особенности культуры.

Современные социально-экономические условия развития страны делают знания иностранного языка важным инструментом международных и межличностных отношений с представителями других государств. В законе РФ «Об образовании» учебному предмету «Иностранный язык» отводится существенная роль в решении важной задачи, стоящей перед преподавателями: обеспечение условий для формирования у обучающихся адекватной современному уровню знаний картины мира и развитие у них интереса к мировой и национальной культурам. Поэтому очень важно давать студентам, изучающим русский язык как иностранный, упражнения, направленные на отработку произношения, грамматических и семантических особенностей безэквивалентной лексики.

В современной научной литературе по исследуемой проблематике под безэквивалентной лексикой понимаются:

1. Лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания), которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка. Традиционно к лексике относят: слова-реалии, временно безэквивалентные термины, случайно безэквивалентные слова.
2. Слова исходного текста, обозначающие местные явления, понятия, реалии, не имеющие соответствий в иных языках.

Безэквивалентная лексика является объектом интереса лингвистов, филологов, культурологов, психологов, переводоведов, которые занимались изучением безэквивалентной лексики.

Так, В. Н. Комиссаров безэквивалентной лексикой считает «единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода». Ученый полагает, что найти такую лексику можно среди следующих языковых единиц: неологизмы; слова, обозначающие специфические понятия; реалии; неизвестные или малоизвестные слова и названия [5].

С точки зрения грамматических единиц, безэквивалентная лексика выражается: морфологическими формами (например, герундий); частями речи (в том числе артиклями); синтаксическими структурами.

Более обширная классификация безэквивалентной лексики представлена лингвистом А. О. Ивановым.

1. Референциально-безэквивалентная лексика (включает такие языковые единицы, как: реалии, фразеологизмы, авторские неологизмы, лакуны).
2. Прагматически-безэквивалентная лексика (к этой группе слов относят, например, междометия, аббревиатуры, звукоподражания, и другую лексику).
3. Альтернативно-безэквивалентная лексика (к которой относят те же языковые единицы, что перечислены выше, но в зависимости от выбранного способа перевода они могут быть либо референциальными, либо прагматическими) [4, с. 189].

Итак, на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что классификации безэквивалентной лексики разных лингвистов схожи между собой, но каждая построена на основе разных принципов.

Изучению реалий и лакун на занятиях РКИ посвящены многие научные работы. Рассмотрим методику по межкультурной коммуникации С. И. Титковой, которая считает, что лакуна — это наиболее подходящая языковая единица для описания национальных особенностей одной культуры в отличие от другой. Известно, что такие явления, как лакуны, не только отсутствуют в чужой культуре, но и ее представители не понимают это явление. Лакуны бывают следующих типов:

- текстовые;
- культурологические;
- фоновых знаний;
- поведенческие;
- кинесические;
- речевые;
- языковые [7, с. 40].

С точки зрения практики преподавания иностранных языков языковая лакуна характеризуется следующими проблемами:

- 1) отсутствие языкового соответствия в одном из языков;
- 2) несовпадение в способе выражения;
- 3) несовпадение значений при схожести формы.

С. И. Титкова считает, что важным в методике преподавания является умение найти лакуны. Для этого необходимо очень хорошо знать как свой родной язык, так и язык тех, кого обучает преподаватель. Выделяются следующие этапы работы с лакунами:

1. Семантизация языковых единиц.
2. Формирование языковых навыков.
3. Развитие и совершенствование навыков.

Среди трех перечисленных этапов самым важным является этап семантизации. При обучении студенты сталкиваются с такими проблемами как: отсутствие иноязычного эквивалента, связь лакун с особенностями ментальности и мировосприятия другого народа [7, с. 44].

Н. Л. Федотова отмечает, что изучение реалий чужого языка позволяет учащимся:

- ознакомиться с историческими событиями страны изучаемого языка;
- познать экономическую и политическую специфику;
- узнать характер народа.

Сложность обучения реалиям заключается в том, что учащимся приходится сталкиваться с такими сложными темами как:

- 1) география, геополитика, экономика, государственное устройство, структура власти, система образования, система здравоохранения, быт, культура и история России;
- 2) необходимо развивать навыки и умения, необходимые для использования страноведческих знаний;
- 3) нужна мотивация к изучению русского языка [8].

Осложнено изучение безэквивалентной лексики тем, что данный вид лексики отражает картину мира одного определенного народа, а поэтому для понимания необходимо разбираться в культуре народа изучаемого языка.

Работая с теми учащимися, которые изучают русский язык как иностранный, преподаватель должен знакомить обучающихся с реалиями страны изучаемого языка. Это необходимо хотя бы потому, что межкультурная коммуникация позволяет избежать недопонимания между представителями разных культур.

В. С. Красильникова и Т. Н. Чайникова утверждают, что при преподавании иностранного языка необходимо брать во внимание культурологическую ориентацию лингводидактики, то есть изучение языка обязательно включает в себя изучение культурных особенностей группы носителей языка [6, с. 11–19].

Так как данная статья связана с изучением безэквивалентной лексики, необходимо отметить преимущества, которые она предоставляет.

Процесс обучения безэквивалентной лексики русского языка дает следующие преимущества:

- пополняет лексический запас обучающихся;
- знакомит с культурой и культурными артефактами страны изучаемого языка;
- избавляет учащихся от «культурного шока»;
- развивает толерантность;
- учит уважать чужую культуру;
- вырабатывает коммуникативную и культурологическую компетенции;
- облегчает процесс аккультурации;
- помогает иностранным учащимся принимать участие в процессе межкультурной коммуникации [1].

Н. А. Ванюшина, занимающаяся изучением страноведческого материала, разделяет точку зрения профессора В. В. Миронова, который, в свою очередь, полагает, что «Диалог культур — это познание иной культуры через свою, а своей через другую путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях смыслового несовпадения большей части обеих. Главным средством этого выступает язык, знание которого является важнейшей предпосылкой понимания другой культуры. Зная иной язык, я обязательно адаптирую (перевожу) смыслы другой культуры. Сопоставляя же иную и свою культуры, я необходимым образом понимаю ценность и своеобразие собственной культуры» [2, с. 85].

Известно, что лингвострановедение позволяет, с одной стороны, ознакомиться с основами изучаемого языка, с другой стороны — знакомит с культурой страны изучаемого языка.

Что касается изучения русского языка как иностранного, то полагаем, что его изучение наряду с ознакомлением с культурой результативно влияет на учебный процесс. Как показывает опыт преподавания РКИ, изучение лингвострановедческого материала имеет следующие положительные стороны: повышение учебной мотивации за счет занимательного компонента, углубление фоновых культурологических знаний, улучшение коммуникативных навыков, повышение исследовательской активности студентов.

Таким образом, фоновая информация, являясь объектом изучения страноведения, связана с реалиями, лексикой, которая относится к безэквивалентной, а это еще раз подтверждает тот факт, что изучение иностранного языка очень тесно связано с познанием культуры страны изучаемого языка.

Помимо того, что страноведческий или лингвострановедческий материал собирается с учетом определенных критериев, необходимо разобраться, как составляется лингвострановедческий комментарий, представляющий особое значение при обучении безэквивалентной лексики.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров отмечают, что лингвострановедческий комментарий составляется таким образом, чтобы объяснить значение непонятных обучающимся слов. Объяснение может подаваться любым толкованием. Например, объяснить при помощи толкового словаря надо каждое незнакомое слово. Если есть непонятные аббревиатуры, их необходимо расшифровать и объяснить значение каждого отдельного слова. Также при необходимости преподаватель может объяснить существование того или иного слова, совершив экскурс в историю [3, с. 61].

Особую практическую значимость представляет обращение к лингвострановедческому словарю «Россия». Как показывает опыт, особо эффективно можно поработать с лексемами «Арбат» (здесь целесообразно показать междисциплинарные связи с литературой, рассказать о Мемориальной квартире Пушкина на Арбате, прослушать на уроке песню Булата Окуджавы «Ах, Арбат, мой Арбат»), «блины» (здесь, как правило, разворачивается интересный разговор касательно проблемы перевода безэквивалентной лексики, можно организовать дискуссию на тему «Блины или крепы?»), «варенье» (занимателен просмотр фрагмента мультика «Малыш и Карлсон», эффективна дискуссия на тему «Варенье, джем, конфитюр»), «Гагарин» (можно приурочить ко дню Космонавтики, прислушать песню группы «Земляне» «Трава у дома») и др.

Итак, при составлении лексического материала по страноведению необходимо обратить внимание на фоновые знания и включить их в процесс обучения безэквивалентной лексики. Фоновые знания могут быть выражены в толковом словаре, где дается толкование разным явлениям и предметам.

Таким образом, в результате нашего исследования мы пришли к выводу, что безэквивалентную лексику на уроках русского языка как иностранного можно и нужно изучать, и от преподавателей требуется большая подготовка в плане отбора лексических средств, с помощью которых можно снизить до минимума учебное бремя обучающихся и оптимизировать их учебный опыт.

Разработанные нами методические рекомендации выявили способы, с помощью которых обучение безэквивалентной лексике может быть сделано более эффективным, значимым и приятным для обучающегося, вдохновлять его на дальнейшее изучение русской культуры.

Литература:

1. Баkitова Л. Р. Изучение безэквивалентной лексики на занятиях по русскому языку как иностранному. Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2016. — № 10(64): в 3-х ч. Ч. 3. — С. 171–173.
2. Ванюшина Н. А. Методика работы с безэквивалентной лексикой на уроках русского языка как иностранного: лингвокультурологический аспект // Н. А. Ванюшина, О. А. Дмитриева, И. Д. Чеснокова // Педагогика. Вопросы теории и практики, 2020. — Том 5. — Выпуск 1. — С. 84–88.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Страноведческий аспект преподавания русского языка иностранцам (к постановке вопроса) // Русский язык за рубежом. — 1971. — № 1. — С. 57–68
4. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика / А. О. Иванов. — СПб.: Типография издательства СПбГУ, 2006. — 200 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
6. Красильникова В. С. Лингвострановедческий подход в определении содержания обучения английскому языку дошкольников и младших школьников / В. С. Красильникова, Т. Н. Чайникова // Иностранные языки в школе. — 1993. — № 1. — С. 11–19.
7. Титкова С. И. Языковая лакуна в практике преподавания РКИ (из опыта обучения русскому языку англоговорящих учащихся) // Русский язык за рубежом. 2007. — № 3. — С. 39–50.
8. Федотова Н. Л. Методика преподавания русского язык как иностранного [комплект]: практический курс; задачник к практическому курсу / Н. Л. Федотова. — СПб.: Златоуст, 2013. — 394 с.

Misisyan Serine Sedrak
serine.misisyan@rau.am
Russian-Armenian University

Non-equivalent vocabulary as a source of country studies in Russian as a foreign language studies

The article is devoted to the study of the role of non-equivalent vocabulary in teaching students Russian as a foreign language (RFL). The author examines the theoretical foundations of non-equivalent vocabulary, analyzes the study of phenomena, develops methods of working with non-equivalent vocabulary in the lessons of RFL.

Keywords: linguistic and cultural competence, non-equivalent vocabulary, gaps, RFL.

Современный русский литературный язык и методы его изучения

Язык — история народа, литература — это зеркало его жизни, а культура — совокупность языка и литературы. Русский язык — язык науки, культуры и литературы, продолжающий играть важную историческую роль в языковом развитии, вызывает большой интерес в современном мире. По свидетельству публикаций в российской прессе, число других стран, начавших изучать русский язык и литературу, в последнее время увеличилось в несколько раз. Наряду с английским, французским, испанским, китайским русский язык входит в число официальных международных языков ООН и многих политических, экономических и научных организаций. В широком смысле русский язык приобщает к духовному богатству, созданному многими поколениями предков. Современные подходы к модернизации российского образования, внедрение основных стандартов определяют главные цели и задачи, достижение которых требует высокого уровня качества образования. Актуальный вопрос: какие методы можно использовать при изучении литературного языка?

Ключевые слова: язык, литературный язык, пословицы и поговорки, жаргон, русский театр.

Литературный язык — это основная, высшая, наддиалектная, обработанная форма существования национального языка, которая обслуживает разнообразные культурные потребности народа, язык художественной литературы, публицистических произведений, периодической печати, радио, театра, науки, государственных учреждений, школы и т. д. [3, с. 12].

Русский литературный язык отражает сущность и культуру народа. Часто, когда мы читаем произведения русских классиков и слушаем пословицы и поговорки, посещаем русский театр, мы задумываемся о величии этого языка. Русский литературный язык — это великий национальный язык.

Русский народ имеет великую историю и глубокую литературу. Россия обладает обширной территорией, которая отличается чудесным лингвистическим и литературным наследием. Характер русского народа отражается в его языке с невероятной точностью. Речи с изысканной эстетикой, красота произношения каждой буквы и удивительные жизненные пословицы, которые передают всю мудрость знания русских людей. Произведения, написанные на родном языке великими писателями и поэтами: Пушкин, Гоголь Достоевский, Маяковский, Есенин, Шолохов и Ахматова — поражают красотой сложения текста и богатством столь вдохновляющих фраз. Во все времена существования России находились люди, которые превращали обыденные для нас слова в поэзию или прозу, которая открывает разнообразие речи.

Использование пословиц, поговорок, сказок и театра при обучении русскому литературному языку

В Алжире мы используем следующие основные методы, чтоб наши студенты, изучающие русский язык, могли получить и узнать русскую литературу и ее язык.

1. Русские пословицы и поговорки отражают народную мудрость и опыт многих поколений, они выражают истину, не зависящие ни от исторической эпохи, ни от моды. Автором пословиц и поговорок, как правило, является народ и его мудрость [2, с. 24]. В них выражены радость и горе, гнев и печаль, любовь и ненависть, ирония и юмор. Они обобщают различные явления окружающей нас действительности, при изучении русского языка помогают нам понять мышление народа. Поэтому в текстах пословицы и поговорки приобретают особое значение. Они не только усиливают тропы, придают остроту, углубляют содержание, но и помогают найти путь к сердцу слушателя, читателя, завоевать их уважение и расположение.

Успех употребления пословиц в речи на занятиях русского языка зависит от того, насколько удачно они подобраны. Недаром говорится: «Хороша пословица в лад да в масть».

2. Наряду с пословицами и поговорками о богатстве речи свидетельствует жаргон — это речь группы людей, объединенных общностью интересов, рода деятельности, характеризующаяся специфической лексикой и фразеологией и т. д. [1, с. 11]. Например, жаргоны молодежи: коол, шоат, или спорта: гол. В своем оформлении жаргон использует средство литературного языка как корень и метод изучения русского языка, как лексический феномен.

3. Метод обучения литературному языку через театр — богатый хранитель национального языка, он является одним из главных носителей культурных традиций русского языка и развития речевой культуры учащихся. А. П. Чехов сказал: «Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело» [4, с. 165].

Чтобы вызвать интерес к языку, который пробуждается благодаря творчеству, ответственности и чувству собственной значимости, необходимо удачно выбрать тему пьесы, которая должна быть близка и понятна, интересна студентам. Самое главное, чтобы предлагаемый материал был изучен на уроке русского языка достаточно подробно и доходчиво во всех аспектах (фонетическом, лексическом, грамматическом). Для иностранных студентов очень важна ясность языка, уверенность произношения, как, например, А. П. Чехов и А. Куприн.

Уроки русского языка и литературы с применением театральных пьес проходят более эмоционально и легко. На протяжении всего урока остается заинтересованность студентов, особенно, если театр не обговаривался с ними предварительно.

Закономерная взаимосвязь литературы и театра постигается студентами на уроках анализа художественных произведений через погружение в литературный язык и диалекты.

Современный русский литературный язык необходимо изучать, применяя различные методики, ведь многие иностранцы хотят овладеть им. Изучение русского способствует приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям других народов. Русский язык в мире фактически стал языком межнационального общения и сотрудничества.

Литература:

1. Бобылева Б. Г. Русский язык и культура речи. — Орел: Госуниверситет — УНПК, 2014. — С. 11.
2. Иванова С. А. Современный русский литературный язык как основа культуры речи русского народа. — Камешково, 2011. — С. 24.
3. Розенталя Д. Э. Современный русский язык. — М.: Высшая школа, 1984. — С. 12.
4. Чехов без глянца. Сборник. — Рипол Классик, 2016. — С. 165.

Berrefas Manel

ibrahimo220@gmail.com

University Mohamed Ben Ahmed

Oran 2

Modern Russian literary language and their teaching methods

Language is the history of a people and literature is a mirror of their life, and culture is the totality of language and literature. Russian language is the language of science and culture and literature, which continues to play an important historical role in language development, is of great interest in the modern world. According to publications in the Russian press, the number of other countries that have begun to study the Russian language and literature has recently increased several times. Along with English, French, Spanish, Chinese, Russian is one of the official international languages of the UN and many political, economic and scientific organizations. In a broad sense, the Russian language, their meanings, the ideas of their connections, originally laid down that information about the world and people, which adds to the spiritual wealth created by many generations of ancestors. Modern approaches to the modernization of Russian language education, the introduction of basic standards determine the main goals and objectives, the achievement of which requires a high level of education quality. The actual question is what methods can be used in teaching the literary language?

Keywords: language, literary language, proverbs, jargon, Russian theatre.

Интерактивные методы обучения на уроках русского языка

В педагогической практике давно применяется термин «активные методы и формы обучения». Он объединяет группу педагогических технологий, достигающих высокого уровня активности учебной деятельности учащихся. В последнее время получил распространение еще один термин — «интерактивное обучение». Современная наука об образовании приблизилась к тому моменту, когда возникла потребность в создании педагогических технологий, которые обеспечивают самое главное в образовательном процессе — развитие личности каждого учащегося, его активности. Необходимо создавать такие условия обучения, чтобы учащийся стремился получить новые результаты своей работы и в дальнейшем успешно применить их в практической деятельности.

Методика преподавания русского языка в настоящее время отличается своим инновационным характером. Среди популярных инновационных технологий обучения языку можно назвать такие направления обучения, как проблемное, программированное, компьютерное, концентрированное, модульное, развивающее, дифференцированное, активное, интерактивное, игровое. Неоспорима роль интерактивных технологий в процессе обучения русскому языку в рамках Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС).

Суть интерактивного обучения состоит в том, что учебный процесс организован таким образом, что практически все учащиеся оказываются вовлеченными в процесс познания, они имеют возможность понимать и рефлексировать по поводу того, что они знают и думают. Совместная деятельность учащихся в процессе познания, освоения учебного материала означает, что каждый вносит свой особый индивидуальный вклад, идет обмен знаниями, идеями, способами деятельности. Причем происходит это в атмосфере доброжелательности и взаимной поддержки, что позволяет не только получать новое знание, но и развивает саму познавательную деятельность, переводит ее на более высокие формы кооперации и сотрудничества.

Интерактивное обучение представляет собой такую организацию учебного процесса, при которой практически все учащиеся оказываются вовлеченными в процесс познания. Структура урока, проведенного в интерактивном режиме, включает 8 этапов (на примере уроков русского языка).

Мотивация. Для создания мотивации наряду с проблемными вопросами и заданиями используются сценки, чтение словарных статей, отрывков из газетных статей, заслушивание статистических данных, разные определения одного понятия. Организуя этот этап, необходимо помнить, что то, что одного учащегося побуждает к активным действиям, вызывает бурную реакцию, другого оставляет равнодушным либо приводит к незначительному эффекту, поэтому стараюсь от урока к уроку менять способ мотивации, разнообразить их.

Сообщение целей (целеполагание). Цели уроков интерактивного обучения отличаются от традиционных. На первое место выдвигаются цели, связанные со знаниями учащихся: назвать признаки функциональных стилей, назвать изменения, произошедшие в русской графике, дать определения понятиям *орфография*, *орфограмма*. Затем ставятся цели, связанные с формируемыми умениями: выделить написания, подчиняющиеся каждому принципу русской орфографии, определить стилистическую принадлежность текста, публично представить результаты групповой работы. На третьем месте стоят цели, называющие ценности: выразить свое отношение к необходимости существования единых норм орфоэпии, высказать свое суждение о значении грамотного письма, сделать вывод о практической значимости полученных знаний. Этот этап имеет большое значение: во-первых, позволяет всю дальнейшую деятельность учащихся сделать целенаправленной, т. е. каждый учащийся узнает, каким будет конечный результат, к чему ему стоит стремиться; во-вторых, на этом этапе преподаватель учит формулированию целей урока — одному из профессиональных умений учителя.

Предоставление новой информации. Поскольку все понятия, которые изучаются, в той или иной мере уже знакомы учащимся, рекомендуется начинать этот этап с мозгового штурма: «Какие

ассоциации вызывает у вас слово *письменность?*», «Какие понятия связаны со словом *орфография?*» Представленные стержневые мысли записываются на доске в столбик и нумеруются. Этот вид работы помогает отобрать то, что уже известно учащимся, а что действительно непонятно, незнакомо. Эту же работу можно провести иначе: на обратной стороне доски заранее записывается ключевое слово, например, *орфоэпия*, а вокруг него располагаются слова: орфоэпические словари, нормы произношения, правильно писать, правильно говорить, речь, речевые ошибки. Затем предлагается учащимся выбрать те понятия, которые, по их мнению, связаны с ключевым словом. Этот вариант работы эффективен тогда, когда у учащихся недостаточно представлений об изучаемом понятии. Третий вариант организации этой работы: предлагается учащимся расслабиться, настроиться на тему размышления, взять ручки и записать те мысли, которые приходят в голову, при этом напоминаясь, что не нужно стремиться к логике, последовательности.

Новая информация предоставляется преимущественно на Рабочих листах, где вверху записаны вопросы и задания, а ниже помещена информация. Для предоставления информации также используются учебники, словари, монографические статьи, слово учителя.

Интерактивные упражнения. В качестве интерактивных упражнений можно использовать работу в малых группах. Проведение этого этапа вызывает наибольшее число трудностей. В группах сменного состава эти проблемы решаются с помощью ротации: из активной группы переводятся в пассивную, а из пассивной — в активную. Состав группы должен включать не более 5–6 человек, т. к. в группах большего количественного состава иногда не хватает времени всем высказаться, легче бывает «спрятаться» за спины других, что снижает активность учащихся, гасит интерес к занятию. Лучше, если в каждой группе объединяются учащиеся разного уровня информированности по данному предмету, это позволяет им взаимно дополнять и обогащать друг друга. Во избежание потери времени на уроке следует заранее планировать, как учащиеся будут разделены на группы. Для этого можно раздать карточки с буквами, которые составляют ключевое слово, и предложить объединиться всем, кому достались одинаковые буквы. Размещение рабочих мест тоже нужно продумывать заранее. На перемене можно поставить столы по 2 или по 3, а стулья расположить напротив друг друга. Такая планировка не мешает слушать, учащиеся могут видеть лица друг друга, что помогает совместному общению. Большое значение для эффективности учебного сотрудничества имеет характер его организации, в частности, внешняя регламентация деятельности участников групп. При организации первого занятия сообщаю учащимся, что при подготовке выступления следует выслушать всех участников группы, совместно попытаться разобраться в проблеме, в случае необходимости можно обратиться за помощью к преподавателю, затем выбрать выступающего. Во время работы групп необходимо следить, насколько продуктивно организуется совместная работа, помогать некоторым учащимся включиться в общение, оказывать необходимую помощь в решении проблемы. На подготовку выступления разным группам требуется разное время. Если не все группы подготовились одновременно, то выделяется для них дополнительное время. При озвучивании проблемы используются такие варианты работы: выступает один человек (по выбору группы или по желанию); выступают последовательно все члены группы. Но в том и другом случае учащиеся должны помнить, что выступать необходимо кратко и информативно.

Новый продукт. Логическим завершением работы над новыми знаниями является создание нового продукта. Учитывая большой объем информации, усваиваемой на уроке, и ограниченность времени, в качестве нового продукта предлагается учащимся сделать самостоятельные выводы (например, о том, могут ли оставаться произносительные нормы неизменными по истечении десятилетий), высказать свою точку зрения (например, о необходимости существования единых норм орфоэпии), выполнить новое, ранее не выполнявшееся задание.

Рефлексия. Этот этап предполагает подведение итогов деятельности учащихся. Рефлексии способствуют вопросы: — Что особенно понравилось? Чему научились? Как пригодятся эти знания в будущем? Какие выводы можно сделать по сегодняшнему уроку? Данные вопросы позволяют учащимся выделить то главное, новое, что они узнали на уроке, осознать, где, каким образом и для каких целей эти знания могут быть применены.

Оценивание. Этот вопрос является наиболее сложным для учителей, работающих в интерактивном режиме. Оценивание должно стимулировать работу учащихся на последующих занятиях. В первый раз, если все работали активно, с желанием, выставляю всем участникам группы высший

балл. В дальнейшем оценивание можно поручать руководителю группы. Такой способ организации оценивания имеет профессиональную направленность — приучает учащихся оценивать работу других. Можно использовать такой подход: каждый член группы оценивает каждого, т. е. выставляет отметку каждому товарищу в листок оценивания. Учитель собирает листки и выводит средний балл. Наконец, можно воспользоваться самооценкой работы учащихся.

Домашнее задание. После проведения уроков в интерактивном режиме предлагаются задания, требующие творческого переосмысления изученного материала: написать сочинение-миниатюру по теме, высказать свою точку зрения по проблеме, провести стилистический эксперимент. Такое задание в большей степени соответствует природе интерактивного обучения.

Занятия, построенные в интерактивном режиме, вызывают заметный интерес у учащихся, прежде всего потому, что нарушают привычный и несколько надоевший порядок работы на уроке, позволяют каждому побыть не в роли пассивного слушателя, а в роли активного участника, организатора учебного процесса.

Технологий интерактивного обучения существует огромное количество. Каждый учитель может самостоятельно придумать новые формы работы с классом. Это зависит прежде всего от уровня подготовки класса, от того, старшее или среднее это звено, от того, насколько доверительные и доброжелательные отношения между учителем и учениками. Интерактивные формы могут присутствовать в качестве отдельных элементов на определенных этапах урока или представлять использоваться на протяжении всего урока.

Технологии интерактивного обучения.

1. Работа в парах.
2. Ротационные (сменные) тройки.
3. Карусель.
4. Работа в малых группах.
5. Аквариум.
6. Незаконченное предложение.
7. Мозговой штурм.
8. Броуновское движение.
9. Дерево решений.
10. Суд от своего имени.
11. Гражданские слушания.
12. Ролевая (деловая) игра.
13. Метод-пресс.
14. Займи позицию.
15. Дискуссия.
16. Дебаты.

Использование интерактивных методов обучения русскому языку в 5-м классе

Изучение русского языка в школе предполагает, как известно, реализацию 3 основных задач: 1) дать учащимся знания по русскому языку и умение использовать их на практике, 2) развивать мышление, творческие умения и способности, 3) воспитывать национально сознательную личность.

Результативность дидактических целей, сознание, прочность и глубина знаний учеников по русскому языку находится в прямой зависимости от активной заинтересованности предметом, желания знать его, то есть от уровня **мотивации учащихся к изучению предмета**.

Начиная преподавать русский язык, учитель ставит перед собой вопрос: как сделать урок не только познавательным, информативным, но и поддерживать у детей заинтересованность предметом, желание учиться, сделать урок интересным, повысить у школьников мотивацию к обучению?

Ища ответ на этот вопрос, можно сделать вывод, что заинтересовать, мотивировать учащихся к изучению предмета можно путем избежания однообразия, шаблонности в работе, использования таких форм, методов обучения, которые возбуждают познавательный интерес и стимулируют самостоятельное мышление школьников. Как известно, вся деятельность ребенка состоит из отдельных последовательных операций. Сначала ученик воспринимает информацию, а дальше мыс-

лит на основании ее. При этом очень важна заинтересованность в этом процессе. Причем все эти операции взаимосвязаны между собой. Поэтому учитель должен направить все свои творческие усилия на создание системы активных методов обучения, которые будут направлены на активизацию мотивации учащихся к обучению и их познавательной деятельности.

Данные задачи учителю необходимо реализовывать, используя на уроках русского языка в 5–6 классах игровые задания и отдельные **интерактивные технологии обучения**, которые позволяют создавать на уроке ситуацию успеха, включать игровые моменты, сопровождать работу доброжелательным комментарием, что очень важно для учащихся 5–6-х классов с учетом их возрастных психологических особенностей. На таких уроках залогом успеха становится умение создать атмосферу познания, поиска, заинтересованности.

Важно то, что, применяя **элементы интерактивного обучения** на уроках русского языка в 5–6 классах, можно отметить, что благодаря таким технологиям учащиеся учатся быть демократическими, критически мыслить, сотрудничать, принимать решения, общаться с другими.

Также нужно отметить, что использование интерактивных технологий не должно быть самоцелью, а лишь средством, способствующим сотрудничеству на уроке.

На уроках русского языка в 5–6-х классах необходимо использовать такие интерактивные технологии, которые будут доступны и понятны для учащихся. Это такие технологии как «Микрофон», «Мозговой штурм», работа в парах, «Обучая — учусь», «Займи позицию», «Незаконченное предложение» и др.

Например, интерактивную технологию «Микрофон» используем на этапе мотивации учебной деятельности. Учащиеся должны представить себя, работающими с микрофоном (ручка, карандаш) и, передавая его друг другу, выразить собственное мнение о том, чего они ожидают от урока (что узнать, научиться, что вспомнить), исходя из темы. Таким же образом можно провести этап итога урока, поставив ученикам вопрос: достигнута ли цель урока? Узнали ли они что-то новое? Обогастили свои знания, словарный запас и т. д.? Понравился урок? Чем?

На этапе формирования умений и навыков используем интерактивную технологию «Займи позицию». Например, при изучении темы «Группы прилагательных по значению» каждый ученик вытягивает листок с написанным на нем прилагательным. На доске — в разных местах — листы с надписями: «качественные», «относительные», «притяжательные». Каждый ученик должен подойти к соответствующему листу, назвать свои прилагательные и обосновать выбор.

Используя на уроках данные технологии, можно увидеть определенный результат: учащиеся не только усваивают знания, но и понимают, учатся их применять, анализировать, синтезировать, оценивать. То есть такая работа способствует очень высокому уровню активности учащихся, это является результатом того, что главным источником мотивации обучению становится интерес самих учащихся.

Учителю использование таких технологий позволяет решать ряд задач: предлагать свою точку зрения с позиции научного знания, а не заставлять склоняться к своему мнению, **развивать критическое мышление школьников**, научить видеть ошибки или логические нарушения в утверждениях других учеников, уметь аргументировать свои мысли, изменять их, если они неверны и т. п.

Также помогают способствовать повышению познавательной деятельности, мотивации учащихся 5–6-х классов к изучению языка **игровые задания**, которые нужно стараться использовать на своих уроках чаще (если это мотивировано типом урока, его задачами), потому что они, в сочетании с другими формами работы, способствуют более глубокому усвоению знаний, индивидуализации обучения, определению уровня сформированности умений и навыков учащихся, развивают память, внимание, умение анализировать, сравнивать языковые явления. К тому же школьников этого возраста **лингвистические игры** в определенной степени активизируют.

Кроме того, использование игровых заданий способствует развитию мыслящей личности. Во-первых, такие задачи в основном являются поисковыми. Они ставят ученика перед необходимостью самостоятельно находить пути решения, а следовательно, распознавать, анализировать языковые факты, сопоставлять их и формулировать выводы. А это развивает творческие способности школьника, внимание, инициативность. Во-вторых, работа с игровыми задачами создает положительную мотивацию обучения, пробуждает желание знать. В-третьих, самостоятельно открывая для себя определенные языковые явления, ученик получает удовольствие, уверенность в своих способностях, что приводит к самореализации личности.

Достижению вышеуказанных задач и целей, урока способствуют целый спектр лингвистических игр, которые можно использовать на уроках 5–6-х классах: кроссворд, викторина, аукцион, языковой конкурс, лингвистическая загадка, лингвистическая задача, «Ступени», «Перекресток», ребус, «Ты — редактор», «Излишки», «Поймай ошибку», «Верю — не верю», «Сортировка», «Самый умный», «Языковая дуэль», «Последнее слово — за тобой», «Кто быстрее», «Лингвистическая эстафета», «Ты — учитель», «Словопирамида» и другие.

Игровые задания можно использовать на разных этапах урока, потому что они дают возможность и активизировать внимание учащихся, и отработать усвоенные знания, и снять напряжение и повысить производительность. Приведем несколько примеров использования игровых заданий [18, с. 16].

Тема. Антонимы

На этапе актуализации опорных знаний предлагаем ученикам игровое задание «Отгадай загадку»:
Короткий хвост и длинные ноги,

Ночью и днем. — в тревоге,

Мира и покоя не знаю,

Всех боюсь и убегаю. (Заяц)

Учащиеся отгадывают загадку. Учитель подчеркивает мелом разных цветов пары слов (короткий — длинные, ночью — днем, тревоги — покоя).

«Мозговой штурм»

Почему именно эти слова объединены учителем в пары? Что можно сказать о значении данных слов? Что можно сказать об их принадлежности к частям речи? Как называются такие слова? Дальше — работа по изучению темы.

Тема. Написание фамилий

На этапе закрепления знаний учащимся предлагаем для решения лингвистическую задачу:

После окончания урока учительница попросила ученика позвать в кабинет Онищенко. Парень, выйдя из кабинета, задумался: кого нужно позвать, ведь в классе есть и Елена Онищенко, и Петр Онищенко?

На этапе формирования умений и навыков применяю различные игровые задания:

Тема. Однокоренные слова

«Ступени»

Заполнить «Лестницу» однокоренных слов.

... лис...

... лис...

... лис...

... лис...

... ход...

... ход...

... ход...

Тема. Фразеологизмы

Игра «Аукцион»

Проводится в форме аукциона или эстафеты: за 3–4 мин. учащиеся должны назвать как можно больше фразеологизмов со словами: голова, язык, глаза, зубы, ноги.

«Скрытое слово»

Подберите к каждому слову антоним и прочитайте «скрытое» слово. Все слова-антонимы должны начинаться одинаковой буквой.

1. Конкретный. 2. Мирный. 3. Несчастный. 4. Пассивный. 5. Симпатичный.

Игра «Орфографическая эстафета»

Класс делится на команды (по рядам). На доске записано слово с орфограммами (например, директор). Каждый член команды должен написать слово с орфограммами, которое начиналось буквой, на которую закончилось предыдущее. Выигрывает команда, быстрее справившаяся с заданием. (Например: директор — рукавичка — ателье...).

Тема. Существительное. Повторение**«Лишнее»**

Определить «лишнее» слово, обосновать свой выбор. Марш, башня, утес, плечо, надежда. Дрожжи, радость, очки, листья, ножницы. Почтальон, жена, староста, слуга, сирота.

Для проверки уровня усвоения теоретических знаний используем игру «Ты — мне, я — тебе». Учащиеся заранее должны подготовить вопросы по теории изучаемой темы для одноклассников.

Также ученики получают домашнее задание (для выполнения по желанию) игрового характера: составить кроссворд, ребус, лингвистическую задачу, «Лишнее слово». Такие задачи, как правило, дети выполняют с удовольствием, прилагая и знания, и творческие способности. Так, например, при изучении темы «Строение слова. Словообразование» используем лингвистическую игру для одноклассников «Отгадай слово»:

А) Угадайте слово, в котором: корень от слова *земля*, суффиксы от слов *весенний*, *кровать*, окончание от слова *лопата* (землянка).

Б) Угадайте слово: государственная песня + часть мира (гимназия).

В) Угадайте слово: воронье слово + игровая карта (картуз).

Г) Угадайте слово, в котором: приставку от слова *бесцветный*, корень от слова *вода*, суффикс от слова *парный*, окончание от слова *красивый* (безводный).

Кроме того, используем в 5–6 классах **нетрадиционные уроки**: языковой турнир, брейн-ринг, урок-соревнование, урок-путешествие, урок-викторина, урок-исследование и др., которые также привлекают учащихся и повышают уровень познавательной деятельности и мотивации к изучению родного языка.

Использование на уроках русского языка отдельных интерактивных технологий и игровых заданий действительно повышает уровень познавательной деятельности и мотивации учащихся, заинтересовывает их, что способствует желанию выполнять те или иные виды работ, а следовательно — усваивать учебный материал в сотрудничестве, сотворчестве, путем самостоятельной работы. Учителю данные технологии позволяют дифференцировать, индивидуализировать процесс обучения, развивать аналитическое мышление учащихся, формировать у них навыки самооценки, самоконтроля своей учебной деятельности, способствовать развитию творческого мышления, культуры общения, воспитывать активную личность, которая умеет видеть, ставить и решать нестандартные проблемы.

Имя собственное в повести А. П. Чехова «Три года» как семантически емкий компонент

Функционируя в тексте повести А. П. Чехова «Три года», имена собственные выступают в качестве семантически емких компонентов, отсылая читателя к лингвистическим представлениям, актуализируя его знания о языке, языковой действительности, и экстралингвистическим, апеллируя к музыкальным, литературным и историческим пресуппозициям. Понимание и интерпретация художественного текста, осмысление его собственно эстетической значимости оказываются связанными с наличием или отсутствием у читателя соответствующих фоновых знаний.

Ключевые слова: текст, смысл, пресуппозиция, имплицитность, эстетический.

Несмотря на всестороннюю изученность повести А. П. Чехова «Три года» [3–6; 8], имена собственные как семантически емкие компоненты смысловой структуры высказывания специально не рассматривались.

Функционируя в тексте произведения, имена собственные отсылают читателя к различным знаниям — лингвистическим и экстралингвистическим, в последнем случае апеллируя к его музыкальным, литературным, историческим представлениям. Степень и глубина восприятия художественной составляющей текста оказываются связанными с наличием или отсутствием у читателя соответствующих фоновых знаний.

— *Мне сегодня Лаптев сделал предложение, — сказала Юлия Сергеевна и покраснела.*

Доктор поглядел на нее и как будто не понял.

— *Лаптев?* — *спросил он. — Брат Панауровой?*

Употребление имени собственного *Лаптев* в вопросе-переспросе отсылает читателя к лингвистическим представлениям (в явной форме не осознаваемым) о значении конструкций с коммуникативным переспросом как реплик удивления, недоумения, беспокойства, неодобрения. «Переспрос-недоумение является высокоэкспрессивным средством выражения эмоционального отношения к высказыванию собеседника» [1, с. 27].

Подобное использование имени собственного позволяет читателю оценить психологическое состояние отца, который услышал о том, что его дочери сделали предложение. Конструкция нечеткой номинации *как будто не понял*, включаясь в описание внутреннего состояния героя («его пугало одиночество»), характеризует стадию отрицания нежелательной ситуации («останется в этом большом доме один»). В качестве лингвистических пресуппозиций выступают знания коммуникантов о возможности употребления имени собственного в генерализующем значении [5, с. 109]. В языке и речи типизируются и обобщаются черты героев литературных и музыкальных произведений, исторических личностей и т. п.

— *Ромео и Юлия!* — *сказал он, закрывая книгу, и засмеялся.*

Имена собственные, реализующие семантическую категорию обобщенности, отличаются уровнем репрезентирующих ее единиц в смысловой структуре высказывания.

Метафорические значения, являясь собственно языковым, устойчиво воспроизводимым носителями языка (*Ромео*), актуализируются на поверхностном уровне смысловой структуры высказывания, участвуя в выражении эксплицитного коммуникативного смысла, так как употребление имени собственного как одного из средств выражения категории обобщенности в данном случае привело к возникновению лексемы с устойчивым значением.

Имя собственное, реализуя в составе высказывания прямое значение, может выступать в качестве семантически емкого компонента, требуя от читателя определенных когнитивных усилий для распознавания смысла высказывания или его части.

«Фамилия Ротшильд, как прежде, так и теперь, рождает, прежде всего, ассоциацию с известной семьей банкиров, богачей» [6, с. 67]. Использование имени собственного *Ротшильд* в обобщенном смысле как обозначения любого богача поддерживается его противопоставленностью значению лексемы *рабочий*, формой единственного числа которой выражается грамматическое значение обобщенной множественности.

— *Это будет не скоро, очень не скоро, — сказал Костя и усмехнулся, — очень не скоро, когда Ротшильду покажутся абсурдом его подвалы с золотом, а до тех пор рабочий пусть гнет спину и пухнет с голоду...*

Номинации *Ротшильд* и *рабочий* выступают в качестве обозначений представителей класса эксплуататоров и эксплуатируемых в одном противопоставляющем контексте, реализуя заложенную в языке обобщающую способность имен собственных и форм единственного и множественного числа нарицательных имен существительных, которые в таком случае «не реализуют ... своей квантитативной функции и могут взаимно заменяться без ущерба для семантики высказывания» [2, с. 70], о чем свидетельствует употребление формы множественного числа *положение фабричных рабочих* в предшествующем монологе Ярцева.

Двуплановость восприятия имени *Ротшильд* в частно-конкретном (как «фамилии живого барона Ротшильда» [6, с. 70]) и обобщающем смысле (как любого богача) возможна в случае знакомства читателя с содержанием статьи «Маленькие письма» А. Суворина, в которой он называет банкира Альфонса Ротшильда «королем золота» и осуждает за «прямолинейную пошлость взглядов на рабочий вопрос, на социализм, на труд ...» [6, с. 71]. Ср.: употребление лексемы *Ротшильд* и номинации *подвалы с золотом* в составе одного высказывания в контексте обсуждения героями повести вопроса о положении фабричных рабочих.

Номинация *опереточный Гаспар* из «*Корневильских колоколов*» на поверхностном уровне смысловой структуры высказывания называет конкретного героя оперетты, выступая при этом в качестве семантически емкого компонента, определяя необходимость владения читателем соответствующими музыкальными знаниями.

Употребление А. П. Чеховым имени опереточного Гаспара для характеристики доктора Белавина обусловлено наличием у героев общих черт, эксплицируемых в тексте лексемой *скряга*. Понимание смысла сопоставления героя повести и опереточного Гаспара оказывается возможным при наличии у читателя представлений о последнем как о «скряге», который пытается расчетливо выдать племянницу замуж. Сочетание *опереточный Гаспар* из «*Корневильских колоколов*» актуализирует соответствующее значение как имплицитный пресуппозиционный смысл, обнаруживаемый на глубинном уровне семантической структуры высказывания.

Музыкальные знания читателя обеспечивают интермедialность восприятия текста повести — герои произведения «говорят» об «Орлеанской деве», возможно, «в контексте просодики и акустических структур» [4, с. 18]. Возникновение «вербализации музыкального произведения», «сенсорное восприятие художественного образа» [4, с. 18] оказывается возможным только при наличии у читателя соответствующих музыкальных представлений.

Переходя в пределах одного высказывания с эксплицитного уровня выражения (*лирической*) на имплицитный (*Антон Горемыка*), писатель передает часть предназначенного для сообщения смысла с помощью парафразы, содержащей апелляцию к определенным знаниям читателя:

— ...*У вас там, в столице, до сих пор еще интересуются провинцией только с лирической стороны, так сказать, со стороны пейзажа и Антона Горемыки...*

Имя собственное *Антон Горемыка* выступает в качестве семантически емкого компонента и отсылает читателей к литературным знаниям о том, что в повести «Антон Горемыка» Д. В. Григоровичем создан образ грамотного, порядочного, трудолюбивого крестьянина-земледельца. Названные черты обобщаются и типизируются при употреблении данного имени в речи героя повести «Три года» Панаурова для обозначения крестьянина как представителя определенного социального типа. Писатель пользуется приемом перифразирования с целью усиления выразительности речи, насыщения ее смысловыми и эмоционально-оценочными моментами, что оказывается возможным при наличии у читателя соответствующих литературных знаний.

В основе функционирования индивидуальной номинации в обобщающем значении может лежать метонимизация значения лексемы. Знание моделей метонимического переноса относится

к сфере лингвистических компетенций коммуникантов. Генерализующий характер семантики обнаруживается у имен собственных, реализующих модель метонимического переноса наименования с частного на общее:

— *В самом деле, хорошо бы написать историческую пьесу, — сказал Ярцев, — но, знаете, без Ляпуновых и без Годуновых, а из времен Ярослава или Мономаха...*

Номинации *без Ляпуновых, без Годуновых* метонимически обозначают период правления Бориса Годунова, что делает возможным их противопоставление времени правления Ярослава или Мономаха. Обобщающий характер функционирования указанных имен собственных поддерживается употреблением их в формах множественного числа, не имеющих значения грамматической множественности.

Лексема *Москва* в тексте повести реализует модель метонимического переноса с общего на частное.

Ср.: *пошлите в Москву телеграмму и написал дочери такую телеграмму.*

Иной тип дискурсивного метонимического переноса (разновидность эллиптической метонимии) реализуется в сочетании с глаголом *любить* [7, с. 6]: *Люблю я Москву; И Ярцев, и Костя родились в Москве и обожали ее...; Она провинциалка, но она училась в Москве, любит нашу Москву...*

Фрагмент смысла, имплицитный употребленным метонимически именем собственным, представляющим наименование города (*Москва*), может быть эксплицирован в посттексте: *Москва же развлекала ее, улицы, дома и церкви нравились ей очень...*

Одни и те же имена существительные в тексте повести функционируют в частно-конкретных и обобщающих значениях, требуя от читателя разных когнитивных усилий при интерпретации их значений.

Номинации *Пятницкая* и *амбар*, имеющие в тексте повести большую эстетическую нагрузку, используются как обозначения единичных предметов, называя *амбар* как помещение и *Пятницкую* как улицу.

Лексема *амбар* реализует модель переноса по смежности, обозначая «торговое учреждение», которое находится в амбаре: *В амбаре, несмотря на сложность дела и на громадный оборот, бухгалтера не было...* Лексема *Пятницкая* метонимически обозначает дом отца, находящийся на этой улице.

Наибольшей степени обобщенности звучания номинации *Пятницкая* и *амбар* достигают, становясь символами рабского прошлого героя: *Пятницкая и амбар ему ненавистны...*

Рассмотрение текста повести в коммуникативном аспекте позволяет сделать вывод о том, что понимание смысла, репрезентируемого именем собственным в составе высказывания, требует от читателя различных когнитивных усилий в зависимости от необходимости привлечения лингвистических и/или экстралингвистических знаний, лежащих в основу осмысления собственно эстетической значимости художественного произведения.

Литература:

1. Воробьева Е. Н. Структурно-коммуникативные типы недоуменного переспроса // Язык и культура. — 2015. — № 2 (30). — С. 16–21.
2. Гаврилова Е. Н. Обобщенность как категория лингвистики текста // Русский язык за рубежом. — 1980. — № 5. — С. 68–73.
3. Дроздова И., Ким Н. М. Стилистический аспект функционирования предложений с обобщенным значением в тексте повести А. П. Чехова «Три Года» // XII Молодежные Чеховские чтения в Таганроге: материалы XII Международной конференции. — Ростов-на-Дону: Foundation, 2020. — С. 144–150.
4. Игнатенко А. В. Интермедиаальный дискурс в повести А. П. Чехова «Три Года» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. — № 4 (82). — Ч. 1. — С. 16–20.
5. Ким Н. М. Языковые средства репрезентации категории обобщенности в тексте повести А. П. Чехова «Три года» // «Славика». — Институт славистики Дебреценского университета, 2021. — С. 107–116.
6. Кубасов А. В. Семантика нарративной структуры рассказа А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда» // Филологический класс. — 2010. — № 2 (24). — С. 67–72.

7. Раевская О.В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Известия АН. Серия литературы и языка. — 1999. — Т. 58. — № 2. — С. 3–12.
8. Собенников А.С., Перепелицына Н. В. Повесть А. П. Чехова «Три года»: интуиция художника, гендерная психология, «грамматика текста» // Сибирский филологический журнал. — 2014. — № 41. — С. 48–151.

Natalia Kim

lanin.as@mail.ru

Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch)

«Rostov State University of Economics»

Proper name in A. P. Chekhov's novella "Three Years" as a semantically capacious component

Functioning in the text of A. P. Chekhov's novella "Three Years", proper names act as semantically capacious components, referring the reader to linguistic representations, actualizing his knowledge of language, linguistic reality, and extralinguistic, appealing to musical, literary, historical presuppositions. Understanding and interpretation of a literary text, comprehension of its proper aesthetic significance are associated with the presence or absence of the reader's relevant background knowledge.

Keywords: text, meaning, presupposition, implicitness, aesthetic.

Слово И. А. Бунина на уроке русского языка (на материале отрывка из рассказа «Антоновские яблоки»)

Изучение языка и стиля И. А. Бунина через языковедческий анализ предложенного фрагмента из рассказа «Антоновские яблоки». В статье представлен примерный образец комплексного анализа текста, имеющий различные уровни: лексический, морфологический, синтаксический и пунктуационный. Работа с отрывком из рассказа И. А. Бунина направлена на формирование языковедческой, коммуникативной и культуроведческой компетенции учащихся.

Ключевые слова: коммуникативная, языковедческая, культуроведческая компетенции; комплексный анализ; лексический, морфологический, синтаксический, пунктуационный уровни; средства выразительности; стиль писателя.

«Бунин у нас, в нашей литературе — последний бесспорный, несомненный представитель эпохи, которую мы не напрасно называем классической, как бы ни был растянут и зыбок смысл этого слова», — именно так определил место Ивана Алексеевича Бунина в русской литературе Георгий Адамович [4, с. 131]. Действительно, Иван Алексеевич Бунин, оказавшись в эмиграции, вдали от родины, так и не изменил традициям отечественной культуры. Высочайший художественный уровень литературного наследия, уникальность прозы и лирики, дневниковых записей, собранных в книге «Окаянные дни», позволили говорить о Буине как о выдающемся мастере двадцатого века и как о художнике слова мирового масштаба. Бунин стал первым из русских писателей, кому была присуждена Нобелевская премия по литературе. И на чужбине Бунин оставался русским: «Я очень русский человек. Это с годами не пропадает...» [3, с. 164]. А свою роль в литературе писатель оценил так: «Да, я не посрамил ту литературу, которую полтора столетия тому назад начали Карамзин и ... Жуковский» [Там же].

Учитель-словесник, воспитывая у школьников желание «открыть» для себя творчество Ивана Бунина, вступает вместе с учениками в удивительный мир произведений тонкого мастера русского художественного слова, знакомит их с речевой организацией содержания его произведений. Только через слово писателя возможно это открытие. «Читать Бунина нужно медленно: его «густая», по выражению Чехова, проза проникает в читателя не сразу; «пробегать» его глазами бессмысленно, ибо даже одно недочитанное, недочувствованное слово — потеря целой фразы. Предшествующий огромный труд художника требует истинного сотворчества труда читателя», — пишет А. И. Саакянц [5, с. 350].

Приведем пример урока, основной развивающей целью которого является побудить старшеклассников к размышлениям об уникальности художественного слова Бунина, высокоинтеллектуального человека, русского писателя, который никогда не порывал внутренних связей с Россией, жил и творил с любовью к ней.

Детство и юность Бунина прошли среди природы, что сказалось на формировании в будущем поэта и прозаике творческих качеств. Сам И. А. Бунин был глубоко убежден в том, что не должно быть «деления художественной литературы на прозу и стихи», и признавался, что такой взгляд кажется ему «неестественным и устарелым». Иван Алексеевич писал: «Поэтический элемент стихийно присущ произведениям изящной словесности одинаково как в стихотворной, так и в прозаической форме. Проза также должна отличаться тональностью. <... > К прозе не менее, чем к стихам, должны быть предъявлены требования музыкальности и гибкости языка. <... > Мне думается, я буду прав, если скажу, что поэтический язык должен приближаться к простоте и естественности разговорной речи, а прозаическим слогом должна быть усвоена музыкальность и гибкость стиха» [4, с. 131].

Фрагмент из произведения И. А. Бунина «Антоновские яблоки» станет объектом исследования, благодаря которому мы постараемся ощутить магическое воздействие мастера слова. Работа с отрывком из рассказа И. А. Бунина направлена на формирование языковедческой, коммуникативной и культуроведческой компетенции учащихся. Все: творческие задания, вопросы, примеры, анализ средств художественной выразительности — подчинено созданию возвышенного настроения на уроке. Безусловно, создает такой особый настрой проза Бунина. Ученики должны почувствовать восхищение красотой, удивление картиной сада. «... Вся работа по языку (начиная со звука и написания и кончая различными по своей структуре и функции значимыми единицами: морфемами, словом, предложением, периодом и т. д.) будет осуществляться на материале художественного текста и служить как общефилологическому (и лингвистическому, и литературному) образованию, так и воспитанию» [7, с. 39]. «Раскрыть текст — значит понять культуру и одновременно понять самого себя», — утверждает В. В. Колесов [2, с. 376]. Н. С. Болотнова, рассматривая особенности, объединяющие художественный текст и культуру, убеждена в том, что текст является не только единицей языка и речи, но и единицей культуры [1, с. 58–59].

Итак, для комплексной работы, включающей языковедческий анализ и культуроориентированные задания, мы использовали небольшой отрывок из рассказа «Антоновские яблоки», написанного И. А. Буниным в 1900 году.

Выразительное чтение текста

К ночи в погоду становится очень холодно и росисто. Надышавшись на гумне ржаным ароматом новой соломы и мякины, бодро идешь домой к ужину мимо садового вала. Голоса на деревне или скрип ворот раздаются по студеной заре необыкновенно ясно. Темнеет. И вот еще запах: в саду — костер, и крепко тянет душистым дымом вишневых сучьев. В темноте, в глубине сада, — сказочная картина: точно в уголке ада, пылает около шалаша багровое пламя, окруженное мраком, и чьи-то черные, точно вырезанные из черного дерева силуэты двигаются вокруг костра, меж тем как гигантские тени от них ходят по яблоням. То по всему дереву ляжет черная рука в несколько аршин, то четко нарисуются две ноги — два черных столба. И вдруг все это скользнет с яблони — тень упадет по всей аллее, от шалаша до самой калитки...

Поздней ночью, когда на деревне погаснут огни, когда в небе уже высоко блещет бриллиантовое семизвездие Стожар, еще раз пробежишь в сад. Шурша по сухой листве, как слепой, доберешься до шалаша. Там на полянке немного светлее, а над головой белеет Млечный Путь.

Языковедческий анализ текста

Отрывок из первой главы рассказа Бунина И. А. «Антоновские яблоки» позволяет провести наблюдения над соединением в тексте разных типов речи — описание места, описание времени и пространства. Писатель рисует уголок России, показывая его ранней осенью. Изображая родную природу, русскую деревню, яблоневый сад — все, что особенно дорого, Бунин решает тему родины.

Следует обратить внимание учащихся на позицию автора, на обусловленность содержания и языковых средств. Герой повествования выступает в роли внимательного наблюдателя, человека, бесконечно любящего эти места.

Лексическим центром является слово САД — одно из ключевых слов текста. Слово «сад» оживило воспоминания о чем-то родном, близком душе. Сад — это микромир, изображение сада — картина мира, в котором есть место непознанному, таинственному и даже страшному. В отрывке сад предстает живым существом со своим настроением и характером. Он показан сквозь призму настроений автора. Единство текста обеспечивает тематическая группа слов: садового вала, в саду, вишневых сучьев, в глубине сада, точно вырезанные из черного дерева, по яблоням, по всему дереву, скользнет с яблони, по всей аллее.

Основная часть отрывка — это описание сада. Ничто не ускользает от внимательного взгляда героя. Он слышит каждый звук: голоса на деревне, скрип ворот; шурша по сухой листве; чувствует все запахи: ржаным ароматом, душистым сеном; видит каждый предмет: костер, шалаш, черные силуэты, калитку.

В данном фрагменте изображается пространство осеннего яблоневых сада: на гумне, садового вала, в саду, в глубине сада. Второй абзац — пространство над садом: «высоко блещет бриллиантовое семизвездие Стожар», «над головой белеет Млечный Путь».

Для усиления эмоционально-экспрессивной, образной характеристики признаков изображаемых предметов писатель использует имена прилагательные, обозначающие цвет, и другие части речи, связанные с передачей цвета. Можно выделить три группы: черный, красный и белый цвет. Черный: к ночи, темнеет, в темноте, окруженное мраком, чьи-то черные, точно вырезанные из черного дерева, гигантские тени, черная рука, два черных столба, поздней ночью. Красный: по... заре, костер, багровое пламя, вокруг костра. Белый: бриллиантовое, светлее, белеет, Млечный Путь.

Образность и эмоциональность приведенному фрагменту придают тропы и стилистические фигуры. Важную роль играют метафора (То... ляжет черная рука в несколько аршин, то четко нарисуются две ноги — два черных столба) и сравнение (точно вырезанные из черного дерева, точно в уголке сада, как слепой). А возрастающая градация: темнеет, в темноте, в глубине сада... точно в уголке ада, — придает тексту дополнительное экспрессивное значение, связанное с образом ада.

Значение состояния среды передается различными частями речи, но доминирующую роль играют качественные прилагательные и существительные. Для изображения картины осени и ощущений героя писатель использует слова категории состояния (становится очень холодно и росисто), безличные глаголы (темнеет). Глаголы в форме настоящего времени несовершенного вида (идешь, раздаются, тянет, пылает, двигаются) усиливают эффект присутствия при происходящем, эффект сопричастности. А дорисовывают картину глаголы будущего времени совершенного вида (ляжет, упадет, нарисуются, скользнет). Три глагола в форме 2-го лица настоящего времени идешь, пробежишь, доберешься употребляются в значении 1-го лица и имеют обобщенное значение. Реалистичность «сказочной картины» сада подчеркивают наречия (необыкновенно ясно, крепко тянет, четко нарисуются, высоко блещет).

Значение состояния среды передается различными синтаксическими средствами. Синтаксический строй текста разнообразен, благодаря использованию предложений с однородными членами, сложносочиненных, сложноподчиненных, бессоюзных сложных. Прозаический текст приобретает определенный ритм, что способствует созданию художественного образа. Передавая состояние человека и природы, автор использует предложения с одним главным членом, выраженным безличным глаголом (К ночи в погоду становится очень холодно и росисто). Безличным глаголом «темнеет» обозначено время суток. Сфокусировать внимание на объекте эстетического восприятия позволяет бессоюзное предложение, первая часть которого представляет предложение с одним главным членом, выраженным именем существительным. Это неполное предложение (В темноте, в глубине сада, — сказочная картина). Конкретизирует «сказочную картину» вторая часть бессоюзного предложения: «точно в уголке ада, пылает около шалаша багровое пламя, окруженное мраком, и чьи-то черные, точно вырезанные из черного дерева силуэты двигаются вокруг костра, меж тем как гигантские тени от них ходят по яблоням». Зримо и четко представить образ сада помогают сложносочиненные предложения. Например, «То по всему дереву ляжет черная рука в несколько аршин, то четко нарисуются две ноги — два черных столба. И вдруг все это скользнет с яблони — тень упадет по всей аллее, от шалаша до самой калитки...» Союз и передает последовательность явлений, что создает цельное динамичное описание.

Второй абзац состоит из трех предложений. Сложноподчиненное предложение с однородным подчинением придаточных времени: «Поздней ночью, когда на деревне погаснут огни, когда в небе уже высоко блещет бриллиантовое семизвездие Стожар, еще раз пробежишь в сад». Простое односоставное предложение, осложненное обособленным обстоятельством и сравнительным оборотом: «Шурша по сухой листве, как слепой, доберешься до шалаша». Сложносочиненное предложение с противительным союзом а: первая часть которого представляет односоставное безличное предложение: «Там на поляне немного светлее», а вторая часть двусоставное предложение: «над головой белеет Млечный Путь».

Анализируя пунктуацию, отметим особую выразительность тире. В небольшом отрывке тире употребляется четыре раза. В конце последнего предложения первого абзаца — многоточие. Автор предлагает читателю мысленно «дорисовать» картину осеннего яблоневого сада.

Создавая настроение, автор как бы включает и нас, читателей, в нарисованную им картину. Бунин достигает удивительной мелодичности, музыкальности, поэтичности в изображении осеннего пейзажа. И мы ощущаем близость бунинской прозы к поэзии. Фрагмент текста похож на лирическую миниатюру. Значимыми становятся ритм текста, его звуковая организация, порядок

слов, неопределенная зыбкость интонации, образность. Исследователь прозы Бунина Ю. Мальцев считает рассказ «Антоновские яблоки» первым произведением, «где четко проявляется стилевое самосознание автора» [4, с. 133].

Подобная работа с текстом на уроке позволяет выявить языковые и изобразительно-выразительные средства языка писателя. Работа с художественным текстом Ивана Алексеевича Бунина — прекрасная возможность развить чувство языка, подготовиться к интерпретации текста, выйти на обсуждение глубинного смысла названия произведения «Антоновские яблоки» и обсуждение «одиноким страннической» судьбы автора произведения. Читая Бунина, мы возвращаемся к истокам русской духовной культуры.

Литература:

1. Болотнова Н. С. Художественный текст как единица культуры и проблема его изучения // Культурологический подход: его реализация в школьном и вузовском курсах русского языка: Доклады и тезисы докладов участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика А. В. Текучева (11–12 марта 2003 г.) / сост. Проф. А. Д. Дейкина, проф. Л. А. Ходякова. — М., 2003. — С. 58–59.
2. Колесов В. В. История русского языкознания. Очерки и этюды. — СПб., 2003. — С. 376.
3. Русская литература XX века. 11 класс: учебник для общеобразовательных учебных заведений. — В 2 ч. Ч. 1/ В. В. Агеносов и др.; Под редакцией В. В. Агеносова. — М.: Дрофа, 1996. — С. 164.
4. Русская литература XX века. 11 класс.: Учебник-практикум для общеобразовательных учреждений / Под редакцией Ю. И. Лысого. — 3-е изд. — М.: Мнемозина, 2002. — С. 131–133.
5. Саакянц А. И. И. А. Бунин и его рассказы // Бунин И. А. Рассказы. — М., 1978. — С. 350.
6. Сергушева С. В. Комплексный анализ текста. СПб., 2005. — С. 6–9.
7. Шанский Н. М. О курсе «Русская словесность» на продвинутом этапе обучения (X–XI классы) // РЯШ. — 1994. — С. 39.

Povalyaeva L. N.

povalyaeval64@mail.ru

*Gymnasium named after the Hero
of the Soviet Union P. A. Gorchakova*

I. A. Bunin's speech at the Russian language lesson (based on an excerpt from the story «Antonov apples»)

The study of the language and style of I. A. Bunin through the linguistic analysis of the proposed fragment from the story «Antonov apples». The article presents an exemplary sample of complex text analysis, which has different levels: lexical, morphological, syntactic and punctuation. Work with an excerpt from the story of I. A. Bunin is aimed at the formation of linguistic, communicative and cultural competence of students.

Keywords: communicative, linguistic, cultural competence; complex analysis; lexical, morphological, syntactic, punctuation levels; means of expression; the style of the writer.

Современный русский литературный язык как основа культуры речи русского народа

Родной язык — душа нации, первостепенный и наиболее очевидный ее признак. В языке и через язык выявляются такие важнейшие особенности и черты, как национальная психология, характер народа, склад его мышления, самобытная неповторимость художественного творчества, нравственное состояние и духовность.

Русский язык — национальный язык русского народа. Это язык науки и культуры. В расстановке слов, их значениях, смысле их соединений изначально заложена та информация о мире и людях, которая приобщает к духовному богатству, созданному многими поколениями предков. К. Д. Ушинский писал: «Каждое слово языка, каждая его форма есть результат мысли и чувства человека, через которые отразилась в слове природа страны и история народа». История русского языка, по убеждению В. Кюхельбекера, «раскрывает... характер народа, говорящего на нем».

Я считаю, что все средства языка помогают наиболее точно, ясно, образно и четко выражать самые сложные, важные и необходимые мысли и чувства людей, все многообразие окружающего нас мира. Поэтому сегодня, в XXI веке, актуально говорить об особенностях русского национального языка, который включает в себя не только нормированный литературный язык, но и народные диалекты, просторечные формы языка. Образование и развитие национального языка — это сложный и очень длительный процесс, происходящий с течением долгого времени.

Литературный язык — это основная, высшая, наддиалектная, обработанная форма существования национального языка, которая обслуживает разнообразные культурные потребности народа, язык художественной литературы, публицистических произведений, периодической печати, радио, театра, науки, государственных учреждений, школы и т. д. Литературный язык — это язык литературы в широком понимании. Он составляет основу национального языка и обязан сохранять свое внутреннее единство при различии используемых средств выражения. Норма языка — это общепринятое употребление языковых средств, правила, определяющие образцовое использование. Мне близка проблема охраны литературного языка и его норм, что непосредственно является одной из основных задач культуры речи.

Сегодня большинство ученых согласно с тем, что способность говорить врожденна человеку, однако, для того чтобы эта способность стала умением, превратилась в навык, необходимо научение языку. Развитие языковой способности человека обуславливает его общее развитие и в то же время является важной предпосылкой общественного прогресса. Согласно Аристотелю, общественное государственное устройство есть, прежде всего, речевая организация общества. Речь как орудие общения служит мощным средством воздействия на окружающих.

О культуре речи можно толковать с позиций общей культуры человека, которая, на мой взгляд, проявляется и выявляется в «речевом поведении», в знании языковых художественных богатств, в умении ими пользоваться. С другой стороны, культура речи может быть осмыслена и в экологическом аспекте — как часть нашей здоровой «языковой окружающей среды», нашего «речевого существования», освобожденного от грубых ошибок, от досадных неточностей, и от всего, что засоряет, огрубляет, стилистически снижает нашу речь.

Современный русский язык является не только национальным языком русского народа, но и основой культуры речи каждого человека.

Русский язык играет важную историческую роль в языковом развитии, вызывает большой интерес в современном мире. По свидетельству публикаций в российской прессе, число граждан США, Франции, Испании, Швеции, Финляндии, Австрии, Кореи, начавших изучать русский язык и литературу, в последнее время увеличилось в несколько раз. Наряду с английским, французским, испанским, китайским русский язык входит в число официальных международных языков ООН и многих политических, экономических и научных организаций.

Я считаю, прежде всего русский язык служит средством общения, позволяет говорящему выражать свои мысли, а другому индивиду их воспринимать и в свою очередь соответственно реагировать (принимать к сведению, соглашаться, возражать). Таким образом, язык помогает людям делиться опытом, передавать свои знания, организовывать любую работу, строить и обсуждать планы совместной деятельности.

Язык служит и средством сознания, способствует деятельности сознания и отражает ее результат. Язык участвует в формировании мышления индивида (индивидуальное сознание) и мышления общества (общественное сознание). Это познавательная функция.

Развитие языка и мышления — взаимообусловленный процесс. Развитие мышления способствует обогащению языка, новые понятия требуют новых наименований; совершенствование языка влечет за собой совершенствование мышления.

Язык, кроме того, помогает сохранять и передавать информацию, что важно как для отдельного человека, так и для всего общества. В письменных памятниках (летописи, документы, мемуары, художественная литература, газеты), в устном народном творчестве фиксируется жизнь нации, история носителей данного языка.

Таким образом, язык выполняет самые разнообразные функции, что объясняется его использованием во всех сферах жизни и деятельности человека и общества.

Русский язык — национальный язык русского народа

Национальный язык формируется на базе языка народности, что обеспечивает его относительную стабильность. Он является результатом процесса становления нации и одновременно предпосылкой и условием ее образования.

По своей природе национальный язык неоднороден. Это объясняется неоднородностью самого этноса как общности людей. *Во-первых*, люди объединяются по территориальному признаку, месту проживания. В качестве средства общения жители сельской местности используют диалект — одну из разновидностей национального языка. Диалект, как правило, представляет собой совокупность более мелких единиц — говоров, которые имеют общие языковые черты и служат средством общения жителей рядом расположенных деревень, хуторов. Территориальные диалекты имеют свои особенности, которые обнаруживаются на всех уровнях языка: в звуковом строе, лексике, морфологии, синтаксисе, словообразовании. Диалект существует только в устной форме.

Во-вторых, объединению людей способствуют социальные причины: общность профессии, род занятий, интересов, социального положения. Для таких социумов средством общения служит социальный диалект. Поскольку социальный диалект имеет немало разновидностей, в научной литературе для их наименования служат также термины *жаргон*, *арго*.

Помимо территориальных и социальных диалектов национальный язык включает в себя просторечие.

Просторечие — одна из форм национального русского языка, которая не имеет собственных признаков системной организации и характеризуется набором языковых форм, нарушающих нормы литературного языка. Такое нарушение норм носители просторечия (горожане с невысоким уровнем образованности) не осознают, они не улавливают, не понимают различия между нелитературными и литературными формами.

Просторечие, как территориальные и социальные диалекты, имеет только устную форму.

Понятие русского литературного языка

Высшей формой национального языка является литературный язык. Он представлен в устной и письменной форме. Для него характерно наличие норм, которые охватывают все уровни языка (фонетику, лексику, морфологию, синтаксис). Литературный язык обслуживает все сферы деятельности человека: политику, культуру, делопроизводство, законодательство, бытовое общение.

Нормы литературного языка отражаются в словарях: орфоэпических, орфографических, толковых, словарях трудностей, словосочетания.

Литературный язык имеет две формы — устную и письменную. В зависимости от того, из какого материала строится речь, она приобретает книжный или разговорный характер. Это также отличает литературный язык как высшую форму национального языка от других его разновидностей.

Книжная речь строится по нормам литературного языка, их нарушение недопустимо; предложения должны быть закончены, логически связаны друг с другом. В книжной речи не допускаются резкие

переходы от одной мысли, которая не доведена до логического конца, к другой. Среди слов встречаются отвлеченные, книжные слова, в том числе научная терминология, официально-деловая лексика.

Разговорная речь не столь строга в соблюдении норм литературного языка. В ней разрешается использовать формы, которые квалифицируются в словарях как разговорные. В тексте такой речи преобладает общеупотребительная лексика, разговорная; отдается предпочтение простым предложениям, избегаются причастные и деепричастные обороты.

Хочу обратить ваше внимание на особенности, характеризующие функционирование литературного языка в начале XXI века.

Во-первых, никогда не был так многочислен и разнообразен (по возрасту, образованию, служебному положению, политическим, религиозным, общественным взглядам, по партийной ориентации) состав участников массовой коммуникации.

Во-вторых, почти исчезла официальная цензура, поэтому люди более свободно выражают свои мысли, их речь становится более открытой, доверительной, непринужденной.

В-третьих, начинает преобладать речь спонтанная, самопроизвольная, заранее не подготовленная.

В-четвертых, разнообразие ситуаций общения приводит к изменению характера общения. Оно освобождается от жесткой официальности, становится раскованнее.

Новые условия функционирования языка, появление большого количества неподготовленных публичных выступлений приводят не только к демократизации речи, но и к резкому снижению ее культуры.

В чем же это проявляется?

Во-первых, в нарушении орфоэпических (произносительных), грамматических норм русского языка. Об этом пишут ученые, журналисты, поэты, простые граждане. Особенно много нареканий вызывает речь депутатов, работников телевидения, радио.

Во-вторых, на рубеже XX и XXI веков демократизация языка достигла таких размеров, что правильнее назвать процесс либерализацией, а еще точнее — вульгаризацией.

В современном литературном языке происходит интенсивное сближение традиционных книжно-письменных и устных средств с обиходно-разговорной стихией, городским просторечием, социальными и профессиональными диалектами. Однако известное раскрепощение литературных норм не должно приводить к их расшатыванию или стилистическому снижению. В качестве нормального и неизбежного процесса такое раскрепощение создает условия для богатства и разнообразия всех выразительных средств и, следовательно, для совершенствования речевой культуры. Вместе с тем, нам хорошо известно, что современная устная и письменная речь стилистически снижается и огрубляется. Язык художественной литературы испытывает тенденции к безликости и стандартности (включая стандарты новейшего модернизма и андерграунда). Язык науки страдает от ненужной усложненности, обилия не всегда оправданных иноязычных заимствований в области терминологии. Публицистика подчас грешит многословием, невня�ностью и невыразительностью. Законную тревогу общественности вызывают хлынувшие в нашу печать арготические элементы, однообразно употребляемые для «оживления» текстов.

Русский литературный язык — наше богатство, наше достояние. Он воплотил в себе культурные и исторические традиции народа. Мы несем ответственность за его состояние, за его судьбу.

Таким образом, проблема русского литературного языка как основы культуры речи русского народа остается открытой. Она будет решена только тогда, когда каждый научится уважать себя и с уважением относиться к другим, когда научится защищать свою честь и достоинство, когда станет личностью, когда неважно будет, какую должность он занимает, каков его статус. Важно, что он гражданин Российской Федерации.

Литература:

1. Барлас Л. Г. Русский язык: Стилистика. — М.: Просвещение, 1978.
2. Головин Б. Н. Основы культуры речи. — М.: Просвещение, 1980.
3. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. — М.: Просвещение, 1990.
4. Ковтунова И. И. Современный русский язык: порядок слов и актуальное изменение предложения. — М.: Просвещение, 1976.
5. Кохтев Н. Н. Риторика. — М.: Просвещение, 1996.
6. Шанский Н. М. В мире слов. — М.: Наука, 1971.
7. Сергеев В. Н. Словари — наши друзья и помощники. — М.: Просвещение, 1984.
8. Скворцов. Экология слова или поговорим о культуре русской речи. — М.: Просвещение, 2007.

Литературный язык Петровской эпохи. Начало нормализации русского литературного языка в 1730-е годы (В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов). Севернороссийский язык в теориях Тредиаковского и Ломоносова

В статье рассматриваются ключевые этапы формирования русского литературного языка в период правления Петра I.

Актуальность заявленной темы состоит в том, что современный русский язык насыщен заимствованиями из других языков и из пластов ненормативной лексики, а понимание процесса становления литературного языка становится размытым и забытым в сознании молодого поколения.

Цель исследовательской работы: выявить закономерности в протекании процесса становления литературного языка Петровской эпохи и проследить ход его нормализации; рассмотреть основные преобразования в литературном языке Петровской эпохи на основе важнейших событий того времени (реформы графики и обогащения жанровой системы за счет появления печатной газеты, руководств по воспитанию и этике, рыцарского романа).

Задачи исследовательской работы: изучить имеющиеся сведения об этапах формирования национальных языков; охарактеризовать явление на основе существующих предрасполагающих факторов становления литературного языка в историческом контексте XVII–XVIII вв; рассмотреть особенности графики, лексики, фонетики, синтаксиса языка XVII в.

Объект исследовательской работы: преобразование русского литературного языка в результате неупорядоченности языковых форм.

Предмет исследовательской работы: научные труды и деятельность выдающихся М. В. Ломоносова («теория трех стилей» и «Российская грамматика») и В. К. Тредиаковского (трактат «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», 1735).

Ключевые слова: нация, национальная культура, стилистическая неупорядоченность, нормализация, реформа, «теория трех стилей».

Рост личностного начала во всех сферах литературного творчества, развитие изобразительности, эмансипация вымысла, расширение круга читателей, появление народной литературы — все это было симптомом зарождения новой литературной системы, системы, отошедшей от средневекового типа.

*Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы
X–XVII веков. Эпохи и стили*

Предпосылки возникновения литературного языка

Литература XVIII века опиралась на ход предшествующего развития русской общественной и культурной жизни. Вторая половина XVII века, когда шел процесс формирования русской нации и русской государственности, оказал особенное влияние. Переломный период в истории России связан с преобразовательной деятельностью Петра, наложившей отпечаток на дальнейшее развитие всех сторон русской жизни. Экономические и социальные сдвиги внесли существенные отличия в литературу XVIII века. Литературные традиции, сложившиеся в допетровскую эпоху, активно развивались.

Новый этап в развитии народов и языков связан с возникновением наций и национальных литературных языков [3, с. 509]. У разных народов этот процесс протекал в разные века, в разном темпе и с различными результатами [3, с. 511].

В советской науке принято считать, что нация — это исторически сложившаяся, устойчивая общность людей. Признаками устойчивости этой общности являются: единство территории, экономики и языка. Нации подготовлены предшествующим развитием феодализма, особенно его последним периодом, когда резко обозначается различие города и деревни, идет бурный рост ремесленного, торгового населения, когда передвижение населения нарушает территориально замкнутый характер феодальных государств. Также видоизменяются производственные отношения и обозначаются новые классы — буржуазия и пролетариат, — все это закрепляется при смене формаций, с утверждением капитализма [3, с. 509]. В историко-культурном плане переход от феодализма к капитализму связан с эпохой Возрождения и порожденным этой эпохой национальным развитием.

Применительно к языку эпоха Возрождения выдвинула три основные проблемы:

- 1) создание и развитие национальных языков;
- 2) изучение и освоение различных языков в международном масштабе;
- 3) пересмотр судьбы античного и средневекового наследства.

Новая национальная культура, требующая единства и полного взаимопонимания всех членов общества, не может сохранить языковую практику средневековья с его двуязычием, раздробленными поместными диалектами и мертвым литературным языком. В противоположность языковой раздробленности феодального периода требуется единство языка всей нации, и этот общий язык не может быть мертвым, он должен быть способен к гибкому и быстрому развитию [3, с. 510].

Пути складывания национальных литературных языков

Пути складывания национальных литературных языков могли быть различными. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «В любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией» [3, с. 512].

Французский литературный язык служит примером первого пути. Скрещивание народной («вульгарной») латыни с разными кельтскими диалектами на территории Галии происходило в донациональную эпоху, и эпоха Возрождения застаёт уже сложившиеся французские диалекты, среди которых первенствующее значение получает диалект Иль-де-Франса с центром в Париже [3, с. 513].

Примером второго пути развития литературных языков («из скрещивания и смешения наций») может служить английский язык. Новоанглийский период начинается с конца XVI века и связан с деятельностью Шекспира и писателей — «елизаветинцев» [3, с. 514].

Примером третьего пути образования национального языка («благодаря концентрации диалектов») служит русский литературный язык, сложившийся в XVI–XVII веках в связи с образованием Московского государства и получивший нормализацию в XVII веке. В основе его лежит московский говор, представляющий пример переходного говора, где на северную основу наложены черты южных говоров [3, с. 515].

Особенности русского литературного языка

Лексика в русском литературном языке доказывает больше совпадений с северными диалектами, чем с южными.

В грамматике, наоборот, в северных диалектах больше архаизмов, а также больше глагольных времен в связи с предикативным употреблением причастий.

С южными говорами у русского литературного языка есть много расхождений: во многих южновеликорусских говорах утрачен средний род, формы родительного и дательного падежей слов женского рода совпали в дательном, чего нет в литературном языке.

В фонетике согласные литературного языка соответствуют северным говорам (в том числе взрывное «г»), гласные в связи с «аканьем» ближе к вокализму южных говоров (в северных говорах «оканье»). Однако «аканье» в литературном языке иное, чем в южных говорах — умеренное (слово «город» в северных говорах звучит [ГОРОТ], в южных [ГОРАТ], в литературном — [ГОРЭТ]).

Однако в составе русского литературного языка, кроме московского говора, имеются и очень важные элементы. Это старославянский язык, который был впитан и усвоен русским литературным языком, благодаря чему получилось много слов-дублетов: свое и старославянское. Эти пары могут различаться по вещественному значению или же представлять только стилистические различия [3, с. 516]. Старославянские причастия на /-щий/ вытеснили русские причастия на /-чий/, причем эти последние перешли в прилагательные.

Нововведения Петра

Петр говорил: «Ограда отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки». Возникают учебные заведения, развивается книгопечатание. В 1708 году вводится гражданский шрифт. В 1724 году Петром I был утвержден Устав Академии наук, которая была открыта в 1725 году. Целью образовательной модели Академии по замыслу царя считалось ведение «исследовательской работы и образовывать молодых людей». Открываются новые типографии в Москве, в Петербурге, за границей. Большого развития в сравнении с предыдущим периодом достигает издательское дело. Важнейшим событием русской культурной жизни было издание первой официальной газеты «Ведомости», положившей начало русской периодической печати [1, с. 21]. В 1710 году выходит царский указ «О введении новой гражданской азбуки», которая значительно отличается от старой. Вводятся новые, более легкие для чтения и письма, устраняются «омега», «пси», «кси», «юс» большой и «юс» малый, «ижица» и «фита», впервые вводятся Э и Й, упраздняются титла, вводится арабская цифровая система. С 1703 года стала выходить первая русская печатная газета «Ведомости о военных делах». Кроме газеты, появляются книги, рекомендации по воспитанию и поведению, в том числе перевод «Юности честное зерцало».

Эти руководства популяризировали галантно-изысканные обращения европейских языковых традиций и способствовали распространению новых речевых норм этикета. Собственно литературный стиль пополнился рыцарским романом, который имел огромный успех. Создание светской азбуки было большим событием, обозначающим резкое размежевание светской и церковно-богословской литературы. Отныне кириллице отводилась второстепенная роль, она стала оформлять, в основном, сакральные тексты и литературу «барокко», частично — научные и учебные издания, а это означало, что светская литература выходила по своей значимости на первое место и должна была идти своим, самостоятельным путем [4, с. 54].

Процессы заимствования в первой трети XVIII в.

Важная особенность литературного языка Петровской эпохи — активные процессы заимствования. Основной поток заимствований из живых западноевропейских языков относится к концу XVII — первой четверти XVIII в. и связан с реформами Петра во всех областях жизни. Обогащение и обновление лексики русского литературного языка в Петровскую эпоху происходит преимущественно за счет заимствования слов из немецкого, голландского, французского, частично из английского и итальянского. Кроме того, лексика продолжает пополняться и из латинского языка. Примечательно уменьшилось польское заимствование, которое было столь характерно во второй половине XVII века; хотя его роль продолжает оставаться ощутимой. Можно отметить три основных пути, по которым осуществляются словарные заимствования: 1) переводы с тех или иных языков книг научно-технического или этикетного содержания; 2) проникновение иноязычных слов в русскую лексику из речи специалистов-иностранцев — офицеров, инженеров или мастеров, которые служили на Руси и плохо знали русский язык; 3) проникновение в русский язык иноязычных слов русскими людьми, которых Петр I посылал за границу и они долгое время там учились и работали. При этом видные образованные люди той эпохи во главе с самим Петром I боролись против увлечения иноязычными заимствованиями. Переводческая деятельность в Петровскую эпоху была направлена на общественно-политическую, научно-популярную и техническую литературы. Это привело к сближению русского языка с западноевропейскими языками, обладавшими богатыми и разнообразными терминологическими системами.

Иноязычные слова относились к разным аспектам общественной жизни России: новые жизненные условия потребовали и новых номинаций. Это административная терминология, главным

образом, немецкого происхождения; военная терминология, в основном французского происхождения; морская терминология, в основном из голландского; научные, медицинские, общественно-политические термины, бытовая и обиходная речь светской жизни. Отношения с другими народами, с другими государствами в России начались давно. Уже в древнерусском языке были слова, заимствованные из скандинавских, финских, тюркских языков. В период существования Киевского государства в русский язык вошли через посредство церковных книг или устным путем греческие слова.

Часто иноязычную лексику мы находим и на страницах памятников XVI–XVII вв.: алебастр, банкет, губернатор, мода, персоне, шельма и др. Кроме того, в текстах начала XVIII в. используется иноязычная лексика, которая только еще входила в употребление русских людей: ария, балет, кабинет, концерт, камердинер, комплимент, театр и др. Следует отметить, что тексты петровского времени чрезмерно насыщены иноязычной лексикой [7, с. 89].

Крупнейшим деятелем Петровской эпохи был писатель — публицист Феофан Прокопович, искренний защитник идей Петра. В его торжественной ораторской прозе, например в «Похвальном слове о флоте», язык которого в целом книжно-славянский и архаичный, присутствовали разговорные элементы и различного рода заимствования. Сравнительно прочную позицию церковный стиль сохранял в литературе барокко: драме, трагедии и особенно — панегирической виршевой поэзии, продолжающей традиции 2-й половины XVII века [1, с. 24].

Попытки нормализации русского литературного языка

Василий Кириллович Тредиаковский был одним из тех деятелей, которых вызвала к жизни Петровская эпоха. В его произведениях отразилась новая эпоха, новые идеи и образы. В 1732 году Тредиаковский становится штатным переводчиком при Академии наук, затем секретарем Академии, ведет огромную научную и литературную работу. «Тредиаковский никогда не будет забыт, потому что родился вовремя», — писал о нем В. Г. Белинский. Титанический труд был направлен на создание русской литературы, русской национальной культуры [1, с. 75]. Главный вопрос его деятельности — необходимость реформы литературного языка, о совершенствовании которого он заботится. 14 марта на Российском собрании «Речь о чистоте российского языка» он указывает на надобность составления грамматики «доброй и исправной» — словаря «полного и довольного» риторики и стихотворной науки [1, с. 76].

В трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735 г.) Тредиаковский первый указал на тонический принцип как наиболее соответствующий природным свойствам русского языка. В основе новой системы лежит принцип равномерного распределения ударений, принцип «тонической стопы» [1, с. 80].

Будучи замечательным новатором во многих областях русской литературы, Тредиаковский позволил вскоре опередить себя своим продолжателям Ломоносову и Сумарокову. Спор между писателями шел о направлении, в котором должна развиваться русская поэзия [1, с. 74]. М. В. Ломоносов считал, что элементы тонической системы стиха не соответствуют характеру русского языка и ограничивают возможности стихосложения. Он показал, что тонический принцип должен быть распространен на все стихи, независимо от количества слогов, составляющих стиховую строку. Ломоносов является истинным создателем русского стихосложения. «Письмо о правилах российского стихотворства» было прислано им вместе с одой «На вятие Хотина». Ода написана в соответствии со своими теоретическими положениями, ямбическим стихом, находя этот размер наиболее удачным для оды [1, с. 89].

Ломоносов ставил главную цель — утвердить самостоятельность русского языка на широкой народной основе. Появление «Риторики» в 1744 г. было важным событием. В ней автор ставит проблемы, связанные с разработкой художественной формы и развитием литературного языка [1, с. 81]. Все слова русского языка Ломоносов делит на три рода «речений». В основу жанровой иерархии положена его теория «трех штилей». Высокий, средний, низкий стиль — «теория», которая была известна еще в античных поэтиках и старых славянских риториках XVII–XVIII вв. Ломоносов воспользовался этой теорией как «удобной рамкой» для схематичного разграничения основных стилистических контекстов русского разговорного языка» [8, с. 35]. Также Ломоносов старается упорядочить грамматический строй словарного состава русского языка. В 1757 году «Российская грамматика» явилась первым научным исследованием живого русского языка [1, с. 94].

Севернороссийский язык в теориях Тредиаковского и Ломоносова

Русские диалекты привлекали внимание отечественных языковедов в XVIII в. Во «Втором наставлении — „О чтении и правописании российском”» Ломоносов пишет об отличиях в произношении слов, свойственных различным диалектам. Ломоносов сам был уроженцем Архангельской губернии и носителем севернорусского наречия, но он сознательно отдает предпочтение московскому акающему произношению, при этом руководствуется эстетическим критерием. В вопросах орфографии Ломоносов вступает в полемику с Тредиаковским, который предлагал писать так, как мы произносим, что затрудняло бы чтение. Он высказал замечания о диалектных особенностях русского языка и отметил аканье, еканье, цоканье и другие диалектные черты, считал «московский выговор» «всех других провинциальных громогласнее русских и выше». В процессе подготовки и сбора материала для «Российской грамматики» (1755) М. В. Ломоносов затрагивает и проблему «диалектов», касаясь ее и в других своих работах. Хорошо зная родные ему архангельские говоры и опираясь на конкретный материал, Ломоносов пытался научно обосновать известные ему диалектные сведения. Он предложил первую классификацию диалектов, особо выделив московский, поморский и малороссийский диалекты. Ученый отмечает: «Первый (московский) главный и при дворе и дворянстве употребительный и особливо в городах, близ Москвы лежащих. Другой несколько склонен ближе к старому славянскому и великую часть России занял. Третий больше всех отличен и смешен с польским. Пограничные жители употребляют много слов близлежащих народов — чум, вежа, ворока». Дальнейшее развитие изучение диалектов получает в XIX в. [9].

Вывод:

Анализируя русский литературный язык конца XVII — первой половины XVIII в., целесообразно сделать следующие выводы:

1. Пути складывания национальных языков различны, и речь возвышается до национального языка благодаря историческому развитию языка.
2. В эпоху Петра словарный состав русского литературного языка наполнен большим количеством иноязычных слов различного происхождения и различных тематических групп, так как процесс развития национального языка всегда происходит в историческом контексте.
3. Для Петровской эпохи характерно не только заимствование иноязычной лексики, но и калькирование, перевод иноязычных терминов на русский язык.
4. Иноязычные слова проникали в русский язык книжным и устным путем, что приводило к изменению морфологического и фонетического облика слов.
5. Социально-экономические и политические изменения в жизни русского общества конца XVII — первой четверти XVIII в. оказали непосредственное влияние на процесс становления литературного языка.
6. В 20–40-е гг. XVIII в. филологи, писатели делали попытки регламентировать употребление различных языковых средств. Деятельность сотрудников Академии наук, переводчиков первой четверти XVIII в. и филологическая деятельность В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова является прямым доказательством их активного участия в процессе становления русского литературного языка.

Литература:

1. Татаринова Л. Е. Русская литература и журналистика XVIII века: учеб. — 3-е изд., перераб и доп. — М.: ПБОЮЛ Гриженко Е. М. — 2006. — 368 с.
2. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. — Л.: Наука, 1973. — 254 с.
3. Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М.: Просвещение, 1967. — 344 с.
4. Ерофеева И. В. История русского литературного языка // Краткий конспект лекций. — 2014. — С. 52–66.
5. Сулейменова Р. Е. Грамматическая регламентация стилевой системы национального языка // Вестник КазНУ. — 2011. — С. 2–3.
6. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (XI — первая половина XIX века) / А. М. Камчатов. — М.: АCADEMIA, 2005. — 608 с.
7. Николаева Т. М. История русского литературного языка: учебное пособие. — Казань: Казан. ун-т, 2012. — 246 с.

Работа с текстом при изучении темы «Буквы *а* — *о* в корнях с чередованием *зар-* — *зор-*»

Проблема взаимосвязи языка, культуры и личности в современной лингводидактике является одной из наиболее актуальных. Учитель русского языка призван создать речевую среду, позволяющую открыть школьникам особенности видения мира, познания истории и культуры своего народа и понимания себя как представителя русской нации, носителя этой культуры. Статья содержит описание разных форм и приемов работы с концептом в текстовой деятельности при изучении темы «Буквы *а* — *о* в корнях с чередованием *зар-* — *зор-*».

Ключевые слова: концепт, текстовая деятельность, речевая среда.

Тип урока: ОНЗ (открытие нового знания).

Методы обучения: проблемно-поисковый, словесный, практический.

Организационные формы работы: фронтальная, парная, индивидуальная, групповая.

Цели урока:

1) для учителя:

- научить правильно писать слова с чередованием *а* — *о* в корне *зар-* — *зор-*; сформировать устойчивое представление об условиях выбора гласных и умение графически обозначать условия этого выбора; закрепить умение группировать слова по видам орфограмм;

2) для обучающихся:

- выяснить условия выбора букв *а* — *о* в корне *зар-* — *зор-*;
- научиться применять правило при написании слов и графически выделять орфограмму.

Ожидаемые результаты:

личностные: понимание необходимости изучения темы «Буквы *а* — *о* в корне *зар-* — *зор-*»; и ее широкого практического применения в жизни, критическое оценивание полученного результата;

метапредметные:

- познавательные: анализ и извлечение необходимой информации, выстраивание простейшей логической цепочки рассуждений; попытка точного и грамотного изложения своих мыслей;
- регулятивные: выполнение учебного задания по алгоритму, формулирование вопроса по учебному материалу, осуществление взаимооценки и самооценки учебной деятельности;

предметные: усвоение обучающимися перечня корней с чередованием, навык «видеть» корни с чередованием *а* — *о*, сформированное умение писать слова с орфограммой «Буквы *а* — *о* в корнях с чередованием» и графически обозначать ее, умение отличать данную орфограмму от других;

коммуникативные: умение аргументировать свое мнение, приходить к общему решению в совместной деятельности.

Понятия: орфограмма, безударные проверяемые, непроверяемые, чередующиеся гласные.

Методическое обеспечение урока: презентация к уроку «Буквы *а* — *о* в корне *зар-* — *зор-*»; раздаточный материал; учебники, тетради словари, репродукции Д. Репина «Зарница», А. Угланова «Заря».

Ход урока

1. Мотивация к учебной деятельности

- Улыбнитесь тем, кто пришел на урок с хорошим настроением, рад нашей встрече.
- Поднимите руку те, кто готов стать исследователем и открыть новое в законах русского языка.

2. Актуализация знаний

Фронтальная работа. Распределительный диктант.

- Распределите слова по видам орфограмм в корне. Объясните условия выбора. (*Самопроверка и самооценка деятельности. Ученики сравнивают свою запись с ответом другого ученика.*)

СЛАЙД № 1

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу... (А. С. Пушкин)

- Вспомните условия выбора букв а — о в корнях с чередованием.

3. Постановка учебной задачи. (Выявление места и причины затруднения)

- Какое природное явление изобразил художник Александр Угланов на своей картине? (Заря)
- Образуйте от него слово с уменьшительным суффиксом. (Зорька, зорюшка)
- Можем назвать эти слова однокоренными? На каком основании? Какое фонетическое явление мы наблюдаем? (Чередование звуков а — о)
- Можете ли вы объяснить условие выбора букв а — о в корнях данных слов? (Нет.)
- Почему? (Потому что мы не знаем правила, которое надо применить.)

4. Построение проекта выхода из затруднения

- Так что же мы будем изучать сегодня на уроке? Какова наша цель? (Научиться правильно писать буквы А-О в корнях с чередованием.)
 - Сформулируем тему урока. (Буквы а — о в корне зар- — зор-»).
- Записываем тему урока в тетрадь.

СЛАЙД № 4 ТЕМА УРОКА «Буквы а — о в корне зар- — зор-»

5. Реализация построенного проекта

Создание проблемной ситуации.

- Мы вспомнили, что выбор гласной в корнях с чередованием может зависеть от разных условий: конечной согласной корня, от наличия суффикса, от лексического значения корня.
- Поскольку подобные темы мы изучали в этом учебном году, я предлагаю вам самим «открыть» новые знания.
- Рассмотрите таблицу в учебнике на с. 118. Попробуйте, работая в парах, выяснить условия, от которых зависит выбор орфограммы в этих словах.
- Кто готов представить свое «открытие»? (Ученики отвечают) Формулируют правило.
- Какое слово записано в отдельной строке и почему? (Исключение: зАрево, зОревать). Почему это слово исключили?

СЛАЙД № 5

Алгоритм рассуждения.

- Как же мы будем рассуждать, применяя это правило на письме? Давайте выработаем алгоритм наших действий.

Учитель: Как графически будем выделять орфограмму?

6. Первичное закрепление

1) Словарный диктант с лексическим комментарием.

Оз...ренность, з...рничный, з...рька, з...ревой, з...рево, лучезарный.

Объясните орфограмму в данных словах.

2) Учебник, стр. 118, упр. 237. (Работа в группах, каждая группа работает с одной пословицей.)

Какие нравственные ценности нашего народа запечатлены в этих пословицах?

Зарю проспать — рубахи не достать. (Иногда говорят: «Зарю проспать — рубля не достать»)

- Как вы думаете, смысл этих строк один и тот же или все-таки он разный? (Одинаковый. Означает, что чем раньше встанешь, тем больше успеешь сделать).

Заря надежду родит. (т. е. с наступлением нового дня мы всегда верим в лучшее будущее)

Какова вечерняя заря, таков и вечерний день. (Можно, ребята, сказать по-другому: «Что посеешь, то и пожнешь»)

7. Этап применения знаний и способов деятельности

Предлагаю составить **портрет слова ЗАРЯ**. Работа сопровождается лексическим комментарием слова *заря*, анализом статьи толкового словаря.

2 этап (Работа в группах.)

1 группа — работа со словарем Ожегова. Выписать фразеологизмы с этим словом, объяснить их значение.

2 группа — подобрать к слову определения, составить словосочетания.

3 группа — подобрать синонимы — антонимы к слову ЗАРЯ.

Представление результатов работы группы.

Еще раз посмотрите на репродукцию картины А. Угланова. Слово «заря» — одно из прекраснейших слов русского языка. Зарей восхищались русские поэты, она вдохновляла русских художников. Слово *заря* для русского человека особое, я думаю, что вы тоже полюбите это слово.

Динамическая пауза: (звучит песня Расторгуева «Заря»)

Засиделся ученик — разминаться нужно!

Встаньте. Дышим носом глубоко,

Поднимаемся легко, стараемся дотянуться до зари...

Головой покрутим: НЕТ.

Улыбнувшись, как всегда,

Головой покажем: ДА.

8. Включение нового знания в систему знаний

1) Работа с текстом (упр. 238, стихотворение Б. Дубровина «Росинка»)

- Прочитайте. Какие образы возникают в сознании? Какие чувства вызвало это стихотворение?

Анализ текста

- Выпишите 3–4 строки из стихотворения, объясните орфограмму.
- Какое время суток описывает Б. Дубровин? (Раннее утро)
- Где увидел росинку поэт? (В зорях дремлющих цветов)
- Красота росинки раскрывается только на ранней заре.
- А почему дремлющих цветов? Какой прием использует автор? (Эпитет, потому что утро, цветы еще не проснулись)
- Как автор описывает зарницу? (Спит полночная зарница, олицетворение) Кто видел зарницу и может ее описать?
- Какие звуки вы слышали в этом стихотворении? (Таится перелив колоколов, тишина)
- Какого поэта вы открыли для себя в этом стихотворении? (Наблюдательный, чувствует красоту природы, любит Россию)
- Основная мысль: даже в самом маленьком цветке или в капельке росы видна красота России.

2) Решение теста.

9. Домашнее задание (дифференцированный подход):

1) Составить диктант для одноклассника из словосочетаний с чередующимися гласными (20 слов).

2) Творческая работа: представьте, что увидел в росинке Б. Дубровин. Напишите лирическую миниатюру, постарайтесь в ней использовать слова с чередующимися гласными в корне слова.

СЛАЙД № 8

10. Рефлексия учебной деятельности

Учитель: Закончи предложение (каждый ученик выбирает 1–2 предложения и заканчивает их):

Сегодня я узнал ...

Было трудно ...

Я понял, что ...

Было интересно узнать, что ...

Меня удивило ...

Литература:

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово. Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. — М.: Academia, 1997.
2. Белкина Ю. А. Методические приемы формирования культурологической компетенции учащихся на уроках русского языка Ю. А. Белкина, В. Ю. Большихина [Электронный ресурс] // Поволжский педагогический вестник. — 2015. — № 6. — С. 207–211. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-priemy-formirovaniya-kulturologicheskoy-kompetentsii-uchaschihsya-na-urokah-russkogo-yazyka> (Дата обращения 26.10.2021).
3. Мишатица Н. Л., Багге М. Б. и др. Образовательная программа целевого курса повышения квалификации «Технология освоения концептов русской культуры» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gym171.spb.ru/resursni/koncept.pdf> (Дата обращения: 16.10.2021).
4. Русский язык. Поурочные разработки. 6 класс: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / М. А. Бондаренко. — М.: Просвещение, 2016. — 240 с.
5. Русский язык. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1/ [М. Т. Баранов и др.]. — М.: Просвещение, 2019. — 192 с.: ил.

Cherepanova I. V.

middle School of General education № 7

Working with text when studying a topic “Letters *a — o* in the roots with alternating *zar-* — *zor-*”

The problem of the relationship between language, culture and personality in modern linguodidactics is one of the most urgent. The teacher of the Russian language is called upon to create a speech environment that allows schoolchildren to discover the peculiarities of seeing the world, knowing the history and culture of their people and understanding themselves. The article provides a lesson in speech development in grade on the topic “Letters *a — o* in the roots with alternating *zar-* — *zor-*”.

Keywords: concept, textual activity, speech environment.

Интеграция обучения и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения на уроках русского языка

Статья посвящена актуальной проблеме современной методики — обучению русскому языку в условиях поликультурного общества. Автор рассматривает данный вопрос в контексте государственной языковой политики Казахстана, направленной на укрепление единства общества.

Ключевые слова: государственная политика, полиязычие, коммуникативная компетенция, модернизация методики, функциональная грамотность.

В своей статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» первый президент Казахстана говорит: «Особенность завтрашнего дня в том, что именно конкурентоспособность человека, а не наличие минеральных ресурсов, становится фактором успеха нации. Поэтому любому казахстанцу, как и нации в целом, необходимо обладать набором качеств, достойных XXI века». И среди безусловных предпосылок этого выступают такие факторы, как компьютерная грамотность, знание языков, культурная открытость.

Поэтому и программа «Цифровой Казахстан», и программа трехязычия, и программа культурного и конфессионального согласия — это часть подготовки нации (всех казахстанцев) к жизни в XXI веке. Это часть нашей конкурентоспособности.

Одной из главных целей, стоящих перед педагогическим сообществом страны сегодня, является повышение конкурентоспособности образования и науки, развитие человеческого капитала для устойчивого роста экономики [1].

Язык является средством приобщения личности к универсальным глобальным ценностям, важным фактором формирования умения не только общаться, но и в полном объеме контактировать с представителями других наций. А для этого каждый гражданин своего государства должен быть истинным патриотом, любящим свою землю, так как любовь к Родине начинается с любви к месту, где он родился. В связи с этим особое внимание необходимо уделить реализации программы «Туған жер».

Преподавательский состав учебных заведений сосредоточен на поиске решений данных вопросов и связанных с ними задач. Во-первых, сегодня большое внимание уделяется разработке и совершенствованию учебных планов для разных типов учебных заведений, готовящихся осуществлять или уже осуществляющих полилингвистическую подготовку выпускников. Во-вторых, актуальным становится вопрос создания новых программ по русскому языку. В-третьих, изменения в организации учебного процесса предполагают использование инновационных подходов, которые смогут стимулировать школьников к более глубокому изучению русского языка и в итоге сформировать комплекс компетенций учеников, в частности — коммуникативную компетенцию личности, на высоком уровне владеющей русским языком как инструментом общения. В-четвертых, итогом изучения языка должно стать практическое владение языком, которое следует понимать, как владение школьниками всеми видами речевой деятельности [2].

Урок по-прежнему является основой учебно-воспитательного процесса в школе. Сегодня в Казахстане много делается для модернизации школьного обучения. Каждый наш день должен быть поиском решения таких вопросов: как сделать уроки русского языка не только обучающими, но и воспитывающими, какими должны быть уроки сегодня и завтра, что поможет сделать работу лучше, добиться более качественного, эффективного результата.

На уроках важно создание своеобразной модели культуры, которая поможет духовному совершенству, осуществляемому на базе диалога родной культуры и мира с учетом принципов общенациональной идеи «Мәңгілік Ел». На формирование поведенческой и речевой культуры учащихся большое влияние оказывает тот материал, который они читают, слышат, видят, и та среда, в которой

они находятся. При построении такой модели необходимо использовать реальную действительность, представленную предметно, то есть с использованием фотоснимков, иллюстрационного материала, рисунков, а также с применением телевизионных передач, спектаклей, кинофильмов, мультфильмов, которые помогут сформировать как предметные знания, так и расширить кругозор учащихся в области региональной истории.

Не следует забывать об учебно-методических пособиях, художественной литературе, фразеологизмах, пословицах, высказываниях известных людей. При изучении практически каждой темы на уроке русского языка мы можем дать задание, основанное на работе с данным материалом.

Так, например, пословицы подбираются таким образом, что одновременно формируются языковая, коммуникативная и лингвокультуроведческая компетенции, развивается речь и формируется орфографическая зоркость, к тому же они формируют высокопатриотическую личность.

Такой лингвокультуроведческий материал, позиционирующийся как культурологические единицы русского языка, широко представлен в различных источниках, в том числе в пособиях, посвященных обучению русскому языку как иностранному [3].

Каждый урок в этой системе должен представляться в виде своеобразной ступени на пути продвижения ученика к полному усвоению учебного материала, к овладению опытом поисковой деятельности и становлению духовно-нравственных качеств. Творчески работающие учителя в системе таких уроков организуют продуктивную коллективную деятельность учеников, обеспечивают их дифференцированными заданиями, помогают в овладении материалом разного уровня сложности, формируют опыт самообучения и самообразования.

Осуществление коммуникативной направленности обучения делает актуальной работу со связным текстом, в которой прослеживаются закономерности и особенности восприятия и порождения связного высказывания, важные для решения образовательных и воспитательных задач, стоящих перед предметом «Русский язык» [4].

Например, при изучении темы «*Обычаи и традиции казахов*» предлагается общее задание: прочитать текст о казахской юрте, определить тему и основную мысль. На следующем этапе менее подготовленным учащимся поручается вставить пропущенные окончания глаголов, более подготовленным — выполнить то же задание и дополнительно прокомментировать постановку знаков препинания при обособленном обстоятельстве.

Повысить интерес школьников к русскому языку поможет обновление форм и методов обучения, которое предполагает использование инновационного опыта Назарбаев Интеллектуальных школ (НИИШ) в общеобразовательных школах страны и использование современных образовательных технологий.

Русский язык играет важную роль не только в квалифицированной подготовке выпускников, но в их духовном и нравственном развитии. Обучение русскому языку активизирует формирование коммуникативной компетенции, воспитывает языковую личность, способную к профессионально-деловой межкультурной коммуникации, стремящуюся к саморазвитию и самообразованию, умеющую творчески мыслить. В связи с этим необходимо продолжать работу по модернизации методики преподавания русского языка, развитию новых образовательных ресурсов. Важно последовательное и обдуманное внедрение инновационных методов, решений и инструментов в отечественную систему образования, включение в процесс преподавания дистанционного обучения, обучения в режиме онлайн-компонентов развивающегося во всем мире электронного обучения (e-learning).

Литература:

1. Статья Главы Государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания». — URL: <http://www.akorda.kz>
2. Стычева О. А. Методика школьного курса русского языка. Учебно-методическое пособие для студентов. — Киров: МЦНИП, 2013. — 164 с.
3. Баско Н. В. Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян: Учебное пособие по культурологии, развитию речи и чтению для изучающих русский язык как иностранный. — 3-е изд., стереотип. — М.: Русский язык. Курсы, 2010. — 232 с.
4. Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. — М., 1978. — 136 с.

*Trixina Yana Valer'evna**Yana_24_1991@mail.ru**School-Gymnasium № 1 of Shchuchinsk town*

The integration of education and spiritual and moral development of the younger generation in Russian language classes

The article is focused on the current problem of modern methodology — training of the Russian language in a multicultural society.

The author considers the item in the context of the national language policy of Kazakhstan, aimed at strengthening of the social cohesion.

Keywords: State policy, multilingualism, communicative competence, modernisation of methodology, functional literacy.

Развитие русской литературы в Узбекистане: проблемы и перспективы

История развития русской литературы в Узбекистане насчитывает полтора века. Ее поступательное движение в современном мире замедлено в силу ряда причин, которые возможно решить централизованным объединением литераторов стран СНГ с ведущей ролью России.

Ключевые слова: русская литература, перспективы развития, формы работы, Узбекистан.

После распада Советского Союза в странах, ранее составляющих единое культурное пространство, статус русской литературы изменился. Начиная с девяностых годов двадцатого века, в странах СНГ основное внимание было сосредоточено на развитии национальной литературы. Русская литература продолжала свой путь по инерции. Но благодаря прочному фундаменту, на который русская литература всегда опиралась в своем развитии, она не растворилась в национальной литературе, хотя ее поступательное движение ощутимо замедлилось.

Обратимся к истории русской литературы в Средней Азии.

История русской литературы в странах Средней Азии берет свое начало в середине девятнадцатого века, когда в Туркестан из России отправились этнографы, географы, путешественники. Они оставили нам богатейшее наследие, в том числе и первые литературные произведения, в которых наиболее ярко были переданы образы местных жителей, их нравы и обычаи.

Исследователь истоков среднеазиатской русской литературы Элеонора Шафранская считает одним из первых писателей, обратившихся к теме Средней Азии, Николая Николаевича Каразина [2], который посвятил себя литературе, начиная с 1870 года. С тех пор прошло полтора века. За этот период русская литература в Средней Азии прошла моменты взлета и падения. Кратко обрисую основные этапы развития русской литературы в Узбекистане.

Стремительное развитие русской литературы в Средней Азии происходит после 1919 года. Тогда в Ташкенте впервые создается «Кружок поэтов», появляются литературные организации и группы.

В последующие годы в Узбекистан приезжают многие русские писатели, в творчестве которых знакомство со Средней Азией оставило заметный след. Среди них Николай Тихонов, Аркадий Гайдар, Илья Ильф, Борис Лапин, Галина Серебрякова, Сергей Есенин.

В Узбекистане начали свой творческий путь такие известные писатели, как Леонид Соболев, Михаил Шевердин, Анна Алматинская, создавали свои лучшие произведения Сергей Бородин, Бруно Ясенский.

Новый всплеск русской литературы в Узбекистане происходит во время Второй мировой войны. Средняя Азия становится вторым домом для Анны Ахматовой, Владимира Луговского, Алексея Толстого, Всеволода Иванова, Корнея Чуковского. Василий Ян, Михаил Шевердин пишут в Узбекистане новые исторические романы — «Александр Невский», «Санджар Непобедимый», Анна Ахматова пишет «Поэму без героя».

Все годы после Второй мировой войны вплоть до 1991 года, когда Узбекистан вышел из состава СССР и стал независимой республикой, русская литература стремительно развивалась. Появились новые имена в среде русскоязычных писателей Узбекистана: Явдат Ильясов, Зоя Туманова, Вильям Александров, Галина Востокова, Александр Файнберг, Раим Фархади, Анатолий Бауэр, Абдухаким Фазылов, Владимир Васильев, Николай Красильников, Алексей Устименко, Александр Варакин, Лариса Юсупова и многие другие. Писатели работают в разных литературных жанрах, но продолжают развивать так называемый «ташкентский текст» [1, с. 5], который Элеонора Шафранская называет «культурным феноменом XX века» [1, с. 14].

Книги на русском языке в это время выпускаются тиражами в десятки и даже сотни тысяч!

На всем пространстве братских народов происходит живое общение литераторов. В Узбекистан приезжают известные писатели, делятся опытом, проводят творческие встречи, декады литературы

народов, проживающих в огромной стране. Узбекские литераторы также выезжают в Москву, Баку, Минск, где делятся своими планами и творческими задумками.

Литературная жизнь русскоязычных писателей Узбекистана кипит!

Но с 1991 года в новом независимом Узбекистане меняется значение и востребованность русской литературы. Смена политических ориентаций, распад одной страны, сплотившей в своих границах десятки народов и народностей, не могли не отразиться и на литературе. Во главу угла встали новые темы, сменились идеалы, произведения писателей и поэтов, творивших во времена революции, Великой Отечественной войны, в периоды развития социализма были преданы забвению. В связи с переходом на рыночные отношения, с оттоком русского населения из стран Средней Азии изменилась издательская политика, изменился состав Союза писателей Узбекистана.

Сегодня в Союзе писателей Узбекистана работает Совет по русской литературе, объединяющий 27 членов СП. Председатель Совета — Раим Фархади, известный советский и узбекский поэт, писатель, переводчик, заслуженный работник культуры Республики Узбекистан.

Но русская литература в Узбекистане держится не только на плечах членов Союза писателей Узбекистана. В Ташкенте существуют несколько творческих литературных объединений. Под крылом Совета по русской литературе работает Семинар молодых авторов. Поэты, писатели разных возрастов объединяются по интересам, живут своей творческой жизнью, общаются, делятся опытом, обсуждают идеи и готовые произведения.

Совет по русской литературе проводит конкурсы рассказов, участвует в презентациях новых книг. Площадки для этого предоставляют Союз писателей Узбекистана, Русский дом, а также частные галереи и литературные музеи (Есенина, Бородина).

Тем не менее, проблема творческого общения русских писателей Узбекистана существует, как и проблема популяризации своего творчества, издания книг на русском языке, повышения писательского мастерства. Можно сказать, что наши писатели варятся в собственном соку. Немногие из нас имеют возможность побывать на семинарах и мастер-классах ведущих писателей России. Для таких поездок, как и для издания книг, нужны средства. У писателей их нет. Российские издательства редко берут для публикаций произведения русских писателей из Узбекистана. У них нет интереса к нашему творчеству. Я могу назвать несколько имен авторов, которые за последние тридцать лет удостоились чести быть изданными в России. Это Алексей Петрович Устименко, Сухбат Афлатуни (Евгений Абдуллаев), Галина Долгая, молодой писатель-фантаст Артем Горохов. Случаются публикации наших поэтов и сказочников в журналах или альманахах по результатам международных конкурсов. Мы этим гордимся и всегда рады за наших писателей!

Наш литературный журнал «Звезда Востока», которому в следующем году исполнится 90 лет, выходит тиражом 440 экземпляров раз в два месяца. Для сравнения: в 1981 году его тираж составлял 120 000 экземпляров. Журнал не распространяется в книжных магазинах или киосках, приобрести номер журнала можно только по подписке по республике или в редакции. О распространении старейшего журнала русской литературы в России и речи нет. Все упирается опять же в отсутствие финансов и поддержки заинтересованных структур.

Литературе, как любому виду культуры, необходима поддержка, как государства, в котором она развивается, так и государства, чей язык она использует. На уровне государственного объединения литераторов, каковым является Союз писателей Узбекистана, новые имена авторов, пишущих на русском языке, практически неизвестны. Неизвестны они и в России.

Тем не менее, писатели, владеющие русским литературным языком, живущие вне России, обогащают русскую литературу, создавая произведения в рамках культур других народов. Происходит некое слияние культур: с помощью языка одного народа передаются обычаи, традиции, история других народов — мировая история. Так случилось и с русской литературой в Узбекистане. Напитавшись впечатлениями и знаниями о Средней Азии, русские писатели создавали и создают оригинальные произведения, посредством художественного слова погружая читателей в мир, доселе им неизвестный. Важно помнить, что мы поддерживаем русский язык за границами России!

Русская литература в Узбекистане в настоящее время развивается в основном благодаря Интернету и возможности показать свое творчество на страницах социальных сетей, на персональных или литературных сайтах. Этого недостаточно.

Для укрепления позиций русского языка и литературы в нашем регионе необходимо издавать книги. Издательства Узбекистана практически не принимают к изданию книги на русском. Все связано с коммерческой составляющей. Русских в республике, тем более читающих, осталось очень мало. Издательствам невыгодны книги на русском. Но на русском читают в России. И я уверена, что произведения наших авторов ничем не уступают российским и могут вызвать ничуть не меньший интерес у читателя. Надо только помочь нашим авторам выйти на российский книжный рынок.

Кроме издания книг, русским писателям Узбекистана необходимо творческое общение с другими писателями, пишущими на русском языке, как из России, так и из других стран постсоветского пространства. В этом помогли бы международные семинары, конференции, расширенные заседания Советов по русской литературе, работающие в странах СНГ.

Плодотворными формами работы для дальнейшего развития русской литературы в Узбекистане могли бы, как в былые годы, стать встречи с российскими литераторами, участие в книжных ярмарках, отправка делегаций писателей Узбекистана, пишущих на русском языке, на мероприятия Союзов писателей Москвы и других городов России и стран СНГ для обмена опытом. Хорошим стимулом и показателем творческой работы могли бы стать ежегодные выпуски альманахов, сборников стихов, прозы с лучшими произведениями авторов, пишущих на русском языке, и с распространением таких книг на всем пространстве СНГ, в России.

Русская литература Узбекистана, как и других стран СНГ, — это одна из ветвей русской литературы в ее множестве. Она отличается от классической русской литературы неповторимым, оригинальным колоритом, связанным с взаимопроникновением культур — среднеазиатской и славянской, богатством традиций, сформировавшихся за полтора столетия развития русского литературного языка в Средней Азии.

В Узбекистане русскую литературу представляет Совет по русской литературе Союза писателей Узбекистана. Мы выступаем с предложением о проведении ежегодного форума русской литературы стран СНГ, который объединил бы всех писателей, пишущих на русском языке, и способствовал бы дальнейшему развитию русской литературы и языка в наших странах.

Ряды литераторов Узбекистана, пишущих на русском языке, год от года реденеют в силу разных причин. Средний возраст членов Совета по русской литературе СП Узбекистана — за шестьдесят; продолжается отъезд более молодых писателей из страны. Но, несмотря на это, появляются новые талантливые писатели, которым нужна поддержка в развитии их творчества — учеба, обмен опытом, публикации. Все это требует целенаправленной программы и средств, которых региональные союзы, такие как Совет по русской литературе СП Узбекистана, не имеет.

Сохранение русской литературы в Узбекистане, как и в других странах СНГ, — это сохранение целого пласта культуры многих народов. Его потеря может стать невосполнимой утратой. Мы должны не только беречь золотое наследие прошлого, но и делать все для развития русской литературы в современном мире. Русское слово в странах СНГ все еще остается востребованным! И хочется, чтобы так оставалось еще многие годы.

Литература:

1. Шафранская Э. Ташкентский текст в русской культуре. — М.: Арт Хаус медиа, 2010.
2. Шафранская Э. Туркестанский текст в русской культуре: колониальная проза Николая Каразина. — СПб., 2016.

Dolgaya Galina Albertovna

DolgayaGA@yandex.ru

The Writers' Union of Uzbekistan,

Council for Russian Literature

Development of Russian Literature in Uzbekistan: Problems and Perspectives

The history of the development of Russian literature in Uzbekistan goes back a century and a half. Its forward movement in the modern world is slowed down due to a number of reasons that can be solved by a centralized union of writers from the CIS countries with the leading role of Russia.

Keywords: Russian literature, development perspectives, forms of work, Uzbekistan.

Факторы архаизации патронимов

В статье рассматривается употребление отчества/патронима как части речевого этикета. Особое внимание уделяется речевым ситуациям использования патронимов, особенностям использования патронимов в текстах публицистического стиля и социальных сетях, а также обращению к отчеству при преподавании культуры речи.

Ключевые слова: ономастика, отчество/патроним, культура речи, речевая ситуация, речевой этикет, стиль речи.

Введение. В лингвистике выделяется раздел «Культура речи», изучающий речевую жизнь общества в определенную эпоху и устанавливающий на научной основе правила пользования языком как основным средством общения людей. *Этический* аспект культуры речи определяется знанием правил речевого поведения и умением их применять в конкретных ситуациях общения. Этот аспект культуры речи связан с понятием *речевой этикет*, под которым понимается система правил речевого поведения и речевых формул, используемых в определенных коммуникативных ситуациях.

Нормативными компонентами официального именованья у восточных славян «являются личное имя (имя, данное человеку при рождении или (редко) выбранное для себя взрослым человеком), отчество (именование, произведенное от имени отца), фамилия (наследуемое официальное именование, указывающее на принадлежность человека к определенной семье)» [9, с. 48]. Эта трехчленная антропонимическая формула является обязательной, юридически закреплённой [1, с. 54].

Таким образом, можно говорить об отчестве как важном ономастическом явлении, связанном с культурой речи и этикетом.

Вместе с тем отчество поступательно исчезает из разных сфер жизни. Особенно это заметно в жанрах публицистического стиля средств массовой информации. Примером могут служить новостные программы «Итоги» (Беларусь), «Вести» (Россия) и др., когда молодые журналисты обращаются к уважаемому пожилому человеку по имени; в газете «Добрушский край» в рубрике «Мнения» отмечены подписи фотографий *Виктор Быков, пенсионер; сельчане Евгений Дмитренко и Дмитрий Переходов* и т. п. Получается, что информация о социальном статусе и месте жительства важнее, чем следование общепринятым речевым традициям именованья собеседника.

Культура речи неразрывно связана со стилистикой, а официально-деловой и публицистический стили — стиль СМИ — это стили литературного языка. Поэтому возникают вопросы: являются ли указанные факты нарушением речевого этикета? Почему отчество становится факультативным?

Из истории вопроса. Отчество, или патроним — часть родового имени, которая присваивается ребенку по имени отца [6, с. 199]. Вариации патронимических имен могут связывать их носителей с более дальними предками — дедами, прадедами и т. д. Оно говорит о принадлежности к определенному роду, семье.

Русские и белорусские отчества — особая форма именованья человека по отцу, обязательная для официального (паспортизированного) выделения личности, это средство национальной речевой культуры, несущее на себе этическую и юридическую нагрузку, то есть оно имеет особенности функционирования в различных этикетных ситуациях разговорного и литературных стилей речи.

Речевые ситуации использования патронимов. Формированию культуры речи говорящего способствует речевая среда. Человек — существо социальное, поэтому речевые ситуации могут возникнуть как в официальной, так и в неофициальной обстановке.

Огромное влияние на формирование коммуникативной культуры общения оказывают следующие факторы: семья, школа, средства массовой информации, также социальные сети. Проследим, каким образом все перечисленное определяет степень употребления трехчленной формулы при именовании человека.

Чтобы выяснить, какое значение на архаизацию отчеств имеет первый фактор — круг носителей языка, было проведено анкетирование, в котором респондентами были учащиеся 6–11 классов и их родители (100 человек).

Вопросы затрагивали официальную и неофициальную сферы общения, то есть имели разный характер примеров речевых ситуаций и условий общения: прямое с активной обратной связью (бытовое и деловое) и опосредованное (разговор о третьем лице). Задачи речи — общение.

Анализ ответов на вопросы анкет выявил, что в неофициальной обстановке разговорного стиля отчество часто без имени может употребляться взрослыми соседями или знакомыми 1) при обращении друг к другу или к более старшему человеку (67 %); 2) заочно в разговоре о третьем лице (в этом случае респонденты в качестве примера (в 65 %) приводили отчества учителей); 3) в официально-деловом стиле в ситуации официального речевого общения в профессиональных коллективах между его членами, в том числе заочно в разговоре о третьем лице.

Старшее поколение (40 и более лет) рассматривает результат изменений как нарушение этикета, невоспитанность, грубость молодежи, а младшее воспринимает как норму. Двумя молодыми респондентами высказано мнение, что отчество — это анахронизм, рудимент.

Таким образом, старшее поколение, используя разговорный стиль, остается консервативным к статусу отчества, а молодое уже не воспринимает отчество как обязательный компонент речевых формул. В официально-деловом стиле традиции сохраняются.

Отчество и публицистический стиль. Анализ речевых ситуаций делового общения, относящихся к официальной обстановке, к которой в первую очередь относятся публикации в государственных СМИ, дает следующие результаты.

В качестве примера обратимся к газетам «Добрушский край» (районная), «Гомельская правда» (областная), «Советская Белоруссия» (республиканская). Выяснилось, что из 50 упоминаемых людей только 5 (10 %) — названы по имени и отчеству в рубрике «Поздравляем!» районной газеты, 1 — в некрологе и 2 — в публикации анонса о прямой телефонной линии с жителями района председателя райисполкома *Мохоревой Ольги Федоровны* и начальника отдела образования *Шкарубо Ирины Михайловны*.

Наиболее консервативной является газета «Друг пенсионера». 100 % подписей авторов и упоминаний о людях имеют трехчленную структуру именования.

Анализ употребления патронимов в большинстве газет и журналов дает основание сделать вывод, что отчество по факту исчезло в жанрах публицистического стиля, также в них практически не употребляются инициалы. Патронимы сохраняются исключительно в тех рубриках, которые ставят задачей выразить уважение к человеку («Поздравляем!», «Некролог» — в «Добрушском крае», «Юбилеры» — в «Советской Белоруссии»), а также полностью в газете для читателей старшего возраста «Друг пенсионера».

Случаи употребления отчества связываем с целью жанра поздравительной статьи — воодушевить, выразить доброе, учтливое отношение, целью некролога — сообщить о смерти и выразить соболезнование родным и близким.

Информационные жанры речи имеют другие цели — изложить факты, дать точные сведения о событии, предмете, явлении, поэтому в них авторы публикаций, упоминая человека, исключают его отчество.

Таким образом, в публицистическом стиле в процессе подражания закрепляются речевые нормы, характерные западным традициям, приводя при этом к утрате собственных, национальных, свойственных народу-носителю языка. Причина видится в том, что пресса стремится к демократизации делового общения вне зависимости от возраста человека, его общественного положения, и тем самым влияет на массовую аудиторию. Можно утверждать, что важным фактором, влияющим на архаизацию патронимов, являются средства массовой информации.

Отчество и социальные сети. В настоящее время невозможно представить общение без социальных сетей «Одноклассники», «ВКонтакте», «Фейсбук». Виртуальное общение — их основная цель, которая в большинстве случаев реализуется через разговорный стиль с характерными для него диалогическими формами речи и неофициальной обстановкой, хотя многие политики и медийные люди также имеют свои официальные страницы в социальных сетях.

Анализ персональных данных пользователей социальных сетей демонстрирует факты отказа от отчества. Номер мобильного телефона или электронный адрес оказывается значимее персональных данных. Популярная социальная сеть «Фейсбук» не предусматривает в шаблоне окна

регистрации ячейки с указанием на отчество. Это можно объяснить тем, что она была основана в США (в 2004 г.) и следует американским традициям именования. Тенденцию отказа от отчества продолжили и социальные сети России «Одноклассники» и «ВКонтакте», о чем свидетельствует анализ регистрационных анкет: русскоязычные сайты игнорируют пункт *отчество*.

Проанализировав имена пользователей из рубрики «Сейчас на сайте» в «Одноклассники» методом сплошной выборки, делаем вывод, что из 100 профилей все-таки 3 зарегистрированы с полным трехчленным именем (что составляет 3 % от числа): к примеру, *Сергей Петрович Пакуш*, 59 лет, *Скачков Василий Иванович*, 62 года, *Алексей Иванович Балабин*, 57 лет. Вероятнее всего, что пользователи старшего поколения следовали речевым нормам, которые им были привиты с детства и привычны для них.

Два человека (2 %) использовали двухкомпонентную модель — имя и отчество, без указания фамилии: *Татьяна Сергеевна*, 29 лет; *Мария Сергеевна*, 24 года. Возможно, молодые посетительницы сайта пожелали в определенной степени сохранить анонимность, чего нельзя сделать, указав фамилию.

Отметим, что для облегчения ведения диалога в группах и сообществах в социальных сетях предусмотрено, что после нажатия на кнопку «ответить» появляется выделенное (подсвеченное) обращение, как правило, это внесенные в регистрационную анкету имя в «ВКонтакте», а в «Фейсбуке» имя-фамилия. Вместе с тем в «Одноклассниках» нет указанной функции.

Отчество в преподавании культуры речи. По данным Минобрнауки, в 2018 году в России получили образование почти 309 тысяч иностранцев. В 2019 году их поток увеличился на 5,7 % — до 327,6 тысяч [3]. А с **2019 / 2020 учебного года в Республике Беларусь обучаются более 23 тысяч иностранцев, приехавших из 108 стран** [5]. Основываясь на указанном факте, можно предположить, что выпускники-иностранцы, на родине которых употребление отчеств не является традицией, воспримут как норму речевого этикета формулу, предложенную преподавателем русского языка, и будут ее придерживаться в дальнейшем.

Проанализировано содержание учебных и методических пособий по русскому языку как иностранному на факт использования отчеств. Выбор источников случайный, но захватывает как московские издания («Дрофа», «Просвещение»), так и периферийные (Тульский университет), а также белорусские (БелГУТ, Гомель; БГЭУ, Минск) и др.

Следует отметить, что в одном из рассмотренных пособий Е. Дылюк, Л. Дьячковой, Э. Янчиновой «Пусть всегда будет солнце» (книга для учителя), изданном в 1984 году в Чехословакии, рекомендовано: «*Представившись ребятам, сразу же обратите внимание на то, что они должны называть вас по имени и отчеству: у нас всегда называют учителей по имени и отчеству*» [2, с. 12]. То есть идет указание на соблюдение речевого этикета страны изучаемого языка.

Лингвострановедческие тексты, предназначенные для ознакомления перевода, в которых содержатся сведения о культурных деятелях, сохраняют двучленную модель именования, что не противоречит литературной норме: *Александр Пушкин*, [4, с. 19], *Антон Стульгинский* — директор-распорядитель фабрики [4, с. 40].

Следовательно, в печатных пособиях в разной степени обращено внимание на речевую традицию употребления патронимов. В источниках применяется как полное трехчленное именование, так и упрощенный вариант имени: *Это Лена. Это Дима. Анна — студентка* [8, с. 17]. *Это Владимир Чернов. Он директор* [8, с. 24]. *Меня зовут Ира. Ира — это мое имя. Моя фамилия Орлова, мое отчество — Максимовна* [8, с. 37].

Следующая речевая ситуация представлена условиями общения «преподаватель русского языка как иностранного — обучающийся иностранец», задача речи — обучение, условия общения официальные.

Несколько преподавателей пояснили, что обучающиеся-иностранцы используют речевые формулы своего языка: *мэм Людмила, мисс Людмила, мэм, мадам*.

Проведен опрос в группе «Преподаватели русского языка как иностранного» социальной сети «Фейсбук», объединяющей более 4 тысяч участников из разных стран, дипломированных авторитетных специалистов, обучающих русскому языку как детей, так и взрослых. Был применен фильтр с целью опроса проживающих и преподающих только в России и в Республике Беларусь. Всего в опросе приняли участие 92 преподавателя. Из них 44 (47 %) на первом уроке предлагают обучающимся называть себя по имени, почти столько же — 41 (45 %) — по имени и отчеству, так как придерживаются норм профессиональной этики; 7 (8 %) — в зависимости от ситуации (от возраста обучающихся), соблюдая определенную дистанцию, если обучающиеся младше обучающего.

Можно говорить о том, что, игнорируя традиции славянского именованя личности, или облегчая обучающимся произношение, или желая «демократизировать» учебное общение, сами преподаватели оказывают существенное влияние на изменение речевой нормы, так как подчиняются речевым нормам родной страны студентов и тем самым способствуют архаизации патронимов на восточно-европейской территории.

Следовательно, официальная обстановка в речевой ситуации «преподаватель — обучающийся» почти в половине случаев речевого общения приобретает неофициальный, дружеский характер, то есть происходит изменение речевых этикетных норм.

Заключение. Использование отчества в сфере неофициального общения ограничено. Причем указанный факт в публицистическом стиле стал отмечаться с 90-х годов XX века: отчество поступательно теряет статус этической нормы в русском речевом этикете. И если ученые-языковеды А. В. Сулова и А. В. Суперанская в изданной в 1991 году книге «О русских именах» отмечали, что «у русских традиционное именование по отчеству включает элемент уважения к человеку, а обращение без отчества воспринимается как фамильярное, свойское и неуважительное» [7, с. 48], то в 2020 году факты игнорирования отчества в литературных стилях, нарушение речевого этикета становятся речевой нормой. Отчество теряет значимость.

Литература:

1. Гузнова А. В. Структура именованя русского человека // Вектор науки ТГУ. — Серия: Педагогика, психология. — 2015. — № 1 (20). — С. 53–55.
2. Дылюк Е. Пусть всегда будет солнце. Русский язык в пионерских лагерях / Е. Дылюк, Л. Дьячкова, Э. Янчинова. — Прага: СЧСД, 1984. — 87 с.
3. Костенко Я. Знай наше! [Электронный ресурс]. — Режим доступа: iz.ru/957311/iaroslava-kostenko/znai-nashe-za-10-let-chislo-inostrannykh-studentov-v-rossii-udvoilos (Дата доступа: 25.12.2019).
4. Кулаженко Н. В. Лингвострановедение: тексты с лексико-грамматическими заданиями к видеокурсу для иностранных студентов / Н. В. Кулаженко [и др.]; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп. — Гомель: БелГУТ. 2008. — 60 с.
5. Молофеев В. Сколько иностранцев учатся в Беларуси [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://naviny.by/new/20190904/1567605619-skolko-inostrancev-uchitsya-v-belarusi> (Дата доступа: 18.09.2021).
6. Розенталь Д. Э. Словарь справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
7. Сулова А. В. О русских именах / А. В. Сулова, А. В. Суперанская. — 2-е изд., испр. и доп. — Л.: Лениздат, 1985. — 222 с.
8. Чернышов С. И. Поехали! Русский язык для взрослых: начальный курс. — 7-е изд. — СПб.: Златоуст, 2009. — 280 с.
9. Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVIII вв.). — М.: Учпедгиз, 1959. — 128 с.

Atroschenko L. A.

lud-mila19@mail.ru

«Zhgun Secondary School» Dobrush region

Kulik L. V.

kulikludmila@mail.ru

«Sukhoi State Technical University of Gomel»

Factors of patronymics archaization

In the article the use of patronymic as the part of speech etiquette is considered. The attention is paid to the speech situations of the use of patronymics, the peculiarities of the use of patronymics in the texts of journalistic style and social networks, as well as the use of patronymics in teaching of the speech culture.

Keywords: onomastics, patronymic, speech culture, speech situation, speech etiquette, speech style.

Язык и культура: аспекты взаимодействия

Введение

Известно, что язык как важнейший элемент речи выполняет величайшую социальную миссию — передает последующему поколению накопленные человеческим обществом опыт и знания.

Язык как форма культуры увековечивает плоды мышления и культурные ценности во времени и пространстве, которые постоянно предполагают друг друга и способствуют взаимному существованию и развитию. Мышление свойственно только человеку. Оно существует совместно с трудовой и речевой деятельностью людей. Мышление проявляется через речь и кодируется в языке как его последствие.

Язык — зеркало души нации. В языке отражается искусство, литература, история, традиции, мировоззрение, чаяния, патриотические чувства нации. Каждое слово и каждая его форма есть результат мышления и чувствования. С помощью языка выражаются особенности Родины и народа. Уважение к родному языку и уместное пользование его бесценными возможностями, умение ясно и действенно говорить и писать, достижение речевой грамотности является первостепенным долгом каждого, являющегося носителем данного языка.

В последние годы в связи с развитием общества весьма заметным становится повышение интереса и потребностей к изучению иностранных языков.

Также на сегодняшний день научно-технический прогресс оказывается главным стимулятором изучения не одного, а нескольких иностранных языков. В частности, повседневные телекоммуникации, телевидение, интернет и радиоканалы доставляют своим потребителям существующую во всем мире информацию посредством нескольких языков. В целях использования ими этих же языков издаются различного рода указания и рекомендации. Следовательно, проблемы обучения языку и изучение языка во все времена оставались злободневными.

Чтобы понять сущность культуры, как социального явления, необходимо, прежде всего, рассмотреть некоторые определения культуры.

Мир человека — это мир культуры. В своем первоначальном значении культура («возделанное») противопоставляет «натуре» — природному и означает то, что отличает человека от природы, отличает мир искусственный от мира естественного. Это мир, от начала и до конца создаваемый самим человеком, и он противопоставляет и миру природному, и миру божественному, существующему помимо человека. В этом же предельно широком смысле культура включает в себя все накопленные людьми материальные и духовные ценности и способы их приумножения. Другими словами, культура есть «концентрированный опыт предшествующих поколений, дающий возможность каждому индивиду усвоить этот опыт и участвовать в его умножении».

Итак, можно утверждать, что культура — это освоенный и овеществленный опыт человеческой жизнедеятельности. Опыт же представляет собой закрепленное единство знаний и умений, переросшее в модель действий при любой ситуации; программу, принятую в качестве образца при решении всевозможных возникающих задач. Иными словами, культуру можно рассматривать, как определенный набор стереотипов, определяющий и тем самым ограничивающий человеку возможность действовать в любых условиях.

Любой исторический тип культуры представляет неразрывное единство двух составляющих — актуальной культуры и культуры накопленной, или культурной памяти. Под актуальной культурой понимается та часть культуры, которая непосредственно функционирует в данном обществе и выражается в повседневных проявлениях — культуре труда, быта, поведения [8, с. 90]. Культурная память — это определенная культурная деятельность, которая непосредственно не участвует в воспроизводстве общественной жизни. Это как бы отложенные, но не стертые прогрессом старые знания и умения, лежащие в основе современного уровня развития и при необходимости, извлекаемые из забвения. Так, спички выступают сегодня элементом актуальной культуры, в то время как получение огня при помощи трения относится к сфере культурной памяти. При необходимости мы способны заняться трением палочек, но лишь при том условии, что наши спички безнадежно отсырели.

Взаимосвязь культуры и языка

Несомненно, что такие явления, как культура и язык, тесно связаны. Однако следует сказать, что эта взаимосвязь не так проста, как кажется на первый взгляд.

Язык — это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре, поэтому начиная с XIX в. (Я. Гримм, Р. Раек, В. Гумбольдт, А. А. Потебня) и по сей день проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в языкознании [2, с. 107].

Первые попытки решения этой проблемы усматривают в трудах В. Гумбольдта, основные положения, концепции которого можно свести к следующему:

- 1) материальная и духовная культура воплощаются в языке;
- 2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма (ВФ);
- 3) ВФ языка — это выражение «народного духа», его культуры;
- 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром.

Концепция В. Гумбольдта получила своеобразную интерпретацию в работе А. А. Потебни «Мысль и язык», в работах Ш. Балли, Ж. Вандриеза, И. А. Бодуэнаде Куртэне, Р. О. Якобсона и других исследователей. Мысль о том, что язык и действительность структурно сходны, высказывал еще Л. Ельмслев, отмечавший, что структура языка может быть приравнена к структуре действительности или взята как более или менее деформированное ее отражение. Как именно связаны язык, действительность, культура?

Е. Ф. Тарасов отмечает, что язык включен в культуру, так как «тело» знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака — это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности [12, с. 102]. Так же и культура включена в язык, поскольку вся она смоделирована в тексте. Вместе с тем взаимодействие языка и культуры нужно исследовать крайне осторожно, помня, что это разные семиотические системы.

Справедливости ради нужно сказать, что, будучи семиотическими системами, они имеют много общего:

- 1) культура, равно как и язык, — это формы сознания;
- 2) культура и язык существуют в диалоге между собой;
- 3) субъект культуры и языка — это всегда индивид или социум, личность или общество;
- 4) нормативность;
- 5) историзм;
- 6) языку и культуре присуща антиномия «динамика — статика».

Язык и культура взаимосвязаны:

- 1) в коммуникативных процессах;
- 2) в онтогенезе;
- 3) в филогенезе;

Различаются эти две сущности следующим:

- 1) в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность;
- 2) хотя культура — знаковая система (подобно языку), но она неспособна самоорганизовываться;
- 3) как уже отмечалось нами, язык и культура — это разные семиотические системы.

Эти рассуждения позволяют сделать вывод о том, что культура неизоморфна (абсолютно не соответствует), а гомоморфна языку (структурно подобна).

Взаимовлияние культуры и языка

Большинство современных исследователей в области языкознания, лингвокультурологии придерживаются мнения, что влияние культуры на язык является очевидным фактом. Языки очень сильно различаются между собой, и эти языковые различия связаны с важными различиями в обычаях и общепринятых манерах поведения в тех культурах, где эти языки развиваются.

Различия в культурах могут сказаться в том, что в разных языках слова, могут различаться коннотативной семантикой (то есть своими эмоциональными и оценочными оттенками).

Воздействие культуры на язык проявляется в своеобразии самого процесса общения в разных культурах, что сказывается в некоторых особенностях лексики и грамматики, а также в особенностях нормативно-стилистического уклада языка. Существенным компонентом ролевого поведения является речь: «У разных народов общение в «одномерных» ситуациях (например, разговор мужа с женой, отца с сыном, начальника и подчиненного и т. д.) протекает в разной стилистической тональности».

Воздействие культуры на язык является очевидным, и мы попытались выделить важнейшие аспекты, доказывающие этот факт. Однако вопрос об обратном воздействии языка на культуру остается до сих пор открытым в науке.

Заключение

Идея антропоцентричности языка — ключевая в современной лингвистике. В наше время целью лингвистического анализа уже не может считаться просто выявление различных характеристик языковой системы. Язык — многомерное явление, возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и упорядоченное саморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т. д. Характеризуя язык во всей его сложности с противоположных сторон, мы раскрываем самую его сущность.

Формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем ее многообразии. Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности. Все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры.

Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее. Для языка и культуры характерны общие признаки: это формы создающие и отражающие мировоззрение народа и человека; они ведут между собой постоянный диалог, так как субъект коммуникации — это всегда субъект определенной культуры; они имеют индивидуальные и общественные формы существования; обоим явлениям свойственны нормативность, историзм, а также взаимная включенность одной сферы в другую. Язык — составная часть культуры, основной инструмент ее усвоения, носитель специфических черт национальной ментальности.

Литература:

1. Антонова Е. С. Русский язык и культура речи: учебник для студентов учреждений среднего профессионального образования / Е. С. Антонова, Т. М. Воителева. — М.: ИЦ Академия, 2013. — 320 с.
2. Боженкова Р. К. Русский язык и культура речи: учебник / Р. К. Боженкова, Н. А. Боженкова, В. М. Шаклеин. — М.: Флинта, 2016. — 608 с.
3. Введенская Л. А. Русский язык и культура речи: учебное пособие / Л. А. Введенская, М. Н. Черкасова. — Р-н/Д: Феникс, 2015. — 380 с.
4. Воителева Т. М. Русский язык и культура речи: Учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования / Т. М. Воителева, Е. С. Антонова. — М.: ИЦ Академия, 2013. — 400 с.
5. Голуб И. Б. Русский язык и культура речи: Учебное пособие. — М.: Логос, 2014. — 432 с.
6. Ипполитова Н. А. Русский язык и культура речи: учебник / Н. А. Ипполитова, О. Ю. Князева, М. Р. Савова. — М.: Проспект, 2015. — 440 с.
7. Кожевникова К. В. Спонтанная устная речь в русской эпической прозе. — М.: Praha, 2016. — 220 с.
8. Кузнецова Н. В. Русский язык и культура речи: Учебник. — М.: Форум: НИЦ ИНФРА-М, 2013. — 368 с.
9. Левонтина И. Б. Языки славянской культуры. — М.: Просвещение. 2016. — 540 с.
10. Плещенко Т. П., Федотова Н. В., Чечет Р. Г. Стилистика и культура речи / Т. П. Плещенко, Н. В. Федотова, Р. Г. Чечет. — М.: Дрофа. 2015. — 544 с.
11. Скворцов Л. И. Экология слова, или поговорим о культуре русской речи. — М.: Просвещение, 2015. — 208 с.
12. Шахиджанян В. В. Учимся говорить публично. — М.: Вагриус, 2014. — 477 с.

Феномен армяно-русской современной литературы о детях и подростках (на материале произведений Наринэ Абгарян, Мариам Петросян)

Статья посвящена анализу романов — мистического «Дом, в котором...» М. Петросян и автобиографического «Манюня» Н. Абгарян. Романы анализируются с точки зрения воспроизведения в них характерных черт русского национального характера, мифологии и архетипа. Писатели, живущие не в русскоязычной среде, отразили особую эстетику русской картины мира. Романы объединены единой идеей поиска нравственного смысла жизни. Произведения, написанные на постсоветском пространстве, являются феноменом современной детской и подростковой литературы.

Ключевые слова: эстетика романа, национальная картина мира, архетип, мифология, культурные ценности.

В 2005 году была учреждена «Русская премия». Ее вручают писателям, пишущим по-русски и проживающим за пределами России. Почему нерусские писатели, или писатели, живущие в Белоруссии, Армении, Казахстане и в более дальних станах, пишут сегодня по-русски? Ответы на этот вопрос могут основываться как на чувственном восприятии действительности, так и иметь политизированную идеологическую базу.

Эстетическая составляющая представляется наиболее продуктивной для анализа русской литературы, которая не перестает быть русской от того, что ее написали нерусские писатели.

Главный редактор журнала «Дружба народов», член жюри «Русской премии» Александр Эбноидзе в 2006 году высказал мнение, что «писать на неродном языке — это всегда примета биографического излома», и если «проследить биографии писателей..., можно обнаружить, что за их русскоязычием обычно стоит какая-то драма, которая лишает естественной возможности самовыражения на родном языке: Айтматов был детдомовцем...» [12]. Утверждение спорное, но в 2010 году «Русскую премию» вручили Мариам Петросян за книгу «Дом в котором...» за книгу о больных детях, живущих в доме-интернате для инвалидов. Сама Мариам Петросян говорит, что «на самом деле болезни и физические недостатки моих героев имеют значение лишь постольку, поскольку мне нужно было создать замкнутое пространство, живущее закрытой, скажем так, камерной жизнью, и обычная школа-интернат не дала бы мне такой большой «закрытости», так что сама тема инвалидов, «людей с ограниченными возможностями», не имеет здесь такого уж значения...» [10].

Эстетика романа транслирует русскую картину мира: в романе представлено необъятное пространство и бесконечное время [7–9].

Рекламный буклет Дома, который начал разваливаться в прошлом веке, повествует о «более чем вековой истории и бережно хранимых традициях». Для ребенка время течет особенно долго и вековая история для него является вечностью. В одной из детских групп введен запрет на измерение времени: «переселяемому в четвертую группу настоятельно рекомендуется избавиться от любого вида измерителей времени: будильников, хронометров, секундомеров, наручных часов». Имя одного из главных героев — Эрик, что означает «вечный».

Пространство Дома — весь Космос, или огромный улей. Кафе называется «Лунная дорога», объявление начинается с обыденного императива «Раздвинь рамки вселенной!»

Группы детей разделены по отношению к «власти» в Доме: уважение к власти и законопослушность одной группы соотносится с теорией русского национального характера «пеленочного

детерменизма» Дж. Горера; саморазрушение, присущее другой группе, отсылает к мазохистской теории Д. Ланкура-Лаферьера. Главный герой путешествует между группами, ищет абсолютное добро (религиозная теория Н. О. Лосского), пересекает невидимую границу.

Фактор чуда, который присутствует как герой в повествовании, обуславливает детскую веру в необычное, жажду необъяснимого.

Отношение к миру в Доме как к чему-то неконтролируемому также отражает русскую национальную картину мира. Неагентивность, присущая русскому языку, обуславливает созерцательное отношение героев к происходящему: многие из ребят умеют уходить в себя, чтобы побыть одним.

Склонность к крайним и категоричным моральным суждениям, любовь к морализаторству, присущая русской культуре [4] (возможно, как и любой традиционной культуре), послужила завязкой сюжета — красные кроссовки, которые надел Курильщик, не понравились Фазанам, и они его обсудили, осудили и выгнали из своей группы.

Основным посылом романа можно считать тенденцию к смягчению небезупречности, «ущербности». Горбуна называют Ангелом, представляя его горб как пару сторевших крыльев, читатель не сразу понимает, что подростки и дети повествования — инвалиды. Осознание несовершенства обитателей Дома и стремление его оправдать — одна из главных мыслей книги.

В основе сюжета книги Мариам Петросян «Дом, в котором...» можно обнаружить архаичные, сказочные образы. Сам Дом подобен избушке Бабы Яги: он находится на границе миров, окружен белыми зубьями («длинные многоэтажки здесь выстроены зубчатыми рядами» [8, с. 3], «зубья белы, многоглазы» и т. п.), в нем останавливается время, у живущих там нет имен, только клички... Выход из дома возможен в два мира: в наружность, мир нормальных людей и в мир иной, который, как и в русских народных сказках, ассоциирован с лесом. У иного мира нет названия — это Лес, другая сторона дома. В каждую ночь сказок герои — дети инвалиды, живущие в доме-интернате — рассказывают о своих походах Туда, по ту сторону Дома. Название этой ночи напрямую отсылает читателя к волшебной сказке, в основе сюжета которой — пересечение запретных границ с помощью волшебного помощника. Такие помощники есть и в Доме, они выполняют функцию Бабы-Яги, помогающей Иванушке пересечь границу миров и оказаться в Тридесятом царстве, в царстве мертвых (по В. Я. Проппу) [11]. В финале романа в ночь перед выпуском из Дома Слепой (Баба-Яга тоже слепа) [11, с. 53] и Табаки уводят в потусторонний мир более 20 детей, среди них были все «неразумные» (Иванушки-дурачки), которые не могут жить в мире людей. В книге можно найти и другие параллели с русской народной сказкой: например, сказка о старике-дарителе, которую рассказывает Табаки в последнюю ночь сказок, снова отсылает к образу и функции Бабы-Яги дарительницы — в русской сказке именно этот тип Яги нередко заменяет старик. Есть в Доме и свои Иваны-Царевичи: колясочник Лорд и безрукий Сфинкс. Эти герои покидают Дом в Наружность, хотя часто бывали Там, и Туда их зовут Слепой и Табаки, но их выбор — возвращение. В решении вернуться в родительский дом их укрепила любовь — они нашли своих царевен: Сфинкс — Русалку, а Лорд — Рыжую. После обретения царевны Иван-царевич должен вернуться к людям, ведь герой прошел путь испытаний и получил свою награду — невесту. Этот путь соотнесен В. Я. Проппом, Дж. Кэмпбеллом [6] с инициацией. Сфинкс, Лорд, Курильщик и другие, возвратившиеся в наружность, выросли, повзрослели, отпустили детство. Сама Мариам Петросян в интервью газете «Первое сентября» говорит: «<...> по большей части их страх перед «наружностью» — это страх вырасти» [10].

Так, армянская писательница в книге, написанной на русском языке, воплотила архаичные, архетипичные, мифологические, сказочные схемы — наследие языческого прошлого, которые до сих пор определяют менталитет русского человека: вера в чудесное, в тонкую грань видимого и невидимого миров, обращение с просьбами и надеждами к миру иному — именно от туда, из чудесного мира, русский человек ждет помощи, веря не в свои силы, не в медицину и науку, а в провидение, заклинание, молитву...

Книгу перевели на 10 языков, можно предположить, что написав по-русски, Мариам Петросян не стремилась изначально расширить предполагаемую аудиторию. Армянский язык обладает не меньшими выразительными средствами, чем русский. Скорее всего, Мариам Петросян является частью русского мира, как и все жившие в советское время: общий язык с его подсознательными кодами, общая культура, схожее детство с волшебными сказками и фильмами по ним.

В отличие от романа «Дом, в котором», где Мариам Петросян создала замкнутый мир, где большую роль играет подтекст, в книге Наринэ Абгарян все максимально достоверно: в «Манюне»

выведены автобиографические герои и узнаваемые советские и общечеловеческие реалии жизни. Абгарян вводит не так много собственно армянских реалий, даже угощения бабы Розы не пестрят названиями армянской национальной кухни — это позволяет любому читателю, чье детство прошло в советское время, узнать в девочках Наринэ и Манюне себя, независимо от того, на севере или на юге нашей большой общей страны это детство протекало.

Наринэ Абгарян написала свою трилогию про «любознательных и всегда готовых к подвигу советских детей» [1–3]. Это обстоятельство предопределило, на каком языке должна быть написана книга. В тексте показана общая культурно обусловленная модель поведения для всех советских детей: музыкальная школа или художественная, пианино или скрипка, школа каждый день, а в исключительных случаях баня. В трилогии прослеживается наличие между героями и нами, читателями, специфических каналов коммуникации, общих культурных и эстетических традиций: мамы и бабушки вяжут, шьют и вышивают, бешено закручивают припасы, используют мазь Вишневского, готовят тазик оливье. Показаны общепринятые формы восприятия и реагирования на условия жизни: за детей отвечают всем миром. Кормят их, воспитывают и приглядывают за ними все старшие. Это было нормальное социально одобряемое индивидуальное и коллективное поведение. Наличие общей исторической судьбы, как бы пафосно это не звучало в контексте анализа детской и подростковой литературы, также ярко демонстрируется в трилогии: герои празднуют Первомай и очередную годовщину Великой Октябрьской революции, не забывают, что было с их семьями до революции, в Российской Империи. География трилогии охватывает маленький горный город Берд и большой морской порт Новороссийск, столицу Армении — Ереван, и столицу Азербайджана — Баку. Друзья и знакомые семей Щац и Абгарян живут в Москве, Кисловодске и Кировакане. Трилогия населена как минимум пятью национальностями: армяне, татары, евреи, русские, азербайджанцы и одна литовка. Национальный вопрос поднимается только в контексте кухни.

Величие, единственность страны советских детей репрезентируется через наличие в маленьком горном селении больницы, школ, в том числе и музыкальной и художественной, оборонного завода, театра, новых домов и строек, на которых традиционно играют дети.

Трилогия реалистична: в магазинах традиционно хоть шаром покати, в кафе при автовокзале лучше детей не кормить, мамы и бабушки в условиях тотального дефицита устраивают быт своих семей, папы — уважаемые труженики, потому что плохих и неважных профессий не бывает.

В повествовании Абгарян чувствуется желание посмеить читателя: используются такие приемы комического, как неожиданное узнавание, несоответствие результата ожидаемому, оксюморонность, ирония, сочетание высокого и низкого слога, соединение книжного и просторечного, а также выбираются для рассказа смешные ситуации и человеческие типажи. Но главное обаяние книги в ее колоритном, неолитературенном, живом языке персонажей. Если «Дом, в котором...» переводим на другие европейские языки, то «Манюня» Наринэ Абгарян по языку и содержанию предназначена для русского/советского мира с общим прошлым: эта книга напоминает время, когда народы сегодня соседних или близких государств были одной братской семьей, жили общими радостями и проблемами. Описанная Наринэ Абгарян реальность, многие шутки, ирония над социальными, политическими, мировоззренческими перегибами советского времени, наверное, не будут поняты во всей полноте теми, кто не был внутри эпохи, потому что в переводе потеряется речевой колорит героев и перестанут «работать» многие шутки. В одном из интервью Наринэ Абгарян поделилась своими переживаниями по поводу французского и английского переводов книги «Манюня» и рассказала, как англичане смеялись, отыскивая серию, в которой можно было бы издать эту книгу: «Криминальное чтиво», «Как нельзя воспитывать детей». Конечно, это шутка, но она показывает, насколько важен культурный контекст для адекватного восприятия книг Абгарян.

В чем же феномен армяно-русской современной литературы о детях и подростках? Эта литература, написанная армянскими по происхождению писательницами на русском языке

- отражает не только русскую национальную картину мира, но и репрезентирует общечеловеческие ценности;
- расширяет границы мира: в мистическом плане у Петросян, в культурном и историческом прошлом у Абгарян;
- создает образ детства как поры, где нет времени, границ и каких-либо стереотипов, потому что «все, что происходит с человеком после четырнадцати лет, — не имеет большого значения» [5].

Литература:

1. Абгарян Н. Манюня пишет фантастический роман. — М.: АСТ, 2016.
2. Абгарян Н. Манюня, юбилей Ба и прочие треволения. — М.: АСТ, 2017.
3. Абгарян Н. Манюня. — М.: АСТ, 2016.
4. Вежбицкая А. Русский язык. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl.htm
5. Киселев В. Девочка и птицелет. — М.: Детская литература, 1966.
6. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. — М.: Рефл-бук, АСТ, КЮ: «Ваклер», 1997.
7. Петросян М. Дом, в котором... Книга вторая «Шакалинский восьмидневник». — М.: Livibook, 2018.
8. Петросян М. Дом, в котором... Книга первая «Курильщик». — М.: Livibook, 2018. — С. 3.
9. Петросян М. Дом, в котором... Книга третья «Пустые гнезда». — М.: Livibook, 2018.
10. Петросян Мариам: «Мои герои не хотят расставаться со своим детством». Интервью. // Первое сентября. Газета для учителя. — № 1. — 2010. — URL: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=201000128>
11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — М.: Лабиринт, 2005.
12. Слово писателя теперь звучит шепотом. Интервью с Александром Эбаноидзе // Информационно-аналитическая газета армянской диаспоры стран СНГ. URL: <http://old.noev-kovcheg.ru/article.php?n=95&a=34>

Denisenko E. N.

olenaden@gmail.com

The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

Dmitrievskaya L. N.

lidija-13@yandex.ru

Maxim Gorky Literature Institute

The phenomenon of Armenian-Russian literature about children and adolescents (based on the works of Narine Abgaryan, Mariam Petrosyan)

The article is devoted to the analysis of novels — the mystical «House in which ...» M. Petrosyan and the autobiographical «Manyunya» N. Abgaryan. The novels are analyzed from the point of view of reproducing in them the characteristic features of the Russian national character, mythology and archetype. Writers living in a non-Russian-speaking environment reflected the special aesthetics of the Russian picture of the world. The novels are united by a single idea of finding the moral meaning of life. The works written in post-Soviet advertising are a phenomenon of modern literature for children and adolescents.

Keywords: aesthetics of the novel, national picture of the world, archetype, mythology, cultural values.

Психологические особенности женского образа в современной русской и узбекской прозе

Данная статья посвящена исследованию психологических особенностей женского образа в современной русской и узбекской женской прозе на примере творчества Л. Петрушевской и Саломат Вафо. Во внимание также приняты особенности психологической характеристики женских образов, характерные для творчества авторов, основанные на их авторских взглядах.

Ключевые слова: типология, характер, образы, психологизм, нравственность, духовная красота.

Во все времена женская красота, обаяние, богатый духовный мир вдохновляли русских и узбекских поэтов и писателей. Сердца читателей до сих пор волнуют прекрасные женские образы. Поэты и писатели современной литературы, тоже создают удивительные женские образы и характеры, достойные преклонения, следуя традициям своих предшественников. На протяжении многих лет многогранность женской натуры пытались постичь не только представители искусства, но и ученые мужи. В современном литературоведении психологические особенности образов разрабатывались давно и достаточно плодотворно. Женщину во все времена всегда ценили, любили и уважали.

Литература постоянно следовала за процессом поиска и исследования национального характера. В результате данной литературной традиции разные женские образы становятся одним из вспомогательных средств поиска и исследований. В современной литературе идеальные женские образы всегда обладают добротой, верностью, нежностью, снисходительностью, в отличие от инфернальных женщин.

Проза Л. Петрушевской и С. Вафо создает незабываемую галерею сильных и нежных, ласковых и надменных, ранимых и дерзких героинь. Все они глубоко индивидуальны, каждая из них наделена только ей присущими чертами характера и поведения, но объединяет их одно — высокая духовность и нравственная чистота, они не способны на подлость и коварство, на низменные человеческие страсти.

Женщина многогранна, гармонична, с течением времени ее образ, и характер менялся, приобретал черты современности, но от него всегда веяло теплотой, загадочностью и таинственностью [6, с. 350].

Персонажи прозы Петрушевской, за редким исключением, не живут, а выживают. Естественно, что подобный взгляд на человеческое существование потребовал плотного бытописания, подчас натуралистического. Вещные, бытовые детали отобраны точно и наполнены психологическим содержанием.

Женщина — главная героиня ее рассказов. Она всегда разная: мать-одиночка, любящая жена; то она плачущая, страдающая, то она гордая, «повелительница мира».

Например, повесть Л. С. Петрушевской «Никогда» повествует о психологических особенностях современной женщины. Обычная жизнь, обычной женщины на первый взгляд, с другой стороны полной душевных переживаний. Героиня ухаживает за больным отцом, а ребенка отправляет на лето в детский сад за город. Но вскоре Лена — так зовут главную героиню, решает поехать к нему на сутки, так как начинает скучать по своему маленькому сыну. Лена договаривается с соседкой, чтобы та присмотрела на время отъезда за ее отцом. Сама же отправляется за город и сразу же сталкивается с трудностями жизни — она не находит места для ночевки. Но скоро Лена находит место, где переночевать, в деревне у старушки по соседству с детским садом. Она на следующий день бежит к своему ребенку и все оставшееся время проводит с ним. За время, которое Лена находилась у старушки в деревне, она испытала и клевету, и страх перед тем, что ее просто-напросто могли убить ни за что. Героиня шокирована. На следующий день Лена забирает сына и вместе с ним едет домой в город. На протяжении всей дороги ее не покидает ужас той маленькой деревни, ночной толпы и уже, наконец, не покинет никогда [3].

Мир Петрушевской — это, действительно, «изнаночный мир», болезненный и угрюмый, не приукрашенный благородными чувствами и порывами души. Но сама писательница так не думает, героини ее попадают в такие ситуации, когда не на кого положиться и надеяться не на что.

В рассказе Саломат Вафо «Женщина, забывшая себя» мы также наблюдаем беспомощное образ матери, которое представляется психологической метафорой, она разворачивается в операционном отделении во время проведения операции по прерыванию беременности, то есть создается как бы эффект присутствия читателя на операции вместе с героиней. Все построено на ощущениях женщины, находящейся в состоянии неглубокого наркоза, когда она слышит голоса и звуки вокруг, может отвечать на вопросы, но при этом притуплены болевые точки и создается физическое чувство беспомощности собственного тела: *“Bilagimga nimadir ukol qilinganga o’xshaydi... va men o’zimni unutib qo’ydim. Mening butun vujudim, butun vujudim shifokorlar qo’lida ... lekin yaqin atrofda nimadir sodir bo’lmoqda va men his qilyarman, tushunaman”* («Кажется, в запястье мне что-то в кололи ... и я забыла себя. Все мое тело, все существо мое во власти врачей ... но что-то происходит рядом, и я чувствую, понимаю») [4, с. 79]. Все произведение пронизывает желание вырваться из этого плена, «перевести дух, задыхаться свободно». Таким образом, возникает пока еще неясное понимание того, что женщина находится здесь не по своей воле. И все, происходящее с ней, с ее телом, с ее, так и не родившимся ребенком, противно естеству женщины матери.

Ретроспективные ассоциации героини выстраивают картину прошлой жизни героини — несколько размытая, не совсем четкая под воздействием анестезии — конфликтная ситуация вызвавшая кризисное одиночество и человеческое страдание, заставившее ее прийти в больницу на аборт.

Даже под воздействием анестезии женщина находится в ощущении психологического катарсиса. Метафорически персонифицированный образ ножа, который весьма равнодушно отсекает ручки, ножки, что-то «живое, бьющееся, бывшее, мое». Она понимает противоестественность происходящего для женщины как обобщенной ипостаси этого мира, выраженного в различных вариантах ее имени: «Открою вам тайну: во мне живут десятки людей, прячущие мой подлинный облик от этого мира».

“Men kulaman, dunyoga kulaman. ... Agar hukmdor bo’lsam, ... Har o’n yilda bir kishining ismi o’zgarib tursin deb favqulodda qonunni ishga solardim! Salomat, Saltanat, Mamlakat...” («Я смеюсь, я хохочу над миром. ... Если б я стала повелителем, ... ввела бы в действие необыкновенный закон, чтобы каждые десять лет менялось имя человека! Саломат, Салтанат, Мамлакат...») [4, с. 79].

Недоказуемые презумпции собственной непогрешимости истерзали душу женщины даже вовремя беспамятности. Она чувствует в моментах бессознательности как бесчеловечно и профессионально деформируется природный инстинкт женщины — материнство, и она вынуждена признать свое бессилие перед жестокостью судьбы, так странно и жестоко превращающейся ее в свою противоположность.

Главная концепция рассказа — представляющая главную мысль героини «до чего тяжело быть и жить на свете женщиной» завершенная выводами читателя. «Женщина, даже в тяжелых моментах остается матерью» установила диалог с читателем, который оценил поступок женщины и ее среды как насилие — преступление, совершенное над женщиной другим, и в то же время ею самой. Все произведение пронизывает желание вырваться из этого плена, «перевести дух, задыхаться свободно». Потаенные душевные переживания женщины, ее непрестанные попытки обрести счастье и душевный покой показаны через глубокий психологизм, показывающий художественное мастерство Саломат Вафо.

Художественная литература всегда отличалась глубиной своего идейного содержания, неустанным стремлением разрешить вопросы смысла жизни, гуманным отношением к человеку, правдивостью изображения. Л. Петрушевская и С. Вафо в своих рассказах стремились выразить в женских образах лучшие черты женского характера.

В современной литературе идеальные женские образы всегда обладают добротой, верностью, нежностью, снисходительностью, в отличие от inferнальных женщин.

Психология женского поведения традиционная специфика, которая отражает ожидание и контроль над женщиной в обществе. Она встречается как долговременное явление в человеческой истории и постепенно становится одним из видов привычной культурной психологии.

Литература:

1. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881 год. — <http://az.lib.ru/d/dostoewskij>
2. Зулфия Куролбой кизи. Қадимий кўшиқ. — Т.: Ўзбекистон, 2012. — С. 324.
3. Петрушевская Л. «Никогда» — <https://www.rulit.me/books/nikogda-133843.html>
4. Саломат Вафо. Женщина, забывшая себя // Звезда Востока. — 2008. — С. 79.
5. Светаева М. Г. Мария Гавриловна Савина. — М.: Искусство, 1988. — 350 с.

Murtazaeva Feruza

feruza79.79@list.ru

*Department of Russian Language and Literatur BukhSU
Bukhara, Uzbekistan*

Psychological features of the female image in modern Russian and Uzbek prose

This article is devoted to the study of the psychological characteristics of the female image in modern Russian and Uzbek women's prose on the example of the works of L. Petrushevskaya and Salomat Vafo. We also took into account the peculiarities of the psychological characteristics of female images, characteristic of the authors' creativity, based on their author's views.

Keywords: typology, character, images, psychologism, morality, spiritual beauty.

Русская литература Казахстана последних десятилетий

Уникальное географическое положение страны, ее «месторазвитие» (по определению евразийцев), история взаимоотношений «европейского» и «азиатского» в Казахстане, как и в культуре России, позволяет избрать в качестве предмета изучения ее культурный текст. Но если в первые десятилетия XX века российские ученые-эмигранты полагали, что концепция евразийства может способствовать гармонизации двух миров — Востока и Запада, то в XXI веке ее роль еще более возросла.

Ключевые слова: литературный процесс, русская литература, культурный текст, евразийство, пространство, Владимир Гундарев, Валерий Михайлов, Ольга Григорьева.

Термином «литературный процесс», обозначается, во-первых, литературная жизнь определенной страны и эпохи (во всей совокупности ее явлений и фактов) и, во-вторых, многовековое развитие литературы в глобальном, всемирном масштабе. Литературный процесс включает в себя все написанное и опубликованное в определенный период — от произведений первого ряда до массовой литературы. Хронология современного литературного процесса — это двадцатилетие XXI века. Непременные составляющие литературного процесса — читательское восприятие и реакция критики. Три субъекта литературного процесса — читатель, писатель, критик — являют собой нерасторжимое единство, обеспечивая функционирование литературы. Каждое явление литературы существует не только как художественный текст, но и в контексте социальных и культурных факторов эпохи. Именно эти факторы контекста актуализируют понятие «литературный процесс» и обуславливают необходимость изучения особенностей литературного процесса того или иного периода.

Литературная ситуация конца XX — начала XXI века в Казахстане характеризуется сменой доминирующих форм бытования художественного текста, сосуществованием в едином литературном пространстве полярно различающихся направлений и течений; подвижностью границ между литературными жанрами, между литературой и внелитературной действительностью; использованием рекламных и PR-технологий для «раскрутки» медийных писателей, сменой писательского амплуа, формированием новой литературной репутации и стратегии.

Проблема писательских стратегий и литературных репутаций особенно актуализировалась в новейшей литературе Казахстана, ориентированной на социологию литературного процесса, в частности, на функционирование литературы в новой социокультурной ситуации.

Следует отметить, что литературная репутация — это динамичный процесс, подвергающийся колебаниям и имеющий иерархии. Литературная репутация содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя. При изучении литературной репутации современных писателей источником исследования служат материалы, размещенные в Интернете, в средствах массовой информации и другие факты. Исследователи вводят и актуализируют такие понятия, как «литературная стратегия», «писательские (авторские) стратегии» и др. Так, можно использовать следующее рабочее определение литературной стратегии — это писательское поведение, направленное на достижение успеха и проявляющееся в произведении, его структуре. Обобщая отечественный опыт интерпретации и изучения литературной стратегии писателя через категорию успеха, она выделяет два аспекта: текстовый и внетекстовый, исследует их проявление и взаимодействие.

Краткий обзор заявленной проблемы позволяет сделать предварительный вывод о том, что литературная репутация и литературная стратегия являют собой социокультурный феномен, который во многом обусловлен текстовой и внетекстовой реальностью, социальной и культурной парадигмой эпохи.

Современный литературный процесс Казахстана в контексте функционирования литературы в новой социокультурной ситуации и формирования литературной репутации и стратегии писателей. По словам Д. Замятина, в последнее время «происходит интенсивное опространствление мира» [2, с. 65]. При этом «опространствлению» подвергается и само время, которое как бы поглощается пространством, так что «время можно помыслить как тело <...> оно не существует до и после, а то, что между телами — образы как их местоимение» [2, с. 67]. Ученые все чаще сегодня апеллируют к термину метапространство, основными признаками которого являются способность пространства к образной самоорганизации, «языковое представление пространства» (понятия «язык-пространство», «пространство метаязыка»), пограничность и «эксцентричность» пространства, его подвижность и «текучесть». Если говорить о новых формах репрезентации географического, исторического и конкретно-бытового пространства в современной русскоязычной поэзии, то наиболее значимой следует признать модификацию «пространственной» семантики в рамках модели хронотопа. Этот тип художественного пространства яснее всего позволяет выявить динамику пространственных образов, модификацию структурных и семантических признаков художественного пространства в казахстанской поэзии и прозе последних десятилетий. Образы пространства, актуализированные исторической или современной реальностью, как правило, имеют вполне конкретные и узнаваемые географические адресаты [4, с. 227]. Примером тому могут служить стихотворения 1970–2000-х гг. В. Гундарева и др. [3, с. 2–18]. При этом можно говорить об особом семиотическом статусе художественного пространства: в основе его структуры лежит принцип культурной синхронии, организующий пространственно-временное единство. Важно отметить и особую актуальность подобной модели пространства для русскоязычной литературы начиная с середины 1960-х гг. и во времена СССР началась эпоха новой интеграции в пространство европейской культурной традиции, и художники поспешили восстановить связь времен и пространств. Наиболее заметно эта тенденция проявляется в лирике О. Сулейменова. Его творчество в этом смысле особенно показательно в связи с тем, что поэтический мир автора всегда был отмечен особым вниманием к пространственно-исторической изобразительности.

В последние десятилетия (1990–2000-х гг.) образы пространства сохраняют культурно-историческую маркированность, но включаются в особую модель пространственно-временных отношений, что во многом порождено новой исторической реальностью. Следует уточнить, что речь в этом случае идет о так называемом национально ориентированном или традиционалистском русле современной поэзии. Модели и типы пространства в поэзии и прозе последних десятилетий имеют особую художественно-эстетическую природу и требуют отдельного исследования. В поэзии же «нового времени» соотношение между исторической реальностью и эмпирическим пространством носит вполне условный характер. «Географизм» образов исторического пространства в поэзии 1990–2000-х гг. нередко служит своеобразным сигналом «топонимической узнаваемости».

Казахстанская литература достаточно полно представлена в проекте (www.litkarta.ru). «Новая карта русской литературы» состоит из трех частей, многообразно связанных между собой: собственно Литературная карта России — постоянно пополняемое хранилище информации по русской литературной регионалистике; раздел наиболее значительных общенациональных и межрегиональных литературных проектов (периодических изданий, книжных серий, фестивалей, конкурсов и т. п.); виртуальная литературная студия. Казахстан обозначен следующими рубриками: в Казахстане выступают; в Казахстане пишут; в Казахстане работают; Казахстан в стихах и прозе; Казахстан в зеркале аналитики.

Представители русской поэзии Казахстана: Владимир Гундарев, Валерий Михайлов, Ксения Рогожникова, Павел Банников, Иван Бекетов, Мария Вильковиская, Ольга Григорьева, Елена Зейферт, Алексей Швабауэр.

Итак, можно прийти к выводу о том, что в условиях иноэтнического окружения любая литературная традиция постепенно самоликвидируется, если только не происходит пополнения ее новыми индивидуумами (в лице представителей «других волн»). Смена ментальности неизбежно приводит и к замене языка, а вследствие этого — к смене национальной парадигмы литературного творчества как отдельно взятого писателя, так и поколения творческих личностей, выросшего в условиях диаспоры в целом. Таким образом, сохранение «своего лица» даже при наличии со-

временных тенденций к открытости общества весьма проблематично. Кроме того, этот процесс получает определенное ускорение, в первую очередь, там, где имеет место русскоязычное творчество писателей-казахов.

Литература:

1. Власова Г. И. Городской текст Целинограда и Астаны в поэзии // V Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы. — М.: МГУ, 2014.
2. Замятин Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. — М.: Аграф, 2004.
3. Культурный текст Астаны // Психология. Социология. Политология. — 2008. — № 8. — С. 2–18.
4. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. — М., 1983. — С. 227–284.

Tatiana Vasiliyevna Krivoschapova

krivoschapova_t@mail.ru

Kazakh branch of Lomonosov Moscow State University

Russian Literature of Kazakhstan in Recent Decades

In the offered paper the presence and functioning of the Russian literature in Kazakhstan as a significant part of modern Eurasian space, which is defined by borders of the former Soviet Union, are presented. The unique geographical position of the country, its “the place of development” (according to the Eurasianists), and the history of relations between “European” and “Asian” in Kazakhstan, as well as in the Russian culture, allow choosing its cultural text as a subject of study. However, if in the first decades of the 20th century, the Russian émigré scholars believed that the very concept of Eurasianism could contribute to the harmonization of the two worlds of East and West, in the 21st century its role has increased even more.

Keywords: literary process, Russian literature, cultural text, Eurasianism, space, Vladimir Gundarev, Valery Mikhailov, Olga Grigorieva.

Урок РКИ по художественному тексту: литературное произведение и культурный дискурс

Представлена в общем виде методическая разработка для урока РКИ по художественному тексту с выходом на культурную парадигму и перспективой дискуссии в коммуникативном блоке занятия. Для обучающихся из стран ближнего зарубежья адаптационные возможности погружения в культуру изучаемого языка могут быть усилены за счет акцентуации в подобранных для изучения текстах реалий XX века периода СССР, когда историческое событийное пространство, культурные достижения России и этих стран считались общими.

Ключевые слова: художественный текст, методическая разработка, урок РКИ, культура России XX века.

На пороговом уровне обучения РКИ не менее важно, чем на начальном этапе, поддерживать культурные стереотипы, формировать ассоциативные скрепы, создавать всевозможные психологические «подпорки», вызывать эффект узнаваемости, которые запускают адаптационные механизмы погружения в культуру изучаемого языка.

Текст как ресурс обучения речевому общению помимо определенной эстетической программы может включать культурные маркеры, устанавливающие устойчивые связи с традициями и ценностями изучаемого языка, а также обеспечивающие эффективные выходы в коммуникативную практику.

Особенно продуктивны в этом отношении представленные в художественных текстах отсылки к значимым (общеизвестным) событиям истории России, имеющим международное значение (космос, балет, спорт, наука и пр.). Вот почему для работы по художественному тексту на начальном и среднем этапах обучения целесообразно отбирать материалы, содержащие некоторые культурологические или страноведческие сведения, гарантирующие «соизучение культуры в процессе изучения языка» [2, с. 734]. Наиболее привлекательны такие тексты для изучающих РКИ представителей стран ближнего зарубежья, которых объединяет с культурой русского языка общая история периода СССР, обуславливающая актуальные фоновые знания.

Другой способ активизации коммуникативного потенциала уроков чтения — выбор произведений универсальной тематики, выводящих ценностные категории, не имеющие принципиальных отличий для представителей разных культур, — любовь, дружба, семья, долг, ответственность и пр. Одна из таких нейтральных и обсуждаемых тем, например, — любовь к животным.

В рамках поставленной методической задачи — чтение и обсуждение на уроке неадаптированного художественного текста — предлагается методическая разработка урока по рассказу Е. Пермяка «Новые имена».

Лапидарность выбранного для работы на уроке текста позволяет привести его полностью:

У главного конюха, у Корнея Сергеевича, водились хорошие охотничьи собаки. Щенков от этих собак Корней всегда раздавал колхозным ребятишкам.

Вот и на этот раз семеро маленьких счастливицев с нетерпением ждали того дня, когда щенки немного подрастут и можно будет их взять у матери.

— Только чур, — говорит Корней, — я отдам вам щенят с одним уговором. Пусть каждый придумает своему щенку новое имя. Придумает и держит про себя. Чтобы другие не повторяли. А то в нашем селе и без того бегают десяток Полканов да штук двадцать Стрелок, а уж Шариков и не пересчитаешь сколько. Нужны новые имена.

— Придумаем, — сказали ребята. И придумали.

Настал день, когда можно было раздать детям щенков. Пришли ребята к Корнею Сергеевичу, и каждый шепнул ему на ухо новое, неслыханное в селе имя.

Шепнул первый мальчик — дядя Корней похвалил его.

Щенул второй — Корней Сергеевич тоже похвалил, но улыбнулся. Щенул третий — старик захохотал. До шестого очередь дошла — веселый дяденька Корней еле прокашлялся от смеха.

— Над чем это он? — удивляются ребята.

А когда они объявили вслух имена своих питомцев, всем стало смешно. Потому что шестерых щенят назвали Спутниками, а одного Ракетой.

Ничего не сделаешь. В этом году это были самые новые имена [6, с. 39–40].

Рассказ одновременно комичен и познавателен. Он адресован детской аудитории, но взрослым читателям-иностранцам будет полезен с точки зрения социокультурного содержания, поскольку представляет некоторые исторические реалии, связанные с некоторыми узнаваемыми культурными акцентами носителей изучаемого языка: например, *колхоз, спутник, ракета*. В рассказе отражены особенности коммуникативного поведения (аспекты национального, группового и личностного общения) [7, с. 31] и менталитета русских: соборность (коллективизм) — дети держатся вместе, стайкой [7, с. 56]; характерная для русских дружба между детьми и стариками, которую подчеркивает доверительное обращение с использованием «метафоры кровного родства» — «дядя», «дяденька», моделирующее «квазиродственные» (в терминологии И. Б. Левонтиной) отношения [1, с. 245–246]; любовь к животным.

Таким образом, невзирая на предельную компактность, текст обладает высокой информационной насыщенностью [4, с. 18]: включает фактуальную (действие рассказа приходится на год запуска первого спутника Земли), эмотивно-побудительную (экспрессивный план текста на редкость разнообразен: счастье, нетерпение, похвала, веселье, удивление, смех — спектр чувств и эмоций героев рассказа), аксиологическую (щедрость конюха, дружба детей, любовь к животным) и концептуальную информацию (сложный замысел автора — анекдотический в основе сюжет демонстрирует осведомленность народа о достижениях Родины, гордость и солидарность в этом чувстве всех ее представителей).

Тематика рассказа позволяет приурочить его изучение к календарному информационному поводу (что также будет служить своеобразным психологическим якорем): датам 4 октября (СССР произвел запуск первого искусственного спутника Земли) или 12 апреля (День космонавтики).

Не менее привлекателен для учебной аудитории образ собаки, который, вне всякого сомнения, обеспечит коммуникативную рефлексию. Однако помимо эксплицитного плана образ собаки позволяет задействовать имплицитное содержание текста. Рассказ написан 1958 году. В контексте произведения собака — центральный персонаж сюжета — несомненно, ассоциируется с первым живым существом, совершившим орбитальный полет и побывавшим в космосе, — собакой Лайкой, которая 3 ноября 1957 году была отправлена в космос на «Спутнике-2» с космодрома Байконур.

Текст подходит для среднего этапа обучения (B1 — первый сертификационный уровень, общее владение) и будет наиболее интересен представителям так называемого ближнего зарубежья, знакомым с реалиями культуры советского периода. Качественный состав и степень мотивированности аудитории, как известно, в значительной мере влияют на содержание обучения. Вокабуляр текста преимущественно входит в лексический минимум соответствующего уровня изучения РКИ [5].

Согласно рекомендациям Н. В. Кулибиной [2–4], методическая разработка урока чтения художественного текста должны включать такие составляющие, как ситуация текста (субъект, место, событие, время, ключевые слова); вопросы и задания к ключевым единицам текста с использованием когнитивных стратегий по всем трем уровням восприятия текста (уровень значения, уровень смысла, уровень представления), ключи, средства наглядности.

С учетом этого подхода методическая разработка (сценарный план) урока в схематическом виде будет выглядеть следующим образом:

Ситуация текста: выбор имени для щенков.

Субъект — конюх Корней, дети.

Место — село, колхоз.

Событие — раздача щенков и выбор имени для питомцев.

Время — 1957 год.

Ключевые слова: *имя, щенок, ребята, мальчик, село, старик, собака, новый, спутник, ракета.*

Вопросы и задания к ключевым единицам текста

1. О ком говорится в рассказе?
- 2*. Как вы понимаете слово «конюх»? Вспомните однокоренное слово, обозначающее название домашнего животного. Что, по вашему мнению, может означать слово «конюх»? Обратите внимание на словосочетание «главный конюх». Ср. главный врач, главный экономист, главный секретарь, главный инструктор.
3. Где происходит действие?
- 4*. Как вы думаете, что такое «колхоз»? Встречалось ли вам это слово раньше? Как это слово соотносится со словом село?
5. Чего ждали дети?
- 6*. Как вы понимаете слово «уговор»? Сравните его со словами «договор», **выговор**, **приговор** / «условие», уход, усилие.
- 7*. Обычно в русском языке по отношению к животным используется слово «кличка» — это прозвище, так подзывают животное: Мурка, Жучка, Дружок. Как вы думаете, почему автор рассказа использует слово «имя» по отношению к щенкам? Почему он не хочет, чтобы щенков звали, как других собак в селе?
- 8*. Попробуйте найти в тексте противоположные по значению слова или словосочетания (фразы).
9. Прочитайте абзац с фразой «про себя» вслух.
10. Прочитайте абзац со словом «вслух» про себя.
- 11*. Как вы думаете, почему новые имена оказались одинаковыми?
- 12*. Как вы себе представляете щенка по имени Ракета? Опишите его.
- 13*. Можете ли вы достаточно точно определить, когда происходят события в рассказе?

Ключи (комментарии для преподавателя)

- 2*. Конюх (слово образовано от слова «конь») — это профессия; работник, который ухаживает за лошадьми (кормит, моет, чистит, учит, пасет, выгуливает, тренирует), отвечает за их состояние.
- 4*. Село (деревня) — обычно находится за городом. Это небольшой населенный пункт. Жители села выращивают овощи, злаки, фрукты, ягоды; **разводят животных** (занимаются **животноводством**). Сейчас сельских жителей называют фермерами, потому что у них есть частное (собственное, личное) хозяйство. В Советском Союзе существовали **коллективные (общие) хозяйства (колхозы)**.
- 6* Приставка у- — выражает нечто, ставшее результатом действия. Слово «уговор» означает результат **говoreния** (общения, разговора, беседы) конюха и детей. Конюх поставил детям условие (задачу). Если ребята согласятся на **уговор**, Корней Сергеевич выполнит свое обещание.
- 7*. Конюх Корней любит своих животных, считает их друзьями, хочет, чтобы каждый щенок и для ребят стал настоящим другом. Собаки отличаются дружелюбием, верностью, преданностью хозяину, у каждой собаки, как у человека, есть характер, поэтому Корней Сергеевич просит подобрать для щенков особенные имена.
- 8*. **Про себя / вслух** — фраза и слово, противоположные по значению (антонимы), обозначают выражение какого-либо содержания мысленно, тихо, чтобы никто не слышал / с участием голоса; так, чтобы слышали другие.
- 11*. В год, когда Корней раздавал щенков, в Советском Союзе был совершен запуск первого искусственного спутника Земли на ракете-носителе «Спутник». Это событие потрясло весь мир, стало началом космической эры человечества и предметом гордости всех советских людей. Спутник — самое новое в науке, технике, производстве 1950-х гг. Поэтому все ребята, не совещаясь (не договариваясь), решили, что именно Спутник и Ракета — подходящие **новые** имена для щенков.
- 12* Вероятно, Ракета — единственный щенок женского пола: имя существительное *ракета* — женского рода, *спутник* — мужского рода.
- 13*. Осенью-зимой (после 4 октября) 1957 года.

Средства наглядности

На этапе предтекстовой подготовки предъявляется портрет Е. Пермяка (сообщаются краткие сведения об авторе).

На этапе послетекстовой работы предъявляются фото первого спутника, ракеты-носителя, советские почтовые открытки, марки и др., связанные с памятным событием, положившим начало космической эры в 1957 г.

Рассказ «Новые имена» Е. Пермяка может послужить поводом для дискуссии на тему нового (как вариант — модного) в жизни человека: уместно предложить студентам порассуждать о тенденциях, о циклах моды на увлечения, на автомобили, на виды спорта и пр.

Рассказ побуждает к размышлению и дискуссии на темы: как возникают имена? что такое «новое», какова природа нового и когда (по какой причине) это новое перестает быть новым?

В коммуникативный блок урока могут быть вынесены на дискуссию вопросы о значении имени в жизни отдельного человека и культуре в целом, например:

- Как обычно в вашей культуре дают имена людям? (в память о родственниках; в честь святых, богов, божеств; связывают с явлениями природы, животными, растениями; имя означает лучшие качества человека и т. п.). Приведите примеры.
- Кто чаще дает имя ребенку (родители, другие родственники, служители культа)? Решение об имени принимают несколько человек — они совещаются, спорят об этом — или выбор остается за одним человеком?
- Какие необычные (нетипичные) имена людей вам известны? С какими событиями (обстоятельствами) они связаны?
- Какое имя вы бы предпочли — обычное или необычное — почему?
- Какие имена вы считаете модными (современными) и немодными (несовременными)? Почему?
- Как вы считаете, может ли имя помогать человеку в жизни? Влияет ли оно на характер?
- Нравится ли вам ваше имя. Почему?

Таким образом, оптимальный по объему и содержанию (коммуникативно ориентированный, информативный, цельный, художественный) аутентичный текст из наследия детской русской советской литературы, подобранный к уроку среднего уровня изучения РКИ, не только предоставляет достаточные возможности для работы с лексико-семантическим материалом, разбора содержательного плана произведения, но и позволяет обеспечить эффект погружения в культуру изучаемого языка за счет узнаваемых релевантных исторических реалий, закрепить нормы коммуникативного поведения русских, выйти на обсуждение вопросов, прямо или косвенно выведенных в проблематике рассказа.

Литература:

1. Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
2. Кулибина Н. В. Проблема обучения пониманию текстов на иностранном (русском) языке в свете общеевропейских компетенций владения языком // *Foreign Language Teaching*. — 2013. — Vol. 40. — № 5. — P. 733–739.
3. Кулибина Н. В. Уроки чтения как способ сохранения духовного наследия // *Тексты лекций и образцы уроков (для преподавателей русского языка как иностранного)*. Вып. 2. — М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2013. — С. 64–81.
4. Кулибина Н. В. Читаем по-русски на уроках: книга для учителя. — Рига: RETORIKAA, 2008. — 128 с.
5. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина и др. — 7-е изд. — СПб.: Златоуст, 2015. — 200 с.
6. Пермяк Е. Бумажный змей. — М.: Эксмо, 2011. — 120 с.
7. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 238 с.

Moskovkina E. A.

evgenya.moskovkina@yandex.ru

Altai State Institute of Culture

Cultural discourse in the foreign language (Russian) lesson on literary work

The foreign language (Russian) lesson on literary work is presented in general form. The literary text is connected to the culture and gives material for discussion in the communicative part of the lesson. Immersion in the culture of the Russian language will be easier for students from neighboring countries, if the text presents the realities of the Soviet period. This is the time when the cultural achievements of Russians and other peoples of the USSR were considered common.

Keywords: literary work, methodological development, foreign language lesson (Russian), culture of Russia of the twentieth century.

Необходимо ли изучение русского языка через литературу и культуру?

Автор рассуждает на тему, должен ли учитель ставить перед занятием вопросы о погружении ученика в процесс узнавания культуры изучаемого языка.

Ключевые слова: литература, культура на уроке русского языка.

Возможно ли сделать занятия по русскому языку чем-то большим, чем просто изучение орфографических правил и синтаксических конструкций? Может ли ученик быть увлечен процессом узнавания языка и узнать новую интересующую его информацию? Как можно выйти за рамки программы и погрузить ученика в менталитет изучаемой культуры (Рис. 1) Должен ли учитель ставить перед собой такие вопросы или достаточно заниматься грамматическими упражнениями и составлять предложения, меняя формы слов? Попробуем поразмыслить над этими вопросами.

Рис. 1. Модель объемного видения урока русского языка

Продумывая план занятия, необходимо соблюдать баланс между отработкой упражнений и познавательной деятельностью ученика. Приведу пример занятия, когда, с одной стороны, мы изучаем падежи, с другой стороны, знакомимся с писателем, его биографией, с географией, историей и рассматриваем употребление формы слова на примере данного текста.

Тема Декабрь. (Уровень А2)

1. Рассматриваем фотографию и рассуждаем о признаках зимы, можем посмотреть видео или аудиозапись про историю города и ответить на вопросы в форме диалога или в письменном виде. (Рис. 2)

Рис. 2. Г. Мценск (Орловская область, Россия), расположенный на реке Зуша

2. Узнаем историю Мценска.

Название Мценска произошло от небольшой реки Мцена (Мецна), впадавшей в реку Зуша, на берегу которой возвышалась крепость. Первоначально посад располагался южнее вдоль дороги, затем на горе Самород была построена Мценская крепость. Водные преграды — Мецна с глубоким каньоном и Зуша — делали крепость практически недоступной для захватчиков. По мнению археолога Т. Н. Никольской, в середине I тысячелетия на Мценском городище была укреплена лишь северная часть мыса на Зуше. Курганный могильник XI–XIII веков находится в 200 метрах от Мценского городища на левом берегу Мцены.

3. Географическая справка, смотрим, где находится Орловская область.

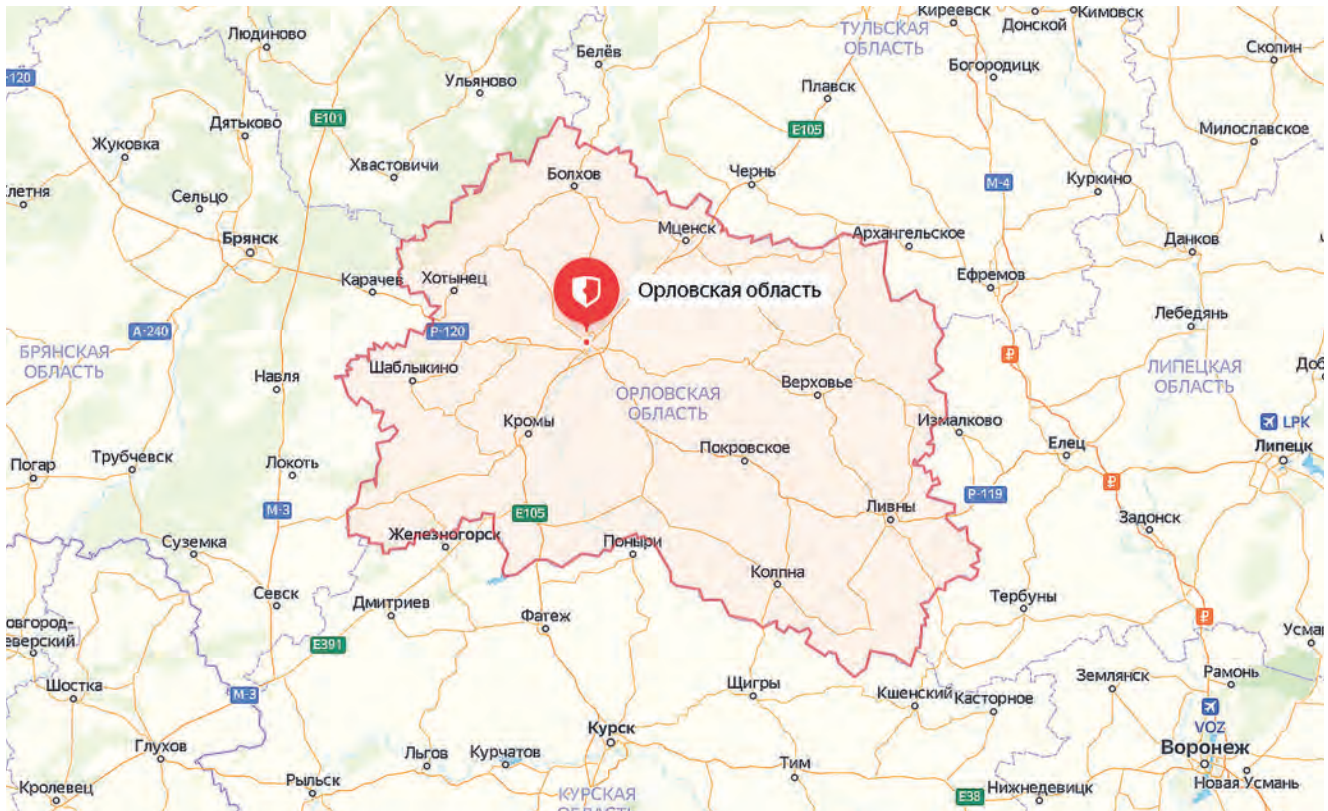

Рис. 3. Местоположение г. Мценска Орловской области

Рис. 4. Портрет Афанасия Фета

Афанасий Фет родился в 1820 году в деревне Новоселки недалеко от города Мценска Орловской губернии. До 14 лет он носил фамилию отца — богатого помещика Афанасия Шеншина. Афанасий получал образование на дому. В основном грамоту и азбуку ему преподавали не профессиональные педагоги, а камердинеры, повара, дворовые, семинаристы. Но больше всего знаний Фет впитал из окружающей природы, крестьянского уклада и сельского быта. Он любил подолгу общаться с горничными, которые делились новостями, рассказывали сказки и предания.

Афанасий Фет

Зима

*Как перья страуса (Р. п.) на черном катафалке,
Кольшутся фабричные дымы.
Из черных бездн (Р. п.), из предрассветной тьмы (Р. п.)
В иную тьму несутся с криком галки.
Скрипит обоз, дыша морозным паром,
И с лесенкой на согнутой спине
Фонаричик, юркий бес, бежит по тротуарам...
О, скука, тощий пес, взывающий к луне!
Ты — ветер времени (Р. п.), свистящий в уши мне!*

Декабрь 1913

Смотрим, как меняется форма слова, потом ищем незнакомые слова, расширяем тем самым кругозор и запас слов («юркий», «на катафалке», «обоз»).

Задания для ученика:

- Перечисли все слова, которые отражают зиму, холод.
- Почему так часто поэт употребляет слова «на черном катафалке», «из черных бездн», «из предрассветной тьмы», «бес»?
- Какими словами автор передает настроение в тексте? И какое настроение мы наблюдаем в строках «скука», «тощий», «скрипит», «на согнутой спине».

Следующим пунктом изучаем биографию поэта и уточняем условия, в каких был написан данный текст.

Декабрь 1913. Что происходило в данный период в России.

Экономическая конъюнктура в стране

А. П. Корелин

Из «Докладной записки Совета Съездов Представителей Промышленности и Торговли о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса» Пг., 1914 (Представлена правительству 12 июля 1914 г.). Страна переживает в настоящее время переходное состояние. В сельском хозяйстве, в самой системе землепользования начался громадный переворот, результаты которого пока еще только намечаются, но не поддаются учету. В промышленности, после целого ряда лет кризиса и застоя, начался сильный подъем и оживление. После почти десятилетнего застоя, или, во всяком случае, слабого развития промышленности и торговли, Россия в 1910–1911 гг. быстро вступила в период экономического подъема как под влиянием благоприятного урожая двух лет подряд, так и вследствие начавшихся в этих годах громадных правительственных ассигновок на флот, на военные потребности, на портостроительство, на шлюзование некоторых рек, постройку элеваторов и на усиление железнодорожного строительства; одновременно проявились усиление строительства в городах [1, с. 3–4].

На мой взгляд, занятие получилось насыщенное новыми знаниями с совершенно разных точек зрения, от географии до истории России. За основу было взято литературное произведение и гармонично дополнено фрагментами из истории 1913 года, географической картой, описательным элементом фотографии. Мы отработали форму слов в Родительном падеже, узнали лексическое значение новых единиц и расширили свое представление о зимнем месяце определенного периода жизни России, а также отработали письмо, говорение и слушание.

Таким образом, на примере данного занятия мы рассмотрели, как правильно поставленный проблемный вопрос рождает удивительно верное решение для создания увлекательного знакомства с культурой и литературой России на уроке русского языка, ученик получает объемную картину жизни изучаемой страны.

Литература:

- 1 Экономика России, 1913 год: статистико-документальный справочник / Российская Академия Наук. Институт Российской истории. — СПб., 1995. — С. 3–4.

Feklisova Daria Sergeevna
darya@feklisov.ru
Varna, Bulgaria

Is it necessary to study the Russian language through literature and culture?

The author discusses the topic Should the teacher put questions about the immersion of the student in the process of recognizing the culture of the target language before the lesson.

Keywords: literature, culture in the Russian language lesson.

Авторские неологизмы в творчестве В. Пелевина (на материале романов «Generation П» и «iPhuck 10»)

Цели статьи — определение словообразовательных особенностей авторских неологизмов в творчестве В. Пелевина. Задачи статьи: анализ потенциальных слов и окказионализмов, встречающихся в текстах романов «Generation П» и «iPhuck 10»; установление словообразовательной модели слов; определение причин появления и функционирования в речевой деятельности писателя. Материал исследования — романы В. Пелевина «Generation П» и «iPhuck 10». Предмет исследования — имена существительные, образованные способом сложения.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, авторская неология, неузвальная лексика, потенциальные слова, окказионализмы.

Изучение новых слов является актуальной проблемой, имеющей большое общественно-историческое, культурное и лингвистическое значение. Значительная часть новых слов является авторскими и возникает в речевой деятельности творцов слова. Особый интерес представляют новые слова, которые нарушают нормы русской лексики или словообразования, относятся к узусу.

Класс неузвальных слов можно разделить на потенциальные слова и окказионализмы, общим признаком которых является их невоспроизводимость, то есть, это номинации «на случай» [7, с. 71]. В то же время окказионализмы и потенциальные слова имеют ряд отличий.

Г. О. Винокур впервые выделяет понятие «потенциальные слова» и дает следующее толкование: это «<...> слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность». Такое новаторство в языке вполне может считаться естественным, поскольку «нередко имитирует реальную историю языка, создает <...> факты языка хотя и небывалые, новые, но, тем не менее, возможные, а нередко и реально отыскиваемые в каких-нибудь особых областях языкового употребления <...>» [4, с. 16]. Такое определение, безусловно, является верным, однако важно обратить внимание, что Г. О. Винокур не дает различий между потенциальными словами и окказионализмами, говоря о них, как об одном явлении.

О. С. Ахманова определяет потенциальное слово как «производное или сложное слово, реально не существующее <...> но могущее создаваться в любой момент в соответствии с продуктивными словообразовательными моделями данного языка» [1, с. 246]. Обратим внимание, что исследовательница указывает возможность образования потенциальных слов только по продуктивным моделям. Схожую точку зрения выражает и Э. Ханпира: «Потенциальное слово — это слово, которое может быть образовано по языковой модели высокой продуктивности <...> а также слово, уже возникшее по такой модели, но еще не вошедшее в язык <...>» [18, с. 247].

В. М. Грязнова дает следующее определение потенциальным словам: «потенциальные слова понимаются как лексемы, не закрепленные традицией словоупотребления, образованные по высокопродуктивным/продуктивным словообразовательным моделям, реально существующие в одном-двух текстах или зафиксированные в одном словаре (и не подтвержденные данными практики языкового общения)» [5, с. 396]. В данной работе будем придерживаться такого понимания потенциальных слов, поскольку именно оно, на наш взгляд, включает в себя главные признаки потенциальных слов.

Важно отметить, что при классификации лексем необходимо учитывать особенности их словообразования. Так, потенциальные слова, анализируемые в данной работе, создаются *по существующим словообразовательным моделям без структурных и семантических нарушений*. Окказионализмы, в свою очередь, создаются *со структурными и семантическими нарушениями*. Приняв во внимание этот факт, мы провели исследование, в рамках которого из текстов романов «Generation П» и «iPhuck 10» было выбрано двадцать девять имен существительных, образованных способом сложения. Данные лексемы мы разделили на потенциальные слова и окказионализмы.

Также в ходе исследования было выявлено несколько сложных случаев, представляющих собой переходные случаи между потенциальными словами и авторскими заимствованиями. Использование анализируемых лексем не зафиксировано в Национальном корпусе русского языка, что говорит об их авторской принадлежности и неузуальности.

Потенциальные слова в романах «Generation П» и «iPhuck 10»

Имена существительные, образованные способом сложения, мы разделили на образованные способом сложения основ и образованные способом сложения слов. Также нами было выявлено одно слово, образованное *способом сложения части имени и инициалов*:

Вавилен — имя собственное, образованное, как отмечается в романе, от слияния имен Василия Аксенова и В. И. Ленина. Также в тексте говорится о схожести имени главного героя и названия города Вавилон. Некоторые критики отмечают, что случайная схожесть имени Вавилен с «именем города» указывает на то, что Вавилен Татарский такая же вещь, такой же продукт, как и то, что он рекламирует [9, с. 510]. Пример употребления: «**Вавилен Татарский** родился задолго до этой исторической победы красного над красным» [13, с. 8]. В НКРЯ зафиксированы примеры употреблений в текстах критических статей (2 вхождения).

В Толковом словаре языка Совдепии зафиксированы имена, образованные по модели часть имени (фамилии) + инициалы: *Вилен* (сокращение от В. И. Ленин), женский вариант *Вилена*, *Вилор* (сокращение от В. И. Ленин — организатор революции), женский вариант *Вилора*, *Виль* (сокращение от В. И. Ленин) [10, с. 81]. Приведенные примеры свидетельствуют о существовании данной модели в словообразовании, следовательно, имя Вавилен мы можем считать потенциальным словом.

Имена существительные, образованные способом сложения слов

Слоган-дегенерат — употреблено в метафорическом значении ‘слабый слоган’ (толкование наше). Пример употребления: «*Полчаса предельного напряжения всех духовных сил привели только к рождению **слогана-дегенерата** <...>*» [13, с. 38]. В НКРЯ примеры употребления не зафиксированы. Сложное существительное с сочинительным отношением слов. Является потенциальным словом, поскольку образовано по продуктивному словообразовательному типу. В РГ-80 отмечается, что схожим способом образованы такие существительные, как *темпо-ритм* (актерск.), *друг-враг*, *железобетон* и пр.

Магазин-однодневка — ‘организация, созданная с целью уклонения от уплаты налогов и (или) сборов, прочих мошеннических операций’. Пример употребления: «*Это был крошечный **магазин-однодневка**, только что переделанный из бутербродной, но уже несущий на себе печать упадка и скорого заката: плакат в окне объявлял пятидесятипроцентный сэйл*» [13, с. 102]. В НКРЯ не зафиксированы примеры употреблений в других текстах. Сложное существительное с подчинительным (неравноправным) отношением слов. Опорным компонентом является существительное *магазин-*. В качестве компонента с уточнительной функцией выступает существительное *-однодневка*. Синонимом является термин *фирма-однодневка*. Является потенциальным словом, поскольку образовано по высокопродуктивному словообразовательному типу. В РГ-80 отмечается, что схожим способом образованы такие существительные, как *нефтепромышленность*, *овощехранилище*, *однотрубка*.

Клетки-монады — Речь идет о ‘нервной системе орануса, основой которой является телевидение’ (толкование наше). Пример употребления: «*Эта нервная система рассылает по его виртуальному организму нервные воздействия, управляющие деятельностью **клеток-монад***» [Пелевин, 1999: 121]. В НКРЯ примеры употребления в других текстах не зафиксированы. Сложное существительное, образованное способом чистого сложения с сочинительным отношением слов, которые называют предмет, совмещающий в себе признаки предметов, названных мотивирующими словами. Вторая основа *-монады* имеет значение ‘низший организм, переходный от растений к простейшим животным’ (зоол. устар.) [2, с. 308]. Является потенциальным словом, поскольку образовано по схожему типу с такими существительными, как *диван-кровать*, *бал-маскарад* и др.

PR-шестерки — ‘подхалимы из мира рекламного бизнеса’ (толкование наше). Пример употребления: «*Обычно Татарский имел дело с **PR-шестерками**, но в этот раз его вызвали к совла-*

дельцу фирмы <...>» [13, с. 152]. В НКРЯ примеры употребления не зафиксированы. Образовано от сочетания аббревиатуры английского *PR* (*Public Relations*) и жаргонизма *шестерка*. Является потенциальным словом, поскольку в языке зафиксированы и другие сложные слова, называющие человека: *друзья-приятели*, *физик-ядерщик* и др.

Динамический видеобарельеф — ‘подвижная 3D-модель человека, использующаяся для создания видеороликов’ (толкование наше). Пример употребления: «*Динамический видеобарельеф* — проработка вида под одним углом» [13, с. 238]. В НКРЯ примеры употребления не зафиксированы. *Видеобарельеф* — сложное существительное, образованное способом чистого сложения с подчинительным отношением слов. Опорным компонентом является существительное *-барельеф* (‘*рельефное скульптурное изображение, выпуклая часть которого выступает над плоскостью не более чем на половину своего объема*’) [6, с. 327]. В качестве компонента, предшествующего опорному, выступает существительное *видео*. Слово *видеобарельеф* является потенциальным, поскольку образовано по высокопродуктивному типу (*видеоролик*, *кинотеатр* и пр.).

Имена существительные, образованные способом сложения основы слова и слова

Техномодификация — ‘изменение изображения на экране телевизора, происходящее в результате смены кадров’ (толкование наше). Пример употребления: «*Такое изменение изображения называется **техномодификацией***» [13, с. 116]. В НКРЯ примеры употребления в других текстах не зафиксированы. Сложное существительное, образованное способом чистого сложения с подчинительным (неравноправным) отношением основ. Опорным компонентом является существительное *-модификация*. Компонентом, предшествующим опорному, является *техно-* (усеченная основа прилагательного *технический*). Потенциальное слово, образованное по высокопродуктивному типу. В РГ-80 отмечается, что схожим способом образованы такие существительные, как *быстродействие*, *новостройка* и пр.

Этнодауншифтинг — *дауншифтинг* (*downshifting*) — ‘социально-психологическое явление, при котором человек отказывается от идеалов, с его точки зрения навязываемых обществом потребления, и места, занимаемого им в социальной иерархии, в пользу более спокойной жизни ради себя’ [8, с. 210]. *Этно-* (сокр. от *этнический*) является первой частью сложных слов со значением ‘относящийся к народу’. Вероятно, этим термином В. Пелевин называет отказ не только от навязанных идеалов, но и от любых этнических связей. Сложное слово, образованное способом чистого сложения с подчинительным отношением основ, где предшествующий опорному компонент (*этно-*) имеет уточняющую функцию. Пример употребления: «*Этнодауншифтинг сегодня чрезвычайно моден — но Резник все же переборщил*» [14, с. 27]. В НКРЯ примеры употребления не зафиксированы. Это потенциальное слово, образованное по продуктивному типу: *быстродействие*, *техномодификация* и др.

Шизоманипулирование — ‘психологическое воздействие на кого-либо с целью возбуждения у него намерений, не совпадающих с его реально существующими желаниями, целями’ (толкование наше). Пример употребления: «*В связи с этим представляется крайне опасной тенденция, наметившаяся в последнее время среди т. н. среднего класса — прослойки зрителей, наиболее перспективной с точки зрения социальных результатов телевизионного **шизоманипулирования***» [13, с. 295]. В НКРЯ примеры употребления в других текстах не зафиксированы. Сложное слово, образованное способом чистого сложения с подчинительным отношением основ. Опорным компонентом является мотивированное глаголом существительное *-манипулирование*. Предшествующим является иноязычный корень греческого происхождения *шизо-* (от греч. *schizo* — разделяю, расщепляю) [3, с. 61]. Потенциальное слово, образованное по типу «корень + слово» (*автоавария* и пр.).

Зоо-блокбастер — часть *зоо-* изначально являлась калькой английского *zoo*, однако сейчас является частью русского языка (*зоомагазин*, *зоопарк*). В учебном словаре-справочнике А. А. Быкова компонент *зоо-* указан как корень греческого происхождения [3, с. 47]. *Блокбастер* (высокобюджетный художественный фильм) является непосредственным заимствованием английского *blockbuster*. Пример употребления: «*<...> голливудский **зоо-блокбастер**, тоже отчасти посвященный Второй мировой*» [14, с. 95]. В НКРЯ примеры употребления не зафиксированы. Сложное слово,

образованное способом чистого сложения с подчинительным отношением основ, где компонент, предшествующий опорному (зоо-), имеет уточняющую функцию. Потенциальное слово, образованное по высокопродуктивному типу: *кинофильм, фильм-опера* и пр.

Оранус (ORANUS) — ‘модель поведения современного человека-потребителя телерекламы’ (толкование наше). В тексте также встречается более грубый синоним *ротожона*. Пример употребления: «*Но императив существования **орануса** как целого требует, чтобы его клеточная структура омывалась постоянно нарастающим потоком денег*» [13, с. 121]. В НКРЯ примеры употребления в других текстах не зафиксированы. Сложное слово, первым компонентом которого выступает корень *ор-* (от прилаг. *оральный (анат.)*). Вторым компонентом является существительное *анус (анат.)*. По схожему типу образованы такие существительные, как *элит-гувернантка* ‘элитная гувернантка’ (зафиксировано в Словаре композитов русского языка новейшего периода под ред. Н. В. Габдреевой, с. 262) и *вирт-личность* [там же, с. 56]. Является потенциальным словом.

Рассмотрев данные лексемы, можем прийти к выводу, что среди имен существительных, образованных способом сложения, в качестве словообразующих компонентов выступают и заимствованные компоненты. Это является результатом вхождения в русский язык иноязычных компонентов и их закрепления в нем.

Появление в речевой деятельности автора потенциальных слов можно объяснить следующими причинами: потребность в наименовании новой реалии или социального явления (*шизоманипулирование, зоо-блокбастер*), подбор синонимов к уже существующим в русском языке словам (*магазин-однодневка, PR-шестерки*), ирония над существовавшей ранее модой или тенденцией (*Вавилон*), ироническое или сатирическое наименование существующих и актуальных в период написания романа реалий (*оранус*).

Окказионализмы в романах «Generation П» и «iPhuck 10»

Всего было выделено восемь окказионализмов. Охарактеризуем их:

Вау-импульсы — ‘воздействие телерекламы на нервную систему живого организма’ (толкование наше). Пример употребления: «*Существует три вида этих воздействий. Они называются оральным, анальным и вытесняющим **вау-импульсами** (от коммерческого междометия “wow!”)*» [13, с. 122]. В НКРЯ примеры употребления в других текстах не зафиксированы. Сложное существительное, образованное способом чистого сложения с подчинительным отношением основ. Опорным компонентом является основа существительного *-импульс*. Компонентом, предшествующим опорному, является междометие *вау-*.

Термин введен В. Пелевиным. Является окказионализмом, поскольку в РГ-80 не зафиксирован словообразовательный тип, согласно которому в качестве одной из элементов может выступать звукоподражательное слово. Сюда можем отнести все нижеописанные лексемы с компонентом *вау-*.

Вау-фактор — ‘элементы сообщения, воздействующие на нервную систему живого организма и создающиеся его умом под влиянием трех вау-импульсов’ (толкование наше). Пример употребления: «*Если субъект в состоянии ХЗ подвержен действию трех вау-импульсов, то при возвращении в нормальное состояние он подвергается действию трех **вау-факторов**, которые автоматически генерируются его умом*» [13, с. 127].

В НКРЯ зафиксирован еще один пример употребления: «*Тут не надо перебарщивать, считает Саймон, цветов в жилой комнате не должно быть слишком много, и чем они естественнее, свежее выглядят, тем лучше, а помпезные композиции пусть останутся для торжественных случаев и официальных помещений. А самое главное — «**вау-фактор**». То есть чтобы человек вошел в дом, почувствовал аромат и восторженно воскликнул: «Вау!»*» [Домашние новости // «Домовой», 2002.03.04]. Отметим, что единичные употребления не могут изменить статус имени как окказионального.

Вау-содержание — ‘информация, содержащаяся в телерекламе или клипах, воздействующая на организм вау-импульсами’ (толкование наше). Пример употребления: «*Постоянное и регулярное попадание человека в состояние ХЗ и облучение вытесняющим вау-импульсом приводит к тому, что в сознании возникает своеобразный фильтр, который позволяет поглощать только ту информацию, которая насыщена орально-анальным **вау-содержанием***» [13, с. 127]. В НКРЯ примеры употребления не зафиксированы.

Вау-тип — Пример употребления: «<... > *оральный вау-тип* (преобладающий паттерн — вокруг которого организуется эмоциональная и психическая жизнь, — озабоченное стремление к деньгам)» [13, с. 133]. В НКРЯ примеры употребления в других текстах не зафиксированы.

Вау-иерархия — ‘порядок подчинения низших звеньев высшим, организация их в структуру’ (толкование наше). Пример употребления: «*Линейная вау-иерархия, которую образует множество identity, выстроенных подобным образом, называется корпоративной струной*» [13, с. 133]. В НКРЯ примеры употребления в других текстах не зафиксированы.

Вау-идентификатор — ‘уникальный признак, позволяющий идентифицировать’ (толкование наше). Пример употребления: «*По всем вау-идентификаторам это был представитель так называемого среднего класса <... >*» [13, с. 196]. В НКРЯ примеры употребления не зафиксированы.

Вау-тематика — ‘совокупность тем’ (толкование наше). Пример употребления: «*Но постоянное воздействие вытесняющего вау-фактора приводит к тому, что вся эмоциональная энергия человека перекачивается в область психических процессов, связанных с оральной или анальной вау-тематикой*» [13, с. 131]. В НКРЯ примеры употребления не зафиксированы.

Причиной частого обращения В. Пелевина к данной словообразовательной модели можно назвать потребность в наименовании явлений, связанных с телерекламой и влиянием телевидения на человеческое мышление.

Также нами выявлено еще одно окказиональное слово, образованное по другой модели:

Е-тянка (Е-тян) — ‘виртуальная любовница’ (толкование наше). *Тян* — изначально является уменьшительно-ласкательным именным суффиксом в японском языке [19, с. 137]. В русский язык вошло как жаргонизм со значениями ‘молодое лицо женского пола’, ‘возлюбленная, партнер в романтических отношениях’. Приведем пример, зафиксированный в НКРЯ: «*У меня была одна тян, тоже художница, у нее был беспорядок, больше, чем у меня*» [Вадим Буковский. Ньюфаундленд (2018)]. Пример употребления: «*Может быть, кроме Сафо, рамка показывала и других е-тянок?*» [14, с. 26]. В НКРЯ примеры употребления не зафиксированы.

Рассматриваемая лексема употреблена в тексте во втором значении. Компонент *Е-*, вероятно, является сокращением английского *electronic*. По схожему принципу образованы и другие лексемы, связанные с интернетом (*e-mail, ecampus*). Лексема **е-тянка** является окказиональным словом, потому что нарушает семантически и структурно словообразовательную модель *студент-студентка*.

Важно отметить, что при анализе лексем мы обнаружили несколько контаминаций, находящихся между авторскими заимствованиями и неузуальными словами. Анализ таких единиц представлен ниже:

Котик-скринсейвер — *Скринсейвером (screensaver)* (комп.) называется компьютерная программа, которая через некоторое время простоя компьютера заменяет статическое изображение динамическим или полностью черным [17, с. 731]. Является материальным заимствованием английского слова. Уменьшительно-ласкательное *котик*, употребленное в первой части сложного существительного, уточняет, что на экране изображены именно эти животные. Сложный случай, находящийся между потенциальным словом и авторским заимствованием. Пример употребления: «*Много маленьких рамок с котиками-скринсейверами*» [14, с. 28]. В НКРЯ примеры употребления не зафиксированы.

Стрейт-сборка — ‘внешний вид Айфака-10’ (толкование наше). Первая часть — материальное заимствование английского *straight* (разг. *гетеросексуальность*) [12, с. 461], указывающая на гетеросексуальную ориентацию главной героини романа. Пример употребления: «*Айфак в женской стрейт-сборке <... >*» [14, с. 28]. В НКРЯ примеры употребления не зафиксированы. Переходный случай между авторским заимствованием и потенциальным словом.

Подобные случаи особенно интересны, поскольку иллюстрируют пластичность языка как системы и показывают его живость. Также такие контаминации позволяют сделать вывод, что В. Пелевин является не только талантливым автором, но и талантливым носителем языка.

Наличие в речевой деятельности автора неузуальных слов позволяет сделать вывод о широком использовании В. Пелевиным словообразовательных возможностей русского языка.

Среди причин образования потенциальных слов можно выделить такие, как потребность в наименовании новой реалии, социального или философского явления, создание синонимов к уже существующим в языковой системе словам. Важно отметить, что большинство окказионализмов образовано при помощи междометия *вау-*, причем данные лексемы называют в тексте романа

«Generation П» явления и процессы, связанные с воздействием телевидения и телерекламы на сознание телезрителя. Необходимо отдельно выделить контаминации между авторскими заимствованиями и неузуальными словами. Существование в языковой системе подобных элементов говорит о динамичности, открытости к изменениям, развитию и обогащению за счет новых элементов.

Литература:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — 2-е изд., стер. — М.: УРСС, 2004 (Калуга: ГУП Облиздат). — 569 с.
2. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Ушаков Д. Н. — М.: Дом Славянской кн., 2008. — 959 с.
3. Быков А. А. Анатомия терминов. 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого: учебный словарь-справочник. — Москва, 2007. — 73 с.
4. Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. — М.: Советский писатель, 1943. — 136 с.
5. Грязнова В. М. Специфика неологической деятельности А. П. Чехова // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований. Коллективная монография / науч. ред. В. И. Супрун, С. В. Ильясова. — Майкоп: Изд-во «Магарин О. Г.», 2017. — 444 с. — с. 393–409.
6. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1. — М.: АСТ: Астрель, 2005. — 1168 с.
7. Земская Е. А. Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. — М.: Наука, 1981. — 276 с.
8. Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. — М., 2012. — 416 с.
9. Лейдерман Н. Л., Лиловецкий М. Н. Современная русская литература. 1950–1990-е годы. — СПб: Академия, 2003. — Т. 2. — 689 с.
10. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.
11. Национальный корпус русского языка: информационно-справочная система. — НКРЯ, 2003–2021. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.09.21)
12. Новый большой англо-русский словарь в 3 т. Около 250 000 слов // Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др.; под общ. рук. Медниковой Э. М., Апресяна Ю. Д. — 2-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1997. — 832 с.
13. Пелевин В. Generation П. — М.: Вагриус, 1999. — 352 с.
14. Пелевин В. iPhuck 10. — М.: Эксмо, 2018. — 480 с.
15. Русская грамматика в 2 т. под ред. Н. Ю. Шведовой и др. Т. 1. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
16. Словарь композитов русского языка новейшего периода / Н. В. Габдреева, М. Т. Гурчиани. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. — 280 с.
17. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. — М.: Эксмо, 2006. — 1131 с.
18. Ханпира Э. Оказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). — М., 1972. — С. 245–317.
19. Эрико Сато. Японский язык для чайников. — 2-е изд. — М.: Диалектика, 2013. — 384 с.

Semkova Zlata Ivanovna
North-Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia

The author's neologisms in the works of V. Pelevin (based on the novels «Generation P» and «iPhuck 10»)

The purpose of the article is to determine the word-formation features of non-casual words in the work of V. Pelevin. Objectives of the article: analysis of potential words and occasionalisms found in the texts of the novels «Generation P» and «iPhuck 10»; establishment of a word-formation model of words; determination of the causes of the appearance and functioning of such words in the author's speech activity. The material of the study is V. Pelevin's novels «Generation P» and «iPhuck 10». The subject of the study is nouns formed by the addition method.

Keywords: Viktor Pelevin, author's neologisms, non-formal vocabulary, potential words, occasionalisms.

«Русская цивилизация» А. А. Зализняка

Статья посвящена исследованию «русской цивилизации» в представлении А. А. Зализняка, «переоткрывшего» русскую культуру для Запада.

Ключевые слова: А. А. Зализняк, русский язык, русская цивилизация.

Андрей Анатольевич Зализняк – выдающийся ученый, специалист в современной русской морфологии, исследователь берестяных грамот и древнерусской акцентологии. По воспоминаниям коллег, он – уникальный лектор и Учитель, влюбивший в русский язык сотни студентов не только в России, но и за рубежом.

Стоит отметить, что А. А. Зализняк целенаправленно не стремился повысить статус русского языка. Единственная установка, которой он придерживался на протяжении всей своей жизни, была установка на истинность. Однако имя А. А. Зализняка стало в истории науки символом открытия зарубежным студентам дверей в мир русского языка и доказательством того, что русский язык – язык культуры и литературы мирового масштаба. Как справедливо отмечает Псой Короленко: «Это один из самых мощных и живых умов нашего времени, и <я> готов повторить это вместе со всеми, кто говорит, читает и мыслит по-русски» [6]. Зализняк стал центром притяжения всех любителей русского языка, и именно он поставил точку в вопросе о подлинности «Слова о полку Игореве» [5].

Открытия, которые удалось совершить А. А. Зализняку, характеризуются одной выразительной чертой – отсутствием предвзятости. Все, чем занимался академик, не имело в своей основе идеологичности и интересовало его лишь в роли ученого-лингвиста. В этом и заключается его «удачливость» – в стремлении отбросить все предубеждения.

Для того чтобы подтвердить тезис, обратимся к спору о подлинности «Слова о полку Игореве», который продолжался более двух веков, и был решен лишь в начале XXI века. Это событие вызвало немалое количество дискуссий в кругах филологического сообщества. Тем не менее оппоненты Зализняка не имели ни одного доказательства, которое бы действительно могло вызвать сомнения в правоте подлинности древнерусского произведения.

Сложность вопроса состояла не столько в отсутствии материала для анализа, сколько в некоторой «слабости» самой лингвистической науки: нежелании использовать объективный подход в изучении текста. Большая часть аргументаций базировалась на определенных идейных принципах. С одной стороны, есть те, кто был уверен в российской отсталости. Они использовали этот спор для убеждения, что русская культура не является самостоятельной, вследствие чего древнерусское произведение – поддельное. С другой стороны, ученые, называвшие себя патриотами, стремились доказать подлинность текста, имея только политические мотивы: наука в целом их не интересовала. Зализняк, как мы можем видеть, не являлся сторонником ни одного из этих взглядов.

Дискуссии о том, является ли русская культура самобытной и самостоятельной кажутся абсурдными. Тем не менее не только западные ученые, но даже российские, продолжают искать доказательства того, что, например, в Древней Руси не могли создаваться такие монументальные произведения, как «Слово о полку Игореве», «Переписка князя Андрея Михайловича Курбского с царем Иваном Грозным». Вся деятельность псевдоученых направлена лишь на нанесение удара по российской академической науке. Тем или иным аспектам этой дискуссии посвящены провокационная монография Э. Кинана «Йосеф Добровский и происхождение “Слова о полку Игореве”» [7], теория А. Т. Фоменко «Новая хронология» – главного оппонента А. А. Зализняка.

Лингвистические аргументы, которыми в книге оперирует А. А. Зализняк, по праву можно назвать самым весомым набором доказательств подлинности древнерусского произведения за всю историю изучения текста. Это открытие способствовало изменению взгляда на всю русскую цивилизацию и переосмыслению места русского языка в мире. В свою очередь было опубликовано

значительное количество статей, в которых лингвисты поддерживают точку зрения академика: Е. А. Галинская [2], М. Копчевская-Тамм и А. Ч. Пиперски [8] и другие.

Однако существует иная сторона деятельности А. А. Зализняка, играющая не менее важную роль в «переоткрытии» русской цивилизации для Запада, – лекции, которые он читал по всему миру. Здесь А. А. Зализняк предстает в образе не академика, а преподавателя, наставника, больше похожего на старого знакомого.

Тесная связь с Европой для А. А. Зализняка устанавливается в 50-е годы XX века: он в качестве студента по обмену уезжает во Францию учиться в *École Normale*. Это событие можно считать отправной точкой его преподавательской деятельности, которая в дальнейшем продлится почти шестьдесят лет.

Во Франции ситуация складывается двояко. По биографическим сведениям, А. А. Зализняк не увлекался ни современным языком русского языка, ни преподаванием языка как иностранного, ни исторической грамматикой. Однако он много размышлял над тем, как упростить изучение русского языка, в частности русского склонения, для иностранных студентов. Вследствие чего был издан русско-французский учебный словарь. С этого момента начинается становление А. А. Зализняка как русиста.

В конце 80-х годов XX века академик часто бывал в Европе и ежегодно читал лекции в университетах Швейцарии, Германии, Италии, Франции, Австрии, Швеции. Его лекции – маленький праздник в истории научного сообщества. Как вспоминает профессор Падуанского университета Розанна Бенаккьо, посещавшая лекции Зализняка в Италии: «Чтобы почти два часа держать внимание студентов – это невероятно» [4, с. 184]. Именно на этих лекциях, которые порой собирали целые стадионы, А. А. Зализняк знакомил мир с русским языком, русской культурой, призывая студентов и коллег отказываться от всех предубеждений и стремиться к истине.

Таким образом, А. А. Зализняк сделал важнейшие открытия в области славистики, русистики и лингвистики, без которых представление русской цивилизации в сознании не только Запада, но и самой России, было бы неполным и ошибочным.

Литература:

1. Бурас М. М. Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников. — М.: Индивидуум, 2019. — 360 с.
2. Галинская Е. «Слово о полку Игореве»: точка в споре? [Текст]: рецензия // Наука и жизнь. — 2006. — № 5. — С. 76–78.
3. Зализняк А. А. Истина существует // Математическое просвещение. — М.: МНЦМО, 2019. — № 23. — С. 31–35.
4. Зализняк А. А. Прогулки по Европе. — М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2018. — 272 с.: илл.
5. Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. — 3-е изд., доп. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. — 480 с. — (Studia philologica. Series minor).
6. Михайлов Е. «Его лекции собирали стадионы»: коллеги-филологи об академике Зализняке // Афиша.Daily: [сайт]. — 2017. — 25 дек. — URL: <https://daily.afisha.ru/brain/7763-ego-lekciisobirali-stadiony-kollegi-filologi-ob-akademike-zaliznyake/> (дата обращения: 01.11.2021).
7. Кинан Э. Йозеф Добровский и происхождение «Слова о полку Игореве» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — 2007. — № 1–2. Pp. 5–22.
8. Iosad P, Koptjevskaja-Tamm M, Piperski A & Sitchinava. Depth, brilliance, clarity: Andrey Anatolyevich Zaliznyak (1935–2017) // Linguistic Typology. — 2018. — Vol. 22. № 1. — Pp. 175–184.

Iyulskaya E. G.

EGijulskaja@pushkin.institute

Kopylova V. V.

victoria_kopylova@icloud.com

Pushkin State Russian Language Institute

A. A. Zaliznyak's "Russian civilization"

The article is devoted to study of "Russian civilization" in A. A. Zaliznyak's view, who "rediscovered" Russian culture for the West.

Keywords: A. A. Zaliznyak, Russian language, Russian civilization.

Образ Родины в рекламном дискурсе: вербальный и визуальный аспекты

В данной статье автор рассматривает способы создания образа Родины в наружной и интернет-рекламе (тематика рекламы: социальная). Предпринята попытка вычленения и описания ключевых культурно-маркированных единиц, содержащихся в рекламе и апеллирующих к темам Родины, России, социальным ценностям.

Ключевые слова: Родина, социальная реклама, культурные компоненты, ценности.

В наши дни информационное пространство перенасыщено рекламой, и в первую очередь рекламой, отсылающей нас к брендированным иностранным товарам. Процент рекламы, акцентированной на отечественных товарах и соответствующих брендах, пока достаточно низкий. Однако уже намечаются переломные тенденции в лучшую сторону. Так, например, активно развивается социальная реклама. Особенно сильно это заметно в рекламных кампаниях, направленных на заботу о человеческом здоровье, на борьбу с новой коронавирусной инфекцией.

По словам А. А. Жило, реклама способна оказывать влияние на человека, отражаясь в его нормах, целях, потребностях, представлениях о стиле жизни. Автор напоминает, что понятие «социальная реклама» изначально появилось в связи с деятельностью организации «Американская гражданская ассоциация», создавшей в начале XX века первую кампанию социальной направленности с призывом защитить Ниагарский водопад от вреда, который ему наносят энергетические компании [3, с. 217–218]. Мы солидарны с мнением данного ученого касательно того, что начиная с первого десятилетия прошлого столетия социальная реклама все более плотно входит в жизнь людей по всему миру. В военные годы популярной была реклама Дмитрия Моора, его рекламные плакаты: «Ты записался добровольцем?» и Ираклия Тоидзе «Родина-мать зовет!» [3, с. 218] (рис. 1, 2). В плакатах использованы яркие красные оттенки, символизирующие собой цвет Красной армии, революции, крови. Образы «воина», «Родины» являются культурно значимыми маркерами, вызывающими к патриотическому началу, скрытому в каждом человеке.

Рис. 1

Рис. 2

С начала Первой мировой войны входят в моду и широко распространяются патриотические плакаты В. В. Маяковского. В них содержится едкая сатира на лентяев, прогульщиков, некультурных людей; визуально использованы контрастные, яркие цвета (рис. 3, 4):

Рис. 3

Рис. 4

Современная реклама не отстает от советской по своей креативности. Так, например, образ Родины-матери уже используют и в качестве иллюстрации предвыборной кампании, и даже апеллируют к данному советскому плакату как способу сагитировать гражданина и побудить его принять участие в предстоящих выборах: «2018 марта / Выборы президента России / Наша страна / Наш президент / Наш выбор!» (рис. 5). При этом текст окрашен в сине-красные цвета, а фон текста белый (цвета российского триколора). Знакомый прецедентный образ преподнесен в новом виде. Идет расчет на узнаваемость образа, на формирование доверительного отношения к рекламной кампании. А в рекламной кампании Сибирского государственного университета науки и технологий плакат с красноармейцем переиначили как «а ты подал документы?» (рис. 6). Если на рисунках 2 и 5 мы сталкиваемся с риторическим восклицанием, то на рисунках 1 и 6 — с риторическим вопросом. В описанных случаях идет своеобразный призыв к моральному долгу человека, его обязанности поступить в высшее учебное заведение, участвовать в политической жизни своей страны, беспокоиться о будущем своей Родины.

Рис. 5

Рис. 6

По утверждению А. А. Агрбы, «в рекламе ярко выражена аксиологическая составляющая — моральные нормы, организованные формы поведения и верования, которые национальная общность рассматривает, как фундаментальные для поддержания своей идентичности — задает целостность национальной традиции. Реклама не просто отражает культурные традиции, она является своеобразным показателем особенностей, самости страны демонстрируя этнокультурные образы в ней» [1, с. 111].

Если вернуться к роли культуры в рекламе, то невозможно не процитировать работу видных исследователей в сфере маркетинга и СМИ: В. В. Богуславской, И. В. Богуславского и Е. А. Синельниковой: «Культура, образование и экономика, проходящие стадию глобализации, приобретают такие черты, как повышение роли науки, техники, интеллектуальных навыков человека, видов деятельности, связанных с информационно-технологическими переменами, децентрализованным образованием и т. д.» [2, с. 60]. Это утверждение верно; так, например, информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни россиянина. Это и оплата проезда по лицу Face Pay, и возможность пройти перепись населения на портале Госуслуг, и возможность записаться на онлайн прием к специалисту за счет заполнения данных в личном кабинете.

Рис. 7

Рис. 8

Реклама переписи населения лаконично заявляет: «создаем будущее!» (рис. 7), а также указывает, какими способами можно пройти перепись: онлайн на Госуслугах, за счет переписчика, на переписном участке. Культурная компонента заключается в призыве подумать о будущем своей страны, предоставив достоверную информацию о себе и близких, чтобы впоследствии власти смогли создать более комфортное и грамотное пространство для каждого гражданина страны. А на рис. 8 фраза «защити себя и своих близких», с одной стороны, призывает сделать прививку, чтобы сберечь здоровье своих дорогих людей (в этом есть что-то христианское, изначально присутствующее русскому человеку), а с другой просит толерантно отнестись к своим соотечественникам, всем тем гражданам, что проживают сейчас с вами в одном и том же городе, то есть отнестись с умом к призыву властей и не подвергать опасности других.

Таким образом, социальная и патриотически направленная реклама напоминают нам о роли каждого гражданина в жизни общества, призывают строить более грамотное, хорошо сплоченное общество, ценящее культуру, берегущее свою Родину и проживающих в ней людей. Риторические восклицания являются ярким маркером рекламного плаката-призыва, заостряют на себе внимание. Лаконичные фразы-слоганы с императивными конструкциями (*защити, создаем, плюй, сметайте и под.*) призывают к активным действиям, наставляют на правильный путь настоящего россиянина, гражданина своей страны.

Литература:

1. Агрба А. А. Социальная реклама в Испании и России как культурный феномен [Текст]: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. ФГАОУ ВО МГИМО МИД России. — М., 2019. — 189 с.
2. Богуславская В. В., Богуславский И. В., Синельникова Е. А. «Интернационализация» и «глобализация» PR-образования в условиях информационно-технологических перемен // Рекламное и PR-образование в условиях информационно-технологических перемен: актуальные вопросы и тренды: сб. материалов II Международной конференции, Челябинск, 17–18 апреля 2020 г. / под общ. ред. К. В. Киуру. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. — С. 59–63.
3. Жило А. А. Особенности социальной рекламы и ее воздействия на поведенческие установки // Социология управления. — № 1. — 2019. — С. 217–220.

Guskova M. D.

m.guskova25@gmail.com

Pushkin State Russian Language Institute

The image of the Motherland in advertising discourse: verbal and visual aspects

In this article the author examines ways to create an image of the homeland in outdoor and online advertising (advertising topic: social). An attempt has been made to isolate and describe the key culturally marked units contained in advertising and appealing to the themes of the Motherland, Russia, and social values.

Keywords: Homeland, social advertising, cultural components, values.

О некоторых неологизмах за время пандемии в Республике Узбекистан

Наиболее интенсивные сдвиги словарного состава отмечаются в периоды кардинальных перемен в жизни общества. Переломным можно назвать и время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, ставшей общемировым явлением. Пандемия, введение ограничительных мер повлекли за собой преобразование общественной жизни во всех ее проявлениях и дали невероятный импульс языковой продуктивности. С момента распространения эпидемии COVID-19 язык активно реагирует на преобразование действительности, что проявляется в создании большого количества лексем за счет словообразовательных гнезд.

Безусловно, следствием пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и введения мер по борьбе с распространением COVID-19 стали не только индивидуально-авторские и окказиональные новообразования, но и отражающие объективные явления новые и актуализированные слова, новые значения существовавших ранее общеупотребительных и специальных понятий, изменившая функциональную зону специальная лексика. Однако большое количество лексических инноваций не столько отвечает объективным номинативным потребностям, сколько преследуют цель коллективной творческой самореализации носителей языка.

Совокупность новой лексики, созданной в эпоху распространения коронавирусной инфекции, называют *короноязом, коронаречью, коронасловарем, короналексикой*, а сами языковые новшества — *коронасловом, короналексикой, коронатермином* и пр. Одними из наиболее продуктивных элементов в 2020 году стали *корона- короно-, ковид-, ковидо-*. Вместе с тем эти системы избыточны и наполняются эквивалентными единицами, например, *ковидиот/коронаидиот, ковид-диссидент/коронадиссидент/коронодиссидент, ковидоскептик/коронаскептик, ковидобесие/коронабесие, ковидофоб/коронафоб*, а тенденции, происходящие с одной частью, свойственны другим. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть одну систему, общие характеристики которой будут применимы к другой. Однако, несмотря на то, что для анализа были выбраны лексемы с началом *корона-*, в первую очередь следует обратиться к анализу вершины этого словообразовательного гнезда.

Для наименования коронавирусной инфекции COVID-19 используются полисемантические обозначения *коронавирус, ковид, covid-19, ковид-19*, например:

За минувшие сутки в Республике Узбекистан провели более 100 тысяч тестов на COVID-19 [Uzbek.MDK 16.04.2021].

Холодовой центр для хранения вакцины от ковид-19 возводят на территории Республиканского центра инфекционных болезней [Kun.uz 10.12.2020].

В Узпотребнадзоре рассказали, сколько в России случаев повторного заражения ковидом [Uzbek.MDK 18.04.2021].

Власти Узбекистана в пятницу получили первую партию российской вакцины «Спутник V» против коронавируса, сообщает 23 апреля пресс-служба [РИА Новости 23.04.2021].

«Паровая неделя» от доктора Н. Н. Каннаппана в рассылках интернет канала [19.04.2021].

«Любой каприз за Ваши деньги...» Частные клиники Ташкента начали прививать против Covid-19 российской вакциной «Sputnik V» [Дайджест-новости 25.04.2021].

Если первое употребление термина *коронавирус* в русскоязычных источниках, по данным электронного ресурса Google, относится к 1971 году (Медицинский реферативный журнал) и называет семейство вирусов, то наименования *ковид* возникают во время пандемии коронавирусной инфекции в 2020 году. В 2020 году термин *коронавирус* переходит из языка для специальных целей в общее употребление, претерпевая ряд семантических изменений. В первую очередь специализируется его значение, в результате слово *коронавирус* начинает обозначать только тот вид коронавирусов, который вызвал эпидемию — SARS-CoV-2.

Термин *COVID-19* (*Coronavirus disease*, англ. 'коронавирусное заболевание') появляется в массовых изданиях 11 февраля 2020 года после официального присвоения Всемирной ор-

ганизацией здравоохранения этого названия новой коронавирусной инфекции и, по данным ресурса Яндекс.

Помимо обозначений **коронавирусная инфекция, коронавирус, ковид19, ковид** в разговорной речи широко используется наименование **корона**, которое употребляется в двух значениях 'о коронавирусной инфекции COVID19' (*сдать тест на корону*), 'о заболевании, вызванном коронавирусной инфекцией COVID-19' (*симптомы короны, заразиться короной, поймать/подхватить корону*). От существительного *корона* образуется еще один разговорный дериват **коронка**, повторяющий два значения производящего существительного **корона**: *пандемия коронки, при коронке*.

Один из вариантов появления слова **корона**, являющегося синонимом наименований **COVID-19, ковид-19, ковид**, связывается с деривационными процессами русского языка, в рамках которых оно образуется от существительного **коронавирус** путем усечения.

Второй возможный путь появления лексемы **корона** в русском языке обосновывается иноязычным влиянием, которое усиливаются ввиду единства информационного и языкового пространства в тематическом сегменте пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Общий языковой контекст оказывается особо необходим в ситуации стертых языковых границ, актуальности проблемы для всех без исключения и чрезвычайной словотворческой активности всего общества.

Широкое употребление слов, в основе которых лежит обыгрывание омонимов и одновременная реализация в контексте двух значений, обуславливается целью языковой игры — созданием комического эффекта. Подтверждением активного семантического потенциала лексемы **корона** служит не только ее взаимодействие с общеупотребительным словом, но и встраивание ее в деривационную систему русского языка.

Элемент **корона-** не утрачивает смысловые связи с производящей единицей **коронавирусный**. Например, значение 'относящийся к периоду пандемии и/или карантина из-за коронавирусной инфекции COVID-19' в случае с прилагательным *коронавирусный*, появляется в сочетаниях *коронавирусный год (2020), коронавирусный апрель (2020, 2021), коронавирусный концерт, рождественские коронавирусные каникулы (в США)*, также это значение присуще аффиксоиду *корона-*... в словах *короначеллендж (у блогеров), коронагод, короналето*. Сложные прилагательные: *короназависимый, коронаинфицированный, коронаподозрительный, коронапозитивный, коронаположительный, коронафейковый*.

Словосочетание с полным прилагательным **коронавирусный** + существительное и **корона-** + существительное. Например: *коронавирусный больной и коронабольной, коронавирусные новости и коронановости, коронавирусный симптом и корона-симптом, коронавирусный апокалипсис и коронаапокалипсис (корона-апокалипсис), коронавирусная атака и коронаатака (корона-атака), коронавирусное безумие и коронабезумие, коронавирусная глупость и коронаглупость, коронавирусный госпиталь и коронагоспиталь (корона-госпиталь), коронавирусная дискотека и коронадискотека, коронавирусное диссидентство и корона-диссидентство, коронавирусный диссидент и коронадиссидент (корона-диссидент), коронавирусная жадность и коронажадность и др.*

В результате столкновения с эпидемией формируется многочисленная группа **наименований коронавирусной инфекции COVID-19** с общим значением 'о коронавирусной инфекции COVID-19', в которой присутствуют компоненты, связанные с семантикой заражения — *коронаинфекция, коронаназараза*, лексические единицы, встраивающиеся в образные ряды, в частности, неперсонифицированной враждебной силы — *короназло, коронаугроза*, абсолютного зла — *корона-дьявол*, различных фантастических, сказочных существ огромных размеров и/или необычного строения: *коронаящур, короначудовище, корона-чудовище, коронаштейн (корона-... + Франкенштейн), короназьябра (корона-... + крокозябра), коронамонстр, короназавр (корона-... + динозавр), корона-тварь*.

Коронавирусная инфекция COVID-19 осмысливается как активный враг, с которым человечество находится в отношениях войны. Из выборки с компонентом **корона-** к лексике милитаристической тематики относятся: *корона-атака, корона-удар, корона-борьба, корона-война, коронафронт, горячая коронаточка, корона-жертвы, коронапобеда, корона-победитель, коронахроника*.

Оформляется группа лексики, отражающая статистические данные по распространению коронавирусной инфекции, приросту новых выявленных случаев, выздоровевших, скончавшихся: *корона-дневник, коронакарта, коронаиндекс, коронастатистика, корона-цифры, коронаарифметика, корона-данные, коронасводка, коронасписок*.

Рассмотрим некоторые тематические блоки:

- природных явлений: *коронаайсберг, коронаморе, коронаураган, коронашторм, коронастихия, коронацунами;*
- изоляции: *корона-блокада, корона-блокировка, короназанавес;*
- перерыва: *корона-антракт, корона-брейк, коронапауза;*
- длительного произведения: *корона-сериал, коронаэпопея;*
- беды, бедствия: *коронанапасть, короначума, коронаповетрие;*
- конца света: *коронаармагеддон, коронаапокалипсис, корона-бедствие, коронакатастрофа, коронанапасть;*
- пространства: *корона-глобализация, коронамир, коронацарство, коронацентричный мир;*
- периода: *корона-время, корона-эпоха, коронатайм;*
- действительности: *коронареальность, коронаэкзист, коронажизнь.*

Также, помимо словотворчества, в коронавирусную эпоху развиваются формы языкового самовыражения на тему пандемии. Для обозначения этой деятельности используются наименования *коронатворчество* и *коронакультура*, а различные способы их реализации представлены лексемами: *коронаанекдот, коронамюзикл, корона-песня, корона-пьеса, коронарэп, коронастихи, коронатрек, корона-частушки, коронашансон, коронаэкспозиция, корона-графити, корона-драма, корона-пантомима, коронафильм*. Как и в случае с метафорой, словообразовательное творчество в контексте пандемии коронавирусной инфекции служит инструментом познания и способом избавления от излишнего эмоционального напряжения. Также с механизмом сублимации связывается, сформировавшийся и активно развивающийся во время пандемии *коронаюмор*.

На фоне пандемии развиваются новые формы **преступной деятельности**, такие как *коронамошеничество, коронашулерство, корона-криминал, коронаобман*, вербализуются предпринимающие противоправное деяния лица *коронажулик, корона-жулик, коронамошенник, коронакибермошенник, финансовый коронамахинатор*, называются способы хищения денежных средств — *корона-фишинговая уловка*.

Литература:

1. Голованова Е. И., Маджаева С. И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — № 7 (441). — С. 48–57.
2. Катермина В. В., Липириди С. Х. Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. — 2020. — № 4 (147). — С. 170–175.
3. Прокопенко И. С. Коронавирус: жизнь после пандемии. — М.: Эксмо, 2020. — 256 с.

Лингвокультурологическое описание русских примет с компонентом кукушка (на фоне китайского языка)

В данной статье проводится лингвокультурологический анализ русских примет с компонентом *кукушка* (на фоне китайского языка) с целью выявления универсальной и национально-культурной специфики, присущей данному орнитониму.

Ключевые слова: приметы, лингвокультурология, кукушка, русский язык, китайский язык, суеверия, аксиология.

Лингвокультурологический потенциал устойчивых языковых единиц все чаще становится предметом научного интереса современных ученых.

Н. Н. Фаттахова определяет приметы как «устойчивые конструкции, в которых запечатлен коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определенного этноса, и построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание» [4, с. 4]. Е. Г. Павлова разделила приметы на две группы: 1) Приметы — собственно прогнозы: природные и человеческие. 2) Приметы — правила: негативные (табу) и позитивные (колдовство) [2, с. 294–299]. Вместе с этим «как приметы-прогнозы, так и приметы-правила <...> подразделяются на естественные и суеверные» [там же].

В данной работе рассматривается фрагмент национальной картины мира, нашедший свое отражение в русских и китайских приметах с компонентом *кукушка*. Методом сплошной выборки из русских словарей примет с компонентом *кукушка* было выписано 36 единиц, из китайских фразеологических словарей — 6 единиц.

Кукушка — один из наиболее стереотипных образов в русской культуре. По мнению русских, кукушка — это птица, «связанная с горем, разлукой, смертью и миром мертвых» [3, с. 36]: *Если первый раз в году услышишь кукование кукушки позади себя — умрешь; Кукушка в глаз (вперед) кукует — весь год плакать; Кукушка летает по деревне — к пожару* [1, с. 420]. Кроме того, в некоторых русских легендах и сказаниях кукушка появляется в качестве птицы-оборотня [там же].

Однако в некоторых случаях крик кукушки приносит счастье: *Кукушка кукнула (подала голос) в левое ухо — хорошая примета* [1, с. 420]. Для данной приметы существует прямо противоположная по смыслу: *Кукушка в левое ухо кукует — худые вести слушать, в правое ухо кукует — хорошие вести слышать* [1, с. 420].

Первая кукушка или первый крик кукушки предвещают **изменение финансовой ситуации**: *При первой кукушке брякни [в кармане] деньгами, чтоб водились; Если, находясь на природе, при первых криках кукушки нажать кнопку вызова баланса, то до конца года на счету будут водиться деньги; Если при первой кукушке брякнуть деньгами — они всегда будут водиться* [1, с. 420]; *Слушая кукушку, звени мелочью в кармане — деньги водиться будут; Ранняя кукушка (прежде листа на дереве) — вора́м неудача* [1, с. 421].

Широко распространено славянское гадание по кукованию кукушки, в процессе которого можно узнать, как долго человеку осталось [3, с. 38]: *Сколько кукушка прокукует, столько лет будет жить* [1, с. 421].

В русских приметах **кукушка и соловей** часто появляются парами: *Если на Красные горы кукушка продолжает куковать, лето будет хорошее и долгое; Если кукушку услышишь раньше соловья, несчастливо проведешь лето — прокукуешь; Если соловья услышишь раньше кукушки, счастливо проведешь лето* [1, с. 420].

Русские трактуют **сновидения** с кукушкой по-разному. Хорошее предзнаменование: *Кукушка снится — к крепкому здоровью* [1, с. 420]; плохое: *Кукушка снится — к несчастью в семье* [1, с. 421]; нейтральное: *Кукушка снится — к неожиданному известию* [1, с. 420]. Китайцы счи-

тают, что видеть во сне кукушку — дурное предзнаменование, предвещающее потерю. Если женщина видит во сне кукушек, ее бросит муж, если бизнесмен — потеряет деньги. Если человеку снится поющая кукушка, это предзнаменование смерти любимого [7, с. 161].

Кукушка также предсказывает **погоду**:

1) **К хорошей погоде и теплу**: *Кукушка кукует — хорошая погода будет; Кукушка регулярно кукует и поет длинную песню — будет теплая погода* [1, с. 420]; *Кукушка станет куковать — мороза больше не видать* [1, с. 421].

2) **К плохой погоде (к дождю и морозу)**: *Кукушка летает низко — к плохой погоде; Кукушка кричит, издавая звуки, похожие на кваканье лягушки, — на дождь; Кукушка кукует так, будто смеется, — к дождю; Кукушка кукует на сухом дереве — к морозу* [1, с. 420]; *Кукушка перестает куковать после Петрова дня (12 июля) — к затяжной осени* [1, с. 421].

В китайском языке не существует примет с компонентом кукушка, связанных с погодой.

В русском языке есть немало примет с компонентом кукушка, имеющих отношение к **сельскому хозяйству**. Например: *Если кукушка закуковала, значит, пошли грибы; Как кукушка кукует — первый посев льна; Кукушка запела у опушки — быть меду; Кукушка летом кукует долго — пчелы роятся допоздна* [1, с. 421].

Русские считают, что по звукам кукушки и ее поведению можно судить о будущем урожае. Ранний прилет и кукование кукушки, когда лес еще не оделся листвой, предвещает **неурожай и голод** [3, с. 38]: *Кукушка кукует до Егория (Георгия, 6 мая) — к неурожаю; Кукушка кукует до начала сева — к неурожаю; Кукушка кукует на сухом дереве — урожаи будут плохой; Если до кукушки не засеешь, хлеб в сусеках оставишь — к неурожаю; Если кукушка закукует на голый лист [когда еще не оделся лес] — будет год голодный; Если кукушка кукует, а ты голодна, будешь голодной <весь> год* [1, с. 420]; *Ранняя кукушка до опушки дерева — к неурожаю, голоду* [1, с. 421]. Кроме того, кукование кукушки также предвещает беду, связанную с домашним скотом: *Если кукушка закует сидя на изгороди, соединяющейся с хлевами, то в хозяйстве следует ожидать падежа скота; Кукушка до Егория (Георгия, 6 мая) — к падежу скота* [1, с. 420].

В китайском языке у кукушки много названий, одним из наиболее часто используемых является 布谷鸟 (птица-Бу Гу). Это название имеет два значения: 1) «Бу Гу» как и русское слово «кукушка», является звукоподражанием. Крик кукушки: Бу Гу.

2) Бу Гу также означает засев. Обычно кукушка кукует во время посева, поэтому ее считают птицей, которая мотивирует людей заниматься земледелием [6, с. 71]. Это отражено в китайских приметах: 布谷鸟儿叫, 种谷时节到。— *Кукушка кукует, и пришло время засеять хлеб; 布谷布谷, 赶快种谷。Бу Гу, Бу Гу! — немедленно засеи хлеб; 布谷布谷, 种谷割麦。Бу Гу, Бу Гу! — засеи хлеб и собери пшеницу; 布谷来了立夏呢, 赶紧下种糜谷呢。— *Кукушка кукует, наступает 'Начало лета', самое время сеять хлеб* [5, с. 74]. Время в Китае измеряется по лунному календарю и делится на «24 сезона сельскохозяйственного года»². Один из них — Начало лета (6 или 7 мая).*

Также кукование, по мнению китайцев, может указывать на готовность к сбору некоторого урожая: 布谷咕咕叫, 包谷戴红帽。— *Кукушка кукует, кукуруза 'носит красную шапочку' (созрела); 布谷鸣, 小蒜成。— *Кукушка кукует, молодой чеснок созрел* [5, с. 75].*

Из проанализированного материала можно заметить, что русских примет с компонентом кукушка значительно больше, чем китайских, и в них образ кукушки часто негативный. Кроме того, в обоих культурах эта птица тесно связана с сельскохозяйственным трудом.

Литература:

1. Никитина Т. Г. Большой словарь примет: ок. 15 000 единиц / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева, Н. Н. Иванова. — М.: АСТ, 2009. — 687 с.
2. Павлова Е. Г. Опыт классификации народных примет // Паремииологические исследования. — М.: Наука, 1984. — С. 294–299.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общей ред. Н. И. Толстого. — Т. 3. — М.: Международные отношения, 2004. — 704 с.
4. Фаттахова Н. Н. Народные приметы: принципы классификации, структурирования и функционирования. — Казань: Печать-Сервис, 2012. — 176 с.

5. 温端政. 中国谚语大全辞海版 (全两册). 上. 上海: 上海辞书出版. 2004, 1371 页(Вэнь Дуань-чжэн. Полный свод пословиц Китая. В 2-х частях. Ч. 1. — Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2004. — 1371 с).
6. 罗泽贤. 杜鹃鸟别名考 — 兼论杜鹃与古代诗词之关系. 株洲师范高等专科学校学报. 2007 年第 4 期. 页 70–72. (Лю Цзэсянь. Исследование псевдонимов кукушки — О связи между кукушкой и стихотворениями // JOURNAL OF ZHUZHOU TEACHERS COLLEGE. — 2007. — № 4. — С. 70–72).
7. 张小雨. 周公解梦全集, 百花洲文艺出版社. 2012 年, 357 页(Чжан Сяююй. Сонник Чжоу Гуна. — Литературное издательство материка ста цветов, 2012. — 357 с).

Huo Xiaojiong

Saint Petersburg State University

Linguocultural description of Russian signs with the component *cuckoo* (in comparison with Chinese language)

This article provides a linguistic and cultural analysis of Russian signs with the component cuckoo (in comparison with Chinese language). This analysis in order to identify universal and national-cultural specifics with this ornithonym.

Keywords: signs, cultural linguistics, cuckoo, Russian language, Chinese language, superstitions, axiology.

Особенности функционирования русских пословиц и поговорок в армянском лингвокультурном пространстве

Русские пословицы и поговорки широко представлены в армянском лингвокультурном пространстве. Поскольку оба народа связаны общими историческими процессами, христианской религией и сходными социально-бытовыми условиями, переводческой деятельностью поэтов и писателей обоих народов, пословицы русского и армянского народов имеют много общего по смыслу и по составу.

Ключевые слова: фольклор, национальный колорит, пословицы, поговорки, трудности перевода, языковое сходство.

«Пословицы и поговорки — это один из древнейших жанров устного народного творчества. Они относятся к малым жанрам фольклора и воссоздают исторический опыт народа. Для них характерна афористичность, поучительность и назидательность» [2, с. 68].

В Большом Энциклопедическом словаре «Языкознание» пословица определена как «... краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; она имеет форму законченного (простого или сложного) предложения» [6, с. 389].

Так как пословицы и поговорки являются составной частью живой разговорной жизни, они вбирают в себя основные черты определенной эпохи. По их семантическим особенностям можно судить о разговорной речи того или иного периода. Смысл передается с помощью минимального количества слов и образных средств, по которым зачастую возможно классифицировать пословицы и поговорки по месту и времени их создания.

Пословицы и поговорки встречаются у различных народов мира. Яркой приметой национального колорита являются реалии.

«Реалии — это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках и не поддаются переводу „на общем основании“, требуя особого подхода» [3, с. 55].

В истории науки пользуются заслуженной популярностью обобщающие издания, своды пословиц и поговорок, лучшим образцом которых по праву считается сборник В. И. Даля. В своем сборнике «Пословицы и поговорки русского народа» Даль впервые распределил их по темам (180 тем, более 30 тысяч пословиц).

«Частое непонимание нами пословицы и поговорки основано именно на незнании языка, тех простых, сильных и кратких оборотов речи, которые постепенно утрачиваются и вытесняются из письменного языка, чтобы сблизить его, для большей сподручности переводов, с языками западными. Кто бы взялся рассмотреть пословицы и поговорки в этом отношении, тот написал бы претолстую и преполезную книгу», — писал великий собиратель русских пословиц и поговорок В. И. Даль [4, с. 11].

Общий исторический фон, одинаковые стадии общественного развития, культурно-экономические связи, этническое, языковое и идеологическое родство, заимствования — все это дает возможность говорить о значительном сходстве пословиц и поговорок различных народов, имеющих общий менталитет. У некоторых армянских пословиц и поговорок и их русских эквивалентов есть одинаковое логическое содержание.

Близкий сосед лучше дальней родни — Մոտիկի հարևանը լավ է, քիչ հեռու ընդհարյալը (Близкий сосед лучше дальнего родственника). Предметы заменяют друг друга (плохой — хороший) [1].

Не имей сто рублей, а имей сто друзей — Մի ունեցիր հարյուր դահեկան, ունեցիր երկու բարեկամ (Не имей сто динаров, а имей двух друзей).

С голодухи и коза короовой покажется / На безрыбье и рак — рыба — Դաշտում բզեզներ է մի (В поле и жук мясо).

Таким образом, пословицы и поговорки передают одни и те же смысловые ситуации. Слова, входящие в состав пословиц и поговорок у разных народов, отличаются и соответствуют местным бытовым реалиям. В этом проявляется специфика этого жанра устного народного творчества и трудности перевода.

Пословицы и поговорки могут иметь одинаковый смысл и структуру, но различаться по бытовым реалиям. Например:

Используй то, что под рукой и не ищи себе другое — Ձի չեղած տեղը էշով նարահատիկով գնար անր չէ (Не имея лошади, не стыдно и на осле ехать.)

Из разговоров щи не сварить, нужны капуста и мясо. — Խոսքերից փրակ չես եփի, յուր ու բրինձի փուր (Из слов плова не сварить, нужны рис и масло).

Сколько не говори сахар, во рту слаще не станет — Բնչքան էլ ասես հարկա, բերանումը քաղցր չի դառնի (Сколько не говори халва, во рту слаще не станет).

В синтаксическом плане пословицы и поговорки также представлены неоднозначно.

Что не воротить, про то лучше позабыть (сложное предложение) — Հին ծրարը չես շարժում (Старую солому не ворошат — простое предложение)

Не плюй в колодез, пригодится воды напиться (побудительное предложение) — Եթե արքայր պղտրես, փրկվիր՝ ճուր ջուր խմիր (Если осквернишь родник, откуда будешь пить воду?) (вопросительное предложение)

Есть армянские и русские пословицы и поговорки, которые полностью совпадают или отличаются лишь несколькими словесными элементами. Например:

Боисься — не делай. Делаеть — не бойся — Տարց մի վախենա, վերցնելուց մի անաչի (Давай не бойся, бери не стыдись).

Под лежащий камень вода не течет — Ծառի տակ պառկողին՝ բերանը տանձ չի ընկնի (Лежащему под деревом груша в рот не упадет).

Доброе дело и в воде не тонет — Բարի արածը ջրի մեջ չի հարկում (Доброе дело и в воде не тает).

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать — Լավ է մեկ անգամ տեսնել, քան հարյուր լսել (Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать).

Некоторые русские пословицы и поговорки полностью интегрировались в армянскую языковую среду. При этом используется прямая калька с русского на армянский язык. Ярким примером могут выступать следующие поговорки:

В Тулу со своим самоваром не ездят — Տուլի գնացողը անախարհ հեղը չի տանի: Русское происхождение данной поговорки очевидно, так как в ней упоминаются старинный город Тула и производимые в нем самовары. Смысл ясен — зачем везти с собой куда-либо то, что имеется на месте.

Будет и на нашей улице праздник — Մեր փողոցում էլ տոն կլինի:

Данная поговорка часто употребляется в России и среди русскоязычного населения Армении. Это прямая калька с русского языка.

Существуют пословицы и поговорки, отражающие судьбу странника, бродяги, вынужденного переселенца на чужбине.

Горек хлеб странника и солон вода его — Դարձրի հացը լեղի և, ջուրը աղի (Хлеб странника горек как желчь, а вода соленая).

Странник странника издали увидит — Պանդխտը պանդխտին հեռվից կտեսնի (Странник странника издали увидит).

Не ищи обетованные края, они там, где родина твоя — Հարենիքում գիրքը քո հանրախոսը (На родине ищи свое предназначение).

В русских пословицах и поговорках и эквивалентных им армянских отражаются общие обычаи, переживания, наблюдения и приметы.

Нет ничего дороже дешевого — Թանկից էժանր չկա:

Кровь не водица — Ըրդմիր ջուր չի դիպնիս:

Одному Бог дает ложку, другому кашку, третьему аппетит — Բերնի կա՝ հաց չկա, հաց կա՝ բերնի չկա (Есть едок — нет хлеба, есть хлеб — нет едока).

Мать дочку хвалила, пока с рук не свалила — Երբ անջկա մայրն է գովարկում, թող փախի. հարևանն է գովարկում, վերցրե՛լ փախի (Мать девушку хвалит — оставь, беги. Сосед девушку хвалит — хватай, беги).

Пока толстый похудеет, худой Богу душу отдаст — Մինչև հասնը բարակի, բարակի հոգին դուրս կգա:

Рука руку моет, а две руки лицо — Չեռը ձեռք կրկանի, երկու ձեռքը՝ երես:

Многие пословицы и поговорки, которые часто встречаются в обоих языках, являясь, заимствованием из других иностранных языков, в то же время имеют автономное значение, подчиненное местным реалиям. Заимствования и самостоятельные пословицы со временем, в связи с историческими и социально-политическими изменениями трансформируются и ассимилируются, имена героев и топонимы искажаются или вытесняются местными.

В своей книге «Семантика» в главе «Правка языка» Максим Кронгауз говорит о признании роли языка в процессе познания и его значения для формирования индивидуального и общественного мышления. «Одним из главных практических следствий такого признания стали многочисленные попытки изменить язык с тем, чтобы опосредованно воздействовать на мышление. При этом почти всегда декларировалась цель исправления естественного языка» [5, с. 92]. Автор считает, что изменения в языке все же происходят и мотивируются не научной, а политической или социальной идей. Они бывают двух типов:

- 1) изменения, явные и скрытые, которые происходят в крупных державах;
- 2) изменения, происходящие в языке под влиянием различных социальных течений, под общим названием «политкорректность».

Первый тип формируется при взаимодействии языка «... с социальными феноменами и концептами, такими, как „власть“, „история“, „идеология“ и подобные им, а также под влиянием активно развивающейся гендерной лингвистики. Течение политкорректности использует лингвистику для поиска тех черт обыденного языка и речевого поведения, которые сложились под влиянием традиционной культуры и навязывают современным носителям языка различные представления, связанные с неравенством и несправедливостью и др. <...> Речь идет о контроле над языком, его улучшении (или порче...), т. е. о создании нового языка» [5, с. 93].

В связи с этим можно говорить и о том, что на изменения, происходящие в языке, существенно влияют уровень развития и словарный запас его носителей. Видоизменяются моральные ценности и само отношение к жизни. То, что раньше осуждалось, теперь представляется как предмет гордости и символ практичности непосредственных участников речевого акта. Этот процесс отражается в современных пословицах.

Я не червонец, чтобы всем нравится (Иван Бунин)/ Ты не медаль, чтобы на шее у меня висеть (М. Горький). — Ես դրամաբան չեմ, որ բոլորին դուր գաի:

Хорошее море — Мертвое море (Хороший враг — мертвый враг). — Լավ թշնամի՛ն՝ մեռած թշնամի:

Красиво жить не запретишь, но помешать можно (Красиво жить не запретишь). — Ընտիր անքնի չես արգելի, բայց խանգարել կարելի է:

Не имей сто рублей, а имей сто долларов / сто пациентов (Не имей сто рублей, а имей сто друзей). — Մի ունեցի հարյուր տարի, այլ ունեցի հարյուր դուր:

Применение пословиц и поговорок зависит от семейных традиций, воспитания и культурного развития человека, линии социального поведения. Пословицы и поговорки вытесняются из речи ж»ргонными словами и выражениями, профессиональным сленгом, заимствованиями из английского языка. В условиях глобализации, стирания гендерных границ, стихийного развития капитализма и навязывания новых стереотипов, происходит переоценка морально-нравственных ценностей.

Литература:

1. Ղանալանյան Ա. Տ. Հայկական առածանի: Տեքստ և հետազոտություն ժողովրդական առածների և ասացվածքների: — Երևան, 1954. — 236 ս.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — М.: Русский язык, 1990. — 246 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М.: Высшая школа, 1986. — 343 с.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник. — М.: Диамант, 1998. — 544 с.
5. Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. — М.: Изд. центр «Академия», 2005. — 352 с.
6. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 389 с.

Avedyan Vlada

avedova.vlada@mail.ru

Military Aviation University

named after marshal Armenak Khanperants

Specific features of the functioning of russian proverbs and sayings in the armenian linguocultural space

Russian proverbs and sayings are widely represented in the Armenian linguocultural space. Since both peoples are connected by common historical processes, Christian religion and similar social conditions, translation activities of poets and writers of both peoples, the proverbs of the Russian and Armenian people have much in common in meaning and composition.

Keywords: folklore, national color, proverbs, sayings, realities, assimilation, translation difficulties, linguistic similarity.

Русский язык в сознании современного общества

Рассмотрена реализация русского языка в современной литературе и культуре, использование молодым поколением иностранных слов и различных социолектов. Приведены литературные примеры, чтобы показать универсальность, богатый диапазон речевых средств, эмоциональной окрашенности русского языка. Отмечено значение преподавательской деятельности в разрезе воспитания культуры речи, увеличения словарного запаса, расширения кругозора в мире слова у подрастающего поколения.

Ключевые слова: русский язык, литература, речевые средства, учащиеся.

Рано или поздно человек приходит к тому, что книга — лучший советчик. Мы знаем, что литература не учит, а показывает. Вспомним сатиры, басни — они искусно преподносят нам наши пороки, недостатки, заставляют нас стыдиться своих недостатков, тем самым подталкивая к изменениям. Литература дает нам возможность стать участником тех событий, в которых мы, возможно, никогда не окажемся или наоборот, уже были. Так или иначе мы проецируем свое мировоззрение, свое поведение, свой характер на литературных персонажей. Литература дает нам возможность прожить множество жизней и обрести бесценный опыт. Русские классики оставили нашей культуре огромное достояние, но какое место это достояние занимает в современности?

«Наш русский язык, более всех новых, может быть, способен приблизиться к языкам классическим по своему богатству, силе, свободе расположения, обилию форм. Но чтобы воспользоваться всеми его сокровищами, нужно хорошо знать его, нужно уметь владеть им». Это слова известного русского литературного критика, поэта, публициста рубежа 1850–1860-х годов — Н. А. Добролюбова. К XXI веку русский язык обрел еще больше форм, разнообразия и силы. Наш современный язык гостеприимен, как и сам русский человек, поэтому в нашей речи изобилие «обрусевших» иностранных слов, от которых происходят совершенно новые. Они появляются благодаря суффиксам, префиксам и другим морфемам, которыми славится русский язык. Появление иностранных слов говорит о тесном взаимодействии нашей культуры с культурами других стран, что является положительным моментом. Но, на мой взгляд, важно помнить о русских эквивалентах, синонимии, меткости и выразительности нашего языка. Юмор А. П. Чехова достигался изящными оборотами речи, чутким отношением к формам языка разных слоев населения, диалектам и т. д. Приведу несколько примеров:

- «Когда Гуров охладился к ним, их красота вызвала в нем ненависть; кружева на их льне казались ему тогда как чешуя («Дама с собачкой», 1899);
- «Легкий челнок с острым носом ... имел живое, хитрое выражение и, казалось, ненавидел тяжелого Петра Дмитриевича» («Именины», 1888);
- «Весна идет! ... В воздухе пахнет жаворонками... запеченными, конечно же, и аптечными лекарствами. Солнце, все еще стуча зубами от холода, иногда улыбается с кисло-сладкой улыбкой и снова прячется в облаках, как в фланелевой толстовке» («Будильник 1885»);
- «Самый жалкий и преступный вид имели два пирожка на тарелочке. «Сегодня нас унесут обратно в ресторан, — как бы говорили они, — а завтра опять подадут к обеду какому-нибудь чиновнику или знаменитой певице» («Рассказ неизвестного человека», 1892).

Важно понимать, что арго, сленг, диалекты и др. являются неотъемлемой частью русского языка. Все эти разновидности социолектов развиваются, изучаются и пополняют сокровищницу русского языка. Но несмотря на это социолекты действуют в рамках определенной среды, ситуации. Особенно интересен молодежный сленг — он быстро развивается и очень изменчив, популярные сегодня слова уже завтра могут стать «олдовыми», что значит устаревшими. Я все-таки придерживаюсь мнения, что формирование русского языка, как языка литературы и культуры должно быть сосредоточено на нормах. Как было уже сказано, юмора и остроты можно достичь в рамках лите-

ратурной речи и без «модных» иностранных слов. Знание русского языка позволяет нам наиболее полно передать свои эмоции, переживания, убедить человека или разуверить и многое другое. Например, в русском языке благодаря суффиксам мы можем определить оттенки значения слова: «домик» и «домище», «доктор» и «докторишка». В английском языке для достижения появления эмоциональной окрашенности нужно создать словосочетание: *little house* и *big house*. В дополнение, вспомним слова великого русского классика, И. С. Тургенева: «Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский Язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Если мы зададимся вопросом, какие слова определяют русскую культуру, то это будет душа, тоска, дух, блины, самовар, судьба, правда. Наша культура через язык познает жизненную мудрость, духовность, становится основательнее и могущественнее в глазах своего народа и других. Именно поэтому на учителей, преподавателей возлагается большая ответственность — сохранение русской культуры, достоянием которой является русский язык. Обучающиеся должны «учиться говорить», говорить грамотно, избегать тавтологии, дискурсивных слов. Это будущие взрослые, которые будут нести русский язык в общество, учить ему своих детей.

Наблюдается тенденция бессознательного использования слов. Я неоднократно наблюдаю, как учащиеся говорят слова, не вникая в их значение. Именно на этом строятся оскорбления, ведь ребенок не задумывается, что вложено в ненормативную лексику, он произносит то, что услышал от взрослых. Как мы знаем, наши предки придавали слову магическую силу, верили, что оно может исцелить или убить. Об этом говорит и богатое наследие устного народного творчества: загадки, заговоры, сказки и т. д. Воспитание молодого общества необходимо начинать с формирования словесного сознания, любви к слову.

Также важно отметить, что важным витком сохранения и совершенствования нашей культуры являются литературные конкурсы, поэтические сборники, издания, где наши современники создают новый период художественного слова. Появление новых поэтов, писателей, мыслителей помогает преодолеть возможность наступления будущего, описанного в романе Евгения Замятина «Мы».

Русский язык — это ответ на вопрос о бессмертии творчества А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и других великих умов. Призовем же прикоснуться к этому бессмертию и продолжить культуру через наш родной язык, через литературу классиков и написанную нами, современными носителями великого и могучего. Уместно процитировать профессора В. В. Федорова: «Слово — субъект, содержанием которого является Любовь. Любовь — это, следовательно, такая ценность, которая может существовать только в «словесной» форме».

Литература:

1. Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений в 6 т. / под ред. П. И. Лебедева-Полянского. — М.: ГИХЛ, 1934–1941.
2. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 18 т. Т. 8 (1892–1894). — М.: Наука, 1985.
3. Федоров В. В. Оправдание филологии: сб. статей / В. В. Федоров. — Донецк: Норд-Пресс, 2005. — 90 с.

Scherbinina Yulia Konstantinovna
yulya.homenko.2012@mail.ru
Donetsk, Lyceum "College"

Russian is the language of literature and culture

The article considers the implementation of the Russian language in modern literature and culture, the use of foreign words by the younger generation and various sociolects. Literary examples are given to show the universality, rich range of speech means, emotional coloring of the Russian language. The importance of teaching activity in the context of the education of the culture of speech, increasing vocabulary, expanding horizons in the world of words in the younger generation is noted.

Keywords: Russian language, literature, speech means, students.

Приобщение учащихся к образу России на уроках литературного чтения в школе с киргизским языком обучения

В статье рассматриваются возможности использования учебных текстов, включенных в программу, на уроках литературного чтения в школе с киргизским языком обучения для раскрытия неповторимого образа России. Имена писателей, значимые исторические события, образы-символы воссоздают особенности культуры русского народа. Важно выбрать интерактивные приемы работы над текстом, создать благоприятную среду, с помощью художественного слова от сердца к сердцу вести диалог культур.

Ключевые слова: образ России, диалог, этнокультуроведческий, пушкинская тема, образы-символы, интерактивные приемы.

Диалог культур — это сложный процесс взаимодействия людей, народов, миров, разговор через границы и континенты, который помогает понять уникальность собственной культуры и особенности культур других этносов, найти точки соприкосновения между различными взглядами, представлениями, научиться понимать друг друга. В диалоге особая роль отводится литературе как искусству слова, как сокровищнице нравственных ценностей народа, духовных исканий писателей, как отражение самобытного мира. Чтение произведений русских писателей в школе с киргизским языком обучения — это неисчерпаемый клад картин, образов, символов, событий, создающих представление о России, русском народе, его традициях, иной культуры, отличающейся от родной.

«Россия!.. Какое хорошее слово... и роса, и сила, и синее что-то...» Эти строки принадлежат Сергею Есенину, поэту, воспевшему Русь деревенскую, «страну березового ситца», и новую, коммуной вздыбленную Россию.

Как вызвать у учащихся-киргизов интерес к России, пробудить в душе добрые чувства к стране с иной культурой, природой, с другими привычками, не умаляя при этом чувства любви к родной земле, уважения к древним традициям киргизского народа?

Мне хочется раскрыть некоторые пути приобщения к культуре России восьмиклассников на уроках литературного чтения в киргизской школе. Что помогает представить культуру другого народа? Исторические события («Бородино» М. Ю. Лермонтова, «Дубровский» А. С. Пушкина, отрывки из романа Б. Васильева «В списках не значился», стихи о Великой Отечественной войне), имена писателей, гордость России (Пушкин, Тургенев, Бунин, Ахматова, Есенин), образы-символы, раскрывающие культурный код народа, красота звучащего слова и др. Произведения русской литературы XIX и XX века, рекомендованные для чтения в 5–8-х классах киргизской школы, создают образное представление о России, русской культуре, знакомят с новыми именами художников слова и их книгами.

Ассоциации, которые возникают у школьников, когда они слышат слово Россия, — это березка, снег, зима, деревянный дом (ученики не всегда могут назвать слово «изба») и, как ни удивительно, Россия — это Пушкин. В Кыргызстане учителя русской словесности сумели привить любовь к стихам А. С. Пушкина. «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Уж небо осенью дышало...», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Узник», «И. И. Пущину» часто звучат как на русском, так и на родном языках. Ч. Айтматов был убежден: «Кто полюбит Пушкина, — тот не может не полюбить русский язык» [1, с. 222].

В учебнике-хрестоматии «Литературное чтение» для 8-го класса киргизской школы пушкинская тема занимает особое место [4]. Памятник Пушкина в Москве работы А. М. Опекушина и строки из чернового варианта стихотворения поэта «Памятник» открывают учебник:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык —
И внук славян, и фин, и ныне полудикой
Тунгуз, киргизец и калмык.

Памятник А. С. Пушкину скульптора В. Шестопала, установленный в Бишкеке, и пушкинский бюст в Оше (фотографии памятников даны на вкладыше учебной хрестоматии) могут стать началом литературно-краеведческой работы школьников, а работа над стихами поэта в переводах С. Жусуева, У. Абдукимова и их сравнительный анализ — путь к творчеству.

Читая стихотворения А. С. Пушкина «Узник», послание «В Сибирь», посвящение «И. И. Пущину», отрывки из повести «Дубровский», мы вместе с учениками открываем новые грани творчества поэта и самое главное — размышляем о преданности и благородстве, о свободе и великом даре дружбы, которым обладал поэт. В Царскосельском лицее царил дух свободы и дружества. Эти качества пронес Пушкин через всю жизнь. Отрадно отметить, что ученики с интересом читают стихи Пушкина, заучивают их наизусть. «Души прекрасные порывы» вызывают отклик в сердцах учеников. На конкурсе чтецов, литературных вечерах часто звучит пушкинское слово.

Пушкинская тема ярко, по-новому раскроется и при чтении стихотворения А. А. Ахматовой «Смуглый отрок бродил по аллеям...» Стихотворение Анны Ахматовой посвящено юному лицеисту. В Царском Селе все дышит поэзией, хранит память о Пушкине. Строки «*И столетие мы лелеем / Еле слышимый шелест шагов*» передают наше благоговейное отношение к первому поэту России. Пробудить эмоциональное восприятие стихотворения учащимися, развивать их образное воображение помогают такие приемы, как визуализации образов стихотворения (показываем на слайдах виды Царскосельского парка), устное словесное рисование (Как вы представляете себе эту картину? — «*Смуглый отрок бродил по аллеям, у озерных грустил берегов*», *иглы сосен, треуголка, растрепанный том*), воображаемая прогулка по парку, персонификация героя (Какие чувства вы испытали на месте лирического героя?), выразительное чтение и др. [4, с.187].

Анна Андреевна Ахматова была не просто почитателем стихов поэта, она глубоко исследовала произведения А. С. Пушкина, делала биографические изыскания. «Он победил и время, и пространство», — так Ахматова определила значение поэта в истории и культуре народа. Не случайно мы говорим: «пушкинская эпоха, пушкинский Петербург» [1, с. 110], а еще — пушкинский язык. В статье «Пушкин и дети» дана высокая оценка творческого наследия Поэта: «Стихи Пушкина дарили детям русский язык в совершенном его великолепии, который они, может быть, никогда больше не услышат и на котором никогда не будут говорить, но который все равно будет при них как вечная драгоценность» [2, с.111]. Для киргизских школьников Пушкин открывает красоту русского языка.

Обращаясь к творческим биографиям М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. А. Бунина, М. И. Цветаевой, В. В. Маяковского, Н. М. Рубцова, мы вновь и вновь будем говорить о роли Пушкина в их жизни. «Мой Пушкин» — так назовет свою книгу Марина Цветаева. За любовь к стихотворчеству Александра Яшина с ранних лет называли «рыжим Пушкиным».

Многое зависит от учителя: увлеченность литературой, знание культуры русского и киргизского народов, создание мотивации, выбор эффективных приемов для чтения и размышления над текстом, учет интересов и потребностей учащихся. Хочется верить, что для современных школьников слова известного киргизского поэта, переводчика Т. Шамшиева о Пушкине «Он славным акыном зовется у нас», найдут отклик в их душе, наполнятся глубоким содержанием.

При чтении и осмыслении многих произведений ученики испытывают трудности различного характера. Прежде всего небольшой словарный запас восьмиклассников, знание исторических событий, так как история России дается в кратком обзоре как часть мировой истории. Чтобы понять стихотворение А. С. Пушкина «И. И. Пущину», восьмиклассникам нужно знать о лицейской дружбе, ссылке поэта, понять сложную лексику — «*судьбу благословил*», *утешенье*, «*святое провиденье*». Учитель должен так построить урок, продумать задания, организовать работу в малых группах, чтобы открыть благородство души поэта, верность дружбе и вовлечь учеников в размышление о собственном мировосприятии. Проведение урока на основе стратегии «Литературные кружки» дает возможность ученикам побыть в роли биографов, толкователей слов, литературоведов, связистов, глубоко раскрыть отдельные аспекты стихотворения, а затем

создать целостную картину восприятия всего текста. Такая работа требует усилий, но занимательна, увлекательна и приносит творческие плоды. Чтение стихотворения становится особенно проникновенным и выразительным.

Образная картина русского мира раскрывается через поэзию природы. Образ березки в русской поэзии многозначен: русская красавица, символ России, «*майское дерево*», вокруг которого совершались обряды, водили хороводы. Этот поэтический образ рожден в детском представлении не только по картинам художников (И. Левитан, А. Пластов и др.), фильмам, но и в большей степени, на мой взгляд, благодаря стихотворению С. А. Есенина «Береза» (7-й класс). Белая береза в снежном убранстве из серебра и золота легко входит в мир киргизских школьников и запоминается надолго.

Образ есенинской «Черемухи» (8-й класс) не является для киргизов составляющим звеном национальной картины мира, поэтому не пробуждает эмоций. Чтобы донести до ученика красоту образа, помочь ему увидеть картину, нужно вызвать у него ассоциации, близкие образам родной природы. Этнокультуроведческий комментарий, который, по определению Л. А. Шеймана, строится с учетом «сопряжения двух культур», становится связующим звеном [6, с. 144]. Такой подход позволит преодолеть сложности восприятия восьмиклассниками-киргизами произведений, найти общность картин, идей, обогатит их художественную картину мира.

Новые грани русской души, новые образы открывают школьники, читая «Стихи о Москве» М. И. Цветаевой. Марина Цветаева любила Москву, «*привольное семихолмие*» (по преданию Москва раскинулась на семи холмах), знала каждую улочку, часовенку, почитала «*сорок сороков церквей*», открывала, дарила свою Москву любимым:

Из рук моих — нерукотворный град

Прими, мой странный, мой прекрасный брат [4, с. 194].

Стихотворение «Красною кистью рябина зажглась...» знакомит учеников с родиной поэта, с Москвой, которую Марина Цветаева любила, считала своим Домом. Раздумья поэта о родине, о судьбе важны для подростков, обогатят их собственное мироощущение.

Рябина — это ключ к пониманию судьбы Марины Цветаевой и в то же время представляет новый лик русской земли. Если белоствольная березка олицетворяет нежность, застенчивость, красоту, то рябина — это буйство красок, огонь, удалое веселье и горечь. Красные кисти полыхают пожаром, но по вкусу ягоды горькие.

Мне и донныне хочется грызть

Жаркой рябины горькую кисть, —

признается Цветаева. Жар рябины и ее горечь не случайно соединились в одном ряду: «*гореть*» и «*горечь*» родственные по истокам слова (горькое — это то, что жжет язык, горит) [7, с. 68]. В цветаевской рябине воплощено многое: и пламя вдохновения, и горечь души, и образ родины.

Храмы, колокола, колокольный звон — тоже неотъемлемые черты образа России, часть духовной жизни русского человека. «Колокольчик однозвучный» звенит под дугой в стихах Пушкина («Зимняя дорога» — 6-й класс), позже, когда ученики прочтут «Капитанскую дочку» (9-й класс), колокольный звон будет набатом греметь над землей.

Звон колоколов мы услышим во многих стихах Цветаевой. «И любила же, любила же я первый звон», — признается «боярыня Марина». И будет он то, как «вольный сон», «золотой, серебряный звон», то, как «колокольный гром», царям неподвластный, гремучий прибор надо всей Москвой.

«Спорили сотни колоколов», когда родилась Цветаева. В этот день, перебивая друг друга, в честь почитаемого в народе ученика Христа Иоанна Богослова звонили колокола по всей Москве. Образ Москвы по-новому входит в мир представлений учеников-киргизов. Радуется, что сегодня выпускники школ цитируют цветаевские строки о Москве.

Работа над картиной М. Абакумова «Россия» (1991), на которой художник запечатлел красную рябину на фоне золотого куполов храма, создаст у учеников и зрительный образ цветаевской родины. «Золотое пламя церкви и золотое пламя свечи — это символы духовности», — подчеркивал Д. С. Лихачев [3, с. 124]. Сегодня, читая произведения великих писателей вместе с учениками, мы тоже приобщаемся к высоте человеческого духа, учимся быть людьми.

Алые паруса Грина, изображенные на обложке учебника-хрестоматии «Литературное чтение», являются символом светлой мечты, веры в то, что чудеса можно творить своими руками.

Я думаю, что влюбленность учителя в дело, которому он посвятил жизнь, особенно в наше сложное время, открытость и чуткость детских сердец ко всему доброму тоже может сотворить чудо, и мы вместе будем идти по пути согласия и взаимопонимания, читая Пушкина и Айтматова на уроках русской словесности в киргизской школе.

Литература:

1. Айтматов Ч. В соавторстве с землею и водою... Очерки, статьи, беседы, интервью. — Фрунзе: Кыргызстан, 1978. — С. 222.
2. Ахматова А. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Правда, 1990. — 432 с.
3. Лихачев Д. С. Раздумья о России. — СПб.: Logos, 1999. — 672 с.
4. Павловский А. Куст рябины. О поэзии Марины Цветаевой. — Л.: Сов. писатель, 1989. — 352 с.
5. Соронкулов Г.У., Ешенова Н. А. Литературное чтение: Учебник-хрестоматия для 8 кл. киргизской школы. — Бишкек: Билим-компьютер, 2008. — 320 с.
6. Шейман Л. А. Основы методики преподавания русской литературы в киргизской школе: Пособие для учителей. — Ч. II. — Фрунзе: Мектеп, 1982. — 216 с.
7. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. — М.: Высш. шк., 1990. — 303 с.

Eshenova N. A.
enina_lkm@mail.ru
Osh State University

Introducing students to the image of Russia in literary reading lessons in a school with Kyrgyz language of instruction

The article discusses the possibilities of using educational texts included in the program in literary reading lessons at a school with the Kyrgyz language of instruction to reveal the unique image of Russia. The names of the writers, significant historical events, images-symbols recreate the peculiarities of the culture of the Russian people. It is important to choose interactive techniques for working on the text, to create a favorable environment, with the help of an artistic word from heart to heart to conduct a dialogue of cultures.

Keywords: the image of Russia, the Pushkin theme, images-symbols, visualization, interactive techniques, enthusiasm.

Миф и литературный текст в диалоге культур

В статье рассматривается связь героев мифа и произведений современной российской писательницы Л. С. Петрушевской. Цель статьи — на примере анализа мифа о Деметре и повести «Время ночь» Л. С. Петрушевской показать возможности эстетической функции языка, с помощью которой осуществляется связь культурных эпох. В статье обосновывается своеобразие воплощения архетипа «страшной» матери, который, получая семантическое развертывание в современном тексте, актуализирует древний культурный пласт.

Ключевые слова: архаический миф, архетип, культурологический анализ, эстетическая функция языка.

Наличие у языка эстетической функции определено его природой, а именно способностью словом фиксировать и передавать прекрасное. Существование этой функции обусловлено нормами культуры, так как язык находится в единстве с культурой этноса как части большого мира. Язык аккумулирует совокупность мировоззренческих представлений, актуальных для определенной эпохи. Неудивительно, что через эстетическую функцию он отражает культурную парадигму. Общеизвестно, что «текст как объект лингвистического исследования, уже значительно обогативший нашу науку, именно в составе культуры приобретает свою полную окончательную определенность: только зная культуру, в которую включается данный текст, мы получаем возможность постигнуть его наиболее глубокие смысловые пласты» [4, с. 169].

Искусство направлено на познание мира, а литература как вид искусства ориентирована на постижение человека, что обуславливает ее человековедческую функцию. Анализируя современное художественное произведение, следует искать в нем ассоциативные связи, которые позволят увидеть уже известные образы, мотивы, сюжетные линии и тем самым разрушат его пространственно-временные рамки, инициируют поиск вечных ценностей и в конечном счете представят художественный текст как часть не только литературы, но и культуры в целом как некой целостности, вбирающей надличностный пласт — коллективное бессознательное человечества.

Таким образом, ценность художественного текста заключается в том, что он, разворачиваясь во времени, в свою эпоху *приглашает* предыдущие, образуя через слово культурный диалог, в котором невозможно сказать «последнее слово» (М. М. Бахтин).

В связи этим определяется следующая **цель** — показать возможности эстетической функции языка, осуществляющей связь времен на примере культурологического анализа мифа о Деметре и повести «Время ночь» Л. С. Петрушевской.

Образная система мифа предоставляет внимательному читателю модели человеческого поведения, так как именно мифология содержит их обобщенное описание.

Анализ архетипа Великой Матери, проведенный К. Г. Юнгом в его работах, дает возможность осознать содержание культа древних богинь-матерей. По мнению психиатра, «понятие «Великая Мать» <...> охватывает множество различных типов богини-матери» [10, с. 209]. Имея как положительное, так и негативное значение, этот архетип амбивалентен. В положительном аспекте с ним ассоциируются «материнская забота и сочувствие, <...>, мудрость и духовное совершенство, любой возвышенный порыв или полезный инстинкт — словом, все, что связано с добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию». Мать доминирует там, «где происходят магические превращения и воскрешение, а также в подземном мире. В негативном аспекте материнский архетип обычно представляет нечто тайное, темное: все, что поглощает, искушает и отравляет, то есть вселяющее ужас и неизбежное, как судьба». Репрезентируя *архетип Великой Матери* в науке, его содержание К. Г. Юнг описал как двойственное, обозначив формулой «страшная и любящая мать» [10, с. 216].

Древнейшей персонификацией материнского архетипа является Деметра. В таблице 1 представлена лексика, которая характеризует богиню как «любящую» и «страшную» мать (табл. 1).

Таблица 1

«СТРАШНАЯ» МАТЬ	«ЛЮБЯЩАЯ» МАТЬ
	Тяжкая скорбь об утрате единственной возлюбленной дочери овладела сердцем Деметры.
	Одетая в темные одежды, <...>, ничего не сознавая, ни о чем не думая, блуждала великая богиня Деметра по земле, проливая горькие слезы.
	Она всюду искала Персефону, всех просила о помощи (...).
...ее похитили у меня.	...если ты (Гелиос. — С.Ч.) имеешь хоть немного жалости к несчастной матери, то скажи мне, где моя дочь Персефона, (...), где мне искать ее! <...> Я всюду искала ее, но нигде не могу найти!
(Деметра узнала, что Персефона у Аида). Но ничего не видела, не слышала Деметра, погруженная в печаль по нежно любимой дочери.	
Печаль по нежно любимой дочери не покинула Деметру, не забыла она и гнева своего на Зевса.	
...но богиня не хотела вернуться на Олимп, прежде чем возвратит ей Аид ее дочь Персефону.	
	Забыв все от радости, Деметра бросилась навстречу своей дочери и заключила ее в свои объятия. Снова была с ней ее возлюбленная дочь Персефона. С ней вернулась Деметра на Олимп.
Тогда <...> Зевс решил, что две трети года будет жить с матерью Персефона, а на одну треть — возвращаться к мужу своему Аиду.	
Но <...> каждый раз Деметра погружается в печаль и снова облачается в темные одежды.	
Когда же возвращается к Деметре ее дочь, тогда великая богиня <...> сыплет свои дары людям <...> [3].	

Образ Деметры в полной мере иллюстрирует полюсы материнского архетипа. С одной стороны, любящая, Деметра тем не менее демонстрирует странный перекося в выражении своей любви, похожую больше на желание обладать, не отпускать, держать Персефону в нераздельной собственности в ущерб дочери, ее мужу, их семье, а в космическом плане — не видеть страданий земных людей, которых, так или иначе, задевает ее непомерная жажда полной власти над дочерью. Главное для Деметры — «обеспечить собственные материнские права, что выражается в стремлении показать свою власть, фанатически настаивая на своем. И они нередко преуспевают в этом <...> стремлении, уничтожая не только свою личность, но и личности собственных детей» [10, с. 222]. Деструктивная

сторона материнского архетипа, которую проявляет Деметра, будет отмечена позднее психиатрами как классическая: авторитарная сверхличность, мастер манипуляций, разрушительница. И это не просто индивидуальная схема материнского поведения, это реализация душевной сущности человека и человечества в целом, так как «социальный характер мифа неопровержим» [2, с. 106].

Мать является любящей, даря ребенку жизнь, заботу, безопасность и любовь. Сложно представить, что реальная женщина может реализовывать только положительные установки архетипа. Несомненно, что на его проявление будут накладываться и характер, и обстоятельства жизни, и желанность беременности и ребенка.

Древняя мифологическая модель отношений *мать — дочь*, преломляясь в художественном сознании Л. С. Петрушевской, получает новое воплощение. Еще в далеком 1991 году американская исследовательница женской прозы Елена Гоцило, говоря об особенностях повести «Время ночь», подчеркнула, что в ней Л. Петрушевская выступила новатором в описании типа «женщины-тирана» [1, с. 141]. Определенно нужно было иметь смелость, чтобы заявить в русской литературе такую тему, так как русский менталитет ориентирован на материнство: Россия у нас *матушка*, река Волга — *матушка*, а Родина — *мать*. В русской литературе также априори доминирует образ именно *любящей* матери.

Л. Петрушевская же часто представляет именно темные стороны материнских характеров: тиранию, токсичность, ненависть, абьюз, равнодушие.

В рассказе «Дочь Ксени» «...у проститутки-матери вырастает дочь-проститутка». Кто виноват? Но «...мать есть мать и свои *прегрешения прощает себе* (курсив наш. — С.Ч.)...» [7, с. 131]. А дочь принимает виденную с детства модель поведения.

В рассказе «Круги по воде» мать ломает волю дочки, желая, чтобы девочка реализовала мамину мечту танцевать в балете: «Галя подтвердила, что не будет танцевать новогодний концерт, и заплакала. «Хорошо, — сказала мать — ну ладно, тогда надо взять у врача справку об освобождении. <...> Галя возразила, что ей не нужна справка, ходить туда она больше не будет, а мать только вздохнула: «Опять вопрос, подумай обо мне!» Почему-то Галя подчинилась и <...> кончилось буйным отделением опять» [8, с. 56]. Л. С. Петрушевская показывает зло эмоционального насилия, которое всегда настолько тонкое и изощренное, что жертва даже не сразу его чувствует. Холодность, манипуляции, насильственное лечение у психиатра — малый список того, что проявляет мать в отношении Гали, единственного ребенка. Как пишет К. Г. Юнг, «женщины подобного типа на самом деле не способны на какие-либо реальные жертвы, хотя и продолжают «жить для других». Главное для них обеспечить собственные материнские права, что выражается в стремлении показать свою власть, фанатически настаивая на своем» [10, с. 222].

Основанные на художественном синтезе «быта и бытия» (А. Куралех), женские образы позволяют увидеть параллели между представленными художественными произведениями «и максимально отодвинутыми от них во времени воплощениями сходной семантики» [9, с. 195], которые, на наш взгляд, реализованы в одной из двух ипостасей архетипа Деметры — в «страшной» матери. По мнению М. Липовецкого, «...судьба, проживаемая каждым из героев Петрушевской, всегда четко отнесена к определенному архетипу» [5, с. 230].

Самым известным образом «страшной» матери является Анна Андриановна, героиня нашумевшей в свое время повести «Время ночь» (1991).

Как и Деметра, Анна Андриановна безумно любила свою дочь: «Я считаю, что самое главное в жизни — это любовь. <...>, я же безумно ее любила! (...) Бесконечно» [6, с. 315]. Как и Деметра, Анна Андриановна считала девочку своей собственностью: «Я умилялась ее кудряшками (куда что девалось), ее огромными, ясными, светленькими, как незабудки, глазками, которые излучали добро, невинность, ласку — *все для меня* (курсив наш. — С.Ч.)...» [6, с. 347]. Неожиданное проявление токсичности («куда что девалось») и властности («...все для меня») заставляет предположить в Анне Андриановне «страшную» мать. Она гордится сходством своего имени с именем А. А. Ахматовой, которая, как известно, была плохой матерью.

Но Анна Андриановна сочла себя брошенной сначала из-за появившейся у дочери Алены подруги Ленки: «Все потом было тьфу, все отобрано и брошено к первым попавшимся ногам этой Ленки» [6, с. 347]. Так и Деметра чувствует себя несчастной, зная при этом, что дочь стала женой и царицей. Анна Андриановна не принимает первой любви дочери, ее последующего замужества, материнства.

Так и Деметра впадает в ярость, узнав, что Персефона съела гранатовые зерна в подземном царстве. Чтобы смирить гнев Деметры, даже верховный бог Зевс вынужден идти ей на уступки.

Нежелание обеих матерей — и Деметры, и Анны Андриановны — отпустить дочерей, понять, что им суждено в жизни пройти свой путь, стремление обладать ими, подчинив себе, обуславливают начало конфликта. В мифе Зевс вынужден отдать Аиду только одну треть года, а в повести дочка героини Алена с тремя детьми уходит из дома. Деметра получает желаемое, мешая сепарации дочери; Анна Андриановна кончает жизнь самоубийством. «Без детей, <...>, женщина уже не мыслит своего существования. Она напоминает Деметру, которая своей упрямой настойчивостью заставляет богов дать право обладания дочерью» [10, с. 222].

Показав таких героинь, с помощью архетипических аллюзий Л. С. Петрушевская обозначила присутствие вечного с целью напомнить, может быть, о том, что главное назначение матери — дарить любовь.

Итак, анализ образов мифа и повести через возможности эстетической функции языка позволил показать ориентированность повести Л. С. Петрушевской на архаические формы мышления с вытекающими из этого особенностями создаваемой ею модели мира. Благодаря культурологическому подходу можно увидеть современное произведение в переплетении сложных ассоциативных связей духовных традиций разных литературных эпох, что формирует понимание феномена литературы как части единого культурного процесса.

Литература:

1. Гоцило Е. Перестройка или «домостройка»? Становление женской культуры в условиях гласности [Страдающий мир Л. Петрушевской] // *Общественные науки и современность*. — 1991. — № 4. — С. 134–145.
2. Кассирер Э. Миф и религия / Э. Кассирер // *Философские науки*. — М., 1991. — № 7. — С. 97–134.
3. Мифы Древней Греции. Деметра и Персефона. — Электронный ресурс: <http://www.planetaskazok.ru/greekmyth/demetraipersefonagreekmyth>
4. Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // *Человек — Текст — Культура* / Под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург, 1994. — 235 с. — С. 160–169.
5. Липовецкий М. Н. Трагедия и мало ли что еще // *Новый мир*. — М., 1994. — № 10. — С. 229–232.
6. Петрушевская Л. С. *Время ночь. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. Проза* / Л. С. Петрушевская. — Харьков: Фолио: М.: ТКО АСТ, 1996. — 398 с.
7. Петрушевская Л. С. *Дочь Ксени. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. Проза* / Л. С. Петрушевская. — Харьков: Фолио: М.: ТКО АСТ, 1996. — 398 с.
8. Петрушевская Л. С. *Круги по воде // Черная бабочка: [рассказы, диалоги, пьеса, сказки]* / Л. С. Петрушевская. — СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2008. — 299 с.
9. Смирнов И. П. Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста // *Миф. Фольклор. Литература*. — Л.: Наука, 1978. — С. 186–203.
10. Юнг К. Г. *Душа и миф. Шесть архетипов*. — М., 2005. — 400 с.

Cherkashina S. P.
Gzheh State University

Myth and literary text in the dialogue of cultures

The article examines the connection between the heroes of the myth and the works of the modern Russian writer L. S. Petrushevskaya. The purpose of the article is based on the example of the analysis of the myth of Demeter and the story “Time for Night” by L. S. Petrushevskaya to show the possibilities of the aesthetic function of language, with the help of which the connection of cultural epochs is carried out. The article substantiates the originality of the embodiment of the terrible mother archetype, which, receiving semantic deployment in a modern text, actualizes the ancient cultural layer.

Keywords: archaic myth, archetype, contemporary artwork, aesthetic function of language.

История становления понятия «языковая картина мира»

В статье рассматривается понятие языковой картины мира, приводится история становления термина «языковая картина мира», анализируются точки зрения на языковую картину мира различных ученых, говорится о необходимости различения непосредственной и опосредованной картин мира.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, наивная картина мира, концепт, концептуализация.

Научный интерес к проблеме соотношения языка, мышления и культуры неразрывно связан с выявлением релевантных признаков таких понятий, как «картина мира» и «языковая картина мира». Еще В. фон Гумбольдт отмечал, что «всякое изучение национального своеобразия, не использующее язык как вспомогательное средство, было бы напрасным, поскольку только в языке запечатлен весь национальный характер» [1, с. 32].

Термин «картина мира» был введен в научный обиход в начале XVII века философами. В настоящее время это понятие активно используется представителями разных наук, а именно: психологии, культурологии, гносеологии, когнитологии, лингвистики и т. д. Это во многом обусловлено универсальностью этого термина, возможностью его активного употребления при описании процессов концептуализации и категоризации в различных областях научного знания. Тем не менее, по словам О. А. Корнилова, «термин по-прежнему остается метафорой, не всегда получает достаточно четкое и однозначное толкование даже в среде специалистов одного профиля» [5, с. 240]. Именно многоплановость понятия «картина мира» обусловила многочисленные различия в детальных трактовках этого терминологического сочетания. Так, Г. В. Колшанский в своей работе «Объективная картина мира в познании и языке» определяет картину мира как идеальное представление о взаимосвязи предметов и процессов, объективно существующих в мире понятий. Картина мира, по его мнению, реализуется индивидуальным и общественным сознанием и соотносится с совокупностью знаний человека в определенный период [4, с. 18]. С точки зрения В. А. Масловой, картина мира — это «результат переработки информации о среде и человеке. Она может быть представлена с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. На ее формирование влияет язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы» [6, с. 58].

В современной лингвистике под картиной мира понимается целостный образ мира, являющийся результатом всей духовной жизни человека, в формировании которой принимают участие все стороны его психической деятельности. Это особый вид мироощущения, образное, чувственное представление о явлениях природы и общественной жизни. Именно в ней закреплена самая древняя форма общественного сознания. Следует отметить, что функции картины мира обусловлены природой мировосприятия, во многом потому, что сама картина мира является его составляющей. Картина мира — это процесс и результат восприятия действительности, а значит, она выполняет интерпретационную функцию. Картина мира регулирует жизнь человека, способствует, тому, что человек яснее представляет, осознает свое место в жизни, и таким образом, картина мира выполняет регулятивную функцию.

Вопрос о картине мира и по сей день в науке остается открытым, многое является неопределенным. Ученые предлагают как различные интерпретации, определения картины мира, так и всевозможные классификации «миров». Языковая форма существования картины мира позволяет выделить ее особую разновидность — языковую картину мира.

Положение о том, что язык — это не только средство общения, но и необходимое условие осуществления процесса мышления было сформулировано в трудах крупнейшего лингвиста —

теоретика XIX века Вильгельма фон Гумбольдта. Он писал, что представления человека о мире зависят от того языка, которым он пользуется. У каждого языка есть своя внутренняя форма; языки отличаются друг от друга не только звуковыми, материальными оболочками смыслов, но и самим способом восприятия мира [6, с. 9]. Исходя из его идей, весь национальный язык можно понимать как целостную языковую картину мира. В 30-х гг. XX века идея В. фон Гумбольдта получила свое дальнейшее распространение в гипотезе лингвистической относительности Сепира — Уорфа. В своей статье «Статус лингвистики как науки» Э. Сепир дал первую формулировку названной гипотезы: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир так, а не иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками общества» [4, с. 117].

В русской лингвистике идеи В. фон Гумбольдта нашли свое отражение в труде русского ученого А. А. Потебни «Мысль и язык», посвященной проблемам взаимоотношения человеческого мышления и языка. Л. В. Щерба писал о зависимости реальности от языка: «Каждый язык представляет нам мир внешний, воспринимаемый мир в своем особом виде... В каждом языке мир представлен по-разному, понимается по-разному. Мы смешиваем вещи и слова — вещи воспринимаем так, как они даны в словах... Язык — наш благодетель, но он и наш враг, потому что он ведет нас к неправильным понятиям» [7, с. 53–54]. Чепелова Т. П. в своей статье «История возникновения понятия языковая картина мира» пишет о том, что язык играет активную роль в процессе концептуализации действительности, следовательно, языковая картина мира вербализирует концептуальную картину мира, то есть к миру, окружающему человека. В связи с тем, что посредством единиц естественного языка выражается наивное видение мира, часто исследователи определяют языковую картину мира как наивную картину мира, так как она отображает бытийное представление о мире.

Большой вклад в развитие современных представлений о языковой картине мира внес академик Ю. Д. Апресян. Он отмечает, что работа ведется в двух направлениях: 1. Исследуются отдельные концепты, характерные для данного языка. Например, типично русские концепты, душа, судьба, тоска и др. 2. Ведется поиск и реконструкция присущего языку цельного донаучного взгляда на мир. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Далее автор констатирует: 1. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка... 2. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. 3. С другой стороны, он «наивен» в том смысле, что во многих существующих деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научны. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека... [1, с. 38–39].

Языковая картина мира — это системное целостное отображение действительности с помощью различных языковых средств. Язык играет непосредственную роль в функционировании и развитии языковой картины мира. Сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через средство специальной лексики, входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. Существуют исследования славянской языковой картины мира (В. Н. Торопов, Вяч. Вас. Иванов), отражение языковой картины мира в русском словообразовании (Е. А. Земская), своеобразие языка в зеркале метафоры (Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия), исследования А. Вежбицкой, В. Г. Гака, Е. С. Яковлевой и др. Под руководством Ю. Д. Апресяна создан «Новый словарь русского языка», в котором каждая словарная статья представляет описание части языковой картины мира. Особое направление в изучении языковой картины мира — это восстановление ее фрагментов в мертвом языке ли праязыке (труды Э. Бенвениста, О. Н. Трубачева, Вяч. Вас. Иванова). Проблема изучения языковой картины мира продолжает оставаться актуальной и в настоящее время.

Литература:

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 37–67.
2. Гумбольдт В. фон. О различении строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. — М., 1984. — С. 32–297. — [Электронный ресурс] philologos.narod.ru/classics/gumboldt.htm (Дата обращения: 01.11.2021).
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — М., 2003. — 349 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М., 2001. — 208 с.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 1993. — 656 с.
6. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира в семантике / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 224 с.
7. Чепелова Т. П. История возникновения понятия «языковая картина мира», его развитие [Электронный ресурс] // Молодой ученый. — 2009. — № 5 (5). — С. 119–122. — URL: moluch.ru/archive/5/382/ (дата обращения: 05.11.2021).
8. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М.: Аспект Пресс, 2007. — 259 с.

Jabborova M. Y.

Parvizchik0905@yandex.com

BSU

The history of the formation of the concept “linguistic picture of the world”

The article examines the concept of a linguistic picture of the world, provides the history of the formation of the term «linguistic picture of the world», analyzes the points of view on the linguistic picture of the world of various scientists, talks about the need to distinguish between direct and indirect pictures of the world.

Keywords: picture of the world, linguistic picture of the world, naive picture of the world, concept, conceptualization.

Языковая личность современного рок-поэта в текстах социально-политической проблематики

В статье рассматривается языковая личность рок-поэта, представленная в текстах современной рок-музыки. В качестве материала исследования используются тексты рок-песен последних лет. Отмечается, что в текстах песен активно употребляются метафоры, отражающие негативное отношение к социально-политической ситуации в стране. Показано, что в современной рок-поэзии представлены разные мотивационные ориентиры. Для нее характерны злободневность и критическое отношение к действительности.

Ключевые слова: поэзия, рок-лирика, социальные проблемы, политические проблемы, контркультура.

Литературный процесс всегда откликается и реагирует на болевые точки — события, происходящие в ту или иную эпоху. Современная литература существует в том числе и в форме рок-поэзии.

Учителями для поэтов русского рока стали поэты золотого и серебряного веков русской литературы. И. А. Буйнов утверждает, что «рок-поэзия является продолжательницей традиций русской литературы XIX — начала XX века» [2, с. 11]. В поэтических текстах Пушкина, Некрасова, Грибоедова, поэтов XX века были заложены традиции гражданской лирики, основы языка протеста. Великие поэты остро реагировали на то, что происходило в современном им обществе, видели проблемы и пытались найти свое место и определить роль в решении этих проблем.

Социально-политическая тематика современных рок-песен позволяет назвать их гражданской лирикой. Лирический герой песен призывает народ объединиться и обратить внимание на проблемы страны, на отношения правительства и народа, пропаганду и свободу слова.

Исследователи рока отмечают, что рок-музыка в России всегда так или иначе касалась политических проблем. О. В. Григорьева отмечает, что «драматургия борьбы рока во многом базируется на рефлексии социальных язв, тотальной отрицании существующего мироустройства» [3, с. 132]. Е. Э. Никитина в работе о репутации рок-музыкантов пишет, что «речь идет не только о песнях протестных или отражающих точку зрения музыканта на различные современные ему события, но и об участии рок-музыкантов в различных политических акциях, высказываниях по поводу ситуации в России и в других странах, об участии в предвыборных кампаниях политиков и т. д.» [5, с. 134].

Текстовый исследовательский подход к определению языковой личности был разработан Г. И. Богиним [1]. Этот подход сосредотачивается на выявлении того, как языковая личность выражена в тексте, и используется, если поставлена цель описать «собирательную» языковую личность или языковую личность автора определенного типа текста. Также возможно использовать социологический подход, который концентрируется на описании языковых личностей различных общественных групп.

Русский рок всегда был тесно связан с социальными условиями. М. Н. Крылова называет среди черт языковой личности современного рок-поэта равнодушие; стремление всколыхнуть слушателя, изменить его ментальный и эмоциональный мир; активную гражданскую позицию; желание реализовать свой литературный талант неформально, посредством основания рок-коллективов и создания рок-композиций [4].

Анализ языка рок-поэзии позволяет осознать личность русского рок-поэта, определить место феномена рок-поэзии в современной русской поэзии. Исследование текстового материала показывает, что чаще всего в текстах песен, написанных в последнее пятилетие, отражаются темы отсутствия гражданских свобод, лжи в СМИ при освещении ряда событий, противоречия между словами и действиями власти. Рассмотрим, как отражение этих тем влияет на языковую личность рок-поэта.

Была сделана выборка рок-песен социально-политической направленности следующих музыкальных групп: «ДДТ», «Аквариум», «Порнофильмы», «ШАРЫ», «Сплин», LUMEN, «Тараканы!». Мотивационными ориентирами рок-поэтов в песнях периода последних пяти лет (и ранее, но взяты песни только указанных лет) выступают «свобода» (и ее ограничение), «родина», «народ», «власть», «тюрьма» и «неволя».

В семантическое поле «родина» входят следующие лексемы и словосочетания: «глухие болота», «нерушимый», «наши края» («Передайте это Гарри Поттеру, если вдруг его встретите»); «серые дворы» («Рожай детей, стреляй в людей»); «храм тоски и грусти» («Россия для грустных») и т. п.

Рок-поэт ощущает абсурдность бытия в современной России. Это нагнетается языковыми средствами, описанием того, «как на шею давит ошейник» и подтверждается описываемыми лирическим героем ситуациями. Возникают метафоричные образы глухих болот, пустых трибун, вымершего пространства, черного мира: «Какой же черный нам выпал век» («Это пройдет»). Жизнь граждан нестабильна и сравнивается с качелями: «Жизнь, как качели — то вира, то майна» («Передайте это Гарри Поттеру, если вдруг его встретите»).

Семантические поля «свобода», «тюрьма» и «неволя» тесно связаны и представлены такой лексикой: «скоро нас всех поведут на плаху», «на шею давит ошейник», «мы тут ходим краем», «пришили ему статью», «то в крестах, то в бутылке» («Передайте это Гарри Поттеру, если вдруг его встретите»); «самое время для виселиц и гильотин» («Беги, моя жизнь»); «закрути нам гайки», «ну что же, тетя, вы нам пришьете» («Дядя Володя»); «под звуки ударов кнута» («Рожай детей, стреляй в людей»); «душой в тюрьме» («Россия для грустных»); «моя Россия сидит в тюрьме» («Это пройдет»). Метафора тюрьмы показывает разлом общества на надзирателей, представителей системы, и заключенных, тех, кто вынужден повиноваться законам тюрьмы.

Концепт «народ» в сознании рок-поэта реализован в образе массы, которая не способна что-либо изменить: это «сплошные маглы», это люди, которых «всех поведут на плаху» («Передайте это Гарри Поттеру, если вдруг его встретите»), они «на персональный комфорт променяли эти мечты» («Дело молодых»); «толерантное болото без краев и без дна» («Не сейчас»); народ должен подчиняться правилам поведения, продиктованным сверху: «Правильно думай, правильно чувствуй, сердцем в могиле, душой в тюрьме» («Россия для грустных»); жизнь конкретного человека обычно предопределена: «Живи в долг, умри в кайф, верь газетам, корми страх» («Рожай детей, стреляй в людей»); «У народа душа, а за ней ни гроша, но зато мы утерли всем нос!» («Вечерний М»), «громогласное молчание народных масс», «хохочущие зрители, в ладоши громко хлопая, за смехом робко спрятали свой искренний испуг» («Весна»).

Лирический герой призывает протестовать против такого порядка вещей, поскольку главная ценность для личности современного рок-музыканта — это свобода. Многие тексты указывают на отсутствие этой ключевой, базовой ценности в современном российском обществе. Акцент делается на бесправном, подчиненном положении гражданина. Граждане страны — это винтики, обезличенная народная масса. Этот режим существует не только благодаря условиям, которое создало правительство, но в силу безволяности людей, боящихся перемен.

В семантическое поле «свобода» входят следующие единицы: «самое время на всех уроках ждать перемен» («Беги, моя жизнь»), «Назло своим собственным страхам мы станем сильнее, чем вчера» («Рожай детей, стреляй в людей»); «А мне мерещится вдалеке живой надежды забытый свет», «в твою ледяную избушку ворвется весна» («Это пройдет»); «Выйди из системы! Прочь из-под контроля!», «Мы захлебнемся высотой твоей отчаянной любви», «Выйти из запоя пошлости и бреда» («На краю»). Часто тексты содержат лексику с тематикой «война» или «революция».

Регулярна в текстах рок-поэтов оппозиция МЫ/ОНИ: при помощи которой авторы показывают, что лирический герой и слушатели находятся в ситуации угнетения обладающими властью «ИМИ». Эти «ОНИ» окружают мирное население, крадут ресурсы страны, загрязняют мир, проламывают голову тому, кто посмел сказать правду. Местоимение «моя» в отношении к слову Россия как бы разделяет Россию на «нашу» (народную) и «их» (принадлежащую власти).

Концепт «власть» отражен следующими образами: «псарня у трона на кладбище света», «мертвый человек», кулак «из черных мерседесов», «калаш да корона» («Мертвый человек»); тот, «чье имя мы даже не называем, хотя это Вол Де Морт», «эти хари» («Передайте это Гарри Поттеру,

если вдруг его встретите»); «омоновец, храбро калечащий женщин», «вчерашний диктатор» («Это пройдет»); «эти твари», сидящие «в серых кабинетах» («На краю») и т. п.

Как мы видим, во многих текстах песен противопоставляются базовые лексемы «свобода» и «тюрьма». Оценка событий, происходящих в стране, выражается с помощью использования лексики с отрицательной семантикой. Рок-поэты используют в текстах разные стилистические средства, создающие определенный эмоциональный фон, но важнейшими из них, по нашему мнению, являются симфора, а также бытовые метафоры, позволяющие создать яркие образы.

Каждая из упомянутых в тексте статьи песен призывает слушателя обратить внимание на проблемы нашего общества и начать действовать. Современный рок-поэт пытается вдохновить слушателя и заставить его задуматься о смысле и причинах происходящих событий, как это ранее делал поэт-гражданин XIX или XX века.

Безусловно, рассматриваемая нами тема гораздо шире и не может быть ограничена только этой подборкой песен. В репертуаре большинства современных рок- (да и рэп-) исполнителей поднимается социально-политическая проблематика. Важно, что в этих текстах живет свобода слова, которая позволяет автору высказывать то, что задевает слушателя за живое, в них часто встречается сатира и пародия. Во многих текстах высказывается утверждение, что народу нужно объединиться и вместе решить проблемы государства и общества.

Итак, языковой личности современного рок-поэта характерны критическое отношение к действительности и злободневность. Рок-поэт утверждает, что человек/гражданин должен осознавать свою причастность к происходящим в его стране политическим событиям, быть готовым защитить себя и свой народ от произвола и беззакония.

Литература:

1. Богин Г. И. Концепция языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. — М., 1982. — 295 с.
2. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. — Л., 1984. — 312 с.
3. Григорьева О. В. Метафорическое представление социальных проблем в контркультурной рок-лирике США и СССР // Политическая лингвистика. — 2008. — № 26. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-predstavlenie-sotsialnyh-problem-v-kontrkulturnoy-rok-lirike-ssha-i-sssr>
4. Крылова М. Н. Рок-поэзия как современная форма существования поэзии: стилистические особенности текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — 2016. — № 16. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rok-poeziya-kak-sovremennaya-forma-suschestvovaniya-poezii-stilisticheskie-osobennosti-teksta>
5. Никитина Е. Э. «Революции портят репутации»: влияние политики на репутации рок-музыкантов // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — 2019. — № 19. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsii-portyat-reputatsii-vliyanie-politiki-na-reputatsii-rok-muzykantov>
6. Свиридов С. В. Все ушли — остались двое: о русской рок-поэзии 2000-х годов // Русская рок-поэзия: текст и контекст. — 2019. — № 19. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vse-ushli-ostalis-dvoe-o-russkoy-rok-poezii-2000-h-godov>
7. Чебыкина Е. Е. Русская рок-поэзия: прагматический, концептуальный и формо-содержательный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

Ovsyukova O. A.
suturina@list.ru
 School № 69, Irkutsk

The linguistic personality of a modern rock poet in the texts of socio-political issues

The article examines the linguistic personality of a rock poet, represented in the texts of modern rock music. The texts of rock songs of recent years are used as the research material. It is noted that metaphors reflecting a negative attitude to the socio-political situation in the country are actively used in the lyrics of the songs. It is shown that different motivational guidelines are presented in modern rock poetry. It is characterized by topicality and a critical attitude to reality.

Keywords: poetry, rock lyrics, social problems, political problems, counterculture.

Этикетные формулы реализации концепта «извинение» в русской лингвокультуре

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу русских этикетных формул извинения. Этикет является одним из важнейших параметров человеческой цивилизации и представляет из себя сложную поликодовую систему, все компоненты которой являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Знание формул речевого этикета является одной из составляющих успешной коммуникации. Автор анализирует черты сходства речевых актов извинения в русском языке.

Ключевые слова: лингвокультурология, речевой этикет, извинение, анализ.

Извинения — это важный феномен человеческого языка и важное проявление человеческой цивилизации. С точки зрения лингвистики, извинительные речевые акты являются частью вербального общения. Как своего рода компенсационный речевой акт в процессе общения, речевой акт извинения является также социальным актом, отражающим личное вежливое культивирование, и его основной функцией является восполнение правонарушения с целью восстановления гармонии между двумя сторонами в общении.

В нормальном общении люди очень часто используют речевой акт извинения не только как аспект вербального общения, но и как ключ к принципам лингвистической вежливости. Конечно, можно использовать не только словесные действия для извинений, но и невербальные действия, например, использование некоторых жестов, выражений или взглядов. Но вербальное поведение — это то, что люди больше всего используют в повседневном социальном общении. Таким образом, лингвисты также определяют апологетические речевые акты с разных точек зрения. Разные ученые рассматривают извинение как «деятельность, направленную на улучшение, исправление, функция которой состоит в изменении значения, которое иначе могло бы влиять и выражать действие. Цель такой деятельности заключается в превращении того, что могло бы рассматриваться агрессивно, в то, что может быть признано» [9, с. 156]. Д. Б. Гудков называет межкультурную коммуникацию «взаимодействием говорящих сознаний» [1, с. 10]. В процессе коммуникации когнитивные миры собеседников пересекаются и воздействуют друг на друга.

На наш взгляд, извинение является одной из ядерных структур категории вежливости и имеет концептуальную природу. По словам З. Д. Поповой, «ядро концепта — это первичные, наиболее наглядные образы, периферией же являются более абстрактные понятия» [6, с. 21]. Например, ядром концепта извинение является формула *Извините, пожалуйста, а Разрешите принести извинения* — это периферия. В основе любой категории лежат те слова, которые чаще всего описывают это понятие и наиболее полно характеризуют его в сознании носителей языка. Для концепции ядро является в высшей степени семантическим и универсальным, в то время как периферия является культурно-специфичной.

Как считает Т. В. Ларина, вежливость является центральной коммуникативной категорией, выступающей регулятором поведения людей. Стратегии вежливости направлены на достижение гармоничного, бесконфликтного общения. Являясь универсальной категорией, вежливость имеет свою национально-культурную специфику, которая проявляется не только в особенностях этикетных формул и их употреблении, но в первую очередь в наличии национально-специфических стратегий [3, с. 424].

Средства выражения вербального акта извинения делятся на две категории: эксплицитные и имплицитные. Эксплицитные извинения являются основным средством выражения извинений, в то время как имплицитные извинения являются вторичными средствами, и в большинстве случаев в коммуникации используется комбинация как эксплицитных, так и имплицитных средств.

В речевых выступлениях обсуждается взаимосвязь между словами и действиями, высказываниями и делами. Акт извинения — это акт, в котором оратор, произнеся слово или фразу, содер-

жащую апологетический смысл, намеревается облегчить связь с объектом своего оскорбительного действия, чтобы это действие было понято. Эксплицитные извинительные обороты, в которых говорящий выражает извинения адресату — обиженному человеку — с помощью слов, которые конкретно указывают на извинения. Например:

Костя: Извините ради бога.

Надя: Извините, пожалуйста. («Ирония судьбы II»)

Речевые акты извинения имеют имплицитные средства выражения, помимо эксплицитных средств выражения, которые также очень часто встречаются в речевых актах различных национальностей. Например:

Вы меня простите, а? Я даже не знаю, как меня дернуло привязаться к вам с этим рублем. («Вокзал для двоих»)

Следует отметить, что с семантической точки зрения два слова имеют одинаковое значение и существенной разницы нет, но они несколько отличаются по функции. А. Д. Шмелев считает, что извини (-те) означает «Г ожидает понимания от А» [7, с. 86], т. е. спикер ожидает, что адресат поймет, рассчитывает быть довольным. Прости (-те) означает «Г ожидает великодушия от А» [Там же], т. е. спикер ожидает прощения от адресата, хотя оправдания этому нет, но все же хочет, чтобы адресат простил его, и хотя у него нет оправдания, он все же просит адресата не сердиться и не упрекать. Извинения в форме прости (-те) могут относиться как к крупному, так и к второстепенному нарушению норм этикета.

Стратегии извинений можно далее разделить на стратегии прямых и косвенных извинений. Прямые извинения обычно используются, когда нарушение этикетных норм незначительное, в то время как комбинация прямых и косвенных извинений используется, когда проступок более серьезный. К. А. Долинин предложил следующее определение: «То, что прямо не сказано, но подразумевается, составляет так называемое имплицитное содержание высказывания.» [2, с. 19–20] Имплицитные высказывания в точности воплощают смысл косвенных речевых действий, т. е. то, что оратор выражает, имеет как прямое лексическое значение, так и выходит за рамки этого значения, и это главное значение, которое оратор пытается донести до собеседника.

Например, Докладчик объясняет адресату причины, по которым он причинил вред или ущерб другому человеку, и дает объяснение того, что произошло. Объяснение заключается не в том, чтобы оправдываться и скрывать свои недостатки, а в том, чтобы прояснить другому человеку объективные причины, показать свое отношение и искать прощения. Стратегия объяснения уменьшает потерю лица говорящего и, соответственно, повышает его положение:

Озвереешь за целый день. Тебе хамят, ты хамишь. Тебе надоплачивают, ты обсчитываешь. («Вокзал для двоих»)

К имплицитным средствам выражения мнений относятся не только имплицитные высказывания, но и жесты тела и акты искупления.

Жестовый язык — самостоятельный язык, состоящий из жестов, каждый из которых производится руками в сочетании с мимикой, формой или движением рта и губ, а также в сочетании с положением корпуса тела. Жестовые языки, как вспомогательное средство извинения, можно использовать вместе с речью или использовать отдельно. Они могут сделать речевое выражение более ярким и ярким, усилить языковой импульс и углубить содержание выражения. По разным частям тела жестовый язык можно разделить на пять типов: руки, лицо, голова, плечи и ноги. В конкретном контексте извинения различные жестовые выражения могут улучшить настроение говорящего при извинении, в том числе: надавливание на грудь руками, удары по груди; опускание век, извиняющиеся глаза, прикусывание нижней губы; кивание, поклон, низкий поклон; пожимание плечами; вставание на колени и т. д. Например:

В фильме «Служебный роман», Людмила поняла, что Анатолий подошел к ней с повесткой дня, и когда она спросила Анатолия об этом, Анатолий хмурился, глаза опустились. Он никогда не говорит и не выражает своего мнения, но своими действиями и внешностью, такой как брови, глаза и выражение лица, проявляет чувство вины и сожаления. Благодаря этим действиям, коммуникация становится более графичной, а главный герой — более ярко изображенным.

Компенсационное поведение означает, что говорящий не использует явные языковые средства, а заменяет язык поведением, чтобы компенсировать потерю получателя. Коммуникативными сто-

ронами, составляющими поведение, обычно являются знакомые и друзья. Оскорбительное поведение обычно невелико и хорошо известно обеим сторонам. Поведение компенсации многогранно. Можно предпринять определенные действия, чтобы компенсировать проступок. Например:

Если пары ссорятся друг с другом из-за меньшего количества работы, вы можете выполнять больше работы по дому. Выступающие также могут компенсировать обиды и смягчать конфликты, отправляя «небольшие подарки», например, когда друзья ссорятся или недоразумения коллеги, одна сторона дарит другой цветы, шоколадные конфеты, галстуки, бритвы и т. д. Приведение в порядок не потеряет лицо говорящего, но также может показать искренние извинения говорящего, которые также легко принять получателю.

Как языковой феномен извинения изучаются со многих сторон. В человеческой коммуникации извинения обладают одинаковыми прагматическими функциями, то есть это корректирующее действие, функция которого состоит в том, чтобы изменить значение, которое могло бы быть приписано некоторому поступку. Извинения произносятся с целью превратить нечто, что можно принять за агрессию, в нечто, чему можно подобрать приемлемое истолкование. Сегодня в современном культурном обществе извинения играют особенно важную роль в речевом акте для достижения взаимопонимания собеседников и успешного общения.

Литература:

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
2. Долинин К. А. Стилистика французского языка. — Л., 1978. — 343 с.
3. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 507 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Издательский центр «Академия», 2009. — 203 с.
5. Остин Дж. Слово как действие. Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 17. — М., 1986.
6. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж, 2001. — 21 с.
7. Ратмайр Ренате. Прагматика извинения. — М.: Языки славянской культуры, 2003.
8. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. — М: Высшая школа, 1989.
9. Goffman E. Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior. — N. Y.: Double day, 1967.
10. Leech G. N. Principles of pragmatics. — L.; — N. Y.: Longman, 1983.

Ma T. T.

caihongxianzi2008@qq.com

Moscow Pedagogical State University

Etiquette formulas realization of the concept “apology” in Russian linguoculture

The article is devoted to the linguocultural analysis of the Russian etiquette formulas of apology. The etiquette is one of the most important parameters of the human civilization and represents a complex multicode system, all components of which are interconnected and interdependent. Knowledge of the formulas of speech etiquette is one of the components of successful communication. The author analyzes the features of similarity of speech acts of apology in the Russian language.

Keywords: linguoculturology, speech etiquette, apology, analysis.

В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка (Н. В. Гоголь)

Статья рассказывает о том, что язык народа связан с его культурой. Огромен вклад классической русской литературы в мировую художественную. А. С. Пушкин — основоположник нового русского литературного языка и родоначальник национальной русской литературы. В языке Пушкина вся предшествующая русская речевая культура достигла своего высшего расцвета. Приводятся примеры из произведений А. С. Пушкина: «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Деревня», «Вновь я посетил», «На холмах Грузии», «К Чаадаеву», «Пророк». В заключение говорится о роли учителя в привитии культуры и русского языка.

Ключевые слова: культура, русский язык, литература, Пушкин.

Язык любого народа непосредственно связан с его культурой. Проблему связи языка и культуры изучают лингвисты, культурологи, отмечая общие тенденции в развитии языка и культуры в разные эпохи, у разных народов.

Культура — это и компетентность в работе, и разумная терпимость к мнению других, и противоположность любому экстремизму, и желание узнать быт, нравы, язык другого народа.

В мире насчитывается более двух с половиной тысяч языков. Русский — в числе самых распространенных, это один из шести официальных языков ООН. Мировое значение русского языка обусловлено богатством и выразительностью его лексики, звукового строя, словообразования, синтаксиса.

Непревзойденный авторитет русского языка прежде всего объясняется выдающимся вкладом классической русской литературы в мировую художественную культуру.

В чем особенности русского языка в сравнении с другими языками мира? Я предлагаю обратиться к лирическому отступлению о метком русском слове поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

«...Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами рассыпано на святой, благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли. И всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров Бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово...» [1, с. 132–133].

Н. В. Гоголь считает, что главные отличительные черты характера каждого народа проявляются в слове и через слово — это великий божественный дар. В последнем предложении этого фрагмента утверждается исключительность русского слова среди других великих языков. Исключительность — в непосредственности слова, в его искренности, естественности.

Слово самого Гоголя несет яркие черты русского языка. Он широко использует неповторимые эпитеты, метафоры, олицетворения.

В 1908 г. в статье «Разрушение личности» М. Горький писал: «...Наша литература — наша гордость, лучшее, что создано нами, как нацией. В ней — вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красоты и силы, сердца святой чистоты — умы и сердца истинных художников. И все они, правдиво и честно освещая понятное, пережитое ими, говорят: храм русского искусства строен нами при молчаливой помощи народа, народ вдохновлял нас, любите его!» [2, с. 26–79].

А. С. Пушкин — поистине русский национальный поэт, основоположник нового русского литературного языка и родоначальник национальной русской литературы. В языке Пушкина вся предшествующая русская речевая культура не только достигла своего высшего расцвета, но и получила качественное преобразование. Смешивая старые стили речи, он кладет в основу этого смешения народную речь.

Поэт отбирал в литературный язык только то, что, по его мнению, составляло коренные основы национального русского языка. Иноязычные слова употребляются Пушкиным лишь тогда, когда они вполне обрусели или когда они необходимы для изображения быта социальной среды:

*...Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет...* [3, с. 196]

В монологе Бориса Годунова разговорные стихи:

*...Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...* [3, с. 370]

В стихотворении «К Чаадаеву» Пушкин стирает грани между интимной и гражданской лирикой:

*Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья* [4, с. 194].

В стихотворении «Деревня» дана картина деревенской жизни. Это ощущение у поэта шло от родной природы. Он дает изображение михайловского пейзажа:

*...на мирный шум дубрав, на тишину полей...
...Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
...Здесь вижу двух озер лазурные равнины...* [4, с. 201–202]

Стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла» содержит всего восемь строк. Все слова просты, но вместе они складываются в единый образ светлой печали:

*...Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою...* [4, с. 445]

Стихотворение «Вновь я посетил» написано, как и многие другие, доступным, понятным, общепотребительным языком:

*...Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья, кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк...* [4, с. 574]

Символом поэта здесь является «младая роща». Жизнь никогда не умирает, она вечна. Смена поколений — залог ее развития и обновления.

Искусство — величайшая мудрость, пророчество, обращенное ко всему человечеству. Оно обладает огромной силой воздействия, — об этом пишет А. С. Пушкин в стихотворении «Пророк»:

*«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей»* [4, с. 385].

«Как ввести ученика в мир культуры, — пишет кандидат педагогических наук В. А. Лазарева в статье «Принципы и технология литературного образования школьников», — помочь ему освоиться в нем, сделать своими культурные ценности? Как это сделать в сегодняшних условиях, при таких могучих конкурентах: мутной телевизионной волны, льющей на детей совсем иные ценности...; кошмара «первоначального накопления капитала», в котором должны «крутиться» их родители, да и сами они нередко в этом принимают участие. Что может противостоять этому? Культура» [5, с. 75].

А это значит, что мы, учителя русского языка и литературы, обязаны «ввести ученика в мир культуры», знакомя с богатством русского языка на уроках русского языка и литературы. Это очень почетная миссия!

Литература:

1. Гоголь Н. В. Мертвые души: поэма. — М.: Художественная литература, 1980. — С. 132–133.
2. Горький А. М. Собрание сочинений в 30 т. — Т. 24. Статьи, речи, приветствия. — М.: ГИХЛ, 1953. — Разрушение личности. — 79 с.
3. Пушкин А. С. Сочинение в 3 т. Т. 2. Поэмы. — М., 1986. — 527 с.
4. Пушкин А. С. Сочинение в 3 т. Т. 1. Стихотворения. Сказки. — М., 1985. — 735 с.
5. Лазарева В. А. Принципы и технология литературного образования школьников // Литература в школе. — 1996. — № 1.

Trapkova Nadezhda Nikolaevna

Middle School of General education № 7 of Balashov

...In him, as if in the lexicon, lies all the richness, strength and flexibility of our language... (N. Gogol)

The article is about the fact that the language of the people is associated with its culture. The contribution of classical Russian literature to world fiction is enormous. Pushkin is the founder of the new Russian literary language and the ancestor of the national Russian literature. All previous Russian speech culture reached its highest heyday in the language of Pushkin. The article provides examples from the works of Pushkin “Eugene Onegin”, “Boris Godunov”, “Village”, “I visited again”, “On the hills of Georgia”, “To Chaadaev”, “Prophet”. The conclusion is about the role of teacher in instilling culture and the Russian language.

Keywords: culture, Russian language, literature, Pushkin.

Отражение национальных представлений о Свободе и Воле в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля

Статья посвящена рассмотрению широкого спектра смыслов понятий *Свобода* и *Воля*, зафиксированных в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля и отражающих важнейшие мировоззренческие представления в русском национальном сознании. Анализ материалов словаря позволяет выявить доминантные и дополнительные, эксплицитные и имплицитные способы лексической репрезентации антропного культурного кода национальной культуры.

Ключевые слова: Свобода, Воля, дихотомия, Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, национальные ценностные константы.

Свобода и Воля — важнейшие экзистенциальные понятия для любого индивида, определяющие его как человека разумного. Трудом, посвященным соотношению понятий Свобода и Воля, уже более двух тысячелетий. Философы, теологи и филологи на разных этапах развития науки посвятили данной дихотомии свои исследования, и все же не все аспекты этого соотношения еще рассмотрены.

В рамках изучения отражения представлений о свободе и воле нельзя не обратиться к Толковому словарю В. И. Даля как первому русскому идеографическому словарю. Ценность этого словаря в русской культуре огромна. Труд лексикографа, юбилей которого мы отмечаем в этом году, стал необычайно важным текстом сам по себе — национальным сокровищем, источником истинно народного слова для поколений русских людей [5].

Действительно, В. И. Даль, сам того не ведая, создал первый словарь русской национальной ментальности, фиксирующий важнейшие культурные коды, описал «лексикон народного духа» [3, с. 224]. Поэтому особый интерес представляют описанные в Словаре национальные ценностные константы, к которым относятся Воля и Свобода. Рассмотрение этих понятий, зафиксированных Словарем, позволяет получить представление о важном фрагменте русской языковой картины мира.

Начнем с истории этих слов. Слово *воля*, по данным этимологического словаря Макса Фасмера, индоевропейского происхождения и находит соответствие во всех славянских языках с тем же значением, что и в русском, а также в балтийских языках со значением ‘сила, власть’, древнеиндийском ‘желание, выбор’, авестийском ‘воля, отбор’ [6, Т. 1, с. 347].

Слово *свобода* появляется позже, оно по происхождению праславянское, поэтому зафиксировано во всех славянских языках. Восходит к общеславянским архетипам *svěboda или *svóboda, связанными с церковнославянскими лексемами *свобѣство*, *собѣство* в значении ‘персона’. Корень *svobъ от *svoжъ имел значение ‘свой, собственный’ [6, Т. 3, с. 582–583].

По мнению Н. Д. Арутюновой, «Свобода связана с модальностью необходимости, для которой характерны ограничения, а воля соотносится с модальностью желания, подразумевающей отсутствие ограничений» [1, с. 74].

Потенциальным значением лексемы *воля* в Словаре В. И. Даля является ‘желание’: *У человека воля, у животного побудка; Разум отвечает истине и лжи, воля — добру и злу.* Что важно, воля-желание противопоставляется разуму и отвечает за нравственную составляющую человеческого духа.

Воля — это и ‘повеление, требование, решение’: *Ваша воля — наша доля; Ваша воля, а наше поле: биться не хотим, а поля не отдадим.*

В словарной статье *воля* ассоциируется со свободой: *Жил на воле, спал подоле; Языком болтай, а рукам воли не давай; Хоть хвойку жую, да на воле живу.*

Лексема *Воля*, несомненно, содержит и дополнительную коннотацию, связанную с идеей пространства: *Скот на воле ходит, в поле; Своя волюшка-раздолушка; Волк на воле, да и воет доволе.*

Первые два типа рассмотренных значений составляют так называемую «субъективную волю». Идея «воли-пространства» не относится к субъекту, выходит за его пределы. Д. С. Лихачев в «За-

метках о русском» писал о том, «что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не ограниченным пространством» [4, с. 8].

Следует учитывать то, что в анализируемых контекстах существительное *воля* зафиксировано в сочетании с местоимениями: *моя воля, ваша воля, его воля, своя воля* (и тогда появляется своеволие): *Волька моя, волюшка, горькая долюшка; Ваша воля, а и нам есть доля; Своя воля страшнее неволи*, а также притяжательным прилагательным: *Воля Божья, а суд царев; Власть Господня, воля Божья, святая воля Его*. Как мы уже сказали ранее, у Даля часто встречается словосочетание *Божья воля*. Эта особенность менталитета отражается уже в древнейших славянских текстах. Т. И. Вендина пишет о том, что «морфема «вол-» в старославянском языке сочеталась преимущественно с «благ-»: «благоволити», «благоизволение» и т. д. Благоую волю проявляет Бог, а добрую волю — человек, уверовавший в Бога» [2, с. 199]. Но не вся воля является доброй. Когда человек начинает судить себя сам, оценка его действий становится исключительно субъективной.

Стоит отметить, что в Словаре зафиксировано только словосочетание *Божья воля*, но едва ли можно говорить о том, что воля есть только у Бога, однако многочисленные примеры указывают на то, что у воли есть хозяин, именно это еще раз указывает на ее субъективный характер. Воля может иметь и качественную характеристику: *Жалую вас крестом (старым), бородой и вечной волей*.

Свобода же объективна, она может проявляться в определенной области деятельности: *свобода печати, свобода слова*. В соответствующей статье мы находим: *Свобода печати, отсутствие цензуры, но может быть ответ перед судом; Свобода мысли, безответственность за мысли, убеждения свои; Свобода слова, позволение выразить мысли свои*.

Свобода, в отличие от Воли, отражает незанятость человека, что также отмечает В. И. Даль: *Не свободен я теперь, занят, некогда, недосужно; Заходи вечером, мне посвободнее будет*.

Свобода и *Воля* являются фундаментальными национальными ценностными константами, отраженными в языковом сознании его носителей, причем свобода для русского народа — это отсутствие рабства и иных стеснений, а воля — это бескрайние просторы России и исполнение заветных желаний, только очень важно, чтобы гармония мира и воля к свободе как естественное желание человека не превратились в хаос и свободу воли как свободу исполнения любых желаний.

Литература:

1. Арутюнова Н. Д. Воля и свобода. Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. — М.: Индрик, 2003. — 640 с.
2. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского человека. — М.: Индрик, 2002. — 336 с.
3. Колесов В. В. Ментальный словарь Владимира Даля // Ученые записки Казанского государственного университета. — Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 2. — С. 223–229.
4. Лихачев Д. С. Заметки о русском. — М.: Сов. Россия, 1981. — 71 с.
5. Сичинава Д. В. 20 вещей, которые нужно знать о словаре Даля [Электронный ресурс] // Arzamas. 2017. 11 сентября. — URL: <https://arzamas.academy/materials/1100> (дата обращения: 06.11.2021).
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986–1987.

Makarov N. V.

nimakarov@stud.kantiana.ru

Immanuel Kant Baltic Federal University

Reflection of national concepts Freedom and Will in the Explanatory dictionary of the living great language by V. I. Dal

The article examines a wide spectrum of meanings of concepts freedom and will which are enshrined in the Explanatory dictionary of the living great language by V. I. Dal. These concepts reflect important worldview representations of Russian national consciousness. Analysis of dictionary articles allows to identify dominant and additional, explicit and implicit methods of lexical representation of anthropic cultural code of national culture.

Keywords: freedom, will, Explanatory dictionary of the living great language by V. I. Dal, dichotomy, national axiological constants.

Образ Родины в поэме Расула Гамзатова «Живая богиня Кумари»

Я часто думаю о том, что вся Земля — мой отчий дом...

...И отражен, как в капельке росы,

Весь белый свет был в отчем Цадастане.

Р. Гамзатов

Творчество народного поэта Дагестана пронизано безмерной любовью к Родине. Но понятие Родины у Р. Гамзатова многомерно.

Ритм его сердца всегда совпадал с ритмом сердцебиения планеты, и это сделало его поэтом поистине всемирного значения. С юности воспринявший традиции Маяковского, Гамзатов с одной стороны тяготел к гражданской, трибунной поэзии, с другой — был по-пушкински лиричен и энциклопедичен. «В последние годы ... я написал несколько книг: «Колесо жизни», «О бурных днях Кавказа», «Суд идет», «Полдневный жар» и ряд других. Это книги о времени и пройденных нами дорогах, в которых я стремился поделиться с читателем своими размышлениями о происходящем. В целом эти книги я назвал Цадастан. Цада — это аул, где я родился, в переводе с аварского означает «в огне». Цадастан — придуманная мною страна, страна огня, поэзии. Большая держава. У каждого поэта есть малая родина — место, где он родился и вырос, и большая родина, которую он приобрел. Так и моя родина начинается с аула Цада, где я родился. Остальное — это Цадастан, страна, где живут мои мысли, чувства и переживания. Страна, огонь которой горит гостеприимным светом. Этот огонь, который я пронес через всю мою жизнь, я хочу посвятить вам, мои дорогие читатели», — писал Расул Гамзатов.

Только вечные ценности хранил он и защищал, только их боялся утратить. Его дар предвиденья поражает. Ведь задолго до Besланской трагедии он написал воистину пророческое стихотворение «Берегите детей», которое вошло в книгу «Суд идет»:

Этот мир, как открытая рана в груди,

Не зажить никогда уже ей.

Но твержу я, как будто молитву в пути,

Каждый миг: «Берегите детей!».

От болезней, от мести, от страшной войны,

От пустых сумасбродных идей.

И кричать мы всем миром сегодня должны

Лишь одно: «Берегите детей!»

Это болезненная тема для Р. Гамзатова, и он обращается к ней и в поэме «Живая богиня Кумари», и в своих интервью: «Будущие поэты, которые могли бы стать Пушкиными или Лермонтовыми, погибли еще в детском возрасте. Недавно в Махачкале был пожар в школе глухонемых детей, где погибли десятки ребятишек. Может, среди них был Сулейман Стальский, может быть, среди них был молодой храбрый Хаджимурад. Может быть, из них вышли бы писатели и поэты, но им не суждено было ими стать».

Он любил делиться своими творческими планами и замыслами, часто советовался, не обращая внимания на возраст собеседника. Умный совет он всегда ценил, над глупостью благодушно подтрунивал. Общение с поэтом не прервалось с его смертью, потому что живы его книги, а значит жизнь его — другая, но жизнь — продолжается.

Есть замечательная поэтическая формула, определенная Ф. И. Тютчевым: «Все во мне, и я во всем». На наш взгляд, эти слова тесно соотносятся со строчками из стихов народного поэта Дагестана Расула Гамзатовича Гамзатова, взятыми нами в качестве эпиграфов для нашего исследования. Для поэта Родина — вся Земля и одновременно сосредоточенный в родном селении Цада весь мир.

«Я не могу думать о своем маленьком ауле Цада, не думая о том, что происходит в любом уголке нашей Родины, не думая о дорогой столице. Вернувшись домой, не успеваю привыкнуть к теплу

родного очага, как снова тянет меня в дорогу. И всю жизнь в душе моей нераздельно живет любовь к родному и маленькому Цада и моей великой стране.

Когда нахожусь дома, то в окно моего маленького аула стучится весь мир. В окно большого мира всегда стучится и мой маленький аул, мой Дагестан. Это значит, что я не могу думать о судьбах страны, о судьбах мира, не думая в свою очередь о жизни моего Цада, моего Дагестана», — пишет поэт в 1980 году в статье «Родной очаг».

Действительно, для Расула Гамзатова понятие Родины многопланово. Его стихи о родном Дагестане пронизаны необыкновенной теплотой и любовью.

Мне ль тебе, Дагестан мой былинный,
Не молиться, тебя ль не любить,
Мне ль в станице твоей журавлиной
Отколовшейся птицею быть?

Дагестан, все, что люди мне дали,
Я по чести с тобой разделю,
Я свои ордена и медали
На вершины твои приколю.

Но поэт также остро чувствует ответственность за все, что происходит на планете, в России, в Дагестане, в Цада. Он понимает Родину широко, как общий дом множества народов-братьев. Однако все его мысли, мечты и чаяния — о милом сердцу поэта Дагестане, о самом дорогом для него ауле Цада.

«Маленький аул Цада. Отсюда я начал свой путь в большой мир. Дороги мои теперь пролегли по всем континентам. Но где бы ни был вне моего Дагестана — в Париже или в Калькутте, в Риме или Токио, — всегда вижу перед собой родной аул и отвесную скалу, что склонилась над ним», — замечает Р. Гамзатов «Родном очаге».

В одном из последних своих интервью Р. Г. Гамзатов сказал: «В моих произведениях есть три главные темы: время, родина и женщина — я им посвятил свою жизнь».

Мы считаем, что эти три важнейшие темы творчества поэта соединились в поэме «Живая богиня Кумари», которая включена в сборник «Колесо жизни» и имеет подзаголовок «Из непальского дневника». Поэма была написана в 1984 году под впечатлением поездки в Непал, но пронизана сильным любовным чувством к родному Дагестану. Прошло почти 24 года со времени создания поэмы, но от нее веет свежим дыханием современности, потому что те проблемы, которые поэт поднимает в ней, особенно остро стоят сейчас.

Жанр «Живой богини Кумари» — поэма, т. е. лироэпическое произведение с очень сильно выраженным личностным авторским началом.

Знакомясь с творчеством Расула Гамзатова, мы обратили внимание на то, что все его произведения, связанные идейно и тематически, образуют цельный роман-дневник о поэте, времени и мире. Почему дневник? Потому что и стихи, и поэмы, и книгу «Мой Дагестан» отличают искренность и исповедальность. Лирический герой, он же автор, настежь распахивает свою душу, говорит о том, что его радует и гнетет, что он ценит и чего не приемлет, ведет строгий счет своим ошибкам и воспевает любовь и красоту. Темы и образы переходят из одного произведения в другое, приобретая символические и аллегорические черты, например, Кумари становится символом чистоты и вечного страдания, змея, курица и свинья — аллегорическое воплощение грязи, глупости, ядовитости — словом, воплощением мирового зла.

Будто бы девственный снег Эвереста,
Лист одинокий лежит на столе...
Трудно быть матерью, сладко — невестой,
Горько — богиней на грешной земле.

Девочка, ты, постепенно взрослея,
Сколько откроешь еще впереди.
Только бы курицы, свиньи и змеи
Не попадались тебе на пути.

Кто эта богиня Кумари и почему дагестанский поэт посвящает свою поэму этому далекому от культуры и религии Дагестана образу?

Кумари — почитаемое в Непале божество Таледжу Бхавани, которое вселяется в тело реальной маленькой девочки. Судьба ее очень волнует поэта. Почему? Ведь кажется, ей можно только позавидовать: сам король поклоняется ей, она живет во дворце, все ее прихоти и пожелания — закон для окружающих, ее красно-золотые одежды всегда прекрасны. Но такая жизнь продолжается недолго — до начала взросления. Затем бывшая богиня удаляется из своего дворца с большим «наследством», оно могло бы стать неплохим приданым, но вступать в брак с бывшей живой богиней молодые люди не спешат, это считается очень неудачным выбором, приводит к несчастью. Поэтому чаще всего бывшие богини остаются на попечении родителей до конца дней или уходят в монахини.

Из Кумари, гордой и всевластной,
Пред которой ползали в пыли,
Станешь просто девочкой несчастной,
Самой горькой дочерью земли!

Произведения поэта отличает и то, поэтическое время в них простирается от прошлого через настоящее в будущее. Р. Гамзатов отмечал: «Судьба мне подарила три возраста: юность, зрелость и старость, но у поэта должен быть еще и четвертый возраст. Так же, как и у читателя. Поэт — ровесник не только живущих сегодня, он еще и ровесник тех, кто уже ушел, и даже тех, кто еще придет на эту землю. Самое главное для нас — познать сегодняшний день. Сегодня — это итог вчерашнего дня и всей истории в целом. Но в сегодняшнем дне заключен и прогноз на завтра, и на многие годы вперед».

Поэтически эту мысль Р. Гамзатов выразил в поэме «Колесо жизни»:

Бессмертно колесо летящее,
Три времени ему верны.
Минувшее и настоящее
В грядущее устремлены.

Поэт писал: «Писатели всегда остро ощущают боль своей Родины», но, будучи оптимистом, Р. Гамзатов верил в то, что и у человечества, и у его Родины есть будущее, и это будущее светло и прекрасно.

Поэма состоит из 9 глав, каждая из которых имеет свою тему. Проследим развитие этих тем и своеобразие построения поэмы.

В 1 главе показано своеобразие сказочной страны Непал:

...Непал —
Чудо Азии. Всего чудней —
Сотни сот богов, живущих в ней. [4, с. 368]

Разнообразие богов, отвечающих за все сферы жизни людей, удивляет и заинтересовывает поэта, но только одна богиня вызывает горячие человеческие чувства, доброе участие к своей судьбе:

Но меж темных споров о святине,
Страстных словопрений и молитв
Я услышал о живой богине,
С той поры душа о ней болит! [4, с. 369]

Горькая судьба далекой девочки становится для поэта сердечной раной, вызывает целую бурю чувств и мыслей, потому что восприятие художника всеобъемлюще:

— С добрым утром! — ей с утра желаю.
— Доброй ночи! — к ночи ей шепчу,
Маленькая, милая, земная,
Светлому подобная лучу.

О красе ее — небесном даре —
Говорят без лести зеркала...
Да минет тебя дыханье зла,
О богиня — девочка Кумари! [4, с. 369]

2 глава посвящена Кумари, ее назначению и необыкновенному положению в своей стране:

Кумари — цветок. Из цветений всех
Избрали ее одну,
Чтоб мир, погруженный во мрак и грех,
Себе вернул белизну. [4, с. 369]

Поэт продолжает этот образный ряд: «Кумари — птичка»; «Кумари — алмаз»; «Кумари — дитя»; «Кумари — девочка». Художник отмечает, что положение богини обеспечено земной девочке ненадолго:

Пока не коснулось дыханье зла
Твоей красоты, Кумари!

Пока не спугнули зависть и гнев
Радость твою и веселье,
Пока ты вся как сладкий напев
Матери над колыбелью... [4, с. 370]

В 3 главе автор обращается к истории страны, но неожиданно прерывает рассказ:

О Непал нагорный, путь твой горек,
Ты прошел чистилище и ад...
Но довольно!.. Я ведь не историк,
Не ученый я пишу трактат! [4, с. 372]

Здесь появляется еще один важный для Р. Гамзатова образ — образ Времени, нашедший свое продолжение в 8 главе.

От прошлого:
Мудрости вершины — Гималаи!..
Столько лет — а может, и веков? —
Люди устремлялись к вам, желая
Древней тайны приподнять покров... [4, с. 371]

через настоящее к будущему:

Уходят в прошлое чудеса.
Новая жизнь не ждет:
Растут фабричные корпуса
Близ гималайских высот.
Непал! Все шире судьбы размах,
Меняется все житье...
На машинах — не на слонах —
Будущее твое! [4, с. 384]

От истории поэт обращается к необыкновенной природе Непала: голубые пропасти, каньоны, пальмы, бананы, двадцать два водопада. И между двумя этими частями — история и природа — окно, где появляется маленькая Кумари:

Выплывает золотая рыбка...
И блестит, взойдя над миром всем,
Детская счастливая улыбка,
Без которой мир и пуст, и нем! [4, с. 373]

4 и 5 главы — это описание праздника в честь рождения королевы и изображение базара, где продается все:

Кашмирские шали... Четок гора.
Святая водица. Ткани.
Птицы блистающего пера.
Рядом — живые лани...

Взвешивают, мерят добро,
Громко божась и ссорясь...
Все продается: шелка, серебро,
А заодно и совесть. [4, с. 378–379]

После этой пестрой смеси праздника и прозы жизни, одежд и людей («Американцы. Французы — здесь / И старики. И хиппи» [4, с. 379]) в 6 главе поэт опять возвращается к окну, у которого он ждет появления Кумари:

Вновь стою у твоего оконца,
Снова я нетерпеливо жду,
Скоро ли блеснешь ты, дочка солнца,
Золотая рыбка Катманду? [4, с. 379]

В 7 главе поэт опять обращается к теме безрадостной судьбы Кумари:

Из Кумари, гордой и всевластной,
Пред которой ползали в пыли,
Станешь просто девочкой несчастной,
Самой горькой дочерью земли! [4, с. 382]

Глава 8 продолжает тему несчастной судьбы живой богини:

О девочка! Плачет навзрыд мой стих,
Жгуч мой гнев и остер
И за тебя, и за всех других
Горьких твоих сестер! [4, с. 383]

И заканчивается глава риторическими обращениями, в которых слышится горячий призыв:

Ответь мне, сияющий Эверест,
Во имя грядущих дней,
Зачем тебе столько безбрачных невест?!
Дети тебе нужней!.. [4, с. 384]

Тема детства, врывающаяся в 9 главу, развивается и набирает силу:

В детском сердце — нового ростки.
Чудо — каждый малый человечек,
Но они, как стебельки, хрупки...
Дети!.. О, как надо нам беречь их! [4, с. 385]

Две najważнейшие для Р. Гамзатова проблемы: детство и искалеченная жизнь Кумари — переплетаются и находят свое решение в конце поэмы:

И наступит мир. И сгинет страх,
Ожиданье взрывов и аварий...
И с младенцем светлым на руках
Улыбнется взрослая Кумари. [4, с. 386]

Круг образов поэмы невелик: кроме главной героини Кумари и главного героя — лирического Я поэта, — в произведении можно отметить образ Времени, образы Непала и Эвереста, а также образ Родины. Причем напрямую к образу Родины поэт не обращается, и нам это кажется особенно интересным. Цельный образ как будто разбит на множество ярких кусочков, но после прочтения поэмы в сознании читателя складывается впечатление единого, монолитного, но при этом многогранного образа родного края поэта. И нам это кажется творческой находкой художника. Проследим, как Р. Гамзатов добивается этого.

Как уже отмечалось, в поэме девять глав, в каждой из которых прямо или опосредованно упоминается Родина.

В первой главе, рисуя Гималайские горы, поэт находит такое яркое и образное сравнение, которое сразу же относит читателя к массовым торжественным мероприятиям в горном селении на Кавказе, когда идет приготовление угощения на большое количество людей:

Рядом с Индией, меж древних мест,
В Гималаях, где макушкой самой
В небеса уперся Эверест,
А у ног его толпятся храмы,
Где холмы Тибетские белы,
Точно пловом полные котлы... (курсив наш — А. Р.) [4, с. 368]

Также и во второй главе сравнение Кумари с белым ягненком («Пока непорочна ты и бела, / Ягненок белый в отаре!» [4, с. 370]), а в шестой — с персиком, черешней, абрикосом и вишенкой, затем с тростинкой — это сравнение с предметами, связанными с родиной, родной природой:

О, апрельский персик всех безгрешней!
 Нежный, как невинности напев!
 Майская прозрачная черешня —
 Знак ее на лбу у королев!..

Косточка — горчинка абрикоса,
 Вишенка, что соком налита! [4, с. 380]

Прошепчи мне, гибкая тростинка,
 Шепот твой услышу я, любя... [4, с. 381]

В этих строках опять появляется образ времени: апрель, май, — что соотносится с предыдущей строчкой: «Радости весенней деревцо!» Здесь весна как время года воплощает пору детства и юности как весну человеческой жизни.

В третьей главе появляются образы, связанные у Р. Гамзатова непосредственно с понятием родины — это отец и язык:

Помню, как из рукавов овчинных
 Книжицу отец мой доставал,

Он, поэт, Расулу-мальчугану,
 Примостясь на каменном катке,
 Толковал сказанья Индостана
 На родном аварском языке. [4, с. 372]

В этой же главе опять появляется опосредованный мотив родины, связанный с понятием времени и смерти:

Но земля была тверда, суха
 И по цвету близилась примерно
 К савану, в котором от греха
 Навсегда уходит правоверный... [4, с. 373]

В четвертой главе, описывая праздник в честь дня рождения королевы, поэт рисует костюмы и украшения непальских женщин, но память уносит его в родные горы:

У женщины той — целый медный рудник
 Блестит на груди, жарок!
 Совсем как у милых землячек моих —
 Карибских наших аварок... [4, с. 375]

События, происходящие вокруг поэта, рождают воспоминания:

Не зря я родные вспомнил места...
 Собачья взвихрилась драка,
 Как дома у нас, как там, в Ората,
 Там, близ родного Хунзаха.
 Канатоходцы?.. И это есть!

И здесь этот спорт в почете. [4, с. 375–376]

Наверное, если бы поэт не любил свои родные края, то на чужбине не тосковал бы об отеческих горах и милой аварской речи, не вспоминал бы о них среди чудес и притчей Непала!

Движемся медленно, не спешим,
 Нам же все интересно.
 Улицы здесь узки для машин,
 Нашему «ЗИЛу» — тесно. [4, с. 377]

В этих строчках притяжательное местоимение «нашему» обозначает не только принадлежность автомобилю, на котором едут поэт и его друзья, не только технику, созданную в его родной стране, но это и часть родины, такой же большой и мощной, как эта машина.

Продолжая эту тему сходства проведения праздников в Непале и Дагестане, Р. Гамзатов называет торжества в Катманду «байрамом», так как состязания, танцы и веселье напоминают ему праздничные гуляния в родных краях:

...Праздник окончен. Утих байрам
С песнями, гиком, свистом... [4, с. 377]

В этой же пятой главе находим еще одно интересное сравнение, рожденное памятью поэта и связанное с играми дагестанских ребятишек:

Домиков глиняных тесный ряд
Будто к земле прижатый,
Вот так же в Балхаре чаны стоят,
Которые бьют ребята. [4, с. 378]

В главе шестой, уже отправляясь домой, поэт обращается к богине Кумари:

И, тебя жалея неустанно,
Грусть твою, богиня Катманду,
На язык аварский наш, гортанный,
Для моих друзей переведу. [4, с. 381]

С этого же мотива жалости и сочувствия начинается седьмая глава поэмы:

Да, и здесь, в родимом Дагестане,
Даже ночью, даже и во сне
Твой тоскливый взгляд мне сердце ранит,
Птицею трепещешь ты во сне. [4, с. 381]

В восьмой главе появляется мотив любви:

«Любовь — грешна?..» Нет, любовь права!
Поэтов всех созови,
И скажут они, что нет божества
Чище земной любви!.. [4, с. 383]

Он соотносится с возникающим в девятой главе образом Махмуда из Кохаб-Росо — певца любви, убитого подлым выстрелом в затылок:

Дети пусть вершат над нами суд,
Матерям кивая благосклонно,
И поэт, как некогда Махмуд,
В прах падет перед новою мадонной! [4, с. 386]

Тема детства, страдающего ребенка, рано оборванной жизни — мучительнейшая для поэта тема:

Дети — это совесть всей Земли.
Чем мы нашей совести ответим?
В мир они для радости пришли...
Ну, а мы?.. Что мы оставим детям?! [4, с. 385]

И, наконец, в девятой главе появляется образ всемирного годекана, решающего судьбу мира:

Пусть мудрейшие, усевшись рядом,
О войне и мире говорят
Под прямым, нелгущим
Детским взглядом. [4, с. 386]

Итак, в поэме Р. Гамзатов, рисуя далекую страну Непал, мыслями и сердцем постоянно со своей Родиной, где все ему дорого и близко. Это и родной «гортанный» язык, и отец, и веселые праздники, и горестные похороны, и шалости и игры ребятишек, и нарядные женщины, и даже собачьи драки. Но есть еще одна особенность у этого образа — это всегда множество, большое сообщество людей. Потому что по-другому Р. Гамзатов не представлял себе Родину, жизнь, себя. И в этом великое значение и его личности, и его творчества.

Литература:

1. Гамзатов Р. «С временем не ссорясь» [Электронный ресурс] // Слово. — 2003. — № 4. — http://hrono.rspu.ryazan.ru/slovo/2003_04/gamz04_03.html
2. Гамзатов Р. «Человеколюбие — главная сущность литературы...». Суд идет. — Махачкала: Юпитер, 2003.
3. Гамзатов Р. Родной очаг [Электронный ресурс]. — <http://www.gamzatov.ru/>
4. Гамзатов Р. Колесо жизни. — М.: Советский писатель, 1987.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20–412–590006 «Массовая речевая культура Пермского края: трансформация языковой, коммуникативной, этической нормы в XXI веке».

Данилевская Наталья Васильевна

dani16@mail.ru

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация*

Языковые ценности и речевая культура в молодежной среде жителей Пермского края

В статье рассматривается вопрос о современном уровне речевой культуры в повседневной коммуникации, о расшатывании и деструкции нормативного узуса, об искаженном представлении молодых людей о традициях и правилах социально-речевого поведения. Особое внимание уделяется речевому поведению старшеклассников средних школ г. Перми с целью выявить региональные особенности состояния современной речевой культуры. Предпринята попытка описать один из аспектов представлений современных школьников о речевом этикете.

Ключевые слова: речевая норма, литературный язык, ценностные смыслы, культурные стереотипы, языковая картина мира.

Складывающаяся в настоящее время речевая ситуация, а также принятый Государственной Думой РФ Закон о государственном языке требуют от лингвистов и филологов ответственной работы по сохранению языковых традиций, нацеливают на анализ, классификацию и описание системных и несистемных изменений в языке, направляют на исследование сути языковой динамики с целью выявления позитивных и негативных ее сторон. Общая цель такой работы — сбережение национального языка (с учетом всех позитивных динамических явлений) как одного из основных условий сохранения национальной и культурной идентичности, в том числе жителей Пермского края.

В настоящей статье выдвигается задача исследования некоторых норм речевого поведения, характерных для современных молодых людей Пермского края.

Конкретными задачами настоящей статьи являются: 1) выявление представлений современных школьников (старшеклассников) о речевом этикете; 2) определение особенностей формирующегося в настоящее время в молодежной среде Пермского края речевого эталона; 3) описание круга известных личностей, избираемых молодыми людьми в качестве «речевых ориентиров».

Подчеркнем: ограниченный объем жанра статьи не позволит рассмотреть обозначенные цели более или менее полно, однако поможет, как представляется, дать обобщенное представление о специфике некоторых речевых и социальных ценностей современной молодежи.

Актуальность поставленных проблем связана с необходимостью объективного научного описания современной речевой культуры Пермского края. Можно выделить два потока экстралингвистического воздействия на русскую речевую культуру в целом: 1) фундаментальные общественные трансформации, вызванные реинтеграцией национальной русской культуры в глобальный контекст, и 2) интенсивное влияние бурно развивающихся новых каналов массовых коммуникаций (благодаря сети Интернет).

Кратко рассмотрим эти потоки экстралингвистического воздействия на речевую культуру.

1. Отличительной чертой состояния современного мирового пространства являются активно развивающиеся в нем процессы глобализации и социальной интеграции. Эти процессы вызвали необходимость налаживания взаимодействия между государствами и нациями в производственной и гуманитарной областях. Гуманитарная интеграция современного социума, свободное речевое взаимодействие россиян с представителями разных государств и национальностей повлекли за собой серьезные сдвиги в традиционной структурно-семантической организации русского языка.

В последние годы русские лингвисты много уделяют внимания проблемам языковых трансформаций в русском языке новейшего времени [см., например: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 13 и др.]. Однако процесс расшатывания и деструкции нормативного узуса остановить (или хотя бы приостановить) не удастся. Если в конце 1990-х годов предшествующего столетия Т. М. Николаева сформулировала первые замечания о появившейся в речевой практике журналистов тенденции

к намеренному отступлению от нормы и высказала опасения, что такое речевое поведение может привести к изменению системы языка [10], то уже в середине двухтысячных О. Б. Сиротинина вынуждена была признать, что намеренные речевые нарушения в речи журналистов из тенденции превратились в норму, а системные языковые изменения в результате этого стали фактом [12].

Вообще, изменения в речевой практике происходят столь стремительно, что их фиксация и изучение неизбежно запаздывают, поэтому представляется необходимым взглянуть на ситуацию в целом, наметив основные направления развития языка в новых коммуникативных условиях.

2. Сегодня в системной и структурно-семантической организации русского языка наблюдаются революционные изменения, соотносимые с перестроечными явлениями, происходившими в конце XX в. в российском социуме. Эти изменения связаны с появлением и широким распространением интернета, роль которого в жизни общества постоянно растет. Интернет оказывает особенно сильное деформирующее воздействие на литературную норму и системные отношения в языке.

Большое влияние интернет-коммуникации на характер речевого поведения подтверждается тем, что многие исследователи, отмечая слияние цифровой коммуникации с дискурсами разных видов, отмечают стремительно развивающийся процесс стирания границ между устной и письменной речью [6, 8, 9 и др.], говорят о новой форме коммуникации — устно-письменной, когда письменное высказывание создается и функционирует по законам, характерным, скорее, для разговорной речи.

Таким образом, современная лингвистика располагает детальным описанием (преимущественно устной) речевой культуры, а также многоплановым описанием ситуации «языковой турбулентности», которая, вероятно, становится парадоксально устойчивой чертой развития речевой культуры в XXI веке. Вместе с тем понятно, что речевая ситуация и связанные с ней культурные стереотипы современной России складываются таким, а не иным образом в соответствии с теми изменениями, которые происходят в коммуникативном пространстве отдельных регионов. В этом смысле представляется интересным проанализировать речеведческие нормы и ценностные ориентиры жителей Пермского края, и прежде всего — представителей молодого поколения, а именно старшеклассников. Выявление особенностей речевых приоритетов и коммуникативных ценностей, которые исповедуют люди, стоящие на пороге полноценной социальной жизни, поможет определить векторы потенциальных сдвигов в культурно-речевой, коммуникативной и нравственной сферах жизни общества ближайшего будущего.

С этой целью в одиннадцатых классах пяти пермских общеобразовательных школ, было проведено анкетирование. Анкетирование являлось анонимным, но предполагало определенность (открытость) по возрастному и половому признаку, т. е. отвечающим необходимо было обозначить свой возраст и пол. В результате обработки открытых показателей мы получили следующие данные:

1. общее количество респондентов — 87 человек;
2. возраст респондентов — 15 и 16 лет;
3. количество лиц мужского пола (юношей) — 48 человек;
4. количество лиц женского пола (девушек) — 39 человек.

Проведенное исследование позволило выявить некоторые ценностные речевые ориентиры современных старшеклассников.

Во-первых, стало очевидным, что подавляющее большинство старшеклассников не знакомы с официальными медиа, а в основном находятся в плоскости работы различных видов блоггинга, черпая из этих ресурсов знания о речевом поведении и приобретая соответствующие речевые навыки.

Во-вторых, ограничивая свои знания блогосферой, далеко не все имеют представление о том, что такое культура речи, хотя на протяжении всего школьного обучения, и особенно в старших классах на уроках словесности идет программный (в соответствии с государственной политикой в этой области) разговор о норме, культуре речи, о законах текстообразования в разных стилях, о допустимом и недопустимом коммуникативном поведении и др.

В-третьих, наше исследование подтверждает уже многократно высказанные и опубликованные в печати мысли о том, что современная молодежь, углубленная в Интернет и сконцентрированная на нем, по многим параметрам своего духовного состояния характеризуется недостаточной нравственностью, о чем свидетельствуют ответы о допустимости живого публичного обсуждения тем о сексе и деньгах. Необходимость возвращения в общество морально-нравственных ценностей, усиление работы по духовному воспитанию молодого поколения, повседневный труд над бытовым речевым поведением последнего (именно об этом говорят в последнее время многие журналисты, психологи, режиссеры, представителями церкви, учителя и ученые) — все это подтверждается

нашим исследованием. Без продуманной, логически выстроенной и взвешенной политики государства не может вырасти полноценный гражданин общества, патриот, творец новых ценностей, думающий и созидающий человек.

Хорошая речь, отказ от повседневной грубости в ней являются, на наш взгляд, условием и залогом ответственного социального поведения, одним из аспектов коммуникативного здоровья общества и основой сбережения национального языка.

Литература:

1. Базылев В. Н. Инвективность медийного языка: логика понятия и оценочные коннотации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. тр. — Вып. 16 / Орловский гос. Институт культуры / отв. ред. А. Г. Пастухов. — Орел, 2019. — С. 30–43.
2. Вепрева И. Т. О кодифицированной норме в современной культурно-речевой ситуации: норма и мода // Русский язык сегодня. — Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — М., 2006. — С. 111–119.
3. Дымарский М. Я. Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) // Русский язык сегодня. — Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — М., 2006. — С. 173–185.
4. Иссерс О. С. Представления о речевом идеале, языковых приличиях и языковом вкусе (по данным пилотного социолингвистического эксперимента) // Коммуникативные исследования. — 2018. — № 4 (18). — С. 95–111.
5. Клушина Н. И. Русский национальный стиль и его реализация в текстах современных СМИ // Stylistyka XXI, Польша (Opole). — 2012. — С. 19–33.
6. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — Изд. 4-е, испр. и доп. — М.: АСТ, Corpus. — 2017. — 504 с.
7. Крысин Л. П. Языковая норма в проекции на современную речевую практику // Русский язык сегодня. — Вып. 4. Проблемы языковой нормы. — М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. — 2006. — С. 294–310.
8. Лейчик В. М. Язык и культура — многоаспектный анализ проблемы. — 2002. — URL: <https://textarchive.ru/c-2841951-p2.html>
9. Лутовинова О. В. Языковая личность в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. — М., 2020. — С. 124–138.
10. Николаева Т. М. Две заметки о «новом» в русской речевой коммуникации // Русский язык в его функционировании. — М.: Рус. словари, 1998. — С. 80–83.
11. Полякова Е. К. Риторический идеал в русском коммуникативном сознании: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2003. — 284 с.
12. Сиротинина О. Б. Узуальная норма и ее роль в развитии языка // Русский язык сегодня. — Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. статей / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — М.: 2006. — С. 490–498.
13. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. — 2013. — 116 с.

Danilevskaya Natalia Vasilyevna
danil6@mail.ru
Perm State National
Research University, Perm, Russia

Language values and speech culture in the youth environment of Perm Region residents

The article deals with the issue of the current level of speech culture in everyday communication, the loosening and destruction of normative usage, the distorted representation of traditions and rules of social and speech behavior by young people. Special attention is paid to the speech behavior of high school students of secondary schools in Perm in order to identify regional features of modern speech culture. An attempt is made to describe one of the aspects of the ideas of modern schoolchildren about speech etiquette.

Keywords: speech norm, literary language, value meanings, cultural stereotypes, linguistic picture of the world.

Образ Китежа в поэзии о Петербурге

Китеж впервые возникает в литературе в связи с появлением Петербурга и в качестве его антитезы. В Золотом веке эта тенденция была «опозиционной», у авторов Серебряного она вышла на первый план. Выбор в пользу Китежа в литературе этого периода является выражением возвращения к подлинной духовности. После революции в поэзии тех авторов, кто продолжал в своем творчестве традиции Серебряного века, Китеж оказался просто символом возвращения к духовности, вере, старому укладу, ко всему невозвратно разрушенному. У шестидесятников это невозможное прежде сближение оборачивается полным совпадением Китежа и Петербурга.

Ключевые слова: Китеж, Петербург, А. Ахматова, В. Бетаки.

Град Китеж впервые возникает в литературе в связи с появлением Петербурга и в качестве его антитезы. Согласно легенде, Китеж исчез под водами озера Светлый Яр или Светлояр (Семновский уезд Нижегородской губернии) во время нашествия монголо-татар: его жители, увидев вражеское войско, не оказали вооруженного сопротивления; они, будучи людьми исключительно праведными, бросились на колени и взмолились о том, чтобы не достались православные святые врагу на разграбление. И тут, к ужасу неприятельского войска, забили из земли фонтаны, и город скрылся под озерной водой. Легенда о Китеже имела широкое хождение среди старообрядцев, воспринимавших Петербург как Антихристову столицу. Соответственно, Китеж занимал противоположный полюс — Града Небесного на земле, доступного праведным и чистым сердцем людям. Первоначально образ Китежа разрабатывается в фольклоре, а затем появляется в старообрядческих летописях, в конце XVIII века, в «Книге, глаголемой летописец, написанной в лето 6646 (1237) сентября в 5 день» и «Повести и взыскании о граде сокровенном Китеже» (где Китеж изображен как рай земной).

Стремление к «сокровенному Китежу» было сродни поискам Грааля, и даже в тех случаях, когда он оказывался в литературе обманом, только иллюзией сохранившейся на земле святости, то оставался хотя бы иллюзией в противовес Петербургу — мирскому, материальному и сатанинскому. И если в Золотом веке вышеописанная тенденция была «опозиционной», то у авторов Серебряного она вышла на первый план: «В расколе и сектах символисты склонны были видеть истинно народную веру. Поэтому Китеж превращается в их творчестве из достояния сравнительно небольшой части русского народа в символ веры всей России, средоточие национальной самобытности. В этом качестве он противопоставляется реальной русской жизни — церковной, государственной, бытовой. Стремление в невидимый город соединяется с бунтом против исторической России во имя особой, небывалой «русской духовности», замешанной на эзотерических учениях» [4, См. на эту тему также: 5]. Естественным образом у всех авторов, стоящих на этой позиции (З. Гиппиус, Д. Мережковский, М. Волошин, Н. Клюев), Петербург вызывает отторжение. Наиболее выразительное воплощение демонизация Петербурга и Петра I получает в романе Д. С. Мережковского «Петр и Алексей», где непосредственно Петербург и Китеж-град сопоставляются следующим образом: «Чудилось ему, что весь этот город подымется вместе с туманом и разлетится, как сон. В Китеже-граде то, что есть — невидимо, а здесь в Петербурге, наоборот, видимо то, чего нет; но оба города одинаково призрачны. И снова рождалось в нем жуткое чувство <...> — чувство конца». Китеж у Мережковского (в целом, в русле предшествующей традиции) свят и как духовный центр противопоставлен «западным» исканиям русского народа, но иллюзорен, принципиально недостижим и поэтому не является конечной целью. В целом же выбор в пользу Китежа в литературе этого периода является выражением возвращения не к непосредственно староверческим идеалам, а к абстрактной идее подлинной духовности, зачастую достаточно сильно отстоящей от православия.

После революции в поэзии тех авторов, кто продолжал в своем творчестве традиции Серебряного века, Китеж оказался просто символом возвращения — к духовности, вере (теперь вновь исключительно к православию, хотя и не в староверческом его варианте), старому укладу — ко всему невозвратно разрушенному. Китеж становится символом всего, что навсегда осталось в другой жизни, местом невозможного паломничества, настоятельно необходимого возвращения. В частности, по поводу Ахматовой С. Шешунова говорит о том, что возвращение поэтессы — это «синоним смерти, так как Китежем оказывается вся дореволюционная Россия. Уничтоженная страна ощущается лирической героиней как родной дом, куда зовет ее сердце, а смерть предстает как легкий, благодатный переход в этот знакомый мир» [4, с. 62]. Однако, если вчитаться в тексты Ахматовой, в которых упоминается Китеж — поэму «Путем вся земли» («Китежанка») и стихотворение «Уложила сыночка кудрявого», датированные 1940 годом, несложно заметить, что, хотя тема Китежа и всплыла в связи с обращением к ней Клюева, который и назвал Ахматову «китежанкой», у нее этот образ ушедшего под воду города трактуется иначе. В творчестве Клюева, который рос в религиозно-старообрядческой атмосфере, а затем погрузился в эзотерику и революцию разом, почерпнутый из старообрядческих легенд Китеж оказался ключевым символом российской святости, эзотерическим центром («вожделенный, родной рай Китеж-град» наряду с «белой», «избяной» «Индией в красном углу» и в противовес «бьющему копытом Городу-дьяволу») и воплощением революции одновременно. Ахматовой (Гумилевой) он писал:

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь лучезарно-светла
Правишь горним неведомым градом [1, т. 2, с. 323].

По собственному свидетельству Ахматовой: «У него была мысль сделать из меня небесную градоправительницу, как он сделал Блока нареченным Руси». Но все это происходило в 1912 году, в 1937-м Клюева не стало, так что по всей видимости не одно только оставленное его стихами впечатление побудило Ахматову обратиться к этой теме в 1940-м. Необходимо учесть, что изначально «Китежанка» должна была стать частью книги «Маленькие поэмы», куда помимо нее предполагалось включить поэму «Россия Достоевского» (погибшую в осажденном Ленинграде) и «Поэму без героя», которая вскоре переросла формат подобной книги. То есть «петербургская» тема звучала бы в «Маленьких поэмах», если бы эта книга состоялась, весьма отчетливо. Кстати, достаточно отчетливо, вполне узнаваемо звучит она и в самой «Китежанке»:

Вечерней порою
Сгущается мгла.
Пусть Гофман со мною
Дойдет до угла.
Он знает, как гулок
Задушенный крик
И чей в переулочек
Забрался двойник [1, т. 1, с. 234].

Не говоря уже о прямо обозначенном: «Столицей распятой / Иду я домой».

Следует обратить особое внимание на своеобразный диалог, две реплики которого хоть и оказываются в разных поэтических текстах, но звучат как вопрос (оклик) и ответ. Первая реплика — это «грозным голосом» звучащее из-под воды обращение китежан из «Уложила сыночка кудрявого»:

— Ах, одна ты ушла от приступа,
Стона нашего ты не слышала,
Нашей горькой гибели не видела

Что же ты на земле замешкалась?
И венец надеть не торопишься? [1, т. 2, с. 41]

На него героиня (она же автор, поскольку «Китежанка» в значительной степени автобиографична) отвечает в «Китежанке»: «И в легкие сани / Спокойно сажусь... / Я к вам, китежане, / До ночи вернусь». По сути это обращение, зов ее мертвецов, с которыми она не разделила гибель и перед которыми чувствует себя виноватой, и ее ответ — обещание скорого с ними воссоединения (в старину в России покойника везли к месту погребения на санях). А поскольку мы говорим об Ахматовой, то ушедшие, те, кто обращается к ней из-под воды, — в большинстве своем петербуржцы. Таким образом, мы можем сказать, что именно у Ахматовой, не теряя своей символической наполненности, Китеж не просто перестает быть антитезой Петербурга, а совпадает с ним, в той только, впрочем, части города и его жителей, которая невозвратно, мученически уничтожена.

У шестидесятников это невозможное прежде сближение оборачивается полным совпадением:

От Китежа до Петербурга —
Совсем не так далеко:
Следи за полетом окурка,
Брошенного в Неву...[3]

Причем отраженным в Неве (утонувшим) оказывается парадный Петербург — ведь смерть коснулась его в первую очередь и именно его в литературе этого периода населяют мертвецы, которым принадлежит город.

И оттого, что реальность дня нынешнего так бездушна и ничтожна, а у них, ушедших, еще так много сил и желания изменить мир, они не ограничиваются условной жизнью в своем исчезнувшем городе и появляются среди нас. Не этот ли порыв подхватывает китежан у В. Бетаки и выносит в кумачовую «ордынскую вонь» современного города?

К дому дом, ощерившись, лепится,
Словно вздрагивает во сне,
Перепуганные троллейбусы
Прижимают уши к спине,
По асфальту, где окна спящие
Не расслышат копытный гром,
Мы проносимся — настоящие —
И скрываемся
За углом [2].

Только они, китежане, остались живыми и настоящими, в отличие от живущих в городах потомков предателей, в свое время смирившихся, склонивших головы под хлыстами захватчиков:

Оттого-то и затопили мы
Все — от папертей до крестов,

Затонули мы вместе с Китежем,
И поэтому — вас живей!
Отворите же, отворите же,
Вот мы спешили у дверей!

В ваших комнатах, в ваших комнатах,
Там, где страх, как столетье стар,
Мы напомним вам, мы напомним вам,
Все, чем жили вы до татар [2].

Именно эта сила и благодать — возможность напомнить и отчасти вернуть — делает утраченные города такими живыми в памяти и литературе. И поэтому раз в год, в ночь на празднование Владимирской иконы (23 июня по старому стилю), является людям Китеж. Но только праведный человек, помолясь, может увидеть в воде отражение Китежа и услышать звон его колоколов, словно отсвет Царства Божия на земле становится на этот краткий миг доступен людям.

Литература:

1. Ахматова А. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990.
2. Бетаки В. Китеж // Европа — остров [Электронный ресурс]. — URL: http://lit.lib.ru/b/betaki_w_p/text_0060.shtml (дата последнего обращения: 07.11.2021)
3. Бетаки В. От Китежа до Петербурга // Поздние петербуржцы. — СПб.: Европейский Дом, 1995. — С. 64.
4. Шешунова С. В. Легенда о граде Китеже в контексте символизма и постсимволизма // Постсимволизм как явление культуры. — Вып. 4: материалы Международной научной конференции. Москва, РГГУ, 5–7 марта 2003 г. — М., 2003. — С. 59.
5. Шешунова С. В. Град Китеж в русской литературе: парадоксы и тенденции // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. — Т. 64. — № 4 (июль-авг. 2005). — С. 12–23.

Tadevosyan A. A.

anahit.tadevosyan@rau.am

Russian-Armenian University

The image of Kitezh in poetry about St. Petersburg

The Kitezh first appears in literature in connection with the appearance of St. Petersburg and as its antithesis. In the Golden Age, this tendency was «oppositional», it came to the fore among the authors of the Silver Age. The choice in favor of Kitezh in the literature of this period is an expression of a return to true spirituality. After the revolution in the poetry of those authors who continued the traditions of the Silver Age in their work, Kitezh turned out to be simply a symbol of a return to spirituality, faith, the old way of life, to everything irreversibly destroyed. Among the sixties, this previously impossible convergence turns into a complete coincidence of Kitezh and St. Petersburg.

Keywords: Kitezh, St. Petersburg, A. Akhmatova, V. Betaki.

Репрезентация мифологического архетипа «вода» в славянских языках и культуре

Рассматриваются особенности формирования мифологического архетипа «вода» в языковой картине мира древних славян посредством этимологического анализа семантически связанных лексем *ждать* и *гадать*. В качестве иллюстраций приводятся данные славянской этнолингвистики, лингвокультурологии, фольклора.

Ключевые слова: этимологическое родство, архетипы, праславянский и индоевропейский языки, славянская мифология.

Мифопоэтическое сознание древних славян неотделимо от сакральных категорий, важную роль в формировании которых оказывали явления природы, а также стихии воды, земли, огня и воздуха. Вода в представлении восточных славян мыслилась как источник целебной, но в то же время губительной силы. Вода, с одной стороны, рождает жизнь, с другой — разрушает [5, с. 81].

Семантика мифологемы «вода» играет важную роль в установлении этимологических связей лексем *гадание* и *ожидание*. Лексема *ждать*, имеющая праславянскую форму *gъdati, восходит к праиндоевропейскому корню *g'hew(d) [8] со значением 'лить, совершать возлияние' и таким образом связана с мифологическим архетипом-понятием Вода. Глагол современного русского языка *гадать* восходит к корню *ghed [8], имеющему основное значение 'брать, хватать', а также 'вбирать, впитывать'. Таким образом, можно говорить об этимологическом родстве корней слов *гадать* и *ждать*, связанных общей семантикой и фонетической близостью.

Сходство праиндоевропейской основы лексемы *желать* *g'heidh [8] с основой *g'hew(d) подтверждает родство лексем *ждать* и *желать*. Производным от *желать* (ст.-слав. желѣти) является церковнославянизм *вожделеть* со значением 'сильно желать, жаждать'. Из праиндоевропейского *g'whedh со значением 'желать, стремиться' происходит общеславянский глагол *žēdāti [8] — 'жаждать, испытывать жажду'. Можно предположить, что жажда трактуется как категория, связанная с сильным *ожиданием*, так как прослеживается очевидная близость корней *g'hew(d) и *g'whedh.

Исходное значение лексемы *жажда* — 'сильное желание пить, острая потребность в употреблении воды' [1, с. 206], однако она употребляется также для выражения непреодолимого желания что-либо осуществить или сильного желания удовлетворить духовную потребность. Человек, томимый жаждой, страстно желает напиться водой. Иссохший организм требует влаги, отсюда появилось жаргонное слово *сушняк* — 'сухость во рту, жажда'. Сказать *человек сохнет* можно и про того, кто худеет, увядает, погибает. Глагол *сохнуть*, имеющий значение 'терять влагу', связанное с сильной жаждой как таковой, начинает употребляться в значении 'увядание, ожидание или страдание от любви': «Ты, что же — не видишь, что по тебе девушка сохнет?». [Максим Горький. Жизнь Клим Самгина. (1928)] или 'сильное влечение к кому-либо'. В древнерусском заговоре находим: «...и такъ бы о мнѣ, рабѣ Божьемъ (имя рекъ), рабица Божья (имя рекъ) сердцемъ кипѣла, кровью горѣла, тѣломъ сохла и не могла бы безъ меня...»

Лексема *гадать* восходит к праславянской форме *gadati, схожей с лит. godyti 'находить чутьем, соображать', готск. bigitan 'достигать; находить', греч. χανδάνω 'хватаю'. Праиндоевропейская основа указывает на связь с семами 'хватание', 'нахождение' [11, с. 381]. Если *гадать* значит 'находить', тогда *угадать* — 'найти'. Например: «...а намъ быти с тобою. и тако **оугадаша** поуть свои. ако ледове стануоть» [4, с. 255]. В то же время *угадать* — значит 'найти ответ', 'дойти до сути'. В этом семантическом пространстве процесс гадания как обряда связан с достижением истины, нахождением знания.

В мифологических представлениях древних славян с водой связывались следующие идеи: 1) Вода — живая и грозная сила, которая может как исцелять людей, так и насыпать на них проклятия. 2) Родники — источники чудодейственной воды — «живой воды». Если священный источник пересыхает, то люди начинают болеть и умирать. 3) Речная вода — проводник между «нашим» миром и «иным» миром, путь в загробное царство. 4) Вода — место скопления нечистой силы. Отсюда пошли выражения *в тихом омуте черти водятся*, *где вода, там беда*, *черт огня боит-*

ся, а в воде селится. 5) Вода — необходимый атрибут девичьих гаданий, способная дать ответы на вопросы сила, инструмент для проведения обрядов (в частности приворотных) [5, с. 81–85].

Известный фразеологизм *как в воду глядеть* связан с прояснением, угадыванием определенной истины, о которой достоверно неизвестно. ‘Узнать правду о человеке’ — значение фразеологизма *вывести на чистую воду*. Вода понимается как зеркальная поверхность, отражающая правду, то есть показывающая истину, дающая ответ на вопрос. Отсюда выражение *мутить воду* со значением ‘сбивать толку, утаивать истину’, так как в мутной воде изображение искажается.

Накануне Крещения девушки проводили такой обряд: последовательно необходимо было зажечь свечи, налить воды в блюдо, задать интересующий вопрос. Ответ искали на водной поверхности — нужно было верно истолковать значение фигур. «Всматриваясь в отражение в озере, реке, сосуде с водой и произнося различные заклинания, знахари и колдуньи по состоянию поверхности воды предсказывали будущее, чью-либо судьбу» [2, с. 105].

Функция воды, связанная с соединением живого и мертвого миров, «использовалась во время обрядов, требующих контакта с потусторонними силами» [7, с. 171]. Так, существовал обычай пускать венки по воде: «если венок утонул, значит, быть смерти; если прибил к своему берегу — остаться в девушках, если пристал к чужому берегу — к замужеству» [7, с. 171]. Похожий обряд проводился с троицкой березкой: ее бросали в воду, и, если она начинала сразу тонуть, считалось, что девушка долго не проживет [7, с. 236–237].

Часть гаданий у славян была связана с процессом литья. Нахождению, вбиранию влаги предшествует ожидание, которое в обрядах во время Святков связывалось с выливанием растопленного воска на водную поверхность и его застыванием. Ответ, знание о будущем угадывались по уже застывшему изображению. [7, с. 290].

Водяной, обитающий в прорубях, связан, как и вода, с «иным» миром — значит, он обладает потусторонним знанием, будучи представителем нечистой силы. Девушки нередко пытались узнать свою судьбу у водяного: «Во многих местностях у русских девушки в Святки отправлялись к проруби и, сев на коровью шкуру, «слушали» свою судьбу» [7, с. 331]. Получение знания о том, кто будет ее суженым или его суженой — попытка найти истину, угадать. Суженый — тот, с кем суждено (происходит от *судьба*) вступить в брак. Ожидание суженого — ожидание судьбы, того, что уготовано заранее, что произойдет и что можно предугадать. Гадание, предполагающее истолкование будущего, неизбежно влечет ожидание исполнения увиденного или ожидание получения желаемого образа.

Например, сюжет белорусской народной песни «Цячэ вада ў ярк...» построен на том, что Иванька отказывается пить принесенную девушкой воду, которую называет волшебной, иначе — заговоренной: «Вады піць не буду: / Вадзіца чароўна». Девушка намеревалась «влюбить» в себя Иваньку. Если бы он выпил воду, то был бы околдованным — значит, призванным.

Особенностью устройства мира, связанного с языческими представлениями древних славян, является наличие табу — запретов на произнесение определенных слов или магических формул. Так, рыбаки современных Новгородской, Архангельской, Астраханской областей боялись упоминать во время занятий промыслом слово *медведь*, так как считали, что «водяной поднимет бурю и не будет улова» [7, с. 271]. Дополнительное магическое значение иногда получали загадки. Слово *загадка* является производным от *гадать* и имеет значение «выражение, требующее разгадки». Ключом к разгадке было понимание устройства мира, так как загадка содержала «закодированную информацию о явлениях природы» [7, с. 50]. О сакральном значении загадок говорит то, что существовал запрет на их произнесение в определенное время: например, при дневном свете или в Рождественский пост.

Традиция загадывания загадок была широко распространена в свадебных обрядах. Большинство песен, включающих загадки, объединяет схожий мотив: «молодец загадывает девушке загадки и обещает взять ее в жены, если она их отгадает» [3, с. 45]. Этот мотив содержат колядки в украинском фольклоре [6, с. 387]:

...А що ж нам росте без коріннячка?

А що ж нам горить без поломене?

А що ж нам шумить без буйного вітра?

Реже «загадывание загадок» встречается в белорусских обрядовых песнях, они содержат от 5 до 7 загадок, выходя за рамки троичности, характерной для русских и украинских колядок: «Ой загадаймо сім загадок / Свої сванэйці молодэйкуй...» [3, с. 46].

В Словакии существовал обычай не впускать в дом дружину жениха, приходившую за невестой. Прежде они должны были ответить на загадки; ответы предполагали соблюдение строго

установленных формул. В Польше, прежде чем принять в свой круг сестру жениха, если он приехал из другого села, девушки пели ей песню и загадывали загадки [3, с. 46]. Подобные традиции говорят о функции загадки, связанной с ритуальной проверкой принадлежности к той или иной группе, к «своим» или «чужим».

Загадки сохраняют представления древних славян о мироустройстве. Убеждение в том, что месяц — младший брат солнца, отражается в загадке: «Младший уходит, а старший приходит». Кодировалась информация не только о природе, но и о ее связи с силами жизни и смерти. Образ дерева, имеющий значение границы между «своим» и «чужим» миром, иначе — миром живых и мертвых, использовался в загадке о смерти: «На горе Горенской стоит дуб Веретенской. Мимо дуба не пройти, не проехать ни царю, ни царице, ни красной девице, ни доброму молодцу» [9, с. 251]. Таким образом, загадки нередко кодируют информацию о сакральных явлениях, говорить о которых считалось опасно. Это сближает их с магическими формулами, которые требовали точной формулировки и могли произноситься только в определенное время и в определенном месте.

Таким образом, в формировании мифологического архетипа «вода», являющегося важной частью связанных с явлениями природы представлений древних славян, раскрывается предполагаемое этимологическое родство лексем *ждать* и *гадать*, демонстрирующих значимость данного пласта лексики в отражении языковой картины мира наших предков.

Литература:

1. Балдова А. В., Юриана Е. А., Живаго Н. А. Словарь русской пищевой метафоры. — Т. 3: Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности / под ред. Е. А. Юриной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. — 449 с.
2. Бирих, А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: [ок. 6000 фразеологизмов] / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — М.: АСТ, 2007. — 928 с.
3. Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М.: Наука, 1982. — 256 с.
4. Киевская летопись // Ипатьевский список (БАН, 16.4.4), первая четверть XV в., лл. 106 об. — 245. Опубликовано в изд.: Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. — С. 285–715
5. Коваль В. И. Мифологические верования восточных славян: Пособие по курсу «Славянская мифология» / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. — Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. — 270 с.
6. Колядки та щедрівки: зимова обрядова поезія трудового року / Інститут мистецтвознавства, фольклору та етнографії (Академія наук Української РСР) — Наукова думка, 1965. — 535 с.
7. Мадлевская Е. Л. Русская мифология. Энциклопедия — М.: Эксмо, МИДГАРД, 2007. — 784 с.
8. Праиндоевропейский этимологический словарь Старостина. — URL: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-starostin/index.html> (Дата обращения: 25.09.2021).
9. Садовников Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов притч и задач. — СПб.: тип. Н. А. Лебедева, 1875. — 332 с.
10. Словарь современной лексики, жаргона и сленга. — 2014. — URL: <http://argo.academic.ru/> (дата обращения: 01.10.2021).
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. 1–2 / Макс Фасмер; пер. с нем. О. И. Трубачева. — 1-е изд. — М.: Прогресс, 1986.

Yakushev A. A.

alex.yakusheff@yandex.ru

Immanuel Kant Baltic Federal University

Representation of the mythological archetype “water” in Slavic languages and culture

The features of the formation of the mythological archetype “water” in the linguistic picture of the world of the ancient Slavs with the etymological analysis of semantically related lexemes *to wait* and *to divine* are considered. As illustrations, the data of Slavic ethnolinguistics, linguoculturology, folklore are given.

Keywords: etymological affinity, archetypes, Proto-Slavic and Indo-European languages, Slavic mythology.

Роль приемов ТРКМ в работе с художественным текстом на уроках РКИ

В статье рассматривается комплекс приемов технологии развития критического мышления, работа с которыми позволяет развить у обучающихся РКИ умение воспринимать, понимать и анализировать художественный текст, способности прогнозировать развитие действия, видеть причинно-следственные связи, отвечать на разного типа вопросы и задавать их.

Ключевые слова: технология развития критического мышления через чтение и письмо.

Технология развития критического мышления через чтение и письмо (ТРКМЧП) используется сегодня преимущественно в школьном образовании [3]. Но, на наш взгляд, отдельные ее приемы могут эффективно работать и в практике преподавания РКИ. Относительно последней большую ценность ТРКМ представляет в плане развития не столько творческих способностей учащихся, сколько их умения воспринимать, понимать и анализировать художественный текст. Для формирования этого умения лучше всего использовать короткие повествовательные тексты, такие как новелла Ю. Бондарева «Отчаяние». В данной статье именно на ее примере рассмотрим, как можно работать с приемами ТРКМ.

В процессе реализации ТРКМ выделяют три стадии: вызов, осмысление и рефлексию [2, с. 6]. Задачи стадии вызова заключаются в том, чтобы заинтересовать учащихся и актуализировать имеющиеся у них знания. Преподаватель предлагает познакомиться с названием рассказа — «Отчаяние» — и поработать в парах. Один студент подбирает однокоренные слова («отчаянность», «отчаяться», «отчаливать», «отчаявшийся» и «отчаянный» и др.), второй ищет синонимы («безысходность», «упадок духа», «уныние» и т. п.). Вначале они это делают по памяти, а затем со словарем, объясняют значение слов и образуют с ними словосочетания или предложения. По окончании работы обучающиеся обмениваются друг с другом информацией. Далее преподаватель спрашивает, что, по мнению студентов, представляет собой заголовок — тему, проблему или идею. Группа вместе с преподавателем составляет кластер: к теме подбираются четыре проблемных вопроса, например «Что такое отчаяние?», «Почему человек отчаивается?», «Как / В чем проявляется отчаяние?», «К чему приводит отчаяние?» К каждому вопросу подбираются два ответа (идеи). После обсуждения преподаватель предлагает узнать, над каким проблемным вопросом задумывался советский писатель Ю. Бондарев в рассказе «Отчаяние» и к какому решению он подводит читателя.

На стадии осмысления учащиеся читают текст не сразу, а по одному предложению, делая каждый раз остановку. Распечатанного текста у студентов нет, они читают с экрана. Организацией чтения управляет преподаватель, используя прием «Чтение с остановками». Этот прием позволяет совершенствовать способность прогнозировать развитие действия, наилучшим образом помогает усвоить алгоритм анализа сюжета. Прочитав первое предложение рассказа Бондарева («Мой друг инженер был свидетелем ужасной сцены — мальчик во дворе поймал за гаражом голубя и ножницами отрезал ему лапки» [1, с. 52]), студенты определяют, с чего начинается текст — с экспозиции или сразу с завязки. Для осмысления прочитанного используются вопросы Бенджамина Блума. Его «ромашка» включает в себя шесть типов вопросов. Самый простой — *фактический*. Можно попросить студентов задать вопрос к каждому слову предложения (например, «Что сделал мальчик?»). *Уточняющий* начинается со слов «Правильно ли я понял...» (например, «...что мальчик совершил преступление?»). *Интерпретирующий*, или объясняющий вопрос — один из самых сложных для изучающих РКИ. Он всегда начинается со слова «почему». Почему мальчик совершил ужасный поступок? Почему с этого начинается рассказ (нет экспозиции)? *Оценочный* вопрос («Правильно ли отреагировал инженер?», «Можно ли оправдать поступок, совершенный мальчиком?») предполагает выражение отношения студентов к действиям персонажей, он может быть связан с *практическим* вопросом: «Как поступили бы вы?». *Творческие* вопросы позволяют развить умение прогнозировать дальнейшее действие: «Что было дальше?», «Как вы думаете, что было после того, как вмешался инженер?»

Завершив осмысление первого предложения, преподаватель должен задать вопрос: «Что было дальше?» Этот вопрос будет сопровождать чтение всего текста. Студенты выдвигают гипотезы, объясняют, почему они так думают.

Второе и третье предложения представляют собой описание состояния голубя и состояния мальчика. Имеет смысл обсудить функции описания. В первом случае мы говорим об усилении впечатления, которое возникло от того, что мы, читатели, тоже стали свидетелями «ужасной сцены». Во втором случае автор указывает на мотив совершения преступления — необходимость проведения эксперимента. Мы пока не знаем, в чем его суть, но можем предположить. Для фиксации версий следует воспользоваться приемом «Дерево предсказаний». На доске преподаватель рисует дерево: ствол — поступок мальчика, ветки справа — вероятные причины, ветки слева — невероятные. Студенты выдвигают гипотезы в парах, записывают на доске.

Следующий фрагмент текста — диалог инженера и мальчика, в котором первый пытается выяснить причину содеянного («Что ты наделал? За что же ты голубя?» [1, с. 52]), а второй игнорирует заданные ему вопросы, но отвечает на какой-то свой («Он не может летать без ног»). Анализируя вопросы инженера, преподаватель обращает внимание студентов на то, что первый из них риторический: выражает эмоции героя (нужно определить какие) и содержит глагол «наделал» (обсуждается разница в значении с глаголом «сделал»: наделать — это сделать что-то плохое, ошибочное, недопустимое, натворить). Второй вопрос «За что?», как правило, тоже остается без ответа (обычно он звучит «За что это мне?»). Студенты предлагают свои варианты вопросов, на которые мальчик мог бы дать ответ. Также они реконструируют вопрос по единственному ответу, данному ребенком. Все вместе обучающиеся размышляют, почему мальчик ответил «испуганно и тихо», обращают внимание на эмоции, косвенно выраженные в предложении, которое является кульминацией в развитии сюжета: «Он крепко схватил мальчика за плечо, и тот, сутулясь, подрагивая бледными губами, готовый уже заплакать, повел его к дому» [Там же].

Далее сосредотачиваемся на описании отца: «в застиранной пижаме, одутловатый, плохо выбритый, скрипнул протезом». Отмечаем, что развязки нет: на вопросы, обращенные к инженеру «Чего ты пришел?» и «Он у тебя, что ли, ноги отрезал?» [Там же], у инженера ответа нет, финал открытый. Композиция рассказа является «зеркальной», т. к. текст начинается с реакции инженера на детскую жестокость, а заканчивается отсутствием реакции на жестокость жизни. Отец стал инвалидом и не справился с этим, начал пить, отчаялся. Преподаватель предлагает студентам построить причинно-следственную цепочку по теме отчаяния: вначале отчаялся отец, затем ребенок, в финале — инженер, а так как «свидетелем ужасной сцены» оказался и читатель, то и читатель. Студенты ищут причины отчаяния каждого персонажа. Труднее всего объяснить молчание инженера. Нужно помочь обучающимся понять мысль автора о том, что гуманизм беспомощен перед жестокостью жизни: мы не можем ее наказать.

На стадии рефлексии необходимо вернуться к вопросу «О чем рассказ?» Тема — жестокость, но не только детская. Если бы автор хотел поразмышлять исключительно о детской жестокости, то сюжет, скорее всего, развивался бы в рамках преступления и наказания. Но наказания нет. Проблема может быть сформулирована в виде вопроса: «Почему человек жесток?» Идея — жестокость жизни порождает жестокость человека. В завершении работы над текстом используется прием «Фишбоун». Это диаграмма в форме рыбьего скелета, в котором голова — проблема, верхние кости — причины, которые можно найти как в тексте, так и в жизни, нижние кости — факты, подтверждающие существование этих причин. Хвост — вывод, решение проблемы. Самое главное — поиск причин, обнаружение связи между художественной литературой и жизнью.

В конце занятия студенты составляют синквейн. Приведем пример:

Отчаяние
Страшное неотвратимое
Охватить горевать страдать
Нет возможности устранить причину отчаяния
Беспомощность

Таким образом, использование приемов ТРКМ на уроках РКИ позволяет активизировать внимание учащихся, мотивировать на постижение смысла текста, расширить словарный запас, развить умение понимать и анализировать литературное произведение в единстве содержания и формы (больше всего обращая внимание на то, как оно строится — от заголовка до финала), прогнозировать развитие действия, а также стимулировать проявление творческих способностей.

Литература:

1. Бондарев Ю. Мгновения. Рассказы. — М: Издательство ИТРК, 2004. — С. 52.
2. Заир-Бек С. И. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителей общеобразоват. учреждений / С. И. Заир-Бек, И. В. Муштавинская. — 2-е изд., дораб. — М.: Просвещение, 2011. — 223 с.
3. Путило О. О. Использование приема «чтение с остановками» в процессе изучения фантастических произведений // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2015, № 9(43) [Электронный ресурс]. — URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1455107775.pdf> (дата обращения: 06.11.2021).

Knyazeva E. A.
evg-knyazeva@mail.ru
Perm State University

The role of teaching methods of critical thinking development technology in the work with literary text at lessons of RCTS

The article describes methods of critical thinking development technology — “reading with stops”, which allows students to develop the ability to perceive and understand the literary text, predict the development of action, answer different types of questions and ask them, stimulate the manifestation of creative abilities.

Keywords: technology of development of critical thinking through reading and writing, cluster, method “Reading with stops”, “Bloom’s Daisy”, “Prediction Tree”, “Fishbone”, cinquain.

О «музыке» стиха и о переводах лирики Пушкина на армянский язык

Задача автора — привлечь внимание к такому эстетическому феномену, как «музыка слова», музыкальная организация стиха и соответственное его воздействие, что особенно свойственно произведениям классической русской поэзии, в частности, лирической поэзии напевного типа. Высокая степень музыкальности стихотворения при переводе его на другой язык требует соответствия звуковому рисунку оригинала. С этой точки зрения говорится о лирике Пушкина, дается характеристика и оценка ее переводов на армянский язык.

Ключевые слова: стихи, музыкальность, Пушкин, лирика, переводы на армянский.

Известно, что поэзия и музыка — две временные формы искусства — в отличие от пространственных связаны не только теснейшей генетической связью, но потому ею и связаны, что соприсродны субстанционально. Субстанцию и той, и другой составляет звук, последовательность звуковых единиц, их разворачиваемость в обращенное к слуху звучание, на уровне искусства приобретающее благозвучие, мерность, гармонизированное или же мелодическое и в силу этого эстетически и эмоционально воздействующее. Разница в том, что музыка оперирует «чистым» звуком, поэзия же — *словом*, то есть звуком, предметно, понятийно наполненным, семантизированным, смысловым. Она выстраивает не звуки и созвучия как таковые. Воспользовавшись выражением Марины Цветаевой, можно сказать, что поэзия выстраивает «созвучие смыслов». Идеальную формулу поэтического текста дал нам Пушкин: «союз волшебных звуков, чувств и дум». Действие и воздействие слова в поэзии — это слиянное действие и воздействие слова *значащего* и слова *звучащего*.

Заметим, что в литературоведении целую область составило *стиховедение*, с особым своим предметом распознавания, а именно, звуковых (ритмоинтонационных, ритмомелодических, музыкально-композиционных) — законов стиха. И сколько же в стиховедении музыкальных терминов: гармония, мелодия, тон, темп, такт, лад, симфония, оркестровка, инструментовка, кантилена, реприза, рефрен, каданс, напев, распев и т. д.

Как музыкальная ритмомелодическая композиция складывается и воспринимается, в частности, произведение лирической поэзии. Ритмомелодика в широком смысле вбирает в себя, по слову Андрея Белого, естественную напевность души поэта — то, что душе поэта жаждется высказать, выразить. А. Белый говорил о *мелодии* как о «песенной душе лирики», а определял мелодию так: «Только в мелодии, поставленной в центре лирического произведения, превращающей стихотворение в подлинную распеваемую песню, поставлены на свое место: образ, звукоряд, метр, ритм...» [2, с. 547]. Вспомним, что во времена Алкея и Сафо стихи звучали в сопровождении лиры, — откуда и происхождение самого термина «лирика». Поэзия и музыка возникли из некогда единого искусства *песни*, и, выделившись в процессе своего исторического развития в искусство самостоятельное, поэзия — искусство размеренно звучащего слова — не могла утратить и не утратила действующего в ее системе «музыкального начала». Действие этого «начала» сказывается в повторах и пропорциях, ритмом и интонацией, функционально-композиционную ролью звукоинструментовки, звукописи.

Наиболее значительна эстетическая функция звуковой экспрессии, музыкального начала в организации текста в лирике напевного типа, той, которую Гоголь определил как «поэзию поэзии». В силу различия звуковой материи и законов ее организации в различных языках произведения музыкально-лирической поэзии ставят перед искусством перевода задачу высочайшей трудности — задачу верности, отзывчивости, соответствия не только понятийным слоям воспроизводимого текста и элементарным принципам его композиции, но и звуковому его движению,

свойственной ему «музыке» слова, стиха, обладающей силою непосредственного воздействия, заразительно-увлекающей.

Минувшее столетие, явившееся временем интенсивного литературного общения и обмена между двумя породнившимися культурами — русской и армянской, — оставило нам, в частности, многочисленные плоды взаимной заинтересованности обеих культур сокровищами классической их поэзии. В результате этой заинтересованности мы имеем сегодня большой массив взаимных поэтических переводов и множество представляющих их изданий, что само по себе есть огромное культурное достижение. Сознвая всю важность этого достижения и всю значительность его *количественной* стороны, мы считаем, что не лишним было бы обратиться к составу достигнутого с точки зрения *качества*, а именно художественной полноценности и действенности. С этой точки зрения, на наш взгляд, стоило бы разобраться, как обстоит дело в труднейшей для искусства стихотворного перевода сфере — в переводах поэзии лирической (напр., с русского на армянский), с применением к ним критерия музыкальной отзывчивости оригиналу как немаловажного *качественно-определяющего критерия* их оценки и отбора для возможных будущих изданий.

Дадим в указанном плане общее представление и оценку относительно достигнутого на сегодня в переводе на армянский лирики Пушкина.

Найдется ли в наше время читатель русской поэзии, не знающий пушкинского «Памятника» и не помнящий, в чем именно виделся великому поэту залог долгой его «любезности» народу? Однако, лишь обратившись к пушкиноведению, можно узнать, что в вариантах «Памятника» поэту виделось таким залогом и нечто еще — новые звуки, новый музыкальный строй его восславившей свободу и пробуждающей добрые чувства лиры, о чем со всею ясностью говорят перепробованные в черновой редакции варианты: «Что в русском языке *музыку* я обрел», «Что звуки новые обрел я в языке», «Что звуки новые для песен я обрел» [См. об этом, в частности, в кн.: 1].

«Союз волшебных звуков, чувств и дум» — так сказал Пушкин о поэзии в первой главе «Евгения Онегина». Один из крупнейших пушкинистов Д. Д. Благой поставил эти слова заглавием в своей работе, посвященной музыкальному началу в поэзии Пушкина. «В этом предельно отточенном — языком формулы — и по существу строго научном определении, пишет Д. Д. Благой, — указаны все основные элементы, образующие в своей слитности — «союзе» — то нераздельное гармоническое триединство, которое присуще созданиям самого Пушкина и наличие которого является критерием, позволяющим выделить из огромного количества писавшихся и пишущихся стихов произведения истинно поэтические» [3, с. 168]. Сам Д. Благой блестяще показывает в этой работе органическую связь звука и смысла, музыки и мысли, обращаясь к конкретному анализу текстов («Анчар», «Брожу ли я вдоль улиц шумных») и из элементов, образующих «музыку» стиха в широком понимании, сосредотачиваясь преимущественно на элементах, образующих его *музыкальность*, а именно на ритме и на инструментовке, звукописи стихов.

И в стиховедении, и в пушкиноведении есть немало страниц, раскрывающих глубокую содержательность ритмомелодики, смысловыразительность звуков пушкинского стиха, музыкальную его архитектуру и звуковую гармонию. Это и страницы в стиховедческих работах В. Жирмунского, Б. Томашевского, Б. Эйхенбаума, Л. Тимофеева, В. Холшевникова и др., это и отдельные «микроанализы» звукового рисунка пушкинских текстов.

Что можно в общем и вкратце сказать об отзывчивости «музыке» лирических стихотворений Пушкина, их «волшебным звукам» в богатом своде переводов из лирики Пушкина на армянский?

На армянский язык первые переводы из Пушкина были сделаны еще при жизни его. С тех пор из литературного поколения в поколение, его переводили и продолжают переводить, предпринимая все новые и новые попытки донести до чуткого к поэзии армянского читателя многообразные интонации пленительно-прекрасного пушкинского голоса. Переводы из поэзии Пушкина образуют сегодня тома, многие вещи его, в том числе крупные, в разное время появлялись в новых переводческих исполнениях, немало лирических шедевров переводилось многократно. И этому непрерывному появлению и накоплению переводов не одно только объяснение, каковым является желание и задача познакомить не читающих на русском языке с творчеством великого поэта. Во многих случаях и в существенной степени иное тут объяснение, иной мотив, а именно — желание через перевод вступить в поэтическую переключку, беседу, общение с Пушкиным, разделить его чувство, настроение, вдохновение, испытать возможности своего языка на созвучный ответ,

на «эхо» переводимым стихам. Как бы то ни было, в силу действия обоих мотивов, через обновление и отбор переводческих «ответов», сложился внушительный по составу (количеству) свод пушкинских созданий в переводе на армянский, и поэтическая его состоятельность (качество) в целом отвечает критериям, уровню современной развитой культуры перевода. Но что особенно важно и дорого, среди переводов, в частности, из пушкинской лирики, сделанных в разное время в силу второго отмеченного нами мотива, есть поистине замечательные, перенимающие силу, прелесть, пленительную музыкальность пушкинского стиха, образцу своему дающие вторичную жизнь в ином языке, именно *жизнь*, а не *существование*. Их, конечно же, немного, и все же некую возвышающуюся, светящуюся гряду они образуют, и встречаем мы здесь имена ряда крупных армянских поэтов, и есть здесь своя вершина, которую составляют переводы, исполненные гением армянской поэзии Ованесом Туманяном, а среди них прежде всего и более всего один из малых шедевров Пушкина — «Зимний вечер». Имея в виду совершенство звукового рисунка, музыкальной выстроенности пушкинских стихотворений и распространяя этот критерий художественной полноценности на свод переведенных на армянский стихотворений Пушкина, мы можем выделить здесь, помимо туманяновского шедевра (и его же перевода «Песни о вещем Олеге»), еще ряд замечательных переводческих достижений. Таковы некоторые переводы поэтов — Ал. Цатуряна («Пророк», «Поэт», «Туча», «Буря»), Н. Зарьяна («Признание», «Предчувствие», «Осень» и др.), В. Давтяна («Зимнее утро», «В поле чистом серебрится», «Если жизнь тебя обманет»), П. Севака («Ворон к ворону летит»), С. Вауни («Жил на свете рыцарь бедный»). Число замечательных переводов их пушкинской лирики, отвечающих критерию адекватности звучания и музыкального воздействия стиха, пополнили последнего времени переводы — превзошедший все предыдущие перевод «Памятника», исполненный Эд. Джрбашяном, и переведенное впервые Р. Бейлеряном стихотворение «Храни меня, мой талисман». В итоге можно сказать, что из большого (исчисляемого сотнями) свода армянских переводов стихотворений Пушкина, свода, открывающего мир его лирики, сегодня может быть выделено и достойное гения русской поэзии «Избранное», в котором несколько десятков лирических его шедевров прозвучат эстетически полноценно, воздействуя, в частности, «музыкой слова».

Литература:

1. Алексеев М. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Проблемы его изучения. — Л., 1967.
2. Белый А. Будем искать мелодии // А. Белый. Стихотворения и поэмы. — М.; Л., 1966.
3. Благой Д. Душа в заветной лире. — М., 1977. — С. 168.

Gonchar-Khanjyan Nataliya Karenovna
natalie.gonchar-khanjyan@rau.am
 Russian-Armenian University,
 Yerevan State University

«On the Music» of Verses and Translation of Pushkin's Lyrics into Armenian Language

The paper focuses attention on such aesthetic phenomenon as «music of the word», musical pattern of verses and, accordingly, its influence on the reader or hearer. This quality highly characterizes Russian classical poetry, in particular Pushkin and his lyrics. The phonic pattern of verses requires for sensitive recall from translator. The author considers from this point of view the musical quality of Pushkin's poetry and gives the characteristic of translations into Armenian language.

Keywords: verses, musicality, Pushkin, lyrics, translations into Armenian language.

Безграничное литературное наследие Е. Благиной для дошкольников стран Содружества

В статье рассматривается важность русского языка и литературы для процессов взаимодействия и сотрудничества стран СНГ. Выявляется актуальность усвоения русского языка и чтения русскоязычной литературы в дошкольном возрасте на постсоветском пространстве. Анализируется творчество Е. Благиной как особое в ряде произведений для детей, а также целесообразность приобщения дошкольников к художественному литературному наследию поэтессы в ДОУ.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, русский язык, стихотворения для детей, детская литература, Елена Благина, русская детская литература XX века.

На территориях СНГ русскому языку принадлежит **особая роль**: он — носитель или, как минимум, транслятор тех смыслов и ценностей, которые взаимопонятны для всех, кто принадлежит к пространству бывшего Советского Союза. Тем важнее его сохранение и укрепление как посредника между странами и людьми. Сотрудничество стран Содружества развивается по всем направлениям, но именно культура и литература позволяют глубже познакомиться с традициями друг друга и способствуют сближению народов.

Президент и Правительство РФ особое внимание уделяют стимулированию интереса зарубежной общественности к русскому языку как к инструменту взаимодействия с Российской Федерацией в образовательной, культурной и иных областях, поддержке и укреплению статуса русского языка как языка межгосударственного и межнационального общения, сохранению русского языка в странах, исторически связанных с Россией [1, с. 2].

Русскоязычная образовательная среда включает в себя не только школьное и послешкольное обучение, но также и дошкольное.

Раннее обучение русскому языку создает удивительные возможности для того, чтобы вызвать у детей искренний интерес к России, ее культурному и литературному многообразию, развитию коммуникативно-речевого такта. Научение основам русского языка и русской устной речи является органической частью воспитательно-образовательной работы с русскоговорящими детьми в дошкольных образовательных учреждениях.

Вся красота и глубина русского языка познается через художественную литературу. Слыша с младых лет русское слово, дети познают язык, пополняют свой лексический словарь.

В программах дошкольного образования приводятся примерные списки художественной литературы для чтения детям (чаще — по возрастным категориям, как, например, в программе «От рождения до школы» [3, с. 207]).

Нередко в данных списках встречается упоминание **Елены Благиной** — советской писательницы, произведения которой знакомы многим жителям СНГ. И если фамилия поэтессы упоминается нечасто, то строки из ее произведений знакомы многим: «*Мама спит, она устала... Ну и я играть не стала! Я волчка не завожу, А уселась и сижу...*» [2, с. 100].

Елена Благина — уроженка села Яковлево Орловской губернии (1903 г.), русская советская переводчица, поэтесса и мемуарист, член Союза писателей СССР. После учебы в Курском педагогическом институте вся ее дальнейшая жизнь была связана с писательством. В 1940-е годы Елена Благина становится одним из *ведущих* детских писателей в СССР.

Тому подтверждение постоянная публикация сборников ее стихотворений, выпуск мультфильма по ее сценарию, ведение радиопередач.

Что отличает творчество Е. Благиной от иных детских писателей? На мой взгляд существует несколько причин.

Во-первых, в семье писательницы высоко ценили народное творчество, фольклор. Народные мотивы — не стилизации, а полновесное народное слово, постоянно были на устах, и это нашло отражение в стихотворениях поэтессы (дразнилки, считалки, потешки — самые простые формы для приобщения детей раннего возраста к русской словесности) Малые словесные формы, из раза в раз используемые как некие ритуалы (проговаривание, пропевание) в семье и в режимных моментах ДООУ, дают ребенку чувство безопасности, постоянства, стабильности. Эти ощущения необходимы для благополучного и гармоничного развития детей.

Во-вторых, напитанная просторами русских полей, лесов и лугов, Елена Благина сумела передать в своих произведениях всю любовь к русской природе. Воспевая через слово так просто и лирично явления природы, погоду, животных она словно делится памятными фотокарточками — природа орловского края, однозначно, оставила неизгладимое впечатление у поэтессы. Детям, несомненно, откликаются данные произведения — образы в них понятны и доступны даже дошкольникам раннего возраста. Мы, педагоги, можем научить детей видеть чудо в простых вещах и красоту в мелочах — и в веточке, и в цветочке, и в камне, и в облаке — так, как это умела делать Елена Благина.

В-третьих, ее поэзия раскрывает всю широту русской души. Здесь стоит упомянуть и о нравственности, которую писательница транслирует в своих произведениях (т. н. воспитание без дидактики). Любовь к ближним, уважение к родителям, справедливость, трудолюбие, бережливость, скромность; эти и иные добродетели — часть культурного наследия стран бывшего СССР — и по сей день передается подрастающим поколениям в наших странах. Через транслируемые нравственные основы народов нагляднее видна универсальность стихотворений поэтессы. Родительская, житейская и народная мудрость удивительным образом сочетаются в каждом стихотворении писательницы.

В-четвертых, это точно пойманные слова, несложные смыслы, необыкновенные метафоры и простые удачные рифмы — те самые составляющие понятного детям художественного произведения для детей. То, что привлекает детей к слушанию. То, что они в состоянии дослушать, запомнить, инсценировать, включить в свою игру. В дополнение к вышесказанному можно отметить преимущественное использование Благиной хореев и анапеста, четкого ритма, органичное включение традиционных народных эпитетов.

На мой взгляд, использование произведений Е. Благиной в рамках приобщения дошкольников к художественной литературе в ДООУ *целесообразно*.

Педагоги могут читать художественные произведения, сопровождать чтение показом игрушек, картинок, а также учить слушать художественное произведение без наглядного сопровождения; сопровождать чтение небольших поэтических произведений игровыми действиями; предоставлять детям возможность договаривать слова, фразы при чтении педагогом знакомых стихотворений; обсуждать с детьми поступки героев и последствия этих поступков.

Некоторые литературные особенности произведений Е. Благиной позволяют использовать их как *средство подготовки к обучению грамоте* детей старшего дошкольного возраста — скороговорки, частое использование имен прилагательных, понятных детям глаголов. Яркие образы природы могут стать словесной иллюстрацией к лексическим темам про времена года и явления природы. «Азбука в стихах» может стать отличным подспорьем для знакомства детей с буквами и звуками русского языка.

Невозможно переоценить **духовно-нравственное наполнение** произведений Е. Благиной. *Образы мудрой бабушки, заботливого родителя, послушного ребенка и внимательного близкого* как нельзя лучше отражают то воспитание, которое наши народы стремятся реализовывать. *Бережливое отношение к природе, мудрое пользование ее ресурсами, уважение к человеку-труженику* — легко и лирично автор поднимает «вечные» важные темы, заставляет задуматься читателей и слушателей.

Примеры благоприятного климата в самых разнообразных коллективах, *взаимопонимания и дружбы* в произведениях Благиной преподносятся как неотъемлемая часть человеческого существования. Все это, на мой взгляд, столь тонко и точно передано в стихотворениях Е. Благиной.

Этот драгоценный вклад в литературу еще *нуждается в анализе, изучении, уточнении, адаптации* для разных возрастов и переводе на другие языки.

Схожесть духовно-нравственных смыслов и ценностей народов Содружества позволяют описать литературное наследие Елены Благиной как «безграничное». Адресность, понятные образы и воспитательная суть ее поэзии позволяют определить контингент ее слушателей и читателей — это дети дошкольного и младшего школьного возраста.

На мой взгляд, безграничное литературное наследие Елены Благиной сегодня в странах СНГ как никогда актуально. Ее поэзия наполнена необычайной детской радостью от общения с миром, который наши молодые поколения постигают и исследуют с величайшим усердием.

Литература:

1. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом: утв. Президентом РФ 03.11.2015 г. № Пр-2283 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188569/ (дата обращения 04.11.2021).
2. Не мешайте мне трудиться: стихи и сказки: для детей младшего школьного возраста / Елена Благина; рисовал Л. Непомнящий. — М.: Стрекоза, 2020. — 162 с.
3. ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ШКОЛЫ. Инновационная программа дошкольного образования. / Под ред. Н. Е. Вераксы, Т. С. Комаровой, Э. М. Дорофеевой. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: МОЗАИКА-СИНТЕЗ, 2019. — 336 с.

Osnitskaya A. P.

panianastazia@yandex.ru

Kindergarden № 33 Orel

The boundless literary heritage of E. Blaginina for preschoolers from the Commonwealth countries

The article examines the importance of the Russian language and literature for the processes of interaction of the CIS countries. The urgency of mastering the Russian language and reading Russian-language literature at preschool age in the post-Soviet space is revealed. The work of E. Blaginina is analyzed as special in a number of works for children and the expediency of introducing preschoolers to the artistic literary heritage of the poetess at the preschool educational institution.

Keywords: Commonwealth of Independent States, Russian language, poems for children, children's literature, Elena Blaginina, Russian children's literature of the XX century.

Бунин И. А. — знаток русского языка: слово о любви (на материале рассказов «Солнечный удар» и «Чистый понедельник»)

А. М. Горький считал И. А. Бунина «прекрасным знатоком души каждого слова». Бунинские персонажи — это молодые, здоровые и красивые люди — жаждут любви, большой и взаимной. И. А. Бунин — продолжатель энциклопедии любви, начатой Ги де Мопассаном. Цель статьи — показать вселенную любви по И. А. Бунину в красках русского языка.

Ключевые слова: новеллы о любви, «солнечный удар», душа слова, счастье, напряжение духовных и физических сил.

В 2020 году весь просвещенный мир отметил 150-летие со дня рождения великого русского писателя и поэта, первого русского лауреата Нобелевской премии — Бунина Ивана Алексеевича. Он был воспитан русским народом и русской землей, на которой жил 50 лет до эмиграции. По воспоминаниям И. А. Бунина, «детство его было связано с полем, с мужицкими избами и обитателями их» [1, с. 379]. Несмотря на свое дворянское происхождение, он был «вольнодумцем, равнодушным не только к своей голубой крови, но и к полной утрате всего того, что связано с нею» [Там же, 378]. Он любил русскую природу, восхищался ее красотой, любил слушать песни, сказки, предания, истории, которые ему рассказывали родители и дворовые крестьяне. Все это запечатлевалось в памяти маленького мальчика, а затем спустя годы И. А. Бунин использовал в своих произведениях былинные, сказочные и песенные мотивы (см. рассказы «Антоновские яблоки»; «Сны Чанга»; «Митина любовь»; «Антигона» и др.). И. А. Бунин, как и Л. Н. Толстой, всю жизнь занимался самообразованием, был странником, скитальцем, зарабатывавшим на жизнь собственным трудом. Этим трудом стала литература в разных ее формах и проявлениях. За 50 лет пребывания в России глазами И. А. Бунина была охвачена вся ее территория, ее уклад, нравы, обычаи и культура. И. А. Бунин был писателем-реалистом, который имел свой индивидуальный почерк в описании русского человека и его характера. В отличие от А. М. Горького, Л. Н. Андреева и А. И. Куприна не было в его произведениях публицистической установки, лозунга, призыва. Он был летописцем народной жизни. Литературный критик Игорь Сухих во вступительной статье к Малому собранию сочинений Ивана Бунина (СПб., 2017) писал: «Одним современникам Бунин казался излишне бытовым писателем, другим — недостаточно идейным. А он всю жизнь отстаивал право художника прежде всего изображать человеческие характеры, вписанные в мир Божий и неотделимые от него» [2, с. 8].

Цель данной работы — показать художественный мир прозы И. А. Бунина как прекрасного знатока русского литературного языка. В задачи работы входит выявление находок мастера И. А. Бунина в показе человеческих отношений с помощью выразительных средств русского языка. Рассказ «Солнечный удар» был написан в 1925 году, а «Чистый понедельник» — в 1944 году. Разница — почти 20 лет — в написании рассказов не сказалась на стилистике произведений И. А. Бунина. Тот же почерк, выверенный и скрупулезный в изображении героев. Та же манера наделять своих героев духовностью и нравственностью. Бунинские герои окунаются в мир любви, ищут в любви спасение и умиротворение. Для них любовь — это все поглощающая страсть. Герои выбранных рассказов — безымянные: он и она. Но у Бунина есть особенность: они наделены богатым внутренним миром и ответственностью перед своими поступками. Героиня из «Солнечного удара» — она, «эта маленькая женщина» [3, с. 203]. Ее попутчик — молодой поручик, очарованный ее красотой. Короткие, емкие предложения у И. А. Бунина в описании анатомии любви: «*Поручик взял ее руку, поднес к губам. Рука, маленькая и сильная, пахла загаром (она едет из Анапы)... Поручик пробормотал: — Сойдем... Умоляю вас... — Ах, да делайте как хотите, — сказала*

она, отворачиваясь» [3, с. 263–264]. По И. А. Бунину, любовь — это пьянящее чувство, это омут, в который ты бросаешься с головой (пробормотал, умоляю, пахла загаром, делайте как хотите, слова-детерминанты, определители действия). Героиня — «маленькая женщина», у которой есть муж и трехлетняя дочь, отчетливо понимает: бороться с возникшим чувством трудно: *«Я, кажется, пьяна... Откуда вы взялись? Я даже не знаю, где вы сели. В Самаре? Но все равно... Это у меня голова кружится или мы куда-то поворачиваем?»* [Там же, с. 263]. Повороты судьбы — вот формула отношений бунинских героев. На несколько часов жизнь двух человек приобретает неземной характер: *«Вошли в большой номер — и как только вошли и лакей затворил дверь, поручик так порывисто кинулся к ней и оба так иступленно задохнулись в поцелуе, что много лет вспоминали потом эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот ни другой»* [Там же, с. 264]. Использование глаголов совершенного вида — *кинулся, задохнулись, вспоминали, не испытал* — подчеркивают миг любви, ее неповторимость и искрометность. Бунинская формула любви пополняется новыми лексемами — *«дорожное приключение»; «странное приключение»; «солнечный удар»*. Встреча двух людей на пароходе изменила их будничную жизнь: *«Как дико, страшно все будничное, обычное, когда сердце поражено этим страшным «солнечным ударом», слишком большой любовью, слишком большим счастьем!»* [Там же, с. 267]. Так думал поручик после ее отъезда. Он хотел еще раз встретиться с ней и сказать, убедить ее в том, как он «мучительно и восторженно любит ее». И Бунин И. А. резюмирует: *«Поручик сидел под навесом на палубе, чувствуя себя постаревшим на десять лет»* [Там же, с. 269].

Физическую боль от *«странной любви»* испытывает и другой бунинский безымянный герой из рассказа «Чистый понедельник». Два богатых, здоровых, молодых и красивых человека — он и она — рядом друг с другом уже много времени, но никак не могут соединиться и жить вместе. Он вечером после работы через всю Москву мчится к ней. Она живет в гостинице, нигде не работает. Всегда молчалива, загадочна. Любит читать книги, общаться с известными поэтами и писателями на «капустниках». Ходят вместе в театр, предаются утехам в ресторанах. В отличие от «Солнечного удара», рассказ «Чистый понедельник» пронизан диалогами, рассуждениями о счастье и о любви. Он влюблен в нее, а она ведет себя осторожно, как бы боясь чего-то. Ее рассуждения о счастье сбивают с толка рыцаря-любownika: *«Счастье, счастье... Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь — надулось, а вытащишь — ничего нету»* [4, с. 764]. Народная мудрость, вложенная Л. Н. Толстым в уста Платона Каратаева, оттеняет острый ум и смекалку бунинской незнакомки, жизнь которой наполнена тайнами. Она себе перед Прощеным воскресеньем позволяла все: кутить до четырех часов утра, курить, веселиться с цыганами и слушать их песни «с томной, странной усмешкой». А он, *«...закрывая от счастья глаза, целовал мокрый мех ее воротника и думал, что завтра и послезавтра будет то же — все та же мука и все то же счастье... Ну что ж — все-таки счастье, великое счастье!»* [Там же, с. 765]. И вот наступило Прощеное воскресенье. В этот день она предложила поехать в Новодевичий монастырь. Тайны незнакомки постепенно становятся явью для него. Он узнает, что она прекрасно осведомлена о православной культуре Москвы, посещает монастыри и заслушивается церковными песнопениями, в которых еще осталась Русь. И вдруг он узнает: *«Ох, уйду я куда-нибудь в монастырь, какой-нибудь самый глухой, вологодский, вятский!»* [Там же, с. 767]. Для героя-любownika расставание с возлюбленной было мучительным и болезненным: ведь он дышал ею и жил ею, несмотря на все муки любви. Два года прошло с того Чистого понедельника. И. А. Бунин не описывает переживания героини, решившейся на постриг. А о герое, его мытарствах пишет много: и о слабости духа (чуть-чуть не спился), и о посещениях церквей, и о надежде найти свою возлюбленную, которая решила стать невестой бога. Формула любви И. А. Бунина наполняется новыми лексемами — *мука, молитва, слезы*.

Итак, великий И. А. Бунин, исследуя тему любви, раскрывает ее суть на примере своих героев благодаря изобразительно-выразительным средствам великого и могучего русского языка. Писатель И. А. Бунин, прекрасный знаток русского языка, показал любовь как метеорологическое явление и как болезнь, поэтому поступки его героев порой не объяснимы. И. А. Бунин ответ на этот вопрос: «Почему так поступают его герои?» — оставляет читателю. Вдумчивый читатель, конечно, найдет ответ. И он будет, в конечном итоге, разным. И будет связан, разумеется, с жизненной установкой читателя и его ответом, что такое настоящая и истинная любовь.

И. А. Бунин оставил нам свои творения, которые волнуют и будоражат нашу душу до сих пор. И в этом великая и притягательная сила русского слова, русского языка, которому всю свою жизнь был предан писатель И. А. Бунин.

Литература:

1. Литература: учебник для студ. учреждений сред. проф. образования / под. ред. Г. А. Обернихиной. — М.: Академия, 2016.
2. Бунин И. А. Малое собрание сочинений. — СПб.: Азбука, 2017.
3. Бунин И. А. Солнечный удар // Малое собрание сочинений. — СПб.: Азбука, 2017.
4. Бунин И. А. Чистый понедельник // Малое собрание сочинений. — СПб.: Азбука, 2017.

Umantseva Lydia Vasilyevna

Chen-vik@mail.ru

Rostov Branch of the Russian State University of Justice

T Bunin I. A. — expert in the Russian language: a word about love (based on the stories “Sunstroke” and “Clean Monday”)

A. M. Gorky considered I. A. Bunin “an excellent connoisseur of the soul of every word.” Bunin’s characters are young, healthy and beautiful people — they crave love, big and mutual. I. A. Bunin is the successor of the encyclopedia of love, started by Guy de Maupassant. The purpose of the article is to show the universe of love by I. A. Bunin in the colors of the Russian language.

Keywords: novels about love, “sunstroke”, the soul of the word, happiness, the tension of spiritual and physical forces.

Чупановская Мария Николаевна

mariya-chupanovskaya@yandex.ru

Иркутский государственный университет,

Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

Маклакова Татьяна Борисовна

tanya-834@mail.ru

Российский государственный университет правосудия,

Восточно-Сибирский филиал

Российская Федерация

Говоры Иркутской области как часть культурно-исторического наследия края (региональный аспект в преподавании дисциплины «Русский язык и культура речи»)

В статье рассматриваются возможные пути включения диалектного языкового материала в курс «Русского языка и культуры речи» для развития лингвокраеведческой компетенции у студентов нефилологических специальностей. Предлагается классификация тематической лексики, знакомство с которой ориентировано на формирование у обучающихся знаний о местных языковых чертах и историческом прошлом родного края.

Ключевые слова: преподавание русского языка и культуры речи, национальный русский язык, диалект, говор, говоры Иркутской области.

В преподавании дисциплины «Русский язык и культура речи» в вузе учеными-практиками отмечается особая значимость не только общеязыковой, но и культурной составляющей, которая предполагает изучение языка «в тесной связи с культурой народа» [5, с. 25]. Перед тем, как студенты начинают рассматривать аспекты современного литературного языка, преподаватель знакомит их с понятием национального русского языка и его нелитературными формами (просторечием, жаргоном, инвективой, диалектом).

При рассмотрении понятия *диалект* нами дается общее его истолкование, которое дополняется информацией о говорах Иркутской области как части культурно-исторического наследия края. Включение регионального компонента в программу курса русского языка и культуры речи способствует развитию у студентов иркутских вузов лингвокраеведческой компетенции, что обуславливает актуальность данной работы.

Цель статьи заключается в попытке показать, как местные языковые факты помогают представить национально-культурную ценность языка.

Разновидность национального русского языка, употребление которой ограничено определенной территорией называют *территориальным диалектом*.

Диалектные особенности становятся очевидными при их сопоставлении с соответствующими фактами современного литературного языка. Таким образом, те языковые единицы и/или системные отношения между ними, которые не зафиксированы в литературном языке, ограничены в использовании определенной территорией, известны только местным жителям, называются *диалектными*, или *областными*.

Термин *территориальный диалект*, в этом же значении употребляется термин *диалектный язык*, «являются лингвистической абстракцией, за которой стоят многочисленные реально существующие диалектные подсистемы, различающиеся определенными структурными признаками. В диалектологии такие подсистемы называются говорами» [3, с. 63–64].

В диалектологии принято рассматривать *говор* как язык одного или нескольких соседних населенных пунктов, однородных в языковом отношении (В. В. Колесов, Л. Л. Касаткин, Н. А. Лукьянова, О. И. Блинова, Т. В. Сергеева и др.). Говор является частной разновидностью диалектного языка (частной диалектной системой) [6].

Одной из таких частных диалектных систем выступают говоры Иркутской области, которые сформировались на севернорусской основе при контактировании с говорами среднерусского типа. С течением времени и в результате самостоятельного развития они приобрели новые особенности на всех языковых уровнях.

Говорам Иркутской области, например, свойственны такие черты [1; 4]:

а) *фонетические*: произношение [o] в косвенных падежах местоимений *твоя, своя (в сваей, в тваей)*; после твердых шипящих и Ц произносится [a] (*жана, жалудок, шастой, цамент, цана*); отвердение конечных мягких губных согласных (*кров, проруб, цеп*); утрата интервокального йота с последующим образованием стяженных форм прилагательных, порядковых числительных и глаголов (*больша девочка, втора дочь, бегат, сверкат, играт*) и др.;

б) *грамматические*: разрушение категории рода (*яблока большая, лента длинный, лошадь худой*); частотность употребления постпозитивной частицы *-то (деревня-то, стол-то, рыба-то)*; использование словосочетаний глагол + существительное в винительном и предложных падежах с предлогом *по* в значении цели (*идти по телка, пришел по деньги*) и т. п.

Говоры Иркутской области обладают богатым лексическим фондом. На основе анализа диалектного словаря [2] и собственной картотеки мы выделили следующие тематические группы лексики, обращение к которым будет интересным и полезным для студентов с точки зрения формирования у них представления о том, как через слово можно познакомиться с целым миром деревенского старожильческого населения края, с миром, уходящим в прошлое (примечание: прописная буква показывает ударный гласный в слове).

1. Наименования предметов быта:

чугУнка — горшок из чугуна;

судомОйка — тряпка для мытья посуды;

халбагУшка — деревянная поварешка.

2. Наименования построек внутри дома и на приусадебном участке:

повЕть — помещение под навесом для хранения сена;

вЪшка — чердак;

повАрня (повАрка) — помещение для приготовления и принятия пищи летом.

3. Наименования предметов труда (относятся к рыболовству, сельскохозяйственным работам):

мОрда — приспособление для ловли рыбы с рамкой спереди, к которой прикреплены продольные прутья и плетение, образующее воронкообразный вход;

сигОвка — сеть для ловли сига;

сабАн — соха с широким сошником и передком на колесах;

литОвка — орудие косьбы, коса.

4. Наименования предметов одежды, обуви:

катанУшка — мужская шапка, скатанная из шерсти;

Ичиги — обувь из обработанной кожи с голенищем, на мягкой подошве. В такой обуви мужчины ходили на рыбалку и охоту;

гача — штанина;

кАтанки — валенки;

мохнАтки — рукавицы из шкуры животного (чаще из собачьей шкуры) мехом наружу;

верхОнки — рабочие рукавицы.

5. Наименования блюд:

тарАк — вареное, густое закисшее молоко;

саламАт — блюдо из сваренной в сливках муки, которое готовили по случаю завершения большой работы, в ознаменование какого-либо события. Поэтому при окончании дела до сих пор в деревнях говорят: «Ну все, саламат!», что означает: «Дело сделано!»;

жирЕха — блюдо из внутренних органов и мяса, которое готовится сразу после забоя крупнорогатого скота, свиней;

ошУрки — остатки от топления жира, сала.

6. Наименования растений:

кИслица — красная смородина;

сарАнка — лилия;

лесИна — дерево.

7. Наименования животных, птиц:
бегунЕц — скаковая лошадь, рысак;
парУнья — курица, высиживающая цыплят;
пальИк — тетерев.

Таким образом, при изучении понятия *национальный русский язык* и его формы — *диалекта* — считаем важным обращение к местным языковым фактам, а именно: к названиям реалий, которые были близки сельскому населению нашего края, к номинациям, которые являются репрезентативными примерами самобытности говоров Иркутской области.

Народные говоры — неотъемлемая часть единого русского национального языка, благодаря которым мы узнаем о наименованиях предметов обихода, о привычках, традициях, явлениях жизни, которые не были свойственны горожанам, но были хорошо известны деревенским жителям — старожилам той или иной местности. Поэтому знакомство студентов (в том числе нефилологических специальностей) с диалектами важно и для воссоздания целостной картины русского национального языка, и для более глубокого понимания русской культуры.

Литература:

1. Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. Ф. П. Сороколетов. — Иркутск, 2007. — Т. 1.
2. Иркутский областной словарь. — Иркутск: изд. Иркут. гос. пед. ун-та, 2001. — Вып. 1, 2, 3.
3. Лукьянова Н. А. Введение в русистику. — Новосибирск, НГУ, 2004. — 220 с.
4. Сергеева Т. В. Содержание регионального компонента для вузовского и школьного курса русского языка (Иркутская область): Книга для учителя. — Иркутск: Изд. Иркут. гос. пед. ун-та, 2001. — 190 с.
5. Черняк В. Д. Русский язык и культура речи в педагогическом университете // Образовательная стратегия: Материалы заседания Ученого совета университета. — 2009. — С. 23–26.
6. Chupanovskaya M. N., Maklakova T. B., Tufanova Yu. V., Nikitina A. Kh. Emotional And Expressive Vocabulary In The Sub-Dialects Of The Irkutsk Region // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences (EpSBS). II International Scientific and Practical Conference, 2020. — С. 622–631.

Chupanovskaya Maria Nikolaevna
mariya-chupanovskaya@yandex.ru

*Irkutsk State University,
 Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication*

Maklakova Tatyana Borisovna
tanya-834@mail.ru

*Russian State University of Justice,
 East Siberian Branch*

The dialects of the Irkutsk region as part of the cultural and historical heritage of the region (regional aspect in teaching the discipline “Russian language and culture of speech”)

The article discusses possible ways of including dialectal language material in the course “Russian language and culture of speech” for the development of linguistic and ethnographic competences of students of non-philological faculties. A classification of thematic vocabulary is proposed, focusing on the formation of students’ knowledge of local linguistic features and the historical past of their native land.

Keywords: teaching the Russian language and culture of speech, national Russian language, dialect, dialect, dialects of the Irkutsk region.

Русский язык и культурная трансмиссия

В статье рассматривается, каким образом в русском языке отражаются культурные ценности. Отмечается существование кодов культуры, которые управляют языком и схемами восприятия. Особое внимание уделяется культурной трансмиссии. Работа в данном направлении выводит на изучение таких актуальных вопросов, как национально-культурная специфика оценочного компонента, способы его лексикографического представления, декодирование ценностных установок говорящего.

Ключевые слова: русский язык, культурные ценности, оценка, наивная этика, культурная трансмиссия, код культуры.

Проблема передачи культурных ценностей от одного поколения к другому может осуществляться через глубокое изучение родного языка в его сопоставлении с другими языками. В связи с этим продуктивным понятием следует считать «код культуры» [3, с. 70]. В философии культура в целом нередко рассматривается как система кодов, закрепляющих социально-исторический опыт, как система исторически развивающихся «надбиологических программ» деятельности человека, его поведения, программ или кодов, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее проявлениях [7, с. 43]. Таким образом, коды, представляя собой особые информационные структуры, обеспечивают саморегуляцию системы. Эту роль в биологических организмах выполняют ДНК — генетические коды. Аналогом генетических кодов в обществе, представляющим собой социальный организм, выступает культура.

Согласно концепции Питирима Сорокина [6], всякая великая культура это не просто конгломерат различных явлений, а совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, а также совокупность самих носителей этих ценностей и норм, т. е. людей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Именно ценность служит основой и фундаментом единой культуры. Специалистами в области лингвокультурологии культурный код в широком смысле рассматривается как «специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [5, с. 3].

Система передачи ценностей, традиций, социальных практик, идеалов и норм от одного поколения другому в процессе социализации личности обозначается как культурная трансмиссия [4, с. 300]. При этом трудно преувеличить роль образования, обучения, в том числе и языку в этом процессе межпоколенной трансмиссии культурных ценностей. Язык способен аккумулировать опыт и передавать культурные ценности от одного поколения к другому, что находит отражение в языковой картине мира — зафиксированной в языке и специфичной для данного языкового коллектива схеме восприятия действительности, в которой выражаемые значения складываются в единую систему взглядов — коллективную философию [2, с. 39].

Ценности определенным образом «складированы» в языке, связаны со значениями слов и языковых конструкций. Ценности обнаруживают себя уже на уровне внутренней формы слова. Источником языковой номинации служит, как правило, тот признак, который может обладать «памятью» языковых значений. В целях повышения мотивации обучения следует обращать внимание учащихся даже на исчезающую внутреннюю форму. Например, слова *родина, народ, порода, урожай, родник*, имеют общий исторический корень *род-*. Ср. *Я слово родник давно приметил...Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. Родник родит реку, а река льется, течет через всю нашу матушку землю, как бы родня между собой* (К. Г. Паустовский).

Значения слов, отражая общественные ценности, содержат, как известно, не только объективный компонент значения, но и субъективный, оценочный компонент, связанный с «наивной этикой» [2, с. 351]. Приведем некоторые из «заповедей» русской наивно-языковой этики: «нехорошо преследовать узкокорыстные интересы» (*домогаться, льстить, сулить*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подслушивать, подсматривать, любопытствовать*); «нехорошо унижать достоинство других людей» (*помыкать, насмехаться, глумиться*); «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве» (*унижаться, пресмыкаться, угождать*) [2, с. 351]. Исходя из этих правил, можем декодировать ряд русских культурных ценностей. Некоторые из них (человеческое достоинство, доброта, уважение к людям) представляются общими, в частности, с западноевропейской культурой, где так высоко ценится личное пространство (*privacy*). Важно выяснить ранжирование ценностей в разных культурах, степень их внутренней значимости, содержание в них специфического национально-культурного компонента, что особенно ярко проявляются при контакте культур.

Структура представлений об одном и том же явлении может не совпадать у разных культурных сообществ, что еще раз подтверждает мысль М. Фуко о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и схемами восприятия [9, с. 37]. При этом представители разных культур не всегда осознают несовпадение в структуре восприятия феноменов культуры, но различия в оценке заметны сразу и могут явиться источником коммуникативных неудач и межкультурных конфликтов. Оценочный знак ценности может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне.

В качестве примера можно рассмотреть, например, *прямоту*. В рамках русской культуры *русская прямота* (в отличие от прямолинейности) и *откровенность* ценятся очень высоко. В толковых словарях *прямой* толкуется как ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’. Считается правильным выбирать себе широкую и прямую жизненную дорогу, смотреть прямо в глаза, быть прямым и нелицеприятным, — все это оценивается положительно. Быть «широким» (*иметь широкую душу, жить на широкую ногу* и т. п.) также с позиций русской культуры оценивается высоко. Однако взгляд извне, с позиций иной культуры, показывает, что эти и другие русские качества со стороны могут выглядеть далеко не всегда привлекательно. Такое русское качество, как *удаль* (ср. *русская удаль*), определяется изнутри, с позиций русской культуры, как бесспорно положительное качество: ср. *удаль молодецкая; мал, да удал* (поговорка). Однако, как отмечал Н. С. Трубецкой, целый ряд качеств и черт, которые русский народ в себе особенно ценит (в том числе, и удаль), «не имеет никакого эквивалента в славянском моральном облике», что дает основание Н. С. Трубецкому сделать следующий вывод: «наклонность к созерцательности и приверженность к обряду, характеризующие русское благочестие, формально базируются на византийских традициях, но, тем не менее, совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным Востоком» [8, с. 102].

Ряд культурных концептов в их языковом отражении имеет много сходных черт в разных культурах. Например, языковое воплощение «Книги» как важного элемента духовной культуры объединяет русскую и армянскую культуры. И в русском, и в армянском языке *книга* может быть метафорой жизни человека, метафорой человека. Ср. *Жизнь как интересная книга, прочитать человека как книгу* и ‘*освободить книги из плена*’ — в армянском языке.

Для понимания культурного кода важно видеть степень значимости той или иной ценности среди других ценностей. Так, в русской картине мира *красота* как ценность предстает менее значимой, чем счастье, ум, хороший характер: ср. *Не родись красивой, а родись счастливой; С лица воду не пить* и др. Как показали специальные исследования, в китайской картине мира также при восприятии *красоты* происходит сдвиг от эстетики к этике, поскольку *mei* ‘красота’ и *hao* ‘добродетель’ синонимичны не только в лексическом, но и в психологическом плане. В представлении китайцев, для которых в определенной степени свойственно соединение интеллектуального и эмоционального начал, человек, с одной стороны, не может оставаться только наблюдателем, поклонником или обладателем эстетической ценности — совершенной красоты. Красота становится частью добродетели. Но, с другой стороны, эстетическое наслаждение не может быть только для души. «Оно непременно вызывает утилитарную, гедонистическую или эмотивную оценку — эстет и аскет редко уживаются в одном человеке» [1, с. 187–188]. Именно поэтому в буквальном

переводе *красивым* может быть имя, если оно доброе, намерения, если они хорошие, но *красивой* может оказаться и пища, если она вкусная, и работа, если она выгодная. В русской картине мира *красота* лишена утилитарности, но она не столь однозначно связана с нравственной основой, т. е. красота может быть как божественной, так и дьявольской.

Культурные коды обнаруживают себя и в коммуникативном поведении. Наглядное представление о том, что наша повседневная реальность пронизана культурными кодами, дает, в частности, анализ фрагментов современной повседневной коммуникации. Сравним две используемые в эпоху пандемии речевые формулы, призывающие носить маски: 1) *Спасибо, что вы носите маску*; 2) *Надень уж ты эту маску!* Такие призывы можно встретить, например, при входе в московские рестораны. Первая формула явно заимствованная. Здесь нет грамматических показателей побуждения к действию, не очевиден образ адресата, на которого пытаются воздействовать, сведена к минимуму эмоциональность воздействия, которое имеет констатирующий характер. Вторая речевая формула оформлена в виде императива. Для русской лингвокультуры это привычный, традиционный и далеко не грубый способ воздействия на адресата. Адресат представлен как близкий человек, который все может понять. Интимизация, эмоциональность побуждения достигается за счет обращения на «ты», инверсии, введения местоимений и частиц. За таким побуждением скрывается потенциальный предтекст: «Мы понимаем, что тебе надоели маски, нам и самим они порядком надоели, но войди в положение: без этого мы не можем работать, будь другом, надень маску!» Именно такой способ воздействия, связанный с дружеским общением, наиболее полно соответствует русскому культурному коду.

В современном меняющемся мире ценностное содержание, которое осознается молодыми людьми как препятствие на пути к успеху и самореализации, нередко приводит к «угасанию» ряда традиционных русских социокультурных ценностей (*скромность, кротость, совесть, стыд* и др.).

Утрата актуальности той или иной ценности может иметь в языке следующие проявления:

- а) снижение частотности употребления;
- б) «размывание значения», которое приводит к затруднениям при определении значения слова;
- в) смена оценочного знака ценности;
- г) постепенная трансформация всей системы ценностей.

Рассматривая культуру как сложную, интегрированную структуру, Питирим Сорокин отмечал, что изменение одних элементов культуры с неизбежностью повлечет за собой изменение других ее частей [6, с. 449]. Как недуг общества он рассматривал возрастающую отстраненность от культурных и моральных ценностей, внутреннюю и духовную бессвязность. Именно поэтому ситуация, приводящая к слову тех или иных ценностных ориентиров, представляет собой социокультурную угрозу.

Продолжение работы в данном направлении позволит рассмотреть критерии выявления национально-культурной специфики ценностей и возможные пути сохранения и трансляции культурных ценностей, отраженных в языке.

Литература:

1. Аошуан Тань. Китайская картина мира. Язык. Культура. Ментальность. — М.: Языки славянских культур, 2004. — 232 с.
2. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды в 2 т. — Том 2. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с.
3. Богданова Л. И. Русские культурные ценности: код культуры // Русский язык и культура в зеркале перевода. — 2017. — № 1. — С. 70–78.
4. Дубров Д. И., Татарко А. Н. Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде // Психология. Журнал ВШЭ. — 2016. — № 2. — Т. 13. — С. 299–309.
5. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. — 180 с.
6. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
7. Степин В. С. Цивилизация и культура. — СПб: СПбГУП, 2011. — 408 с.
8. Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. — София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. — С. 86–103.
9. Фуко М. Слова и вещи. — СПб.: А-сэд, 1994. — 408 с.

*Bogdanova L. I.**libogdanova1@mail.ru**Lomonosov Moscow State University*

Russian Language and Cultural Transmission

In the article the ways of reflection of cultural values in language are considered. The research confirms the thesis about the existence of fundamental culture codes which manage its language and perception schemes. The special attention is paid to cultural transmission. This work is deeply connected with such topical questions as national and cultural specificity of connotations, the means of its lexicographical representation, decoding of speaker's value system.

Keywords: Russian, cultural values, evaluation, naive ethics, culture contact, culture code.

Конвергентный подход при изучении паремиологических единиц в процессе обучения русскому языку как иностранному

В статье формулируется актуальность конвергентного подхода к изучению русских пословиц и поговорок в процессе обучения русскому языку как иностранному, дается пример организации материала в соответствии с конвергентным подходом.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, фразеология, паремиологические единицы, пословицы, поговорки, конвергентный подход.

Необходимость введения фразеологических единиц, в том числе паремиологических, во все этапы обучения русскому языку, включая начальный, признается сегодня большинством исследователей и методистов РКИ [1, с. 27; 4, с. 12]. К основным критериям отбора материала при этом относят лексический состав устойчивых выражений, являющийся актуальным на том или ином этапе обучения [3, с. 21], а также частотность употребления выражений в повседневной речи и их узнаваемость носителями русского языка вне зависимости от уровня образованности, эрудиции или лингвистической компетенции [2, с. 94; 5, с. 102], что обеспечивает необходимые условия для успешного включения обучающегося в речевую среду. В качестве главного достоинства фразеологических единиц отмечается их яркая образность и эмоциональная окрашенность, позволяющая вносить в процесс обучения РКИ занимательность и разнообразие [1, с. 34]. Кроме того, важной функцией пословиц и поговорок, отличающихся особым богатством содержания, является их способности фиксировать и передавать систему культурно-нравственных ценностей народа, говорящего на том или ином языке. Усвоение и использование паремий в процессе изучения русского языка способствует более широкому пониманию мировоззрения русского человека, его картины мира и, как следствие, помогает сформировать устойчивые навыки владения русским языком.

Специалисты указывают на часто возникающие трудности усвоения фразеологических единиц иностранными обучающимися, связанные, в частности, со сложностью понимания ими семантического аспекта фразеологической единицы [6, с. 160]. Лучшему пониманию и усвоению паремиологических единиц может служить развернутое историко-культурное комментирование, одновременно раскрывающее их происхождение и значение. Осуществить его удобно через объяснение обучающимся происхождения паремии с иллюстрированием ее контекста посредством обращения к смежным областям русской культуры, выходящим из диапазона собственно языковых явлений. Особенно хорошо поддается конвергенции материал пословиц как законченных высказываний, наполненных богатым семантическим содержанием. При этом преподавателю не требуется выходить за рамки дидактического процесса — используемый материал может быть использован не только в качестве иллюстративного, но и служить для решения различных дидактических задач: изучения грамматики, формирования лексического запаса обучающихся, развития коммуникативных навыков и т. д.

Организация материала занятий с учетом конвергентного подхода позволяет методисту и преподавателю легко в нем ориентироваться и свободно оперировать им как при разработке УМК, так и отдельных уроков с использованием пословиц и поговорок русского народа.

Создание междисциплинарных связей на занятиях по русскому языку как иностранному обеспечивает погружение обучающихся в контекст изучаемого материала. Это не только способствует лучшему раскрытию и пониманию ими семантических полей, что безусловно важно при изучении

фразеологии, не только расширяет кругозор иностранных студентов, но также открывает богатые перспективы для популяризации русского языка, искусства и культуры в целом.

Примеры описания паремиологических единиц с учетом конвергентного подхода:

«Семеро одного не ждут» (пословица).

Контекст: В Смутное время начала XVII века, управление Российским государством осуществлялось семью знатными боярами, «Семибоярщиной». Возымев намерение объединить Россию с Речью Посполитой, они решили, что идеальным претендентом на русский престол мог бы стать сын польского короля Сигизмунда III Владислав. Бояре пригласили и долго ждали его на совет, но Владислав так и не появился в знак несогласия с условиями своего предполагаемого правления. Боярам ничего не оставалось делать, как прекратить ожидания и продолжить самостоятельно руководить страной. Власть «Семибоярщины» была прекращена осенью 1612 года, когда отряды народного ополчения под предводительством нижегородского купца Кузьмы Захарьевича Минина и храброго военачальника, князя Дмитрия Михайловича Пожарского освободили Москву от польских интервентов.

Тематические модули:

Литература: дума «Иван Сусанин» (Кондратий Федорович Рылеев, 1822), драма «Костромские леса» (Николай Алексеевич Полевой, 1913), исторический очерк «Кузьма Минин» (Виктор Васильевич Данилевский, 1943).

Кинематограф: исторический художественный фильм «Минин и Пожарский» (1939).

Живопись: «Видение Ивану Сусанину образа Михаила Федоровича» (Михаил Васильевич Нестеров, 1906); «Воззвание Кузьмы Минина к нижегородцам» (Алексей Дмитриевич Кившенко, 1880); «Минин и Пожарский. Освобождение Москвы» (Юрий Петрович Пантюхин, 2005); «Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к пожертвованиям» (Константин Егорович Маковский, 1896).

Скульптура. Русские национальные герои: памятник Минину и Пожарскому (скульптор Иван Петрович Мартос, 1818, Москва); памятник царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину (Василий Иванович Демут-Малиновский, 1851, Кострома, утрачен); памятник Ивану Сусанину (скульптор Никита Антонович Лавинский, 1967, Кострома).

Музыка: опера «Минин и Пожарский» (1938, композитор Борис Владимирович Асафьев, либреттист Михаил Афанасьевич Булгаков); опера «Жизнь за Царя» («Иван Сусанин») (композитор Михаил Иванович Глинка, либреттист Егор Федорович Розен, 1836, Сергей Митрофанович Городецкий, 1939); героическая песня «Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский во главе ополчения» (песня хора народного ополчения из оперы «Минин и Пожарский»).

Государственные праздники: День Народного Единства (04 ноября, с 2005 года).

Литература:

1. Адонина Л. В., Лазарев С. В., Никитина В. В., Смирнова С. В., Фисенко О. С., Чернова Н. В. Значение фразеологии в методике обучения русскому языку как иностранному // Современная высшая школа: инновационный аспект. — 2017. — Т. 9. № 2. — С. 28–38.
2. Краснюк И. Н. Преподавание фразеологии на уроках РКИ в вузе // Педагогический опыт, теория, методика, практика: Материалы VI Международной научно-практической конференции. — Чебоксары, 2016. — С. 93–95.
3. Кузнецова И. В., Раина О. В., Савченко А. В., Хмелевский М. С. Фразеология и идиоматика в преподавании РКИ (с русско-польскими грамматическими и лексическими параллелями) // Мир русского слова. — 2020. — № 3. — С. 20–25.
4. Минакова Е. Е. Современная русская идиоматика: учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. — М.: Русский язык. Курсы, 2005. — 136 с.
5. Полонникова Е. Г. Обучение русской фразеологии иностранных учащихся на современном этапе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2019. — Т. 10. — № 1. — С. 99–109.
6. Чжан Лэй. Преподавание фразеологизмов русского языка как иностранного в культурологическом аспекте // Педагогическое образование в России. — 2016. — № 12. — С. 159–161.

Marina V. Alekseeva

alexeevam@yandex.ru

Elena V. Belich

belichel@yahoo.com

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Convergent approach during the study of paremiological units in the process of teaching Russian as a foreign language

The article formulates the relevance of the convergent approach to the study of Russian proverbs and sayings in the process of teaching Russian as a foreign language, gives an example of the organization of the material in accordance with the convergent approach.

Keywords: the Russian language for foreigners, phraseology, paremiological units, proverbs and sayings, convergent approach.

Понимание лексемы «бобы / 豆 » в русской и китайской лингвокультурах

В статье описывается значение лексемы «бобы» в китайской и русской лингвокультурах, а также кратко сравнивается языковая картина мира бобов в китайской и русской культуре.

Ключевые слова: язык и культура, лингвокультура, языковая картина мира, бобы.

Взаимосвязь между языком и культурой рассматривается в различных исследованиях. Проще говоря, язык и культура взаимодействуют. Язык содержит культуру, и культура может быть выражена через язык. По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, «язык, рассматриваемый как достояние всех говорящих на нем, в силу кумулятивной функции является подлинным зеркалом национальной культуры» [3, с. 16].

Взаимоотношение между языком и человеческим мышлением также является одной из горячих проблем, на которую лингвисты обращают внимание в разделах лингвистике. Отношения между мышлением Человека и его языком всегда является одним из важных вопросов, которые изучает лингвистика. На самом деле, в процессе исследования отношений между этими элементами, «человек» является важным элементом, который нельзя игнорировать. С одной стороны, человек считается получателем информации, но в то же время и отправителем. С другой стороны, сам человек представляет собой «центр обработки информации»: он, создавая и воспринимая информацию, одновременно является центром, который соединяет язык и мышление. Так, человек воспринимает информацию, использует язык в сочетании со своим собственным мышлением, чтобы передать результаты своего восприятия адресату в коммуникативной ситуации, причем адресат должен обладать одним и тем же языковым кодом.

С учетом такого представления Ю. Д. Апресян вводит понятие «наивная картина мира», а в отношении участия языка в процессе познания мира — «языковую картину мира». Языковая картина мира — это такой способ познания мира, с помощью которого отражается реальный мир, то есть при вербализации мысли по отношению к реальному миру. По мнению Ю. Д. Апресяна, «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира» [1, с. 351]: иными словами, носитель каждого языка имеет собственный способ отражения своего отношения к миру. Данный способ аналогичен тому, как коллектив языковой группы воспринимает мир. К тому же этот способ не является универсальным для носителей других языков, потому что между такими представлениями есть некие различия представлений о предметах действительности.

Естественно, такое утверждение не является абсолютным. На самом деле, чтобы выяснить, имеется ли в двух культурах одно и то же представление о мире на фоне разных языков, необходимо вести сопоставительный анализ образов конкретного денотата в двух языках. Стоит еще обратить внимание на то, что языки проявляют различия, потому что они развиваются под влиянием культуры, которая их производит. Именно под влиянием собственных культур в разных языках, возможно, выражаются собственные культурные особенности данного этноса.

Хотя бобы не являются чем-то особенным в культуре питания России и Китая, в отличие от хлеба и водки в русской культуре или риса и лапши в китайской культуре, они все-таки представляют типичную национальную культуру. Но если речь заходит о значении бобов в национальном языке и культуре, бобы все еще заслуживают внимания и анализа. Таким образом, для лучшего понимания сходства и различия между языками и культурами — русской и китайской, нами была выбрана лексема «бобы», чтобы проиллюстрировать различия языковых картин мира.

Морфема *боб* в китайском языке не используется специально для обозначения определенного вида бобов. Она относится к общему названию *боб* (хотя иногда она также используется в контексте для особого обозначения). Итак, по сравнению с общим термином, который должен быть сформулирован фразой «бобовые изделия» на русском языке, утверждение в китайском языке не является четким, но более кратким, что также определяется различными атрибутами русского и китайского языков.

Бобы, по словарю С. А. Кузнецова, во-первых — это «однолетнее травянистое растение сем. бобовых, кормовая культура». Во-вторых, это «семена этих сортов фасоли; кушанье из них» [2, с. 85]. Итак, лексема *бобы* является одной из разновидностей культурных растений, между тем, бобы — общее название семенного растения.

В китайском языке бобы можно разделить на «красные» бобы, «зеленые» бобы, «желтые» бобы и т. д. в зависимости от их цветовых характеристик. Среди нескольких видов бобов, перечисленных выше, когда с цветовыми атрибутами объединяются морфемы красный, зеленый, желтый и «бобы», они не имеют другого особого значения. Но комбинированные наименования бобов имеют соответствующее культурное значение. В русском языке для того, чтобы выявить конкретные виды бобов обычно использовать специальные лексемы, как адзуки, маш и соевые бобы. Следовательно, здесь невозможно напрямую увидеть цвет бобов или связать другие атрибуты бобов из плана выражения лексемы (конечно, если у кого-то есть базовые знания в жизни, он может ассоциировать атрибуты определенного вида бобов с помощью словарного запаса, но для иностранных студентов именно сам словарный запас является препятствием для изучения языка, потому что они не могут понять значение слов, не зная самих русских слов).

Приведем пример. 豌豆 (*вань доу* — «горох»), 大豆 (*да доу* — «соевые бобы»). В китайском языке дословно *вань* переводится как «слабый», «несильный», а *да* — «большой». Очевидно, что свойства этих бобовых культур проявляются в номинации с помощью состава корней самих слов. К тому же другие типы бобов также в словах ясно выражаются по обозначению их цвета. В частности, 红豆 (*хун доу* — адзуки), 绿豆 (*люй доу* — маш), 黄豆 (*хуан доу* — «соевые бобы») и др. Среди этих названий *хун*, *люй*, *хуан* представляют именованные цветов: красный, зеленый, желтый. В русской лингвокультуре, если только рассматривать семантику слов, которые означают бобовые растения, обычно сложно выявить нечто обозначающее свойства растений.

Кроме того, в разных языковых картинах мира разные типы бобов имеют разные дополнительные значения. В китайской языковой картине мира *хун доу* (адзуки) является метафорическим именованием любви, потому что по цвету адзуки красный, что напоминает сердце, поэтому адзуки представляет чувства взаимной любви между влюбленными. По традиции, когда влюбленные долго находились в разлуке, они дарят друг другу адзуки, чтобы выразить сильную тоску. В понимании русской языковой картины мира бобы могут обнаруживать пустоту: «остаться/сидеть на бобах» — «оставить ни с чем, оставить без того, чего добивался кто-либо» [4, с. 26]. Интересно, что в китайской лингвокультуре это значение выражается более образно, потому что значение выражается не бобами, а курицей и яйцом: 鸡飞蛋打 (дословно — «Курица улетела, яйцо разбилось»).

Таким образом, при сравнении значений лексем *бобы / 豆* (*доу*) в русском и китайском языках выявлены общие и специфические черты языков и лингвокультур, что свидетельствует о различиях языковых картин мира русского и китайского.

Литература:

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М., 1995. — 767 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 2000. — 1536 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. яз., 1990. — 246 с.
4. Фразеологический словарь русского языка / авт. колл.: проф. Федосов И. В., канд. ф. н. Лапицкий А. Н.). — М.: ЮНВЕС, 2003. — 608 с.

Li Xue

lingxinlx@yandex.com

Lomonosov Moscow State University

Understanding the lexeme “beans / 豆” in Russian and Chinese linguocultures

The article describes the meaning of beans in Chinese and Russian linguocultures, and also briefly compares the linguistic picture of the world of beans in Chinese and Russian culture.

Keywords: language and culture, linguoculture, language picture of the world, beans.

Лен в репрезентации цветовой концептосферы русского языка

В статье на материале лексикографических данных, данных НКРЯ, направленного ассоциативного эксперимента, рекламного и интернет-дискурса выявлен количественный и качественный состав терминов цвета, актуализируемых в колористических дескрипциях льна; установлены доминанты спектра; выявлен стереотип колористической перцепции и ряд уникальных цветовых ассоциаций растения; описаны некоторые особенности функционирования цветовых дескрипций льна в современной коммуникативной практике.

Ключевые слова: фитоним, термин цвета, лингвистика цвета, цветовая концептосфера, направленный ассоциативный эксперимент, Национальный корпус русского языка.

Реконструкция фитонимической языковой картины мира, представляющаяся актуальной для решения глобальной задачи создания систематизированного описания концептосферы русского языка (Ю. Д. Апресян, Л. Г. Бабенко, Ю. Н. Караулов, В. К. Шчэрбін и др.), в силу существенной взаимосвязи колористического и фитонимического пространства, на которую указывают авторитетные исследователи: «с антропологической точки зрения цвет является одним из главных признаков растений. При этом важно, что растения — это живой элемент живой природы, а их цвет столь же “природен”, сколь и они сами» [2, с. 269], — требует актуализации знаний о цветовой составляющей концептуального пространства флоры. Целью данного исследования является выявление на материале лексикографических источников, данных НКРЯ, НАЭ, материалов рекламного, интернет-дискурса колористического диапазона, актуализируемого в дескрипциях льна, установление доминант данного спектра, а также специфики использования дескрипций растения в современной коммуникативной практике, что может внести некоторый вклад в описание цветовой концептосферы языка.

Обращение к словарям позволяет выявить первичный набор терминов цвета, используемых в передаче колористического представления о растении (в алф. порядке): *багряный, белый, голубой, фиолетовый*, а также *светлый*, которые фиксируются преимущественно в области иллюстрации, реже — толкования. Ср.: *лен* ‘травянистое растение сем. леновых, из стеблей которого получают прядильное волокно, а из семян — масло’. *Голубые цветки льна. Глаза как лен (голубые)*; ‘волокно, вырабатываемое из стеблей этого растения’. *Как лен (мягкий, белый)* [1, с. 492]; *лен* ‘травянистое растение, из стеблей которого получают волокно, а из семян — масло’; || мн. ч. ‘посевы, всходы этого растения’. *Заходящее солнце окрасило льны, травы и овсы багрянцем* (МАКС, 27360); *лен* ‘травянистое растение, из стеблей которого получают прядильное волокно, а из семян — масло’. *Волосики как лен (светлые и очень мягкие)* (ТСОШ, 14523); *лен* ‘культурное травянистое растение, обычно с голубыми или фиолетовыми цветками в соцветиях’. *Волосы как лен (светлые и очень мягкие)* (СЕМ 1, 4774) [7].

Согласно данным НКРЯ (осн. корпус) [4], цветовой диапазон дескрипций льна включает термины цвета *белый* (*беленый, выбелить, небеленый*) 5; *голубой* 4; *зеленый, синий, серый* 1; лексемы со значением ‘свет’ (*светлый* 3); значением ‘придать цвет’ (*окрасить* 1); ‘быть в цвету’ (*цвести* 1). Термины цвета коррелируют преимущественно с фитонимом *лен*: *стройная женщина в длинном платье из светлого льна* [Александрова]; спорадически — с партитивами (в прям. и перен. зн.) *цветок: метелку овса, разветвленный стебель льна с голубыми цветочками* [Солоухин]; *волокно: в ее блудных глазницах — серые жесткие волокна уже убитого льна* [Шаргунов]; *стебель: в предчувствии жатвы светлые нежные стебли льна* [Шаргунов]. В колористических дескрипциях льна находит выражение изобразительно-выразительный потенциал языка (*по голубому льну неба; голубое озеро льна; зеленая паутина цветущего льна* и др.): *цветки льна будут порхать как голубые мотыльки в желто-зеленых облаках цветков руты* [Койсман]; *в волосах рыжих, черных,*

каштановых, **светлых, как лен** [Булгаков], который обуславливает продуцирование ряда новых цветообозначений: *в модной цветовой гамме присутствуют экологические цвета, взятые из кладовых природы: неотбеленные оттенки льна* [Сумина]; *кимоно из небеленого холста, светлые, цвета сырого шелка или льна; круглое озеро цвета цветущего льна* [Дмитриев].

Колористический спектр дескрипций льна существенно расширяется за счет материала, извлеченного из поэтического корпуса НКРЯ, включает следующие термины цвета: **синий** (*синий, синеть, синеокий, синеглазый, синеватый*) 18; **голубой** (*голубой, голубоглазый, голубеть*) 15; **белый** (*белеть, белый, убелить*) 12; **зеленый** 7; **золотистый** (*златиться, золотистый*) 3; **серебристый, желтый** (*желтеть, желтый*), **лазурный** (*лазурный, лазурь*) 2; **васильковый, бирюзовый, седой** (*седоватый*), **каштановый, саврасый** 1; а также лексемы, в которых значение цвета имплицитно: **луна** (*лунный* 7), **снег** (*выснежить, снежистый 2, снежный* 1); со значением интенсивности цвета (**бледный** 5); со значением 'свет' (**пламенный** 1); 'быть в цвету' (**цветистый** 1).

Поэтический корпус НКРЯ фиксирует не только стереотипное колористическое представление о льне, но и отмеченное чертами уникальной индивидуально-авторской цветовой картины мира: *Загляжусь, как васильковый Лен цветет* [Ширяевец]; *Бирюзовый виднеется лен* [Бунин]; *Прядет лазурный тихий лен* [Клюев]; *Я пряла тучку — саврасый лен* [Клюев]. В дескрипциях льна находит отражение, помимо концептуального пространства природы: *То в синий лен, то в красный клевер Свои холмы простор облек* [Балтрушайтис], пространство человека: *Льном голубым я рос* *Средь вешнего тумана* [Шенгели]. В наибольшей мере данная тенденция фиксируется на примере соматического пространства человека (устойчивая корреляция с лексемами, передающими значение 'растительный покров на теле человека', 'орган зрения', спорадически — со значением 'наружный покров тела человека'). Ср. **волосы** (*белый, золотистый, седой, лен; льняной* 'по цвету и мягкости напоминающий волокно льна' (о волосах) [1, с. 509]): *И что косы у меня — Лен же золотистый* [Михайлов]; *Святые старцы, белые, как лен* [Соловьев]; *секретарь приподнялся, шумя листьями, / седоватый, как лен* [Корнилов]; широко распространены контексты, в которых термин цвета опускается (ср. со зн. льняной: *твоих кудрей веселых нежный лен; с волосами из льна; прическа из льна; как мягкий, чистый лен — у внука голова; волоса его, как лен; ваши волосы — шелковый лен* и др.): *Девушка — вся свеча! До полу лен косы* [Елагин], также в колористической оппозиции: *Их волоса то смоль, то лен* [Северянин]. Ср. **глаза** (обратн.) (*голубой, синий*): *Как избяного веретенца Голубоглазый в поле лен!* [Клюев]; *Синеглазый лен, / Зерен золото* [Мартынов]. Ср. не фиксируемый лексикографией случай: **лицо** (*бледный*) *Не равно ли Ты бледен, как бледный лен* [Иванов]. Колористическая дескрипция льна значима в реконструкции вестигального пространства: *И лен венчального наряда Упал потоком легких струй* [Соловьев], в отражении религиозной картины мира: *Глядит на жен с дарами, в белый лен Одеть идущих горестное тело* [Иванов]; а также пространства страны: *Россия — лен, Россия — синь* [Асеев]. Помимо пространственного измерения: *Все то же: нивы, ветер, небосклон И северный голубоглазый лен* [Ладинский], дескрипции льна принимают участие в создании темпорального: *И плывут благовония Из лесов очарованных В вечера, голубые как лен* [Андреев], существенную взаимосвязь которых на основе цвета называем цветовым хронотопом [6]: *Зато у ребят волосья Желтее зимнего льна* [Клюев]. Специфика поэтического дискурса способствует актуализации изобразительно-выразительного потенциала языка в передаче цветового представления о льне: 1) разнообразию списочного состава компонентов образного сравнения: *Закружилась пряжа снежистого льна* [Есенин]; *Его власы — из снега льны* [Хлебников] и выявлению эталонов цвета: *и звезды здесь огромные и синие, как лен* [Андреев]; *под небом нежным и синим, как лен* [Шкапская]; *у голубой как лен реки* [Тисленко]; 2) расширению сочетаемостных свойств лексем: *Песен, синих, как лен, полоса* [Андреев]; 3) экспликации связи цвето-световых впечатлений: *В волокнах льна златится бледный круг Жемчужных туч* [Волошин].

Обращение к «Русскому ассоциативному словарю» (2002 г.) позволит выявить стереотипное колористическое представление о льне рядовых носителей русского языка. Так, РАС (прямой поиск) фиксирует всего 112 реакций на стимул «лен», из них 70 различных реакций, 54 одиночных, 2 отказа; «цветовые» реакции на стимул «лен»: **голубой** 3; **зеленый** 2; **белый, коричневый, синий** 1 [5, с. 290]. Примечательно, что словари и НКРЯ не фиксируют корреляцию **коричневый — лен**, которая носит терминологический характер. Ср. Интернет-дискурс: *Семена коричневого льна обладают противовоспалительными, обволакивающими свойствами* (магазин «Роза Ветров»).

Таким образом, списочный состав № 1, актуализируемый в дескрипциях льна (на основе словарей, НКРЯ, РАС), включает 17 терминов цвета (в алф. порядке): *багряный, белый, бирюзовый, васильковый, голубой, желтый, зеленый, золотистый, каштановый, коричневый, лазурный, саврасый, седой, серебристый, серый, синий, фиолетовый*, лексемы, в которых зн. цвета имплицитно, лексемы со зн. интенсивности, зн. 'придать цвет', зн. 'свет', зн. 'быть в цвету'. Доминантами являются *голубой* (словари, РАС), *белый* (НКРЯ, осн.), *синий* (НКРЯ, поэт.), манифестирующие цветовой стереотип льна.

Текущее цветовое представление о льне позволят дополнить результаты проведенного нами в сентябре 2021 г. НАЭ (611 студ. ГрГУ, 297 (м), 314 (ж), 17–20 лет). *Результаты*: всего реакций на стимул «лен» 493, различных реакций 52, одиночных 29, отказов 118. См.: *белый* 89 (м/ж), *голубой* 78 (м/ж), *зеленый* 73 (м/ж), *синий* 71 (м/ж), *желтый* 38 (м/ж), *серый* 28 (м/ж), *бежевый* 23 (м/ж), *коричневый* 15 (м/ж), *фиолетовый* 10 (м/ж), *светло-коричневый* 7 (м/ж), *светло-желтый* 4 (м/ж), *бело-серый* 3 (м/ж), *золотистый* 3 (м/ж), *пшеничный* 3 (м/ж), *телесный* 3 (ж), *золотой* 2 (ж), *красный* 2 (м), *молочный* 2 (ж), *оранжевый* 2 (м/ж), *песочный* 2 (ж), *сиреневый* 2 (ж), *темно-желтый* 2 (м/ж), *темно-зеленый* 2 (ж), *бежево-коричневый* 1 (ж), *белесый* 1 (ж), *бесцветный* 1 (м), *бледно-зеленый* 1 (ж), *голубой, как небо* 1 (м), *грязно-белый* 1 (ж), *коричнево-золотой* 1 (м), *кремовый* 1 (ж), *мучной* 1 (м), *небесный* 1 (м), *нежно-зеленый* 1 (м), *прозрачный* 1 (м), *салатовый* 1 (м), *светло-голубой* 1 (ж), *светло-зеленый* 1 (м), *светло-фиолетовый* 1 (ж), *сине-фиолетовый* 1 (м), *сиреневенький* 1 (м), *тускло-желтый* 1 (м); цветовые последовательности: (бел.) *бежавы, карычневые* 1 (ж), (рус.) *белый, грязно-белый* 1 (ж), *белый, коричневый* 1 (ж), *голубой, льняной* 1 (ж), *зеленый и фиолетовый* 1 (м), *зеленый, коричневый* 1 (ж), *коричневый, тускло-желтый* 1 (ж), *льняной, светло-коричневый* 1 (ж), *светло-коричневый, бежевый* 1 (ж), *серый, синий* 1 (ж). Так, доминантой цвета является *белый*; спектр включает 42 цветолексемы и 10 последовательностей цвета; помимо собственно терминов цвета, фиксируется ряд композитов, состоящих из терминов цвета (*бежево-коричневый, бело-серый, коричнево-золотой* и др.), модификаторов цвета, регулирующих светлоту и насыщенность (*светло-голубой, бледно-зеленый, нежно-зеленый — темно-желтый, тускло-желтый, грязно-белый* и др.); а также эталоны сравнения ([лен] *голубой, как небо*), лексемы со зн. утраты цвета (*бесцветный, прозрачный*). Пересечение списочных составов (№ 1 и 2) отмечаем в 10 терминах цвета, манифестирующих массовый стереотип цвета льна: *белый, голубой, желтый, зеленый, золотистый, коричневый, серый, синий, сиреневый, фиолетовый*. Вместе с тем списки содержат уникальные цветоопределения льна: № 1 — *багряный, бирюзовый, васильковый, каштановый, саврасый, снежистый*; № 2 — более 30 единиц, фиксация каждой из которых значима в описании цветовой концептосферы языка, концептографии ЦЯКМ.

Представление о цвете льна, его колористические описания становятся продуктивной основой для образования терминов цвета (см. свидетельства как на уровне диахронии, так и синхронии): а) *дикий* (книж. и устар.) — изначально передавало цвет необработанного материала. Поскольку в России основным сырьем для ткачества служил лен, то серый цвет необработанного льна и задал основное значение слова. Позже к нему присоединился элемент грязной голубизны (сочетание светло-серого и бледно-голубого). Однако термин имел и дополнительный иронический смысл — 'грязный, неопрятный' [9, с. 169]; б) *льняной* 'по цвету и мягкости напоминающий волокно льна' (о волосах) [1, с. 509]; в) *льняной* 'серый с блеском, напоминающий лен, теплого тона, слегка соломенный, нежно-русый, приятно отсвечивающий, мягко-светлый'. О цвете волос [8, с. 235]; г) (*цв.*) *льна, льняной, серый лен* [9, с. 195]; д) стандартизированные названия цветовых образцов RAL: *RAL 070 80 10 Flax Beige Бежевый Лен; RAL 210 40 10 Linen Grey Серый Лен; RAL 250 40 25 Linen Blue Синий Лен* [10]. Вместе с тем вопрос о точной цветовой идентификации цвета льна остается открытым: *Цвет натурального неокрашенного льняного волокна называют «льняным серым». Однако, это не стандартный серый цвет, к которому многие привыкли. На оттенок, который приобретает готовое льняное полотно, сильно влияют условия выращивания и процесс обработки льна. Поэтому следует знать, что неокрашенная льняная ткань может быть как светло-бежевой, так и цвета слоновой кости, экрю или оттенка тауп* [3].

Современный рекламный дискурс, часто ориентированный на экспрессивность, оперирует репрезентативным спектром цветовых описаний льна (в алф. порядке: *бежевый, белый, голубой, зеленый, коричневый, синий, цвет льна*), характеризующихся широкой сферой функционирования, что под-

тверждает продуктивность тенденции создания терминов цвета на основе колористических дескрипций льна: 1) косметика и парфюмерия: *тени для век 02 Бежевый Лен. Перламутровые* (Ив Роше); бренд *Floresan* недавно представил косметику «*Белый лен*» (Floresan); *Спрей для лица «Голубой лен»* (ООО «Традиция»); *формула успокаивающей косметики «Синий лен»* («Белита»); *Волосы цвета льна: гармоничный образ изысканной девушки* (Zavitushki.com); 2) строительные и отделочные материалы: *Дизайн кухни цвета «зеленый лен» за 2200\$ в частном доме* (Remont-Volot.ru); *Плитка д/пола Лен коричневый ВУ003 Unitile* («Строительный двор»); 3) текстильная промышленность: *сарафан цвета льна* (ООО «Ришелье»); *слонявчик, хлопок, цвета льна* (Timeo); 4) искусство: «*Девушка с волосами цвета льна*», *прелюдия* (К. Дебюсси); «*Волосы цвета льна*» *исполн. Руся*.

Таким образом, в создании цветowych дескрипций льна, согласно результатам нашего исследования, принимает участие свыше 60 цветолексем; доминантами спектра являются *белый, голубой, синий*, манифестирующие стереотип цветового восприятия растения, к околоядерной зоне относим значимые *желтый, зеленый, золотистый, коричневый, серый, сиреневый, фиолетовый*. Область уникальных цветоопределений льна включает более 30 единиц, фиксация и описание функционирования которых ценны для концептографии ЦЯКМ. Характеризуемые широкой сферой функционирования колористические описания льна реализуют изобразительно-выразительный потенциал в продуцировании новых цветообозначений, обогащая цветовую концептосферу языка; в конструировании цветового хронотопа, изучение механизма создания которого способствует реконструкции картины мира языковой личности.

Литература:

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
2. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках. — М.: Московский Лицей, 2001. — 470 с.
3. Льяное — интернет-магазин изделий из белорусского льна. — URL: <https://lnyanoye.ru/kakogoczveta-naturalnyj-lyon/> (дата обращения: 05.11.2021).
4. Национальный корпус русского языка. — URL: <https://ruscorpora.ru/old/> (дата обращения: 20.02.2021).
5. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции / редкол.: Ю. Н. Караулов [и др.]. — М.: АСТ-Астрель, 2002. — 784 с.
6. Сивова Т. В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 2018. — 32 с.
7. СЛОВАРИ.РУ. Электронная библиотека словарей русского языка. — URL: <http://slovari.ru> (дата обращения: 07.11.2021).
8. Харченко В. К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское. — М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2009. — 532 с.
9. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. — М.: КомКнига, 2005. — 216 с.
10. RAL Design. — URL: https://ral.ru/design_russian (дата обращения: 05.11.2021).

Sivova T. V.
sitavi@tut.by

Yanka Kupala State University of Grodno

Flax in the Russian language color conceptosphere representation

Based on lexicographic data, RNC data, a directed associative experiment, advertising and Internet discourse, the article reveals the quantitative and qualitative composition of color terms that are actualized in flax coloristic descriptions; the dominants of the spectrum are established; a coloristic perception stereotype and a number of unique color associations of the plant is revealed; some features of flax color descriptions functioning in modern communicative practice are described.

Keywords: phytonym, color term, linguistics of color, color conceptosphere, directed associative experiment, the Russian National Corpus.

Историко-культурная, научно-образовательная среда в российско-армянских взаимосвязях

В статье говорится о российско-армянских взаимосвязях, о развитии исторических, культурных, научных, образовательных отношений между Россией и Арменией. В статье даны многочисленные примеры, характеризующие взаимосвязи двух стран. Русский язык помогает развитию армяно-российских отношений, он является языком межнационального общения народов двух стран.

Ключевые слова: армяно-российские взаимосвязи, русский язык, история, культура, образование.

Армяне — один из древнейших народов мира, история которого насчитывает около трех тысячелетий. На протяжении многовековой истории армянский народ переживал трагические периоды, взлеты и падения, периоды расцвета, одарив мировое сообщество материальной и духовной культурой. Несмотря на тяготы и лишения, армяне сохранили свою идентичность, культуру и язык. Основу древнеармянского литературного языка составляет ряд диалектов Центральной Армении. Алфавит, созданный Месропом Маштоцем в V веке, остался без изменений до настоящего времени, что сыграло колоссальную роль в развитии армянской культуры. Благодаря изобретению письменности в начале Средневековья появляется плеяда писателей, переводчиков, историков (Агатангехос, Фавстос Бюзанд, Корюн, Егише).

Выдающиеся достижения Средневековой Армении отмечены в различных областях науки. Высокого уровня достигла армянская художественная литература, поэзия. Григор Нарекаци (X век) создал поэму «Книга скорбных песнопений», которая является одним из ярких примеров памятников истории мировой литературы. Нерсес Шнорали (XII век), Констандин Ернзакци (XIII век), Мкртич Нагаш (XV век), Наапет Кучак (XVI век), Нагаш Овнатан (XVII век), баснописец Вартан Айгекци (XIII век) — вот далеко не полный список выдающихся деятелей мирового уровня. Тонко язык армянского народа передал В. Я. Брюсов: «... всегда гармоничная ... армянская лирика есть истинное торжество армянского духа во Всемирной истории» [1, с. 219].

Рукописное наследие армянского народа, сохранившего и передавшего потомкам 25 000 рукописей по различным гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам, находится в фондах центра хранения рукописей — Матенадаран им. Месропа Маштоца в Ереване (Армения), в Италии, США, Австрии, Англии, Ливане, Египте, Иерусалиме, России и в других странах мира. Благодаря армянским переводам мир обрел труды древнегреческих, ассирийских, шумерских ученых, таких как «Хроника» греческого философа Зенона Стоика, Филона Александрийского, Авиценны и т. д.

В результате различных исторических событий и вынужденных переселений армянская культура развивалась преимущественно за пределами самой Армении. С XVI века в местах поселений армянских общин появлялись собственные типографии. Были открыты они и в разных регионах России. В различные периоды времени на российской территории создавались армянские поселения. Первые сведения об армянском народе, обосновавшемся в Древней Руси, появились в X–XI веках в Киеве. В результате принятия Русью христианства в 988 году началась новая эпоха в истории русского и армянского народов. Армянское население Киева принимало активное участие в экономической, политической, культурной жизни города, в защите интересов страны от внешних захватчиков.

В XV веке в районе Китай-города в Москве армяне основали свою общину. Отношения между русскими и армянами носили дружественный характер, чему способствовали единство христианской веры, общность интересов, экономическое сотрудничество.

Эпоха Петра I стала началом нового витка армяно-российских взаимоотношений. С именем Петра I и его деятельностью армяне связывали свои надежды на освобождение от персидского

и турецкого ига. Благоприятная политика Петра Великого способствовала увеличению численности армян в Москве. К XVII веку их было 2000 человек. Открывались церкви, школы, библиотеки, различные промышленные объекты. Армянская диаспора в России расширялась и во времена Екатерины II. В 1758 году на пьедестал восходит род Лазаревых — купцов, промышленников, меценатов. Поселяются в Москве известные армянские семьи, получившие впоследствии дворянские титулы: Ахвердовы, князья Абамелек, Аргутинские, Арапетовы, графы Лорис-Меликовы, Деляновы и другие. Представители знатных родов впоследствии становились крупными деятелями России, славились своей благотворительностью.

Братья Лазаревы всячески способствовали притоку армян в Россию. На свои средства в 1815 году они построили училище в Армянском переулке. В 1827 году его преобразовали в знаменитый Лазаревский институт восточных языков, сыгравший большую роль в истории российской науки. Это учебное заведение было армяно-русским, а его учебный план включал гимназический курс на русском и армянском языках для всех студентов. Также существовал ряд других дисциплин для армянских студентов и изучение восточных языков для всех. Это имело важное значение для взаимосвязей России и Армении. Впоследствии Лазаревский институт стал одним из центров востоковедения. С Московским университетом и Восточной комиссией Московского археологического общества он способствовал созданию московской школы отечественной ориенталистики. Преподавание проводилось известными учеными — академиками: Ф. Е. Корш, В. Ф. Миллер, профессорами С. И. Назарьянц, А. Е. Крымский, В. А. Гордлевский, Л. З. Мсерьянц и другими передовыми деятелями науки.

Лазаревский институт был не только крупным учебным заведением, но и центром армянской культуры в Москве, средоточием армяно-русских связей. Его выпускники сыграли огромную роль в области литературы, искусства, науки, просвещения. Здесь переводились произведения известных русских и мировых мыслителей. Одна из лучших типографий в Москве находилась при Лазаревском институте, в ней печатались книги на русском, европейских и восточных языках. Огромное значение для армяно-русских культурных связей имели изданные в данной типографии словари: «Русско-армянский» под редакторством А. Аламдаряна (1821 год), «Армяно-русский» в двух томах под редакцией студента Лазаревского института А. Худобашева (1836 год), исторические труды «История Армении» М. Хоренаци (1858, 1893 годы), «Опыт начертания истории царства Армянского» братьев А. и Д. Арзьяновых (1827 год), «Обозрение истории армянского народа от начала бытия до возрождения области Армянской в Российской империи» С. Глинки в двух томах (1832–1833 годы), «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа» в трех томах (1833–1838 годы) и другие.

Армяно-русские культурные связи имели колоссальное значение, и Лазаревский институт восточных языков стал интеллектуальным, культурным центром, «выпускники которого впоследствии сыграли важную роль в области науки, искусства, просвещения, литературы, в переводческой деятельности» [2, с. 16].

В начале XX века статус учебного заведения изменился, но его суть и значение, как центра языка и культуры, были постоянными. В 1921 году Центральный институт живых восточных языков объединился с Восточным отделением Московского университета в одно высшее учебное заведение — Московский институт востоковедения. [3, с. 137] Лазаревский институт впоследствии переименовали в Дом культуры Советской Армении. В этот период в главном корпусе Лазаревского института находилась театральная студия под руководством С. И. Хачатурова, а затем Р. Н. Симонова — бывшего студента знаменитого института. Преподавание велось выдающимися деятелями отечественной культуры, искусства, науки. Среди них имена В. Я. Брюсова, А. К. Дживелегова, Н. Я. Марр, И. А. Орбели, К. С. Станиславского, Е. Б. Вахтангова. Выступления талантливых деятелей русского драматического театра: И. М. Москвина, Е. Н. Гоголевой, В. Н. Яхонтова, В. И. Качалова сопровождалось аншлагом и бурными овациями. Здесь же под руководством Р. Н. Симонова были созданы режиссерские курсы, где работали А. М. Ромм, С. А. Герасимов, С. И. Юткевич.

С домом Лазаревых связана деятельность известных во всем мире выдающихся, талантливых москвичей: архитектора Каро Алабяна, композитора Арама Хачатуряна, тещи Сурена Кочаряна, режиссера Вартаана Аджемяна, певца Павла Лисициана и других, не менее известных личностей. Огромную финансовую поддержку по созданию МХТ оказывал крупный промышленник

С. Лианозов. Благотворительную помощь предоставили С. Джанумов, И. Ананов, а также коммерсанты-армяне, купцы и промышленники Таманцевы, Масловы, Бояджиевы, Поповы, Меликянцовой и другие.

В конце XIX — начале XX веков в Москве выходило несколько периодических изданий на армянском языке: литературный сборник 1897–1898 годов «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», в 1916 году — «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» со вступительной статьей, примечаниями и под редакцией В. Я. Брюсова, в котором были яркие переводы великих русских поэтов «Серебряного века».

Важное значение в истории русско-армянских связей играла община Санкт-Петербурга. Имя подпоручика Варлама Ваганова, переводчика с армянского на русский таких трудов, как «Плач об Армении» Мовсеса Хоренаци, «Новая книга, называемая увещание», составленная Шаамирянном. В интеллектуальном обществе петербургских армян особое место занимал Хоченц (Маргар Гехамянц) — ученый Коллегии иностранных дел, владевший несколькими языками и осуществивший перевод сочинения Физули «Роза и соловей» с персидского языка на армянский. Большой вклад в развитие русско-армянских связей внесли епархиальный глава российских армян Иосиф Аргутинский и семья Лазаревых. Благодаря таким выдающимся личностям, работавшим для блага страны, Москва и Петербург становились центрами культуры российских армян.

К середине XIX — началу XX веков многочисленной частью армянской общины стали преподаватели и студенты вузов. Приехавшие в Москву и Петербург для получения знаний в различных областях науки, они изучали главным образом медицину и филологию. В Петербурге, в отличие от других городов России, не было армянского учебного заведения, но преподавание армянского языка велось в университете с XIX века. В 1849 году была создана кафедра армянского языка и литературы (вторая по счету в России, первая кафедра была открыта в 1842 году в Казанском университете). На кафедре работали выдающиеся армяноведы: Н. Бероев, К. П. Патканов, Н. Г. Адонц. К концу XIX века в Петербурге имелись типографии, где издавались труды по армяноведческой, исторической литературе. В 1863 году вышел первый выпуск газеты «Юсис» («Север»), затем в 1887–1898 годах — литературный ежегодник «Аракс», в 1903–1904 годах ежегодник «Банбер граканутюн» («Вестник литературы и искусства»), журналы «Арцункнер» («Слезы») и «Саприч» («Цирюльник»).

В 1869 году из 390 проживавших в Петербурге армян 78 % составляли представители интеллигенции, 8 % — буржуазии, 7 % — рабочие и ремесленники, 11 человек были генералами и офицерами, 4 — священнослужителями [4, с. 115]. С северной столицей России связаны имена выдающихся ученых, например, востоковеда и филолога, член-корреспондента Петербургской Академии Наук с 1885 года, профессора Петербургского университета К. Патканова, филолога и лингвиста, автора «Толкового словаря армянского языка Ст. Малхасянца, историка А. Манандяна, впоследствии ректора Ереванского университета, братьев Орбели, внесших огромный вклад в отечественную науку и педагогическую литературу.

Воздействие на армян русского языка и культуры было естественным: от незначительных культурных заимствований до полной языковой. По данным Г. В. Старовойтовой, в Петербурге в 1869 году родным языком все армяне называли армянский. Затем этот показатель снизился до 86 %, т. к. 12 % уже считали своим родным языком русский и по 1 % назвали родным один из кавказских и прочие языки. В 1900 году уже 83 %, 15 %, 14 %, в 1910 году — 76 %, 21 % и 1 %. Среди назвавших родным языком русский были представители второго и третьего поколений петербургских армян. Среди современных армян Петербурга 47 % считают родным язык своей национальности, а 52 % — русский язык (данные 1989 года) [5, с. 18]. На сегодняшний день русским языком как в Армении, так и в России владеют свободно все армяне, а больше половины армян имеют высшее образование (преимущественно русское) и занимают высокий социальный статус.

На протяжении многовековой истории армянский народ создавал свои материальные и духовные ценности не только на исторической родине, но и за ее пределами. Для многих армян родиной стала Россия, и где бы армяне не селились, они были под постоянным покровительством российского правительства, обеспечивались различными льготами, привилегиями, у них была симпатия русского народа. Армяне на протяжении многовековой истории на российской земле доказывали своим трудом и образом жизни приверженность России, вносили неоценимый вклад в развитие науки, культуры, образования, военного дела.

Литература:

1. Линниченко И. А. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV–XV вв. — М., 1894. — 248 с.
2. Амирханян А. Н. Тайны Дома Лазаревых. Фрагменты истории армянской общины XIV–XV веков. — М., 1992. — 140 с.
3. Амирьянц И. А. Армяне Москвы — Москва. / Народы и религии. Институт этнологии и антропологии. — М., 1997. — С. 134–144.
4. Тер-Саркисянц А. Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. — М.: «Восточная литература» РАН, 1998. — 397 с.
5. Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе. Социологические очерки. — Л.: Наука, 1987. — 174 с.

Kasarova V.G

kas.ler@mail.ru

Sologyan A. A.

annasologyan77@gmail.com

Moscow State Automobile and Road Construction University (MADI)

Historical, cultural, scientific and educational environment in Russian-Armenian relations

The article talks about Russian-Armenian relations, about the development of historical, cultural, scientific, educational relations between Russia and Armenia. The article provides numerous examples characterizing the relationship between the two countries. The Russian language helps the development of the Armenian-Russian relations, it is the language of the interethnic development of the peoples of the two countries.

Keywords: Armenian-Russian relations, Russian language, history, culture, education.

Русский язык как отражение русской души

В статье рассматриваются отличительные особенности русского языка, показана его неразрывная связь с русским народом, с русской душой. В статье утверждается мысль о необходимости сохранения национальной самобытности и народного единства через сохранение русского языка как языка межнационального общения.

Ключевые слова: русская душа, писатели, выразитель, достояние народа.

В мировой культуре и искусстве всегда использовался символ как знак, как «закон», раскрывающий «идейно-образное оформление» [2, с. 259]. Знак, который словно ключ, открывал тайну души, жизни, бытия. С помощью знаков человек учился постигать себя, материалистический и духовный мир. Одним из таких знаков стал язык. Но не всякий язык способен выразить глубину и силу человеческих чувств, оттенки эмоций, богатую палитру настроений и душевных переживаний. И только русскому языку дано такое преимущество, способность выразить невыразимое.

С древних времен и по сегодняшний день произведения русской литературы являют в мир бездонную кладезь духовного богатства. Вкладывая душу в свое творение, писатель вдыхает в него жизнь. И оно живет. Десятилетия. Столетия. Вечность. Через века приходят к нам и не перестают восхищать своею правдивостью «Слово о полку Игореве», «Домострой», позже «Недоросль», «Путешествие из Петербурга в Москву», «Евгений Онегин», «Преступление и наказание»...

Русский язык, русскую культуру нельзя постичь без Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова, Чайковского, Мусоргского, Шишкина, Левитана. Именно они стали тем символом, тем незыблемым законом русской духовной культуры, которым измеряется жизнь. Произведения этих писателей, композиторов, художников — истинно русские, в них чувствуется русская душа. Поняв и почувствовав это, многие писатели и поэты других народов писали на русском. Мир не знал бы «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, если бы автор не был душою русским: «*Русь! Какая непостижимая связь таится между нами?*» [1, с. 274]. Левитан не был бы Левитаном, если б не его чуткое восприятие самых тонких граней непостижимой русской души.

Писатели, избирающие для своего творчества русский язык, понимают, что самое сокровенное, самое главное, зачастую запредельное, неразгаданное и оттого становящееся тайным, можно выразить только русским языком. Понять русский язык можно, но впитать в себя русский дух, а тем более выразить его, дано не многим. И лишь тот писатель, кто не понаслышке знает о русской душе и русском характере, кто родством своим кровным связан с Россией, тот становится выразителем русской жизни и русской души.

Силу воздействия русского слова в творчестве русских писателей прошлого трудно переоценить. В произведениях А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова читатель созерцает мир, погружаясь полностью в него, он ощущает его через все чувства, а после, как будто, очнувшись, ничего не может сказать — так глубоко тронула его эта картина. Но, несомненно то, что в душе этого созерцателя отпечатался весь мир, цельный, тот самый духовный мир, который может открыть человек в самом себе. В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» описан такой портрет созерцателя, но ведь, это даже не портрет, а колоритный собирательный образ русского человека, способного накопить эти впечатления, рождающие думы, а потом и действовать: или покаяться и уйти в Иерусалим, или уничтожить все и вся. В поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» тоже есть созерцатель, примечательно здесь то, что этот созерцатель, так же, как и созерцатель Достоевского, «остановился пораженный божьим чудом» [1, с. 305]. Этот момент и есть момент истины: увиденное надолго отпечатывается в памяти, в душе, а потом прорывается наружу, и причем всегда с силой необычайной.

«С русским языком можно творить чудеса. Нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, чего нельзя было бы передать русским словом. Звучание музыки, спектральный блеск красок, игру света, шум и тень садов, неясность сна, тяжкое громохание грозы, детский шепот и шорох

морского гравия. Нет таких звуков, красок, образов и мыслей, для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения», — высказывался о русском языке писатель Константин Паустовский [7, с. 2]. Вот как он описывает звук падающего листа: «Я посмотрел на клен и увидел, как осторожно и медленно отделился от ветки красный лист, вздрогнул, на одно мгновение остановился в воздухе и косо начал падать к моим ногам, чуть шелестя и качаясь. Впервые я услышал шелест падающего листа — неясный звук, похожий на детский шепот» [4, с. 411]. Картина, нарисованная автором в рассказе «Желтый свет» оживает. Внимательный читатель не только видит эту картину, он ее слышит. Вся русская литература — это живое творение Вечности. К. Д. Ушинский писал: «В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка» [7, с. 4].

По мнению Ч. Т. Айтматова, писателя нашей современности, миссию русского языка не выполнит ни один другой язык: «Русский язык — один из основных, главных мировых языков, очень богатый, выразительный» [3, с. 1]. В других государствах на русском языке пишут писатели и поэты Украины, Грузии, Киргизии и др. В Казахстане это О. Сулейменов, которого можно по праву считать родоначальником казахского литературного русскоязычия: «Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом» [5, с. 151]. В Казахстане на русском языке пишут также Б. Канапьянов, Б. Кенжеев, Ербол Жумагулов, Канат Омар.

К сожалению, в наше время с огромной стремительностью происходит разрыв многих государств с русским миром, с русским языком. Политические усилия этих стран направлены на то, чтобы «вытравить русский язык» из народа, его сознания. Но к чему приведут эти действия? Ответ на этот вопрос очевиден. Замкнутость в своем собственном круге не даст возможности развития. Как говорится в одной поговорке: «Знающий два языка — всадник, знающий один — пеший». Пеший может догнать всадника, но только в пределах своего аула. Далеко он не уйдет, в то время как всадник может ускакать далеко.

История нам подсказывает, что даже в самые трудные годы народ сохранил свое достоинство — русскую речь. Русский язык всегда служил своему народу и был его поддержкой и опорой. Известно, что в блокадные дни Ленинграда жители направлялись к набережной реки Мойки, чтобы там, в доме Пушкина, читать его стихи. Стихи поэта стали для них символом Родины, верности, стойкости, непоколебимой преданности своим идеалам. Сегодня мы все должны помнить, что в наших силах сберечь одно, общее для всех народов и наций, бесценное богатство.

Литература:

1. Гоголь Н. В. Мертвые души. — СПб.: Азбука-Аттикус», 2018. — 445 с.
2. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. — М.: Изд-во политической литературы, 1991.
3. Ниязов М. Великий писатель Чингиз Айтматов о роли русского языка / Радио Азаттык, 2018.
4. Паустовский К. Г. Избранное. — М.: Художественная литература, 1964. — 668 с.
5. Сулейменов О. О. «Определение берега» Избранные стихи и поэмы. — Алма-Ата: Жазушы, 1976. — С. 434.
6. <http://www.intelros.ru/readroom/emigrantskaya-lira/11-2019/38350-ot-medeo-k-parnasu.html>
7. <https://yawood.ru/construction/vyskazyvaniya-o-russkom-yazyke-pisatelei-i-lingvistov.html>

Ellina Karasaeva

Ellinakar@mail.ru

Aktobe Humanitarian College

Russian language as a reflection of the Russian soul

The article examines the distinctive features of the Russian language, shows its inextricable connection with the Russian people, with the Russian soul. The article confirms the idea of the need to preserve national identity and national unity through the preservation of the Russian language as a language of interethnic communication.

Keywords: Russian soul, writers, spokesman, property of the people.

Отражение представлений о «своем» и «чужом» в духовном коде культуры (на материале фразеологизмов русского языка)

В статье представлен лингвокультурологический анализ некоторых фразеологизмов русского языка, относящихся к духовному или религиозно-артефактному кодам культуры. Особое внимание уделяется исследованию выражений, компоненты или целостное содержание которых могут быть осмыслены через соотнесенность с архетипическим противопоставлением «свой — чужой»

Ключевые слова: русский язык, лингвокультурология, фразеологизмы, оппозиция «свой — чужой», духовный код культуры.

Начиная с конца XX века в развитии отечественной филологии возникла тенденция придерживаться антропоцентрического подхода вместо имманентного, теперь изучение лингвистики вне связей с другими науками кажется неспособным полно выразить сущность языка. Возникший интерес к изучению лингвистического материала как продукта человека с определенным менталитетом и культурными ценностями определил необходимость возникновения науки лингвокультурологии. В задачи лингвокультурологии входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета [5, с. 216]. При сравнении национальных культур важно то, как именно тот или иной народ осмысляет действительность, с помощью каких образов информация о стереотипных ситуациях проявляется в языке.

Фразеологические единицы, формируясь исторически и впитывая в себя духовные особенности определенного народа, приобретая символическое значение и сохраняясь в речи, передают культурно-значимую информацию о нравственных установках этноса. В. А. Маслова отмечает, что во фразеологизмах «как бы законсервирована культура — мифы, легенды, обычаи, ритуалы. Фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации» [3, с. 79].

В лингвокультурологии одним из центральных понятий является код культуры, основой которого «может послужить любой комплекс чувственно воспринимаемых реалий действительности» [3, с. 84]. В. Н. Телия, определяя сущность кода культуры, называет его таксономическим субстратом культурных текстов: «Этот субстрат представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума — о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [4, с. 20–21].

В настоящем исследовании мы обратимся к духовному коду культуры, иначе религиозно-антропоморфному, который, согласно авторам Большого фразеологического словаря русского языка, связывается с «совокупностью нравственных установок, а также имен, обозначающих небожителей, представителей нечистой силы и их отличительные характеристики, особенности поведения» [1, с. 483]. Для понимания русской культуры этот код особо важен, потому что, как считает Т. Ф. Кузена, «является ключевой аксиологической категорией, формирующей мировоззрение русского народа: он организует православную картину мира носителя русского языка, связываясь с рядом других основополагающих категорий христианства» [2, с. 43].

Образы фразеологизмов или отдельные компоненты могут соотноситься с архетипическими оппозициями. В исследовании мы рассмотрим языковые единицы, связанные с выражением противопоставления «свой — чужой». Такая оппозиция относится к пространственному коду культуры, так как связывается с членением в человеческом сознании территории окружающего мира на свое, безопасное, и чужое, зачастую враждебное, пространства. Анализ фразеологизмов, образы которых восходят к древнейшей дихотомии и одновременно относятся к религиозному коду культуры, позволяет проследить,

как на базовые представления об устройстве мира накладываются библейские и мифологические слои культуры. Это дает представление о трансформации мировоззрения народа, его особенностей.

Образ фразеологизма *в целом свете* соотносится с осознанием пространства земного мира. В его основе — представление освещенной территории как безопасной, своей, в то время как темнота ассоциируется с чужим пространством, таящим опасность. Фразеологизм связан с библейским пониманием света как временной жизни. Например, *появиться (выйти) на свет Божий* — ‘родиться, предстать перед людьми’, в образе фразеологизма заключено представление о том, христиане являются детьми света, свет — символ Бога, когда тьма олицетворяет силы сатаны. Во фразеологизме *покинуть Божий (белый) свет* — ‘умереть’ — заключено представление о перемещении из земного мира в загробный, вечный, который невидим для живых людей. С этим связаны выражения *на том свете, отправиться на тот свет*, которые выражают понятие о продолжении жизни в потустороннем мире, о возможности получить от Бога вечную жизнь. *Вернуться с того света* — ‘оправиться после критической ситуации’ — продолжать принадлежать своему пространству, несмотря на предполагаемую обреченность ситуации. В образе фразеологизма *сжить со света* заключено представление о том, что некто губит кого-либо, пытается вытеснить из своего пространства.

Согласно некоторым представлениям, мир мертвых может находиться под землей: *доставать из-под земли* означает ‘приложить все усилия для того, чтобы найти кого-либо’. «Чужой» мир соотносится с «низом», преисподней: *словно сквозь землю провалиться* — ‘бесследно исчезнуть’.

Представление о недостижимом идеале, избытке воплощено в образе фразеологизма *молочные реки и кисельные берега*. Древний мотив находит отражение и в религиозных текстах: *земля, где течет молоко и мед, земля обетованная* — чужая далекая территория, труднодостижимая цель, предмет стремлений.

Однако зачатую чужой территорией осознается пространство, принадлежащее нечистым силам, демоническим сущностям. *У дьявола (черта) на рогах, за каким дьяволом, к черту на рога (кулички)* — образы этих выражений соотносятся с представлением о далекой местности, возможно, опасной. Желание избавиться от чего-то, отдалить кого-либо или что-либо от своего пространства выражается в образах фразеологизмов *к чертовой бабушке, к чертовой матери, ко всем чертям, к чертям собачим*.

Человек осмысляет окружающую его территорию с помощью своего тела. Личная территория каждого в первую очередь ограничивается пространством его тела. Однако и в нем человек может ощущать некую чужеродность. Например, выражение *сходить с ума* — ‘стать психически больным’ получило следующее религиозное осмысление: человек *сходит с ума*, когда теряет путь истинный, на который наставляет Бог. Такой человек оказывается причисленным к чужому миру.

Душа человека является духовным центром человека, где сконцентрированы чувства и эмоции человека. Нежелательное вмешательство «чужого» в душу человека губительно, потому что душа сакральна, она имеет божественную природу. Понимание этого заключено в образах фразеологизмов *влезать в чужую душу, лезть в чужую душу*. Душа чужого человека является недоступной для полного понимания, скрыта от чужих глаз: *чужая душа — потемки*. Представления об особых доверительных отношениях с кем-либо заключены в образах выражений *открывать душу (сердце), обнажить душу (сердце), изливать душу*: делиться чем-то сокровенным с кем-то, впускать в свое личное пространство — значит причислять собеседника к кругу «своих». Компонент *сердце* здесь выступает эквивалентом компонента *душа*. Подобно душе, *сердце* — сокровенный центр личности: *прійтись по сердцу, всем сердцем (всей душой)*.

С приходом христианства сформировались фразеологизмы, связанные с церковными обычаями, обрядами. Связанное с таинством крещения выражение *детей не крестить* означает, что один человек по отношению к другому является «чужим», между ними нет доверия, согласия. Крестный во время крещения берет на себя ответственность заботиться о духовном развитии крестника, поэтому во время религиозного обряда участники находят единение с Богом и между собой. В выражении *отпетый дурак* компонент *отпетый* относится к традиции отпевания умершего. В целом фразеологизм толкуется как ‘неразумный человек’. Использование компонента *отпетый* выражает представление о неисправимом глупом человеке как о покойнике, навсегда причисленному к миру чужих из-за своего поведения.

В настоящем исследовании рассмотрены не все случаи выражений, относящихся к духовному коду культуры и восходящих к древнейшей дихотомии «свой — чужой».

На основании проанализированных материалов можно сделать следующий вывод: религиозные мировоззренческие особенности народа, наслаиваясь на базовую бинарную систему понимания мира, рожают новые смыслы во фразеологическом материале. Смена реалий жизни поспособствовала появлению новых фразеологических единиц, с помощью которых можно проследить влияние культурных изменений на миропонимание народа.

Литература:

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — М.: АСТ-Пресс книга, 2006. — 784 с.
2. Кузенная Т. Ф. Особенности вербализации лингвокультурной аксиологической категории «Любовь» в разножанровых памятниках письменности конца XIV — середины XVII в. / Т. Ф. Кузенная, С. Н. Бабулевич // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. — 2020. — № 1 (25). — С. 43–48.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология как наука о наиболее культураносных языковых сущностях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2014. — № 16. — С. 78–90.
4. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. — 1999. — С. 13–24.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996. — 288 с.

Lebedeva V. D.

vdmlebedeva@yandex.ru

Immanuel Kant Baltic Federal University

Reflection of ideas about «friend» and «foe» in the spiritual code of culture (based on the material of phraseological units of the Russian language)

The article presents a linguoculturological analysis of the phraseological units of the Russian language related to the spiritual code of culture. Particular attention is paid to the study of expressions, the components or general content of which can be comprehended through correlation with the archetypal opposition «friend or foe».

Keywords: Russian language, linguoculturology, phraseological units, opposition «friend or foe», the spiritual code of culture.

Лексические особенности лирических свадебных песен

Статья посвящена рассмотрению и анализу свадебных лирических песен, имеющих важное культурное значение для формирования традиций русского языка. В репликах, произносимых главными участниками торжества, женихом и невестой, выделяются особые экспрессивные лексемы с положительной семантикой, характеризующие эмоциональное состояние молодых. Приводится классификация данных лексем, позволяющая отследить связь человеческих эмоций и текста, через который они интерпретируются

Ключевые слова: брак, жених, невеста, лирические песни, эмотивы.

Свадебные песни — богатое культурное наследие русского общества. Еще с дохристианского периода начал вырабатываться и в последствие видоизменяться особый символический язык свадьбы. Его изучение позволило проследить, как формировались семейно-бытовые отношения между мужчиной и женщиной.

Брак, являясь социальным институтом, оформлял совместную жизнь молодых и воспринимался как «главное жизненное предназначение каждого человека» [6, с. 220]. Он заключался на фоне проведения свадебных ритуалов, составлявших уникальную обрядовую реальность, представлявшую собой сложную систему актов, совершавшихся в строго установленной последовательности.

Свадьба воспринималась человеком как хозяйственно-экономическая необходимость, оформлявшая прием в семью мужа новой работницы, которая должна была дать здоровое потомство [5, с. 171]. Именно поэтому, в первую очередь, в девушке ценились сила и физическое здоровье, а не внешняя красота. Также родители жениха старались найти для него невесту с богатым приданым и неиспорченной репутацией. В результате союза мужчины и женщины формировалась «не только молодая семья, но и новые связи между двумя семейно-родовыми коллективами» [3, с. 8].

Для русского народа свадебная обрядность была искусством. Ведь она изображала «одно из самых ярких, эмоциональных проявлений народной культуры, красочное театрализованное действие, исполненное глубокой символики» [1, с. 13]. Свадьба сопровождалась исполнением песен, причитаний, приговоров.

В текстах лирических песен фиксировался широкий диапазон различных эмоциональных состояний жениха и невесты: «грусть (связанная с горькой судьбой девушки, уходящей из любящей семьи), и радость, праздничное веселье (по поводу заключения семейного союза девушки и парня)» [4, с. 225]. Сложность разграничения чувств печали и радости состояла в том, чтобы отличить истинные эмоции молодых от эмоций, которые диктовались традицией; так, например, невеста должна была уважительно говорить о родственниках жениха вне зависимости от того, как относилась к ним на самом деле. Однако довольно часто чувства и эмоции молодых совпадали с обрядовыми настроениями: грустью или весельем.

Перед просватаньем жених испытывал противоречивые чувства: состояние молодца было связано с тем, что он намеревался расстаться с холостой жизнью. Юноша говорил своей матери: «*Родная матушка, как мне веселиться / Ой, ляли, ляли, лялюшки, как мне веселиться / Все мои товарищи да все поженилися / Ой, ляли, ляли, лялюшки, да все поженилися / А я у тебя, маменька, холост, неженат хожу / Ой, ляли, ляли, лялюшки, холост, неженат хожу*» [2, с. 6]. Именно эта ситуация задавала эмоционально-оптимистичный тон текста, потому что намерение молодца жениться говорило о его желании создать семью.

Так, мать жениха, чтобы он быстрее встретился с невестой, отправляла его в дорогу: «*Ты поедешь, мое дитяtko, жениться / Вот на душечке на красной на девице / Как тебе девицы будут песни пети / Как тебе, сударь, невесту припевати / Вот и Наденькой называти / Вот Сергеевной величати / Поклонись ее батюшку родиму / Поклонись ее матушке любимой!*» [Там же, с. 7].

В данном случае обращение *мое дитяtko* показывало любовь матери к сыну, а словосочетания *на душеньке на красной на девице, батюшку родиму, матушке любимой* — ее уважении к будущим родственникам.

Имена, произносившиеся во время исполнения лирических песен, относились к явлениям диалектным. Они могли меняться в зависимости от того, для кого и в какой местности пелись тексты, однако общее содержание и назначение лирических песен везде оставались одинаковыми.

Молодец перед свадьбой мог посмотреть на девушку заранее и решить, приглянулась она ему или нет. Если девица нравилась юноше, то он говорил: *«Прилюбилась красна девица / Разудалу добру молодцу / Что бело лицо у девицы / Будто белой снег на улицы / Что ясны очи у девицы / Что у ясного у сокола / А черны брови у девицы / Как у соболя сибирского»* [Там же, с. 11]. При помощи эмотивной лексемы *прилюбилась* молодец сразу же обозначал положительные эмоции, которые он испытывал по отношению к девушке; жених, использовавший эпитеты и сравнения, красочно описывал красоту невесты.

Если обратиться к другой части свадебного обряда, то можно заметить, что после того, как родители встречали молодых от венца, жених спрашивал отца о своей избраннице: *«Хороша ли те молодушка?»* [Там же, с. 142]. В свою очередь, его батюшка отвечал: *«Лишь бы, дитяtko, тебе люба / А мне давно хороша!»* [Там же, с. 142]. Затем молодец выведывал у матери об ее отношении к невесте и получал точно такой же ответ. Юноше было важно, чтобы молодая понравилась родителям, и они с удовольствием приняли ее в семью.

В следующем диалоге изображена такая же ситуация. Жених, начав разговор с отцом и матерью, спрашивал: *«Государь мой, родный батюшка / Государыня, родна матушка / Хороша ли вам невестушка моя / Без белильцев лицо белое / Без румянцев щечки алые / Без сурмил брови черные»* [Там же, с. 142]. Родители отвечали: *«Тебе люба, а нам очень хороша!»* [Там же, с. 142]. Молодец любовался красотой своей избранницы: *лицо белое, щечки алые, брови черные*; он был счастлив. Родители разделяли чувства своего сына, ответив, что невеста *очень хороша*.

Приведя девушку в родительский дом, юноша снова описывал ее красоту: *«Что снег белешенька / Что снег белешенька / Что цвет милешенька / Что цвет милешенька»* [Там же, с. 143]. Он просил отца и мать беречь невесту: *«Берегите, жалуйте / Берегите, жалуйте / Чужое дитенко / Чужое дитенко / Калачами вскормлено / Калачами вскормлено / Медами вспоено / Медами вспоено!»* [Там же, с. 143].

В свою очередь, девушка задумывалась о том, как ей обращаться к новым родственникам: *«Как назвать ей свекра батюшкой / И свекровку родной матушкой / Деверьев всех братьями родными / И золовок сестрами родными?»* [Там же, с. 144]. Называя свекра и свекровь, братьев жениха, золовок *батюшкой, родной матушкой, братьями родными, сестрами родными*, невеста приближала к себе родных со стороны молодца, что могло положительно сказываться на их взаимоотношениях.

В части, где невеста распределяла вышитые ею ковры, она уже называла свекра *батюшкой*, свекровь *матушкой*, а жениха *другом милым*. Это указывало на то, что девица принимала семью, в которую входила: *«Она вышила три ковра / Да как и первый ковер вышила / Да свет свекру ведь батюшке / Ах, другой-от ковер вышила / Да своей свекрови ведь матушке / Как третьей ковер она вышила / Своему другу милому»* [Там же, с. 144].

В результате проведенной работы можно сделать вывод о том, что значимую часть лексического состава свадебных лирических песен занимали эмотивы с положительной семантикой. Они отражали позитивные эмоции жениха и невесты, испытываемые ими во время празднования свадебного торжества. Как показал анализ, разные по форме эмотивы составляли единое уникальное пространство лирических песен.

Литература:

1. Еркоева Т. Русская свадьба. — М.: Яуза, 1998. — 224 с.
2. Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н. П. Колпакова. — Ленинград: Наука. Ленингр. отд., 1973. — 323 с.
3. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зимина и др. — СПб.: Искусство, 2005. — 688 с.

4. Русская свадьба: В 2-х т. Т. 1. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2000. — 512 с.
5. Соколов Ю. М. Русский фольклор: Учебное пособие. — 3-е изд. / Отв. редактор В. П. Аникин. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. — 544 с.
6. Шангина И. И. Русские девушки. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — 352 с.

Mashentsova Eva Evgenievna

eva.mashentsova@mail.ru

Immanuel Kant Baltic Federal University

The lexical features of lyrical wedding songs

The article is devoted to the consideration and analysis of the wedding lyric songs. They've got the great cultural importance for the formation of the traditions of the Russian language. In the remarks uttered by the bride and groom the special expressive lexemes with positive semantics are highlighted, characterizing the emotional state of the young. The classification of these lexemes is given, which makes it possible to trace the connection between human emotions and the text through which they are interpreted

Keywords: a marriage, a groom, a bride, lyric songs, emotives.

Русский язык как объект метаязыковой рефлексии творческой личности

В статье рассматриваются метаязыковые контексты как проявление языковой рефлексии писателя по поводу русского языка. Анализируются метаязыковые высказывания Д. И. Рубиной в ее художественных и медийных текстах. Описываются оценочные суждения творческой личности о состоянии русского языка за рубежом, ее комментарии к динамическим процессам, происходящим в русском языке.

Ключевые слова: метаязыковое сознание, метатекст, метаязыковые высказывания, рефлексив, оценка.

Метаязыковое сознание, под которым понимают «набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях» [3, с. 5], будучи формой обыденного общественного сознания, расценивается как органическая часть национальной ментальности.

По мнению исследователей, метаязыковые высказывания могут служить источником информации об изменениях в национальных языковых картинах мира, в них вербализованы реакции носителей языка на происходящие изменения в политической, социальной и культурной жизни общества [1, с. 26, 28].

Языковую рефлексивность, проявлением которой являются метаязыковые высказывания, считают неотъемлемой чертой языковой личности. И. Т. Вепрева одним из признаков языковой личности называет наличие языкового самосознания, при вербализации которого и осуществляется метаязыковая функция языка [1, с. 27].

Метаязыковые высказывания свидетельствуют о том, что человек как языковая личность переосмысливает сложившиеся представления о мире, в них можно видеть проявление национальной культурной специфики языкового сознания, социокультурных умонастроений общества в целом. Рефлексивную деятельность можно представить как осознанный мыслительный процесс по интерпретации языковых единиц.

В качестве материала исследования были избраны роман Д. И. Рубиной «Одинокий пишущий человек» [4] и тексты интервью с ней. Ее с полным основанием можно отнести к поликультурной личности: литературное творчество Д. Рубиной на русском языке осуществляется в условиях поликультурной среды.

Как известно, детские и юношеские годы Д. Рубиной прошли в Ташкенте, который, по ее мнению, «очень интересный был город в мое время, благословенный Юг, со всеми вытекающими подробностями быта, дружб, соседства, некоего южного вавилонства, смешения языков и рас». Затем была Москва, после Москвы — Израиль, в котором она живет уже «треть существования этой страны», считает его «не столько родиной, это, скорее, родина моих детей»... (<http://jew-observer.com/nash-gost/dina-rubina>).

В интервью разных лет с Д. Рубиной, как и в романе «Одинокий пишущий человек» представлен обширный метаязыковой контекст, в котором содержится как оценка в целом языковой ситуации, так и отдельных ее составляющих.

Ей часто приходится отвечать на вопрос о том, чем для нее является русский язык, потому что страна, в которой она живет, «это страна, говорящая на другом языке, это страна другой культуры». Для Д. Рубиной, однако, русский язык — это родной язык, по ее признанию, — «это способ дышать, жить, говорить себе какие-то слова, это способ поговорить с внучкой, которая русского языка не понимает, а я тем не менее с ней говорю» (<http://www.mn.ru/society/edu/86430>).

Профессионально занимающаяся словом Д. Рубина оформляет свое отношение к русскому языку в форме аксиологического метаязыкового высказывания, по ее определению, «в некой чув-

ственной формуле»: «русский язык для меня такое сосредоточие органов чувств, единое их выражение. «Пока мыслю, существую» — говорили римляне; я могу уточнить: существую, пока мыслю и пишу по-русски» (<https://eksmo.ru/interview/dina-rubina->). Но при этом она себя оценивает таким образом: «Но вообще-то, я — странная птица, непонятная. Кто я — русский писатель, живущий в Израиле? Израильский писатель, пишущий по-русски? В любом случае, я — маргинал. Боюсь, что мой вечный удел — обочина. Но на ней-то, как правило, самые интересные сценки и происходят» (<http://chitaem-vmeste.ru/interviews/ya-strannaya-ptitsa-intervyu>).

Отношение к русскому языку оказалось проявленным и в ответе на вопрос интервьюера, является ли Россия для нее уже неродной страной»: «На вопрос — «неродная ли Россия» отвечать странно, так же, как и на вопрос о бывшем муже. С одной стороны — да, живем-то отдельно друг от друга. С другой — что может быть роднее, чем общий ребенок? Вот и у меня с Россией — общая молодость, общий язык, столько родных людей... Что может быть роднее? Есть такие узы, которые разорвать нельзя — смерти подобно» (<https://snob.ru/profile/25310/blog/51054>).

Метарефлексивному осмыслению подвергается и в целом языковая ситуация как в Израиле, так и на более широком коммуникативном пространстве. Тем самым в сферу метаязыкового сознания Д. Рубиной входит обсуждение проблем, касающихся функционирования русского языка в современном мире. На вопрос, справедливо ли мнение о том, что «эра русского языка в Израиле заканчивается», Д. Рубина ответила: «Разумеется. Это происходит не только в Израиле. Любой язык в отрыве от языкового материка угасает вместе с его носителями. Это естественный процесс, более или менее одинаковый во всех странах» (<http://jew-observer.com/nash-gost/dina-rubina>).

Отметим, что сформулированное отношение к обозначенной проблеме является вполне осознанным: мнение интервьюируемого выражено с большой степенью уверенности. Оно может быть квалифицировано даже как субъективное знание, что находит выражение в использовании различных показателей достоверности, например, вводно-модального слова *разумеется*, констатирующего высказывания *это естественный процесс*, которое обсуждаемую ситуацию позволяет рассматривать как обобщенную, касающуюся *любого языка*.

Можно встретить аналогичный ответ на вопрос о русской литературе, который задают Д. Рубиной как русскому писателю, живущему и пишущему на русском языке в иноязычной среде: «Разумеется, существование любой маргинальной литературы в иноязычной, родной для данной местности среде длится ровно столько, сколько длится процесс притока в страну эмигрантов, носителей языка, на котором литература создается. Тут чудес не бывает».

Однако, по ее мнению, Интернет-революция позволяет существовать в «ауре языка дистанционно». И тем не менее, «реальная языковая среда, особенно, когда речь идет о молодом человеке, играет подавляющую роль в становлении сознания. Разумеется, наши дети уже погружены в другую культуру» (<http://9tv.co.il/news/2016/08/01/229399.html>).

Типичным для Д. Рубиной как творческой личности художественным приемом является метафорическое представление метаязыковых контекстов, что обнаруживается как в текстах интервью с ней, так и в романе «Одиноким пишущий человек», в котором она, используя метафору с понятийным образом «механизм» определяет, что «...писатель — это такая мощная перерабатывающая установка, производящая ценные изделия из вторсырья» [4, с. 120]. «Писатель — прежде всего инструмент, предназначенный для создания текста» [4, с. 126].

Все комментируемые и интерпретируемые понятия являются для Д. Рубиной очень важными в целом для ее авторской картины мира.

Так, очень показательным является ответ, собственно, даже не на вопрос, а на утверждение о том, что она, много путешествуя, «наверняка сравнивает разные языки друг с другом»: «Насколько русский язык соответствует определению «великий и могучий»? Может, в нем чего-то не хватает?». Ответ на этот несколько провокационный вопрос представлен в виде обширного метаязыкового контекста: «Мне кажется, это абсолютно пустая затея — это «мериться языками». Родной язык всегда великий и могучий. Для меня русский язык — это способ дышать, жить, говорить себе какие-то слова, это способ поговорить с внучкой, которая русского языка не понимает, а я тем не менее с ней говорю. Очень сокровенная, очень интимная связь, понимаете? В ней задействованы и мозг, и душа, и сердце, и гортань, и жесты, и мимика, потому что

мимика человека, у которого родной язык русский, отличается от мимики человека, у которого родной язык французский. Это разные миры. И каждый язык, будучи родным языком, представляет собой космос, Вселенную — единственную, неповторимую, от начала жизни и до ее конца» (<http://www.mn.ru/society/edu/86430>).

В современной научной литературе по социолингвистике обсуждается вопрос о так называемых региональных языках. В метарефлексивных рассуждениях Д. Рубиной можно обнаружить ее отношение к ним, естественно, представленное не в научном, а обыденном метаязыковом осмыслении: «Знаете, пространство ныне так просвечено, так «проинтернечено», так пронизано теле- и радиоволнами, что говорить о каком-то особом русском языке в диаспорах не приходится. Оговорюсь: это если мы говорим о пишущих людях, которые заботятся о своем инструменте — русском языке. Что же касается остальной публики, то в ее обиходную речь проникают, конечно, слова местного языка. И, кстати, гибкий и приимчивый русский язык отлично абсорбирует их, приспособливает для своих нужд, гнет в ту сторону, какую требуется. Для писательского уха — это настоящее пиришество. Не так давно я услышала в иерусалимской толпе: Ну, и он его отметрапелил, как сидорову козу. Поясняю: слово «метрапель» можно перевести как «ухаживаю» (за больным, стариком или ребенком). А как существительное, это можно перевести «сиделка» (в мужском роде)» (<http://ourtx.com/archives/694>).

Рефлексивная деятельность языкового сознания Д. Рубиной проявляется в интерпретации языковых единиц, как их собственно языковой стороны, так и в виде оценки явлений, обозначенных интерпретируемой номинацией: оцениваемые факты речи проявляют отношение к обсуждаемой проблеме. Как справедливо считает И. Т. Вепрева, «метаязыковые высказывания по поводу лексической единицы часто можно интерпретировать как рассуждения о том, какой концептуальный смысл скрывается за данной лексемой. Языковые и когнитивные знания в данном случае накладываются друг на друга, представляя собой единый когнитивно-коммуникативный процесс использования языка, что называется, online, в реальном времени» [2, с. 95]. За оценкой вербальной стороны скрываются суждения о мире.

Как известно, метаязыковое сознание реагирует на новые слова, поясняет и оценивает их. Эта традиционная функция метаязыковых высказываний характерна и для Д. Рубиной, для которой эта роль рефлексивов, скорее, заключается не столько в виде пояснения новых слов, сколько в оценочной реакции на эти слова, в основном отрицательной. Например, в романе «Одинокий пишущий человек» — на слово «кликните»:

«Этот чудовищный сленг: кликни меня, я появлюсь» [4, с. 226]. Подобная оценка слова «лайкать»: «надо быть абсолютно глухим к родному языку, чтобы не услышать в этом непристойном словечке «лакать» и «ляять» [4, с. 230]. Как видим, Д. Рубина как человек, профессионально занимающийся словом, в этом случае прежде всего реагирует на его вербальную сторону, на созвучие с определенными словами.

В романе есть отдельная глава под названием «Лайкнуть, перепостить, забанить...» [4, с. 238–241], которую в целом можно охарактеризовать как метаязыковой комментарий к языковой ситуации в России и как отчетливо выраженная позиция, естественно, представленная метафорически, по отношению к современным заимствованиям: «Это была женитьба с безоглядным переходом невесты в веру сильного супруга и его огромной семьи. Сейчас мы видим бешеный грозный натиск, миллионную кавалькаду, подминающую под себя сам строй русского языка» [4, с. 239]. Здесь же Д. Рубина сравнивает этот процесс с аналогичным процессом, например, в чешском языке: «Веселый упрямый чешский язык пока не превратился в англазированный волапюк. Почему же чехи так бережны, а мы готовы вывернуть карманы, выкидывая свое добро и запихивая в утробу родной речивсе эти огрызки: чаты, блоги, лайки, сканы?» [4, с. 238].

Метаязыковая деятельность представляет собой осознанный процесс поиска (подбора) наиболее подходящего слова, что находит выражение в использовании соответствующих метаоператоров. Отметим, что одним из таких строевых компонентов высказывания у Д. Рубиной выступает метаоператор «говоря по-русски», с помощью которого высказанное мнение мотивируется отсылкой к некой коллективной точке зрения, к национальной принадлежности: «...что никакого писательского комьюнити (то есть сообщества, скажем же, наконец, по-русски) на деле не существует» [4, с. 151]. «Смотря какие комплексы и какой человек. Кроме того, давайте выра-

жаться по-русски. Что это за «комплекс» такой? Если он — «неполноценности», то уж вовсе не «комплекс», а скорее отсутствие какой-то кардинальной черты в характере, невозможность почувствовать себя полноценной личностью».

Таким образом, метарефлексивные высказывания о русском языке, русском слове являются средством выражения мировоззренческих установок автора, который говорит о себе: «Вне зависимости от того, в какой стране переведены или не переведены мои книги, я чувствую себя исключительно тем, кем являюсь: человеком, пишущим на русском языке» (<https://stmegi.com/posts/57253/dina-rubina-lyublyu-izrail-no-pishu-o-drugom/>).

Литература:

1. Вепрева И. Т. Рефлексивы как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня. Вып. 1. — М.: Азбуковник, 2000. — С. 26–35.
2. Вепрева И. Т. Метаязыковой привкус эпохи. Избранные работы последнего десятилетия. Palmarium Academic Publishing [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28642/1/978-3-639-69413-0_2014.pdf
3. Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского гос. ун-та. — 2008. — № 3 (4). — С. 5–16.
4. Рубина Д. Одинокий пишущий человек. — М.: Эксмо, 2020. — 608 с.

Baigarina Gerta Petrovna

oirat60@mail.ru

Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow State University

Russian language as an object of meta-linguistic reflection of creative personality

The article considers meta-linguistic contexts as a manifestation of the writer's linguistic reflection on the basis of the Russian language. Meta-language expressions of D. I. Ruby in her artistic and media texts are analyzed. The value judgments of the creative personality about the state of the Russian language abroad, her comments on the dynamic processes occurring in the Russian language are described.

Keywords: Meta-language consciousness, metatext, meta-language expressions, reflexive, assessment.

Женские образы в «Истории» Льва Диакона и «Хронографии» и «Краткой истории» Михаила Пселла

Образ женщин в «Истории» Льва Диакона, «Хронографии» и «Краткой истории» Михаила Пселла раскрывается через призму следующих аспектов: женщина и красота, женщина и власть, женщина и нравственность, женщина и образование, женщина и любовь. Отмечаются различия в способах передачи женских образов: статичность женских образов в произведении Льва Диакона и их динамичность в произведениях Пселла.

Ключевые слова: образ женщины, язык писателя, историограф, хронография.

Образ женщины во все времена волновал поэтов, писателей и живописцев и служил отдельным предметом изучения для исследователей благодаря средоточию символических смыслов. Женщина-возлюбленная, женщина-мать, женщина-заступница, женщина-воительница, женщина-рабыня — женские персонажи разнообразны. Реалии жизни менялись, и каждая эпоха, каждая культура вносила свой вклад в копилку женских ролей.

В данной работе рассматриваются образы женщин в «Истории» Льва Диакона, «Хронографии» и «Краткой истории» Михаила Пселла.

Византией X–XI столетий управляли представители Македонской династии, и именно эти века открыли миру выдающиеся таланты историографов Льва Диакона и Михаила Пселла. Оба эти автора — Пселл и Диакон — относят себя к «элите общества», оба образованны, оба имеют определенные связи в императорском дворце. «Краткая история» Пселла по охватываемому временному промежутку пересекается с началом «Истории» Диакона. Согласно предположениям, «Хронография» является прямым продолжением «Истории» Диакона.

Данные произведения различаются по преобладающим событиям в сюжете. «История» Льва Диакона — это, прежде всего, история войн. «Хронография» Михаила Пселла повествует большей частью о жизни императорского двора. И если Диакон больше придерживается античной традиции историографии, подражает языку историка Агафия, то Пселл старается не брать древние и уже укоренившиеся образцы за неперемный образец [2, с. 152].

История Льва Диакона включает в себя череду ярких персонажей. Героями истории становятся «мужи» военные, смелые, мужественные. Смелость и мужество, пожалуй, — одни из основных добродетелей, которыми Лев Диакон восхищается в своем произведении. Мужественность, воинская доблесть противопоставляются женской слабости. Это проявляется, например, в речи, в которой Иоанн стремится побудить Никифора выступить против евнуха Иосифа: «Проснись же, друг, сделай милость, обрати все наши мысли на то, чтобы не погибнуть, подобно рабу, но совершить нечто благородное и мужественное! Пусть знает Иосиф и всякий, кто окажет ему предпочтение, что они вступают в борьбу не со слабыми, возвращенными в неге женщинами, а с воителями, силы которых неодолимы, перед которыми дрожит в страхе варвар!» [1, с. 24–25].

Каждому императору или отличившемуся полководцу Лев Диакон посвящает хотя бы несколько строк, а то и целые абзацы портретной характеристики, включающей такие детали, как брови и ширину плеч. В отношении женщин, в их характеристике (куда более скромной) Диакона «волнуют» три вещи: **знатность, красота и целомудренность**. Не всегда его женские персонажи обладают

тремя этими характеристиками, но лучшее, что есть, подчеркивается. К примеру, Феодора является дочерью императора Константина Багрянородного — и это первое, что о ней говорится.

Если сравнивать подход к женским образам в «Истории» Льва Диакона и в «Краткой истории» Михаила Пселла, то можно выделить общую черту: женщина рассматривается в основном с точки зрения ее отношения к мужчине и его отношения к ней. Главными героями выступают воители и императоры, женщины — необходимый элемент для отображения их статуса и личной жизни. Например, Пселл указывает только имя матери Ромула и ее царское происхождение: «мать носила имя Юлия, как об этом пишут все историки, и была дочерью Нумитора, царствовавшего над альбанцами» [3, с. 302].

Оба историографа выделяют в женских персонажах следующие характеристики: происхождение, социальный статус, нравственность, благочестивость и красота, причем последняя является чуть ли не главным. Иногда красота передается отдельными эпитетами, позволяющими домысливать образ: «удивительная Елена», «прекрасная Касия» [3, с. 318, 325].

Благодаря своей красоте Феофано в «Истории» Льва Диакона восходит на трон. Ее сравнивают с Еленой Троянской, но, как и в истории с героиней древнегреческой мифологии, красота эта оказывается губительной. Мотив красоты, несущей за собой неприятности явственно прослеживается в «Краткой истории». Зенон, «женившись на красавице Ариадне, не только не был счастлив с нею, но и стал из-за нее самым несчастным из всех императоров» [3, с. 325]. Ариадна открывает череду женских образов, которые разными способами предают своих мужей.

На протяжении всей «Истории» Льва Диакона не встречается ни одного случая, чтобы женщина правила единолично, но в «Хронографии» целых три раза «власть над Ромейской державой ушла из крепких мужских рук» [3, с. 135]. Первый раз это происходит, когда трон одновременно занимают две сестры, Зоя и Феодора. «Гражданские и военные согласно признали над собой власть женщин и подчинились им с большей охотой, чем если бы ими стал сурово повелевать какой-нибудь степенный муж», — пишет об этом Пселл [3, с. 72]. Но тут же добавляет длинную речь, доказывающую, что женщине на троне не место: «Поскольку цель моя ныне не славословить, а писать истинную историю, скажу прямо: ни одна из них по складу ума не годилась для царской власти, они не умели ни распоряжаться, ни принимать твердых решений, а к царским заботам большей частью *примешивали женские пустяки*» [3, с. 72].

Образ женщины, злоупотребляющей властью, весьма характерен для «Краткой истории» Пселла. Абсолютно иначе обстоят дела с императрицей Евдокией в «Хронографии». Пселл не скрывает восхищения перед императрицей как женщиной, которая «способна была заниматься любыми делами: назначениями на должности, гражданскими разбирательствами и взиманием казенных податей, а когда представлялся случай, умела и говорить по-царски — такой великий ум тайлся в царице. Она восседала между сыновьями, а они разве что не цепенели от страха и почтения перед матерью» [3, с. 181]. Но больше всего его поражает признание Евдокии в том, что власть ей не нужна: «Не нужно мне такого долгого царствования, — сказала она, — я не хочу умереть на троне». Ее слова внушили мне такой трепет, что с тех пор смотрел я на нее, как на высшее существо» [3, с. 182].

Авторы по-разному вводят персонажей в канву своих произведений. Если у Диакона портрет — это описание внешности героя, то у Пселла — это сложное соединение внешнего и внутреннего в характеристике персонажа. Пселл подмечает мелкие детали, несуразные привычки правителей, создавая полноценный, живой образ. Особенно это проявляется в описании Феофано. Ее имя еще не названо, но Диакон уже намекает на то, что добра не жди: императора Романа, говорит он, «опоили ядом, принесенным из женской половины дворца» [1, с. 20]. Несомненно, женщина выступает здесь зачинщицей бедствий, но при этом даже рассказывая о заговоре, в котором Феофано играет ведущую роль, автор намеренно не дает ее образу стать во главе повествования.

Пселл пытается понять причины действий Феофано: «Не ведаю, пошла ли Феофано второй раз под венец, влекомая любовью и плотской страстью, или же была вынуждена сделать это под влиянием грозных обстоятельств. Ведь хотя и сама она была предприимчива в делах... ясно и то, что императрица не смотрела с возжелением на мужа и не была охвачена страстью» [3, с. 347].

Если любовь и всяческие человеческие отношения у Диакона остаются «за кадром» истории, то Пселл становится едва ли не автором любовных романов, разворачивая целую интригу. Так, например, вся личная жизнь императрицы Зои полностью освещена в его «Хронографии».

Из выбранных трех произведений «Хронография» выделяется особенной живостью повествования. Пселл не просто механически описывает дворцовые козни и деяния императоров, но старается выявить мотивы, толкающие людей на те или иные поступки, проследить, что из чего произошло: «я привык каждое дело, имеет ли оно видимость доброго или кажется дурным, не только рассматривать само по себе, но и исследовать его причины и возможные результаты, особенно если к таким мыслям побуждает предмет моего рассказа» [3, с. 82]. Автору чрезвычайно интересны душевные движения всех его персонажей. Главное, что он любит выделять в людях — это их *противоречивость*: «Дело же в том, что деяния царственных особ *неоднозначны, добрые поступки переплетены с дурными*, и поэтому многие не знают, то ли безоговорочно хвалить, то ли всецело порицать царей, — соседство противоположностей приводит в замешательство» [3, с. 79]. Пселл тклет свои образы порой из очевидно несочетающихся друг с другом характеристик. Так, царица Зоя, с одной стороны, царственна и властолюбива, а с другой — она беспрекословно подчиняется отцу: «согласна была с волей дяди и отца и ни о чем большем не помышляла» [3, с. 22]. Пселл показывает, как щедрость оборачивается корыстолюбием: «Она была щедрейшей из всех женщин, но меры в сей добродетели не знала и потому все сразу и погубила; одной рукой она еще отсчитывала деньги, а другую уже простирала к Всевышнему, чтобы снискать милость к одариваемому» [3, с. 121]. Автор не упускает случая показать двойственность натуры человеческой: «была она то мягкой и расслабленной, то жесткой и строгой, причем *оба состояния сочетались в одном человеке и сменяли друг друга в мгновение ока и без всякой причины*» [3, с. 121].

Пселл часто раскрывает свои образы в сопоставлении с другими персонажами. Это наблюдается и в истории Зои и Феодоры, когда автор подчеркивает причастность последней к монашеству, а первой — к светском двору: «Из двух императриц одна в то время находилась в царском дворце, другая — в великом храме божьей мудрости» [3, с. 71]. Пселл находит у родственниц множество общих «странностей»: «Странной была природа обеих сестер: к свежему воздуху, к роскошным жилищам, к лугам и садам проявляли они полное равнодушие, но когда запирались в своих покоях и одна скрепляла печатью струящийся к ней поток золота, а другая открывала ему выход, то ощущали они ни с чем не сравнимое удовольствие» [3, с. 91].

Образ женщины в исследуемых произведениях раскрывает систему ценностей в обществе. Лев Диакон и Пселл отмечают **целомудрие** как важную положительную черту женщины. Так, Лев Диакон указывает, что Феодора «не слишком выделялась красотой и стройностью», но при этом «целомудрием и всякого рода добродетелями, без сомнения, превосходила всех женщин» [1, с. 67]. «Образец такого же целомудрия» выказала в прежней своей жизни царица Евдокия [3, с. 182].

Авторы особо отмечают образованность своих героинь, увлечения, выделяющие их из «презренной женской природы». Так, Зою увлекало и поглощало «изменять природу ароматических веществ» [3, с. 91].

Ум и правильная речь — достоинства, которые вызывают уважение и заслуживают специального изложения. Например, Пселл был покорен умом и красноречием Склирены: «что же касается ее нрава и ума, то первый мог смягчить и камень, а другой способен был постичь что угодно; несравненной была и ее речь: утонченная, украшенная цветами красноречия, ритмизированная, как у искусных ораторов; сладостные слова сами собой струились с ее уст и придавали говорящей несказанную прелесть» [3, с. 89].

Набожность рассматривается как положительная характеристика личности. Все невзгоды Зоя переносит со смирением, не забывая обращаться к богу, что Пселл явно ставит ей в плюс.

В ряду женских образов образ Богородицы воспринимается как самый чистый образ. К Богородице взывают Никифор и Иоанн, отправляясь в походы или находясь на краю смерти.

Обобщая приведенные примеры, можно сказать, что образ женщин в исследуемых произведениях раскрывается через призму следующих аспектов: *женщина и красота, женщина и власть, женщина и нравственность, женщина и образование, женщина и любовь*. При описании внешности женщины ее красота занимает центральное место. Ценными характеристиками женской личности являются ум, целомудренность, набожность, красноречие. Образы женщин доказывают главенствующую роль мужчин. Авторы демонстрируют типичный гендерный стереотип: женщина не должна стоять у власти, власть — дело исключительно мужское. Женщина больше подвластна чувствам, нежели разуму, и поэтому ей не место на троне. Женщина, как и мужчина, может быть

амбициозной и не страшиться преград на пути к достижению цели, но властолюбие ее не красит, есть определенный круг занятий, где женщина должна себя проявлять — это домашние дела и забота о детях.

Отмечаются различия в способах передачи женских образов: статичность женских образов в произведении Льва Диакона и их динамичность в произведениях Пселла. Излюбленный прием Пселла — строить свои портреты на сопоставлении хорошего и плохого в человеке. Он наделяет женщин порой такой же яркой характеристикой, как и мужские персонажи, описывает душевных переживания и чувства героинь, за которыми писателю и самому любопытно следить. Автор подмечает внешние и внутренние изменения героя, играет на контрастах, на сопоставлении персонажей и показывает человеческую натуру во всей ее противоречивости, иногда — практически невозможной и надуманной, но необычайно живой. И если у Диакона женщина практически не может быть двигателем истории даже в том случае, если она, казалось бы, является инициатором заговора, то подход Пселла не столь радикален. Женщины, несомненно, оказывают влияние на историю, не всегда, впрочем, положительное, однако он наделяет женщин порой такой же яркой характеристикой, как и мужских персонажей.

Литература:

1. Диакон Лев. История / пер. М. М. Копыленко, комментарий М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова, ред. Г. Г. Литаврин. — М.: Наука, 1988. — 240 с.
2. Любарский Я. Н. Историограф Михаил Пселл // Пселл Михаил. Хронография. — СПб.: Алетейя, 2014. (Византийская библиотека. Источники).
3. Пселл Михаил. Хронография. Краткая история. — СПб.: Алетейя, 2014.
4. Сюзюмов М. А. Лев Диакон и его время // Диакон Лев. История. — М.: Наука, 1988.

Akhatova Anna Valeryevna

hamartol@yandex.ru

Higher School of Cinema and Television “Ostankino”

Moscow, Russia

Semenova Olga Rostislavovna

semenovaor@cspu.ru

South Ural State Humanitarian University

Chelyabinsk, Russia

Female images in the “History” of Leo the Deacon and “Chronography” and “Brief History” by Michael Psellos

The image of women in Leo the Deacon’s “History”, “Chronography” and Michael Psellos “Brief history” is revealed through the prism of the following aspects: woman and beauty, woman and power, woman and morality, woman and education, woman and love. There are differences in the ways of transmitting female images: the static nature of female images in the work of Leo the Deacon and their dynamism in the works of Psellos.

Keywords: image of a woman, language of a writer, historiographer, chronography.

Проектная деятельность как способ повышения интереса обучающихся к русскому языку как языку культуры и литературы

В данной статье говорится о проектной деятельности обучающихся, которая позволяет на основе современного речевого материала проводить исследовательскую работу, повышающую интерес к многогранности русского языка и формирующую бережное отношение к языку великой культуры и литературы.

Ключевые слова: проектная деятельность, языковая культура, уважение к языку, тексты современных песен, речевое окружение.

Одним из способов повысить мотивацию обучающихся к изучению русского языка и литературы является проектная деятельность, которая прописана в ФГОС. Задача учителя помочь обучающемуся сформулировать тему таким образом, чтобы в ней сочеталась актуальность и современность без потери культурного и образовательного компонентов, т. е. «из носителя готовых знаний он превращается в организатора познавательной, исследовательской деятельности своих учеников» [2, с. 12].

Окружающее речевое пространство настолько насыщено, что ребенок часто не замечает, насколько сильно перегружена текстом его обычная жизнь. Сделать ребенка внимательнее к речевому пространству, научить отличать хорошие образцы речи от плохих помогут правильно выбранные темы проектной деятельности. Что может послужить материалом для исследований обучающегося? Тесты песен (удивительно, но огромное количество школьников уверенно говорят «текста́» с ударением на последнем слоге, ставя под сомнение норму, которая гласит, что такого орфоэпического варианта в русском языке нет!), язык рекламных слоганов, речь блогеров, оформление постов в социальных сетях, брендинг товаров, появление наименований новых профессий и многое другое. О некоторых проектах и выводах к ним сделанных и подойдет речь дальше.

Одной из тем проекта, выполненного ученицей 9 класса, была интерпретация стихов русских поэтов в текстах современных песен. За основу были взяты стихотворения О. Э. Мандельштама, А. А. Блока и М. И. Цветаевой, которые были положены на музыку и исполнены А. Пугачевой, К. Орбакайте и В. Понамаревой. При сопоставительном анализе стихотворения О. Ю. Мандельштама «Ленинград» и песни в исполнении А. Пугачевой обучающийся пришел к выводу, что текст песни сильно изменил смысл стихотворения: музыка (главным образом, мажорная тональность), убранные строки, повторы строк. Стихотворение О. Ю. Мандельштама пронизано чувством глубокой скорби от утраты города своего детства, «знакомого до слез», города, который хоть и назван в заглавии «Ленинград», в тексте автором неоднократно именуется «Петербург!». Так Мандельштам показывает Петербург своего детства и современный ему Ленинград с адресами, «по которым найду мертвецов голоса». И в этом несовпадении воспоминаний и ужасающей действительности суть стихотворения, которая полностью утрачена в песне. Обучающийся пришел к выводу, что к текстам стихотворений надо относиться уважительно и с глубоким пониманием смысла и чувств, в них заложенных. Напротив, бережное и внимательное отношение к стихотворению М. И. Цветаевой «Под лаской плюшевого пледа» позволило сделать романс в исполнении В. Понамаревой еще более лиричным и проникнутым глубоким чувством любви. Сопоставительный анализ стихотворений и текстов песен позволил ученику увидеть необходимость ответственности за вмешательство в замысел автора, выявить уровень культуры исполнителей и развить свой интерес к изучению русской литературы.

Другой проектной работой стал анализ рекламных слоганов, которые построены с помощью односоставных конструкций. Обучающийся собрал необходимый материал на каждый тип одно-

составных конструкций и на основе собранного сделал выводы о богатых возможностях предложений, «в которых предикативность выражается одним главным членом» [1, с. 85]. Обучающийся отметил, что рекламные слоганы ставят цель «зацепить» потребителя, привлечь его внимание, вызвать интерес, пробудить желание обладать тем или иным товаром или услугой. Для каждой синтаксической конструкции есть свое «поле действия», что позволяет проектную работу обучающего сузить до анализа конкретной односоставной конструкции (например, назывные или определенно-личные предложения) и углубить начатую ранее работу в дальнейшем.

Объемный и, увы, богатый материал можно найти в поисках ошибок в текстах современных песен. Найденный обучающимся материал говорит о том, что ошибки допускаются на всех уровнях языка. Нарушаются орфоэпические, морфологические, грамматические, речевые, стилистические и синтаксические нормы. Обучающийся может начать работу над проектом, показав общую тенденцию к снижению речевой культуры, а впоследствии остановиться более детально на одном типе ошибок (например, нарушение орфоэпических норм в текстах современных песен).

Таким образом, обращение обучающихся к современному речевому пространству с целью анализа языковых явлений, сопоставление текстов способствует повышению мотивации к изучению русского языка, развитию внутренней культуры и расширению кругозора. Задача учителя помочь ученику быть осознанным носителем языка великой культуры и литературы.

Литература:

1. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Часть 2. Синтаксис. — М.: Просвещение, 1973. — С. 85.
2. Муштавинская И. В., Сизова М. Б. Методические рекомендации для руководителей общеобразовательных организаций и методических объединений учителей по организации проектной деятельности в рамках реализации ФГОС среднего общего образования. — СПб.: СПб АППО, 2012. — 12 с.
3. Сизова М. Б. Современные технологии и приемы развития и оценки надпредметных образовательных компетентностей школьников: учебно-методическое пособие. — СПб.: СПб АППО, 2012.

Капустина Е. В.

allapert@yandex.ru

secondary school No. 18 Vasileostrovsky district of St. Petersburg

This article introduces the project activity of students. On the basis of modern speech material it allows to carry out research work that increases interest in the versatility of the Russian language and forms a careful attitude to the language of great culture and literature.

Keywords: project activity, language culture, respect for language, lyrics of modern songs, speech environment.

Акустическая картина мира поколения Z как фрагмент языковой картины мира

В статье предпринята попытка реконструкции фрагмента картины мира поколения Z. Материалом для анализа стали лексические единицы из популярных русскоязычных песен 2019–2021 гг. с общей семой «звук». Отмечается контраст громкости слышимых и воспроизводимых звуков. Результаты исследования могут быть использованы преподавателями РКИ и РКН на занятиях, а также стать материалом для сопоставительного изучения.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, акустическая картина мира, поколение Z, звук, РКИ.

Картина мира любой социальной группы многомерна, она складывается из материальных отображаемых объектов (предметы, зрительные образы, запахи, звуки, цвета, тактильные ощущения и пр.) и из того, какими ценностными характеристиками эти объекты обладают для субъекта, насколько они значимы для него. Как отмечает В. А. Маслова, картина мира «включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта», «причем позиция субъекта — такая же реальность, как и сами объекты» [4, с. 67].

Отношение субъекта к элементам собственной картины мира имеет языковое воплощение. Так, по замечанию О. А. Корнилова, человек, получая знания об окружающей его действительности, «мыслит и познает», но и «ощущает, оценивает, представляет что-либо несуществующее в реальном мире, испытывает эмоции, т. е. чувствует» [1]. Мысли и чувства человек стремится вербализовать теми языковыми средствами, которые ему доступны. Поэтому языковая картина мира — субъективное образование, где субъективность понимается как индивидуальность картин мира, «создаваемых различными структурными составляющими сообщества» [5, с. 122].

Акустическая картина мира, то есть отражение слышимых и воспроизводимых человеком звуков, безусловно, является лишь фрагментом языковой картины мира. Но даже этот фрагмент позволяет сделать достаточно объективные выводы о том, насколько активно взаимодействие социальной группы с внешним миром, насколько сформирована у представителей данной группы способность к коммуникации.

Сегодня принято говорить о поколенческом расслоении в социуме: одновременно активно взаимодействуют по меньшей мере три поколения: поколение X (люди, рожденные в период с 1963 по 1984 годы), Y (люди, рожденные в период с 1984 по 2000 год; их также называют миллениумами), Z (люди, рожденные в период с 2000 по настоящее время) [2, с. 3]. Границы в данном случае условны: согласно теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува, поколение равно одной фазе человеческой жизни (детство, юность, молодость, зрелость и т. д.) и исчисляется 15–20 годами, но, так как определение границ этих фаз тоже постоянно претерпевает изменения, поколением можно считать и разрыв в 10 лет, и разрыв в 25 лет [6].

Представители поколения Z были рождены в то время, когда уже прошла не одна цифровая революция, в качестве доминанты искусства утвердился постмодернизм, подаривший миру идею о симулякрах, а позже метамодернизм, в качестве лозунга избравший переменчивость «между и за пределами иронии и искренности, наивности и осведомленности, релятивизма и истины, оптимизма и сомнения» [9]. Все это обусловило особенности развития представителей поколения Z и их отношение к внешнему миру.

Как отмечают исследователи, представители поколения Z нуждаются в том, чтобы взрослые рассказывали им истории из собственной жизни, делились личным опытом. Z упрекают старшее поколение в том, что оно не интересуется их жизнью, а только делает вид. Как следствие, у подростков не формируется навык вербализации событий, ощущений, чувств [3].

Поколение Z еще называют «цифровыми людьми»: с одной стороны, они потребляют большое количество информации, но с другой, не умеют ею пользоваться [8].

Контент-анализ современных русскоязычных песен и лексический анализ встречающихся в них единиц со значением «звук» помогает реконструировать акустическую картину мира поколения Z и подтвердить или опровергнуть существующие представления об этом поколении.

Материалом для анализа послужили песни, входящие в Топ-50 плейлиста «Популярно в Екатеринбурге» [7], среди которых — 43 песни российских исполнителей и 7 песен зарубежных исполнителей, в основном датируемые 2019–2021 годами. Исполнители и слушатели этих песен — преимущественно люди поколения Z.

Лирический герой — это собирательный образ. Это человек, слышащий прежде всего неприродные звуки. Неприродными мы считаем искусственно создаваемые звуки, а также иницируемые самим человеком. Анализ показывает, что это 83 % от всех звуков, которыми наполнен акустический мир Z.

Типология репрезентированных в текстах песен звуков представлена в таблице 1.

Таблица 1

Звуки природы	Неприродные звуки			Иные звуки
	Музыка	Технические звуки	Человек	
Дождь, течение воды, буря и вихрь.	<p>Грустная музыка: «минорные треки», «грустный дэнс».</p> <p>Музыкальные инструменты: гитара.</p> <p>Танцевальная музыка: танец, популярные треки, песня.</p> <p>Электронная музыка: Техно, минимал, дип-хаус.</p> <p>Громкая музыка: «колонки, бит, бас».</p>	<p>Звуки оповещений в мессенджерах, звук перемотки.</p> <p>Мотор, городская жизнь (гудки автомобилей, моторы, рекламные щиты, казино).</p> <p>Стрельба, перезаряд оружия.</p>	<p>Музыка внутри, дыхание, стук сердца, шепот.</p> <p>Плач, звуки борьбы, стук, крик боли, эдлиб (резкий выкрик).</p> <p>Смех.</p>	<p>Тишина.</p> <p>Полет.</p> <p>Звук падающего жемчуга.</p>
7%	40%	14%	29%	10% (из них 7% — тишина)

Музыка часто имеет минорную тональность, и это значимо для мироощущения героев. Они растроены в ней и телесно, и эмоционально. Так, например, в песне «Грустный дэнс» музыкального коллектива Artik & Asti героиня «под грустный дэнс» не столько танцует, сколько рефлексит, проживая типичную жизненную ситуацию — расставание. В песне дуэта Miyagi & Andy Panda герой отождествляет свою телесность со звучанием минорной мелодии: «Мое тело — минор». Если же в пространстве этого мира звучит музыка не минорная, то она предназначена исключительно для танца. Герой песни «Двигаться» исполнителя RaiM отмечает, что сама музыка требует движения: «этот бит просит двигаться, двигаться».

Как правило, музыка, предпочитаемая героями созданного в песнях мира, характеризуется высокой громкостью и низкими частотами. Так, в песне «Юность» группы «Дабро» громкая музыка соритмична настроению героев: «За стеной бит и бас гремит, мы снова не спим, пока весь город спит». Цифровизация, как отличительная черта жизни поколения Z, отразилась и на способах напи-

сания музыки: она создается при помощи электронных программ, а не живых инструментов, поэтому в текстах часто упоминаются такие жанры электронной музыки, как техно, минимал, дип-хаус и пр. Важно отметить, что музыканты, работающие в этих жанрах, часто пренебрегая качеством всей композиции, отдают предпочтение низким частотам, в связи с чем нарушается тональный баланс: высокочастотные инструменты заглушаются, а слушатель воспринимает только бас и ритмичный бит. Однако именно такая музыка и составляет основу акустической картины мира поколения Z.

В диапазон слухового восприятия героя попадает не только музыка, но и другие внешние звуки, в том числе звуки, производимые техническими устройствами, а также звуки дождя, ветра, воды. Вместе с тем, иные звуки живой природы (например, пение птиц, шелест листьев) как будто не воспринимаются. В песне исполнителя Jony «Комета» в качестве такого внешнего звука упоминается буря, однако это только аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер». Кроме внешней музыки герой слышит «музыку внутри», которая в действительности является безмолвием, тишиной. Человек оторван от внешнего мира и устремлен не вовне, а внутрь. Он сам формирует мир собственных звуков и переживаний.

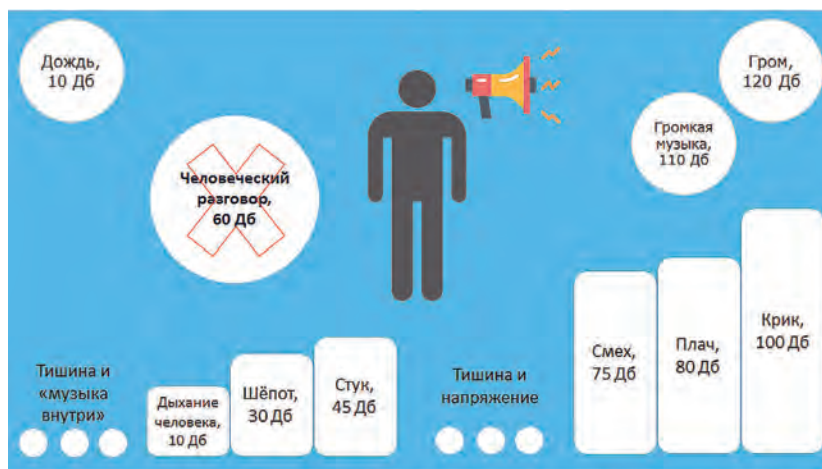

Рисунок 1

На шкале громкости все упоминаемые в анализируемых песнях звуки располагаются в диапазонах от 10 до 45 дБ и от 75 до 120 дБ (рисунок 1). Обозначенный провал — диапазон от 45 до 75 дБ — соответствует громкости обычного разговора. Это объясняется тем, что герой не слышит речь окружающих людей, поскольку не имеет опыта, навыков эффективной коммуникации.

Эмоциональное состояние героя песен преимущественно негативное: это напряжение, страх, раздражение, и это состояние перманентно. При этом человек не может его выразить, высказать, поэтому ему остается только две крайности: либо молчание, либо крик. Звуковая картина песен, представленная на рисунке 2, убедительно это иллюстрирует: в песне «Плачу на техно», исполняемой группами «Хлеб» и «Cream Soda», резки всплески частот и громкости.

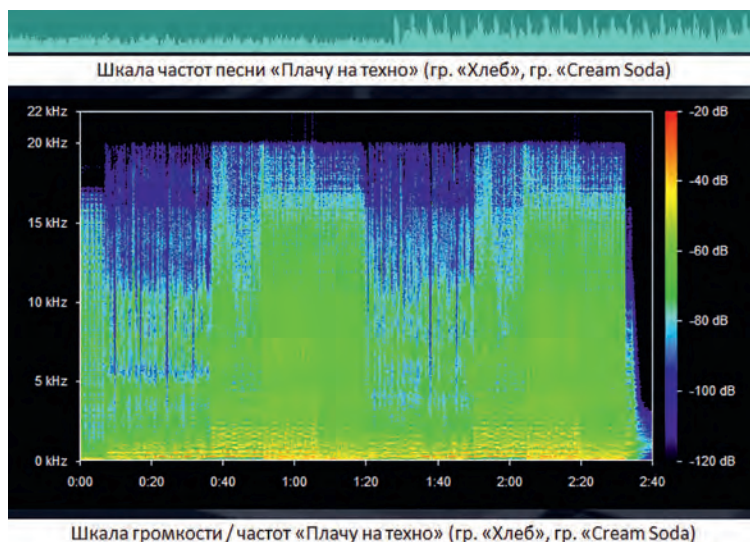

Рисунок 2

Музыка отражает мироощущение человека и определяет границы «я». Стремление заглушить эмоции выражается в желании слушать громкую электронную музыку. Форсирование низких частот не мешает человеку: только в этом глухом, ритмичном звуке герой песен обретает возможность чувствовать себя живым.

При этом жизнь человека не включена в общую жизнь. Он существует на двух полюсах: молчание, грусть и тихое переживание эмоций, с одной стороны; и резкий выкрик (вплоть до эддиба — звука, заменяющего вербализацию, часто похожего на первобытный крик), плач и громкая музыка — с другой.

Акустическая картина мира человека поколения Z позволяет увидеть, что он существует в собственном мире — анклав, созданном им самим. Это подтверждает выводы исследователей об аутизме, как характерной черте Z, где аутизм «выступает как защита от проблем современного образа жизни, как способ взаимодействия с миром людей, с детства погруженных в себя и неспособных общаться с окружающими» [3].

Поэтому и песни не предназначены для разговора с публикой, непонятны без музыкального контекста (поскольку музыка в данном случае первична), не способны объединять поколения.

Установка человека этого мира — выкрикнуть что-то свое, восстановив баланс между своей безъязыкостью и гулом внешнего технического мира.

Литература:

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / МГУ им. М. В. Ломоносова. Фак-т иностр. яз. — М., 1999 [Электронный ресурс]. — URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/kornilov_jasik/02.aspx (дата обращения: 06.11.2021).
2. Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. — 2018. — № 2 (42). — С. 1–9.
3. Лумпиева Т. П., Волков А. Ф. Поколение Z: психологические особенности современных студентов [Электронный ресурс]. — URL: <http://ea.donntu.org:8080/handle/123456789/21748> (дата обращения: 06.11.2021).
4. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2001. — 208 с.
5. Обрезков А. А. Языковые картины мира: взгляд изнутри // Ноосферные исследования. — 2015. — Выпуск 1–2 (9–10). — С. 119–128.
6. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2015. — № 1 (1) [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya> (дата обращения: 06.11.2021).
7. Топ-50 «Популярно в Екатеринбурге» [Электронный ресурс]. — URL: <https://music.yandex.ru/tag/hot> (дата обращения: 06.11.2021).
8. Эфир с Евгенией Шамис от 18 октября 2021. Подкаст «Диалоги» сценарной мастерской Александра Молчанова. Поколение Z — о чем вы не подозревали [Электронный ресурс]. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=VBk_vGfrNEI&feature=emb_title (дата обращения: 06.11.2021).
9. Turner, L. (n. d.) Metamodernist. Translated from English by A. Gusev. [Электронный ресурс]. — URL: <https://eroskosmos.org/metamodernist-manifesto/> (дата обращения: 06.11.2021).

Kokorina N. A.

nat-ala-ko@mail.ru

Mikhailova O. A.

krolishna@gmail.com

Ural Federal University

named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russia

Acoustic world picture of generation Z as a fragment of the linguistic world picture

In the article it's attempted to reconstruct the fragment of world picture of generation Z. The material for analysis is the lexical items (which have a common seme "sound") from popular Russian-language songs of 2019–2021. There is a contrast in the volume of audible and vocable sounds. The results of the study can be used by teachers of Russian as a foreign and Russian as not native and also can be the material for comparative study.

Keywords: world picture, linguistic world picture, acoustic world picture, generation Z, sound, Russian as a foreign.

О прецедентных феноменах как способе интеллектуализации газетного текста

Статья ставит своей целью описание различных видов прецедентных феноменов с точки зрения их функционирования в текстах современных газетных СМИ. Выявлены и проанализированы такие из них, как прецедентные имена, высказывания, тексты. Автор приходит к выводу, что названные прецедентные единицы в качестве средств «облегченной» интеллектуализации служат для активизации внимания, выражения имплицитной оценки и иронии, создания интертекстуальности и повышения самооценки читателя.

Ключевые слова: прецедентные феномены, интеллектуализация, газеты, медиадискурс, СМИ, пресса.

Современные российские СМИ отражают две разнонаправленные тенденции в развитии современного русского литературного языка: к демократизации и к интеллектуализации. Последняя из них характеризуется усложнением содержания передаваемого сообщения, которое требует для правильной интерпретации дополнительных умственных усилий со стороны адресата [1]. Таким образом происходит углубление содержания текста и появление интертекста. К приемам интеллектуализации текстов СМИ можно отнести языковую игру, метафору, использование прецедентных феноменов, терминов и профессионализмов, лексических заимствований, слов в необычном значении, различных приемов, относящихся к выражению имплицитной оценки и т. п.

В настоящей статье рассмотрим прецедентные феномены с точки зрения их функционирования в печатных текстах. Мы согласны с точкой зрения Ю. Н. Караулова [5, с. 216] и считаем нужным упомянуть, что прецедентные феномены — это широко известные единицы, значимые в познавательном и эмоциональном отношениях для той или иной личности/группы/общности, обращение к которым в дискурсе неоднократно возобновляется. Прецедентные феномены аккумулируют в себе культурную, историческую и литературную память; они представляют собой один из важных элементов речевого общения между людьми (и, следовательно, журналистом и читателем) и неотъемлемую часть национально-культурного кода. Исследованием этого культурно-языкового явления занимались многие ученые, в числе которых И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков и Д. В. Багаева, выделившие следующие виды прецедентных единиц: текст, ситуация, высказывание, имя [4, с. 83–84].

Прецедентные феномены выполняют множество различных функций: 1) привлечение внимания читателя к публикации, 2) придание сообщению экспрессии, 3) выражение оценки, 4) включение в текст дополнительных смыслов и непрямого информирования (создание «вертикального текста» [9]), и даже 5) повышение самооценки читателя, поскольку автор рассчитывает на определенный интеллектуальный багаж адресата [7]. Интересно, что в зависимости от типа текста и восприятия адресата, у одного и того же прецедентного феномена функция может меняться; отчасти поэтому вследствие включения прецедентного феномена в текст может произойти коммуникативная неудача [8, с. 35], если читатель не поймет его или соотнесет с неверным источником. Мы согласны А. С. Драпалюк [2], М. А. Кормилицыной [7] и другими исследователями, считающими прецедентные феномены чертой интеллектуализации языка, поскольку несколько их функций (3 и 4), очевидно, способствуют усложнению и углублению содержания текста.

Данная статья отражает результаты исследования функционирования прецедентных феноменов в печатных СМИ на материале таких изданий, как «Вечерняя Москва» и «Аргументы и факты». В наши дни печатные СМИ вынуждены функционировать в сложных условиях конкуренции с онлайн-медиа, и отчасти поэтому газеты стремятся сохранять прецедентность как один из способов интеллектуализации, ведь их аудитория по большей мере состоит из людей среднего и старшего поколения. Выскажем предположение о том, что в современных реалиях

читатель по-разному взаимодействует с материальной газетой и бесплатной нематериальной веб-страницей: если последнюю мы читаем по диагонали, то на бумаге текст воспринимается серьезнее, что дает возможность читателю оценить то или иное употребление, уделить внимание его «расшифровке». «Разгадывание» трансформированных прецедентных феноменов приносит удовольствие и ощущение развитости ума — при этом необязательно, чтобы отсылка была по-настоящему интеллектуальной. Выбранные нами издания — массовые, они ориентированы на среднестатистического обывателя, и поэтому можно сказать об «облегченной» интеллектуализации, такой, чтобы каждый сумел если не понять, то хотя бы узнать сам феномен и таким образом развлечься. Нам было интересно изучить, каким образом прецедентные феномены функционируют в таких изданиях.

Обычно источниками прецедентных феноменов являются литературные тексты [2]: например, заголовок «*В глушь, в Саратов*» («Аргументы и Факты» № 10 (2103) от 10.03.2021–16.03.2021, с. 1) вдохновлен знаменитой репликой из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и придает истории о том, как бывший корреспондент газеты все бросил и уехал из города, чтобы быть ближе к природе, особую эмоциональную окраску и возвышенность; прецедентный текст «*дивный новый мир*» отсылает нас к одноименному роману-антиутопии О. Хаксли: «*дверь в дивный новый мир приседаний на кухне*» («Вечерняя Москва» № 32 (962) от 25.03.2020, с. 12), что делает текст комичным из-за несоответствия и своеобразного обмана языковых ожиданий; в заголовке «*Электронный Айболит*» («Вечерняя Москва» № 121 (1051) от 21.10.2020, с. 4) используется прецедентное имя персонажа из сказки «Доктор Айболит» К. И. Чуковского, создавая яркий образ и привлекая внимание к статье о системе искусственного интеллекта в поликлиниках. Скорее всего, отсылки к сказкам связаны с русским менталитетом: желанием верить в чудо и всегда надеяться на лучшее. Например, отсылка к сюжету сказки Х. К. Андерсена «Гадкий утенок»: «*превратиться из гадкого утенка в прекрасного лебедя*» («Вечерняя Москва» № 25 (955) от 10.03.2020, с. 12) метафорично характеризует женское преобразование после физических тренировок.

В журналистике часто отсылают к прецедентным именам реальных личностей, а также известным выражениям. Это один из наиболее эффективных способов воздействия [6, с. 36], поскольку почти каждый читатель сможет узнать такие прецедентные феномены и ощутит себя умнее: так, например, в подзаголовке «*Как жить тем, кто не Маск, или Бомжи на крыльце у сенатора*» («Аргументы и Факты» № 10 (2103) от 10.03.2021–16.03.2021, с. 2) используется прецедентное имя Илона Маска, известного изобретателя-миллиардера, ставшего своеобразным символом успешного и обеспеченного человека; журналист иронично комментирует слова сенатора Л. Б. Нарусовой об одиночных пикетах, заявившей, что все их участники — «*какого-то бомжового вида люди с непонятными требованиями*», и имплицитно выражает свое несогласие с ней. В заголовке «*Манижа раздора*» («Вечерняя Москва» № 26 (1116) от 11.03.2021, с. 11) используется явная аллюзия на крылатое выражение «*Яблоко раздора*» — так журналист экспрессивно отражает яростные споры в СМИ и интернете по поводу того, имеет ли право певица Манижа, таджичка по происхождению, петь песню про русскую женщину на песенном конкурсе «Евровидение». Заголовок «*По законам локдауна*» («Аргументы и Факты» № 11 (2104) от 17.03.2021–23.03.2021, с. 5) — аллюзия на выражение «*По законам военного времени*», обозначающего жесткий режим дисциплины и контроля во время войны; используя этот прецедентный текст, автор имплицитно сравнивает локдаун и пандемию с войной.

В печатных изданиях по-прежнему актуальны знакомые старшему поколению прецедентные феномены, относящиеся к эпохе СССР, например, цитаты из фильмов: «*Не растерять бы то, что нажито непосильным трудом*» («Вечерняя Москва» № 32 (962) от 25.03.2020, с. 12) — прецедентное высказывание из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию» придает статье юмористический и легкий настрой, таким образом характеризуя набранный вес, чтобы не расстроить читателя с такой проблемой. Известное прецедентное высказывание «*Георгий Иванович, он же Гога, он же Гоша, он же Юрий, он же Гора, он же Жора, здесь проживает?*» из кинофильма «Москва слезам не верит» было забавно изменено для статьи о чайном грибе: «*Чайный гриб, он же комбуча, он же японский гриб, морской квас, чайная медуза и медузомицет...*» («Вечерняя Москва» № 25 (955) от 10.03.2020, с. 14) — таким образом автор активизировал внимание читате-

ля, способствовал положительной оценке статьи и показал свою изобретательность в интересной подаче множества названий гриба.

Отдельно отметим прецедентные высказывания, к которым относятся выражения, «значащие больше, чем кажется» [8, с. 28] (пословицы, крылатые выражения, цитаты из различных текстов): с ними связаны дополнительные смыслы, которые не подразумеваются их формой: «*этот путь отнюдь не устлан розами*» («Вечерняя Москва» № 32 (962) от 25.03.2020, с. 12) — отсылка к выражению «*устлать путь розами*», означающему ‘*делать чью-либо жизнь приятной, счастливой*’. Как и прецедентные имена, эти высказывания в газетном тексте воздействуют на читателя: цитатные отсылки вызывают в памяти исходные тексты и при этом привлекают внимание измененной формой [3, с. 132] (часто имеет место игра слов). Возможность по-разному трансформировать их позволяет создавать комический эффект [2]: «*Лучшие друзья девушек — это наборные гантели*» («Вечерняя Москва» № 32 (962) от 25.03.2020, с. 12) является измененным крылатым высказыванием «*Лучшие друзья девушек — это бриллианты*» из песни, ставшей знаменитой во многом благодаря Мэрилин Монро; комичность построена на обмане читательских ожиданий. Также прецедентные высказывания нередко иллюстрируют и аргументируют авторские слова: заголовок «*Старый друг лучше новых вдруг*» («Аргументы и Факты» № 11 (2104) от 17.03.2021–23.03.2021, с. 1) — аллюзия на всем известную поговорку «*Старый друг лучше новых двух*» саркастично обыгрывает ситуацию с неожиданной помощью Армении от России, а не от США, как все могли ожидать.

Наиболее часто используются прецедентные феномены, известные и понятные большинству читателей. Эти строки создают видимость близости позиции автора [7]: например, заголовок «*Давай вместе бояться*» («Вечерняя Москва» № 32 (962) от 25.03.2020, с. 4) — цитата из всем знакомого мультфильма «Котенок Гав», с помощью которого журналист обращается к читателю как к озорному ребенку, которому на самом деле может нравиться вместе с другими пугаться из-за сплетен вокруг освещаемой проблемы. Заголовок «*На четыре кулака*» («Вечерняя Москва» № 32 (962) от 25.03.2020, с. 4), отсылая читателя к детской дразнилке (жанр фольклора) «*Обманули дурака / На четыре кулака, / На щелбан и на подушку, / На зеленую лягушку*», экспрессивно и иронично передает тему статьи — обман и мошенничество. Заголовок «*Вопрос бревном*» («Аргументы и Факты» № 11 (2104) от 17.03.2021–23.03.2021, с. 1) — аллюзия на фразеологизм «*ставит вопрос ребром*», что из-за сходства по звучанию комично перекликается с темой статьи о легализации заготовки валежника; это придает экспрессивности, акцентирует на заглавии внимание и даже может заинтриговать.

Аллюзии на прецедентные высказывания — одна из характерных черт газетных заголовков. Различные трансформации прецедентных феноменов — следствие журналистской творческой работы со словом. Такие манипуляции вызывают у читателя больший интерес, чем вызвал бы обычный сухой заголовок, и при этом увеличивают выразительность текста, придавая ему большой потенциал воздействия. Например, ироничный заголовок статьи о продаже икры «*Икра воображения*» («Аргументы и Факты» № 10 (2103) от 10.03.2021–16.03.2021, с. 1) забавно обыгрывает выражение «*игра воображения*» и побуждает прочесть материал, узнать освещаемую тему и понять, почему автор выбрал именно его. В заголовке «*Моя бабушка крутит клюшку*» («Аргументы и Факты» № 10 (2103) от 10.03.2021–16.03.2021, с. 44) — аллюзия на строчку из культовой песни «*Моя бабушка курит трубку*» группы «Неприкасаемые»; таким образом журналист придал тексту хулиганское настроение и дал намек на то, о чем в нем повествуется — увлечение пенсионерки хоккеем.

Проведенное исследование показало специфику функционирования прецедентных феноменов в текстах современных газетных изданий, рассчитанных на максимально широкую аудиторию. Данные единицы как средства интеллектуализации языка, выполняют такие функции, как создание интертекстуальности, выражение имплицитной оценки и иронии, активизация внимания читателя и повышение его самооценки вследствие узнавания прецедентов. Замечена тенденция к «облегченной» интеллектуализации, нацеленной лишь на незначительное усложнение содержания текста в угоду развлечения читателя и удовлетворения его умственных потребностей, чтобы при этом оставить текст максимально понятным.

Литература:

1. Валгина Н. С. Теория текста: [Электронный ресурс] // Evarist.Narod. — Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text14/01.htm> (Дата обращения: 01.11.2021).
2. Драпалюк А. С. Прецедентные феномены как один из способов интеллектуализации газетного текста: автореф. дис.: [Электронный ресурс] // Static.FreeReferats. — Режим доступа: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01004830530.pdf (Дата обращения: 02.11.2021).
3. Жилетежева М. А. Прецедентные феномены в средствах массовой информации // Вестник КГУ. — 2009. — Т. 15. — № 4. — С. 131–133.
4. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Зотов. — М.: Филология, 1997. — № 1. — С. 82–104.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 263 с.
6. Клушина Н. И. Интеллектуализация языка современных печатных СМИ // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого воздействия в социуме: Материалы Третьей междунар. конф. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. — С. 36–38.
7. Кормилицына М. А. Активные процессы в языке современной российской прессы [Электронный ресурс] // Вестник ННГУ. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnyye-protsessy-v-yazyke-sovremennoy-rossiyskoy-pressy> (Дата обращения: 31.10.2021).
8. Кормилицына М. А. Стилистическая контаминация в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ) // Проблемы речевой коммуникации. — 2015. — № 1. — С. 23–37.
9. Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Тенденции развития средств современной русской публицистики: [Электронный ресурс] // Саратов. гос. ун-т. — Режим доступа: <http://glebland.narod.ru/smi1.htm> (Дата обращения: 01.11.2021).

Panchekhina A. A.

alla-schooll@mail.ru

Pushkin State Russian Language Institute

Precedent phenomena in the modern newspaper text as a method of its intellectualization

The article describes various types of precedent phenomena from the point of their functioning in the texts of modern newspaper media. Identified and analyzed such of them as precedent names, statements, texts. The author comes to the conclusion that these precedent units as means of “simplified” intellectualization serve to activate attention, express implicit assessment and irony, create intertextuality and increase the self-esteem of the reader.

Keywords: precedent phenomena, intellectualization, newspapers, media discourse, mass media, press.

Антропонимикон прозы Алеся Осипенко

В статье рассматриваются имена, фамилии, прозвища персонажей прозы белорусского писателя Алеся Осипенко. Выделены и описаны типы поэтонимов по степени семантической активности: нейтральные, прямоговорящие, косвенноговорящие, имена-реминисценции и поэтонимы-образы. Охарактеризовано происхождение поэтонимов. Определено влияние контекста на формирование плана содержания имен.

Ключевые слова: оним, антропоним, поэтоним, прямоговорящий поэтоним, косвенноговорящий поэтоним, имя-реминисценция, поэтоним-образ.

Произведения белорусского прозаика Алеся Осипенко — яркая и талантливая летопись отечественной истории XX века. Для романов и повестей писателя характерны насущность проблематики и острота поставленных социальных вопросов, сочетающаяся с хорошим знанием психологии и внутреннего мира персонажей, а также с умением передать нюансы людских отношений. Анализ антропонимикона романа «Лабиринты страха», повести «Клетка для зябликов» и рассказов А. Осипенко показал, что писатель умело использует образно-изобразительные возможности антропонимов — личных имен, фамилий, прозвищ.

Актуальность представленного исследования обусловлена особым вниманием современного языкознания к художественному тексту, к изучению роли имен собственных в создании художественных образов, а также недостаточной (преимущественно — фрагментарной) изученностью ономастикона прозы Алеся Осипенко. Актуальность работы обусловлена и тем, что исследование ономастического пространства произведений белорусского писателя осуществлялось с позиций таких направлений современного языкознания, как литературная ономастика и лингвопрогматика. В контексте художественного произведения значение поэтонима расширяется за счет целого ряда экстралингвистических компонентов (социальных, идеологических, морально-этических, психологических). Проблема отражения в именованном произведении человека как представителя определенной культуры, особого менталитета, уроженца определенного региона становится все более важной в современной лингвистике. Антропонимикон прозы Алеся Осипенко пока не был объектом ономастического и лингвопрогматического исследования, чем объясняется новизна представленной работы.

Цель исследования — выявление лексико-семантических особенностей личных имен, фамилий, прозвищ героев прозы Алеся Осипенко, установление образных компонентов, лежащих в основе поэтонимов, и характера экстралингвистических признаков, нашедших отражение в ономастике художественных произведений.

Антропонимикон произведений Алеся Осипенко был охарактеризован нами с точки зрения такого критерия, как степень значимости (информативности, смысловой активности). Минимальная степень значимости у так называемых **нейтральных имен**, значение основы которых, их этимология не несут информации об особенностях характера персонажа, не выражают оценки литературного героя. Такие поэтонимы выполняют исключительно номинативно-идентифицирующую функцию. Так, большинство личных имен персонажей произведений Алеся Осипенко относится к числу нейтральных онимов. Это имена *Прокоп, Ульяна, Иосиф, Серафим, Текля, Фруза, Пилип, Василиса* и др. Эти лексемы заимствованы из греческого, латинского, древнееврейского и других языков. Такие онимы пришли в Беларусь с принятием христианства. Нейтральное имя может стать характеристическим для того или иного читателя. Э. Магазаник отмечает: «Иногда автор не стремился придать тому или иному собственному имени ни вещественного, ни эмоционального “смысла”, читатель же “значение” в имени видит. Но если для такого читательского восприятия есть какие-то — пусть и слабые — основания, при условии, что читательское “осмысление” имени не противоречит сути созданного образа, то с таким читательским “произволом” можно согласить-

ся» [2, с. 51]. Например, один из героев романа А. Осипенко «Лабиринты страха» носит, на первый взгляд, нейтральное имя **Серафим**, которое происходит от еврейских слов 'пламенный, страстный, властный' [6, с. 31]. Имя соответствует сути носителя — человека, наделенного властью. **Серафим** Недосейко занимает высокий пост председателя правления Союза писателей Беларуси. Это человек с горячим сердцем, живой душой, равнодушный к людям. С детства **Серафим** задумывается над вечными вопросами цели жизни, предназначения человека. Герой вынужден делать трудный выбор между привитыми матерью идеалами жизни с Богом в душе и предложенными отчимом Марком Удоевым идеями классово-борьбы. Мучительно вписался Недосейко в неприемлемую удоевскую мораль. Достигнув карьерных вершин, **Серафим** не утратил человеческих качеств, не очерствел. Сердце и душа его не выдержали нечеловеческой нагрузки, и писатель умирает, оставив потомкам щемяще искреннее произведение «Жатва под Черным Солнцем» о судьбе человека и поколения, отравленного глобальной ложью и нечеловеческим страхом.

Максимальной степенью семантической активности характеризуются **прямоговорящие антропонимы**. Эти имена имеют прозрачную семантику, они характеризуют прямо, непосредственно, являясь своего рода ярлыками, которые предопределяют характер восприятия и оценки героя. О. Фонякова отмечает: «Эти имена похожи на маски героя или преступника в средневековом театре, по которым зритель сразу знал: кто перед ним» [5, с. 44]. К числу **прямоговорящих** антропонимов относятся прежде всего прозвища. Они характеризуются наиболее яркой и прозрачной внутренней формой. Прежде всего это поэтонимы, характеризующие внешний облик персонажа. Они напоминают портрет, а точнее карикатуру на героя, в которой на первый план выносятся самая бросающаяся черта человека. Презентовать внешность можно посредством прозвища-метафоры, построенного на основе сходства персонажа с определенным предметом или живым существом, напр.: «*В их компании верховодил Баранов, которого за глаза звали Бараном. Он и правда напоминал барана: светлые волосы вились колечками, синие глаза всегда бессмысленно смотрели как бы в никуда, а ко всему он был тупой, но имел силу и поддержку Хана*» [3, с. 308]; «*Игорь нагло смеялся, его широкое лицо напоминало пирожок, помазанный яичным желтком. «А ты Пирожок, вот!» — крикнул Серафим и шибанул по винтовой лестнице вниз*» [3, с. 309]. Самую бросающую черту внешности «золотушного белобрысого подростка» [3, с. 309] Яшки очерчивает его прозвище **Альбинос**, а носатого Вальку можно обрисовать посредством фиксации яркой черты его внешности в прозвище **Лыч**. Комплекцию подростка обрисовывает характеристическое прозвание **Бык**. Упомянутые прозвища принадлежат героям романа «Лабиринты страха». Внешность персонажа рассказа «Школьная фотография», «пухленького чистюли» Феди, передает прозвище **Пончик**.

Косвенноговорящие имена лишены заданности и прямолинейности прямоговорящих онимов. Антропонимы этого типа имеют «затемненную» внутреннюю форму, для выяснения которой нужен контекст, а иногда осмысление содержания всего произведения. Э. Б. Магазаник отмечал: «Такие имена — не вывеска, которая заранее объясняет читателю то, с кем он имеет дело, а аккомпанемент, звучащий только для чуткого уха. Постигнув подтекст такой фамилии, расшифровав скрытые знаки авторской характеристики героя, мы обогатим свое восприятие художественного произведения» [2, с. 30]. Фамилия главных персонажей повести «Клетка для зябликов» несет важную смысловую нагрузку. Поэтоним **Терпиловские** можно назвать предсказателем судьбы героев — представителей знатного шляхетского рода. Каждый из **Терпиловских** переживает нелегкие, порой трагические испытания в жизни. Старший представитель семьи, священник, был репрессирован и погиб. Пережил он и личную, семейную трагедию. Сын его, Константин, увлекшись идеями воинственного материализма, отказался от пути служения Богу и стал врачом. На долю Константина выпали тяжелые испытания во время Великой Отечественной войны. Достоин выдержав их, герой переживает измену ближайшего члена семьи, зятя Карпа Хижняка, по доносу которого **Терпиловский** попадает в тюрьму. Внук Константина Вячеславовича решил вернуться на путь, предначертанный предками-священниками, став служителем церкви. Отец-коммунист отрекается от сына, и по содержанию произведения мы можем догадаться, что Владимира, ставшего священником в советском государстве, ждут нелегкие испытания. Характеристическая фамилия **Терпиловские** — своего рода предсказание трагической судьбы не только одной семьи, но и целого поколения, обожженного революцией, коллективизацией, войной.

Информацию о судьбе творчески одаренных людей, которые не могут жить, как все, передает «говорящая» фамилия персонажей рассказа «Лауреат местного конкурса» **Одинец**. Контекст способствует раскрытию внутренней формы поэтонима: «*Николая **Одинца** совсем за человека не считали. Он был не то что глуповатый, но очень странный. Все чего-то искал, скитаясь по миру, но научился только одному — хорошо играть на скрипке*» [3, с. 408]. Презрительно, издевательски относились сельчане и к дочери Николая Анне: «*Какой же это человек, что только и умеет играть на скрипке и цимбалах*» [3, с. 409]. Односельчане и даже муж, любивший Анну, так и не поверили, что она во время войны служила немцам по заданию партизан. Одиночество, обособленность героини от людей подчеркивается как в авторских замечаниях («*Анна так и живет. **Одна**, как волчица*» [3, с. 409]); так и в словах самой Анны («*Все давно переболело. Я одна, волчица, а не человек*» [3, с. 409]).

В основе фамилии героев романа «Лабиринты страха» **Кротовы** лежит название животного, обитающего под землей и тайком приносящего вред человеку. В народном сознании сохранились представления о том, что крот — животное, оторвавшееся от Бога и служащее дьяволу [1, с. 200]. Герои романа — Панкратий и Глеб **Кротовы** — бесчеловечные, беспощадные винтики карательной советской системы, для которых «*тюремный надзиратель — работа плевая, а зарплата хорошая, паек, обмудирование, две пары портянок*» [3, с. 326]. Согласно **Кротовым**, «*все люди делятся на тех, кто сидит, и на тех, кто их сторожит*» [3, с. 326]. Ради того, чтобы улучшить жилищные условия и переехать из подвальных помещений коммунальной квартиры в комнаты на верхних этажах, **Кротов**-старший пишет донос на соседей по квартире. Жертвами **Кротова**-младшего становятся друзья и их семьи. Таким образом, фамилия полностью соответствует сущности носителей.

Фамилия главного героя романа «Лабиринты страха» Серафима **Недосейко** соотносится со значением словосочетания «не досеять» (не завершить сев). Талантливый, одаренный человек так и не сумел выполнить своего писательского и человеческого долга. **Недосейко** теряет на дорогах войны любимую женщину — первую жену Любу, а во время похорон Сталина и сына-первенца Леника, который, оторвавшись от семьи, становится поэтом **Гришей Непомнящим**. «*Живя под колпаком угнетающего страха*» [3, с. 328], **Недосейко** на протяжении всей жизни присоединялся ко всеобщему вранью о счастливой жизни в советской стране, где якобы не было кровавых репрессий и трагических последствий Чернобыльской катастрофы. Ища выход из лабиринтов страха, писатель **Недосейко** приходит к последнему трагическому роману «Жатва под Черным Солнцем», который так и остается не завершенным и не напечатанным. Неизвестными читателям остаются произведения открытого **Недосейко** талантливого писателя Олега Максимова. Обратившись в конце жизни к вечным нравственным ценностям, герой произведения умирает, так и не решив поставленных перед самим собой нравственных и художественных задач.

Использование **имен-реминисценций** основано на «перенесении определенных черт личности, именуемой именем-оригиналом, на другой персонаж, по отношению к которому намеренно используется имя образа — “первоисточника”» [4, с. 11]. В именовании одного из высших партийных деятелей Беларуси, героя романа «Лабиринты страха» **Никиты Леонидовича**, не случайно сочетаются имена самых известных советских руководителей — **Леонида** Брежнева и **Никиты** Хрущева. **Никита Леонидович** является продолжателем традиций советской партийной элиты, замалчивая страшные последствия Чернобыльской катастрофы. Продолжаются **Никитой Леонидовичем** наихудшие советские традиции отношения власти к творческой интеллигенции: «*Никита Леонидович упорно не любит творческую интеллигенцию, презирает ее, обзывая дурными словами. Он почти ничего не читал. Если и знал определенные произведения, то только по подготовленным помощниками справкам, в которых пересказывалось содержание и давались рекомендации, на что нужно обратить внимание — похвалить или, наоборот, покритиковать какие-то места*» [3, с. 330].

Поэтонимы-образы иллюстрируют возможность развития в именах реальных исторических личностей и персонажей литературных произведений переносных (метафорических) значений. В основе антропонимической метафоры — стремление автора к сопоставлению с целью более точной формулировки смысла. А. Осипенко характеризует персонажа, сравнив его с известным историческим деятелем. Героя рассказа «Лауреат местного конкурса», первого в деревне летчика Андрея, характеризуют посредством сравнения со знаменитым советским летчиком: «*После одного*

случая Андрей стал нашим дежинским **Чкаловым**. Было это в день его самостоятельного вылета на самолете. Андрей появился над Дежином и перед удивленными односельчанами выкрутил все фигуры высшего пилотажа» [3, с. 420].

Антропонимы являются неотъемлемой частью художественных произведений Алеся Осипенко. Поэтонимы создают запоминающиеся художественные образы и передают ценную информацию об истории Беларуси XX века.

Литература:

1. Беларуская міфалогія: энц. слоўнік / склад. І. Клімковіч. — Мінск: Беларусь, 2006. — 599 с.
2. Магазаник Э. Б. Ономапоэтика, или «говорящие имена» в литературе. — Ташкент: Фан, 1978. — 148 с.
3. Осипенко А. Х. Лабиринты страха: романы, повести, рассказы. — Мн.: Худ. лит., 1992. — 447 с.
4. Петрачкова И. М. Значимость имени собственного в художественном тексте (на материале современной русской прозы): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. — Мн., 2003. — 21 с.
5. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. — 104 с.
6. Чиж А. Белорусский именник. — Гомель: Collegium sarmacum, 1998. — 60 с.

But-Gusaim S. F.

syfbg@tut.by

Brest State A. S. Pushkin University

Anthroponymicon of the prose by Ales Osipenko

The article deals with the names, surnames, nicknames of the characters in the prose by the Belarusian writer Ales Osipenko. The author of the article singles out and describes the types of poetonyms (poetic names) according to the degree of their semantic activity: neutral, direct-speaking, indirect-speaking, names-reminiscences and poetonyms-images. The origin of the poetonyms (poetic names) is characterized. The author of the article determines the role of the context in the formation of the plan of the content of the poetonyms.

Keywords: onym, anthroponym, poetonym (poetic name), direct-speaking poetonym, indirect-speaking poetonym, name-reminiscence, poetonym-image.

Парадокс неполного предложения: коммуникативное преимущество при грамматической «ущербности» (на основе текстов русской литературы)

Статья посвящена анализу причин «неполноценности» полных предложений в речевой действительности и коммуникативного превосходства неполных предложений. Примеры из классической русской литературы позволяют проиллюстрировать значимость и актуальность использования неполных предложений с учетом реализации их тема-рематической перспективы. Материалы статьи могут использоваться при обучении русскому языку как иностранному или неродному в контексте изучения специфики синтаксиса русского языка.

Ключевые слова: синтаксис, неполное предложение, эффективная коммуникация, тема-рематические отношения, рематизация.

Неполные предложения обычно трактуются как те предложения, в которых не хватает необходимых структурных частей, то есть главных или второстепенных членов.

Посмотрим на трактовку неполных предложений в описательных грамматиках и учебных пособиях.

Например, в учебном пособии **В. А. Белошапковой** в главе о предложении и его типах признак неполноты предложения — «отсутствие эксплицитного выражения *необходимых* членов предложения» [1, с. 92]. У **А. А. Шахматова**: «Предложения с *опущенными* главными членами называем неполными, причем предложения с опущенным подлежащим назовем *недостаточными*, а с опущенным главным членом или сказуемым — *нарушенными*» [10, с. 48]. У **А. М. Пешковского**: «Под неполными предложениями мы будем понимать такие предложения, в которых *не хватает* одного или нескольких членов» [6, с. 396]. **Г. А. Золотова** пишет об эллиптических предложениях (разновидность неполных; они сами могут составить независимый текст; не нуждаются в восполнении «*недостающего*» из окружающего текста: например, «я за хлебом»). Золотова ставит под сомнение выражение эллиптичности предложений, так как есть самодостаточная структура, выражающая свое значение вне контекста. По Золотовой, если есть модель в языке, то, следовательно, это полное предложение. Неполные только те, которые обусловлены конкретной ситуацией в речи [3, с. 181]. **Н. Ю. Шведова** в «Грамматике-80» пишет: «Неполные конситуативно обусловленные реализации могут быть названы неполными предложениями» [8, с. 120]. Как мы можем видеть, каждый раз подчеркивается «неполноценность» такого типа предложений (см. слова, выделенные курсивом).

С. Г. Ильенко в своей статье, впервые опубликованной в 1996 году в сборнике «Проблемы лингвистической семантики», пишет о том, что структурная ущербность неполных предложений на практике оборачивается их коммуникативным превосходством. Причина этого кроется, во-первых, в том, что неполные предложения «сосредоточивают внимание слушателя на самом существенном, главным образом на реме, отбрасывая уже известную слушающему тематическую часть», а во-вторых, в том, что нередко именно полные предложения могут оказываться неполноценными, демонстрируя отсутствие коммуникативной гибкости в реальной речевой действительности. Неспроста ориентация на полные предложения в диалогах может свидетельствовать либо об «ироническом ходе в презентации речевого общения», либо о намерении говорящего прекратить общение [4, с. 47–48].

Можно проиллюстрировать первый случай популярным фрагментом из интервью журналиста с российским наездником Александром Несяевым [5].

Журналист: «У вас была какая-то тактика с самого начала, и вы ее придерживались?»

Наездник (с утвердительной интонацией): «С самого начала у меня была какая-то тактика. И я ее придерживался!»

Вместо утвердительного «да» или «была» с ожидаемым пояснением, вероятно, уставший спортсмен иронично повторяет в утвердительной форме поставленный вопрос, лишая свой ответ какой-либо информативности для собеседника. Так Несяев косвенно указывает на недостаточную сформулированность интервьюером вопроса (сравните: «У вас была тактика?» и «Какой тактики вы придерживались?»). Комизм, вызвавший всплеск популярности этого ролика, содержится в парадоксе: формально был дан ответ при содержательной пустоте (что, впрочем, часто встречается в интервью со спортсменами и, к сожалению, с политическими деятелями).

Функцию полного предложения, заключающуюся в прекращении коммуникации, можно проиллюстрировать диалогом главного героя с официантом из повести С. Довлатова «Заповедник»:

— *Что вам угодно?*

— *Мне угодно, — говорю, — чтобы все были доброжелательны, скромны и любезны.*

Официант, пресыщенный разнообразием жизни, молчал.

Конечно, здесь эффект только подкрепляется формой полного предложения, основное же значение имеет переосмысление стандартного вопроса и нестандартный ответ.

В повести Хармса «Старуха» разворачивается такой диалог стоящих в очереди людей:

— *Вы не знаете, что там происходит?*

— *Простите, не знаю, — сказал я как можно суше.*

Дамочка повертелась в разные стороны и наконец опять обратилась ко мне:

— *Вы не могли бы пойти и выяснить, что там происходит?*

— *Простите, меня это нисколько не интересует, — сказал я еще суше.*

— *Как не интересует? — воскликнула дамочка. — Ведь вы же сами задерживаетесь из-за этого в очереди!*

Я ничего не ответил и только слегка поклонился.

Короткое и сухое «простите, не знаю», по-видимому, не смогло подсказать «дамочке» о нежелании героя-повествователя вступать в диалог. Тогда он отвечает «еще суше», используя полное предложение, которое выполняет роль сигнала «стоп». После этого диалог должен быть завершен. Редкое использование полного предложения в диалогах не дискредитирует его структуру как таковую, а лишь показывает, что в определенных условиях использование неполного предложения более уместно.

До статьи С. Г. Ильенко были и другие работы, в которых предпринималась попытка заглянуть в «суть коммуникативной природы неполного предложения» [4, с. 51]. Это Грамматика русского языка АН СССР (1952–1954 гг.) [2, с. 90], статья И. А. Поповой «Неполные предложения в современном русском языке» [7, с. 89], и статья А. Г. Сковородникова «О критерии эллиптичности в русском синтаксисе» [9, с. 114–125].

Во всех этих работах уже обращалось внимание на коммуникативную приспособляемость неполного предложения. В «Грамматике русского языка» впервые сформулирован тезис о коммуникативных условиях использования неполных предложений и предложена их классификация, связанная с 4 позициями: в диалоге; в сложном предложении; во фразеологически устойчивых словосочетаниях; в качестве самостоятельного, когда особенностью структуры является отсутствие сказуемого (*я за хлебом*). И. А. Попова в упомянутой статье еще больше заостряет внимание на смысловой полноте такого типа предложений, общий вывод близок к формулировке «Грамматики»: «Отсутствие в неполном предложении одного или нескольких членов предложения в большинстве случаев является для него синтаксической *нормой*; это отсутствие обусловлено или тем, что неполное предложение входит как часть в состав более сложной синтаксической конструкции, причем отсутствующие в нем члены предложения наличествуют в другой части этой конструкции, или тем, что отсутствие данного члена предложения является структурной особенностью этого предложения. Вставка тех или иных якобы опущенных членов предложения обычно не только не нужна, но и невозможна: такая вставка ведет к изменению всей структуры данного предложения и его стилистической окраски» [2, с. 90]. Указание на синтаксическую норму как бы уравнивает неполные предложения в правах с полными. Там же говорится о том, что «термин “неполные предложения” может быть принят лишь *условно*».

С. Г. Ильенко говорит о том, что необходимо не уравнивать в правах эти типы предложений, а вскрывать их различия, так как именно в них кроется сущность оппозиции монологическая/диалогическая речь (а также противопоставление разговорной речи и кодифицированного литературного

языка). «Монолог ориентирован на полное предложение, диалог — не столько на полное предложение, сколько на *неполное предложение*» (далее — НП) [4, с. 52]. Ученый отмечает, что «НП – это категория не столько структурная, сколько коммуникативная», а значит, «классификация НП, ориентированная на его коммуникативное устройство, должна учитывать реализацию его тема-рематической перспективы» [4, с. 53]. В связи с этим в статье выделяются 3 основных типа неполных предложений:

- 1) рематическое;
- 2) тема-рематическое;
- 3) тематическое.

Проиллюстрируем использование всех трех типов НП фрагментами из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Рематические неполные предложения наиболее распространены, так как для ситуативных диалогов характерно невербализованное «присутствие» тем (реальный денотат, ставящийся предметом речи), которое позволяет «опускать» тему в ее речевой реализации.

Фамусов

Кому сюда прийти?

Ведь Софья спит?

Лиза

Сейчас започивала.

Фамусов

Сейчас! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

НП рематического типа могут оформлять целые диалогические фрагменты. Например, так представлена встреча Чацкого с молодой дамой:

Наталья Дмитриевна

Я полагала вас далеко от Москвы.

Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Дмитриевна

Надолго?

Чацкий

Как случится.

Тема-рематические неполные предложения используются:

а) в таких диалогических единствах, в которых наблюдаются параллели между импульсом (вопросительной структурой) и реакцией (повествовательной структурой):

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам

И генеральский чин; а там

Зачем откладывать бы дальше,

Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? Я ничуть не прочь.

в) Тема-рематическое неполное предложение может встречаться в ответной диалогической реплике при использовании в ней в качестве сказуемого:

Загорецкий

Он сумасшедший...

Графиня внучка

Что?

Загорецкий

Да, он сошел с ума.

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама.

Тематические неполные предложения часто предстают в речи в качестве повтора-переспроса:

София

Хотите ли знать истины два слова?

Малейшая в ком странность чуть видна,

Веселость ваша не скромна,

У вас тотчас уж острота готова,

А сами вы...

Чацкий

Я сам? *не правда ли, смешон?*

Причины появления повтора-переспроса могут быть различны, но почти всегда они мотивированы психологически. Так, в диалоге Чацкого и Молчалина последний несколько раз удивленно повторяет имя, акцентируя тем самым внимание на теме:

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,

Из Петербурга воротясь,

С министрами про вашу связь,

Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею незнаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы не встречались.

Итак, коммуникативное превосходство неполного предложения состоит в том, что актуализация высказывания достигается в нем наиболее эффективным и прямым способом: «рематизацией неполного предложения, то есть тенденцией сохранения в нем только ремы» [4, с. 56] при «отбрасывании» тематической части (в результате чего и возникает структурная ущербность неполного предложения).

В полном же предложении актуализация высказывания не так очевидна и достигается, например, особым порядком слов, сама же структура полного предложения остается неизменной.

Литература:

1. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. Учеб. Пособие для филол. Специальностей ун-тов. — М., 1977. — С. 92–93.
2. Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 2. — М., 1952–54. — С. 90.
3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. д. ф. н. Г. А. Золотовой. — М., 2004. — С. 181.
4. Ильенко С. Г. Об одном из синтаксических парадоксов: коммуникативное превосходство неполного предложения как следствие его структурной ущербности // Ильенко С. Г. Русистика. Избранные труды / Вступ. статья М. Я. Дымарского, И. Н. Левиной. — СПб., 2003. — С. 47–56.
5. Несяев А. Г. Комментарий о скачках на московском ипподроме в «Дни Франции 2015» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://twitter.com/GrishkaUrgant/status/712544389332090880/video/1>
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — 3-е изд. — М., 2001. — С. 396–403.
7. Попова И. А. Неполные предложения в современном русском языке // Тр. Ин-та языкознания. Т. 2. — М., 1953. — С. 89.
8. Регулярные реализации простого предложения // Русская грамматика. Академия наук СССР институт русского языка «Русская грамматика». Т. 2. — М., 1980. — С. 120.

9. Сковородников А.Г. О критерии эллиптичности в русском синтаксисе // Вопр. языкознания. — 1973. — № 3. — С. 114–125.
10. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — 3-е изд. — М., 2001. — С. 48.

Teterina K. A.

Katerinateterina95@gmail.com

*Economic Lyceum of the International
Banking Institute, Saint Petersburg*

Incomplete sentence paradox: communicative advantage of grammatical “impairment” (based on the texts of Russian literature)

The article is devoted to the analysis of the reasons for the «inferiority» of full sentences in real speech and the communicative superiority of incomplete sentences. Examples from classical Russian literature illustrate the importance and relevance of using incomplete sentences, taking into account the implementation of their thematic and rhematic perspectives.

Keywords: syntax, incomplete sentence, effective communication, theme and rheme relations, the process of focusing.

«Я памятник себе нерукотворный воздвиг...»: А. С. Пушкин в русской рэп-поэзии

В статье рассматриваются реализации концепта «Пушкин» в русской рэп-поэзии 2010-х годов. Рэп-исполнители из России, Белоруссии, Эфиопии интерпретируют в треках факты биографии, черты внешности, особенности творчества А. С. Пушкина и таким образом включают классика XIX века в культурный контекст современности.

Ключевые слова: рэп-поэзия, Пушкин, Noize MC, Слава КПСС, Наум Блик.

Начиная разговор о современной рэп-поэзии, необходимо обратиться к предыдущей эпохе развития русской песенной лирики, а именно к року конца 1960 — начала 2010-х годов. Попытка определения рок-произведения была сделана в самом начале практики научного осмысления рока, в первом сборнике «Русская рок-поэзия: текст и контекст» (Тверской государственный университет, сборник издается с 1998 года, на сегодняшний день вышло 16 выпусков) в разделе «От редколлегии». Авторы (Ю. Доманский, Т. Ивлева, Е. Козицкая) определяют рок-композицию как синтез трех взаимодействующих начал: музыки, текста и шоу, с доминантой текста, более того, с возможностью рок-текста как факта литературы функционировать, а следовательно, и изучаться, самостоятельно [1, с. 5]. Обратим внимание на слово «самостоятельно» в приведенном определении и перенесем на рэп этот же принцип анализа текстов, т. е. как эстетически и этически законченных стихотворений, которые можно рассматривать отдельно от музыкальной составляющей, особенностей аранжировки или сценического воплощения композиции.

Русский рок активно работал с традицией пушкинской лирики [2] и наиболее полно и точно выразил свое уважительное и дружеское отношение к классику строкой Ю. Ю. Шевчука из песни «В последнюю осень», написанной в память о трагической гибели в автокатастрофе В. Р. Цоя в 1990 году: «*Ах, Александр Сергеевич, милый...*» [3].

Мнение рэп-исполнителей к поэту, в частности, высказано в интервью группы «Кровосток» от 2015 года, где один из основных участников коллектива Доктор Фельдман (настоящее имя — Дмитрий Файн) достаточно свысока комментирует: «*Фигура, однозначно устраивающая меня в русской литературе — это Пушкин. Александр Сергеевич. Со всеми остальными ребятами уже что-то не совсем так, имеется в виду возможность описать радость*» [4].

Группа «Кровосток» во многом реализует преломление традиций тюремной лирики в рэп-речитативе. Пушкин как автор стихотворений «Во глубине сибирских руд...» и «Узник», в какой-то мере также оставил свой след в поэтической реализации образа несправедливо осужденного товарища.

Как широко известно, «концепт — один из наиболее популярных и наименее однозначно дефинируемых терминов современной лингвистики» [5, с. 308]. В данной статье о рэп-поэзии концепт определяется как «что-то (и в сознании, и в языке), что определяет (называет, представляет в виде образа) некоторые явления (понятия, действия, состояния), принципиально важные для бытия людей и их общения (в том числе и речевого), причем это что-то имеет как всеобщую, так и национально-детерминированную значимость и временную устойчивость. И это что-то — не единично, их некоторое (конечное или бесконечное) количество, и они объединены в некоторую систему (совокупность), которая из них и состоит, и существует сама как таковая. Это что-то и есть концепт, а их совокупность и есть концептосфера» (Ю. Е. Прохоров) [6, с. 89].

Концепт «Пушкин» в русской рэп-поэзии реализуется несколькими способами. Во-первых, имя исполнителя может совпадать или коррелировать с классиком: ди-джей клубной музыки Даша Пушкина, MC-исполнитель Почти Пушкин.

Вторая реализация концепта — Пушкин как карнавальная маска. В телевизионном шоу российского канала СТС «Поэзия бита» (январь 2014) исполнитель N'Rans — чернокожий студент

из Эфиопии — исполняет попури из хрестоматийных строф «Евгения Онегина» и всячески подчеркивает, что Пушкина должен исполнить именно он, потому что обладает тем же цветом кожи: «Ну, кто еще мог взять Пушкина» [7].

В-третьих, Пушкин становится непререкаемым авторитетом, «иконой» для современного рэп-поэта. Например, вспомним стихотворение «Юбилейное» В. В. Маяковского с призывом:

Александр Сергеевич,
разрешите представиться.
Маяковский.
Дайте руку!

Поэт 1920-х годов нуждается в откровенном разговоре с классиком «золотого века». Тема поэта и поэзии реализована и в речитативе «Александр Сергеевич Пушкин» исполнителя «Сергега» — неприкаянность поэта в мире остро ощущается в любую эпоху [8]. Шуточный рэп-баттл исполнителя Stil Ryder «Эминем vs. Пушкин» построен как перебранка американского рэп-идола и русского классика [9].

Исследователь Т. П. Кожелупенко в диссертации «Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп текстах» [10] выделяет десять семантических полей, связанных с поэтическим речитативом. Одни из них — «избранность хип-хопа» и «братство» — оказываются глубоко созвучны личности, фактам биографии и творчеству Пушкина.

Четвертой реализацией концепта можно считать представление рэперов о том, что авторитет Пушкина бесспорен при решении всех остросовременных проблем.

Noize MC (Иван Алексеев) в треке «Пушкинский рэп», 2011, продолжает традицию демифологизации Пушкина: бронзовый памятник, навечно закрепленный после «Речи Достоевского о Пушкине» 1880 года в высокой культуре как идеальный поэт, как бесспорный гений, испытывает на себе постоянное желание писателей вернуть Пушкину человеческий облик, соизмерить Пушкина с живым человеком, «а не с мумией»: «Я люблю вас, но живого, а не мумию. Навели хрестоматийный глянец» (Маяковский, «Юбилейное») [11].

Пушкинский текст, связанный с карнавализацией и травестией классика в элитарном (академическом) и бытовом сознании русского читателя, выявляется писателями и литературоведами во множестве произведений XX века — в «Пушкинском доме» А. Битова, романе «Кысь» Т. Толстой, поэме «Москва — Петушки» Вен. Ерофеева, повести «Заповедник» С. Довлатова и в ставшем классическим центоне Вс. Некрасова:

Я помню чудное мгновенье
Невы державное теченье
Люблю тебя Петра творенье
Кто написал стихотворенье
Я написал стихотворенье [12]

Иван Алексеев в «Пушкинском рэпе» поднимает тему расизма футбольных фанатов, актуальную в России повсеместно и всегда:

Меня зовут Александр Сергеевич Пушкин,
Моя кожа не похожа на начинку ватрушки.
Смуглое лицо, черных кудрей завитушки —
Спасибо прадедушке за все эти фишки.
Не слишком большого умишка обладатели
Обзывать обезьяной считали обязательным.
И даже в лицее злопыхатели нередко
Шутили, что мои предки вчера слезли с ветки.
Мол, мой прадед араб Ганнибал
Был Петром за батл рома в Амстердаме куплен у менял.
Кто меня только в чем не обвинял,
Но вы сами все в курсе, каков был финал.
Я памятник себе нерукотворный воздвиг,
Меня признает великим и ученый, и ученик.

Русский язык учить, не читая моих книг, —
Эта дорога напрямиком в тупик.

Так откуда берутся грамотеи такие,
Что думают, будто расизм и Россия —
Это слова однокоренные?
Знайте, Пушкин против таких, как вы, йоу.

На непохожих людей смотришь хмуро?
Что-то там мямлишь про русскую культуру?
Так вот тебе от этой культуры ответ,
Или что, типа Пушкин не русский поэт?

Вижу, кто-то в рай тебе удлиняет очередь:
Все вокруг по трассе прут, а ты на обочине.
Кто тебе мешает? Иностранное рабочее?
Зарубежные студенты? И все такие прочие?
Твоя жизнь без них была бы легким кинцом,
С классным началом, серединой и концом.
А ты сам был бы всем танцорам танцор,
Если бы не терлось яйцо об яйцо.
И еще вкратце о национальных танцах:
Русские всегда были дружелюбной нацией.
Били только тех, кто первым лез драться.
Ксенофобия — удел неандертальцев.
Расизм оставим питекантропам и австралопитекам —
Всем привет из девятнадцатого века:
«Классно у вас, впечатляет прогресс», —
И лишь одного понять не может Пушкин А. С.

Так откуда берутся грамотеи такие,
Что думают, будто расизм и Россия —
Это слова однокоренные?
Знайте, Пушкин против таких, как вы, йоу.

На непохожих людей смотришь хмуро?
Что-то там мямлишь про русскую культуру?
Так вот тебе от этой культуры ответ,
Или что, типа Пушкин не русский поэт? [13]

В речитативе актуализируется именно не чисто славянское происхождение Пушкина — правнук Абрама Петровича Ганнибала имел часть и африканской крови, что стало особенно важным в культуре в начале 2010-х годов в связи с разгулом националистических движений в среде фанатов. Отметим также, что рэп как стиль написания текстов, манера исполнения и субкультура пришел из чернокожих районов Нью-Йорка и в современном виде появился в 1970-х годах среди афроамериканцев.

И. Алексеев строит текст на противопоставлении Пушкина как обычного, равного нам человека и как великого поэта. Начинается трек с обыденной фразы знакомства:

Меня зовут Александр Сергеевич Пушкин...

— и продолжается уже хрестоматийным:

Я памятник себе нерукотворный воздвиг...

Здесь обычное, приземленное отношение к Пушкину соотносится с ерофеевским «*Вот так и я — как немножко напыюсь, так сразу к нему подступаю: „А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?“*» [14].

Обратим внимание, что портрет Пушкина строится именно на чертах негроидной расы (темная кожа, черные кудрявые волосы) и полностью отсутствуют признаки принадлежности поэта европейской культуре и его русскости (бакенбарды, голубые глаза):

Моя кожа не похожа на начинку ватрушки.
Смуглое лицо, черных кудрей завитушки —
Спасибо прадедушке за все эти фишки...

Хотя именно в обыденном сознании после завершения мифологизации классика бакенбарды — это основная портретная характеристика поэта. Вспомним довлатовское: *«На каждом шагу я видел изображения Пушкина. Даже возле таинственной кирпичной будочки с надписью «Огнеопасно!».* Сходство исчерпывалось бакенбардами. Размеры их варьировались произвольно» («Заповедник») [15].

Алексеев вспоминает и о прозвище Пушкина в лицее — Смесь обезьяны с тигром, которое связано с неукротимым нравом поэта в подростковом возрасте и с оскорбительными выпадами в адрес внешности Пушкина со стороны Дантеса, о чем подробно говорил Ю. М. Лотман [16]:

Не слишком большого умишка обладатели
Обзывать обезьяной считали обязательным.
И даже в лицее злопыхатели нередко
Шутили, что мои предки вчера слезли с ветки.

Лотман, правда, сглаживает неевропейские черты портрета, резюмируя в заметке: *«Однако кличка, которая в своей первооснове, то есть применительно к французскому характеру, никаких зрительных ассоциаций не имела, будучи отнесена к Пушкину, получала дополнительные смыслы в связи с некоторыми особенностями мимики и внешности поэта. Одновременно, получив, видимо, широкую огласку, она давала поверхностному наблюдателю готовый штамп восприятия именно внешности».* Для воплощения творческой задачи трека Алексеев намеренно на первый план выдвигает связь лицейского прозвища с внешностью.

Пятый способ реализации концепта находим в интерпретации оригинального пушкинского текста через ритм, голос исполнителя и дополнительные шумы (аранжировку). Например, белорусский исполнитель +AeSLи+ (Дмитрий Шкуратов) в треке «Бесы», основанном на не измененном ни на йоту тексте Пушкина, включает в аранжировку ритм, подчеркивающий движение кибитки, в финале трека слышен стук копыт и вой волков. Мотивы страха, тревоги, отчаяния подчеркиваются сэмплом, который как будто взят из фильма ужасов: звуки воя волков сочетаются с хрипом лошадей, слышен удар колокола, голос исполнителя приглушен и хрипл. На первом месте в рэп-интерпретации пушкинских «Бесов» стоит мотив вечного движения, вечной страшной скачки по зимним полям России:

Мчатся тучи, выются тучи
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин! [17]

Наум Блик (Дмитрий Иорданий) в 2010 году записывает альбом «Re: поэты», который состоит из двадцати треков, созданных исключительно на тексты русских поэтов XIX–XX вв.: Саши Черного, Е. Долматовского, Н. Некрасова, И. Бродского, Б. Пастернака, Н. Гумилева и др. Цель создания подобного альбома была в просвещении молодых MC, рэперов, которые, как правило, не любили ходить в школу, а значит, плохо знали историю русской поэзии, что обедняло рэп-тексты 1990-х и 2000-х годов. Д. Иорданий хотел показать хрестоматийную лирику молодым с новой стороны, освежить ее восприятие для нового поколения. Завершает альбом речитатив «Пушкин», в основе которого стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Начало трека поражает слушателя звуком метропоезда и объявлением по громкой связи «станция метро — Пушкинская». Таким нетривиальным способом Д. Иорданий показывает, что для современного человека Пушкин переродился, трансформировался в станцию метро, в центр жизни Москвы, в центр культуры

России, потому что именно там, где стоит этот памятник — рукотворный на этот раз — бурлит, шумит русская речь, встречаются влюбленные парочки, и, по Б. Окуджаве, «на фоне Пушкина снимается семейство» [18].

Второй дополнительный шум появляется в финале песни: Иорданий включает в трек отрывок из фильма Карена Шахназарова «Курьер» (1986), в котором неприкаянный молодой герой Иван Мирошников читает «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» как свое оригинальное стихотворение, чтобы произвести благоприятное впечатление на отца любимой девушки.

Иван Мирошников: Я сочиняю стихи, Семен Петрович.

Семен Петрович: И что же, печатаешься?

Иван Мирошников: Пока нет.

Семен Петрович: А стихи-то получают?

Иван Мирошников: Могу прочесть... Вот, к примеру, из последних:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,

К нему не зарастет народная тропа,

Вознесся выше он главою непокорной

Александрийского...

Семен Петрович: ...*столпа*. Ну, что же, недурно, недурно. Правда, напоминает что-то... Или стиль такой старомодный. Но в общем, очень-очень недурно.

Иван Мирошников: Может еще почитать?

Семен Петрович: Нет, нет, не надо.

Иван Мирошников: Ну, я, пожалуй, пойду...

Семен Петрович: Конечно. [19]

Ирония Наума Блика относится не только к современному поколению, которое частенько врет и лицемерит, ища выгоду для себя, или таким образом хочет выразить свое отношение к таким же лицемерам-отцам, — но и к себе самому и его альбому, к рэп-исполнителю, который записал альбом без единой оригинальной строчки, где собраны только треки на чужие стихи.

Шестой способ интерпретации концепта «Пушкин» связан уже с интертекстуальностью, когда рэп-исполнитель включает цитату из творчества Пушкина в оригинальный текст. Слава КПСС (он же Гнойный, настоящее имя — Вячеслав Машнов) в треке «Следы на снегу» из альбома «Солнце мертвых», 2017, построил оригинальное стихотворение на повторе риторического вопроса «Жизни мышья беготня... // Что тревожишь ты меня?» из пушкинских «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы»:

Жизни мышья беготня, что тревожишь ты меня?

Жизни мышья беготня, что тревожишь ты меня?

Жизни мышья беготня, что тревожишь ты меня?

Жизни мышья беготня, что тревожишь ты меня?

Каждый день один и тот же день, когда же тень?

Под палящим солнцем в русском поле некуда присесть.

Ведь под нами металл раскален до бела;

Время нет, чтобы жить, но время есть на дела.

Кто ж так тянет удила? Нах... мама родила!

Эх, коли бы зима все тропки замела.

Катит в саях мурза, за ним коника ведут

Под уздцы, не оставляя следов на снегу.

Может быть, на повороте нас волки стерегут;

Может быть, косоворотку на мне вороги порвут?

Ночка темна, да голосами кликуш

Моя горница полна их загубленных душ.

Да! Я же сам опричник.
 Дал бы вам огня да отсырели спички.
 В поле лебеда и мне напели птички,
 Что мне дана голова, чтоб висеть в петличке.

То ли полынья, то ли хворь в груди.
 То ли мышья беготня, то ли вошь в кутиль.
 Пока глотку не прижали, значит можно жить.
 Здесь всегда будет так, но не время любить, нет!

Ты как в подполе мышка,
 Что-то скребется в нутрях да не слишком.
 Шлем сигналы SOS, но с земли нас не слышно —
 Мы где-то далеко, вот и времечко вышло.

Вот и кончились песни.
 Всюду суета, и мы сами стали, как тени.
 С виду все не так, но так ли это все на деле?
 Не могли делить краюху, но могилку-то поделим!

Вся эта планета — одна братская могила.
 Трахался со смертью — бездна проглотила.
 С падком не расплатишься треком или винилом.
 Даже их кассиры знают, мои песенки — фальшивка! [20]

И Пушкин, и В. Машнов не видят смысла в жизни. Рэп-исполнитель усиливает ощущение безнадежности дополнительными интертекстуальными связями. Название альбома «Солнце мертвых» отсылает к жуткой повести И. Шмелева. Строка «под уздцы, не оставляя следов на снегу» и название трека соотносятся с рок-композицией Е. Летова «Следы на снегу»:

Меня давно бы уж нашли по следу,
 Но я не оставляю следов на свежем снегу! [21]

Таким образом концепт «Пушкин» реализуется в русской рэп-поэзии многообразно. Рэп-исполнители обыгрывают имя поэта (Почти Пушкин), примеряют на себя карнавальную маску Пушкина (N’Pans), ищут сочувствия в трудной судьбе поэта (Сергея), призывают писателя решить острые проблемы общества (Noize MC), осовременивают лирику классика с помощью аранжировок (+AeSLи+, Наум Блик) или работают с афоризмами, цитатами, которые созвучны сегодняшнему состоянию молодых (Слава КПСС). При этом рэп-поэзию интересуют и факты биографии поэта, и особенности его портрета, и хрестоматийная лирика, и рецепция молодыми Пушкина. Диапазон стран исполнителей включает и Россию, и Белоруссию, и Эфиопию, а в культурный контекст треков входят и советские фильмы, и советская андеграундная литература. Развитие концепта «Пушкин» в рэп-поэзии проходит на протяжении всех 2010-х годов и, скорее всего, не завершено.

Литература:

1. Ивлева Т., Козицкая Е., Доманский Ю. От редколлегии // Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сб. науч. тр. — Тверь: ТГУ, 1998. — С. 5.
2. Ивлева Т. Г. Пушкин и Достоевский в творческом сознании Бориса Гребенщикова // Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сб. науч. тр. — Тверь: ТГУ, 1998. — С. 38–43.
3. Шевчук Ю. В последнюю осень / Текст [Электронный ресурс]. — URL: <https://lyricsearch.org/songs/ддт-в-последнюю-осень> (дата обращения: 01.12.19).
4. Интервью «Кровостока» о русской литературе и современном искусстве / Текст [Электронный ресурс] // Портал rap.ru. — URL: <http://www.rap.ru/news/6536>
5. Грузберг Людмила Александровна Концепт // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 696 с.

6. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. — М.: Флинта, 2009. — 176 с.
7. Поэзия бита. Выпуск 1. / Видео [Электронный ресурс] // Портал YouTube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UvNbsaRcyys>
8. Серега. Александр Сергеевич Пушкин / Аудио [Электронный ресурс] // Портал Ipleer. — URL: https://ipleer.fm/song/157882400/Serega_-_Aleksandr_Sergeevich_Pushkin/
9. Stil Ryder. Эминем VS Пушкин / Аудио [Электронный ресурс] // Портал Ipleer. — URL: https://ipleer.fm/song/121862829/Stil_Ryder_-_Eminem_VS_Pushkin
10. Кожелупенко Т. П. Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп текстах / Т. П. Кожелупенко [Электронный ресурс] // Портал Российской государственной библиотеки. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003467769>
11. Маяковский В. В. Юбилейное / Текст [Электронный ресурс] // Портал В. В. Маяковский. — URL: <v-v-mayakovsky.ru/books/item/f00/s00/z0000003/st012.shtml>
12. Некрасов Вс. Я помню чудное мгновенье... / Текст [Электронный ресурс] // Портал Вавилон. — URL: www.vavilon.ru/texts/prim/nekrasov1-5.html
13. Noize MC. Пушкинский рэп / Аудио [Электронный ресурс] // Портал Тексты популярных песен. — URL: <https://www.gl5.ru/noize-mc-pushkinskij-rep.html>
14. Ерофеев Вен. Москва — Петушки / Текст [Электронный ресурс] // Портал Электронная книга. — URL: <http://www.e-kniga.ru/Erofeev/moskva5.html>
15. Довлатов С. Заповедник / Текст [Электронный ресурс] // Портал Электронная книга. — URL: <https://e-libra.ru/read/82616-zapovednik.html>
16. Лотман Ю. М. Смесь обезьяны с тигром / Текст [Электронный ресурс] // Портал Пушкин-лит. — URL: pushkin-lit.ru/pushkin/articles/lotman/obezyana-s-tigrom.htm
17. Пушкин А. С. Бесы / Текст [Электронный ресурс] // Портал Фундаментальная электронная библиотека. — URL: feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v03/d03-167.htm
18. Окуджава Б. Ш. Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину / Текст [Электронный ресурс] // Портал Русская поэзия. — URL: <https://rupoem.ru/okudzhava/na-fone-pushkina.aspx>
19. Наум Блик. Пушкин / Аудио [Электронный ресурс] // Портал YouTube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jg1nmEKQY1A>
20. Слава КПСС. Следы на снегу / Текст [Электронный ресурс] // Портал genius.com — URL: <https://genius.com/13112751>
21. Летов Е. Следы на снегу / Текст [Электронный ресурс] // Портал genius.com — URL: <https://genius.com/Civil-defense-footprints-in-the-snow-lyrics>

Kravchenkova E. A.

eakr@mail.ru

Pushkin State Russian Language Institute

“I have erected a monument to myself...”: A. Pushkin in Russian rap

The article is dealt with the realization of the concept “Pushkin” in the Russian rap poetry of the 2010s. Rappers from Russia, Belarus, Ethiopia interpret in their tracks the facts of biography, appearance, features of Pushkin’s work and, thus, include the classic of the XIX century in the cultural context of our time.

Keywords: rap, Pushkin, Noize MC, Slava KPSS, Naum Blik.

Литературные дневники на занятиях РКИ

В статье рассматривается возможность использования литературных дневников писателей в процессе преподавания русского языка как иностранного при обучении разным видам речевой деятельности, изучении функционально-смысловых типов речи, речевых жанров и др. Работа с аутентичными текстами дневников русских писателей формирует коммуникативную компетенцию, имеет учебную ценность с точки зрения лексики, стилистики, лингвокультурологии. В качестве примера используются дневниковые записи М. Пришвина.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингводидактика, текст, дневник писателя, М. Пришвин.

Текстоцентристский подход к обучению русскому языку как иностранному обуславливает ответственное отношение преподавателя к выбору аутентичных текстов, характеризующихся доступностью для восприятия, коммуникативной направленностью и обладающих лингводидактическим потенциалом для реализации цели и задач преподавания. Грамотно выбранный для работы с иностранными обучающимися текст способен стать средством формирования определяемых образовательной программой компетенций.

С точки зрения лингводидактики наиболее востребованными являются научные / учебно-научные тексты, тексты публицистики, художественные тексты. Последние считаются эталонными образцами лексико-грамматической реализации языка. В художественной речи воплощаются достоинства национальной культуры, отражается эстетический вкус народа. В практике преподавания русского языка как иностранного художественные тексты обычно используются как материал для внеаудиторного чтения, однако художественный текст может стать учебным материалом и на занятии. Это должен быть небольшой по объему текст, отвечающий цели, задачам занятия, уровню овладения языком иностранными обучающимися. К таким текстам можно отнести поэтический текст, стихотворение в прозе, притчу, лирическую миниатюру и другие жанры так называемой малой прозы, а также тексты дневников писателей, имеющие особую, синтетическую жанровую природу, вбирающую документальное и художественное начало.

В современном литературоведении литературные дневники имеют статус самостоятельного жанра с присущими им доминантными признаками. Для преподавания русского языка как иностранного важны такие признаки литературных дневников, как политематичность, дискретность, полистилизм. Сегментная структура дневников писателя, формируемая дискретностью как доминантным признаком дневника, состоит из семантически законченных небольших фрагментов, которые могут успешно применяться в качестве учебного материала для аудирования и чтения на занятиях русского языка как иностранного. Важно, что дневниковые записи более обращены к действительности, чем к вымыслу, являющемуся неотъемлемым компонентом художественного текста, в большей степени ориентированы на реальные ситуации общения [1, с. 83].

Среди литературных дневников, обладающих лингводидактическим потенциалом, обратим внимание на дневники Михаила Михайловича Пришвина, признанного мастера художественного слова. Пришвин вел дневники на протяжении почти всей своей жизни и не раз признавался, что на свои дневниковые записи он опирался при создании многих своих произведений. В дневниках писатель отразил свой жизненный путь, свои размышления и хотел создать «из дневников книгу “Завещание”» [4, с. 386], что позволяет говорить о художественном потенциале законченных, эстетически организованных фрагментов дневников Пришвина.

Повествовательная форма дневниковых записей как отличительная черта дневника как жанра [3, с. 62], философско-эстетические размышления автора дневника, опирающиеся на описания как форму наблюдения, позволяют использовать фрагменты дневников Пришвина при изучении функционально-семантических типов речи. Дневники Пришвина в общем суть не что иное, как

повествование о событиях, встречах с людьми, портретные, пейзажные, интерьерные этюдные зарисовки, рассуждение о жизни и человеке. Дневниковые записи Пришвина можно использовать в качестве учебного материала с целью изучения особенностей повествования, описания и рассуждения как типов речи, решая одновременно задачи языкового характера: обогащать активный словарь, осваивать грамматические формы, синтаксические конструкции, способы организации речевого высказывания в зависимости от ситуации общения, развивать навыки продуцирования текста в соответствии с моделями разных функционально-смысловых типов речи (сюжетного рассказа, портретного описания, рассуждения на заданную тему и др.).

Приведем в качестве примера запись повествовательной структуры из дневников Пришвина: «Получил письмо с фронта от молодого бойца, что в разгромленном немцами местечке он нашел мою книгу и стал читать ее вечером при свете степного пожара. Но огонь уходил от него, потому что сгорала трава, и он, читая книгу, должен был двигаться под пулями, при разрывах артиллерийских снарядов и мин. И так, подвигаясь вперед, за ночь прошел три километра и к рассвету кончил весь том. А теперь пишет просьбу прислать ему продолжение» [4, с. 339]. На материале этого фрагмента дневников Пришвина можно составить разнообразные задания и упражнения. Например, доказать, что данная запись является повествованием, что потребует от обучающихся определить видо-временные формы глаголов, найти лексемы со значением места и времени, отметить средства связи между частями текста. Работая с глаголами, можно предложить упражнение на составление видовых пар глаголов (*получил* — *получал*, *уходил* — *ушел* и т. п.), замену приставочных глаголов на глаголы без приставок и наоборот (*сгорать* — *гореть*, *читать* — *прочитать* и т. п.). С целью анализа синтаксической структуры этой дневниковой записи можно дать задание определить типы придаточных частей сложного предложения, найти деепричастные обороты и заменить их синонимическими синтаксическими конструкциями и, наоборот, в предложениях с однородными предикатами заменить один из них деепричастным оборотом. Итогом выполнения грамматических заданий и упражнений может стать письменное составление текста-повествования с дополнительным грамматическим заданием: включить в свой текст предложения с однородными членами, деепричастными оборотами и т. п. Данная дневниковая запись может стать основой для обсуждения темы «Роль книги в жизни человека» и написания эссе по данной теме.

Дневники Пришвина насыщены записями описательного характера. Используя пришвинские тексты-описания как дидактический материал на занятиях русского языка в иностранной аудитории, большее внимание следует уделить работе с именными частями речи, лексико-тематическими и лексико-семантическими группами, словообразовательными моделями. Приведем примеры дневниковых записей описательной структуры: «Осеннее небо, усеянное звездами, такой вечный покой, и особенно здесь, в деревне, где каждый день раньше и раньше засыпает деревня. Поля пустеют, и по мере этого короче дни и раньше спать ложатся в деревне, зато ярче звезды на небе. Выйдешь на крылечко — такой покой! и вдруг падучая звезда, обрзано все небо на два полунеба — метеор, мчащийся во вселенной, коснулся нашей атмосферы и открыл нам, каким сумасшедшим движением дается этот деревенский покой» [4, с. 74]; «Алексино — громадная усадьба, из конца в конец, от школы до больницы идешь почти час, и все почти берегом искусственного озера, окруженного сплошной кущей вековых деревьев. Барский особняк выходит одной стороной на озеро, другой в парк — большое трехэтажное здание с колоннами. Парк просторный, в нем свободно разбросаны группами и в одиночку вековые деревья» [4, с. 104–105]. Первый текст можно использовать как учебный материал к грамматическим темам «Степени сравнения имен прилагательных», «Словообразование имен прилагательных». Можно предложить упражнение на образование существительных с префиксоидом *пол-/ полу-*, используя в качестве образца слово *полунебо*. На материале второго текста можно предложить задание составить лексико-тематическую группу «Пейзаж» и дополнить ее своими примерами, выполнить упражнение на образование прилагательных с префиксоидами *двух-*, *трех-*, составить текст-описание местности. Если данные тексты соединить с видеорядом, то можно предложить для аудирования так называемые поликодовые тексты, оцениваемые в современной методике как значимый учебный материал с точки зрения лингводидактики. Как и в случае с текстом-повествованием, можно предложить задание доказать, что данные записи являются описанием, а в первой записи присутствуют элементы повествования.

Значимой чертой дневников Пришвина является соединение фиксации событий и описания наблюдений с размышлениями, которые можно использовать как учебный материал на занятии с целью развития речемыслительной деятельности обучающихся. Например, предложить аргументированно подтвердить или опровергнуть такие высказывания писателя, как «Добро, красота есть дар природы» [4, с. 54], «Культура — это связь людей в пространстве и времени» [4, с. 195]. Данные высказывания могут стать темой для написания эссе. Размышления Пришвина можно использовать в качестве аргументов при обсуждении проблемных тем. Например, при обсуждении темы «Человек и наука», «Общество и наука» можно предложить следующие дневниковые записи: «С пользой для себя читаю только те научные книги, в которых нахожу подтверждение, а чаще расширенное, более умное понимание и раскрытие моих собственных догадок» [4, с. 159], «По-моему, научный интерес к явлению (почему это?) должен прийти после того, как явление это чем-нибудь остановило на себе внимание» [4, с. 176], «Внутренней силой цивилизации является стремление к счастью, внешней — наука» [4, с. 242]. Безусловно, и эти дневниковые записи Пришвина можно положить в основу заданий языкового характера.

Запись от 26 августа 1942 года как один из образцов текста-рассуждения можно предложить в качестве учебного материала при изучении особенностей этого функционально-семантического типа речи. Приведем эту запись: «Всю жизнь слышал слово “душа” и сам произносил это слово, вовсе не понимая, что оно значит. Мне кажется, если бы меня спросили, что такое “душа”, я бы довольно верно ответил на этот вопрос. Я сказал бы, что душа — это внутренний мир человека, это что он сам знает о себе. Во-вторых, я бы о душе сказал с точки зрения философа, что душа есть совокупность знаний человека о себе и т. п., как сказано в учебниках психологии. В-третьих, я бы вспомнил о представлении души примитивным человеком, как некоей сущности, обитающей в теле. И все это понимание души было бы не от себя, не своей души, а как говорят и думают о ней все люди» [4, с. 325]. Используя эту запись на занятии, можно составить ряд заданий: выделить в тексте разные виды информации, установить логические и причинно-следственные связи, написать резюме текста, создать собственный текст-рассуждение.

Как видим, в дневниковых записях Пришвина заложен потенциал познания, развития регулятивно-интеллектуальной деятельности, в том числе побуждения к выражению собственной точки зрения, к обмену мнениями, диалогу на основе прочитанного. Этот потенциал позволяет обратиться к дневникам писателя при изучении публицистического стиля: дневниковыми фрагментами можно воспользоваться как основой для дискусивно-полемиической речи или материалом для создания текстов публицистических жанров (заметки, очерка и др.). Например, для обсуждения можно предложить такую запись, сделанную Пришвиным в 1942 году: «Ужас войны не в этой физической смерти, иногда даже героической и радостной, а в том, как страдают в тылу те, кто их любит, и особенно страшно то нравственное уродство тех, кто затевает войну, руководит и пользуется» [4, с. 318].

В дневниках Пришвина часто встречаются диалоги, которые можно использовать в качестве иллюстративного материала при изучении разговорного стиля. Например: «Вчера на ночь говорили пословицы:

— Когда есть у тебя конь иноходец, езд, узнавай страны, земли, когда есть чем угостить, угощай народ.

— Кто много ездил, тот знает, что далеко и близко; кто много пережил, тот знает, что сладко и что горько.

— Горы и камни портит ветер, племя Адама портят слова (плохие).

— Если товарищ твой кривой, ты старайся поджимать глаз, чтобы быть с ним под пару» [4, с. 47–48].

Тексты-диалоги позволяют изучать языковые единицы в естественных ситуациях общения и учиться создавать свои речевые высказывания, в том числе и собственную дневниковую запись.

Наконец, почти все дневниковые записи писателя Пришвина, отличающиеся этюдностью формы и содержания, содержат образительно-выразительные средства. На основе записей разных лет можно составлять задания на определение выразительных средств, их поиск в тексте, включение в собственные тексты. Приведем примеры дневниковых записей с тропами и фигурами речи: «Определился роскошный день сверкающих клейких листиков, насыщенный влагой, с тучными

теплыми облаками. По теплым синим и золотым облакам пролетели и те не известные совершенно никаким ученым птицы с самыми острыми крыльями и с самым тонким клювом, сверкнули в золотом луче и влетели в зеленый дом» [4, с. 127]; «Кончилась алмазная весна света, плачет серыми слезами весна» [4, с. 148]; «Я стою и расту — я растение. Я стою, и расту, и хожу — я животное. Я стою, и расту, и хожу, и мыслю — я человек» [4, с. 412].

Таким образом, можно говорить о лингводидактическом потенциале дневников Пришвина, уместности их использования в процессе преподавания и изучения русского языка как иностранного в аудитории разного уровня подготовленности. Дневниковые записи Пришвина могут служить средством не только обучения и развития, но и воспитания, поскольку отличаются глубиной поднимаемых нравственно-этических проблем, их актуальностью и связью с русской духовностью, культурой. Тексты дневников Пришвина отвечают требованиям, предъявляемым к текстам, используемым на занятиях РКИ. Содержание фрагментов дневников писателя доступно для восприятия и понимания, способно вызвать у иностранных обучающихся интерес, имеет коммуникативную направленность, обладает функционально-стилистическим разнообразием, богатством средств языкового выражения, культурологически информативно. Работа с текстами дневниковых записей известного русского писателя XX века способствует формированию коммуникативной компетенции, развитию всех видов речевой деятельности, реализации принципа активной коммуникации, имеет учебную ценность с точки зрения лексико-грамматического, стилистического и лингвокультурологического наполнения.

Литература:

1. Летаева Н. В. Русская литература: основные термины и понятия. — Одинцово: Одинцовский гуманитарный университет, 2015. — 183 с.
2. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. — М.: ИКАР, 2009. — 448 с.
3. Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. — М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — 358 с.
4. Пришвин М. М. Дневники / Сост., предисл. и комм. Ю. А. Козловского. — М.: Правда, 1990. — 480 с.
5. Текст в лингводидактическом аспекте: Материалы научно-практического семинара. — Калининград: КГУ, 2003. — 356 с.

Letaeva N. V.

letaewa.n@yandex.ru

*Ministry of Defense Military University
of the Russian Federation*

Literary diaries in teaching Russian as foreign language

The article reveals the possibility of using literary diaries in teaching Russian as foreign language when types, and styles, and genres of speech, various lexical and grammatical topics, figures of rhetoric and tropes are studied. Authentic texts of the literary diaries of Russian writers forms communicative competence and contributes to the learning of Russian language and culture. The Michael Prishvin's literary diaries are used as an example.

Keywords: Russian as foreign language, linguistic didactics, text, literary diary of writer, Michael Prishvin.

Межкультурная коммуникация и формирование языковой и лингвокультурной компетенций на занятиях РКИ в вузе на материале русских песен

В статье рассматривается проблема формирования лингвокультурной компетенции учащихся, изучающих русский язык как иностранный на уровне вузовского образования на материале текстов песен, как способ вовлечения студентов в межкультурную коммуникацию. Этот источник рассмотрен как средство, побуждающее к когнитивной деятельности, расширению словарного запаса и повышению мотивации. Песни задают интеллектуальное и эмоциональное настроение, а также углубляют интерес обучающихся к культуре России.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, межкультурная коммуникация, лингвокультурная компетенция, глобализация.

Интенсивные контакты между представителями разных культурных сообществ (и, следовательно, отличающимися разными привычками и моделями действий) могут различным образом повлиять на отношения между ними. Частые контакты могут привести к сотрудничеству, то есть к эффективному планированию и к совместным действиям, но могут также быть причиной разногласий [3, с. 63–64]. Поэтому перед преподавателями иностранного языка стоит задача сформировать учащегося, который сможет участвовать в межкультурной коммуникации. Глобализация привела к усилению контактов с разными культурами, что увеличивает возможность столкновения обучающегося иностранному языку со стереотипными изображениями о представителях других культур. Стереотипные изображения могут показать представителей данной культуры как в хорошем, так и в неблагоприятном свете. Следовательно, преподаватель иностранного языка должен развивать у студентов компетенции, необходимые для установления хороших отношений с представителями народа, язык которого преподает, а также для преодоления возможных культурных различий. В современной дидактике подчеркивается, что «для приобретения необходимых компетенций, позволяющих в дальнейшем стать успешным специалистом, необходим комплекс знаний и умений, культуры и опыта» [13, с. 333]. В рамках формирования профессиональных компетенций филолога кроме учета ценностного и мотивационного уровней преподаватель должен использовать разнообразные вербальные и невербальные формы эффективного педагогического воздействия (взаимодействия) на уроках РКИ [1, с. 57].

Стоит подчеркнуть, что особенности национальной культуры, психологии и ментальности находят отражение в речи и придают особенный колорит картине мира [8, с. 11]. Источником представлений иностранцев о другой стране и народе являются, в первую очередь, учебники иностранного языка. С. К. Милославская констатирует: «Очевидно, что в процессе изучения любого национального языка как иностранного исторический груз внешнего образа соответствующей страны и ее народа принимает на себя учебник этого языка» [6, с. 54]. Однако, в наше время немаловажным источником информации, способной влиять на формирование у студентов образа страны в иноязычной аудитории, являются тематические печатные, аудио- или видеотексты, функционирующие прежде всего в электронных СМИ и в Интернете. С целью представить адекватный образ страны изучаемого языка, его богатую культуру, перед преподавателем предстоит задача выполнить роль межкультурного посредника и, в свою очередь, вовлечь студентов — будущих преподавателей и переводчиков — в диалог культур [12, с. 25]. Таким образом ставим тезис о том, что важной является задача приобщения студентов к культурным ценностям другой страны — в нашем случае: России. В этих целях большое значение имеет использование аутентичных материалов. Целесообразно на занятиях поощрять анализ и пение русских песен, так как они помогут учащимся не только выучить и закрепить интересующие преподавателя лексические

или грамматические темы, но также позволят создать благоприятные условия для овладения новой страноведческой информацией, речевым поведением носителей русского языка, способствовать знакомству учащихся с культурой народа.

Песни и музыкальные упражнения играют особую роль в освоении иностранного языка. Они поддерживают языковое и музыкальное образование, восприимчивость к звукам, развивают восприятие и помогают отрабатывать правильное произношение [7, с. 225; 11 (online)]. Песни переносят студентов в другой мир, в новый культурный круг. Этот источник можно использовать на каждом этапе занятий: для введения или закрепления лексики, фраз, грамматических структур и новых тем. Совместное пение (или даже просто слушание) создает хорошее настроение и помогает преодолеть языковые и культурные барьеры. Успех песни на занятиях определяется тем, затрагивает ли она воображение учащегося, соответствует ли его интересам и побуждает ли к творчеству.

Россия оказала столь большое воздействие на мировую культуру, что знакомство с русским народом и его языком предполагает знание этого вклада. Важное место в лингвокультурологии отводится изучению прецедентных имен и ключевых концептов культуры. Прецедентными именами называются индивидуальные имена, связанные с выдающимися текстами, которые известны большинству представителей данной нации [5, с. 52], например имена русских писателей, в том числе самого известного Александра Сергеевича Пушкина [ср. 6, с. 296–305]. На занятиях РКИ на филологическом уровне целесообразно ввести, например, песни группы «ДДТ»: «Осенняя» и «В последнюю осень» со словами: *Моя песня — ответ письмам Анны и Лизы / Брызги ветра висят на промоких карнизах / Собрала их губами Весна / И исчезла она и Ах, Александр Сергеевич, милый, / Ну что же вы нам ничего не сказали... / О том, как дышали, искали, любили, / О том, что в последнюю осень Вы знали.* Кроме этого, данные тексты насыщены материалом для развития лексики, связанной с темой «времена года». С грамматической точки зрения тексты дают возможность закрепить информацию о твердом и мягком типах склонения прилагательных, активизировать употребление кратких и полных форм имен прилагательных или времени глагола.

Эффективным средством формирования лингвокультурной компетенции являются упражнения с текстами песен группы «Любэ». Они насыщены символами, которые вызывают коннотации, связанные с русской национальной культурой, например: *береза, посидеть на дорожку, Родина-матушка (От чего так в России березки шумят?; Посидим на дорожку родная с тобой...)*. Большую лингвокультурную ценность представляют собой также топонимы, которых обилие находим в текстах группы «Любэ», например: *Черемушки; Улочки московские / Спасские, Петровские / Звонкие Кузьминские, бойкие Люблинские, / Шпанские, Таганские, милые Мещанские, / Улочки-шкатулочки, девочки мои!* С. Г. Тер-Минасова утверждает, что иностранное слово это «перекресток культур» и, следовательно, учет социокультурного компонента «вскрывает глубины различий между тем, что стоит за словами этих языков, то есть между культурными представлениями о реальных предметах и явлениях действительности и между самими предметами и явлениями» [12, с. 55]. Песни позволяют выявлять различия не только в объеме семантики слов, но также, что очень ценно, в коннотативной сфере используемой в них лексики. Очевидно, что кроме общей коммуникативной компетенции тексты «Любэ» позволяют также формировать речевые навыки в области словообразования, например, уменьшительно-ласкательных слов, используемых в коммуникации для выражения экспрессии (примеры: *на дорожку, березки, девочки, улочки*).

Между языком и обществом, чьи коммуникативные потребности язык обслуживает, существуют довольно сложные и многомерные связи и зависимости. Они проявляются, в частности, в стратификации языка на социально обусловленные разновидности и в социальной маркировке языковых единиц [9, с. 34]. В процессе обучения русскому языку на филологическом уровне необходимо принимать во внимание, что: «язык — универсальная система. Он способен обслуживать речевое воздействие людей, принадлежащих разным социальным группам. Поэтому следует различать и отчетливо дифференцировать (...) социально-функциональные разновидности языка, социально ограниченные подсистемы языковых средств» [10, с. 8]. Одной из трудностей обучения русскому языку как иностранному является ограниченная возможность общения с носителями языка и овладения навыками разговорной речи. Таким образом, целесообразно использовать специально отобранные учителем современные песни, например, популярной рэп-группы «Rauf & Faik». Достоинством такого материала является сила впечатления и эмоционального воздействия на обучающихся. Работая с песнями, преподаватель имеет возможность представить студентам лексические единицы разных функциональных стилей и с разной социальной принадлежностью, начиная с разговорной и даже просторечной лексики (*мы жили в хрущевке; моя жизнь мне теперь ни по чем; А ведь в Питере у нас дожди* и т. д.), вплоть до анализа функций архаизмов и межстилевой полисемии, например, в песне «Колыбельная» (*очи / глаза; пелена*).

Подытоживая, стоит констатировать, что используемые на занятиях РКИ песни являются одним из эффективных средств, которые помогают создать атмосферу заинтересованности в аудитории, повышают мотивацию обучающихся и тем самым приводят к уменьшению психологического барьера. Студенты в многочисленных коммуникативных ситуациях, когда им необходимо говорить по-русски, используют семантические единицы, которые узнали из анализируемых музыкальных произведений [2, с. 57; 4, с. 36]. Тексты песен отражают современную культуру, затрагивают актуальные темы, реалии, мировоззрение и нормы поведения. Из изложенных рассуждений и примеров следует, что русские песни являются одним из источников формирования языковой и лингвокультурной компетенций. Следовательно, они влияют на вступление учащихся в своеобразный диалог культур — необходимый для овладения русским языком на филологическом уровне.

Литература:

1. Komorowska H. Metodyka nauczania języków obcych. — Warszawa: Fraszka edukacyjna, 2001. — 205 s.
2. Komorowska H. Ćwiczenia lekcyjne uwzględniające poszczególne zasady komunikacji językowej // Ćwiczenia komunikacyjne w nauce języka obcego / науч. ред. H. Komorowska. — Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1988. — 348 s.
3. Magala S. J. Kompetencje międzykulturowe. / Cross-Cultural Competence. преп. Dąbrowski J. F. — Warszawa: Oficyna Wolters Kluwer business, 2011. — 278 s.
4. Богачева А. В. Методы создания искусственной языковой среды на занятиях РКИ // Baltic Humanitarian Journal. — 2021. Т. 10. № 2(35). — С. 34–37.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2001. — 208 с.
6. Милославская С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России: монография / С. К. Милославская. 2-е изд. — М.: Флинта, 2009. — 400 с.
7. Ровба Е. А. Использование популярных песен на занятиях по русскому языку как иностранному // Studia Rossica Gedanensia. — 2014. — № 1. — С. 223–235.
8. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. — 8-е изд. — М.: Флинта. Наука, 2012. — 320 с.
9. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / отв. редактор Л. П. Крысин. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 584 с.
10. Соколова О. И., Федюнина С. М., Н. А. Шабанова. Культура речевой коммуникации: учебное пособие. — М.: Флинта. Наука, 2009. — 136 с.
11. Толстова Н. Н. Использование песен на уроках РКИ // Молодой ученый. — 2016. — № 17 (121). — С. 174–178. — URL: <https://moluch.ru/archive/121/33430/> (дата обращения: 03.10.2021).
12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. — М.: Слово/Slovo, 2008. — 264 с.
13. Филиппова О. В. Формирование педагогических компетенций у иностранных студентов-филологов в курсе «профессиограмма преподавателя русского языка как иностранного» // Самарский научный вестник. — 2019. — Т. 8. — № 3 (28). — С. 333–339.

Widel-Ignaszczak M.

mwidel@kul.lublin.pl

The John Paul II Catholic University of Lublin

Martyniuk K.

martyniuk.kat@gmail.com

University of Wrocław

Intercultural communication and the formation of linguistic and linguocultural competence in a Russian as a Foreign Language classes based on Russian songs in higher education institutions

The paper is devoted to the issue of shaping linguistic and linguocultural competence of students learning Russian as a foreign language at a higher education institution by means of song texts enabling students to communicate effectively interculturally. This source is considered as a means of stimulating cognitive activity, increasing vocabulary and motivation. Songs introduce a specific intellectual and emotional mood during classes deepening students' interest in Russian culture.

Keywords: Russian as a foreign language, intercultural communication, linguistic and cultural competence, globalisation.

Феминистское прочтение рассказа И. А. Бунина «Митина любовь»

В работе рассматривается произведение Ивана Алексеевича Бунина «Митина любовь» как ключ к пониманию принятия феминистских идей в России XX века. В основе анализа лежит представление об эволюции развития женского персонажа, Кати, которая в этом контексте выступает в образе представительницы концепции «Новой Женщины» первой советской феминистки Александры Коллонтай. На ее взгляд, женщина отступает от укоренившейся традиции: она не выполняет традиционную роль женщины, способствующей мужчине увидеть ее как «второй пол», позже предлагаемый Симоной де Бовуар. В данном исследовании основное внимание уделено особенностям характера Кати. Подчеркивается тот факт, что она не просто заурядная девушка, в которую влюблен Митя, а собирательный женский образ, вобравший в себя кардинальные изменения, произошедшие в мировоззрении русской женщины XX века.

Ключевые слова: Иван Алексеевич Бунин, феминистская критика, образ женщины, Новая Женщина.

Иван Алексеевич Бунин был очень талантливым человеком. А работы талантливых людей, как известно, отличает то, что их творчество многогранно, точно сверкающий всеми гранями алмаз. Бунинская проза, блистающая своей художественной многогранностью в его произведениях, стала побудительным фактором к написанию этой работы.

Идеи феминизма стали распространяться в России еще в 80-е годы XIX века. Главными причинами этого явления стали как зарождение идей о равноправии полов в Западной Европе, так и разговоры об эмансипации женщин. Впоследствии эти идеи перешли в женское движение. Главные цели этого движения, как по всему миру, так и в России, заключались в предоставлении женщинам доступа к оплачиваемому труду, бесплатному обучению и избирательному праву. Этих целей удалось достичь благодаря Октябрьской Революции, после которой они получили многие права даже раньше стран Западной Европы. Но еще в 1913 году русская революционерка и марксистский теоретик большевизма по женскому вопросу Александра Коллонтай написала одну статью, где она упомянула свою новую концепцию «Новая Женщина». Хотя даже в это время марксистские феминистские организации критиковали за то, что они не отвечают на вопрос об «угнетении женщин со стороны мужчин», ей удалось эту статью опубликовать в сборнике «Новая мораль и рабочий класс» только после революции, в 1919 году. Ее взгляды считались неотъемлемой частью феминистской мысли в России. В своих воззрениях Александра Коллонтай раскритиковала прагматическое отношение мужчины к женщине и использование женщины со стороны мужчины лишь для достижения своих целей и полном игнорировании цели и идеалов женщин. Согласно ее концепции, «Новая Женщина» должна отказаться быть тенью мужчины и стать полноправной и полноценной личностью (Осипович Т., 1993). «Новая Женщина» не играет второстепенную роль и не стремится ограничить себя только в рамках брака и семьи. Для нее единственно верным решением является путь к намеченному идеалу. После этих событий продолжилось распространение идей феминизма и они нашли себе отражение в русской литературе XX века. Одним из самых ярких примеров этого отражения является рассказ Ивана Бунина «Митина любовь». «Работы Бунина можно назвать философскими по той причине, что в них одновременно встречаются понятия “любовь” и “смерть”. Далее, его произведения импрессионистичны и многозначны» (Bristol, 1989).

Когда писатель эмигрировал во Францию в 1920 году, его позиция по отношению к литературе не изменилась. В своих лучших произведениях он убеждает читателей, что жизнь — бесценный подарок, трагедия, со своей яркостью и наградами, и она не вне жизни, а тесно переплетена с ней. Все это видно в его более поздних работах, среди которых особенно выделяется рассказ Ивана Бунина «Митина любовь», созданный писателем в 1924 году. Впервые он был опубликован в 1925 году в журнале «Современные Записки». В произведении главный герой — Митя, который влюблен в студентку

театрального училища. Его возлюбленную зовут Катя. Они встретились в декабре, но с самого начала Митю тревожило Катино поведение. Ему казалось словно есть два Кати. Митя в рассказе переживает терзания любви к Кате. Он волнуется и всегда ее ревнует. Во время Великого Поста она начинает работать непосредственно с директором школы. Митя знает, что тот известен своим нелицеприятным поведением: в каждое лето директор совращал и увозил с собой какую-нибудь студентку, поэтому Мите казалось, что нынешним летом «жертвой» станет его возлюбленная. Этим и объяснялась Митина ревность. И не только к нему, ко всем! К концу Великого Поста Катя сдала экзамен директору. У нее был огромный успех. После экзамена все было уже не так, как раньше.

Домострой

В начале рассказа Катя при своей матери обвиняет Митю в том, что тот рассуждает о женщинах по Домострою. Что же это означает? Сначала нужно выяснить что такое Домострой. Это «памятник русской литературы 16 века, свод житейских правил и наставлений, своеобразная энциклопедия русского патриархального домашнего быта». Катя связывает ревнивое поведение Мити с нормами России 16 века, означающее, что она полностью осознает, что это время уже прошло и его поведению уже измениться. С другой стороны, ее мама противостоит ей, говоря, что она не может себе представить любви без ревности и добавляет, что тот кто не ревнует — не любит. Здесь можно заметить коллизии идей и менталитетов. «Новая женщина» отделяется от старой. Она не хочет прожить свою жизнь под контролем средневековой книги. И она даже не сомневается, а высказывает свое мнение.

Любить душу

Однажды во время их спора Катя спросит у Мити, за что он ее любит. Митя не смог ответить и тогда Катя сказала: «Ты любишь только мое тело, а не душу!». При этих словах Митя подумал: «Опять это были чьи-то чужие, театральные слова...» Совершенно очевидно, что признание Кати, которое он не совсем понял, для него являются совсем чужимым. Как видим, основная проблематика рассказа состоит в том, что Митя полагает, что Катя не может произносить такие фразы, несмотря на свою театральность. Мите кажется, что это не *ее* слова. В отличие от героини рассказа образованная «Новая Женщина», занимающая определенное место в жизни, откровенно высказывает свои мысли.

Четвертая часть рассказа начинается словами: «Она все больше менялась». Катя будто превратилась в какую-то новую светскую даму, однако все равно относилась к Мите ровно, как прежде. У юной пары еще ничего не изменилось.

Отъезд

Начиная с пятой части все усложняется. Митя уезжает в деревню. После очередной ссоры Катя признается, что им нужно временно расстаться, чтобы выяснить отношения. Учитывая тот факт, что Катя соответствует образу «Новой Женщины» можно заметить, что она уже решит свои проблемы сама и отныне не будет в отчаянии ждать, чтобы какой-то мужчина решил ее судьбу. Она контролирует свою жизнь и устанавливает свои правила.

Мать Кати с дочкой уезжала на лето в Крым. После их расставания молодые люди договорились встретиться в Крыму. Начиная с этой части, в рассказе упоминание о Кате связано только с тревожными думами Мити, который, безусловно, по ней скучает и даже не спит по ночам. Он никак не переставал думать о ней. Он писал ей письма в надежде получить ответное письмо. И в конце концов, когда от нее пришел ответ, Митя был счастлив, так как в письме Катя называла его «любимым» и «единственным». Митя ей написал много писем, но от нее даже второго письма не было. Митя снова стал переживать. Он каждый день ездил на почту, чтобы получить от любимой письмо, но каждый день возвращался без него. Даже однажды, возвращаясь домой, он себе сказал, что если письмо не придет через неделю, он застрелится. С этого момента Митя всячески пытался сделать все возможное для того, чтобы Катя ему ответила. Он писал о самой сильной любви в мире, писал, что он болен и лежит в постели, писал, что покончит с собой, умолял Катю, чтобы она любила его, хотя бы поддерживала с ним дружбу. Но у Кати были другие планы.

Прошло несколько дней и в судьбе Мити многое изменилось. Однажды он получил от Кати письмо, которое перечитывал снова и снова. Она ему писала:

«Дорогой Митя, не поминайте лихом, забудьте, забудьте все, что было! Я дурная, я гадкая, испорченная, я недостойна вас, но я безумно люблю искусство! Я решилась, жребий брошен, я уезжаю — вы знаете с кем... Вы чуткий, вы умный, Вы поймете меня, умоляю, не мучь себя и меня! Не пиши мне ничего, это бесполезно!»

Об этом письме можно думать по-разному. Можно считать, что Катя бессердечная и злая девушка, которая только думает о себе. Но в процессе этой работы мы будем думать иначе. Катя существует как свободная и самодостаточная девушка, избравшая для себя в жизни другой путь. Ее страсть — искусство, и во имя него она готова пойти на любой шаг.

В результате чтения и анализа рассказа «Митина любовь» можно отметить, что Катя — не просто возлюбленная Мити и не просто второстепенная героиня. Она персонаж, показывающий важные изменения, произошедшие с женщинами в период, когда Иван Бунин писал этот рассказ. Она как представительница концепции «Новая Женщина» не существует в присутствии мужчины, а наоборот, сосуществует с ним в равной степени. Она определяет сама *свои* вкусы. Она самостоятельно решает свои проблемы. Конечно, она может полагаться на *свой* разум, но гораздо важнее то, что она совершает *свои* действия самостоятельно.

«Период с 1895 по 1925 год самый сложный за всю историю русской литературы. Его можно характеризовать как эпоху модернизма и его различных проявлений: декаданса, символизма, авангардизма, футуризма, акмеизма, формализма и ряда других доктрин, которые были сформулированы писателями, остро осознавшими культуру как сущность, созданную человеческим разумом» (Bristol, 1989). Эта цитата показывает, насколько богатым и другим был этот период в русской литературе. Рассказ великого русского писателя И. А. Бунина «Митина любовь», написанный нобелевским лауреатом, естественно, содержит в себе изменения и вариации в культуре, которые прошло русское общество в этом переходном периоде.

Литература:

1. The Second Sex by Beauvoir, Simone de Beauvoir, 1st edition. (2011). Vintage.
2. Фемінізм (збірка), Соломія Павличко. (2020). Праця.
3. Осипович Т. (1993). Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай. Женщина в обществе.
4. The Cambridge History of Russian Literature (Revised Edition). (1999). Cambridge University Press.
5. Домострой — Энциклопедия «Отечество» (n. d.). — URL: <http://history.niv.ru/>; <http://history.niv.ru/doc/encyclopedia/otechestvo/fc/slovar-196-3.htm#zag-2434>
6. Бунин И. А. (2012). Митина Любовь. Азбука.
7. The Cambridge History of Russian Literature (Revised Edition). (1999). Cambridge University Press.

Ali Karakaya
ali.karakaya@std.yeditepe.edu.tr
Yeditepe University, Istanbul

A Feminist Reading of I. A. Bunin's "Mitya's Love"

This paper examines I. A. Bunin's short novel "Mitya's Love" as a key to understanding the acceptance of feminist ideas in twentieth-century Russia. The analysis is based on the evolution of the development of Katya as a female character, who in this context acts as the representative of the concept "The New Woman" of the first Soviet feminist, Alexandra Kollontai. In her point of view, women are deviating from the entrenched traditions: women does not fulfill the traditional role, which allows men to see women as the "second sex", later proposed by Simone de Beauvoir. This study focuses on Katya's character traits. The fact that she is not just an ordinary girl or the love of Mitya, but a collective female image that has absorbed the cardinal changes that have taken place in the worldview of Russian women of the 20th century.

Keywords: Ivan Bunin, feminist criticism, image of women, "The New Woman".

Звучащее слово Осипа Мандельштама

Художественное слово — это сложное семантико-фонетическое единство, где звучание порой по своей экспрессии и организованности может доминировать над смыслом. В статье представлен анализ поэзии Мандельштама с позиций звуковой выразительности, рассмотрены такие сложные авторские приемы фонологической организации текста, как, например, инструментовка и звуковой символизм.

Ключевые слова: Мандельштам, звуковой символизм, фонетика, средства художественной выразительности.

Художественное слово — поэтическое ли, прозаическое ли, но всегда отличающееся по своей экспрессии и высокоорганизованности от разговорно-обыденного слова — представляет собой сложное семантико-фонетическое единство.

Что первичнее для восприятия художественного слова, может ли звук доминировать над смыслом, можно ли говорить об эстетическом впечатлении, оказываемом звуковой стороной текста, в отрыве от его содержания — все эти вопросы на протяжении многих лет были предметом споров среди приверженцев самых разнообразных методологических теорий, представителей различных культурных эпох, литературных направлений, как, впрочем, и эстетических вкусов.

Л. Якубинский пишет: «Действительно, самое наличие ритмического построения речи указывает на сознательное переживание звуков <...> Различные соответствия звуков (аллитерации, ассонансы, рифмы и пр.) возникают иногда без умысла со стороны стихотворца, иногда по его умыслу; в последнем случае мы опять имеем сосредоточение на звуках речи. Особенно показательно в этом отношении явление рифмы, которое было бы совсем непонятно в случае, если бы отношение к звукам при стихотворной языковой деятельности было бы такое же, как и при практической» [1, с. 38].

Ф. Головенченко убежден: «Писатель пользуется звуками не случайно, а отдает предпочтение тем из них, которые углубляют содержание фразы. Только целостное восприятие музыкальной, живописующей и смысловой сторон речи может позволить не только понять, но и услышать слово, насладиться всем богатством звуковой выразительности языка» [2, с. 14].

Вопрос об интуитивности выбора выразительного звукоряда или, напротив, сознательности звуковой инструментовки не предполагает однозначного ответа. Слабо аргументированные в каждом конкретном случае и, в общем, бездоказательные суждения на этот счет, так или иначе, заведомо обречены на провал. И хотя наблюдения заставляют нас все-таки склоняться ко второму разрешению этого вопроса, мы ставили себе целью постановку несколько иного, а именно: если художественное слово отличается от разговорного высокой звуковой организованностью, что нам представляется неоспоримым фактом, то какими языковыми, в частности, фонетическими, средствами эта экспрессия достигается и актуализируется?

В большинстве случаев исследователи ограничиваются анализом поверхностного пласта звукоподражательной лексики, который вбирает в себя «не только так называемые «звукоподражательные» слова (как «каркать», «мяукать» и т. д.), которых мало в языке, а все слова, обозначающие прямо или косвенно (через посредство общего смысла фразы) звучащие предметы и явления. <...> дело идет не о буквальном звукоподражании, не о специальном передразнивании природы <...>, а об общем ассоциативном оживлении и усилении наших звуковых представлений звуковыми средствами языка» [3, с. 489–490]. Здесь звукоподражание напрямую связано со смыслом слов. Однако ономапопея — лишь частный случай звуковой выразительности, и для полноты анализа необходимо рассматривать и более сложные приемы фонологической организации текста, такие, как, например, инструментовка и звуковой символизм.

Ввиду ограниченных рамок работы, мы, конечно, не претендуем на исчерпывающий анализ с заявленных позиций творчества Осипа Мандельштама. Мы лишь постараемся, опираясь на неко-

торые стихотворные тексты, выявить характерные черты авторской соносферы и некоторые направления художественных поисков поэта в этой области.

Мандельштам не слишком часто дает названия своим стихотворениям — их узнают обычно по первой строке. Однако среди этих редких названий многие оказываются маркированы концептом музыки или, напротив, тишины/молчания: «Silentium», «Бах», «Музыка», «Ода Бетховену», «Валкирии», «Концерт на вокзале», «Рояль», «Шарманка». Чаще композиторов в его стихах упоминаются разве что поэты и писатели. Известно, что в детстве Мандельштам изучал музыку. «В музыке Осип был дома» [4], — писала о нем Анна Ахматова. Сам поэт особым образом интонировал свои стихи при чтении. По свидетельству М. Волошина, «Мандельштам не хочет разговаривать стихом, — это прирожденный певец... Голос Мандельштама необыкновенно звучен и богат оттенками...» [5, с. 543–548]. Иногда на музыкальном впечатлении выстраивается все настроение произведения (например, «За Паганини длиннопалым...»).

Г. Померанц отмечает, что «пространство Мандельштама... подобно пространству чистой музыки. Поэтому вчитываться в Мандельштама без понимания этого квазимузыкального пространства бесполезно» [6].

«...и слово в музыку вернись», — призывает акмеист-Мандельштам («Silentium»), который достаточно часто проявляет себя как аудиалист по типу восприятия окружающего мира. Поэтические образы формируются на основе слуха, который в различных сборниках выступает чуть ли не доминирующей системой сенсорного постижения действительности:

Звук, а иногда и его отсутствие, может явиться для Мандельштама творческим импульсом, и тогда стихотворение — реакция на услышанное, а звукообраз — стержень самовыражения.

Художественный чуткий слух поэта позволяет ему жонглировать звукорядом, свободно варьировать им, порождая в процессе фонетической игры новые смыслы и образы. Так, например, в каламбурно-скороговорочном по форме стихотворении «Пусти меня, отдай, Воронеж» название города-тюрьмы обретает ключевое значение, превращаясь в анаграмму и даже идеофон:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь, —
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож [7].

Изоморфизм стихотворения, явленный в соответствии идейного, сюжетного и фонического уровня, строится на основе редупликации, а также ассонансной и аллитерационной геминации — контактных повторах слов, слогов и звуко сочетаний. Распад ключевого слова порождает множество новых смыслов и ассоциаций, некоторые из которых заложены в самом четверостишии, а другие угадываются из контекста и выходят на экстралингвистический уровень.

Воронеж — вор, который выкрал, и «не отпускает, не отдает, не возвращает». Воронеж — опасность, ассоциирующаяся с вороном — птицей смерти — и ножом. Причем, как частный случай редупликации, здесь происходит смена гласной в последнем звукоряде: никакой нежности ни этот город к поэту, ни сам он к городу не испытывают — «Воронеж — нож».

В ключевом топониме, повторяющемся трижды, позиционно актуализируются три фонемы: первая щелевая [в], последняя оглушенная [ш] и предупредительный вибрант [р]. [В] и [ш] объединены фрикативностью и на слух воспринимаются как шипение. В результате все четверостишие «шипит», «каркает» и «рычит»: тревожные, угрожающие звуки [р] и [ш] встречаются на небольшом отрезке текста по девять раз. Из схемы видно, что герой не в состоянии противостоять направленной на него агрессии: все глаголы, включая использованные в повелительном наклонении, указывают на действия, совершаемые не им, а над ним — он мишень, жертва насилия и произвола. Его бессилие и «безголосость» выражена шестью мягкими знаками, четырехкратным управлением в словосочетаниях с винительным падежом местоимения: «я» нет, есть «меня» — личность подавлена. Ощущение тревоги усиливается и за счет ассонирующего [о] — лирический герой будто оглушен этим «ором», слабо защищается двумя императивами, но казнь неминуема: призывы и уговоры в начале стихотворения приведут к осознанию их бесполезности, аккумулятивной в семантике финального слова «нож», звучащего как приговор.

«Пусти меня, отдай, Воронеж» не единственный случай использования Мандельштамом топонимического наименования для языковой игры. Так, через все творчество поэта проходит сквозной образ Рима, который в его восприятии обретает черты города-мира. При этом палиндром Рим-мир за редким исключением не задается напрямую, но актуализируется контекстом, выявляется в изобразительно-выразительной канве произведений.

Что касается тенденции восприятия вибранта [p] как агрессивного, угрожающего звука, то она прослеживается во многих стихотворениях поэта, в том числе и широко известном «Мы живем, под собою не чуя страны».

Мы живем, под собою не чуя страны,
 Наши речи за десять шагов не слышны,
 А где хватит на полразговорца,
 Там припомнят кремлевского горца.
 Его толстые пальцы, как черви, жирны,
 А слова, как пудовые гири, верны,
 Тараканьи смеются усища,
 И сияют его голенища.

Здесь опять же эффект достигается за счет контрастного фонемного ряда: атмосфера страха, молчания, шепота передана через подчеркнутое повторение шипящих и с в первых двух строках. Нарушение этой тишины приводит к «громовым раскатам» содрогающего весь следующий отрывок [p], в котором явлен опасный образ «кремлевского горца» Сталина. Причем количественно маркированные звуки в приведенном отрезке совпадают: на каждый шипящий и с в начальных строках приходится по одному p в последующих (по 10 фонем).

Далее Мандельштам дополняет звуковой символизм стихотворения целым рядом звукоподражательной лексики: **свистит, мяучит, хнычет, бабачит и тычет**.

Атмосфера нагнетается пугающим завыванием вокализма на нередуцируемый [y], а аллитерация [к] и [з] наряду с доминирующей фонемой [а] подготавливает появление ключевого слова стихотворения — «казнь»:

Как подкову, кует за указом указ:
 Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
 Что ни казнь у него — то малина
 И широкая грудь осетина.

Подобное внимание поэтов к звучащему слову Якубинский в своей статье «О звуках стихотворного языка» называет «эмоциональным отношением». «Совершенно ясно, что эмоции, вызванные звуками, не должны протекать в направлении противоположном эмоциям, вызываемым «содержанием» стихотворения (и обратно), а, если это так, то «содержание» стихотворения и его звуковой состав находятся в эмоциональной зависимости друг от друга» [1, с. 45]. Кстати, тот же исследователь отмечает также обусловленность звукового фона способностью органов речи к выразительным движениям: «Грубо говоря, если поэт переживает такие эмоции, которым свойственна улыбка (растягивание губ в стороны), то он, естественно, будет избегать звуков, образуемых с помощью вытягивания губ вперед (например, у, о)» [1, с. 48].

Исходя из сказанного и судя по фонетическому фону последнего отрывка, никому не до улыбок, кроме самого «осетина»: только в последних двух строчках пять раз появляется «довольное» и, подкрепленное семантически «малиной», одно упоминание которой по соседству с «казнью» указывает на цинизм, произвол, невозможность сопротивления власти, безнаказанность и удовольствие дышащего «широкой грудью», не стесненной укорами совести, «улыбающегося» растянутым и палача.

Таким образом, даже беглый и отнюдь не полный анализ соносферы произведений поэта позволяет выявить не только такие тенденции его экспрессивного звукоупотребления, как средства художественной выразительности и изобразительности, но и констатировать безусловную концептуальную значимость музыки и звука для мандельштамовского мироощущения в целом.

Литература:

1. Якубинский Л. О звуках стихотворного языка // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Вып. 3. — Петроград, 1919. — 198 с.
2. Головенченко Ф. М. О звучании слова // Русская литература. Статьи, исследования, публикации. — М., 1961. — 347 с.
3. Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избранные труды. — М.: Высшая школа, 2007. — 800 с.
4. Ахматова А. Листки из дневника (О Мандельштаме). — URL: https://pnu.edu.ru/ru/library/projects/literary-review/issue10/about_mandelshtam/
5. Голоса поэтов. В кн.: Волошин М. Лики творчества. — Л.: Наука, 1988. — 848 с.
6. Г. Померанц. Слово-Психея. — URL: <http://russgulliver.livejournal.com/372131.html>
7. Стихотворения Мандельштама цитируются по электронному ресурсу. — URL: <http://lib.ru/POEZIQ/MANDELSHTAM/stihi.txt>

Margaryan S. S.

sona.margaryan@rau.am

Russian-Armenian University

Mandelstam's Sounding Word

Artistic word is a complex semantic-phonetic unity, where sounding by its expression and organization sometimes can dominate the meaning. The article presents the analysis of Mandelstam's poetry from the standpoint of sound expressiveness, are considered such complex author's techniques of phonological organization of the text, like instrumentation and sound symbolism.

Keywords: Mandelstam, sound symbolism, phonetics, means of artistic expressiveness.

Эффективная работа с биографическими текстами в обучении РКИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы эффективного применения биографических текстов в курсе русского языка как иностранного. Умение представить себя устно — один из ключевых навыков, требуемых от соискателя на рынке труда. Правильное самопредставление зачастую является залогом успеха в ходе развития карьеры. Работа с биографическими текстами помогает учащимся улучшить свою коммуникативную компетентность и развить навыки самопредставления.

Ключевые слова: биографические тексты, преподавание РКИ, деловой русский язык, деловая коммуникация, коммуникативная компетентность.

Согласно требованиям Госстандарта, граждане, поступающие в высшие учебные заведения Российской Федерации, должны уметь «оперировать предметной, общественно-научной и социально-экономической терминологией; распознавать причинно-следственные связи фактов, событий, процессов; анализировать факты и явления с позиции логического суждения» [2].

Коммуникативный аспект зачастую является наиболее сложным для студентов, изучающих русский язык, однако общение представляет собой важную часть делового взаимодействия и овладение его навыками — первоочередная задача студентов, обучающихся в России, или иностранных специалистов, стремящихся к построению карьеры в нашей стране.

В деловом общении, как и в разговорной речи, присутствуют монологические и полилогические высказывания. Такие навыки как самопредставление или презентация исследования относятся к монологической речи. Создание и развитие коммуникативно-речевой компетентности в ее монологическом аспекте является первоочередной задачей преподавателя РКИ.

Исследователи обращали внимание на важность изучения биографических текстов в ходе работы со студентами русского как иностранного, однако данные тексты в основном рассматриваются в аспекте их лингвострановедческой значимости или необходимости знакомства с биографией писателя, предшествующей работе с его произведениями [6, с. 208].

Появляются и исследования, подчеркивающие важность актуализации биографического текста для студентов посредством изучения стандартных форм, используемых в таких текстах, и переноса их в речь учащихся.

Согласно И. А. Зайцевой, «...первое, чему должны научиться студенты, — это составление монологических высказываний-представлений. Так называемый рассказ о себе всегда стоит на первом месте в списке тем общего владения, которые должен освоить учащийся... Однако прежде чем строить собственные монологические высказывания, студентам необходимо видеть образцы таких текстов» [4, с. 326].

Работа с биографическим текстом на уроке РКИ должна совмещать лексико-грамматический, речево-коммуникативный и лингвострановедческий аспекты. Существуют многочисленные схемы использования биографических текстов в ходе знакомства с творчеством писателя или поэта.

Е. В. Меньших предлагает следующие виды подобной работы — метод наблюдения, метод контент-анализа, метод подражания и метод биографического исследования. В свою очередь, внутри метода наблюдения выделяется прием биографического опросника [5, с. 74].

Используя данные методы, преподаватель РКИ может эффективно использовать биографические тексты в ходе занятия, тем самым актуализируя лексические и грамматические конструкции, которые впоследствии понадобятся студентам в их обучении или на рынке труда.

Рассмотрим пример использования метода биографического опросника на занятии, посвященном жизни и творчеству великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Подобное занятие может быть проведено со студентами, достигшими уровня А2 (базового).

Согласно Государственному стандарту по русскому языку как иностранному, на этом уровне иностранец должен уметь «читать текст с установкой на общий охват его содержания; изменять стратегию чтения в зависимости от установки (при встрече с информацией, требующей изучающего чтения); определить тему текста; понять его основную идею; понять как основную, так и дополнительную информацию, содержащуюся в тексте, с достаточной полнотой, точностью и глубиной» [1, с. 9].

В аспекте монологической речи иностранец должен уметь «строить монологическое высказывание репродуктивного характера на основе прочитанного или прослушанного текста различной формально-смысловой структуры и коммуникативной направленности» [1, с. 10].

В ходе занятия студенты знакомятся с кратким изложением биографии Л. Н. Толстого. Преподаватель обращает внимание на выделенные в тексте глаголы, описывающие различные вехи в жизни человека. Студенты заполняют следующую таблицу.

Таблица 1. Биографические сведения о Л. Н. Толстом

Событие	Год	Место
Рождение		
Учеба		
Служба в армии		
Женитьба		
Рождение детей		
Работа		
Смерть		

Затем студенты получают проверочное задание с информацией о жизни Л. Н. Толстого, в котором им необходимо распределить утверждения на правильные и ложные и исправить последние.

На последнем этапе занятия студенты актуализируют изученную лексику, работая в парах. Они составляют биографические вопросы, а затем по очереди проводят интервью, в котором рассказывают партнеру о собственных жизненных вехах. Таким образом, учащиеся овладевают навыком самопрезентации, развивают свою коммуникативную компетентность и моделируют ситуацию, распространенную в ходе поиска работы.

Задание может быть модифицировано и с использованием аудиоресурсов. В таком случае учащиеся сначала прослушивают краткую биографию Л. Н. Толстого, а потом выполняют те же самые послетекстовые упражнения. В ходе занятия преподаватель может ввести и аспект тренировки письменной компетенции, когда учащиеся получают простые анкеты, которые им необходимо заполнить по нижеследующему образцу.

Таблица 2. Биографическая анкета Л. Н. Толстого

Фамилия, имя, отчество	
Дата и место рождения	
Имена родителей	
Образование	
Служба в армии	
Постоянный адрес	
Имена жены и детей	
Дата и место смерти	

Пользуясь такой же таблицей, учащиеся вносят в нее собственные биографические сведения, а затем тренируют навык монологической речи, рассказывая о собственных жизненных вехах.

Таким образом, использование биографических текстов в преподавании РКИ позволяет студентам не только получить лингвострановедческую информацию, но и развить собственные коммуникативные и деловые компетенции, востребованные на современном рынке труда.

Литература:

1. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Министерство образования Российской Федерации. Российская государственная система тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку. Утвержден Президиумом Совета Учебно-методического объединения вузов РФ по педагогическому образованию Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации (заключение № 5 от 18.05.99). — 2-е изд., испр. и доп. — М.; СПб.: Златоуст, 2001. — 23 с. — URL: https://gct.msu.ru/docs/A2_standart.pdf
2. Приказ Минобрнауки РФ от 08.05.1997 № 866 «О мерах по совершенствованию предвузовской подготовки иностранных граждан, принимаемых на обучение в государственные учреждения высшего профессионального образования Российской Федерации». — URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrazovaniya-rf-ot-08051997-n-866/>
3. Бадестова А. В. Методы и приемы работы с биографией писателя в иностранной аудитории (на примере биографии И. А. Бунина) // *Classical and contemporary literature: continuity and prospects of updating: Materials of the III international scientific conference, Prague, 07–08 ноября 2018 года.* — Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s. r. o., 2018. — С. 56–61.
4. Зайцева И. А. Текст-биография на уроке русского языка как иностранного // *Молодой ученый.* — 2017. — № 9 (143). — С. 326–329.
5. Меньших Е. В. Методы и приемы изучения биографий писателей // *Ярославский педагогический вестник.* — 2011. — № 2. — С. 72–75.
6. Шестак О. В., Парецкая М. Э. Изучение русской классики в практике РКИ: пособие по чтению нового типа // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* — Тамбов: Грамота, 2016. — № 8(62): в 2 ч. — Ч. 2. — С. 207–210.

Shulman N. A.

nashulmans@mail.ru

Pushkin State Institute for Russian Language

Effective use of biographical texts in RFL teaching

The article discusses topical issues of the effective use of biographical texts in the course of Russian as a foreign language. The ability to introduce oneself verbally is one of the key skills required of an applicant in the labor market. Proper self-presentation is often the key to success in the career development. Working with biographical texts helps students improve their communicative competence and develop self-presentation skills.

Keywords: biographical texts, teaching RFL, business Russian, business communication, communicative competence.

Хронотоп в русском постмодернистском романе

В статье представлено исследование, посвященное категории хронотопа в русском постмодернистском романе.

Ключевые слова: хронотоп, время, пространство, постмодернизм.

Проблема исследования хронотопа в русском постмодернистском романе является одной из важнейших в современной русской литературе. Хронотоп как категория формообразующая, на данный момент находится в процессе перерождения. Исходя из этого, целью исследования явился анализ и раскрытие самого понятия «хронотоп», а также «синтезирование» нового типа жанрового хронотопа в русском постмодернистском романе. Отметим, что в исследовании мы отталкивались от типов жарового хронотопа, выделенных Бахтиным.

Романы, на которых базируется исследование, отражают постмодерн как русской литературы, так и мира, в котором мы живем. Мы, безусловно, имеем дело с типом хронотопа, который одновременно и вбирает в себя все известные доселе типы хронотопа, и отталкивается-отказывается от них. Так, например, одной из особенностей хронотопа романов русского постмодерна часто является фольклорная основа. Корни данного явления можно искать в сознании русских писателей, которое ищет формы абсолютного, идиллического времени в доиндустриальном, утопическом мире. Будучи с фольклорной основой, текст, в то же время, современен и параллельно этому — вневременной: «День опричника» Владимира Сорокина, «Кысь» Татьяны Толстой, «Лавр» Евгения Водолазкина. Новый тип хронотопа довольно-таки игровой. Он имеет черты автобиографического, идиллического, фольклорного типа хронотопа, но в то же время вбирает в себя черты, абсолютно необъяснимые с точки зрения традиционного литературоведения.

Безвременье постмодернизма совершенно по-иному показывает суть текстовой направленности. В первую очередь, это уход от эсхатологической направленности, потому что постмодернизм — это уже жизнь после смерти, которая не привела к апокалипсису, а которая началась после него. Также важно осознавать полный отказ от утопичности данного типа хронотопа. Никакого светлого будущего в постмодернистских текстах не подразумевается. Единственное, о чем можно говорить — это интенсификация атрибута настоящего времени, в котором художник-постмодернист может пошутить и высмеять как миф о золотом веке, так и мечту о светлом будущем. Хронотоп постмодерна — это хронотоп потери смыслового знаменателя, грустное принятие бытовой, обычной жизни, в которой есть только здесь и сейчас. Прошлое же как временная категория уже не существует самостоятельно.

Если в прошлом хронотоп имел исключительно роль «каркаса», на который произведение как бы нанизывалось, он становился неким «организатором» литературного произведения, то сегодня данные границы размываются. Хронотоп оживает, поглощая все уровни текста, выстраивая произведение вокруг себя: относительность, переменчивость и неоднозначность. Последовательность хаоса и упорядоченности — важные черты нового типа хронотопа.

Итак, на данный момент мы пришли к выводу, что основными чертами хронотопа русского постмодернистского романа являются неоднородность, раздробленность и относительность времени, динамичность и процессуальная протяженность пространства, отсутствие категории временной темпоральности, а также неоднородность разделения времени на абзацы: прошлое, настоящее, будущее. Отметим, что на лицо усложнение пространственно-временной связи в тексте по ходу его «разворачивания». Сюжетный уровень переплетается с хронотопом и вбирает в себя все грани исторического развития этой категории: от фольклорного до постмодернистского. Хронотоп постоянно «растет», меняется, и мотив фольклорного роста простирается на все уровни текста. Обязательным является наличие надхронотопической сети, соединяющей пространственно-временные категории текста. Эта сеть может быть представлена как иное пространство, некая параллельная

вселенная, поглощающая текст на надструктурном уровне. Она то сужает, то расширяет время и пространство, создавая некую вневременность, сингулярность времени.

Это своеобразный новый «исход хронотопа», который подходит для литературы эпохи постмодерна, где преодоление пространства — не обязательно прямое перемещение, и где время, похожее на спираль, повторяется (и разрушается), а путь героя, сам по себе, не горизонтальный и даже не вертикальный — закольцованный. Время становится весомее пространства. Сам концепт «хронотопа» как формообразующего рассматривается с уклоном в преобладание временной составляющей, а важным в исследовании новой категории времени становится мотив «предопределенности». Все эти категории одновременно создают своеобразное времяпространство, синтезированное из многих хронотопических единиц. Однако время, сгущаясь, начинает разрушаться, и нельзя не заметить того факта, что важным его качеством является деконструкция.

Вспомним также об «исторической инверсии» [1, с. 275], которая относится к переосмыслению представлений о времени и его функциональной наполненности. Бахтинская концепция «мифа о золотом веке» [1, с. 250] напрямую связана с интенсификацией событийности в прошлом и в потере исторического референта будущего. Рассматривая три временные точки — прошлое/настоящее/будущее — как определяющие для понимания подобного типа инверсии, отметим, что предложенная Бахтиным еще в прошлом веке, она прекрасно описывает основные тенденции темпоральной направленности прозы постмодерна. Во-первых, мы имеем в виду факт того, что литература, ставшая предметом нашего исследования, «начинается» в так называемое поствременье. В данном случае это поствременье синхронизируется с «концом прекрасной эпохи», а именно — с распадом СССР. Далее, важно рассмотреть значимое единение хронотопических сегментов исторической инверсии. Подобного рода инверсия всегда, в первую очередь, связана с тем, что настоящее, как правило, теряет свою «выпуклость», а будущее отождествляется с эсхатологическим. Однако эсхатологизм в данном случае относительный. Литература, созданная в эпоху поствременья сама по себе постапокалипсична, что подразумевает идею о том, что эсхатологическая точка, конец света, апокалипсис, уже наступил. В этом заключается важная трансформирующая черта нового типа инверсии — постинверсии, в которой мы живем «после литературы» [5, с. 494], «после конца света». Время, безусловно, не существует в своем традиционном виде. Оно полностью трансформируется, теряя референтность настоящего и будущего и интенсифицируясь в прошлом. С этой точки зрения мы посчитали интересным рассмотреть категорию подобной пост-исторической инверсии в купе с понятием о постмодерной утопии в русской постмодерной прозе. Во-первых, идея подобного исследования связана с тем, что и историческая постинверсия с ее пространственно-временными переключениями и утопические пространства в русской прозе последних лет, как правило, появляются вместе, организуя канву повествования и выстраивая похожие, одноуровневые связи. Мы говорим о ряде романов, в первую очередь обособляющих и выделяющих одно, конкретное пространство как утопию, выводящих на первый план мифы об идеальном прошлом и невозможном счастье в будущем. Развивая идею об исторической инверсии, заметим, что важным качеством хронотопа романа русского постмодерна является инверсивность. На данный момент постараемся объяснить, что же собою представляет инверсивный хронотоп. Как и любая инверсия, эта подразумевает нарушение обычного порядка вещей, в данном случае — временных атрибутов. Используя понятие «инверсивный», мы немного отходим от бахтинского осмысления, воспринимая инверсивность как качество хронотопа русского постмодерного романа. В данном случае инверсивность — качество, помогающее хронотопу перемещаться во времени, то есть, не обладать одним, конкретным типом темпоральности, а нести в себе все существующие ранее типы, воспроизводить их, скорее, в игровом формате. Литература попадает в своеобразные «темпоральные клещи», которые постоянно изолируют то или иное времяпространство, переставляют местами временные атрибуты.

В некотором смысле, хронотоп русского постмодерна работает по закону обратной энтропии, заставляя предметы, повествовательные атрибуты двигаться в противоположном направлении, что приводит к тому, что и хронотоп движется обратно во времени. То есть, мы имеем дело с двумя типами времени — прямым и обращенным. Прямое время фиксируется, когда в тексте преобладает фольклорный подтип хронотопа. Он, безусловно, ушел далеко в развитии и едва ли напрямую связан с прямым преодолением пространства, однако он максимально приближен к линейности.

Второй подтип — обращенный — связан, скорее, с тем самым «Совсем другим временем» русского постмодерна, которое встречается чаще. Учитывая все вышеперечисленные факты, за-

метим, что хронотоп предстает как некая система, переменчивая и относительная. Внутри этой системы есть определенная иерархия, связанная присутствием в тексте личного, внутреннего время-пространства. Именно это время-пространство включает в себя ряд взаимосвязанных уровней. Говоря об иерархии, мы имеем в виду время-пространство самого текста, время-пространство памяти и постпамяти, время-пространство конкретного героя. Что также важно — каждое время-пространство имеет личные границы, обладающие условностью и относительностью.

Учитывая все вышеперечисленные качества, отметим, что в современном литературоведении выделяются следующие формы:

1. **Циклический хронотоп**, связанный с идеей о вечности и постоянным круговоротом пространства и времени в природе. Он, как правило, представляется в виде круга и является наиболее традиционным. («Собиратель рая» Евгения Чижова, «Петровы в гриппе и вокруг него» Алексея Сальникова, «Дом и остров» Евгения Водолазкина)
2. **Линейный хронотоп**, связанный с идеей историзма и движущийся от прошлого к настоящему и будущему, тем не менее трансформировавший идею о мономифе и подменяющий категорию «будущее» на «послебудущее». («Лавр» Евгения Водолазкина, «Сад» Марины Степановой)
3. **Хронотоп вечности**, связанный с сгущенным, нетрансформированным пространством и остановившимся временем. Важной частью этого подтипа является идея о существовании всего во всем. Это сингулярный подтип хронотопа, противопоставленный хронотопу с обратной энтропией. («Кунсткамера в лицах», «Совсем другое время» Евгения Водолазкина, «Опосредованно» Алексея Сальникова, «Манарага» Владимира Сорокина)
4. **Хронотоп симуляционный или диссимуляционный**, который по-постмодернистски создает видимость единения пространства и времени, однако лишь в игровой форме. В этом подтипе происходит деконструкция времени. («Брисбен» Евгения Водолазкина)
5. **Хронотоп с обратной энтропией**, переосмысляющий бахтинскую историческую инверсию и обладающий качеством инвертивности. («Соловьев и Ларионов» Евгения Водолазкина, «Земля» Михаила Елизарова)
6. **Хронотоп памяти**, связанный с категорией постпамяти и переосмыслением больших и малых нарративов. («Памяти памяти» Марии Степановой, «Город, написанный на памяти» Елены Чижовой, «Собиратель рая» Евгения Чижова, «Идти бестрепетно. Между литературой и жизнью» Евгения Водолазкина)

Подытоживая, отметим, что подтипы, выделенные нами, могут варьироваться и даже параллельно присутствовать в одном и том же романе. Также, выделяя хронотоп в русском постмодернистском романе как категорию в динамике, отметим, что в течение времени возможно развитие и переосмысление подтипов, приведенных выше.

Литература:

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М.: Художественная литература, 1986. — 537 с.
2. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — М.: Златоуст, 1999. — 280 с.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство — СПб, 2000.
4. Топоров В. Н. Текст: семантика и структура. — М., 1983. — С. 227–284.
5. Эпштейн М. Постмодернизм в России — СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. — 608 с.

Vaneskehyan K. A.

kimavaneskehyann@gmail.com

Russian-Armenian (Slavonic) university

The category of chronotype in Russian postmodern literature

The article researches the category of chronotype in Russian postmodern literature.

Keywords: chronotype, time, space, postmodernism.

Языковая репрезентация образов персонажей диады Мастер — Иешуа Га-Ноцри в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Статья посвящена языковой репрезентации образов мастера и Иешуа в романе Булгакова «Мастер и Маргарита». Проводится краткий сравнительный анализ данных образов с целью выявления причин объединения персонажей в диаду, оценивается роль языковых приемов, относящихся к образам Мастера и Иешуа, для понимания авторского замысла.

Ключевые слова: языковая репрезентация, Булгаков, «Мастер и Маргарита», Мастер, Иешуа, образ.

Лингвистические исследования произведений М. А. Булгакова, к сожалению, представлены отнюдь не многочисленными работами. Преимущественно творчество Булгакова освещается с точки зрения литературоведения. Языковые репрезентации героев романа «Мастер и Маргарита», которым посвящены статьи, диссертации, монографии и прочие исследовательские работы (не столь многочисленные) на эту тему, в основном касаются центральных персонажей романа: заглавных — Мастера и Маргариты, а также Понтия Пилата и Воланда. Наша задача — не только осветить и проанализировать языковую репрезентацию Мастера и Иешуа Га-Ноцри, но и провести краткий сравнительный анализ данных образов и пояснить причины их объединения в единственную в романе диаду персонажей. Актуальность данной проблемы не вызывает сомнений, так как роман М. А. Булгакова является поистине неисчерпаемым источником исследований для ученых — от литературоведов и лингвистов до теологов. Кроме того, достаточно редко изучение языковой репрезентации героев проводится с позиции сравнения персонажей, относящихся к одной триаде или диаде. Это, с нашей точки зрения, позволит сделать дополнительные выводы, касающиеся образов героев и авторского замысла в целом.

Заглавный герой романа — Мастер — появляется в книге только в тринадцатой главе («Явление героя»). Номер главы, скорее всего, неслучаен — возможно, писатель таким образом пытался намекнуть на несчастливую судьбу своего героя и на испытания, которым мастер был — и еще будет — подвергнут. Итак, перед находящимся в психиатрической лечебнице поэтом Иваном Бездомным внезапно предстает *«бритый, темноволосый, с острым носом, встревоженными глазами и со свешивающимся на лоб клоком волос человек примерно лет тридцати восьми»* [2, с. 66]. Известно, что образ Мастера является в определенной степени автобиографичным, это прослеживается и в некотором внешнем сходстве с Булгаковым, и в возрасте — писателю на момент написания романа было именно тридцать восемь лет. Далее из диалога Бездомного с Мастером становятся известны подробности биографии последнего: имеет историческое образование, некоторое время работал в музее, очень одинок и не имеет родных, почти не обзавелся знакомыми в Москве, был женат на женщине, чье имя с трудом смог вспомнить, обитал в коммунальной квартире и влачил по сути бедное и не слишком счастливое существование. Судьба подарила герою шанс фактически начать жизнь с чистого листа: он выиграл большую сумму денег в лотерею, получил возможность снять достойное жилье и заняться творчеством — написать роман. Приблизительно в то же время он встретил и любовь всей своей жизни — Маргариту.

Заглавный герой романа не имеет имени. По крайней мере, на страницах романа оно ни разу не упоминается. Мастер отрекся от своего имени дважды: сначала приняв прозвище, которым его нарекла Маргарита, а потом практически инкогнито пребывая в клинике Стравинского, значась там как «номер сто восемнадцатый из первого корпуса». В этом тоже есть сходство с Булгаковым, который ранние свои произведения подписывал в том числе как Эм, Маг, Незнакомец, М. Неизвестный. Причем весьма показательно, что в ответ на вопрос Бездомного, не писатель ли его ночной гость, герой разволновался, даже погрозил кулаком, после чего поправил Бездомного,

назвавшись Мастером. Очевидно, что для героя эти два понятия прямо противоположны. Таким образом он желает максимально абстрагироваться от членов Массолита, «писателей вульгарно-социологического направления, работавших в шорах идеологического направления» [1, с. 2]. Кроме того, само прозвище «Мастер» весьма символично. В толковых словарях это слово трактуется как человек, достигший высокого искусства в своем деле, вкладывающий в свой труд смекалку, творчество, делающий предметы необычные и оригинальные, а также превосходно знающий свое ремесло. Неудивительно, что это прозвище ему дала именно Маргарита, любящая женщина, готовая вместе с возлюбленным нести все тяготы жизни, способная, благодаря своему интеллекту и тонкой душевной организации осознать талант этого человека. Назови герой себя Мастером по собственной инициативе, это говорило бы об излишней нескромности, но в данном случае это не просто отказ от имени, связывающего его с миром, но и память о любимой женщине, которую мастер по своей воле покинул, не желая, чтобы она делила жизнь с пропащим неудачником, коим Мастер себя считал.

Помимо всего прочего, со слов Мастера мы узнаем, что он весьма и весьма образован, знает несколько иностранных языков, занимался переводами. В самом деле, его речь выдает человека с прекрасным образованием, интеллигентного, высокоинтеллектуального, однако сломленного неудачами. Причем трудная жизнь до написания романа не оказала на героя такого негативного влияния, как разгром критиками и неприятие публикой его романа, труда всей его жизни. Выходит, что творческая неудача стала величайшим ударом для творца. Булгаков, долгое время страдавший по той же причине, знал, о чем писал. Это еще один штрих к сходству Булгакова с его героем.

Вообще речь Мастера достаточно скупа. Даже после воссоединения с Маргаритой он долго не может поверить в то, что это не сон и не галлюцинация, да и встреча с Воландом не слишком пугает или удивляет его — очевидно, в глубине души он все еще уверен, что происходящее — не более, чем плод его больного воображения. Один из наиболее ярких моментов, когда речь Мастера звучит по-настоящему вдохновенно — эпизод, в котором он рассказывает Ивану Бездомному о том, как после выигрыша в лотерею обзавелся двумя комнатами в Арбатском переулке. *«Ах, это был золотой век, — блестя глазами, шептал рассказчик, — совершенно отдельная квартирка, и еще передняя, и в ней раковина с водой, — почему-то особенно горделиво подчеркнул он, — маленькие оконца над самым тротуарчиком, ведущим от калитки. Напротив, в четырех шагах, под забором, сирень, липа и клен. Ах, ах, ах! Зимой я очень редко видел в оконце чьи-нибудь черные ноги и слышал хруст снега под ними. И в печке у меня вечно пылал огонь! Но внезапно наступила весна, и сквозь мутные стекла увидел я сперва голые, а затем одевающиеся в зелень кусты сирени. [...] вот диван, а напротив другой диван, а между ними столик, и на нем прекрасная ночная лампа, а к окошку ближе книги, тут маленький письменный столик, а в первой комнате — громадная комната, четырнадцать метров, — книги, книги и печка. Ах, какая у меня была обстановка!»* [2, с. 69]. Место, специально нанятое, созданное, чтобы творить в нем — для Мастера эта комната имеет особое значение, это понятно. К тому же именно здесь он провел лучшие дни своей жизни с любимой женщиной.

Булгаков неоднократно подчеркивает необыкновенную тревожность Мастера, применяя к нему эпитеты «нервный», «встревоженный», «беспокойный» и тому подобные. Его нельзя назвать сумасшедшим — в общепринятом смысле этого слова, он отнюдь не буйный, не переносит суеты, крика — по его собственным словам. В психиатрической лечебнице он оказался по собственной воле, чувствуя себя больным и разбитым, и теперь не желает ее покидать: *«Я не могу удрать отсюда не потому, что высоко, а потому, что мне удирать некуда»* [2, с. 66], — говорит он Бездомному. Как видно, герой смирился со своим положением нищего и бродяги (бедность его неоднократно подчеркивается также тем, что на страницах романа Мастер предстает в одном и том же больничном одеянии), для него главное — не потревожить женщину, которую любит, потому что она, по его мнению, не заслуживает такого, и с ним ей будет «нехорошо». Нищета, бродяжничество и забота о других — то (но не единственное), что роднит Мастера с другим персонажем романа — Иешуа.

Образ же Иешуа Га-Ноцри, как известно, во многом перекликается с образом Иисуса Христа, однако не полностью ему идентичен. Булгаков, создавая читаемую, абсолютно прозрачную аллюзию, дает свою интерпретацию библейского образа с изрядной долей художественного вымысла.

С Иешуа читатель знакомится уже во второй главе романа, носящей название «Понтий Пилат». Он описывается как человек двадцати семи лет, одетый в старый разорванный хитон, с повязкой на голове. Он, так же, как и мастер, человек сломленный, но не морально, а физически — на его лице следы побоев, позже Марк Крысобой снова «учит» его по приказу Пилата. Морально же Иешуа все еще проявляет стойкость, несмотря на то, что ему ясно дают понять — его жизнь висит на волоске. Он тверд в своем убеждении, что нет на свете плохих людей, есть только несчастные, что относится даже к внушающему всем ужас и ненависть Марку Крысобой. Он так и обращается ко всем — «добрый человек». В этом основа его философии. При этом Иешуа жалеет о том, что не имел возможности побеседовать с кентурионом наедине, полагая, что это оказало бы на последнего серьезное влияние, «вытащить» из того его добрую сущность.

Вообще Булгаков специально интерпретирует данный образ не как Сына Божьего, а максимально очеловечивая его, наделяя определенными слабостями. Иешуа боится боли, речь его тороплива, точно он боится, что его не дослушают, перебьют. Он вообще очень серьезно относится к тому, как окружающие интерпретируют его слова, проповеди. Так, он поправляет Пилата, говоря, что «добрые люди», свидетельствовавшие, что он призывал разрушить храм, *«ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все из-за того, что он неверно записывает за мной»* [2, с. 9]. Иешуа имеет в виду своего ученика, Левия Матвея, бывшего сборщика податей. Иешуа с горечью говорит о том, что Левий Матвей ходит за ним «с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там написано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал». Многие исследователи полагают, что таким образом Булгаков оспаривает божественное происхождение евангелия. Мы же предположим, что автор, оставляя в стороне религиозные проблемы христианского учения, сосредотачивается преимущественно на его этической составляющей. Образ Иешуа действительно довольно далек от своего библейского прототипа, он максимально «очеловечен» Булгаковым, который подчеркивает его человеческую сущность и тем самым сближает с другим персонажем — Мастером. Эти герои — Мастер и Иешуа — образуют единственную в романе диаду персонажей — двойников, объединенных функциональным сходством и взаимодействием с другими персонажами в каждом из трех мирах романа (большинство прочих, как известно, объединены в триады, за исключением Маргариты, чей образ уникален и неповторим). Иешуа Га-Ноцри совершает жертвенный подвиг во имя истины и убеждения, что все люди добрые, ценной жизни заплатив за желание говорить правду и только правду. *Мастер же совершает подвиг творческий, создав роман о Понтии Пилате, но оказывается сломлен гонениями и озабочен уже не художественной истиной, а поисками покоя* [8, с. 4]. Беспокойство — еще одна черта, роднящая этих героев. Мастер, чье душевное нездоровье выражается в первую очередь в его тревожности, нервности, ставшей результатом травли со стороны критиков и неприятия в литературных кругах его труда. Мастера уничтожили этим как писателя. Иешуа же в сцене допроса говорит с Пилатом торопливо, словно боится, что его снова неправильно поймут. От этого в свое время пострадал и Мастер — его романа не поняли, и это привело к краху. Для Иешуа непонятость обернулась физической гибелью. Единственное, чего жаждет Мастер, измученный и душевно истерзанный, — покой. В финале он все же его обретает, воссоединившись с возлюбленной, он, наверное, наконец может почувствовать себя по-настоящему счастливым, ибо достиг того, о чем мечтал. Иешуа же, несмотря на свою физическую гибель, ознаменованную на страницах романа едва ли не концом света, настоящим светопреставлением, вновь появляется в финале и в эпилоге — в беспокойных снах бывшего поэта Ивана Бездомного, а ныне профессора Понырева — прощенный и освобожденный от многовекового наказания. Его мечта тоже сбылась — теперь он может беседовать со своим вечным оппонентом, бродячим философом, с которым ему столь о многом хотелось поговорить. На последних страницах Пилат заискивающе умоляет поклясться ему, что этой «пошлой» казни на самом деле не было. И Иешуа хрипло подтверждает, что это померещилось прокуратору, и глаза философа улыбаются. Кто-то из исследователей трактует данную неоднозначную сцену как заведомый обман Понтия Пилата: ведь всем понятно, что казнь свершилась, свершилась по вине Пилата, из-за его трусости, и за это прокуратор был наказан. Однако теперь он прощен, идет со своим спутником по лунной дорожке и беседует, ведь он получил прощение — как герой романа,

написанного мастером. И Иешуа так же прощает его, «доброго человека», ведь сам философ жив, идет рядом, разговаривает с прокуратором, а о самой смерти Иешуа на страницах романа напрямую не упоминается — равно, впрочем, как и о его воскресении. Но смерть поправа, прокуратор прощен, и глаза Иешуа улыбаются.

И наконец еще одно сходство Мастера и Иешуа заключается в знании, которым владеют оба персонажа. Мастер «угадал» события двухтысячелетней давности, связанные с Понтием Пилатом, Иешуа же в ответ на вопрос прокуратора говорит, что истина заключается в том, что Пилата мучает головная боль — истина действительно непреложная. Да, их правда — отнюдь не то, что от них ожидают услышать, но истиной она от этого не перестает быть.

Таким образом, языковая репрезентация не только раскрывает в полной мере образы персонажей, но и позволяет выявить определенные сходства, позволяющие сделать выводы о том, почему именно между этими двумя героями можно провести параллели и объединить в триады или — в случае с Мастером и Иешуа Га-Ноцри — в диаду. Помимо всего прочего языковая репрезентация героев позволяет выявить определенные стороны авторского замысла касательно героев романа и всего произведения в целом.

Литература:

1. Бакалова З. Н., Сагирян И. Г. Языковая репрезентация образа мастера в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник удмуртского университета. — 2017. — Т. 27, вып. 3.
2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. — Азбука-Классика, 1984.
3. Кошелькова Е. А. Языковая репрезентация образов героев романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». — НИУ БелГУ, 2017.
4. Крючков В. П. «Еретики» в литературе: Л. Андреев, Е. Замятин, Б. Пильняк, М. Булгаков / В. П. Крючков. — Саратов: Лицей, 2003. — 288 с. — (По страницам литературной классики).
5. Платонова М. Р. Лингвистическая реконструкция образов персонажей в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // «Научный аспект № 4–2020». — 2020.
6. Соколов Б. В. Михаил Булгаков: загадки творчества. — Вече, 2014.
7. Степанова Ю. В. К вопросу об индивидуально-авторских лексико-семантических полях как способах репрезентации понятия «образ автора» в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Ю. В. Степанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 1–1(43). — С. 156–166.
8. Шишмаренкова Г. Я. К изучению романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Г. Я. Шишмаренкова // Вестник Челябинского государственного университета. — 1998. — Т. 2. — № 1. — С. 119–126.

Bazanova K. S.

master-nevozmozhnogo@yandex.ru

Pushkin State Institute of the Russian Language

Linguistic Representation of the Characters of the Master — Yeshua Ga-Notzri Dyad in the novel “The Master and Margarita” by M. A. Bulgakov

The article is devoted to the linguistic representation of the images of the Master and Yeshua in Bulgakov's novel “Maser and Margarita”. The article provides a brief comparative analysis of these images in order to identify the reasons for the association of the characters in a dyad, assessing the role of linguistic devices relating to the images of the Master and Yeshua for understanding the author's intention.

Keywords: linguistic representation, Bulgakov, “The Master and Margarita”, master, Yeshua, image.

Лингвокогнитивные основания употребления действительных причастий в русской разговорной речи

В статье рассматривается функционирование действительных причастий в русском языке с точки зрения выражения таксистных значений, их позиции по отношению к определяемому слову. Способность действительных причастий участвовать в сложной упорядоченной структуре повествования и, наоборот, обобщать высказывание, представлять его фактологически, указываются в качестве показателя когнитивных структур, стоящих за их использованием в устно-разговорной речи.

Ключевые слова: действительные причастия, причастный оборот, таксис, устно-разговорная речь, когнитивный подход.

В русском языке причастие с морфологической точки зрения представляет собой гибридную глагольную форму, совмещающую признаки глагола (время, вид, залог) и прилагательного (система склонения по числам, родам и падежам) [4, с. 76], и в предложении выполняет роль согласованного определения. Коммуникативный статус причастия в русском языке определяется как полупредикативный, то есть данные формы способны передавать формы лица, времени и модальности опосредованно, таксисно [6]. В системе русского зависимого таксиса причастия занимают периферийное положение [1, 8]: причастия настоящего времени имеют значение одновременности, а причастия прошедшего времени — предшествования. При этом на таксисное выражение времени причастием ограничения накладывают лексическое значение самого причастия и глагола, выражающего основной предикат предложения, а также лексическими значениями словоформ, зависимых от причастия или от финитной глагольной формы [7, с. 70]. Периферийность причастных форм в поле таксиса обуславливает активный процесс их адъективации в русском языке [7].

С ономаσιологической точки зрения причастие трактуется как транспозиция глагольных категорий в область имени, что в дальнейшем рассматривается когнитивным подходом к изучению грамматики как совмещение исходных глагольного и именного пространств в новое, гибридное пространство, при этом обладающее собственной структурой. В результате причастие, сохраняя семантику глагола, формой которого оно является, отражает принципиально иное восприятие объекта сознанием человека [10].

С точки зрения сферы употребления, причастия широко представлены в стилях книжно-письменной речи [3], что традиционно отмечается как нормативная область их употребления. Что касается их употребления в устно-разговорной сфере, то здесь скорее отмечаются отдельные случаи использования, что ставит вопрос о мотивах обращения к ним [5]. Подсчет случаев употребления причастий обычно сводится к констатации экстралингвистических переменных: уровня речевой компетенции говорящего, его социальных и профессиональных характеристик, — без дальнейшего анализа [11]. Не отрицая влияния данных факторов, полагаем необходимым обратиться также к семантическим свойствам причастий, контекстуальная потребность в которых может служить объяснением их употребления при условии устойчивого нормативно-письменного владения ими носителями языка.

На наш взгляд, употребление причастий в устно-разговорной речи обусловлено как собственно лингвистическими (семантическими и коммуникативными), так и когнитивными характеристиками данного языкового явления. На материале 185 устно-разговорных текстов, размещенных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ; ruscorgora.ru), нами были проанализированы 350 случаев употребления действительных причастий. Примеры были рассмотрены с точки зрения выражения таксистных значений, позиции данных причастий и конструкций с ними по отношению к субъекту действия, а также схем знаний, стоящих за указанными грамматическими явлениями.

В результате исследования были выявлены следующие особенности употребления действительных причастий и причастных конструкций в русской устно-разговорной речи.

Таксисные значения действительных причастий в устно-разговорной речи отражают отношения предшествования и одновременности, свойственные данным формам и в книжно-письменной речи. Ниже и далее все примеры приводятся по материалам НКРЯ.

(1) [И-1, муж, 22, 1979, учащийся] *Кстати, // расскажу вам одну историю, совершен-но // э-э когда-то **поразившую** меня.*

В примере (1) причастие прошедшего времени выражает значение предшествования, подкрепляемое наречием времени «когда-то». Также в данном фрагменте возможно обнаружить перфектное значение причастной формы (Ср. «Эта история поразила меня настолько, что я помню о ней до сих пор и хотел бы о ней рассказать»).

(2) [Валерия, жен, 19, 1987, студент] *...Все сидим втроем / три девчонки / там двое ушли / нас трое осталось / и тут декан / такой дергает девчонку / рядом со мной **сидящую** / ну / он просто ее знает / она к нему вот тут недавно ходила / решала какие-то проблемы свои / он ее такой дергает такой / говорит / «Слушай / а где все наши?»*

В примере (2) форма действительного причастия настоящего времени передает значения одновременности. Обратим внимание на то, что повествование о событии в прошлом ведется здесь с использованием глаголов настоящего времени «сидим», «дергает», «говорит», а формы прошедшего времени соответствуют более раннему плану повествования: «осталось», «ходила», «решала». Акцентирование внимание на том, сколько всего студентов осталось в аудитории на данный момент в начале высказывания позволяет трактовать причастную форму в конкретно-процессном значении ‘сидела рядом со мной тогда’, а не общефактическом (ср. использование глагола «знает» в этом значении, выделенном в отдельную синтагму и похожую на комментарий к повествованию). Стереоскопическое повествование с использованием нескольких временных планов и различных глагольных форм свидетельствует о сложности структуры сознания, стоящей за рассказом об повседневном событии.

Относительно позиции, занимаемой действительными причастиями по отношению к субъекту речи, наиболее редкой оказалась дистантная препозиция, в которой между причастием и следующим за ним определяемым словом находятся другие компоненты высказывания. Отметим, что в классификации О. А. Лаптевой [9] указанная позиция является наиболее благоприятным контекстом для реализации предикативности определения, так как наиболее важный предикативный компонент в устно-разговорной речи стремится к началу высказывания. Более частотны с примерно равным числом примеров контактная препозиция, а также контактная и дистантная постпозиция. Большое число постпозитивных употреблений действительных причастий отражает структуры письменной речи, для которой постпозитивное употребление причастия является типичным способом выражения определения с оттенком предикативности. При этом интонационные особенности устно-разговорной речи накладываются на причастную грамматическую структуру.

(3) [Жена, жен, 33, 1976, юрист] *А... а квартиру свою / вот **бывшую** / они продали дочери // Ну / правда / по сходной цене //*

В примере (3) дистантная постпозиция содержит определение «бывшую», а границы синтагм демонстрируют его интонационное выделение, что в целом позволяет трактовать данное определение как предикативное. В данном случае информация о том, что квартира данным владельцам более не принадлежит, является актуальной для говорящего и слушающих, поэтому она акцентируется. Отметим, что перемена позиции на контактную препозицию — «бывшую квартиру» — позволило бы трактовать данное определение как атрибутивное.

Одной из особенностей употребления действительных причастий в устно-разговорной речи также является их позиция в качестве именной части сказуемого, не ведущая при этом к адъективации причастия.

(4) [Муж, муж, программист] *Да нее / какой гараж. Гараж вообще будет отдельно **стоящий**.* [Жена, жен, менеджер] *Он не будет пристроен к дому?* [Муж, муж, программист] *Конечно / нет / чо [нрзб] портить-то все.*

В примере (4) сочетание причастия с асемантической глагольной связкой в форме будущего времени по семантике совпадает с аналитической формой будущего времени «будет стоять». Данное явление интересно тем, что причастие, не имеющее собственной морфологической формы будущего,

выступает в роли основного предиката предложения вместо более регулярной аналитической формы. Можно говорить о том, что структурные особенности причастия здесь уступают место тому мыслительному содержанию, которое наиболее адекватно может быть выражено именно причастием.

Приведенные выше примеры позволяют увидеть некоторые особенности, подтверждаемые другими аналогичными случаями употребления действительных причастий в разговорной речи. Так, таксисные особенности причастий (см. пример 2) позволяют создать стереоскопическое представление ситуации с внутренним пониманием индивида об иерархизации пропозиций внутри высказывания: так, более важные события выражаются личной формой глагола, а менее значимые, но все еще существенные — выражаются формой причастия. Использование причастий в данной функции в целом подкрепляет мысль об объемности временного континуума, «который в принципе без всякой рефлексии свойственен и сейчас носителям русского языка» [2, с. 102].

Заметим, что возможность употребления причастий вне конкретных показателей таксиса, во вневременном значении, также активно задействуется разговорной речью. В примере (4) причастие отражает представление говорящего о том, как должен выглядеть его участок в качестве устойчивого образа, от которого он не отступает в процессе обсуждения своего решения с женой. Данный факт, пусть еще потенциальный в настоящем времени, мыслится говорящим как уже решенный, как единственно разумный.

(5) [Максим, муж, 18, 1984, учащийся] Ну как, // приходишь после занятий **уставший**, делаешь себе покушать, / родителей нету.

В примере (5) причастная форма встраивается в обезличенный характер повествования наряду с обобщенно-личными и безличным сказуемыми. Отсутствие формы лица у причастия органично вплачивает его в рассказ говорящего, описывающего такое положение дел как типичное, свойственное не только для него, но и для всех людей, ведущих сходный образ жизни (например, студентов), делая возможным подобное обобщение.

Таким образом, выражение таксиса для конкретизации основного действия с одной стороны, и способность к обобщению ситуации с другой является когнитивной предпосылкой употребления конструкций с действительными причастиями в русской устно-разговорной речи.

Литература:

1. Безроднова О. М. Таксисные значения причастий русского языка // Вестник Башкирск. ун-та. — 2009. — № 1. — С. 87–91.
2. Бекасова Е. Н. Психолингвистические аспекты оппозиции настоящего и прошедшего времени в русском языке // Педагогическое образование в России. — 2013. — № 6. — С. 98–103.
3. Данилевская Н. В., Трошева Т. Б. Стилистические ресурсы синтаксиса // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2006. — С. 474–482.
4. Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. — Л.: Наука, 1976. — 696 с.
5. Загороднюк А. А. Действительные причастия в русской устно-разговорной речи // МИРС. 2021. — № 1. — С. 21–29.
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского. — М., 2004. — 524 с.
7. Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. — М.: Наука, 1971. — 293 с.
8. Кудинова Н. Л. Реализация таксисной семантики одновременности средствами зависимого таксиса в русском и английском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2018. — № 5 (86). — С. 73–80.
9. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. — 2-е изд., стереотипное. — М.: УРСС, 2003. — 396 с.
10. Роева К. М. Проблемы категориального статуса причастия // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2007. — № 5–2. — С. 159–166.
11. Рожкова А. Ю. Причастия в спонтанной речи // Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 2. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. — 396 с.

*Zagrodniuk Antonina Alekseevna**St033106@student.spbu.ru**Saint-Petersburg State University*

Lingvo-cognitive basis of functioning of active participles in modern spoken Russian

The article looks into the functioning of active participial construction in the aspect of taxis semantics, their position in relation to the subject. The possibility of active participles to be incorporated into complex hierarchical structure of the narration and generalization of meaning, rendering the utterance more factological, are observed as a marker of cognitive structures behind the usage of such forms in modern spoken Russian.

Keywords: active participle, participial construction, taxis, colloquial speech, cognitive approach.

Историческое комментирование языковых явлений на уроках русского языка как способ формирования лингвокультурологической компетенции школьников

В данной статье рассматриваются возможности исторического комментирования на уроках русского языка как способа формирования лингвокультурологической компетенции школьников. Историческое комментирование на уроках русского языка может реализовываться посредством объяснительно-иллюстративного метода, проблемного изложения, частично-поискового (эвристического) метода, исследовательского метода обучения.

Ключевые слова: историческое комментирование, лингвокультурологическая компетенция, методы обучения, прием обучения.

Одна из ведущих тенденций современного образования — гуманизация предполагает обращение к культуре нашей страны. Следует сказать, что образование должно преследовать цель — развивать способности оценки окружающего мира, людей, себя с точки зрения субъекта культуры. Важно, чтобы выпускник общеобразовательной школы был не только образованным, но и культурным.

Школьный курс русского языка нацелен на овладение школьниками сведениями по фонетике, лексике, фразеологии, грамматике, орфографии и пунктуации. Историческому аспекту в школьном преподавании русского языка не уделяется должного внимания.

На наш взгляд, историческое комментирование является одной из необходимых частей изучения современного русского литературного языка в школе, которое направлено на формирование лингвокультурологической компетенции школьников. Обращение к истории языка, памятникам древнерусской культуры, а также историческое комментирование языковых явлений способствуют формированию у учащихся данной компетенции.

Еще в XIX–XX вв. крупнейшие лингвисты — Ф. И. Буслаев, К. Д. Ушинский, И. И. Срезневский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов еще в XIX–XX вв. стремились связать преподавание отечественного языка с его историей.

Без знания истории русского языка нельзя понять его современные особенности, нельзя сформировать языковое сознание учителя-словесника, которому в школьной практике постоянно приходится сталкиваться с такими фактами современного русского языка, объяснение которых требует знания его истории. Без этих знаний и практических навыков немислимо сознательное и творческое преподавание в школе русского языка, потому что учитель должен делать установку на запоминание учеником тех или иных сведений, а не на осмысление языковых явлений. Таким образом, значение исторических процессов развития русского языка необходимо учителю-словеснику. Обучая школьников современным языковым и речевым нормам, учитель должен сам хорошо знать процесс их становления, их историческую обусловленность, тенденции в развитии русского языка.

При использовании исторического комментирования на уроках русского языка или же в рамках внеурочной деятельности могут применяться различные методы обучения.

В педагогике под методом обучения понимается «способ упорядоченной взаимосвязанной деятельности преподавателя и обучаемых, направленной на решение задач образования» [3, с. 385]; «способ деятельности, который раскрывается как система действий, ведущих к цели» [4, с. 125].

В своем исследовании мы опираемся на классификации методов обучения И. Я. Лернера, М. Н. Скаткина, центральное понятие которой — характер познавательной деятельности. Выде-

ляют объяснительно-иллюстративный и репродуктивный методы, проблемное изложение, частично-поисковый (эвристический) метод, исследовательский метод обучения.

Проанализируем особенности исторического комментирования в контексте объяснительно-иллюстративного метода обучения. Так, информация из истории русского литературного языка представлена в готовом виде, учащимся предлагается к рассмотрению историческая справка. Составлять текст исторического комментирования может сам учитель или брать готовые сведения из различных учебников и методических пособий.

Следует сказать, историческое комментирование в рамках данного метода может быть представлено в виде:

1) текстов, характеризующихся связностью и законченностью;

Например: *«Глагол быть — один из самых древних глаголов в русском языке. Загляните в толковый словарь, и вы убедитесь в том, как много у него значений.»*

Измените этот глагол по временам: формы прошедшего времени (был, была, были) и формы будущего времени (буду, будешь, будет) образуются от разных основ. А вот почти все формы настоящего времени глагола быть в современном русском языке вышли из употребления. В древнерусском языке такие формы существовали:

1 л. ед.ч.	есмь	1 л. мн.ч.	есмы
2 л. ед.ч.	еси	2 л. мн.ч.	есте
3 л. ед. ч.	есть	3 л. мн.ч	суть

Сейчас в настоящем времени для всех лиц в единственном и во множественном числе используется только форма есть со значением «есть, существует»: Хорошо, что вы есть на свете, друзья.

В книжной речи форма есть иногда употребляется в роли глагола-связки: Неясность слова есть признак неясности мысли. Изредка в этой же роли используется древняя форма множественного числа 3-го лица: Поэты суть гордость нации.

Но слово суть нашло себе новую «работу»: начиная с XIX века оно стало употребляться как имя существительное женского рода со значением «существо, сущность, самое главное»: «Во всем мне хочется дойти до самой сути» [5, с. 35].

2) кратких тезисов, представляющих готовые теоретические выкладки, которые не подлежат информативному распространению, углублению в историю происхождения рассматриваемого лингвистического явления.

«В литературных произведениях XIX века вы можете встретить слова зала (просторная), рояль (черная), георгина (красная) — это были существительные женского рода. В современном русском языке слова с тем же значением употребляются как существительные мужского рода: зал (просторный), рояль (черный), георгин (красный)» [6, с. 182].

Рассмотрим особенности исторического комментирования в контексте метода проблемного изложения. Историческое комментирование, представленное в рамках анализируемого метода обучения можно сопоставить с историческим комментированием, данным с помощью объяснительно-иллюстративного метода. Учащимся предлагается к изучению историческая справка, а также историческое сравнение. Важнейшая особенность метода проблемного изложения — наличие проблемного вопроса, в котором зашифрована проблема, анализируемый материал разбивается на части, которые являются этапами к решению проблемы. Изучим пример исторического комментирования, предложенного в контексте метода проблемного изложения:

Всегда ли краткие прилагательные выступают в функции именной части составного именного сказуемого? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к истории этих форм. Краткие формы прилагательных в древнерусском языке выступали в роли определения и склонялись по образцу существительных. Следы былого употребления данных форм в качестве определения сохранились в ряде фразеологических сочетаний, например: откуда сыр-бор (то есть буквально сырой бор) загорелся, среди бела дня, по белу свету и тому подобное.

Краткие формы прилагательных в качестве определения часто встречаются в языке фольклора в роли постоянных эпитетов, например, в былинах: на широк двор, во чисто поле, по чисту полю, буйну голову, добра коня и так далее.

Полные формы называются иначе местоименными, потому что они возникли из соединения кратких форм прилагательного и косвенных падежей древнерусского указательного местоимения,

у которого были формы мужского, среднего и женского рода. Косвенные падежи этого местоимения сохранились и в современном языке: *его, ему, их, им*. Сравните окончания прилагательного: *синего, синему, синих, синим*.

Изучим возможности исторического комментирования в контексте частично-поискового (эвристического) метода. В рамках данного метода учащимся предлагается задание по историческому комментированию, где даются различные явления современного русского языка. Школьники должны сравнить эти явления в современном русском языке и древнерусском, сделать вывод. Выполняя такое упражнение, дети сами получают сведения по истории языка. Все это происходит под руководством учителя-словесника. Например:

«В поэтических текстах XVIII–XIX вв. некоторые писатели употребляют устаревшие формы существительных: 1. Равно на все взирает лица / Ни ненавдя, ни любя. (А. Н. Радищев «Вольность») 2. На престол родителей, не только в народе... (А. Д. Кантемир «Словоприношение к Елисавете Первой») 3. Тополы белы (А. Н. Радищев «Сафические строфы») 4. О! Коль счастливы человеки... (Г. Р. Державин «Фелица»).

Определите цель использования А. Н. Радищевым, А. Д. Кантемиром, Г. Р. Державиным в своих поэтических текстах архаизмов».

Проанализируем возможности исторического комментирования в рамках исследовательского метода обучения. Учащимся предлагается решить самим различные познавательные задачи посредством вспомогательных средств получения знаний. Например:

Будучи — форма деепричастия с особым суффиксом, сохранившимся в языке только у отдельных глаголов. Расскажите, есть ли у этого глагола особенности в образовании других форм [7, с. 115].

Различают прямые средства получения знаний (которые указывают на способ действия) и косвенные (дают возможность сделать соответствующий вывод по аналогии) [1, с. 112].

Историческое комментирование в контексте исследовательского метода обучения применяется в форме текста, который строится самим обучающимся исходя из самостоятельного решения проблемы.

По мнению Ю. И. Бокатиной, историческое комментирование как прием обучения языку в преподавании используется «в объяснительной речи педагога, при выполнении упражнений, при проведении различных видов грамматического разбора слова, при проведении объяснительных диктантов, работы над ошибками, при проведении словарно-семантической работы и словарно-орфографической работы над словом, при анализе художественных текстов» [2, с. 41].

Таким образом, историческое комментирование представляет собой прием обучения русскому языку. Еще в XIX — начале XX вв. отечественные ученые-лингвисты говорили о связи языка и его истории. Без знания истории русского языка нельзя понять его современные особенности на разных уровнях языковой системы. Историческое комментирование на уроках русского языка может реализовываться посредством объяснительно-иллюстративного метода, проблемного изложения, частично-поискового (эвристического) метода, исследовательского метода обучения. Но основной целью данного приема является формирование лингвокультурологической компетенции школьников.

Литература:

1. Антонова Е. С. Методика преподавания русского языка: коммуникативно-деятельностный подход: учебное пособие. — М.: КноРус, 2007. — С. 112.
2. Бокатина Ю. И. Историческое комментирование в системе методической подготовки студентов-филологов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00. 02. — Саранск, 2006. — С. 41.
3. Евладова Е. Б. Внеурочная деятельность: взгляд сквозь призму ФГОС // Воспитание школьников. — 2012. — № 3. — С. 385.
4. Загрекова Л. В. Теория и технология обучения. Учебн. пособие для студентов пед. вузов / Загрекова Л. В., Николина В. В. — М.: ВШ, 2004. — С. 125.
5. Русский язык: 5 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / под ред. А. Д. Шмелева. Ч. 2. — М.: Вентана-Граф, 2012. — С. 35.

6. Русский язык: 5 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / под ред. А. Д. Шмелева. Ч. 2. — М.: Вентана-Граф, 2012. — С. 182.
7. Русский язык: 5 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / под ред. А. Д. Шмелева. Ч. 2. — М.: Вентана-Граф, 2012. — С. 115.

Podunai Anna Sergeevna

nebosova-anna@rambler.ru

*Municipal Budget Educational Institution the
Highschool № 1 Named After Victor Muravlenko*

Historical commentation of the language phenomena at the lessons of the Russian language as a means of creating lingua-culturological competence of schoolchildren

Historical commentation at the lessons of the Russian language can be realised due to the explanatory-demonstrative method, the method of problem-based presentation, the partly searching (heuristic) method, the research method.

Keywords: historical commentation, lingua-culturological competence, methods of learning, technique of learning.

Медиатизация как экстралингвистический фактор развития современного языка

В статье рассматриваются особенности медиатизации социума и ее проявления в развитии современного литературного языка, дается характеристика медиадискурса как наиболее репрезентативной формы существования национального языка, отражающей доминирующие лингвокультурологические ценности современного общества.

Ключевые слова: медиатизация, экстралингвистические факторы, медиадискурс, язык медиа.

Современное общество развивается в особых условиях: стремительный рост информационно-коммуникационных технологий, формирование единого информационного пространства как новой виртуальной среды общения, возрастающая социальная значимость этого информационного пространства и др. факторы обусловили возникновение концепции информационного общества как принципиально иного этапа общественного развития со всепроникающим воздействием цифровых и телекоммуникационных технологий.

Закономерным следствием этого явилось и возникновение новой, ранее не известной основы функционирования языка – цифровой, которая в лингвистических работах рассматривается сегодня как один из общезначимых факторов современной коммуникации, основы беспрецедентной.

Цифровизация коммуникативного пространства повлекла за собой еще одно важное качество функционирования языка в современном обществе — медиатизацию, что определяется как процесс, посредством которого средства массовой информации все в большей степени интегрируются в другие слои общества, оказывая огромное влияние на них, в т. ч. на политику, бизнес, культуру, развлечения, спорт, религию, образование и т. д., что в целом приводит к социальной глобализации [см. об этом: Коломиец 2010, Третьякова 2011, Моргунов 2013, Клушина 2014, Шмелева 2015 и др.].

Прогрессирующей стремительными темпами процесс медиатизации основных сфер общественной жизни на текущем цивилизационном этапе позволяет утверждать, что это явление имеет определяющее значение как для развития культуры в целом, так и для развития современного литературного языка — в частности. По мнению многих авторитетных ученых, именно язык массовой коммуникации представляет собой сегодня одну из основных форм существования социума. «Информируя человека о состоянии мира и заполняя его досуг, средства массовой коммуникации оказывают влияние на его сознание, на мировосприятие, на тип культуры сегодняшнего дня» [1, с. 10]. Разрабатывается концепция медицентричности русской культуры, пришедшей на смену ее литературоцентричности [см. об этом: Солганик 2002, Кондаков 2003]. Очевидно, что на современном этапе лингвистических исследований крайне актуальным становится изучение языка текстов медиaprостранства, т. е. всестороннее изучение медиадискурса.

Медиадискурс в лингвистике понимается как совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия; «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [2, с. 154]. Анализ приведенных дефиниций позволяет выявить высокую степень значимости экстралингвистических факторов в развитии медиатекста и медиадискурса, а значит, и медийного варианта современного языка.

Каковы же экстралингвистические факторы, сопровождающие процесс медиатизации социума и воздействующие в настоящее время на языковое пространство? Перечислим некоторые, на наш взгляд, самые значимые из них.

Во-первых, отметим, что наиболее активное развитие (вплоть до перестройки) языковой системы происходит сегодня в пространстве такого вида медиатекста, как интернет-текст. *Интернет-текст* — это текст, бытующий в Интернете; «разновидность медиатекста, который распространяется по каналу Интернет и имеет особенности, связанные с технологическими возможностями данного канала» [3, с. 34]. В настоящее время интернет-текст фактически становится основной сферой массовой коммуникации, технологически позволяя существенно расширить инструментарий коммуникации. Следовательно, закономерности, выявленные в системе интернет-текста, могут быть отнесены к общеязыковым трансформациям современной языковой системы. К числу таких трансформаций, в частности, следует отнести тенденцию к визуализации речевой культуры, которая проявляется, например, в использовании смайлов, типографских знаков, используемых для изображения эмоций, мемов, иконок и проч.

Во-вторых, для медиадискурса в целом и для интернет-дискурса в частности характерна информационная перенасыщенность, которая приводит к невозможности субъектов коммуникации вдумываться в предлагаемый материал, обрабатывать, осмысливать и тем самым присваивать его, встраивать в собственное целостное мировоззрение. Чаще всего восприятие информации осуществляется поверхностно, происходит на уровне констатации и предлагаемой источником маркировки факта, события действительности.

В связи с этим обратим внимание на двойственную природу процесса поглощения информации, предлагаемой медиа-источниками. С одной стороны, медиакommunikация необязательна. С другой стороны, создаваемый средствами массовой коммуникации медиадискурс, став сегодня легкодоступным «для потребления», буквально заполонил собой «эфир повседневности», проник «во все типы институционального и обиходного общения благодаря своей тематической неограниченности, жанровому своеобразию и стремлению уловить даже самые незначительные его проявления в условиях быстро меняющегося мира» [4, с. 113]. Это приводит к тому, что погруженность общества в массовую коммуникацию, уровень обмена циркулирующей в ней информацией являются чрезвычайно высокими, причем настолько, что индивид фактически *лишается возможности отказать* от ознакомления с медиатекстом, его интерпретацией, которые, по сути, становятся принудительными и в известном смысле тотальными для каждого члена общества.

В-третьих, обозначим только формирующуюся в современном медиадискурсе тенденцию. Ее лингвистические, а также социальные, этические, общекультурные последствия только предстоит осмыслить и оценить в последующие периоды. Ситуация с кажущимся (а фактически отсутствующим) выбором у адресата потреблять или нет медиаинформацию (об этом шла речь только что), усугубляется еще и тем, что сегодня все более широкое распространение получают технологии искусственного интеллекта. Организованные на основе автоматизированного анализа предпочтений потребителя информации через учет посещенных пользователем ресурсов, его поисковых запросов, электронные цифровые системы осуществляют анализ интересов конкретного индивида исходя из целого перечня критериев: геолокации, тематической направленности, лояльности адресата к конкретному источнику информации и даже формы представления предпочитаемой адресатом информации. Сущность технологии заключается в том, что интернет-пользователю предлагается сделать, казалось бы, самостоятельный выбор из предлагаемой подборки материалов (бесконечной ленты публикаций), интегрированной в главную страницу, браузер, мобильное приложение. Однако на деле пользователь видит всегда только публикации, аудио-, видеоматериалы, отобранные машиной на основе специальных алгоритмов специально для него. Пользователь, таким образом, оказывается «технически заперт» в своеобразном замкнутом информационном, лингвистическом пространстве, что, в частности, означает коммуникативную изолированность субъекта, который, по сути, становится «информационным и языковым заложником» глобальной системы.

В-четвертых, отметим, что у современных СМИ все более отчетливо наблюдается постепенная дифференциация аудитории на массовую и элитарную, которая отражается в аналогичной дифференциации самих средств массовой коммуникации. А. А. Волков утверждает, что адресатов

«объединяет только элементарное знание языка, на основе которого вырабатываются определенные способы и средства мышления, речи; <...> массовая аудитория дифференцируется по стилистическим предпочтениям» [5, с. 66].

Развивая эту важную мысль, Н. И. Клушина высказывает положение о том, что современный русский язык существует в двух вариантах: эталонном, на который ориентируются интеллектуальные элитарные слои общества, включая немногочисленные качественные СМИ, и массовом литературном языке и его медийном варианте — медиастиле, который используют массовые и таблоидные медиа-источники, социальные сети, а главное, подавляющее большинство носителей русского языка в современной России. По мнению исследователя, именно в массовом медиастиле, «в котором формируются собственные медийные стилевые нормы» и намечаются пути дальнейшего развития литературного языка.

В-пятых, обратимся к спорному, на наш взгляд, утверждению о том, что в сфере СМИ наблюдается прогресс в развитии языка и речи через совершенствование техники, накопление фонда экспрессивных формул, обогащение спектра оценочных средств, усложнении формы [см., напр., 6, с. 64]. Однако нетрудно заметить, что в наши дни происходит своеобразная перегруппировка коммуникативных регистров, при этом язык существенно упрощается. Так, разговорный, разговорно-сниженный варианты становятся усредненной нормой; высокий стиль коммуникации локализуется в сфере официально-делового документооборота; ранее неприемлемый социумом обценный вариант коммуникации становится весьма распространенным. Опираясь на концепцию Т. Г. Винокур о двух линиях речевого поведения — *восходящей*, ориентированной на эталон, элитарной, и *нисходящей*, актуализирующей площадную, брутальную культуру, — происходящие сегодня процессы следует признать относящимися к нисходящей линии: в них наблюдается смешение стилей, доминирует ориентация на низовую антикультуру. Бытует мнение, что эти процессы обусловлены демократизацией современной коммуникации, однако, на наш взгляд, это скорее попытка «сохранить лицо» при отсутствии каких-либо возможностей сдерживания процесса декulturизации сегодняшнего общества.

Наконец, среди ключевых экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на языковую специфику медиадискурса, выделим монетизацию медиадискурсивной деятельности. В последние десятилетия процесс трансформации журналистики из социально-ориентированной деятельности в бизнес явился определяющим для направления развития всех компонентов этой деятельности, в том числе лингвистических. Все эти компоненты, включая авторскую интенцию, способы ее реализации, выбор конкретной формы коммуникации и т. д. оказываются подчиненными глобальной цели — извлечению финансовой прибыли прямым или опосредованным способом, и, безусловно, влияют на подход к выбору языковых средств реализации коммуникативного намерения адресанта (они становятся более агрессивными, оказывающими быстрый и ожидаемый эффект), а значит, и на формирование языковой картины мира адресата.

Обобщая все вышесказанное, отметим, что современная информационная эпоха сопровождается сменой культур (от книжной к медийной). Язык медиа, выступающий как специфический элемент медиакультуры, становится сегодня интересен для изучения с различных точек зрения (культурологической, социологической, психологической, антропологической, философской, лингвистической, когнитивной), так как ярко отражает не только все динамические процессы медиасреды, но и потребности современной коммуникации, общекультурные запросы социума, являясь, по сути, общенациональным вариантом современного русского языка.

Говоря об особенностях лингвистических исследований последних лет, Л. Р. Дускаева подчеркивает, что одной из них «является устремленность исследователей к учету всего многообразия экстралингвистических факторов» [7, с. 55]. Действительно, только всестороннее познание языка медиа с учетом экстралингвистических факторов, влияющих на его развитие, позволяет получить информацию о доминирующих в современном обществе лингвокультурологических ценностных ориентациях и тенденциях развития языка в целом.

Литература:

1. Володина М. Н. «Медийная культура»: pro et contra (с позиции отечественных и зарубежных исследователей) // Политическая лингвистика. — 2018. — С. 10–18.
2. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. — М.: Ин-т языкозн. РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК. — 2003. — 656 с.
3. Клушина Н. И. Введение в интернет-стилистику: уч-к / Н. И. Клушина, А. В. Николаева. — М.: Флинта, 2020. — 240 с.
4. Исина Г. И. Когнитивные механизмы порождения идеологических смыслов в современном медиадискурсе // Lingua Mobilis. — 2015. — № 1. — С. 113–118.
5. Волков А. А. Филология и риторика массовой информации [Текст] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования, 2003. — С. 64–67.
6. Клушина Н. И. Медиастилистика: монография. — М.: Флинта, 2018. — 183 с.
7. Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — 2018. — № 6. — С. 48–74.

Uzhegova E. N.

uen-110@yandex.ru

Perm State National Research University

Mediatization as an extralinguistic factor in the development of a modern language

The article examines the features of the mediatization of society and its manifestations in the development of the modern literary language, characterizes the media discourse as the most representative form of the existence of the national language, reflecting the dominant linguistic and cultural values of modern society.

Keywords: mediatization, extralinguistic factors, media discourse, media language.

Эвфемия как ритуализованная форма коммуникативного взаимодействия

Работа посвящена эвфемии как коммуникативной практике в ее ритуализованной форме. Эвфемией мы называем мелиоративную социальную практику, которая наряду с ритуальным символическим поведением обслуживает социокультурное поле. Интересно было бы уточнить, как в социальной жизни человека эвфемия соотносится с ритуалом.

Ключевые слова: эвфемия, ритуал, непрямая коммуникация, социальная практика.

Постановка задачи. Уточним терминологию: ритуал (*ritualis* — обрядовый) — 1) как совокупность и определенный порядок обрядовых действий при совершении каких-либо актов, церемоний (Словарь обязательных терминов и понятий к Курсу Истории мировых цивилизаций В. П. Будановой); 2) предписанное, формализованное символическое поведение (БСЭ). Важно отметить, что и в первом, и во втором значении ритуала действия эти часто бывают лишены непосредственной практической целесообразности, но служат (во втором значении) «символом определенных социальных отношений, формой их наглядного выражения и закрепления» (БСЭ).

«Когда утрачивается справедливость — приходят ритуалы. Ритуалы — это тончайшая ширма для «преданности» и «искренности» и предвестник смуты», — такова маркированная пограничность ритуалов в определении Лао-цзы в «Дао дэ цзин» (§ 38). Другими словами, ритуалы в этой функции выступают стабилизатором приходящих в упадок общественных отношений, и как и эвфемия — это мелиоративная социальная практика. При этом всевозможные инсигнии, символы власти, должны украшать, как и эвфемия, своего носителя и повышать его социальный статус.

Ритуалы могут подразделяться по разным основаниям на социальные (поощрения, порицания, разрешения конфликтов), религиозные, этнические, гендерные, межличностные и др.

С точки зрения психологии ритуала (термин Э. Эриксона) — эти повторяющиеся действия имеют символическое значение для всех участников (в то время как для не вовлеченных во взаимодействие наблюдателей они часто бессмысленны), могут быть разбиты по стадиям жизненного цикла и *сохраняет новизну при многократных повторениях*.

Многочисленные этикетные ритуалы — гонорифические обращения¹, поклоны, приветствия, — кроме закрепления социальных отношений, призваны создавать благожелательный фон в общении. Отметим ту же функцию и у эвфемизмов (особенно — обиходно-бытовых) — они ответственны за уместность и благозвучие речи. «Почтительность без правил порождает суетливость; осторожность без правил порождает робость; смелость без правил порождает смуту; прямота без правил порождает грубость», гласит древнекитайская мудрость. Таким образом, ритуализованность коммуникации определенного общества помогает снять многие межличностные проблемы, обойти потенциально острые вопросы и углы, чему, в свою очередь, способствуют и эвфемизмы.

Современная ритуализованная коммуникация немыслима без эвфемии. Нам кажется уместной метафора: эвфемия — это сердце ритуализованного общения.

Вернемся к терминологии. Необходимо различать понятия: эвфемизм — эвфемизация — эвфемия. Суть **эвфемизма** состоит «в оценочном завышении имени по сравнению с понятием» [6, с. 47]. Ритуал *инвеституры*, т.е. соответствующего облачения будущего монарха и передача ему символов власти, как раз играет роль такого «завышения» по сравнению с изначальным положением субъекта данной инициации.

При более внимательном изучении эвфемизмы предстают пред нами как речевые производные семиотического характера различной структуры, чьи функции явно сложнее, чем просто решение

¹ Эпистолярный зачин: *Государю моему, свету моему* Дмитрию Ивановичу женишка твоя Агафьца тремя детишками челом бьет. 1717 г.

художественно-изобразительных задач или смягчающе-вуалирующее обозначение фактов определенных денотативных областей. Многие исследователи отмечали, что эвфемизмы принадлежат языковым универсалиям.

Эвфемизацией мы называем насыщение эвфемизмами дискурса. **Эвфемия** же — коммуникативная стратегия, т. е. явление не лексической системы языка, а речи, состоящая из одного или нескольких речевых актов. Важно отметить, что эвфемия тесно переплетена а) с **номинацией** и б) с **оценкой**, которые, как известно, являются наряду с предикацией основой речевой деятельности человека. Это ставит эвфемию в один ряд с важнейшими феноменами языковой коммуникации [5, с. 18].

Эвфемизмы-табуизмы конвенционально интерпретируемы. Денотат их должен быть известен. Один из коммуникантов, заговорив на непонятном остальным языке, нарушает постулаты общения, что приводит к прагматическому изменению ролевого статуса коммуникантов, а именно: такие тексты возможны в ситуации заклатья, где само заклятие прагматично эквивалентно высказыванию «я совершаю сакральное вербализуемое действие» [4, с. 101].

Изменение статуса человека часто сопровождается ритуальными действиями: посвящение в рыцари, инаугурация президента, свадьба, беременность и роды, крещение, похороны и. т. п. Темы смерти и похорон вербализуются исключительно с помощью эвфемизмов. Ритуальные услуги: весь процесс похорон в современной цивилизационной парадигме — это одна сплошная эвфемия: *передать земле, но не закопать(!), передать прах земле, проводы в последний путь, пожелание-напутствие (аккламация): пусть земля будет пухом.*

Эвфемия — стратегия адаптации сложного мира к нашему представлению о нем, там иные каузальные связи между привычными событиями, вещами, понятиями, предлагаются иные — «мягкие» — методы решения или объяснения проблем (Что же на самом деле случилось с лодкой? — *Она утонула*), сами проблемы определяются иначе, преуменьшаются или подаются в терминах иной картины мира (как это делается во время инструктажа по технике безопасности в самолете).

Представление мира в терминах своей реальности — прерогатива жрецов, политиков и магов: восстановление справедливости, защита и наказание; избавление от врагов (государства); увеличение энергетики (сильное государство); коррекция на удачу в любви и делах (обеспечение рабочими местами и право на семейное счастье Жириновского); снятие венца безбрачия (каждой женщине по мужу — Жириновский).

Ритуал как и эвфемия часто утрачивает свое внутреннее содержание. «Слепое следование внешней форме древних уложений сыграло с конфуцианцами дурную шутку — внутреннее содержание ритуала (речь идет о ритуале жертвоприношения Небу и Земле. — Л. С.) оказалось утраченным и мистическое переживание, достигаемое в момент жертвоприношения, уже ушло из него», — пишет А. А. Маслов. Эвфемизм, утрачивая свои вуалирующие свойства, перестает быть таковым, девальвируется, переходит в состав прямых наименований, этот процесс называется *амелиорацией* или *износом* эвфемизмов.

Традиционно сакрализованнный русский отказ — фигура из трех пальцев — груб и неуместен в общении, не ориентированном на конфликт, поэтому часто оформляется как эвфемизм: *Они хотят у нас аудиторию забрать... / Фигвам, индейская хижина! Ничего не получится!* (РР) В словаре эвфемизмов русского языка *фигвам* отмечен пометами: бранный разговорный переносный ироничный, фиксированный как эвфемизм с конца XX в. после выхода серий мультфильмов по мотивам повести Э. Успенского «Тетя дяди Федора, или Побег из Простоквашино». Образован на основе звукового сходства бранного отказа «фиг вам» и названия индейской хижины «вигвам». В статье под названием «Путину могут показать монгольский *фигвам*» (02 окт 2009) со ссылкой на монгольские СМИ говорится об угрозе нарушения российско-монгольских договоренностей, достигнутых во время визита в Монголию Путина, по совместной эксплуатации месторождения Оют-Толгой и передаче последнего китайцам, которые предлагают за него лучшую цену (см. www.daokedao.ru).

Эвфемизмы являются тонким показателем социальных и культурных предпочтений носителей языка, фиксируют традиционные способы замены и регистрируют особенности общественной оценки явлений действительности. То же можно отнести и к «ритуалам» в микроколлективах. Такие ритуализованные действия можно наблюдать, к примеру, в обществе коллег-единомышленников. Так, при встрече двух коллег между ними происходит обмен репликами:

— *Наш шеф не знает роздыха, Но все же, черт возьми, — Работа-то на воздухе, — Работа ведь с людьми!*

Если не знать прецедентного текста Владимира Вишневского, первое слово стихотворения которого изменено (*Палач не знает роздыха*), такой диалог может показаться криптолалией. На самом деле парольный обмен стихотворными репликами может означать шуточный комплот против шефа-тирана или иметь другую прагматику — самоиронию.

Ритуальная жизнь отрывается от жизни мистической. Тем не менее, мистика нет-нет да и проглядывает в дискурсах государственной власти или в новейших ритуалах придворных церемоний. В ритуалы государственной власти могут быть включены все так называемые «обряды перехода», т. е. действия, которые изменяют статус персоны: помазание на престол, коронавание, целование раки с останками святого, инаугурация президента, а также ритуальная рассадка за столом (ср. требование Ельцина пересесть на «правильное» кресло), последовательность в процессе шествования в храм и др. Обряды перехода также имеют свой эвфемизированный язык и символику, что хорошо демонстрирует новояз власти XXI века.

Вероятно, можно говорить и о ритуале подношения (даче) взятки. Примером такой ритуальной эвфемии подношения может служить фраза: *это Вам к чаю!*

Строго регламентированное, в определенных ситуациях ритуализованное поведение представителя одной культуры (к примеру, японской) часто сталкивается с менее стереотипным импровизационным поведением другой (в частности, русской) культуры. Так, на вопрос службы контроля в аэропорту Токио (на въезде) «провозите ли вы наркотики?» россиянин отвечает, что все уже принял. На вопрос «везете ли вы хрупкие предметы», пассажир-россиянин уходит от строгой схемы ответа: «пока не разобьешь, не узнаешь», чем приводит службу в замешательство (пример А. С. Дыбовского). Схожую ситуацию наблюдал автор этих строк в аэропорту Йозефа Штрауса в Мюнхене, где на вопрос сотрудника о хрупких предметах пассажир-россиянин ответил: «надеюсь, не будете устанавливать это экспериментально». Служащий, правильно интерпретировав не прямой ответ, без всяких эмоций посоветовал переложить хрупкие предметы в ручную кладь. Как видим, в первом случае отклонение от рутинных форм взаимодействия приводит к нарушению коммуникативной связи. Во втором случае сотрудник мюнхенского аэропорта оказался готов к не прямой коммуникации, благодаря чему она прошла бесконфликтно. Отметим, что в российских аэропортах этот вопрос вообще не задается.

Инструктаж пассажиров перед полетом — это тоже в определенной степени ритуал перемены статуса. Будничный тон и приятные манеры стюардессы отвлекают от неприятного — возможной аварии или смерти. В ходе ритуала посвящения «земной» человек приобретает, хоть и на время, статус пассажира небесного судна, т. е. символического небожителя. И здесь стратегия эвфемии уместна и действенна: в информировании об алгоритме поведения в опасной для жизни ситуации («в случае необходимости обеспечьте кислородной маской сначала себя, а затем путешествующего с вами ребенка») присутствует легкая карнавализация, в ходе которой исключаются слова-триггеры тревожного или неадекватного поведения пассажиров: катастрофа, авария, аварийная ситуация и т. п.

Выводы. Приходим к заключению, что и эвфемия, и ритуалы — суть мелиоративные социальные практики разного семиотического уровня. В работе мы не рассматриваем эвфемии как церемониально-ритуальное явление с последующей транссубстантивацией — это перспектива дальнейшего исследования.

Литература:

1. Байбурин А. Полярность в ритуале // Полярность в культуре / Альманах «Канун». — Вып. 2. — СПб., 1996. — С. 157–165.
2. Зимин В. И. Словарь тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. — М.: АСТ-Пресс, 2020. — 736 с.
3. Емельянов В. В. Ритуал в древней Месопотамии. — СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003. — 320 с. — С. 13–14.
4. Лекомцева М. И. Особенности текста с неопределенно выраженной семантикой // Ученые записки Тартуского государственного университета. — Выпуск 754. Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам XXI. — Тарту 1987. — С. 94–104.

5. Саакян Л. Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения. Дисс. на соискание учен. степ. кандидата филологич. наук. — М., 2010. — 200 с.
6. Шейгал Е. И. Эвфемизм и ирония в политическом тексте // Филология-Phlologica. № 11. — Краснодар, 1997.

Sahakyan Levon

sahalev@mail.ru

Pushkin State Russian Language Institute

Moscow, Russia

Euphemia as a ritualized form of communicative interaction

The work is devoted to Euphemia as a communicative practice in its ritualized form. Euphemia is what we call reclamation social practice, which, along with ritual symbolic behavior, serves the socio-cultural field.

Keywords: euphemia, ritual, indirect communication, social practice.

Региональный корпус народной речи Среднего Прииртышья: потенциал использования при изучении русской традиционной культуры

В статье рассматриваются преимущества применения «Регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья» при изучении русской традиционной культуры на примере тематической группы <работа>. Уделяется внимание как лингвистическим, так и культурологическим аспектам текстов, содержащихся в корпусе.

Ключевые слова: русская традиционная культура, диалектология, корпусная лингвистика, русский язык как иностранный, лингвокультурология, этнолингвистика.

Изучение русской культуры невозможно без изучения менталитета русского народа. Одним из главных источников, способных помочь изучающему русский язык, является корпус текстов. Помимо «Национального корпуса русского языка», в котором содержатся разнообразные тексты (письменные и устные) различных жанров, существуют и региональные корпуса, содержащие расшифрованные записи народной речи. Примером корпуса, удобного для использования при изучении разных страт, форм и единиц русского языка, может служить «Региональный корпус народной речи Среднего Прииртышья» [7].

Преимущество «Регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья» заключается в принципе тематической разметки, облегчающей использование корпуса в обучении языку. Также тексты, содержащиеся в нем, способствуют знакомству с ментальностью русского народа: «Назначением корпуса прежде всего является создание репрезентативной источниковой базы для изучения <...> своеобразия народной ментальности и диалектной картины мира, диалектного дискурса» [10, с. 35].

Этнокультурная специфика может выявляться с помощью сопоставления лексических и фразеологических значений, прецедентных текстов и стереотипов поведения [3, с. 16]. Поэтому корпус представляет особый интерес для изучения различных феноменов традиционной культуры русского народа. Рассмотрим это на примере отраженной в текстах «Регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья» тематической группы <работа>, репрезентирующей культуру и быт этноса.

Знакомство с диалектным дискурсом поможет изучающим русский язык понять семантику многозначных слов и их вариантов в народной речи. Например, в «Региональном корпусе...» видим: *Работать нада была / я сорок лет аддаила кароф // <...> Ну афтадойкай даили / пийсят галоф даили афтадойкай //* (Демидович). Обратим внимание на использование слова *голова*. В тексте оно употреблено в значении «единица счета скота, животных» [5, с. 315]. Обращаясь к контексту, можно получить дополнительную информацию о функционировании слова. Так, мы видим метонимический перенос в основе этого лексического значения: «пийсят галоф даили». Колесов В. В. подчеркивал, что в словарных статьях отражаются только те метонимические переносы, которые со временем стали привычны для «современного сознания». При желании работа с лексическим значением слова может быть расширена углублением в этимологию и историю языка [4, с. 83]. Метонимический перенос является одним из ведущих семантических механизмов и в художественной литературе, и в разговорной речи. Поэтому обращение к текстам «Регионального корпуса народной речи Среднего Прииртышья» способствует расширению знаний лексики, принципов языка и культуры народа.

Из текстов «Регионального корпуса...» мы можем узнать и о работе как базовой ценности сельских жителей Омского Прииртышья [6, с. 38–41]. Записи речи диалектоносителей, отраженные в корпусе, дадут возможность изучающим русский язык и культуру народа ознакомиться с осо-

бенностями трудовой деятельности сельских жителей Омской области. Тематическая разметка текстов корпуса позволяет осуществить поиск по тегу <работа> и увидеть все примеры фрагментов текста, репрезентирующие процессы труда. Так, в корпусе можно встретить подробности из жизни доярок, трактористов, швей и т. д. Рассмотрим несколько примеров.

Одной из важнейших профессий в колхозе была профессия доярки. В текстах корпуса содержится информация о разных аспектах работы доярки: *Работать нада была / я сорок лет аддаила кароф // Сначала мы руками даили / эта скол'ка-тут мы прадаили? // Ну-сначала была па-пит-нацыть галоф / патом па-двацыть / патом па-двацыть пять / па-трицыть // А пат-паслет ужэ па-пийсят галоф // афтадойкай даили / пийсят галоф даили афтадойкай //* (Демидович). По этому фрагменту изучающие русский язык смогут увидеть переход общества от ручного к автоматическому труду, который заметно облегчил жизнь сельского населения и позволил ему расширить хозяйство. Данный фрагмент может быть интересен и при анализе лексики. Обратимся к сочетанию *пат-паслет*, не встречающемуся в современном литературном языке. Информация о слове *послед* в современных толковых словарях отсутствует. При обращении к словарю древнерусского языка находим, что *последь* обозначает 'после, впоследствии, потом'. При этом в иллюстративном материале словарной статьи содержатся только примеры сочетания слова с предлогом *на*: *на послед* [8, с. 640]. Следовательно, диалектоноситель в своей речи употребляет восходящее к древнерусскому *последь* и вышедшее из современного употребления слово. При этом в записи речи лексема зафиксирована с предлогом *под*, не отраженным в словаре, что показывает, как употребление трансформировалось со временем. Таким образом, *под послед* в речи диалектоносителя обозначает 'в конце, после обозначенного периода', что синонимично сочетанию *под конец*. Следовательно, носитель говора использует архаизм, встраивая его в современные модели коммуникации. Подобный путь исследования позволит не только провести детальный анализ лексических единиц, но и увидеть особенности языкового сознания жителя сельской местности, углубиться в процессы формирования языка диалектоносителя.

В другом тексте читаем: *Два класа кон'чила / че мне / девить лет наверна была? // Так вот // С-мамай пашла работать ф-калхоз / так-ы работала патом // <...> Я работала на-трудоад'ни даяркай // Ой! / ф-калхози сена убирали //* (Лаврентьева). Здесь изучающий русский язык может заметить изменения, произошедшие в стране менее чем за век. Диалектоносительница, рассказывая о своем детстве, вспоминает, что закончила только два класса и в девять лет пошла работать. При обращении к историческим источникам можно увидеть, что набор учеников в 1–4 классы был перевыполнен на 2,6%, а обучающиеся 5–10 классов составляли малую часть детей, получавших образование в 1940-е годы [11, с. 240]. Так, обратившись к этому тексту, можно выявить основные проблемы советского общества того времени: дефицит грамотности, образование в основном низшего начального уровня, отсутствие механизации сельского труда и низкий уровень жизни, что во многом объясняется трудным периодом Великой Отечественной войны.

Информация о раннем начале трудовой деятельности видна и в следующем тексте: *Фсе даярка-ми мы-были / фся работа была даярки // Вот-как с-малалецтва // А кагда стала работать? // Канешна я рана стала работать //* (Демидович). Таким образом, *работа* как базовая ценность является значимой для каждого диалектоносителя. В языковом сознании многих людей, родившихся в 1930–1940-е годы, и в региональном диалектном корпусе тема <работа> пересекается с темой <возраст: детство>, что обуславливается спецификой военного времени. Кроме того, в текстах о работе часто встречается такое понятие, как *колхоз*. Оно является важным для понимания советской культуры и быта. Согласно энциклопедии, под *колхозом* понимается 'организация добровольно объединившихся крестьян для совместного ведения сельскохозяйственного производства' [1, с. 423]. В колхозы принимали людей, достигших 16 лет. Эта дефиниция помогает понять, что у государства не было цели лишать крестьян образования и привлекать к работе детей (что может показаться при знакомстве с текстами, приведенными выше). Причиной ситуаций, описанных во фрагментах текстов, является военное время: во многих семьях отсутствовали кормильцы, и дети были вынуждены оставлять учебу и работать.

Внимательная работа с текстами о трудовой деятельности и обращение к энциклопедиям для разъяснения отдельных явлений позволяет узнать и другую культурологическую информацию о жизни русского народа в XX веке. *Я работала на-трудоад'ни / даяркай //* (Лаврентьева). Здесь

нам интересно важное для эпохи СССР понятие — *трудодень*. Для понимания фрагмента, приведенного выше, необходимо знать, что обозначает *работа на трудодни*. Трудодень — появившаяся в 1930-е и просуществовавшая до 1966 года мера затрат труда работников колхоза. До 1954 года доходом за работу в колхозах были продукты (доля полученного за год урожая, распределенного между всеми работниками колхоза) [2, с. 272]. Эта информация также может расширяться за счет обращения к паспорту информанта, в котором указываются такие данные, как год и место рождения, уровень образования, место работы, самоопределение (этническая самоидентификация) информанта и диалект, выявленный после анализа записей речи диалектоносителя. Узнав, что носительница говора родилась в 1935 году и пошла работать дояркой в 9 лет, изучающий русский язык и культуру сможет вычислить, что работать диалектоносительница начала в 1944 году, во время Великой Отечественной войны, когда за труд платили только продуктами.

Историзм *трудодень* встречается и в других текстах Корпуса: *Сначала трудад'ни / а потом капейки стали давать* // (Демидович). Здесь мы также замечаем указание на признаки эпохи: житель Омской области понимает под «трудодем» работу, оплачиваемую только продовольствием. То есть размер оплаты труда в различные периоды мог быть разным, так как зависел не только от трудоспособности и производительности работника, но и от погодных условий, которые влияли на объемы урожая. Так, изучающий русский язык, используя тексты Корпуса, может увидеть, что в истории России было время, когда люди в колхозах получали доходы продуктами, а затем оплата сменилась на денежную.

Примеры обращения к теме трудодней обучающиеся русскому языку или преподаватели русского языка как иностранного могут увидеть и в художественной литературе: Гроссман В. С. «Все течет», Солоухин В. А. «Капля росы», «Смех за левым плечом», «Владимирские проселки», Распутин В. Г. «Деньги для Марии», Платонов А. П. «Никита». Таким образом, тексты Регионального корпуса будут полезны для работы со словом, а художественные произведения (или фрагменты из них) покажут слово в новых контекстах, отразят новый взгляд на него.

Следовательно, несколько фрагментов записанных и размеченных в «Региональном корпусе народной речи Среднего Прииртышья» текстов позволяют узнать многое о русской жизни и истории и, в свою очередь, дают возможность сделать выводы о социокультурной обстановке в стране и роли традиционной культуры в понимании своеобразия того или иного аспекта языковой картины мира и базовых ценностей носителя русского языка. Культура складывается из различных составляющих: верований народа, искусства, законов нравственности, традиций и обычаев [9, с. 18]. Все эти факторы находят свое отражение в языке и речи. Поэтому Корпус является важным источником лингвистической, социальной, культурной и этнографической информации.

Литература:

1. Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. — М.: Советская Энциклопедия. — Т. 12. 1977. — 628 с.
2. Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. — М.: Советская Энциклопедия. Т. 26. 1977. — 624 с.
3. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. — Волгоград — Архангельск: Перемена, 1996. — С. 3–16.
4. Колесов В. В. Концептология: конспект лекций, читанных в сентябре-декабря 2010 года. Санкт-Петербургский гос. ун-т, филологический фак. — Санкт-Петербург: Филологический фак. СПбГУ, 2012. — 168 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: А ТЕМП, 2006. — 944 с.
6. Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование: монография / Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц, Н. В. Орлова, М. А. Харламова, Е. С. Шифрова, В. Г. Щербинина; под ред. Л. О. Бутаковой, Н. В. Орловой. — Омск: Амфора, 2020. — 372 с.
7. Региональный корпус народной речи Среднего Прииртышья: официальный сайт — Омск, 2020. — URL: http://it-acad.univer.omsk.su/makh_corpus/ (дата обращения: 06.11.2021).

8. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб.: типография Императорской Академии Наук. — Т. 3. — 1902. — 918 с.
9. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. — М.: Политиздат, 1989. — 573 с.
10. Харламова М. А. Региональный корпус народной речи Среднего Прииртышья (рукопись). — Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2020. — 148 с.
11. Шитов А. К. Государственная политика в сфере общего образования и проблемы всеобщего семилетнего обучения на Урале во второй половине 1940-х — конце 1950-х годов // Преподаватель XXI век. — 2020. — № 2–2. — С. 236–254.

Mikhailova O. A.

allellia@mail.ru

Dosotevsky Omsk State University

The Corpus of Medium Irtysh folk dialect: potential for use in the studying of Russian traditional culture

The article reviews the advantages of using The Corpus of Medium Irtysh folk dialect in the study of Russian traditional culture on the example of the thematic group <work>. The lexical and culturological aspects of the texts contained in the corpus are emphasized.

Keywords: russian traditional culture, dialectology, corpus linguistics, russian as a foreign language, linguoculturology, ethnolinguistics.

Основные принципы строения языка и лексическая синтагматика

Рассматривается языковая структура как конструктивная характеристика и в ней составляющие единицы лексики и словообразования. Строение языка воплощает определенные структурные единицы и свойственные им способы и правила образования. По системно обоснованным способам и правилам образуются соединения — блоки единиц в структуре языка. Для системы языка характерны способы построения блоков и единиц-элементов и их развитие. В русском языке образуется большое число номинативных единиц — сочетаний существительных. Анализируются субстантивно-субстантивные соединения в современном русском языке. Выделяются структурно-семантические типы субстантивных сочетаний, их реализация и функционирование. Анализируются конструктивные свойства и системно-уровневая принадлежность именных сочетаний. Выстроившийся массив сложных обозначений включает различные системные статусы единиц.

Ключевые слова: языковой знак, синтагматика, значение, составные именные образования, структурно-семантические типы составных единиц.

На всех уровнях языка, наряду с парадигматическими отношениями и парадигмами, существуют и работают синтагматические отношения и синтагмы. Для того чтобы построить речевую цепь, говорящий или пишущий вынужден не только делать выбор нужных единиц языка и затрагивать, таким образом, парадигматические отношения и парадигмы, но и вынужден также ставить в ряд отобранные из языка единицы. Единицы языка организуются в правильную речевую последовательность не по прихоти автора речи, а по законам структуры, в соответствии с сочетательными возможностями единиц. Эти законы языковой структуры не жесткие, а вероятностные, то есть предписывающие или запрещающие те или иные соединения языковых единиц в некоторых пределах, с той или иной вероятностью. Каждый элемент языка, каждая его единица способны вступать в линейную связь с определенными другими единицами, и эти связи регулируются синтагматическими закономерностями языковой структуры. Синтагматика языка есть совокупность и система опирающихся на структурные значения языковых единиц их сочетательных возможностей.

В словосочетании и предложении, где слова связаны друг с другом, связи между словами идут на нескольких уровнях языковой структуры. В высказывании слова связаны на уровне лексики и лексической семантики, на уровне морфологии и на уровне синтаксиса, а также интонации. Высказывание выражает четыре типа синтагматических отношений — лексико-семантические, морфологические, синтаксические и интонационные.

Функционирование языка — это реализация языком, в процессе построения речи, своей синтагматики и парадигматики. При анализе функционирования языка освещаются следующие вопросы: какие синтагматические возможности языка реализуются в речи и каким набором таких возможностей располагает язык на определенном этапе его развития; какие парадигма и их варианты используются на каждом шаге развертывания речи; какие значения языковых знаков актуализируются речевым применением его парадигматики и синтагматики; какие внутривидовые функции осуществляются различными знаками языка, образующими речевую цепь; какова активность речевого применения вариантов отдельных языковых парадигм и активность их синтагматических связей и окружений; какова зависимость перечисленных явлений от контекстно-ситуативных условий построения речи, каковы возможности, закономерности и пределы стилистического варьирования речи.

Развитие языка подчиняется внутренним, в самой структуре языка заложенным законам. Среди основных принципов выделяется тенденция к абстрагированию элементов языковой структуры. Примером действия этой тенденции служит развитие абстрактных значений на базе значений конкретных. Действует также тенденция к дифференциации языковой структуры и языковых функций. Вместе с тенденцией дифференциации действует тенденция к интеграции структурных элементов языка. Прослеживается вполне ясно и тенденция к усложнению и обогащению языковой структуры. Так лексика

увеличивается в объеме и становится разнообразнее; возникают новые словообразовательные модели и типы. Действует тенденция к изменению по аналогии. Так, по аналогии со структурой существующих образуются структуры новых слов, образуются синтаксические структуры высказываний.

Языковая структура — организация языка как целого и как лингвистический тип, включает присущие ей конструктивные уровни, выражающие характер механизма общения. Ее реализуют принадлежащие и свойственные ей единицы лексики, грамматики и словообразования. Строение языка воплощают определенные структурные единицы, свойственные им способы и правила. По присущим системе способам и правилам образуются и функционируют соединения — блоки номинативных единиц в конструкции языка. Для языковой организации характерны способы построения блоков и единиц-элементов и направление их развития.

В русском языке появляются многочисленные идиоматические и неидиоматические сочетания имен, характеризующиеся определенными грамматическими показателями, способами соединения компонентов и внутренними морфологическими изменениями. Часть их рассматривалась некоторыми исследователями под тем или иным углом зрения (Молошная Т. Н., Бертагаева К. К., Костромина М. В., Костомаров В. Г., Граудина Л. К.).

Некоторые номинативные образования были в русском языке ранее. Они составляли определенные разновидности: меч-кладенец, Буря-богатырь, море-окиян, ковер-самолет, сани-самокаты; одо-лень-трава, разрыв-трава; баба-яга, щукой-рыбою, дубья-колодья; растеть-матереть, бейся-ратися. Со временем появлялись номенклатурные наименования типа: Генераль Комиссара, Генераломъ Комиссаромъ, Ландь-Рентъ-Мейстеръ.

К концу XX в. зарегистрировано свыше тысячи составных слов типа: инженер-капитан, плащ-палатка, школа-лечебница, ясли-сад. Число таких наименований постоянно растет вместе с ростом названий новых профессий, созданием новых учреждений, изобретений, сложных единиц измерений и т. п. Однако не только в силу этих внелингвистических причин растет количество сложных обозначений предметов. Работают определенные языковые механизмы. Развиваются новые структурные реализации обозначения признака предмета и вообще его какой-либо характеристики. Появляются многочисленные именные сочетания различных структурно-семантических типов. Развиваются активные языковые процессы и выстраиваются определенные модели сочетаний слов.

Мы отмечаем картину сочетаний, которые строятся в русском языке из знаменательных слов. Большое развитие получили составные именные образования, в которых тот или иной конструктивный компонент, представляющий собой знаменательное слово, в составе аналитической лексемы является деривативным средством. В этих сочетаниях существительных обнаруживаются различные смысловые типы, грамматическая роль и определенные синтаксические позиции составляющих компонентов.

Отметим составные названия — собственные имена, обозначающие единичные предметы. Эти многочисленные сложные сочетания можно группировать и расположить по их внутренним структурным свойствам и статусу входящих элементов: Ювелир центр, Сити банк, Абсолют Банк, Ортодонт Центр; Пепеляев групп, Агрокультура Групп; Юджин Центр, СК «ОПТИМА СЕРВИС»; Бургер Нью-Йорк, ЗАО «Прайм Принт Москва», Крокус Сити Холл; Спорт Бар, Синема Парк, Плов Стори; Полюс Золото, Спутник Стил; Пушкино Экспресс, Бородино Плаза; Кредит Европа Банк, ВТБ Арена Парк; ООО «Газпром трансгаз Саратов»; Горбачев-центр, Филатов-фест. Данные субстантивные наименования развивают новые структурные реализации обозначения признака предмета или его какой-либо характеристики. Они представляют по форме сочетание двух или более существительных, в которых выражается категория качества; происходит совмещение категориальных свойств прилагательного и существительного в том или ином элементе словосочетаний.

Различие строения названий проявляется в написании, которое призвано отражать реальность языка и его единиц. Наличие дефиса в написании наименований свидетельствует о большей близости и связи компонентов по сравнению с отдельным написанием, с одной стороны, и отличает эту разновидность от формы слитных написаний, с другой стороны. Дефис показывает отличие первого компонента от статуса морфемы как структурно-семантической части слова.

В комплексную номинацию включается нарицательная лексика и ее сочетания — сложные обозначения предметов. Большой массив составляют конструируемые номенклатурные названия. Сложные обозначения различны по семантике компонентов-существительных, их отношениям и зависимостям. На этих основаниях их следует группировать: бизнес-центр, бизнес-лицей, бизнес-кластер, бизнес-инкубатор, в интернет-банке, коворкинг-центр, таргет-группа, в сафари-парке; квест-концерт,

прагматик-класс, блокчейн-технологии; инвалидов-колясочников, швея-надомница; стоматолог-хирург, пожарные-десантники, консультант-диагност; два беспилотника-квадрокоптера, ракета-принт, посудомойщик-уборщик; бизнес-аналитик, диджитал-менеджеры; водитель-экспедитор, грузчик-комплектовщик; вагон-бытовка, трость-стул, шар-ракета; государства-изгои, колонии-поселения; купоном-промокодом, пуфы-груши; маска-балаклава, кафе-бистро, склад-магазин; шарф-капюшон-накидка, микроскоп-игла-скальпель; кота-гиганта, сад-оксюморон, монстр-сорняк.

Последний тип сложных обозначений образуют пары слов-существительных, не отмеченных и не соединенных какой-либо формально выраженной связью. В современной коммуникации образуются сложные названия, где первое слово по смыслу есть определяемое и главное, а второе слово его характеризует и является его определением: соус майонез, детская коляска трость, картошка фри, джинсы скинни, кафе халяль, кофе бин, приколы видео.

Отдельную подгруппу составляют субстантивные названия, где по синтаксической форме первый компонент является определением, а второе слово — главным и определяющим: аккаунт менеджер, имидж студия. Но по фонетическому оформлению — выдвигению первого компонента, образованию фонетической синтагмы — речевого такта и ударению лексемы, — стратегии грамматического оформления зависимого элемента противостоит другая стратегия, при которой область применения морфологической техники перемещается на первое существительное.

Образуются графически и грамматически не связанные сочетания существительных с высокой изменчивостью и большим структурным потенциалом обоих компонентов: абитуриент тест, почта банк, Ресторан Бар. Части этих названий выступают как относительно самостоятельные, однородные и равноправные. В таком сочетании, в принципе, заложены структурно-семантические отношения различной направленности: почта банк, это ~ банк почты или ~ почта, являющаяся банком, или ~ почтовый банк.

Таковы основные типы субстантивных сложных обозначений, создающихся и функционирующих в современном русском языке.

С противоположной стороны выстраивающегося ряда типов сложных именных обозначений отметим соединения существительных, графически оформленных как одно слово: на штрафстоянке, крымнашизм, крымнашисты. Такое соединение отличается от сложносокращенных слов типа «спорттовары, стройплощадка», в которых первый компонент является усеченным прилагательным. «Крымнашизм» есть сочетание двух существительных, где первый компонент обладает семантической и функциональной самостоятельностью.

В современном русском языке образуется большое количество сложных составных субстантивов. Эти сочетания представляют разные семантические типы и грамматические формы, создавая единицу нового уровня. Среди номинативных единиц отмечаются явления неустойчивости, колебания между словосочетаниями с аналитическим прилагательным, словосочетаниями с приложениями, сложными словами с основами существительных в качестве первого компонента и полиструктурными сочетаниями. В речевой коммуникации развита вариативность семантических структур и орфографического оформления субстантивных сочетаний.

Shaposhnikov V. N.

vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

Moscow State Linguistic University

Basic Principles of the Structure of Language and Linguistic Syntagmatics

The language structure as the integrity and as the constructive type is considered. The certain structural units and proper modes and rules of the forming incarnate the system of the language. According to systematically justified methods and rules, compounds are formed. The means of the block forming and units — elements, and their development are specific in the system of language. The noun-noun unites are analyzed in modern Russian language. The large massive of composite substantives was collected in contemporary speech communication. The structural-semantic types of the substantive compounds and their realization are noting in contemporary language. The constructive characteristics and the system-level belonging of the substantive compounds are analyzed.

Keywords: language sign, syntagmatics, composite substantive names, structural-semantic types of compound units.

Русскоязычный перевод образов антропоморфизма в отражении двух культур (на материале английской литературы)

В статье рассматриваются особенности русскоязычного перевода антропоморфных образов. Изучаются различные способы передачи антропоморфных понятий с английского языка на русский язык. Анализируются и комментируются решения переводчика при адаптации художественных образов и переносе антропоморфов из одной лингвокультуры в другую национальную действительность.

Ключевые слова: русскоязычный перевод, лингвокультура, лингвистический антропоморфизм, переводческие трансформации.

Научное исследование затрагивает проблему русскоязычного перевода антропоморфных понятий в художественных произведениях. Переводческая сфера как часть культуры и традиций народов имеет широкий диапазон распространения в науке о языке, в литературоведении и культурологии.

Целью исследования является сопоставление лингвокультурологического и переводоведческого аспектов художественного перевода антропоморфных образов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью сравнительно-сопоставительного анализа художественных характеристик антропоморфизма в англоязычной и русскоязычной культурах, а также важностью изучения способов передачи антропоморфов в русскоязычном переводе.

Методами исследования служат сравнительно-сопоставительный анализ единиц текста перевода и метод описательного анализа.

Научная новизна исследования заключается в том, что тема антропоморфизма в отражении двух культур рассмотрена с ракурсов лингвокультурологической и переводоведческой научной мысли.

Практическое значение обозначено возможностью использовать результаты работы в дальнейших научных исследованиях по лингвистике текста, переводоведению, лингвокультурологии и филологии в целом.

Лингвистический антропоморфизм вступает в междисциплинарные связи с различными областями наук. Функционирование антропоморфизма как лингвистической категории заметно не только в лингвистике, но и философии, лингвокультурологии и переводоведении.

Понятия, которые подвергаются антропоморфизации, принадлежат обособленному пласту семантико-стилистических единиц [1, с. 63]. Примерами антропоморфных понятий служат явления природы, представители животного мира, обрядовые действия и явления, которые относятся к философско-религиозным концептам.

В процессе перевода понятий антропоморфизма с английского на русский язык возникает диссонанс лингвокультурологического масштаба, так как характеристики представителей антропоморфного художественного мира в английском языке не совпадают с чертами этих же представителей в культуре языка перевода. В национальном сознании русскоязычного читателя англоязычный образ имеет другие характеристики и черты, выполняет другие функции [5, с. 26–28].

Примером русскоязычного перевода, основанного на адаптивной и трансформационной передаче образов антропоморфизма, служит произведение О. Уайлда «Соловей и Роза». В русскоязычной литературной традиции образ Соловья воспринимается носителями языка как певчая птичка, наделенная мужскими характеристиками. Соловей — голосистая пичужка, маленькая с неприметным окрасом, но очень приятными на слух трелями; звонкие песенные переливы Соловья завораживают слушателя. В англоязычной культуре Соловей выступает в роли женского образа [3, с. 53]. Соловьиная песня пронизана жалобным материнским криком по погибшему сыну. Согласно древнегреческой легенде, фракийская царица Прокна убивает своего сына Итиса, чтобы отомстить мужу. За такой непостижимый и вероломный поступок Зевс превращает царицу в Соловья [4, с. 29]. С тех самых пор в Соловьиной трели слышны ноты тоски, отчаяния и раскаяния.

Таким образом, в англоязычной антропоморфной системе за Соловьем закреплён женский род. «*Nightingale's voice grew fainter, and her little wings began to beat, and a film came over her eyes. Fainter and fainter grew her song, and she felt something choking her in her throat. Then she gave one last burst of music*» [6, с. 24] // *А голос Соловья все слабел и слабел, и вот крылышки его судорожно затрепыхались, а глазки заволкло туманом. Песня его замирала, и он чувствовал, как что-то сжимает его горло. Но вот он испустил свою последнюю трель* (пер. М. Благовещенской с. 165) [6, с. 165] (O. Wilde "The Nightingale and the Rose").

В англоязычном литературном произведении, созданном О. Уайлдом, переплетаются образы Соловья и Розы. Сюжетная линия пронизана мотивом любви Соловья к Студенту, а Студент любит девушку, живущую неподалеку. В тексте оригинала прослеживается гендерная сочетаемость образов: Соловей (в англ.яз — ж. р.) влюблен в Студента (м. р.). В русскоязычном тексте перевода происходит замена родовых соотношений: Соловей приобретает мужские характеристики, мужской род [2, с. 67]. В результате дисбаланса в мировоззренческой концепции англоязычного и русскоязычного читателя по отношению к образам антропоморфизма видоизменяется общая картина мира. Авторское мировидение приобретают новый облик в тексте перевода. Идеино-смысловая структура текста оригинала перевоплощается в другой языковой действительности, приобретая новую форму. Создатель переводного произведения вынужденно адаптирует образы антропоморфизма в соответствии с системой языка перевода, подчиняя образы нормам и правилам языкового пространства.

Подводя итог исследования, направленного на выявление особенностей лингвокультурологического и переводоведческого характера, и сопоставляя образы антропоморфизма в двух диаметрально противоположных культурах, выявляем тенденцию к перевоплощению истинного сюжета в переводном произведении. Функция лингвоантропоморфизма и его образы замысловато преобразуются в лингвокультурологическую субстанцию, способную окрасить переводное произведение в яркие тона. Пересечение образов антропоморфизма в англоязычной и русскоязычной действительности происходит на протяжении многих веков. В отражении двух лингвокультур антропоморфизм оставляет неизгладимый след.

Литература:

1. Боронин А.А., Абрамова Е. И., Масленникова Е. М., Строганова Т. В., Зоидзе Э. А., Губочкина Л. Ю., Молчанова Д. В. Английский язык и англоязычный текст сквозь призму лингвистической лимологии / монография / отв.ред. А. А. Боронин. — М.: ИИУ МГОУ, 2019. — 145 с.
2. Губочкина Л. Ю. Лексико-стилистические трансформации, используемые при переводе метонимии и синонимических пар в английском и русском языках (на материале сказок О. Уайлда) // Проблемы теории языка и переводоведения. Сборник МГОУ. Вып. № 32 / отв. ред. Л. Л. Нелюбин. — М.: Изд-во МГОУ, 2007. — С. 65–70.
3. Губочкина Л. Ю. Гендерная и функциональная дифференциация антропоморфических образов в лимологической лингвопоэтике // Лингвистическая лимология: сборник статей по материалам Международной научной конференции / отв. ред. А. А. Боронин. — М.: ИИУ МГОУ, 2019. — С. 51–54.
4. Маркина Л. С. Резец и кисть переводчика: Условность как категория художественного перевода. — Белгород: Из-во Шаповалова, 1996. — 70 с.
5. Нелюбин Л. Л. Сравнительная типология английского и русского языков. Учебник. — М.: Изд-во Мос. гос. обл. ун-та, 2007. — 183 с.
6. Уайлд О. Сказки. На англ. и русск. яз. — М.: Радуга, 2001. — 320 с.

Gubochkina L. Yu.
glubov09@mail.ru

Moscow Region State University

Russian language translation of anthropomorphic characters in two cultures (based on English literature)

The paper deals with the peculiarities of Russian language translation of anthropomorphic characters. Various ways of translation of anthropomorphic concepts from English into Russian are being studied. Translator's decisions made in the process of adapting fiction images and transferring anthropomorphs from one culture into another are analyzed and commented on.

Keywords: Russian language translation, linguistic culture, linguistic anthropomorphism, translation transformations.

Специфика языкового выражения представлений о родине в фольклоре липован

В статье рассмотрены образцы песенного наследия липован — представителей особой ветви старообрядчества, проживших более двух веков за границей в изоляции от родной культуры и языка. Подробно проанализированы песни из сборников А. С. Ярешко и М. А. Лященко. Особое внимание уделено различиям между произведениями общерусского фольклора и фольклора липован. Аналитический акцент сделан на специфике экспликации ключевых представлений о родной земле в произведениях песенного фольклора липован.

Ключевые слова: липоване, старообрядцы, родина, фольклор, лексика.

Для изучения культурных ценностей какой-либо узкой локальной традиции необходимо учитывать все составляющие ее компоненты. Как пишет В. О. Петров в статье «История липован как особой ветви старообрядчества» [5, с. 81]: «русская традиционная музыкальная культура представляет собой, с одной стороны, целостное историко-культурное явление, а с другой — она содержит в себе множество разнородных культур, самобытность которых обусловлена территориальными, субэтническими, социальными и конфессиональными различиями». В них по-разному сохраняется коллективная народная память, складывается своя система эстетических и художественных ценностей. Эта система отражает как универсальные черты общенародной картины мира, так и уникальные особенности, присущие конкретной культуре.

Среди наследия таких обособленных этнокультурных групп малоисследованной является традиционная культура представителей особой ветви русского старообрядчества — липован. Обратимся к историческому контексту, формирующему уникальный статус этой общины. Липоване — это русские старообрядцы, которые в конце XVII века после церковных реформ Никона из-за несогласия с новой религиозной концепцией переселились в Молдавское княжество, в Буковину (ныне это территория румыно-украинского пограничья), и вернулись в Россию только в начале XX века.

Происхождение названия общины не ясно; некоторые филологи, фольклористы, этнографы занимающиеся изучением истории и культурного наследия липован, придерживаются мнения, что название *липоване* произошло от трансформированного *филипповцы*, *филипоны* или *филиповане* — как последователи основателя одного из старообрядческих движений Филиппа (Филипа). Другие исследователи фольклора липован полагают, что этноним *липоване* произошел от названия первоначального места жизни общины (уйдя из России, липоване поначалу скрывались в липовых рощах Буковины, а позже обосновались в находящемся неподалеку селении Липовень).

Но какой бы ни была истинная этимология этнонима, уникальной эту группу делает не название, а культура, которая за ним стоит. Находясь на протяжении более двух веков в изоляции, чуждом окружении, липоване сохранили русскую речь, остались преданными заветам предков. Интересным и важным в данном контексте представляется также и тот факт, что липоване, вернувшись в 20-х годах XX века в Россию, продолжали жить замкнутыми общинами, а некоторые из них придерживаются такого образа жизни вплоть до наших дней. Все это обусловило наличие у данной группы своеобразной системы конфессиональных ценностей и культурных особенностей. Фольклорное наследие русских липован более обширно, разнообразно по своему жанровому составу, тематике, чем актуально-бытующая общерусская традиционная культура; по сути, наследие липован — эта законсервированная, прошедшая сквозь века русская, традиционная культура конца XVII века.

«Наследие старообрядческой культуры представляет собой не только исторический факт, отмеченный строгими хронологическими рамками, но и культурное явление, существование которого выходит за пределы временных координат» [1, с. 27] — пишет в монографии о быте липован отечественный историк, исследователь липованской культуры Е. В. Арсланова; в своей работе она

приходит к выводу, что осмысление русской культуры, а в особенности культуры старообрядческой России эпохи до церковной реформы возможно именно через изучение культуры липован.

Определяющая возможность подробного изучения, сохранность культуры липован является феноменом уникальным. До настоящего времени носителям липованской традиции «удалось сохранить, хотя по большей части в коллективной памяти, основные, наиболее значимые для них ценности <...> обряды, праздники, являющиеся неотъемлемой частью жизни каждого человека, а также песенный фольклор» — утверждает О. А. Иванова [4, с. 41]. В современных научных работах, экспедиционных записях и песенных сборниках «этнографический контекст песенной традиции астраханских липован был реконструирован по рассказам людей старшего поколения, которые помнили что-то о своей жизни и праздниках в Румынии, или воспроизводили воспоминания своих родителей» — сообщает исследователь [3, с. 157].

В данной работе проанализированы тексты произведений музыкального фольклора липован из сборника Ярешко, записанные в 70-х годах XX века от липован, переселившихся в Астраханскую область, а также песни из сборника Лященко, записанные в 90-х годах XX века.

В музыкальном фольклоре липован есть очень четкое разделение произведений на *стихи* и *песни*, причем стихи, по словам носителей этой традиции, *поются*, а песни — *играются*. Под стихами липоване понимают комплекс духовных певческих произведений религиозного и былинного содержания. Среди них есть такие памятники, как стих о Егории Храбром, космогонический стих о Море-окияне, народные псалмы и славы. Яркой особенностью традиционной культуры липован, отраженной в этих памятниках фольклора является сохранность древних общеславянских архетипических взглядов и представлений — о бел-горючем камне как о центре мира, о лютном змее, как о символе зла и т. д., а также распространенность старообрядческих сюжетов, наименований и устойчивых конструкций в текстах песен, например, двойное *Аллилуйя* вместо тройного, имена *Давыд*, а не *Давид*, *Исус*, а не *Иисус*.

Но наиболее яркие маркеры культуры, делающие наследие липован уникальным, мы можем найти в исторических и лирических песнях: во многих из них отражается отношение к фактам изолированности общины, ее территориальной удаленности от родной земли.

В таких песнях можно встретить две основных позиции по отношению к указанным фактам. Первая — мало распространена, встречается, в небольшом количестве песен, в качестве примера рассмотрим текст песни из сборника М. А. Лященко:

Вдоль по речке, по реке легка лодочка плывет, за собой много ведет. // Хорошо гребцы гребут, да разговоры говорят, мать Россиюшку бранят: // Мать — российская земля много горя приняла, много слезы пролила [2, с. 107].

Формально мы видим в этой песне осуждение страны, маркером этого выступает слово *бранят*, но далее по тексту идут не осудительные речи, а слова сочувствия, оправдания. Кроме того, Россия в песне называется *матерью*, это является сильным маркером связи, имеющим положительные коннотации. Соответственно, мы можем предположить, что обида липован на отвергнувшее их государство не была доминирующим мотивом в их песнях. Преобладает здесь, вероятно, принятие, понимание и сочувствие горькой судьбе страны; а также, тот факт, что гребцы вспоминают родину, указывает на наличие в их культуре мотива тоски по родной земле. Важно отметить, что такое противоречивое отношение, выраженное, с одной стороны, глаголом *бранят*, с другой — именованием *мать-Россия* является уникальным для всей традиционной фольклорной культуры. Брань в адрес отца и матери в народном мировоззрении — первый тяжкий грех, что опирается на заповедь Ветхого Завета, которую прекрасно знали липоване: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой дает тебе». Эта конструкция, сочетающая в себе любовь к Родине с осуждением является уникальным культурным фактом.

Как уже было сказано, преобладающим в липованском фольклоре является мотив тоски по родине, что ярко проявляется в песнях второй группы. Тоска по Родине в них зачастую согласуется с мотивами невозможности возвращения домой (в Россию), неприятия чужой стороны. Наиболее ярким примером проявления подобных мотивов является песня «Журавка» (из сборника А. С. Ярешко):

Ты Журавка, чего плачешь так жалко? //— А как же мне не плакать, что летаю высоко, да от роду далеко. // Журав упал и лежит — на чужбине трудно жить. // Похоронит чужбина, чужая матерь — не своя [6, с. 44].

В данном песенном тексте отражено большинство характерных взглядов на проблему удаленности от Родины в фольклоре липован: так, представления о родной земле реализуются через архетипический образ *Родины-матери*, судьба и особенности жизни липован, живущих *от роду далеко* отражены посредством введения образа птицы, так же живущей *в чужой дальней стороне*, немилый ее сердцу. В данном контексте можно отметить, что параллелизм в представлении образов человека и птицы характерен не только для культуры липован, но и для общерусской культуры в целом. Наиболее ярко это выражается в текстах произведений русского фольклора свадебного цикла, где невеста сравнивается, например, с *горемычной кукушечкой* или с *белой лебедушкой*. Песни с такими сравнениями есть и у липован, например:

Кукуй, кукушечка, не в молкай, да не долго тебе куковать / А ты, Марюшка, плачь, да не долго тебе горевать, или *Плывет лебедь за лебедушкой, идет Васенька за Полюшкой*.

Но такие сравнения для свадебных песен характерны в принципе, а для песен исторических подобные сравнения в указанном контексте — явление редкое, почти уникальное, явление, формирующее особый статус наследия липован.

На чужбине трудно жить, так пели липоване, но они вернулись в Россию и теперь их культура живет и изучается. Песенное наследие липован — это их попытка осмыслить себя, свою жизнь в драматической ситуации. Собственное самоосмысление и самоопределение и сегодня выступают главными задачами человеческой жизни. И значительная часть самоосмысления и самоопределения осуществляется средствами языка.

Литература:

1. Арсланова Е. В. Обряды жизненного цикла старообрядцев-липован Астраханской области. — Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2010. — 348 с.
2. Жиганова С. А. Музыкальный фольклор липован // Община старообрядцев-липован Приморско-Ахтарского района: история и культура / сборник под ред. М. А. Лященко. — 2006. — С. 85–113.
3. Иванова О. А. Календарные традиции астраханских липован // Лики культуры, искусства и музыки в информационном пространстве XXI века. — 2015. — С. 155–160.
4. Иванова О. А. Система народных календарных ценностей астраханских липован // Музыка. Искусство, наука, практика. — 2017. — № 1 (17). — С. 37–43.
5. Петров В. О. История липован как особой ветви старообрядчества / В. О. Петров, О. А. Иванова // Вестник музыкальной науки. — 2017. — С. 81–89.
6. Ярешко А. С. Песни астраханских «липован». — М.: Композитор, 2009. — 59 с.

Luchinina Lada Alexandrovna

ladalu31@mail.ru

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russi

The specifics of the linguistic expression of ideas about the motherland in the folklore of Lipovans

The article examines samples of the song heritage of the Lipovans — representatives of a special branch of the Old Believers who have lived abroad for more than two centuries in isolation from their native culture and language. Special attention is paid in the article to the differences between the epics and songs of all — Russian folklore and the folklore of Lipovans. Analytical emphasis is placed on the specifics of explication of key ideas about the native land in the works of song folklore lipovans.

Keywords: Lipovans, Old Believers, homeland, folklore, vocabulary.

Адаптация иноязычных элементов в армянской антропонимической системе (на материале романов Д. Демирчяна «Вардананк» и Х. Абовяна «Раны Армении»)

Статья посвящена проблеме адаптации иноязычных элементов в структуре армянских литературных антропонимических единиц. Выявлены доминирующие заимствования, приведены примеры полной или частичной адаптации иноязычных словообразовательных формантов и проанализированы особенности их употребления в исследуемых романах. Отмечается высокая продуктивность персидских заимствований, а постепенная адаптация и закрепление в армянском языке предопределили специфику репрезентации их в художественном тексте.

Ключевые слова: антропоним, адаптация, иноязычные элементы, словообразовательный формант.

Исследование способов передачи, трансформации и адаптации иноязычных антропонимов в языке является актуальной проблемой современного языкознания, так как в эпоху активизации международных отношений антропонимы легко пересекают межкультурные и межъязыковые границы. Именно благодаря длительным межъязыковым контактам армянский антропонимикон пополняется заимствованными именами. «Уживчивость» заимствованных онимов в армянском языке зависит от глубины и длительности культурно-исторических контактов. «Великие имена Армении постоянно связываются с современными им великими именами народов, имевших некое преобладание. И подобно тому, как имя Гайка тесно связано с именем Бэла, легендарное имя Арама есть только спутник ассирийского имени Нина, Араму наследовал сын Арай, по прозвищу Ара Прекрасный. Но слава его имени опять стоит в зависимости от имени Семирамиды» [8, с. 535].

Значительное языковое место в армянском антропонимиконе занимают иранские имена, что объясняется тесными культурно-экономическими и политическими отношениями двух государств. «Проникновение иранских личных имен в армянскую среду начинается с VI в. до н. э. Доказательством тому являются употребляемые в армянском древнейшем эпосе личные имена — *Тигран, Аждахак, Артавазд*» [7, с. 11].

Влиянию персидского языка подверглась как апеллятивная, так и ономастическая армянская лексика. Иранские имена «прижились» в армянском языке, и многие из них не осознаются как заимствования. В армянский язык вошли не только знаменательные слова, которые удачно внедрились в язык, они оказались также материалом для образования новых имен, включая словообразовательные форманты.

Адаптация антропонимов происходит на разных языковых уровнях (фонетика, лексика, морфология, словообразование). Одним из показателей полной или частичной адаптации иноязычных элементов в языке-преемнике являются словообразовательные форманты, служащие базой для создания производных слов. В исследуемых романах продуктивным способом обогащения армянского литературного антропонимикона являются следующие словообразовательные форманты: *-уи, -духт, -ануиш, -ак, -ик, -ен*.

«В некоторых армянских сложных личных именах в качестве второго составного элемента выступают частицы — *уи (uhi), духт (duxt), ануиш (anoush)*, имеющие иранское происхождение и означающие «дочь, девочка» [7, с. 38]. *Духт* и *ануиш* служили единственным знаком именования армянской женщины в древние времена в сочетании с именем отца, а впоследствии эти слова в результате сращения образовали двусоставные антропонимы: *Вараздухт, Михрдухт* и т. д. Формант *-уи* присоединялся к апеллятиву или к основе мужского имени (*Вардуи, Дихуи, Тигра-*

нуи и т. д.) и стал антропонимическим суффиксом и грамматическим показателем женского рода. Примеры из романа «Вардананк»: *Такуи, Србуи*.

С суффиксом **-ен** в романе «Вардананк» отмечено шесть антропонимов: *Артэн, Аишкен, Вазген, Гурген, Сурен, Хорен*. Отрицательным префиксом **-ан** в романе «Вардананк» зафиксировано имя *Анаит* с общим значением «непорочная».

Выявлено пять антропонимов с древнеперсидским суффиксом **-ак**, который присоединяется к существительным. Дериваты выступают со значением ласкательности, предметности или «физически малой разновидности» и с характеризующим значением [5, с. 19]. Примеры из текстов: *Аршак* — ‘медвежонок’, *Артак* — ‘стремительный’, *Васак* — ‘свободный, самовластный’, *Зохрак* — ‘красный’.

Наиболее активным вкраплением в армянский антропонимикон явились персидские и арабские титульные компоненты **ага, хан, паша, шах, мелик, амир, мирза**, тюркский **-оглы**, постепенно утратившие свое основное назначение и оформленные в исследуемых романах в основном через дефис. В армянской антропонимической системе они представлены как препозитивные или постпозитивные элементы сложносоставных имен.

В литературном антропонимиконе романа «Раны Армении» продуктивностью отличаются антропонимы с апеллятивом **хан**: *Гасан-хан, Гусейн-хан, Джавад-хан, Джафар-хан, Зохраб-хан, Манучар-хан, Наги-хан, Садык-хан, Свангули-хан, Тавакял-хан* и т. д. Носители этих антропонимов являются персидские правители, командиры персидской армии, предводители тюркских племен. Из перечисленных только Манучар-хан — представитель известного в Тифлисе рода Ениколопянов [1, с. 198].

С компонентом **шах** отмечено два антропонима: *Ахта-шах, Надир-шах*. «Эти имена упоминаются в армянских источниках, начиная с XII–XX в. включительно» [7, с. 30]. В армянском реальном антропонимиконе, в отличие от литературного антропонимикона, данный компонент оформляется в препозиции. Словарь Гр. Ачаряна фиксирует 61 антропоним с препозитивным компонентом *шах* [4, с. 102–131].

Малочисленную группу в романе «Раны Армении» составляют трехсловные антропонимы, образованные персидскими титульными компонентами **шах** или **хан**: *Ага-Магомед-хан, Али-Кули-хан, Гасан-Али-хан, Гусейн-Али-хан, Фат-Али-шах*.

Достаточно продуктивны в антропонимиконе романа «Раны Армении» образования с персидским по происхождению компонентом **джан**, представленный в армянском языке в постпозиции в качестве эпитета к имени со значением «милый», «душенька». По мнению Т. Аветисяна мы имеем дело с отыменной морфемой, которая особенно в народно-разговорной речи часто было синонимом к суффиксу **-ик** [2, с. 146]. Примечательно, что переводчик романа Х. Абовяна «Раны Армении» С. Шервинский присоединяет данный компонент к антропониму с дефисом для придания большей эмоциональности и тональности произведения: *Агаси-джан, Вардигер-джан, Ерусалимский-джан, Муса-джан, Рипсимэ-джан, Смбагов-джан* и т. д. В оригинале вышеупомянутые антропонимы фиксируются без дефиса. В единичном случае, в песнях, посвященных главному герою романа, зафиксирована инверсированная форма *Джан-Агаси* (в оригинале — *Агаси джан*).

С апеллятивом **ага** в тексте выделены пять антропонимов: *Манук-ага, Окюз-ага, Саак-ага, Соси-ага, Саргис-ага*, с титулом **мелик** обозначены *Мелик-Саак* и *Мелик-Оганджан*, а с компонентом **мирза** в тексте образовано двухсловное имя *Абас-Мирза*. С тюркским титулом **оглы** выделены два персонажа: *Кер-оглы, Кешиш-оглы*. Кер-Оглы — полулегендарный ашуг и народный мститель. Кешиш-Оглы — ашуг (поэт-песенник), армянин по национальности [1, с. 26].

В романе «Раны Армении» большой вариативностью отмечается антропонимическая единица Саак Мелик Агамалянц — Саак, Саак-ага, мелик-Саак. При владычестве сардара Гусейн-хана он был предводителем армян и командиром армянского отряда [1, с. 156].

Армянской составляющей литературного антропонимикона романа «Вардананк» являются также образования двусловных имен с иранскими по происхождению лексемами **вараз** ‘кабан’, **асп** ‘лошадь’, **михр** ‘солнце’, **шапух** ‘царевич’. Например, *Амазасп, Вараздухт, Варазшапух, Винасп, Михрдат, Михрнерсе* и т. д. Носители этих имен в романе «Вардананк» — армянские князья, персидские цари, вельможи и др.

Заемствованные иранские имена постепенно перестают использоваться с провозглашением христианства в Армении. Интересно, что «после принятия в Персии ислама, иранские

заимствования были забыты персами и сохранились лишь в армянском языке: *Хосров, Аршавир* и т. д.» [3, с. 30].

В общий фон литературного антропонимикона романов вплетены также христианские имена, включающие несколько этнических пластов: греческий, древнееврейский, ассирийский, латинский. Армянский христианский именник больше всего пополнился за счет греческих и древнееврейских имен. Если в армянском языческом именнике преобладают древнеперсидские имена, то в христианском — греческие: *Арсен, Гевонд, Ованнес, Олимпия, Петрос, Погос, Степаннос* и т. д. Самым маленьким пластом из них является ассирийский.

При этом христианские имена, подчиняясь армянским языковым законам, так органично слились с армянскими именами, что уже не считаются чужеродными и воспринимаются как «свои». Гр. Ачарян в своем словаре приводит 55 вариативных форм древнееврейского имени *Iōhānān/Jōhannēs* (Аванэс, Вани, Ванес, Иоанн, Оганес, Ованнес, Овик, Оган и т. д.) [4, с. 537–538]. Примечательно, что когда в романе речь идет о библейских персонажах либо о священнослужителях, то греческие, латинские, древнееврейские по происхождению имена передаются на письме в русифицированной форме (*Илья* вместо *Егиа*, *Ефрем* вместо *Епрем*, *Иоаннес* вместо *Ованнес* и т. д.).

Заимствованные как простые, так и сложные греческие, древнееврейские, ассирийские и латинские имена в процессе перехода в армянский язык претерпевают ряд языковых изменений, которые касаются в основном фонетического, морфологического и лексического уровней (ассимиляции, диссимиляции, усечения, наращения, всевозможные субституции, апокопы, эпентезы и т. д.). Входя в именослов другого языка, неизменными в основном остаются основы антропонимов, которые обрастают или заменяются различными формантами или же вообще отбрасываются. Например, усечение **ος** и **ης** в греческих и **us** в латинских именах либо замена на **-ий** (*Паулос* — *Павел*, *Иоаннес* — *Иоанн*, *Маркианос* — *Маркиан*, *Захарий* — *Захар*, *Георгий* — *Геворг*, *Арсений* — *Арсен*, *Элфариос* — *Элфарий* и т. д.).

В обоих исследуемых нами романах выделены семантические кальки, т. е. заимствованные варианты одного из лексических значений иноязычного слова (обычно переносного), в результате чего появляется его новый лексико-семантический вариант. Так, греч. *Αναστασιος* соответствует армянскому *Арутюн* ‘вознесение Христа’ [4, с. 519], *Такуи*, *Дихо* соответствуют лат. *Regina* ‘царица’ [4, с. 241], *Каранет* ‘предводитель, идущий впереди царя’ (арм.) — *Προδρομος* ‘предводитель’ (греч.) [4, с. 582], *Серовбэ* (арм.) — *σεραφικ* (греч.) — *Серафим* (рус.) [4, с. 482], *Цахик* ‘цветок’ (арм.) — *Флора* (лат.) [4, с. 566], *Аракэл* — греч. *αλοστολος* [4, с. 206] и др.

В армянском литературном антропонимиконе наблюдаются не только персидские, но и русские вкрапления, являющиеся следствием активной интерференции культур русского и армянского народов. Репрезентация русских словообразовательных формантов в романе «Раны Армении» обусловлена не только грамматическими особенностями языка-посредника, но и идейно-тематической направленностью романа.

Армянские архаические фамилиеобразующие суффиксы **-уни**, **-аци**, **-еци**, а также современный компонент **-ян** в исследуемых нами романах заменяются в русском переводе суффиксами **-ов**, **-ев** (8 фамилий) и **-ский** (10 антропонимов): *Одзнийский* вместо *Одзнеци*, *Тер-Григоров* — *Тер-Григорян*, *Тамамшев* — *Тамамшян*, *Завров* — *Завриянц*, *Мокский* — *Мокаци* и т. д. В тексте: «Едва светало; нахарар *Мокский* еще спал глубоким сном, когда неожиданно его разбудили» [6, с. 70]. *Давид Тамамшев* — именитый купец *Давид Тамамшян* [1, с. 108]. Носители фамилий на **-ов**, **-ев** и **-ский** в романе «Раны Армении» в основном реальные исторические лица: русские военачальники, генералы, полковники либо армянские по происхождению мыслители, епископы, купцы, участвующие в русско-турецкой войне, служившие в русской армии. Персидский сатрап Али-хан в романе предстает как *Макинский*, святой *Могни* — *Могнинский* [1, с. 101].

Таким образом, можно отметить, что армянский литературный антропонимикон исследуемых романов характеризуется многообразием иноэтнических элементов. При этом из всех перечисленных языковых пластов высокой продуктивностью отличается персидский, что создает прецедент их значимости для армянского антропонимикона. В исследуемых романах отмечаются также своеобразные способы функционирования иноязычных вкраплений, которые зависят от идейно-тематической направленности романов, антропонимических традиций и активности культурно-исторических и политических взаимоотношений между носителями соответствующих языков.

Литература:

1. Абовян Х. Раны Армении. Скорбь патриота. Ист. роман в 3-х ч. / Пер. с арм. С. Шервинского. Ред., предисл. и примеч. П. Акопяна. — Ереван: Советакан грох, 1977. — 320 с.
2. Аветисян Т. М. Армянская фамилия. — Ереван, 1987. — 321 с.
3. Аветисян Т. М. Система армянских антропонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. — Ереван: Ин-т яз. им. Гр. Ачаряна, 1987. — 45 с.
4. Ачарян Гр. Словарь армянских личных имен в 5 т. — Ереван, 1942–1962.
5. Галстян С. А. Аффикация и аффиксы в современном армянском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. — Ереван: Ин-т яз. им. Гр. Ачаряна, 1986. — 48 с.
6. Демирчян Д. К. Вардананк. Ист. роман в 2-х книгах / Пер. с арм. А. Тадеосян, послесл. В. Налбандяна. — Ереван: Советакан грох, 1985. — 736 с.
7. Налбандян Г. М. Армянские имена иранского происхождения (культурно-историческое, этимологическое исследование). — Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1971. — 53 с.
8. Потто В. А. Кавказская война. В 5 т. Т. 3. Персидская война (1826–1828). — Ставрополь: Кавказский край, 1993. — 608 с.

Hovhannisyan Gayane

gayaneoga@mail.ru

Armenian State University of Economics

Adaptation of foreign-language elements in the Armenian anthroponymic system (based on the novels “Vardanank” by D. K. Demirchyan and “The Wounds of Armenia” by KH. Abovyan)

The article touches upon the problem of adaptation of foreign language elements in the structure of Armenian literary anthroponymic units. Dominant borrowings are revealed, examples of full or partial adaptation of foreign-language word-formation formants are given, and the peculiarities of their use in the researched novels are analyzed. The high productivity of Persian borrowings is noted, and their gradual adaptation and consolidation in the Armenian language predetermined the specifics of the representation of anthroponyms in the literary text.

Keywords: anthroponym, adaptation, foreign language elements, word-formation formant, suffix.

Язык художественной литературы как конденсатор культурной памяти. Идиосеть рассказа «Рождество» В. В. Набокова

Статья дает представление о языке как вместилище высших ценностей, культурной памяти нации, о литературе — как о высшей форме жизни языка, семиотической системе. Выделяются три функции литературы согласно Ю. М. Лотману: креативная, творческая и функция памяти. Текст понимается как конденсатор культурной памяти и генератор новых смыслов. Представлена схема построения матричной модели идиосети текста, позволяющая анализировать языковые и структурные особенности текста в единстве. Это дает возможность декодирования текстового смысла. Для анализа по представленной модели выбран рассказ В. В. Набокова «Рождество». Показана эффективность применения матричной модели идиосети, глубокого анализа языковых особенностей художественного текста. Делается вывод о приоритете языка над идеей в дискурсе В. В. Набокова.

Ключевые слова: язык, литература, матричная модель построения идиосети, В. В. Набоков.

Язык любого народа есть его историческая память, репрезентированная в слове. Важным условием сохранения национальной идентичности выступает понимание роли языка в культурной памяти народа. Русский язык является языком литературы и культуры. Литература представляется как высшая форма жизни языка, кодирующая культурные феномены и передающая их через поколения. Бережное отношение к слову у русских писателей выступает маркером человечности. Как отмечал Л. Н. Толстой, «нравственность человека видна в его отношении к слову» [10, с. 340].

Поэтому классическая литература осознается высшей ценностью, способной сохранить то, что зачастую намеренно подвергается уничтожению. Например, в повести «Сахарный ребенок» Ольги Громовой красной нитью проходит мотив культурной памяти. Спасением для ребенка от ужасов трудового лагеря становятся воспроизводимые наизусть фрагменты из Пушкина, Есенина, Языкова. Мать поддерживает свою дочь примерами из литературы: «А у тебя сейчас состояние, про которое говорят «глаза бы мои ни на что не смотрели», «белый свет не мил», верно? Это бывает, когда человек потерял надежду найти выход. Потеряла? Давай поищем вместе. Вот у Сергея Есенина есть стихи — «Не жалею, не зову, не плачу. Все пройдет, как с белых яблонь дым...». Красиво, правда? А это ведь про то, что жизнь течет и все проходит» [2].

Использование одного языка участниками коммуникации — писателем и читателем — не обеспечивает полного понимания литературного текста. Для этого «требуется еще единство языкового опыта, тождественность объема памяти» [5, с. 20]. Кроме того, литература как семиотическая система отмечена преобладанием креативной функции, которая определяет направленность сообщения (художественного текста) на код.

Вторая функция — творческая — «рассматривается в качестве универсального свойства языка» [5, с. 26] и подтверждает мысль А. А. Потебни о том, что язык есть поэзия. Ученый сравнивал «изобретение» слова, преобразования представлений в слово с игрой. Слово, будучи «еще свежим результатом апперцепции, объяснения восприятий», рождаясь, наполняет человека «таким же радостным чувством творчества, какое испытывает ученый, в голове коего блеснула мысль, освещающая целый ряд до того темных явлений и неотделимая от них в первые минуты» [9, с. 154]. Игровое начало выявляется во внутренней форме слова, которую, вслед за В. Фон Гумбольдтом, А. А. Потебня определяет как «ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» [5, с. 156], в отличие от внешней формы, которая есть «членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука» [5, с. 156].

А. А. Потенбня противопоставляет произведения поэтические (имеющие внутреннюю форму) и произведения дидактические, которые внутренней формы лишены, вследствие чего «осуждены на раннее забвение» из-за «недостатков синтеза, недостатков зародыша бесконечной (новой) определенности раз сформированного материала» [5, с. 164–165].

Ю. М. Лотман выделяет и третью функцию — функцию памяти, имея ввиду, что текст является не только генератором новых смыслов, но и «конденсатором культурной памяти». Любой текст хранит в себе память о предшествующих контекстах, таким образом, он создает вокруг себя некое семиотическое пространство, сеть связей с фрагментами культуры предшествующих эпох, предшествующих текстов. Это связано с понятием прецедентности и с именем Ю. Кристевой. Таким образом, интертекстуальность (коммуникативность) следует понимать как свойство текстов быть погруженными в коммуникативное пространство (культурное и историческое окружение), текст впитывает его, «опирается на другую структуру, либо ей противостоит» [4, с. 428]. В концепцию интертекстуальности Ю. Кристевой умещается и явление амбивалентности М. Бахтина, который заявлял: «всякое письмо есть способ чтения совокупности предшествующих литературных текстов, что всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону...» [4, с. 432]. Р. Барт понимает интертекстуальность следующим образом: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [1, с. 83].

Код в литературе направлен на читателя-созидателя, на эврику открытия, на читателя-сотворца, он отрицает получение истины в готовом виде через назидание, он противостоит пассивному восприятию готовой информации. Ю. М. Лотман отмечает опасную тенденцию современной культуры к потребительству. Так, «клиповое мышление» представителей поколения Z не позволяет им концентрироваться на информации, глубоко проникать в проблему, что затрудняет процесс декодирования текста. Ведь, как заметил В. В. Набоков, для постижения смысла художественного произведения нужно время, нужен перечитыватель: «*Пусть это покажется странным, но книгу вообще нельзя читать — ее можно только перечитывать. Хороший читатель, читатель отборный, соучаствующий и созидающий, — это перечитыватель*» [7, с. 36].

Возможно, поэтому на памятнике писателю во дворе филологического факультета СПбГУ выбита надпись: «Solus rex», что означает «одинокий король», одинокий, потому что трудно постижим, рассчитан на элитарного читателя. Однако стоит заметить, что произведения писателя появляются в школьной программе, на олимпиадах по русскому языку и литературе часто предлагают тексты Набокова.

Чем же привлекательно его творчество? Блистательный, особенный русский, «неразоренный вульгаризмами, отгороженный от стихии улицы, кристальный, усадебный» [3, с. 58] становится веским аргументом в пользу изучения творчества В. Набокова в школе. Воспитательная сила его творчества кроется в принуждении к умственному труду: «*Ум, мозг, вершина трепетного позвоночника — вот тот единственный инструмент, с которым стоит братья за книгу*» [7, с. 36], в представлении о читателе как о сотворце, в создании условий для эрики открытия.

Читатель, культурный фонд которого не совпадает с авторским, имеет возможность, встречая не находящие отклик в его сознании фрагменты идиосети текста, восполнить их, разыскать, изучить, тем самым сократив интеллектуальную границу между ним и читателем и увеличив шанс декодирования текстового смысла.

Для изучения творчества В. В. Набокова нами была разработана матричная модель построения идиосети. Она представляется как «схема трехмерного пространства, где x — это горизонталь текстового кода, самое доступное звено декодирования, место расположения узла. Здесь рассматривается нарративная структура, связанная с композиционными особенностями текста, прямые лексические значения слов (сильных позиций: повторов, заглавий, начала и конца предложения), определяются их значения по толковым словарям; y — вертикаль, глубина текстового кода. Здесь декодирование подразумевает поиск имплицитных текстовых смыслов, то есть обращение к вну-

тренней форме слова, этимологии, тропеическим конструкциям, ведущим к определению сети ассоциаций, связанных с узловым элементом; z — выход на экстралингвистический уровень, связь текста с пространством культуры, понимание его интертекстуальности. Здесь выявляются прецедентные включения, экфрасис, повторы на метатекстовом уровне. Эти элементы также сопоставляются с узлом, определяется их связь, причины включения» [6, с. 6–7]. Такая модель позволяет выявить все языковые особенности текста в их совокупности со структурой, следуя позиции самого В. В. Набокова: «Я против того, чтобы разделять форму и содержание...» [7, с. 43], определяющего текст как устройство, механизм [7, с. 48].

Возьмем для примера рассказ, относящиеся к русскоязычной прозе писателя-билингва («Рождество» (1929)), и рассмотрим наиболее значимые элементы идиосети по трем векторам.

1-й уровень декодирования. Обратим внимание на сильные текстовые позиции, так называемую раму произведения: заглавие, начало и конец текста, повторы. В первую очередь, это заглавие произведения. По мнению С. Д. Кржижановского, оно имеет предтекстовый смысл и послетекстовый, уже по прочтении. Предтекстовый смысл связан со значением слова, извлекается из толкового словаря: Рождество — «один из главных христианских церковных праздников, установленный согласно церковному вероучению — в честь рождения Иисуса Христа...» [11, с. 886].

Действительно, события, образующие нарративный план, связаны с этим праздником, действие происходит накануне Рождества, то есть в Сочельник. Это слово также встречается в тексте. Обратит внимание следует и на начало и конец рассказа. Если в начале, во втором предложении говорится о несчастье («Так бывает после больших несчастий»), то заканчивается текст словом «счастье»: «И тогда простертые крылья ... вздохнули в порыве нежного, почти человеческого счастья» [8, с. 325]. Сильной позицией является и повтор, в нашем тексте повторяются слова с корнем *-слеп-* в сочетаниях «слепительную глубину», «слепо сиял», в фамилии главного героя — Слепцов. На антитезу *несчастье* — *счастье* накладывается антитеза *слепой* — *прозревший* (на что указывает предложение «Слепцов открыл глаза» [8, с. 324]).

2-й уровень декодирования. Глубину тестового кода определяет игра с внутренним значением слова, с его этимологией. Заглавие «Рождество» по прочтении связано с церковным праздником лишь косвенно, главным является его корневое значение: рождение. В тексте это и рождение бабочки, и возрождение Слепцова, и духовное рождение умершего мальчика. Данные этимологического словаря М. Фасмера и «Исследований по этимологии и семантике» В. Н. Топорова выявляют следующие этимоны слов с корнем *-род-/рожд-*: «обнаруживать», «показывать», «открывать», что концентрирует внимание читателя на следующем текстовом смысле: герою, ослепшему от горя, открылась истина, и он прозрел. Со словом «сочельник» тоже можно поработать. Его этимологический анализ представляет две версии: сочельник от слова «сочиво» (сок из семян конопля, масло, которым сдабривали праздничное кушанье) и от слова «сочиться», что связано с рождением (у матери перед родами отходят, сочатся воды).

3-й уровень декодирования. Слово «рождество» разворачивает перед читателем и прецедентный текст — Новый Завет, история о рождении младенца Иисуса у Марии в пещере недалеко от Вифлеема. Ночью к пастухам является ангел и возвещает о рождении Спасителя. Волхвы приносят Богомладенцу дары, среди которых смирна — знак того, что Иисусу Христу предстоит умереть и воскреснуть.

Прецедентный текст накладывается на текст, его содержащий, и делает акцент на смерти и воскрешении: в конце рассказа рождение бабочки символизирует рождение души из кокона-тела, Слепцов осознает, что сыну уготована жизнь вечная и отказывается от страшного греха — самоубийства. Таким образом, чудо, случившееся рождественской ночью, помогает Слепцову преодолеть греховное уныние, мысли о смерти.

Анализ языкового материала рассказа «Рождество» позволяет не только декодировать скрытые текстовые смыслы, но и окунуться в глубины языка, истории. Язык у Набокова является высшей ценностью. Игра со словом, «углубление» его значения до этимонов, лежащих в его основе, развивают ассоциативное мышление читателя, позволяют как бы заново создать значение слова и через него определить смысловую наполненность художественного текста. Вкрапления прецедентных текстов встраивают рассказ в единое культурное пространство, отсылая к текстам предыдущих эпох и культурному багажу читателя, требуя умения сопоставлять и анализировать.

Литература:

1. Барт Р. Избранные работы: семиотика: поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — 181 с.
2. Громова О. Сахарный ребенок. — URL: <https://www.rulit.me/books/saharnyj-rebenok-read-351799-12.html> (дата обращения: 07.11.2021).
3. Из истории русской литературы XX века: Метод. пособие для учителей 11-го кл. сред. шк. / М. А. Нянковский, А. В. Леденев; Департамент образования Правительства Яросл. обл. — Ярославль: Александр Рутман, 1996. — 78 с.
4. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. — М.: РОССПЭН, 2004. — 656 с.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 416 с.
6. Мальцева Г. Ю. Игровые аспекты репрезентации макроконцепта «Жизнь» в художественном дискурсе (на материале русскоязычной прозы В. В. Набокова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2021. — 26 с.
7. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. — СПб.: Азбука-классика, 2010. — 512 с.
8. Набоков В. В. Рождество // Собр. соч.: в 4 т. — М.: Правда, 1990. — Т. 1. — С. 319–325.
9. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. — М.: Лабиринт, 1999. — 300 с.
10. Соловьев В. М. Золотая книга русской культуры. — М.: Белый город, 2007. — 559 с.
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. — М.: Альфа-Пресс, 2005. — 1216 с.

The article gives an idea of language as a receptacle of the highest values, the cultural memory of the nation, of literature as the highest form of language life, the semiotic system. There are three functions of literature according to Y. M. Lotman: creative and memory function. The text is understood as a cultural memory capacitor and a generator of new meanings. A scheme for constructing a matrix model of the idionet of the text is presented, which allows analyzing the linguistic and structural features of the text in unity. This makes it possible to decode the text meaning. V. V. Nabokov's short story "Christmas" was chosen for analysis based on the presented model. Analysis of the linguistic material of the story "Christmas". The effectiveness of the application of the matrix model of the idionet, a deep analysis of the linguistic features of the literary text is shown. The conclusion is made about the priority of language over idea in V. V. Nabokov's discourse.

Keywords: language, literature, matrix model of building an idionet, V. V. Nabokov.

От аллюзии — к аллюзивному значению слова

В статье описывается механизм функционирования аллюзии как элемента вертикального контекста художественного текста, а также механизм формирования на основе лексикализации конкретного аллюзивного факта специфического аллюзивного значения слова.

Ключевые слова: вертикальный контекст, фоновые знания, аллюзия, значение слова, аллюзивное значение слова.

В современной филологической науке аллюзия определяется как отсылка к прежде известному, взятому в своей единичности факту (протосистеме), сопровождающаяся парадигматическим приращением метасистемы, то есть «вертикализацией» смысла, углублением всех семантических элементов художественной структуры [1, с. 3]. Аллюзия принадлежит одновременно двум художественным системам — исходному и вторичному тексту, и благодаря этому является одним из важнейших средств создания и выявления вертикального контекста художественного текста.

Функционирование аллюзии в тексте литературного произведения подчинено закономерностям аллюзивного процесса, предполагающего рассмотрение данного филологического приема в качестве средства взаимосвязи, взаимодействия, взаимопроникновения содержания литературного источника и произведения, содержащего аллюзию. Иногда смысл аллюзии в достаточной степени проясняется лишь в контексте всего произведения. Нередко аллюзивный процесс (или совокупность аллюзивных процессов) выступает в качестве основного средства раскрытия образа литературного персонажа, служит средством выражения авторского мировоззрения. Вспомним, например, как много аллюзий, цитат в текстах чеховских пьес «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры». Аллюзивность, цитатность слов и действий подчеркивает, что чеховский герой живет в старом, давно сложившемся мире. Прием аллюзии помогает читателю понять подтекст чеховских пьес, понять чеховского героя — «призрачность существования, оторванного от реальной жизни» [2, с. 36]. Обращение к аллюзии позволяет автору выразить свое отношение к герою; причем, он не говорит об этом прямо, а подводит читателя к своим мыслям опосредованно, через создание аллюзивного образа.

Аллюзивный процесс и, соответственно, процесс понимания аллюзии имеет сложный, неоднородный характер, — характеризуется двойственной природой: избирательность сочетается в этом процессе с восприятием более полного объема содержания текста-источника. С одной стороны, из всего содержания протослова читателю надлежит выбрать то, что имел в виду автор более позднего текста, конкретный аллюзивный факт, составляющий основу аллюзивного образа. С другой стороны, использование аллюзии в тексте только тогда становится средством создания яркого, впечатляющего образа, когда через нее высвечивается богатство содержания всего текста-источника. Иными словами, полнота аллюзивного образа находится в прямой зависимости от фоновых знаний читателя, его предтекстовых знаний. Понимание аллюзии тем глубже, чем ближе знакомо читателю содержание соответствующего, исходного, литературно-художественного произведения.

Двойственность аллюзивного процесса сохраняется и в тех случаях, когда аллюзия перестает быть филологическим приемом и становится фактом языка. Речь идет о формировании на основе лексикализации конкретного аллюзивного факта (или целого ряда фактов) специфического — аллюзивного — значения слова. Анализ разнообразного словарного материала показывает, что в русском языке существует большая группа слов, лексическое значение которых сформировалось на основе той или иной аллюзии. Сам факт включения этих слов в толковые словари свидетельствует об относительной устойчивости их значений и, естественно, предполагает известность соответствующей лексической единицы более или менее обширной части носителей языка. Источники литературных аллюзий, послужившие основой для формирования новых лексических значений, разнообразны: это и — в подавляющем большинстве случаев — античная мифология (фортуна,

фурия, цербер, сфинкс, геркулес, химера и др.), и Библия (иуда и др.), и классическая литература (золушка, тартюф, донкихот, одиссея и др.). Фактами языка становятся не только отдельные слова, но и лексикализованные словосочетания (ахиллесова пята, дамоклов меч, прокрустово ложе, вавилонское столпотворение, калиф на час и др.). Одни и те же слова с аллюзивным значением можно найти в разных языках. Значения этих слов нередко совпадают (в тех случаях, когда источниками лексикализованных фактов послужили античная мифология или Библия). Например, «Argus» в английском, французском языках и «аргус» в русском языке. Среди аллюзивных лексических значений, источником которых послужила классическая литература стран Западной Европы, случаи полного совпадения соответствующих значений в разных языках весьма редки. Однако, несмотря на естественные различия, между аллюзивными значениями одного и того же по происхождению слова в разных языках обнаруживаются и сходные, родственные черты (ср. значение слова «золушка» в русском, английском и французском языках).

Формирование аллюзивного значения слова происходит в процессе того, как смысл аллюзии становится ясным, понятным практически каждому носителю языка. При этом ассоциация, связанная с тем или иным литературным, мифологическим или библейским персонажем, образом, эпизодом, становится устойчивой. В результате многократного воспроизведения в одном и том же аллюзивном смысле соответствующий аллюзивный факт входит в сознание всех носителей языка и начинает выступать в качестве постоянного компонента их фонового знания. Аллюзивный факт становится понятийным центром, ядром сформировавшегося на его основе аллюзивного значения слова. Однако аллюзивное значение слова не сводится к его понятийному центру, — оно гораздо шире и глубже лексикализованного аллюзивного факта, зафиксированного в словаре. Семантическая структура аллюзивного значения предстает в виде понятийного центра, ядра (конкретного аллюзивного факта) в окружении аллюзивной оболочки (своеобразной периферии аллюзивного значения слова), способной расширяться или сужаться в зависимости от фоновых знаний носителя языка. Объем аллюзивного значения слова может уменьшаться не только вследствие недостаточности фонового знания носителей языка, но и в силу частого употребления слова, в результате чего аллюзивный образ (своеобразная внутренняя форма слова) становится трудноразличимым или стирается, как, например, у слов «гигант», «меценат», «ментор».

Несомненно, слова с аллюзивным значением представляют собой особую группу слов в языке, основная специфика которых состоит в том, что реализация аллюзивного значения слова в каждом конкретном случае зависит от фоновых знаний носителя языка. Лексикализация аллюзивного факта сопровождается определенными языковыми трансформациями. В частности, если это литературная аллюзия, то наблюдается переход имени собственного в нарицательное. Имя персонажа перестает служить обозначением конкретной личности и начинает выполнять иную функцию — именовать тип: психологический, эмоциональный, социальный. Обобщающая сторона образа выступает при этом на первый план, а индивидуальные его характеристики подавляются.

Следует отметить, что в каждом языке, помимо общих с другими языками слов с аллюзивным значением, имеется свой собственный аллюзивный фонд. Примерами таких слов в русском языке могут служить слова «хлестаков», «плюшкин», «молчалин», «манилов», «обломов» и др., каждое из которых имеет свои дериваты (например, со значением «типология явления»: хлестаковщина, маниловщина, обломовщина, плюшкинство и др.), что свидетельствует о высокой степени лексикализации, устойчивости понятийного ядра данных слов.

Приведенные примеры убеждают в обоснованности еще одного вывода: наибольшей степенью лексикализации обладают именно сатирические образы. Обладая яркой оценочной характеристикой, они тяготеют к семантическому расширению, типизации. Создаваемые на основе таких сатирических образов обобщенные понятия используются как готовые оценочные эмблемы, своеобразные индикаторы социально-нравственного портрета общества.

Примечательно, что одной из ярчайших тенденций развития современного русского языка является так называемое аллюзивное словообразование, свойственное прежде всего языку современной периодики. Многие из таких слов, являясь словами, фразами дня (однодневками), так и остаются примерами окказионального словообразования. Например, «гайдарономика», «чубайсер», «ельцинизм». Так, слово «Трамп» — самое активное слово 2017 года — стало источником множества окказиональных новообразований (например, «ТРАМПомания» и др.). Скрытые и прямые, пере-

фразированные и цитируемые ссылки требуют постоянного пополнения фонового знания, без чего понимание подобных слов, фраз затруднено, поэтому они теряются в общем потоке информации. Единственная ценность таких новообразований состоит в том, что они создают языковой портрет времени, служат своеобразными скрепами языка и социума определенного периода.

Литература:

1. Евсеев А. С. Основы теории аллюзии (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1990. — 15 с.
2. Ким Г. В. О семантике некоторых парцелированных конструкций в пьесе А. П. Чехова «Три сестры» // Индивидуальность автора и контекст: сборник статей. — Алма-Ата, 1992. — С. 35–40.
3. Крутова Е. Ю. (Остертаг Е. Ю.) Вертикальный контекст и формы его реализации в пародийном тексте: дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 1998. — 267 с.
4. Машкова Л. А. Аллюзивность как категория вертикального контекста // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. — 1989. — № 2. — С. 25–33.

Ostertag ElenaYurievna

find.ling@mail.ru

Yaroslav the Wise Novgorod State University

From allusion to allusive meaning of the word

The article describes the mechanism of functioning of allusion as an element of the vertical context of a literary text, as well as the mechanism of formation on the basis of lexicalization of a specific allusive fact of a specific allusive meaning of a word.

Keywords: vertical context, background knowledge, allusion, word meaning, allusive word meaning.

Вертикально-контекстуальные средства реализации иронической модальности, пародийного эффекта в художественном тексте

В данной статье рассматривается понятие вертикального контекста как важнейшая функционально-смысловая категория художественного текста; анализируются средства вертикального контекста применительно к реализации иронической модальности в тексте; описывается механизм выявления вертикально-контекстуальной информации в пародийном тексте, для которого данная категория — вертикальный контекст — является текстообразующей.

Ключевые слова: вертикальный контекст, ироническая модальность, референция, интертекстуальность, аллюзия, аллюзивные цитаты.

Проблема вертикального контекста (далее ВК) как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике активно разрабатывается с конца 1970-х годов. Приоритет в разработке данного понятия в отечественной науке принадлежит О. С. Ахмановой и И. В. Гюббенет [1]. Еще ранее В. В. Виноградов высказал мысль о том, что «...так как художественное произведение включается в широкий контекст литературы — как предшествующей, так и современной, то осмысление многих речевых и стилистических явлений в структуре художественных произведений невозможно вне этого контекста и его конкретно-исторических своеобразий» [2, с. 292].

В настоящее время в сферу исследований понятия ВК вовлечен широкий круг вопросов: основные категории ВК; соотношение ВК и фоновых знаний; связь ВК с проблемами интертекстуальности; ВК и жанр литературного произведения; ВК и образ автора и др. В нашем понимании, ВК в художественном тексте представляет собой функционально-семантическую категорию, отражающую процесс формирования, приращения смысла, который может быть воспринят читателем через определенные, строго связанные с жанром произведения формы представленности [3]. Категория ВК проявляет себя по-разному в зависимости от жанра литературного произведения. Наиболее важны элементы ВК как средства реализации иронической модальности в тексте, как средства пародирования, что является предметом рассмотрения в данной статье.

Ирония как тип коммуникативного поведения, в отличие от ситуаций, не задающих ироническую окраску, опирается на более сложные референционные построения. В процессе формирования иронического смысла используется варьирование референций, когда задается несколько референционных отсылок, причем полностью противоположных, полярных. Одна из них поддается контекстом, другая задается высказыванием. Читатель, адекватно воспринимающий интенции автора, должен почувствовать это искусственное несовпадение референций. И только в том случае, если высказывание прочитано с двумя референционными отсылками, оно приобретает ироническую окраску. Таким образом, формирование иронического смысла в тексте планируется автором, актуализируется в соответствии с заранее обдуманым планом, т. е. находится в тесной зависимости от способа организации текста.

Типы иронии (ситуативная и ассоциативная) реализуются в специфически организованных контекстах, по-разному воплощают коммуникативное задание, поэтому и создают отличающиеся друг от друга структуры текстов. Если ситуативная ирония зависит лишь от линейного, горизонтального контекста, то ассоциативная — поскольку это скрытый, тонкий тип иронии — зависит не только от горизонтального, но и от вертикального контекста, создается за счет их соотношенности, соприкосновения.

Наиболее интересным, продуктивным видом такой ассоциативной иронии на уровне текста является цитационная ирония, поскольку ее присутствие в тексте всегда достаточно ощутимо, не остается незамеченным. Применительно к реализации иронии в литературном произведении цитационными принято считать такие иронические высказывания, которые представляют собой цитацию, более или менее удаленное «эхо», намек на другое, неироническое высказывание.

Из всех подвигов цитационной иронии — диалогической цитации, авторского цитирования, несобственно-прямой речи как конструкции цитационного типа, аллюзий, включая так называемые аллюзивные цитаты, — именно последние (аллюзии) наиболее сложны, непосредственно связаны с категорией интертекстуальности, являются важнейшими средствами ВК произведения. Функционирование категории ВК определяется способностью аллюзии самостоятельно создавать подтекст. В случаях с аллюзивной иронией совершенно необходимо обращение к фоновым знаниям различного рода, что зависит от типа аллюзии. Для реализации даже сравнительно простых случаев аллюзивной иронии необходимы экстралингвистические знания — знания исторических фактов, географии и пр.

Например: «Теперь я понял причину своей тревоги, она оказалась простой. Неподалеку от нашего столика я заметил свисающий с потолка горшочек с каким-то растением, сползающим по краю посуды курчавой пенкой зелени. Горшочек висел на шпагате, крепость которого не внушала ни малейшего доверия. Он шатался и неистово раскачивался по ходу поезда, как некое вегетарианское паникадило. ... Я оглядел потолок и увидел еще полдюжины горшочков, танцующих в воздухе... Я понял, что *этот висячий садок Семирамиды* грозит не мне одному, и немного успокоился» (Ф. Искандер. Попутчики).

Авторская ирония при описании цветочных горшков, свисающих с потолка вагона, реализуется разными способами, но наиболее ярким средством — не случайно в завершении описания — является аллюзия. Только достаточные фоновые знания — об ассирийской царице Семирамиде и о том, чем знаменит ее сад, признанный одним из чудес света, — позволяют ощутить ироничность сравнения цветочных горшков, свисающих с потолка вагона, с висячими садами ассирийской царицы. Иронический эффект достигается не только стилистическими средствами, но и за счет включения аллюзии в один синонимический ряд с оценочным сравнением, а также за счет деформации аллюзивного знака.

Более сложна аллюзивная ирония, непосредственно связанная с категорией интертекстуальности, когда данный текст включает элементы ранее созданных текстов. Декодирование такого рода иронии предполагает наличие у читателя широких историко-филологических знаний. Наиболее часто в создании аллюзивной иронии используются библейские, мифологические и литературные тексты, знание которых необходимо читателю, чтобы уловить иронический смысл. Приведем в качестве примера отрывок из романа-анекдота В. Н. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»:

«— Куда ты бежишь, *Афродита*? — закричал он ей вслед. — Вернись, тебе говорят. Не выставляй перед народом и себя, и меня на позорище. Эй, *Афродита*!

Афродита остановилась, обернулась и зло закричала ему в лицо:

— Да какая ж я тебе *Афродита*? Фроська я, понял, обормот выслухий, Фроська!»

Ирония создается в данном случае за счет необычной формы обращения по имени богини красоты (Афродита) к героине романа-анекдота с простым именем, да еще и воспроизведенным в сниженном варианте (Фроська). Контраст аллюзии со сниженным разговорно-бытовым контекстом создает вполне определенную насмешливо-ироническую модальность, которая в свою очередь усиливается за счет экспрессивной цитации («Да какая ж я тебе *Афродита*?»), выражающей негативную реакцию Фроськи на реплику Гладышева.

Непременное условие функционирования аллюзии как стилистического приема — ее узнаваемость, иначе употребление аллюзии лишено смысла. Из всех разновидностей аллюзии наиболее узнаваемыми, «прозрачными» являются прямые (цитатные) аллюзии к тому или иному произведению. Возможности таких — цитатных — аллюзий в выражении иронии в тексте особенно велики. Так, например, цитированием отрывка стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» реализуется иронично-насмешливое отношение героя рассказа Ф. Искандера к своему сопернику:

«Капитан был парнем лет двадцати семи — возраст, который тогда казался мне для любви безнадежно запоздалым. Пожалуй, настолько преклонным, что при случае можно было, почтительно приподняв и тряхнув ладонью медали на его груди, спросить:

Скажи-ка, дядя, ведь недаром

Москва, спаленная пожаром,

Французу отдана?» (Ф. Искандер. Стоянка человека).

Иронический эффект усиливается в тех случаях, когда цитатность подчеркивается кавычками. Таким наглядным способом достигается дистанцирование двух контекстов.

Например: «— Когда это кончится?! — простонала Галя Бойкова, которую в театре называли «поющей актрисой». У нее было и более длинное прозвище: “*Так пойди же попляши!*”» (А. Алексин. Действующие лица и исполнители).

Использование аллюзии как средства выражения иронии основывается на общей для произведений искусства тенденции к их застыванию, превращению в штампы, переходу из области содержания в область кода. Для иронии же характерно своеобразное «перекодирование кода», т. е. способность одних текстов передавать свои признаки другим, создавая тем самым новые смыслы. Аналогичным образом «перекодируется» и цитата из басни И. А. Крылова в новом для нее контексте.

Узнаваемость, «прозрачность» элементов ВК в тексте во многом зависит от того, введены они в сохраненном, «первозданном» виде, или же намеренно автором искажены. Деформация аллюзий и цитат, будь то в авторской речи или в речи персонажа, всегда стилистически значима. Уже в самом выборе материала для цитирования выявляется авторская субъективно-оценочная позиция. Еще более выпуклой она становится в случае намеренной деформации цитат, что всегда используется для подчеркивания, усиления иронического эффекта.

Так же, как деформация цитат, стилистически значимо и комментирование их автором. Причем, если при деформации цитат авторская оценка выражается имплицитно, то при их комментировании она налицо.

Например: «*Труд облагораживает человека. Правда, смотря какого...*» (В. Н. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Внешне комментирование цитат создает иллюзию более тесного слияния авторской и цитатной речи, но на самом деле они контрастно противопоставлены друг другу, что способствует созданию иронического смысла. В приведенном примере цитата и ее комментирование служит не просто средством создания иронии, но и выполняет более сложную функцию — выявляет концептуально-важную авторскую позицию. Как известно, в конце 1960-х годов В. Н. Войнович принимал активное участие в движении за права человека, и за сатирическое изображение советской действительности писатель подвергался преследованию, а в 1974 году был исключен из Союза писателей СССР.

Элементы ВК структурно могут быть представлены в тексте неравноценными в лингвистическом плане языковыми единицами: словом, словосочетанием, предложением. Это могут быть и более крупные отрезки текста. Параллели в сюжете, ситуациях также могут быть аллюзивными, если они удовлетворяют критериям аллюзивного процесса. Это, во-первых, определенная направленность, т. е. отсылка к конкретному произведению; во-вторых, сознательное подчеркивание автором аллюзивной связи между двумя текстами; в-третьих, как результат двух предыдущих условий, сложное и многоплановое взаимодействие между произведениями, когда может возникнуть целый ряд дополнительных связей — аналогий или же, напротив, антитез; наконец, известность аллюзивного факта читателю, наличие у него соответствующих фоновых знаний, необходимых для декодирования аллюзии.

Роль сюжетных, ситуационных аллюзий состоит «в деформации референтной ситуации, понимаемой как одна или несколько сюжетных линий художественного текста» [4, с. 44]. Аллюзии этого типа также играют важную роль в реализации иронической модальности в тексте.

Выражение иронии часто осуществляется за счет смешения регистров, стилей речи, непосредственно связанного по своим сущностным характеристикам с основной категорией ВК — категорией аллюзивности, интертекстуальности. Как и в аллюзивном процессе, когда происходит сопоставление кодов двух произведений, при смешении стилей наблюдается деформация старого кода, он приспособляется к выполнению нового коммуникативного задания. В литературных произведениях этот прием выражения иронии очень эффективен. Вспомним произведения М. Зощенко, в которых можно найти много примеров пародирования барской речи, или сатирическую повесть А. Платонова «Город Градов», где пародируется канцелярит, необоснованно используемая официально-деловая речь.

Следует подчеркнуть, что категория ВК наиболее релевантна для пародийных текстов, которые по своей природе содержат установку на переосмысление исходного текста. Особенность функ-

ционирования категории ВК в пародийном тексте состоит в том, что, в отличие от обычных — непародийных — произведений, в пародии с данной категорией связан основной смысл текста. Категория ВК в пародии выполняет текстообразующую функцию. Пародийный смысл актуализируется в условиях органичного взаимодействия первого и второго планов пародии, выявляющего «несовпадение» идейно-художественных контекстов — пародируемого и пародирующего. В результате такого взаимодействия создается так называемый «третий план» пародии, в котором и реализуется ее основной — пародийный — смысл. Скрытая, глубинная, имплицитная информация возникает в пародийном тексте в результате его вертикальной осцилляции, т. е. вычленения в нем информативной составляющей «от пародируемого автора» и со-противопоставления последней с информативной составляющей «от пародиста» [3].

Особенность функционирования категории ВК в пародийном тексте определяется способностью аллюзии самостоятельно создавать подтекст. Лингвистический механизм создания пародийного эффекта заключается в переосмыслении аллюзивных знаков (элементов, принадлежащих одновременно двум контекстуальным средам — пародирующей и пародируемой) и приращении дополнительных эмотивно-оценочных коннотаций. Категория ВК в пародийных текстах практически не имеет ограничений для своего выражения, — пародия позволяет выявить максимальный набор возможных форм реализации вертикально-контекстуальной информации, с помощью которых достигается пародийный эффект. Это не только различные внутритекстовые формы, которые могут существовать на разных текстовых уровнях, но и эпитекстовые формы (заглавие, эпитафия). Однако самыми широкими возможностями для представления вертикально-контекстуальной информации пародии обладает аллюзивное слово.

Например: в пародии А. Иванова на Е. Евтушенко «Панибратская ГЭС» «говорящим» является не только заглавие; используются различные внутритекстовые формы реализации пародийного смысла, и важнейшая роль в этом принадлежит деформированной аллюзивной цитате:

Пройду я с Блоком мимо столиков,
Туда, где скреперы ворчат,
И женщины с глазами кроликов
«In Женя veritas» — кричат.

Литература:

1. Ахманова О.С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. — 1977. — № 3. — С. 47–54.
2. Виногадов В. В. Язык художественного произведения // Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. — М.: Высшая школа, 1981. — 320 с.
3. Крутова Е.Ю. (Остертаг Е. Ю.) Вертикальный контекст и формы его реализации в пародийном тексте: дис. ... канд. филол. наук. — Алматы, 1998. — 267 с.
4. Христенко И. С. К истории термина «аллюзия» // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. — 1992. — № 4. — С. 43–49.

Ostertag ElenaYurievna

find.ling@mail.ru

Yaroslav the Wise Novgorod State University

Vertical-contextual means of realization of ironic modality, parody effect in a literary text

This article examines the concept of vertical context as the most important functional and semantic category of a literary text; analyzes the means of vertical context in relation to the implementation of ironic modality in the text; describes the mechanism for identifying vertical contextual information in a parody text, for which this category — vertical context — is text-forming.

Keywords: vertical context, ironic modality, reference, intertextuality, allusion, allusive quotations.

Роль русского языка в практическом курсе перевода с первого иностранного языка

В статье предложен сопоставительный анализ переводов английского текста на русский язык с точки зрения сочетаемости слов в предложении, а также грамотного применения русского языка в практическом курсе перевода магистрантами вуза. Главным мотивирующим фактором в совершенствовании навыков владения родным языком является осознание трудностей, связанных с использованием русского языка в переводах, и нахождением правильной стратегии перевода текста на русский язык.

Ключевые слова: перевод, трудности, русский язык, обучающийся в вузе.

Потребность в совершенствовании знания русского языка в процессе обучения письменному переводу текстов с английского языка на русский язык обусловлено низким уровнем владения русским языком студентами и магистрантами вузов. Основные трудности зачастую представляет не иностранный текст, а собственный русский текст. Прежде всего, это относится к выбору слов, фраз, согласованию времен в предложении. Главным мотивирующим фактором в данном процессе является осознание проблем в орфографии, лексическом многообразии, синтаксических конструкциях, понимании смысла переводимого текста.

В методике обучения иностранным языкам двадцатого века отмечалось: «Овладение чтением на английском языке формирует у детей культуру чтения, умение внимательно вчитываться в слова, предложения, текст, а не скользить по поверхности, что нередко можно наблюдать у них при чтении на родном языке» [1, с. 29]. Изучение иностранного языка на начальном этапе сопровождается заданиями на перевод слов, простых предложений, небольших по объему текстов. Безусловно, читая текст на английском языке начального уровня, учащийся способен переводить его на русский язык, хотя целенаправленно школьников не обучают технике перевода с изучаемого языка на родной. Как правило, использование учебников по английскому языку иностранных авторов не предусматривает заданий на перевод текстов. Такой подход к обучению иностранному языку приводит к тому, что перевод оригинального текста средствами русского языка вызывает затруднения у обучающихся в вузе студентов и магистрантов. Важно отметить необходимость формирования у обучающихся словарного состава русского высказывания и правильной сочетаемости слов в предложении при переводе текстов с английского языка на русский язык.

Для преодоления трудностей перевода отдельных слов и словосочетаний обучающимся переводу необходимо представить пошаговую схему работы с текстом. Первый этап такой работы включает в себя знакомство с текстом, чтение текста и дословный перевод незнакомых слов. Если дословный перевод невозможен, следует применять различные приемы переводческих преобразований, которые включают в себя «лексико-грамматические» и «структурные трансформации», подробно описанные специалистами по практике перевода. И. В. Полуян обращает внимание на то, что «для обучающегося переводу, практикующего переводчика и преподавателя перевода интерес представляют не столько так называемые однозначные соответствия слов и фразеологизмов (нахождение которых — операция достаточно тривиальная при наличии словарей и справочников), сколько их отсутствие, и не столько непонимание синтаксической структуры оригинала, сколько трудности с переупаковкой влилингвистической информации оригинала в подходящую синтаксическую структуру языка перевода» [2, с. 8]. По мнению Е. В. Бреус, такие проблемы с переводом на русский язык могут быть решены «только при переключении в режим сознательной аналитической работы» [3, с. 166].

Практический курс перевода с первого иностранного языка в гуманитарном вузе предусматривает как перевод отдельных предложений, так и текстов на русский язык. Для практического перевода магистрантам был предложен текст, рекламирующий учебник *Side by Side Plus* в брошюре “Pearson ELT” [4, с. 3]. Прежде чем начать переводить текст, обучающиеся ознакомились

с предложенной последовательностью работы с текстом: чтение текста и анализ текста с точки зрения первого его восприятия; выяснение значений неизвестных слов в англо-русском словаре. Следующим шагом было рассмотрение текста на уровне основных единиц: слово — предложение — связный текст. Для выявления трудностей, с которыми встретились магистранты при переводе с английского языка на русский язык, проанализируем переводы английского предложения с точки зрения правильности сочетаемости слов в предложении: «*Side by Side Plus integrates English language and civics at all instructional levels to build learners' knowledge of US government and history and to promote their active participation in community life*» (см. таблица 1):

Таблица 1. Варианты переводов английского предложения на русский язык магистрантами гуманитарного вуза

<i>Side by Side Plus integrates English language and civics</i>	А: Учебник <i>Side by Side Plus</i> объединяет в себе информацию об Английском языке и гражданском праве
	Б: <i>Side by Side Plus</i> объединяет язык и гражданское право
	В: <i>Side by Side Plus</i> объединяет английский язык и гражданское право
	Г: Серия учебников «Бок о бок» сочетает в себе изучение английского языка наряду с гражданским правом
	Д: <i>Side by Side Plus</i> на всех уровнях совмещает изучение английского языка и гражданского права
	Е: <i>Side by Side Plus</i> объединяет знание английского языка и общественного строя
	Ж (Болгария): <i>Side by Side Plus</i> интегрирует английский язык и гражданское общество
at all instructional levels	А: для всех уровней обучения
	Б: на всех организационных уровнях
	В: на всех организационных уровнях
	Г: –
	Д: –
	Е: на каждом образовательном уровне
	Ж (Болгария): на всех уровнях обучения
to build learners' knowledge of US government and history	А: чтобы обеспечить учащихся знанием о правительстве США и истории страны
	Б: чтобы сформировать у учащихся знания о правительстве и истории США
	В: с целью обучения учащихся на факультетах правительства Соединенных Штатов и истории
	Г: с целью углубления знаний обучающихся о правительстве и истории США
	Д: вырабатывая у учащихся понимание американской истории и государственного устройства
	Е: с целью развития у обучающихся знаний в области государственной власти и истории США
	Ж (Болгария): чтобы построить знания учащихся о правительстве и истории США

and to promote their active participation in community life	А: а также чтобы подтолкнуть их к активному участию в ее общественной жизни
	Б: и способствовать их активному участию в жизни общества
	В: а также с целью поспособствовать активному участию в общественной жизни
	Г: а также их побуждения к активному участию в общественной жизни
	Д: и тем самым стимулирует их активное участие в общественной жизни
	Е: и привлечением к участию в общественной жизни государства
	Ж (Болгария): и поощрить активное участие в общественной жизни

Комментарий: таблица 1 показывает частотность употребления таких русских слов, как «объединяет» (в четырех переводах), «сочетает» (в одном переводе), «совмещает» (в одном переводе), «интегрирует» (в одном переводе) при переводе английского слова «integrate». Перевод словосочетания «instructional levels» представлен следующими вариантами: «уровни обучения» — два перевода, «организационные уровни» — два перевода, «образовательный уровень» — один перевод, в двух работах перевод данного словосочетания отсутствует; сочетание слов «to build learners' knowledge» получило семь различных переводов на русский язык: «чтобы обеспечить учащих знаниями», «чтобы сформировать у учащихся знания», «с целью обучения учащихся на факультетах», «с целью углубления знаний», «вырабатывая у учащихся понимание», «с целью развития у обучающихся знаний», «чтобы построить знания учащихся». При переводе «to promote their active participation» были предложены следующие сочетания слов на русском языке: «чтобы подтолкнуть их к активному участию», «способствовать их активному участию», «с целью поспособствовать активному участию», «их побуждения к активному участию», «стимулирует их активное участие», «привлечением к участию», «поощрить активное участие».

Таким образом, таблица 1 демонстрирует варианты переводов, при написании которых возникли переводческие трудности еще на начальном этапе работы с текстом. Возможно, не все магистранты осознали эти трудности, поскольку англо-русский словарь предлагает именно такие варианты перевода английского слова *integrate*, которые были использованы в разных вариантах перевода. Словарь Мюллера предлагает следующие значения для английского глагола *integrate*: 1) составлять целое; объединять; 2) определять среднее значение или общую сумму; 3) (в математике) интегрировать [5, с. 333]. При этом «Словарь сочетаемости слов русского языка» предлагает для глагола *объединять* сочетания *кого-что* (людей, рабочих, сотрудников, детей, учащихся, нас, их, всех, молодежь, классы, группы, какие-либо кружки, институты, колхозы, усилия, силы); *кого-что во что* (в одно целое, в организацию, в союз, в какую-либо группу); *кого-что-л.* с какой целью с предлогом «для» (для совместной общей работы, для борьбы); *кого-что-либо* на каких-либо началах, на каких-либо условиях [6, с. 332]. В пяти переводах, которые представлены в таблице 1, был использован дословный перевод английского слова *integrate*, в двух других переводах магистранты обратились к близким по значению словам *сочетать в себе* и *совмещать*. При этом, ни один перевод не передал истинного назначения рекламируемого учебника, в котором, безусловно, идет речь о метапредметной роли английского языка в образовательном процессе. Поэтому в переводы на русский язык необходимо было внести поясняющее добавление об учебнике, в котором содержится лингводидактическое сопровождение общеобразовательной дисциплины, относящейся к области юридического права. О современном направлении в совершенствовании знаний в области русского языка, иностранных языков и их роли в процессе освоения других дисциплин, студенты и магистранты могли бы ознакомиться на начальном этапе обучения в вузе. Перевод английского словосочетания *at all instructional levels* (см. таблица 1) фразой на русском

языке «на всех организационных уровнях» был бы правильным, если бы речь шла об инструкциях внутри компании, а не об этапах обучения. Из всех переводов словосочетания *to build learners' knowledge* наиболее правильным можно считать для усваивания полученных знаний, так как глагол *сформировать* из другого предложенного варианта перевода, как правило, применяется со словами *навыки и умения* [7, с. 370]. В заключительной части английского предложения речь идет о том, что «полученные знания позволяют осуществлять успешное речевое общение», что и является целью изучения любого языка.

Проведенный анализ переводов с английского языка на русский язык показал, что главным мотивирующим фактором в совершенствовании навыков владения родным языком является осознание трудностей, связанных с использованием русского языка в переводах текстов с иностранного языка. Прежде всего, трудности связаны с пониманием смысла слов и выражений в составе отдельного предложения. Для преодоления переводческих трудностей следует более активно использовать не только англо-русские словари, но и словари сочетаемости слов, толковые, фразеологические, словари синонимов, словари речевых неправильностей и многие другие. Важно для начинающих переводчиков обратиться для ознакомления к образцам переводов на русский язык, сделанных опытными переводчиками, которые помогут проанализировать разные варианты переводов.

Литература:

1. Рогова Г. В., Верещагина И. Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе. — М.: Просвещение, 1988. — 224 с.
2. Полуян И. В. Очерки по практике перевода с английского языка на русский и с русского языка на английский. — М.: Р. Валент, 2019. — 148 с.
3. Бреус Е. В. Введение в теорию и практику письменного англо-русского перевода (на материалах публицистических текстов). — М.: МГЛУ, 2013. — 282 с.
4. Person ELT. — URL: www.personelt.com/sidebysideplus
5. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь / Под ред. М. М. Маковского. — М.: Словари.ру, 2008. — 739 с.
6. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — М.: Русский язык, 1983. — 688 с.
7. Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. — М.: Астрель, 2008. — 746 с.

Dobrovolskaya M. G.

marindo14@yandex.ru

Russian state university for the humanities

The role of Russian language in the practical course of translation from the first foreign language

This article analyzes the translations from English into Russian language from the point of view of correctness of Russian language used by undergraduate students in the practical course of translation. The main motivated factor in mastering Russian language could be the process of overcoming difficulties by using the right strategy of translation from English into Russian language.

Keywords: translation, difficulties, Russian language, undergraduate students.

Препозитивная придаточная условия как культураносный компонент поэтического текста

В статье рассматриваются конструктивные возможности поэтического синтаксиса в выражении значения обусловленности, которое представлено как взаимосвязанность условия и следствия в процессе осмысления окружающего мира. Исследование проведено на материале текстов культуры, к которым принадлежат стихи русского национального поэта, отразившего в своем творчестве эволюцию взглядов на все происходящее вокруг. Объектом исследования являлись конструкции, оформленные как сложноподчиненное предложение с препозитивной придаточной частью условия.

Ключевые слова: тексты культуры, поэтический синтаксис, препозиция, взаимообусловленность, дифференцирующий союз.

Язык как отражение культуры народа находится в постоянном развитии. Этот процесс в разные периоды характеризуется всплеском интереса к новым явлениям и погружением в уже известные, но открывающиеся в неожиданном или логично-обусловленном качестве. Все это стимулирует исследования, направленные на изучение языковых единиц с разных позиций, которые соответствуют задачам рассмотрения их в ракурсе познавательных-оценочных задач. В соответствии с этим язык предстает во всем богатстве своего проявления и использования. И если учесть замечание Э. Бенвениста, что «мы мыслим мир таким, каким нам оформил его сначала наш язык» [1, с. 36], то становится вполне объяснимо, почему так актуальны исследования языковой картины мира. При этом сама языковая картина мира предстает как «коллективный продукт миропонимания отдельных языковых личностей» [2, с. 161], когда все познанное «находит отображение в языке, прежде всего в семантике и грамматических формах» [2, с. 161].

Такое понимание языка характерно для лингвокультурологии, которая предстает как «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании» [3, с. 37]. Соответственно, лингвокультурология нацелена на описание «обыденной картины мира в этом виде, как она представлена в повседневной речи носителей языка, в различных дискурсах и разных (вербальных и невербальных) текстах культуры» [4, с. 29]. К текстам культуры относятся как живые коммуникативные процессы, так и литературный, философский, религиозный, фольклорный дискурсы [5, с. 6]. Именно они служат источником культурной информации.

В лингвокультурологии человек рассматривается прежде всего как создатель текстов культуры. Он и носитель накопленной информации об окружающем мире и ее интерпретаторов. В этом качестве человек пытается растолковать, объяснить, раскрыть смысл чего-либо, пропустив через себя свой опыт, свои знания, свое восприятие мира и его оценку. А если таким человеком выступает поэт, со своей поэтической картиной мира, с образным мышлением, то созданные им произведения, в плане воплощения культурных ценностей, становятся достаточно притягательным объектом для анализа использованных в них языковых единиц.

Следует отметить, что среди языковых единиц исследования чаще выступают слова, которые рассматриваются в объеме их языковой и внеязыковой семантики, что позволяет учитывать их «культурный ореол». В разных терминах такие слова называются лингвокультуремами (В. В. Воробьев), концептами (Ю. С. Степанов), логоэпистемами (В. Г. Костомаров). Для В. Н. Телия самыми культураносными единицами выступают фразеологизмы, способные передавать самобытность языка и культуры [6, с. 23].

В русле наших интересов объектом исследования являются синтаксические конструкции со значением обусловленности. На наш взгляд, именно эти конструкции наиболее ярко отражают связь между осознанием явлений окружающего мира и оформлением понятого и прочувствованного средствами синтаксиса. Сама обусловленность (каузальность) включает в себя «такие значения, как

предпосылка, основание, обоснование, подтверждение, доказательство, аргумент, довод, предопределенность, посылка, повод, предлог, стимул, целевая мотивировка» [7, с. 562]. У каждого носителя языка есть представление о том, что эти значения в полной мере отражают способность человека видеть связь между явлениями, саму взаимозависимость и взаимообусловленность. Не чужды этому и поэты, которые так или иначе выражают в своих произведениях то, что составляет суть культуры народа, является результатом его духовной активности.

Важно еще раз подчеркнуть, что хотя язык выполняет кумулятивную функцию, то есть служит средством накопления и хранения информации, но сам он все же не хранилище культуры. Настоящим хранилищем культуры являются тексты, где находит отображение духовный мир человека.

Пожалуй, нельзя найти русского человека, который не связал бы русскую культуру с текстами Сергея Есенина. В стихах этого поэта представлены сведения о жизни русского человека, его психологии, национальном поведении, способности видеть прекрасное, оценивать достойное, делать выводы, опираясь на личный опыт и накопленную мудрость народа. И эта культурная информация заключена не только в словах, но и в сочетании их друг с другом, порядке следования, формировании конструкций. Что касается синтаксических построений, где выражено значение обусловленности, они не сразу заняли уверенное место среди других конструкций в произведениях Есенина. В ранних стихах поэта частотны употребления построений со сравнениями: *стоят березы, как большие свечи, сосна понагнулась, как старушка, воробышки как детки сиротливые, огоньки за ветками, как совиные глазки...* Их так много, они настолько ярки и порой необычны, что прием использования сравнений характеризует авторскую манеру письма, где проявляется наблюдательность, эмоциональность, трепетное отношение к природе. В дальнейшем автор не изменяет своей манере, сравнения продолжают отражать его мировосприятие. Но постепенно к эмоциональному прибавляется компонент осмысления, установления при описании взаимообусловленности явлений. И тогда появляются конструкции, где находит свое воплощение значение обусловленности.

Конечно, можно сказать, что употребление сложноподчиненных предложений с придаточной условия в стихах Есенина просто зафиксированная констатация. Но с лингвокультурологических позиций все это видится в несколько другом ракурсе. У поэта сложилось понимание того, что в мире все взаимосвязано, причина обуславливает следствие, условие может служить достаточным основанием для достижения определенного результата. И в этом понимании поэт исходит из ресурсов языка, традиций оформления мыслей и собственного обоснования того, к чему пришел в результате размышлений и жизненного опыта. При оформлении сложноподчиненных предложений с придаточной условия поэт использует прежде всего правила русской грамматики. Хотя в стихотворении «Весна» он восклицал, что «для поэтов — свой закон». Он бы очень удивился, если бы ему сказали, как мастерски он использует союзы недифференцированного и дифференцированного значения, как учитывает возможности форм индикатива, как умело употребляет в предикативных частях императив, как активизирует стилистические возможности парцелляции.

Сложноподчиненные предложения с придаточной условия имеют расчлененную структуру, то есть придаточная присоединяется свободно ко всему составу главной части. Поэтому важная роль принадлежит подчинительному союзу. Можно сравнить конструкции: *Я долго сидел в саду, если мамы не было дома; Я долго сидел в саду, потому что была хорошая погода; Я долго сидел в саду, хотя надо было делать уроки; Я долго сидел в саду, пока мама не вернулась с работы; Я долго сидел в саду, поэтому простыл.* В них выражено синтаксическое значение условия, причины, уступки, времени, следствия.

При характеристике сложноподчиненных предложений с придаточной условия принято обращать внимание на позицию придаточной, поскольку позиция влияет на характер отношений между предикативными частями. Например, «если придаточное находится в препозиции, придаточная и главная части оказываются взаимообусловленными по значению, в результате семантика предложения обогащается и усложняется, ... если же придаточное находится в интерпозиции, оно приближается к вставной конструкции» [8, с. 528].

Исходя из указанных правил грамматики, мы провели рассмотрение сложноподчиненных предложений с придаточной условия на материале текстов стихов Есенина и выявили ряд закономерностей, которые свидетельствуют не только об авторских предпочтениях конструирования, но и об отражении в этих предложениях культурных ценностных показателей. При конструиро-

вании сложноподчиненных предложений с придаточной условия в русском языке используются подчинительные союзы *если, в случае если, в том случае если, на случай если, на тот случай если, при условии если, при том условии что*, а также стилистически окрашенные союзы *ежели* (устар. и прост.), *когда бы* (устар. и книжн.), *коли* (коль) (устар. и прост.), *добро бы* (разг.), *кабы* (прост.), *коль скоро* (устар.), *буде* (устар.). Сразу скажем, что Есенин не использует составные союзы, ему не свойственно употребление сугубо устаревших союзов, да и книжный союз его не привлекает. Нами зафиксированы единичные случаи употребления вторичного союза *кабы*, обусловленное использование устаревшего союза *коли*, причем в его варианте *коль*, предпочтение отдается нейтральному союзу *если*.

Кабы твердо знал я тайну
Заколдованным речам,
Я узнал бы хоть случайно,
Кто здесь бродит по ночам. (Что это такое?)

Коль сердце нежное твое
Устало,
Заставь его забыть и замолчать. (Письмо к сестре)

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле. (Шаганэ ты моя, Шаганэ!..)

Препозитивная придаточная часть с союзом *если* воспринимается поэтом как достаточное основание для дальнейшего действия: сомнений нет, неопределенности в выводах нет, а только четкое обоснование своей активной позиции:

Если это солнце
В заговоре с ними, —
Мы его всей ратью
На штыки подыдем.
Если этот месяц
Друг их черной силы, —
Мы его с лазури
Камнями в затылок. (Небесный барабанищик)

Понимание обусловленности событий, установления условно-следственных отношений выражается часто за счет использования коррелятов при союзе *если*. В качестве такого коррелята у поэта выступает прежде всего *то*:

Жить — так жить, любить — так
Уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся, и гуляй.
Если ж хочешь мертвым поклоняться,
То живых тем сном не отравляй. (Золото холодное луны...)

Коррелят *значит* сигнализирует о том, что в придаточной части содержится такое основание, которое достаточно для вывода и закономерного умозаключения в главной части:

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что — для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Ширази. (Руки милой — пара лебедей...)

Поэт интуитивно чувствовал, что препозиция придаточной условия в разных контекстах может не только приводить к ожидаемому следствию, но и осложнять семантику условных отношений дополнительными значимостями. Например, автор, стилизуя речь матери, мягкой, все понимающей, строит конструкцию так, что появляется дополнительный оттенок допуска, возможности ожидаемого следствия:

Она мне пишет:

Если можешь ты,

То приезжай, голубчик... (Письмо от матери)

В другом случае из условия вытекает не столько следствие, сколько пожелание, совет:

И помню, дед мне

С грустью говорил:

«Пустое дело...»

Ну, а если тянет —

Пиши про рожь,

Но больше про кобыл». (Мой путь)

И все же поэт в большинстве случаев значение обусловленности осознает как закономерность: что случилось сегодня, завтра получит свое продолжение.

Пусть она услышит, пусть она поплачет.

Ей чужая юность ничего не значит.

Ну, а если значит — проживет не мучась.

Где ты, моя радость? Где ты, моя участь? (Сыпь, тальянка, звонко...)

Препозитивная придаточная условия в ряде случаев интонационно выглядит как законченная или, наоборот, как интригующая, допускающая продолжение после размышления:

И если время, ветром разметая,

Сгребет их все в один ненужный ком...

Скажите так... что роца золотая

Отговорила милым языком. (Отговорила роца золотая...)

Пунктуационно оформленный отрыв главной части от придаточной одного высказывания сигнализирует об использовании парцелированной конструкции. Такого рода прием акцентирования внимания через оформление высказывания средствами пунктуации позволяет поэту выразить свои мысли не столько отчетливо, сколько приближенно к реальной разговорной речи, где возможны прерывистость повествования, волнение, взрыв эмоций. Это отчетливо видно в следующем примере:

А если я помру?

Ты слышишь, дедушка?

Помру я?

Ты сядешь или нет в вагон,

Чтобы присутствовать

На свадьбе похорон

И спеть в последнюю

Печаль мне «аллилуйя»? (Письмо деду)

Парцеллятом может выступать не только главная, но и придаточная часть. Если и в обычном сложноподчиненном предложении постпозитивная придаточная условия воспринимается как неважное присоединение, то отрыв этой части интонационно и пунктуационно усиливает это восприятие с оттенком констатации:

Не она ли это?

Не она ли?

Ну да разве в жизни

Разберешь?

Если вот сейчас ее

Догнали

И умчали

Брюки клеш. (Батум)

Рассмотрение конструкций только с препозитивной придаточной условия уже дало нам основание увидеть, как общая семантика обусловленности осложнялась значимостями, вытекающими из контекста. Этот контекст оформлен специальными грамматическими средствами, среди которых важной оказывалась союзная и коррелятивная связь, способ выражения предикативного центра, модальность частей, использование интонационного тире, намеренный отрыв придаточной части

от главной (парцелляция), синтаксическая неполнота одной или обеих предикативных частей и другие факторы. Таким образом, поэт выразил средствами синтаксиса возможность передачи осмысленной взаимосвязи явлений, когда значение обусловленности отражает особенности восприятия окружающего мира сквозь призму национального и поэтического мышления.

Литература:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Степанова Ю. С. — М.: Прогресс, 1974. — 447 с.
2. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2008. — 272 с.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография. — М.: РУДН, 2008. — 338 с.
4. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. — М.: ИНИОН РАН, 2000. — С. 26–55.
5. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 19–24.
6. Ляпон М. В. Предложения со значением обусловленности // Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. — М.: Наука, 1980. — С. 562–602.
7. Николина Н. А. Основные типы сложноподчиненных предложений // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. Ч. II. Морфология. Синтаксис. — М.: Академия, 2001. — С. 525–573.

Cherginskaya Irina Aleksandrovna

irina_che_07@mail.ru

Uzbek State University of World Languages

Conditional clause in preposition as a cultural component of a poetic text

The article examines the constructive possibilities of poetic syntax in expressing the meaning of conditionality, which is presented as the interconnectedness of conditions and consequences in the process of comprehending the surrounding world. The study was carried out on the material of cultural texts, to which the verses of the Russian national poet belong, who reflected in his work the evolution of views on everything that happens around. The object of the research was constructions designed as a complex sentence with a prepositive subordinate clause of the condition.

Keywords: cultural texts, poetic syntax, preposition interdependence, differentiating union.

Опыт интерпретации стихотворения патриотической тематики

В статье представлена интерпретация художественного поэтического текста — рассматривается стихотворение приднестровской поэтессы Ларисы Стойловой «Родина». Проанализированы некоторые семантические и символические особенности текста, средства художественной выразительности. Обосновывается идея преемственности традиции изображения образа Родины в анализируемом стихотворении современного автора и в стихотворениях русских поэтов-символистов начала XX вв.

Ключевые слова: стихотворение, интерпретация, семантика, символ, Приднестровье, Лариса Стойлова.

Вот уже более четверти века функционирует Союз писателей Приднестровья, объединяющий талантливых разноплановых писателей, поэтов, драматургов, публицистов, которые пишут произведения, отражая в них свою любовь к родному краю. Одной из ярких представительниц приднестровской литературы является Лариса Стойлова. Она уроженка города Бендеры, ее творчество включает прозаические и поэтические произведения разнообразных жанров, многовекторной тематической направленности, глубокого идейного содержания.

В данной статье обратимся к поэтическому тексту, относящемуся к патриотической лирике автора, и представим опыт филологической интерпретации стихотворения «Родина», опубликованного в альманахе «Литературное Приднестровье» [2].

Приведем полный текст стихотворения Ларисы Стойловой «Родина»:

*Родина моя мала, как птичка,
У которой сердце быстро бьется.
Родина моя, как хлебный мякиш,
Каждому хоть крошка достается.
Родина моя лежит пластами
Древними, как старость всей земли.
Родина моя покрыта бороздами
И холмами синими вдали.
Родина моя — артерия живая,
Где смешалось множество кровей.
Родина моя — щедрей не знаю края —
Все корнями прорастают в ней!
Родина моя, твои заботы
Мне на сердце тяжестью легли.
Родина моя, твоей судьбины соты
Медом бы наполниться смогли...
Родина моя, борись, мужайся
И трудись под солнцем золотым.
Родина, свободной оставайся,
Восходи побегом молодым!*

Тема стихотворения — патриотическая — любовь к родине; это своеобразная хвалебная ода, призванная выразить главную идею — теплоту и глубину чувств автора (лирического героя) по отношению к родной земле. Полнота переживаемых поэтом-патриотом эмоций передается богатым комплексом средств художественной выразительности и стилистических фигур.

В стихотворении проявляется глубоко личностное начало. Лирический герой описывает свою родину, характеризуя ее в неслышимом и незримом диалоге с читателем. На первое (главное) место

в предложениях автор помещает подлежащее (*Родина*), на которое падает логическое ударение, после него следует сказуемое. Такой прямой порядок слов (главных членов предложения) акцентирует внимание на предмете описания. В последних двух строфах используется непосредственное обращение лирического героя к родине, что поддерживается контекстными распространителями — местоимениями *твои, твоей*.

Анафорический прием — единоначалие «*Родина моя*» — придает текстовой канве стихотворения особый ритм, делая данное словосочетание ключевым в тексте. Неоднократный повтор рефрена «*Родина моя*» создает особый молитвенный суггестивный эффект: читатель (интерпретатор) через размеренный ритм слов в тексте как бы «выходит» в открытое пространство расширяющегося мира: поля, реки, леса, — причем не только в настоящем, но и в прошлом. Так образ родины становится персонифицированным, одухотворенным, мы словно читаем мантру или молитву. Здесь можно усмотреть связь с модернистской литературной традицией символистов, в частности отметим идею «женскости» в восприятии России, идущую еще от русских философов (В. Соловьева и др.), реализованную в стихотворных циклах А. А. Блока, в частности в цикле «На поле Куликовом». Русь представляется русскому поэту «женой» — светлой, доброй, чистой, вдохновляющей силой, олицетворением Пресвятой Богородицы, которая спасает от земных невзгод. Как представляется, приднестровская поэтесса Лариса Стойлова продолжает эту традицию, воплощая образ Приднестровья в художественном представлении плодородия («*корнями прорастают в ней*»), кровного соединения («*артерия живая*», «*множество кровей*»), характерного для образов жены, матери...

Идея плодородия, богатства края передается через образы, именованные существительными «*хлеб*», «*мякиш*», «*мед*», «*соты*». Эти номинации автор использует как средство выразительности в функции сравнения.

Родина также сравнивается с птицей: «*Родина моя мала, как птичка, у которой сердце быстро бьется*». В данном фрагменте отметим факт использования наслаения одного приема на другой: в сравнении родины с птичкой заключено смысловое противопоставление, точнее, контраст. Приднестровье, действительно, небольшое государство, поэтому родина и «*мала, как птичка*», но при этом у этой страны талантливые люди, богатая история («*...Родина моя лежит пластами / Древними...*»), стремление к постоянному прогрессу, активная гражданская позиция, потому и «*сердце быстро бьется*». То есть автор подчеркивает, что размеры территории государства еще не определяют красоты и богатства его культурного кода, а также политических, социальных и экономических перспектив. Это подтверждает метафора «*Родина — “артерия живая”*», что, как и сравнение с птичкой, позволяет читателю ассоциировать образ родины в стихотворении с живым существом. Вместе с тем поэтесса отмечает положительную перспективу, пророчествует завидное будущее этой едва заметной на географической карте мира стране и подчеркивает это яркой метафорой «*Родина моя, твоей судьбины соты / Медом бы наполниться смогли*». Через такую метафору поэт говорит о трудолюбии приднестровских жителей, чьи плоды обязательно сделают жизнь в этом маленьком уголке мира благополучнее и счастливее. Важно обратить внимание на лексему «*судьбина*»: автор избегает нейтральное слово «*судьба*», сообразуясь с семантическими, образными целями поэтического текста, и использует стилистически окрашенную языковую единицу с суффиксом *-ин-*. Согласно данным «Большого толкового словаря русского языка» С. А. Кузнецова, имя существительное *судьбина* имеет высокую стилистическую окрашенность и употребляется в русском языке, когда хотят сказать «обычно о несчастливой судьбе, горькой участи» [1, с. 1288]. Такая семантика поддерживается в стихотворении Ларисы Стойловой следующими языковыми единицами: «*твои заботы*», «*на сердце тяжестью легли*». Однако в этом же четверостишии автор использует в функции антитезы выражение с глаголом в форме сослагательного наклонения «*медом бы наполниться смогли*». Так, в художественной речи автор делает более значимым для читателя факт исторического становления этого небольшого по территории клочка земли под названием «Приднестровье», у которого не просто судьба, а судьбина, со своими историческими конфликтами и победами, «*древними, как старость всей земли*» и с постоянной борьбой за свободу и процветание. О дальнейшем благополучии этого края говорит синтаксическая конструкция с глаголом в форме императива «*Восходи побегом молодым!*», содержащая метафору «*побег*» — «зеленое молодое растение».

Поэт также акцентирует внимание на том, что в Приднестровье найдется место каждому («*каждому хоть крошка достается*»), исторически это многонациональная страна, где мирно

и дружелюбно могут сосуществовать представители различных национальностей («смешалось множество кровей»).

В анализируемом тексте используется небольшое количество глагольной лексики, но выполняет она значимую функцию — связующую: отражает связь прошлого, настоящего и будущего страны. Например: глаголы в форме настоящего времени *бьется, достается, прорастают* представляют действия настоящего; глаголы и причастия в форме прошедшего времени: *смешалось, (тяжестью) легли, покрыты* — «отправляют» читателя в прошлое. Интересно отметить, что некоторые императивные глаголы, обозначая в системе языка грамматическую категорию ирреального времени, в данном художественном тексте реализуют семантику будущего времени; они как бы берут на себя функцию потенциальных действий, реализуя в стихотворении семантические компоненты заклинания: *мужайся, борись, трудись, оставайся, восходи*. Употребленные в последнем четверостишии стихотворения, они как будто связывают воедино все временные пласты: эти глаголы характеризуют и прошлое Приднестровья, и его настоящее, и его будущее; это своеобразное напутствие автора, замыкающее поэтический текст.

Знаменательно, что в целом в стихотворении может быть прочитан символический контекст, который образует кольцевая композиция: в начале текста использован образ птицы как символа, который воплощает дух, «определенный... *свободным парением*» [3], и в последнем четверостишии автор призывает: «*Родина, свободной оставайся*».

Стихотворение Ларисы Стойловой «Родина» — это текст, позволяющий в малых, но образных формах погрузиться в исторический контекст Приднестровья, прочувствовать уникальность страны с «*синими вдали холмами*» и полюбить ее всей душой, как это делает автор. Недаром он использует притяжательное местоимение *моя (родина моя)*. Размышляя над названием этого стихотворения, задумываешься: почему автор не использовал это местоимение *моя* в заглавии? Возможно, потому, что для каждого человека слово «родина» отражает представление о том, что это его, глубоко личный, уголок земли, и потому местоимение *моя* в названии поэтического текста может быть эллиптическим, формально опущенным — оно присутствует семантически в художественном воображении автора и в осмыслении текста читателем.

Таким образом, представленная интерпретация анализируемого стихотворения Ларисы Стойловой позволяет, на наш взгляд, усмотреть не только художественный «почерк» самой приднестровской поэтессы и ощутить ее любовь к родному краю, но и проследить связь с «большой» русской литературой, увидеть пересечение некоторых литературоведческих доминант, объединяющих эпохи начала XX в. и начала XXI в.

Литература:

1. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
2. Стойлова Л. Родина. — URL: https://benderygorizont.ucoz.ru/publ/o_nas_pishut/respublike_ljubimoj_posvjashaetsja/2-1-0-47 (дата обращения 05.11.2021).
3. Тресиддер Джек. Словарь символов. — URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/469.php (дата обращения 05.11.2021).

Polezhaeva S. S.

svetlanapolejaeva1506@mail.ru

T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University

Experience in interpreting a patriotic poem

The article presents an interpretation of the artistic poetic text — the poem “Motherland” by Pridnestrovian poetess Larisa Stoilova is considered. Some semantic and symbolic features of the text, means of artistic expression are analyzed. The idea of continuity of the tradition of depicting the image of the Motherland in the analyzed poem by the modern author and in the poems of Russian symbolist poets of the early XX centuries is substantiated.

Keywords: poem, interpretation, semantics, symbol, Transnistria, Larisa Stoilova.

«Все творчество его есть грандиозная мифологема»: язык Ф. М. Достоевского как лингвокультурный феномен

Предметом статьи является язык Ф. М. Достоевского, представленный в качестве особого феномена, органично соответствующего методу писателя и творческой природе русского языка.

Ключевые слова: художественный текст, язык Достоевского.

Юбилей такой важной для отечественной и мировой литературы фигуры, как Ф. М. Достоевский, стимулирует повышенный исследовательский интерес к творчеству писателя. Однако даже и сейчас порою приходится слышать высказывания, смысл которых заключается в том, что Достоевский — писатель, безусловно, гениальный, но произведения его написаны языком, весьма далеким от идеала. Среди современников писателя подобная точка зрения была и вовсе едва ли не преобладающей: разговорная «неправильность», многословие и самоперебивы, синтаксическая «торопливость» — все эти особенности языка Ф. М. Достоевского вызывали у читателя, воспитанного на стилистике Тургенева и Толстого, неприятие и даже отторжение. Объяснение столь «непричесанному» стилю уважаемого автора читатель склонен был искать в стесненных жизненных обстоятельствах писателя, вынужденного создавать свои произведения в весьма сжатые сроки.

Однако нельзя не заметить, что стилистика гениев литературы нашей органически связана с природой их творческого дара и проблематикой их произведений. Если Лев Толстой создавал «русский эпос», «русскую Илиаду», и его стиль и слог соответствовали именно этой задаче, то Достоевский, как он сам постулировал, был всецело обращен к «злобе дня», «текущему моменту», стремясь воплотить в слове и тексте именно то, что еще не было отлито в готовые формы. А это значит, что в отмечаемом читателем ощущении языковой неупорядоченности его текстов было заложено полное соответствие тому меняющемуся миру, который он отражал в своих произведениях.

Серебряный век особо выделил в Достоевском и иное, но тесно связанное с указанным выше и тоже необычайно важное начало. Русская философия подняла имя писателя на знамя, указав на то, что произведения Достоевского — это не просто художественные тексты, но особая *художественная философия*. Это философия, не заключенная в готовые формы строгой философской системы, но равновеликая ей по силе воздействия как на русское национальное сознание, так и на мировую философскую мысль. «Все творчество его есть грандиозная мифологема, — писал о Достоевском о. Георгий Флоровский. — И в том и заключалось величие его творческого дара, что он смел себе позволить программную поэзию. Не всегда это удавалось даже Гете. В русской литературе на это недоставало сил даже у Толстого. Один Достоевский был достаточно мощен, чтобы раскрывать философские теоремы в образах, и его образы не сохли, не мертвели, оставались яркими, живыми и естественными» [3, с. 68]. Примечательно, что в определении специфики творческого воплощения идей Достоевского в его произведениях интерпретатор использует слово *поэзия*. С этим определением философа соотносится определение поэта. «Исполненным стихотворением» называет творения писателя Константин Бальмонт [2, с. 22]. А поэты «Объединения реального искусства» даже в гротеске стихов капитана Лебядкина, героя романа Достоевского «Бесы», увидели основу для подлинной поэзии.

Современная филология, не отрицая влияния упомянутых выше «стесненных жизненных обстоятельств» на стиль и слог писателя, принципиально не склонна видеть в языке произведений писателя слабую сторону его творческого дара. Этому немало способствовали работы видных отечественных ученых: Д. С. Лихачева, Ю. Н. Караулова, Н. Д. Арутюновой, Н. А. Николиной, И. В. Ружицкого и других.

Разговорность и вырастающая из глубокого чувства возможностей живой русской речи «неправильность» языка Достоевского погружают нас в особый мир «реализма в высшем смысле»,

исполненный высочайшей интеллектуальной сложности и невероятного проникновения в глубины человеческой психики. Сила эмоционального потрясения от чтения произведений Ф. М. Достоевского определяется во многом именно особенностями идиостиля.

Так, особое внимание к слову, «словечкам», любовно собираемым и фиксируемым в дневниках и записных книжках, органически сочетается у Достоевского с пониманием ограниченности возможностей языка при передаче внутреннего мира человека. Статичное, самодовлеющее слово не способно точно отразить пребывающий в постоянном изменении человеческий «микрокосм». Достоевский разрушает привычные языковые связи и стереотипы языкового ассоциирования (*мысль почувствовать; в остроге, на свободе*), пробуждая чувство и мысль читателя.

Отличительная черта самых разных персонажей Достоевского, будь то Рогожин, Ставрогин, Версилов или даже Алексей Карамазов, — стихийность в поведении. Эта особенность получает отражение в языке произведений писателя. «"Природа" героев Достоевского обслуживается синтаксисом неуправляемых действий, представляющих агенса то как орудие действия неведомых сил, то как локус, в котором разыгрываются драмы и мистерии, то как предмет кем-то (или чем-то) куда-то влекомый, — замечает Н. Д. Арутюнова. — Персонажам Достоевского (или даже в них) что-то думается, или что-то говорится, из них что-то вырывается, с их языка срываются и слетают признания, мольбы и покаяния. Их постоянно куда-то без удержу несет и заносит, в них что-то бушует, загорается, их что-то обуревают» [1, с. 862]. Синтаксис неуправляемых действий, на который указывает исследователь, представлен в первую очередь безличными предложениями. Сюда также относятся конструкции, в которых имя агенса занимает зависимую актантную позицию, а субъект обозначает владеющую человеком силу. Общую картину дополняют морфологические средства — глаголы и фразеологизмы с семантикой утраты контроля, уподобляющие поведение человека действиям животных: *понести, занести, залететь, закусить удила, разнuzдаться, сорваться (с цепи), вырваться* и пр. Человек в мире Достоевского — загадка даже для самого себя, он способен на мысли и поступки, которые, как кажется, органически ему не свойственны.

Попытка осмыслить столь сложный «микрокосм» приводит писателя к созданию особой «художественной терминологии» (термин Д. С. Лихачева). «*Всемство*», «*штифттик в органном вале*», «*все позволено*» — слова и обороты, не только ставшие знаками идеологических моделей героев писателя, но подхваченные отечественной и мировой философией.

Достоевский видит мир и человека необычайно объемно, отказываясь от плоскостности и упрощений, он стремится выйти за рамки слова и конструкции, прорываясь в области подсознания и мистики, несказанного и неслезанного.

И мы постепенно, но все более явно приходим к пониманию того факта, что язык Достоевского — это особый лингвокультурный феномен, генетически связанный как с органическим творческим началом русского языка, так и с природой мировидения и творческого метода писателя.

Литература:

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М., 1999.
2. Бальмонт К. Д. О Достоевском // Русские эмигранты о Достоевском. — СПб.: Андреев и сыновья, 1994.
3. Флоровский Г. В. Блаженство страждущей любви (к 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского) // Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. — М.: Аграф, 1998. — С. 68–73.

A. V. Varzin

alex.varzin@yandex.ru

Moscow Pedagogical State University (MPGU)

“All his work is a grandiose mythologeme”: F. M. Dostoevsky as a linguocultural phenomenon

The subject of the article is the language of FM Dostoevsky, presented as a special phenomenon, organically corresponding to the method of the writer and the creative nature of the Russian language.

Keywords: literary text, Dostoevsky's language.

Лингвополитические аспекты феминитивов

В статье рассматриваются лингвополитические аспекты феминитивов — современных концептов, отражающих как лингвистические, так и политические особенности понятий, которые с трудом приживаются в языке. Однако политические споры феминисток, борющихся за права женщин и требующих лингвистического равноправия, приводят к тому, что феминитивы отвоевывают все большее пространство в языке и со временем становятся равными общепринятым в языковой практике вариантам мужского рода/пола. Проведенное небольшое исследование относительно употребления феминитивов в Кыргызстане дает нам основание думать, что с развитием феминистского движения и еще большей вовлеченности граждан в суть проблемы, феминитивы могут стать компонентами повседневной речевой культуры.

Ключевые слова: феминитив, гендерная лингвистика, лингвополитический, феминизм, языковая политика, неологизм, языковая личность.

В современном мире повышенное внимание уделяется интересам языковой личности, а в работах последних лет особый интерес приобретает и проблема гендера и пола. Гендерная лингвистика призвана рассмотреть все аспекты и проблемы, связанные с социальными и культурными различиями мужчин и женщин, лингвистическими особенностями их речевого поведения.

Концепт феминитив — это понятие, вошедшее в научные исследования сравнительно недавно, и пользуется острым интересом среди ученых — лингвистов и филологов.

Одной из самых известных работ по феминизму стало исследование Симоны де Бовуар «Второй пол» [5]. В работе анализируется проблема подавления феминного в культуре. Симона де Бовуар утверждает, что в обществе принято воспринимать все мужское как позитивную культурную норму, в то время как женское является отклонением от этой нормы и чем-то негативным и чуждым. Основываясь на этом, феминистская лингвистика работает над переосмыслением и изменением языковых норм и стремится к созданию осознанного нормирования языка и языковую политику [5].

Феминитив — это лексический неологизм женского рода, который носит политическую окраску и играет важную роль в борьбе с лингвистическим сексизмом. Спецификой словообразования феминитивов занимается наука дериватология.

Слово «феминитив» произошло от английского — «это имя существительное женского рода, которое образовано от однокоренного существительного мужского рода и является парным к нему» [1, с. 142]. Феминитивы служат для обозначения лиц по социальной принадлежности, профессии, месту жительства. Феминитивы делятся на явные, обозначающие, что речь идет о женщине, например, «*стряпуха*». Неявные феминитивы требуют наличия прилагательного, приложения или глагола, например, «*врач пришла*», «*геолог Смирнова*».

Политические аспекты феминитивов отмечает Т. С. Пристайко, считающая, что слово «феминитив» является «не просто лингвистическим термином, а своеобразным гендерно-лингвистическим орудием борьбы за равные права женщин» [4, с. 145].

Среди лингвистов до сих пор идут споры, существует ли форма «*юристка*», не могут ответить на вопрос, почему нет в языковой практике формы «*юристка*», так как слово образовано с помощью суффикса -к- по типу других слов русского языка, обозначающих женщину, представительницу определенной профессии. Важно отметить, что формы женского рода некоторых профессий не всегда ассоциируются именно с женщинами — представителями этих профессий. Например, *директорша* в толковом словаре Ожегова, определяется как «жена директора» [3, с. 337]. Сам суффикс «-ш(а)», также, как и суффикс «-их(а)» исторически обозначал жен лиц соответствующих профессий. А в современном русском языке формы слов с данными суффиксами зачастую носят уничижительный характер.

Итак, мы определили, что в русском языке основным способом образования феминитивов является суффиксальный способ. Самые распространенные суффиксы: -к(а), -ша, *чиц(а)/щиц(а)*,

-ис(а)/исс(а), -есс(а), -их(а) и т. д. Для проведения более подробного анализа их необходимо рассмотреть по отдельности, чего не позволяют рамки данной публикации.

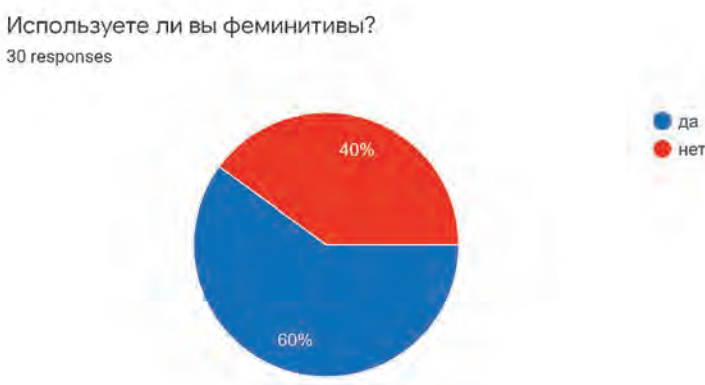
Существуют две группы феминитивов — продуктивные, т. е. те, которые активно участвуют в современном словообразовании, и непродуктивные, которые используются гораздо реже.

Мы решили провести опрос среди пользователей Интернета и социальных сетей от 19 до 49 лет, чтобы проанализировать осведомленность о таком понятии, как феминитив, и частоту его использования в речи.

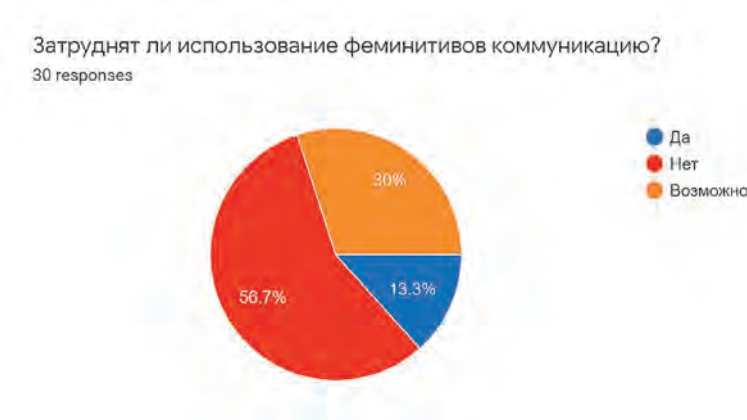
После проведенного анализа мы выяснили, что половина опрошенных относится нейтрально к феминитивам. Что интересно, пользователи социальных сетей и Интернета так или иначе сталкивались с данным термином.

Больше половины опрошенных используют феминитивы в своей речи.

Что касается коммуникации, то пользователи Интернета считают, что феминитивы не препятствуют данному процессу, однако ответить на этот вопрос однозначно было сложно, ведь к большинству феминитивов в русском языке общество давно привыкло, например, к таким как «докторка», «гинекологиня», «юристка» и т. д., а некоторые по-прежнему вызывают недопонимания, например «человечиха».

Если рассматривать современные СМИ, которые используют феминитивы в своих статьях, то первыми опрошенные указали на Kloop.kg, Кактус медиа, Медуза, Wonderzine, Медиазона. Стоит отметить, что не все пользователи положительно относятся к данным средствам массовой информации.

Мнения об использовании феминитивов разделились. Кто-то читает, что их уже давно пора вводить в нашу речь, а кто-то категорически против употребления феминитивов. Однако практически все сошлись на том, что возможно в скором времени феминитивы станут нормой.

Анализ феминитивов в русской лингвокультуре позволил нам выявить роль данных неологизмов. В русском языке проблема использования феминитивов стоит достаточно остро, т. к. в современном обществе женщины получают все больше прав и выходят из «тени». Несмотря на то, что феминитивы подвергаются осмеянию и агрессивному отторжению в русской лингвокультуре, можно предположить, что через определенное время «авторка», «фотографиня», «психологиня», «врачиха», «людины», «гинекологиня», «психотерапевтка» и др. станут литературной нормой. Для введения феминитивов как нормы филологам и лингвистам потребуется провести большую работу, ведь язык не статичен и постоянно развивается, поэтому есть необходимость учитывать уже привычные нормы языка, а также нововведения, диктуемые обществом.

Язык уже долгое время остается сферой профессиональной дискриминации женщин во всех лингвокультурах. Так сложилось, что женщины исторически не могли занимать определенные должности, что получило свое отражение в языке. Тем самым, на данном историческом этапе, когда благодаря феминистскому движению, начавшемуся в США и Германии, женщины получили относительно равные права с мужчинами, встала необходимость реформирования языка, для придания важности и паритетности женского рода/пола. Раскрывая понятие феминистской лингвистики в современных исследованиях, мы заключаем, что она является своеобразным направлением в языкознании, цель которого состоит в разоблачении и преодолении отраженного в языке мужского доминирования в культуре и обществе. В целом феминистская лингвистика внесла огромный вклад в изучение гендерного аспекта языкознания. Она сыграла роль в развитии методов дискурсивного анализа и поспособствовала созданию новых дискурсивных практик. Также благодаря феминистской лингвистике был введен ряд новых лингвистических понятий, таких как языковое поведение и значение. А привлечение таких наук, как социология, философия, политология и антропология способствовало развитию междисциплинарности в гуманитарных науках.

Понятие «феминитив» интерпретируется как существительное женского рода, которое образовано от однокоренного существительного мужского рода и является парным к нему. Феминитивы служат в качестве языкового инструмента борьбы с гендерным неравенством и для усиления гендерной чувствительности. В каждой культуре и в каждом обществе люди по-разному относятся к данным неологизмам, но после проведенного анализа мы можем утверждать, что с развитием феминистского движения и еще большей вовлеченности граждан в суть проблемы, феминитивы могут стать важными компонентами повседневной речевой культуры.

Литература:

1. Абреимова Г. Н. Семантическая структура наименований лиц женского пола в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. — Елец, 1998. — С. 206.
2. Кирилина А. В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (Философский и методологический аспекты) // *Общественные науки и современность*. — 2000. — № 4. — С. 138–143.
3. Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. — М.: Русский язык, 1978. — С. 337.
4. Пристайко Т. С. Феминитивы в аспекте неологии (на материале наименований женщин по роду деятельности в русском языке) // *Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство*. — 2017. — № 25. — Вип. 23(1). — С. 145.
5. Симона де Бовуар. *Второй пол*. Издание на русском языке. — Азбука-Аттикус, 2017.

Danilchenko Galina Dmitrievna
danilchenko_g@mail.ru
Kyrgyz-Russian Slavic University
Kyrgyzstan, Bishkek

Linguopolitical aspects of femininitives

The article examines the linguopolitical aspects of femininitives, modern concepts reflecting both linguistic and political features of concepts that hardly take root in the language. However, the political disputes of feminists fighting for women's rights and demanding linguistic equality are gaining more and more space in the language and eventually become equal concepts with the masculine version of words. A little research conducted on the use of femininitives in Kyrgyzstan gives us reason to think that with the development of the feminist movement and even greater involvement of citizens in the essence of the problem, femininitives have every chance to enter our everyday speech.

Keywords: femininitive, gender linguistics, linguopolitical, feminism, language policy, neologism, linguistic personality.

«Ковидное» словообразование в русском языке эпохи пандемии

В статье рассматриваются изменения, которые произошли в языке в связи с началом периода пандемии новейшей эпохи. Отмеченное явление нашло отражение в процессе расширения словаря русского языка за счет разного рода инноваций. Уставлено, что среди основных способов появления инноваций выступают детерминологизация словесных знаков, словообразовательные возможности языковой системы, метафоризация (в том числе метонимизация) и заимствование. Сделан вывод о том, что язык чутко реагирует на изменения, происходящие в обществе.

Ключевые слова: неологизм, пандемия, словообразование, заимствование, метафоризация, метонимизация.

Слово *эпоха* обычно употребляется для обозначения продолжительного периода времени. Но 2020 год стал примечательным тем, что уже в первые месяцы позволил говорить о начале глобального процесса, который изменил окружающий мир и нашу жизнь в значительной степени. Эти изменения нашли свое отражения в языке. Новые слова, как известно, отражают наиболее актуальные события в стране и мире и являются своеобразными лингвистическими маркерами эпохи. Благодаря наблюдению за динамикой новых слов текущего момента можно провести лингвистическую диагностику происходящих в обществе процессов.

Рассмотрим «ковидное» словообразование в русском языке. Впервые термин *коронавирус* в русскоязычных источниках появился в 1971 году для обозначения семейства вирусов, а наименование *Covid-19* и его вариант *ковид-19* возникли во время пандемии в 2020 году. Результатом этого стала актуализация и детерминологизация словесных знаков (ср.: *штамм, санитайзер, сатурация, изолатор, пандемия, ИВЛ, ПЦР-тест* и др.) [2, с. 47].

Значительную роль в появлении разных типов неологизмов сыграл факт усиления влияния Интернета как основной среды для человеческого общения, особенно на этапе введения режима самоизоляции. Рабочие вопросы решались по электронной почте и видеосвязи, а встречи с друзьями проходили только в онлайн-режиме. Как следствие, появилось множество неологизмов. Вокабуляр русского языка пополнился новациями появившихся с помощью сращения двух полнозначных лексем с контаминацией. Встречается полная (*ковидиот, ковид-диссидент, коронаскеттик*) и частичная (*корониалы, ковидарность, коронойя, маскне, карантикулы, инфодемия*) контаминация. При полной контаминации оба корня полностью сохраняются (*коронаскеттик* = *корона* + *скеттик*), при частичной — часть одного или обоих слов изменяется способом усечения (*инфодемия* = *информационная эпидемия*) [3, с. 65–67]. Большое распространение получили *карантинки* (дружеские послания во время карантина или открытки, которые отправляют друг другу влюбленные, разлученные коронавирусом, ср. валентинки): *Нам повезло, симптомы легкие: / Ваш вирус в мозг пошел, не в легкие. Прохожие считают, что я в маске, / Но это борода такой окраски.*

Наряду с увеличением числа неологизмов можно наблюдать примеры того, как общеупотребительные слова претерпевают изменения в семантике. В таких словах происходит конкретизация одного из компонентов значения и актуализация этого значения. Семантический сдвиг происходит, например, в слове «маска». В качестве первого лексического значения Большой толковый словарь дает такое: «Специальная накладка с изображением человеческого лица, звериной морды и т. п., надеваемая на лицо человека / Накладка на верхнюю часть лица с отверстиями для глаз, надеваемая для того, чтобы не быть узнанным». Начиная с весны 2020 года происходит актуализация другого семантического компонента слова: «Накладка специального назначения на лицо или часть лица, предохраняющая ее носителя от вредного воздействия чего-либо» [1]. Подобный процесс актуализирования отдельных значений слов, связанных с коронавирусной

инфекцией, можно заметить в словах *пик*, *маски-шоу*, *самоизоляция*, *коронация* и словосочетаниях *вторая волна*, *красная зона*.

Также можно наблюдать тенденцию к появлению словосочетаний с метафорическим и метонимическим значением компонентов, например: *курс лимона и имбиря*, *выйти на плато*, *коронованная особа*, *цифровой концлагерь*, *подцепить корону*. В начале пандемии лимон и имбирь подорожали, так появилось значение словосочетания *купить что-либо по курсу лимона, по курсу имбиря* как «купить что-либо неоправданно дорого» [3, с. 65–67].

Интересно рассмотреть историю возникновения словообразовательных неологизмов в период пандемии. Например, *зумиться* ‘работать или общаться с помощью сервиса видеоконференций Zoom’ образовано по аналогии со словом «ксерокс», появившегося от одноименного названия компании Хегох. Организация долгое время занимала большую часть отрасли, поэтому бренд перешел в имя нарицательное. Аналогично произошло с «зумом», от которого появляются словообразовательные неологизмы *зумить*, *зумиться* ‘участвовать в видеоконференции’, *отзумиться* ‘завершить работу или обучение в Zoom’, *обзумить* ‘записать видеоконференцию» [5].

Ключевые слова являются опорой для активизации словообразовательной активности мыслящей интернет-общественности. Особенно в период самоизоляции юмор и народное словотворчество способствовали уменьшению уровня тревожности и стресса. На просторах интернета можно встретить множество мемов, анекдотов, пословиц, связанных с коронавирусом: *Все дороги ведут в Ухань. Вирус в бороду — пневмония в ребро. Вирус не воробей, вылетит — не поймаетшь. На маску надейся, а сам не плошай. Семь раз отмерь, один раз чихни. Любишь кататься — люби и масочки носить* и др.

Активизировались процессы заимствования лексем, что было обусловлено усилением интеграционных процессов в мире и общностью переживаемой всеми проблемы (ср.: *локдаун*, *карантин-шейминг*, *зумбомбинг*, *думскроллинг*, *карантим*, *суперспредер*, *хамстеркауфер* и др.). Так, например, возникшая для регулирования ситуации эпидемиологической напряженности потребность определила появление в продаже специфических гаджетов и предметов одежды. Для их наименования появились неологизмы: *трикини* (трехэлементный купальник — бикини с маской той же расцветки), *брелок-санитайзер*, *чехол для антисептика*, *чехол для медицинской маски*, *кейс для маски* (от англ. mask case). В речи журналистов и ведущих можно встретить весьма частотное употребление данных заимствований: «Сейчас мы остановились на достаточно жестком локдауне, во всяком случае в России, особенно в Москве, который должен позволить свести распространение этой эпидемии к минимуму» [4]. Многие из названных заимствований являются словами-однодневками, которые вскоре могут быть утрачены в русском языке из-за неактуальности.

Совокупность лексики, появившейся в эпоху коронавирусной инфекции COVID-19, называют короноязом, коронаречью, короналексикой, а новые слова — коронасловом, короналексикой, коронатермином. Таким образом, можно заметить, что неологизмы, появившиеся в период эпохи коронавируса, отражают социальные процессы, связанные с пандемией, и находят свое закрепление в языке, который всегда чутко реагирует на изменения, происходящие в обществе.

Литература:

1. Грамота. ру: Справочно-информационный портал: сайт. — М., 2000. — URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 09.04.2021).
2. Громенко Е. С. Коронный потенциал русского языка начала 2020-х годов / Н. В. Козловская // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Институт лингвистических исследований РАН. — СПб.: ИЛИ РАН, 2020. — С. 45–62.
3. Иваненко А. А. Что заразнее: оценка употребительных лексем коронавирусной эпохи / Н. В. Козловская // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Институт лингвистических исследований РАН. — СПб.: ИЛИ РАН, 2020. — С. 63–70.
4. Коммерсантъ FM: Информационный портал: сайт. — М., 1998. — URL: <https://www.kommersant.ru/archive/rubric/34/day/2020-04-13> (дата обращения: 13.04.2020).
5. Эхо Москвы: «Говорим по-русски»: Справочно-информационный портал: сайт. — М., 1998. — URL: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/2624340-echo/> (дата обращения: 04.04.2020).

*A. S. Litvinova**G. A. Zavarzina**Voronezh State Pedagogical University*

“Covid” word formation in Russian

The article examines the changes that have occurred in the language in connection with the beginning of the pandemic period of the modern era. The mentioned phenomenon is reflected in the process of expanding the vocabulary of the Russian language due to various innovations that arise in different ways. It is established that among the main ways of innovation are the determinologization of verbal signs, word-forming capabilities of the language system, metaphorization (including metonymization) and borrowing. It is concluded that the language is sensitive to changes in society.

Keywords: neologism, innovation, pandemic, word formation, borrowing, metaphorization, metonymization, determinologization.

Преподавание русского языка как иностранного в цифровой среде

Преподавание русского языка как иностранного всегда выделялось как один из приоритетов школьного образования. И обусловлено это было особой ролью данного компонента образованности в успешном освоении большего числа предметов учебного плана будь-то в начальной, основной или старшей школе.

Новое звучание данная проблема получила в связи с активным участием нашей страны в международных программах сравнительной оценки образовательных достижений и качества образования. В частности, в исследовании PISA читательская грамотность выступает одним из трех важнейших составляющих функциональной грамотности 15-летних школьников.

Полагаю, что необходимо пояснить, почему мы ставим именно так проблему: «преподавание русского языка как иностранного в цифровой среде».

Во-первых, вследствие процессов цифровизации большинство источников содержания образования представлено на цифровых носителях. Особенно это касается дополнительных источников информации учебного назначения. Впрочем, цифровая среда предельно насыщена текстами различного назначения.

Во-вторых, пандемия во многом ускорила процесс перехода к дистанционному формату обучения. А здесь, как известно, наряду с видео- и аудиорядом также идет большая работа с оцифрованным текстом.

В-третьих, не будет преувеличением сказать, что нынешнее поколение школьников (Z-поколение) преимущественно работает с электронным текстом, предпочитает различные чаты, блоги, гаджеты, мессенджеры, ридеры.

Все это дает основание утверждать, что цифровая среда все больше и больше выступает для наших обучающихся не только источником информации, знаний, но и средой для самоопределения, знакомства с различными социальными практиками, культурными образцами, выстраивания межкультурных и разновозрастных коммуникаций.

В плане влияния цифровой среды на формирование и развитие грамотности школьников важно отметить ее кросс-многомерность, интегрированность с другими пространствами и средами (культурно-историческая среда, библио-медийное, семантическое, семиотическое пространства).

Мультисредовость позволяет расширять ценностную картину мира, придавать учебному взаимодействию практико-ориентированный характер, более эффективно вести межкультурный дискурс, работать со смыслами, определять свою позицию. Технологически это означает, что идет работа не только с традиционными текстами, но и с другими инструментами и способами цифрового представления информации, включая гипертекст, объекты дополненной реальности, QR-коды, анимация, облако слов.

Заметим, что цифровая среда, современные цифровые инструменты позволяют школьникам в разы увеличивать скорость получения той или иной информации, генерировать и компилировать тексты, работать с собственным цифровым следом.

Практически, с точки зрения рассматриваемой в нашем докладе проблемы, это означает, что цифровая среда реально расширяет пространство школьного образовательного процесса, выступает мощным катализатором образовательной активности наших обучающихся.

Впрочем, для того чтобы она являлась средством, источником развития преподавания русского языка как иностранного школьников, с нашей стороны необходимы определенные педагогические действия, соблюдение ряда условий: создание в ходе урочных и внеурочных мероприятий учебных межшкольных коллабораций школьников по работе с художественными, публицистическими, научными текстами; удаленная групповая работа с текстами на деятельностной основе; выработка и предъявление этических норм, формирование культуры творческого чтения, общения и работы с текстами в цифровой среде, включая соблюдение авторского права; моделирование различных

диалоговых, дискуссионных учебных ситуаций; использование специализированных цифровых сервисов и платформ для работы с текстами (Национальный корпус русского языка; информационно-библиотечные системы); использование приемов рефлексии, педагогического дизайна, цифровых форматов работы по структурированию и графической обработке текстов (опорный конспект; «маркировка»; цифровой корректор; «реставрация текста»); использование цифровых читательских тренажеров.

В нашем докладе мы подняли важную для современного школьного образования проблему развития грамотности школьников в условиях преподавания русского языка как иностранного в цифровой среде. На основании вышеизложенного можно заключить, что цифровая трансформация школы есть некая новая реальность. Она одновременно несет как дополнительные возможности, так и дополнительные риски. С точки зрения развития преподавания русского языка как иностранного это означает, что эти возможности и риски должны быть осмыслены, проанализированы, должны быть сформированы работающие педагогические модели, разработан и апробирован комплекс педагогических средств, приемов, технологий, позволяющих учителям (не только русского языка и литературы) в ходе урока, внеурочного мероприятия эффективно развивать образовательную грамотность обучающихся в условиях преподавания русского языка как иностранного.

Рекламный текст как отражение и форма массовой культуры

Данная статья посвящена рассмотрению рекламного текста как явлению массовой культуры в современном мире. Дается определение понятию «культура» как многозначному социальному явлению, которое относят к сфере жизни индивида и которое помогает в развитии как отдельного человека, так и общества в целом. Культура выступает внутри системы традиционных норм и ценностей, определяющих личностное поведение через рекламные тексты в том числе, а текст мы рассматриваем как основную единицу коммуникации.

Ключевые слова: реклама, рекламный текст, общество, культура, массовая культура.

В современную эпоху реклама становится неотделимой частью жизни, присутствуя в разнообразных сферах деятельности человека и воздействуя на социально-культурные виды жизни общества. К этому можно добавить, что реклама как средство коммуникации между сторонами «производитель и покупатель» служит еще и средством контроля психосоматического статуса человека, являясь собственно функцией совершенствования выборов людей и рационализации их желаний.

Более того, реклама в качестве одного из механизмов формирует и отражает общественную культуру индивида. Она считается ее проявлением, так как культура является «всем, что создано человеческим обществом, благодаря физическому и умственному труду людей, в отличие от явлений природы. В более узком смысле: идейное и нравственное состояние общества определяется материальными условиями жизни общества и выражается в его быте, идеологии, образовании и воспитании» [1, с. 169]. Если можно так выразиться, культура считается сферой, относящейся к индивиду, выступающей внутри системы традиционных норм и ценностей, определяющих личностное поведение.

Существуют и другие определения термина «культура», в том числе: «Культура — это исторически сложившийся уровень развития общества, выраженный в типах и формах реализации творческих сил и способностей человека, а также в создаваемых людьми культурных ценностях» [2, с. 29]. «Культура — весь комплекс наиболее ярких духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных черт, характеризующих общество или социальную группу. Культура включает в себя не только искусство и литературу, но и образ жизни, основные права человека, систему ценностей, традиции и мировоззрение» [3, с. 31].

Самое исчерпывающее определение данного термина представлено в Федеральном законе: «Культура — совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков, ценностей, традиций и верований, находящих выражение в образе жизни и искусстве» [4].

В определении М. М. Розенталя культура называется «специфическим способом организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленным в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [5, с. 222–223]. Поэтому следует принять во внимание то обстоятельство, что реклама как часть культуры должна согласовываться и соответствовать стандартам, законам и мыслям общества.

В контексте общества и культуры, понятие «массовый» было использовано испанским философом Хосе Ортега-и-Гассет, который был одним из первых, кто использовал и попытался описать этот концепт.

По словам Ортега-и-Гассета, с точки зрения социологии, слово «масса» происходит из определения «толпа», так как толпа в количественном и визуальном отношении — это множество, а множество и есть масса [6, с. 127].

Американский социолог Дуайт Макдональд делает вывод о том, что «массовая культура» считается продуктом «массового индустриального века». Он также отмечал, что «Mass Culture is to some extent a continuation of the old Folk Art which until the Industrial Revolution was the culture of the common people, but here, too, the differences are more striking than the similarities» [7, с. 1–17]. Дословный перевод означает, что «массовая культура в какой-то мере является продолжением ста-

рого фольклора, который до промышленной революции был культурой простых людей, но и здесь различия заметны сильнее, чем сходства». Чтобы правильно передать смысл данной цитаты, можно попросту сказать, что массовая культура является культурой для массовой аудитории.

В определении белорусского культуролога М. Р. Жбанкова: «массовая культура — разновидность духовного производства, ориентированного на «среднего» потребителя и предполагающего возможность широкого тиражирования оригинального продукта» [8, с. 405].

Основываясь на этих определениях, можно сказать, что массовая культура в ее современном понимании является общественным феноменом различения культур, отличающихся целым спектром признаков.

Реклама растет день за днем и воздействует на абсолютное большинство людей для стимулирования не только их покупательского выбора, но и реверсируется устройство социальной и культурной среды, предоставляя специфические шаблоны поведения и мышления разным людям в разных странах мира, используя различные средства передачи информации. Поэтому она является необходимым компонентом массовой культуры. По мнению некоторых исследователей, к примеру А. В. Аврамова и В. П. Шестакова, реклама как культура для массовой аудитории и массовая культура взаимодействуют друг с другом. Иначе говоря, они взаимно используют друг друга, перетекая из одного в другое.

Следует отметить, что реклама «с одной стороны, как бы апеллирует к индивидуальности, непосредственно к «вам», и удовлетворяет индивидуальные склонности и потребности. С другой же — она выступает средством стандартизации. Эти две тенденции, возможно, выступают причиной популярности не только рекламы, но и низших уровней культуры в целом» [9, с. 242].

Реклама определяется А. В. Аврамовым как институт массовой культуры [10, с. 21]. А В. П. Шестаков считает, что она использует популярные сюжеты массовой культуры, а массовая культура — механизмы рекламного воздействия (связь с массовым потребителем, повторяемость, грубоватость, апелляция к мнимым потребностям, связь с законами рынка) [11, с. 88]. Можно отметить, что реклама и массовая культура считаются схожими во многих свойствах. Они связаны между собой тесными узами, значит, между ними существует прямая связь.

Несомненно, реклама представляется частью нашей культуры, поскольку она отражает культурную реальность общества через рекламный текст, который считается своего рода текстом, формирующим восприятие информации потребителем, учитывая особенности его культурной и языковой среды. Поэтому текст является единицей культуры, так как «он несет печать культуры определенного этапа в жизни общества, культуры народа с его традициями, устоями, менталитетом, культуры неповторимой личности творца» [Ю. М. Лотман], то есть текст — одно из ключевых понятий гуманитарной культуры, содержащий информацию.

В связи с этим, по словам Ю. М. Лотмана, «если культура — это способ самоорганизации мыслящего универсума, способ жизнедеятельности, правила деятельности людей, то связь с текстом очевидна». Итак, по Лотману, у текста и культуры существуют единые параметры, которые позволяют рассматривать текст как ее единицу:

1. Антропоцентричность (человек — творец культуры и ее главное творение; текст также создается человеком и для человека);
2. Диалогический характер (диалог культур, диалогичность текста);
3. Деятельностная сущность;
4. Знаковость (и текст, и культура — это семиотические системы, способные хранить и передавать социально значимую информацию);
5. Символичность (культура — это «символическая вселенная» [Ю. М. Лотман]; текст также имеет символический характер);
6. Функциональная общность;
7. Нормативность (культура — это совокупность норм; тексту также присущи разные нормы);
8. Категориальная общность (целостность, индивидуальное своеобразие) [Лотман Ю. М.], [1, с. 394].

Таким образом, важнейшая особенность текста как единицы культуры заключается в том, что он представляет собой «информационный генератор», по выражению Ю. М. Лотмана. Так что окружением, в котором функционирует любой текст, являются культура и общество. Л. Н. Мурзин считал, что и культура «существует в форме текстов — знаковых произведений духовной деятельности человека». Он также отмечал, что «текст есть формальная единица культуры. Культура „разлагается“ на тексты, состоит из текстов, хотя качественно не сводится к ним» [12, с. 164–165].

Следовательно, должно рассматривать текст не только как продукт речевого акта, но и как продукт социумной культуры. «Реклама записывает нашу жизнь в газетах и журналах, она существует для будущего» [13, с. 15]. То есть реклама отражает жизнь современного человека через рекламный текст, который, в свою очередь, реагирует на изменения языка в целом. С этой точки зрения, мы можем обнаружить близость текстуальных исследований нашей работы, которая заключается в изучении рекламных текстов как информационных генераторов, отражающих культурный аспект общества и выраженный в культуроспецифической информации.

В качестве самого обобщенного подхода к определению рекламного текста мы предлагаем следующее определение: рекламный текст — это особый тип текста, который выполняет коммуникативную связь между коммуникатором и реципиентом через средства массовой информации; и чем больше людей принимают участие в процессе коммуникации, тем больше проявляется его эффективность. То есть он ориентирован не на определенного реципиента, а на массовую аудиторию определенной страны, обращается к национальному сознанию определенной культуры.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод: постоянно растет интерес к рекламному тексту среди разных типов текста, особенно, к языку рекламы, который реализуется благодаря использованию языковых единиц почти всех уровней.

Литература:

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. — Назрань: Пилигрим. 2010
2. Белановский В. Е. Государственная культурная политика в условиях модернизации российского общества (1991–2000 гг.): дис. ... канд. ист. наук / В. Е. Белановский — М.: МГУ, 2005. — С. 29.
3. Костина А. В., Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Основы рекламы: учебное пособие. — СПб.: Кнорус, 2006.
4. Федеральный закон «О культуре в Российской Федерации» № 617570–5.
5. Розенталь М. М., Юдин П. Ф. (ред.) Философский словарь. М.: Издательство политической литературы, 1963.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. — 1989. — № 3. — С. 121–122.
7. McDonald D. A Theory of Mass Culture. — «Diogenes», No. 3, Summer 1953, pp. 1–17.
8. Жбанков М. Р. Массовая культура // Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. — Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998. — 896 с. — С. 405.
9. Ильин А. Н. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры): моногр. — Омск: Амфора, 2010. — 376 с. — С. 242.
10. Аврамов А. В. Смена научных парадигм в концептуализации феномена «массовая культура» // Автореф. дисс. канд. филос. наук. — Великий Новгород, 2007. — 21 с
11. Шестаков В. П. Мифология XX века: критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». — М.: Искусство, 1988. — 224 с.
12. Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // Человек — Текст — Культура: Коллективная монография / Под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург, 1994. — 169 с.
13. Marchand, Roland. «Introduction». Advertising the American Dream: Making way for Modernity 1920–1940, Berkeley: University of California Press, 1985, pp. XV–XXII.

Bouherouya Aicha

katyoucha-31@hotmail.com

University of Mohamed Ben Ahmed Oran 2-Algeria

Advertising text as a reflection and form of mass culture

This article is devoted to the consideration of the advertising text as a phenomenon of mass culture in the modern world. The definition of the concept «culture» is given as a multi-valued social phenomenon, which is attributed to the sphere of individual's life, and helps in the development of both the individual and the society as well. Since culture acts within a system of traditional norms and values that determine personal behavior through advertising texts, which necessarily imply an attitude to the text as the main unit of communication.

Keywords: advertising, advertising text, society, culture, mass culture.

Из истории изучения мифонимов в русском языке

В статье представлен обзор исследований мифонимов в русском языкознании. Автором анализируются работы ученых, чьи труды посвящены изучению мифонимов.

На протяжении многих веков до настоящего времени мифология как часть культуры стала объектом изучения разных наук. Мифология как воплощение мифологического сознания человека является важной частью национальной языковой картины мира. Лексические единицы мифа, обозначающие мифологических персонажей, предметов и т. д. — мифонимы, по-своему репрезентируя историко-национальное видение мира, требуют специального изучения. В работах ученых, рассматривающих мифологическую лексику, мифонимы изучены в разных аспектах. Подчеркивается, что в научной лингвистике не существует единого, удовлетворяющего всех исследователей термина, обозначающего единицы мифологической лексики.

Ключевые слова: языковая картина мира, мифология, мифонимы, лингвокультура, онимы, ономастика, мифы, легенды.

Язык каждого народа представляет собой живой организм, неразрывно связанный с историей, культурой и социальной жизнью этого народа. Носители разных языков, общаясь, взаимодействуя друг с другом, передают культуру своего народа посредством языка. Это подтверждает В. А. Маслова следующими словами: «Язык, как известно, хранит увлекательную повесть тысячелетних усилий человека познать и объяснить мир и себя в этом мире. Может быть, поэтому язык теснее всего связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [6, с. 75].

Целью статьи является определение степени изученности мифологической лексики в современной лингвистике.

По мнению многих ученых, основу культуры нации, народа составляют мифы, отражающие душу народа, его представление о бытии, природе и жизни. С этой точки зрения мифы как составная часть культуры народа интересуют многих ученых фольклористов (В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, Ю. Миролюбов), литературоведов (С. С. Аверинцев, О. М. Фреденберг), философов (А. Ф. Лосев, П. С. Гуревич, А. М. Пятигорский), историков (Э. А. Леваков, Б. А. Рыбаков), этнографов (А. Н. Афанасьев, З. Я. Можейко), лингвистов (А. А. Потебня и др.) и представителей других наук.

Мифология, отражая лингвокультурологическую особенность конкретного этноса, реализуя взгляд на мир, позволяет выделить лексическую единицу-мифоним. Мифонимы обладают яркой национальной культурной спецификой, поскольку их семантика связана с историей и культурой народа и народа-носителя и отражает их мифологические представления. Исходя из вышесказанного, можно отметить, что мифы представляют собой в плане лингвистического анализа многогранное, комплексное явление, которого можно изучить в разных аспектах.

В языке мифонимы, представляя своеобразный сектор ономастического пространства, охватывают наименования людей, животных, растений, народов, географических и космогонических объектов, различных предметов в реальности никогда не существовавших, а созданных фантазией народа. Подтверждением этому является то, что мифонимы проникли в систему языка. Об этом в статье «Мифонимы в системе языка» Р. З. Мурясов пишет следующее: «основы мифонимов проникли также в терминологическую систему языков. Многие из них стали космонимами, т. е. названиями небесных тел и явлений, прежде всего Солнечной системы. От некоторых мифонимов образованы термины в области химии, медицины, ботаники» [9, с. 955].

Изучение языковой картины мира любого этноса невозможно без изучения мифологии, отражающих национально-культурную специфику. Мифология, отражая жизнь, быт народа, являясь как часть культуры, стала объектом изучения словарей. В таких лексикографических источниках, как «Мифологический словарь», «Большой энциклопедический словарь. Мифология», «Славянская

мифология», «Мифы и легенды народов мира», «Славянские древности», «Русский демонологический словарь» даны экстралингвистические значения мифонимов, однако мифонимы требуют осмысления с лингвистических позиций, что позволяет изучать их в языковом дискурсе.

Основоположником учения о мифологии считается А. Н. Афанасьев. Его фундаментальный труд «Поэтические воззрения славян на природу» занимает исключительное место в мировой науке и культуре. В 2008 году книга была издана в другом формате под названием «Славянская мифология», куда включены статьи разных лет о мифологии, комментарии к текстам, список источников, используемых А. Н. Афанасьевым, библиография работ самого автора. Только «Поэтические воззрения славян на природу» состоят из 28 глав, не включая другие публикации.

На наш взгляд, труды А. Н. Афанасьева являются опорой для современных исследователей мифологической лексики.

А. А. Потеня в своей работе «Слово и миф» рассматривал философские проблемы языка и мифа. Он отмечает следующее: «Отношение теории словесности к мифологии сходно с отношением ее к истории словесности. Мифология есть история мифического мирозерцания, в чем бы оно ни выражалось: в слове и сказании или в вещественном памятнике, обычае и обряде. Теории словесности миф подлежит лишь как словесное произведение, лежащее в основании других более сложных словесных произведений» [13, с. 257].

А. В. Суперанская в работе «Общая теория имени собственного», учитывая лингвистические и экстралингвистические характеристики имен собственных, дает их классификацию. Она отмечает, что мифонимы являются составляющими ономастического пространства и индивидуализирующими именованьями широкого круга объектов и явлений «в действительности не существовавших» [16, с. 180].

В кандидатской диссертации «Мифологизмы в русском литературном языке XVIII века» Ф. Г. Фаткуллина на материале оригинальных и переводных текстов комплексно описала мифологическую лексику русского литературного языка XVIII века, установила пути семантической эволюции мифологизмов.

А. А. Юнаковская в статье «Типы мифологических единиц в современном городском просторечии» рассматривает слова, обозначающие различные мифологические персонажи и словосочетания, отражающие мифологические действия, репрезентирующие мифологическое сознание и употребляющиеся в речи горожан.

Кандидатское исследование К. К. Шарыповой «Структурные и функционально-семантические особенности мифологической лексики в языках различных систем» посвящено изучению мифологической лексики различных языков. Автор, сопоставляя мифологическую лексику разных языков, определил их структуру и функционально-семантические особенности.

В работе «Мифологические имена как лингво-эстетическая категория в языке А. С. Пушкина» С. Н. Переволочанская рассматривала мифологические единицы ономастического пространства в произведениях А. С. Пушкина.

В статье «Мифологические парадигмы в зеркале языков» Д. И. Хизбуллина представила мифологический код модели мира и его репрезентацию в английском, башкирском и русском языках в свете теории мифотворчества и языковой картины мира.

И. А. Лиходкина в статье «Особенности передачи мифонимов из русских народных сказок на английский, французский и итальянский языки» рассматривала мифонимы как особый вид реалий, отражающий культуру и менталитет народа, и выявила особенности перевода мифонимов на другие языки.

Г. И. Исина в статье «Мифологема как составляющая картины мира в контексте современности» определила особенностей мифологического сознания в общекультурном и национальном срезе языковой картины мира.

Хань Цзинхуэй в своей диссертации «Мифологические персонажи в современной русской языковой картине мира» (на фоне китайского языка) исследовал перечень слов-мифологем, обозначающих мифологических персонажей в русской языковой картине мира, в сопоставлении с китайским языком и выявил их национально-культурные особенности. Автором даны изменения лингвокультурных коннотаций в мифологемах русского языка по сравнению с традиционным значением, которые выявились при сопоставлении с китайской языковой картиной мира.

Ю. В. Барковская в кандидатской диссертации «Мифологические и христианские имена собственные в поздних текстах Н. С. Лескова» проанализировала христианские и мифологические имена в произведениях Н. С. Лескова.

О. А. Плахова в статье «Роль образной составляющей в структуре мифологического концепта» отмечает, что образная составляющая является обязательным компонентом мифологического концепта и зависит от когнитивных признаков в структуре концепта [12, с. 86].

С. А. Питина в работе «Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира» изучила типы мифологем и идеологем, выраженные универсальными средствами, выявила причину мифологизации и демифологизации, определила особенности мифологем, национально-культурную специфику картины мира, определила центр и периферию мифологической концептосферы.

В кандидатской диссертации «Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания» О. В. Абыякая проанализировала слова-мифологемы с точки зрения их особенностей семантики, функционирования и определила прагматические компоненты значения, обусловленные русской национальной языковой картиной, определила принципы лексикографического описания слов-мифонимов.

Е. Ю. Ильинова в статье «Мифологема как эвристический прием интерпретации когнитивной картины мира» рассмотрела понятие мифологема, уточнила категориально-семантические импликации значения мифолексем, называющие мифологические концепты в языковом сознании.

В статье «Мифоконцепт, мифологема, мифоним, мифолексема: к вопросу об унификации терминологического разнообразия» А. А. Плахова рассмотрела подходы определения мифологема как ментального образования и как единицы лексической системы. Автор пыталась уточнить широкое и узкое значение термина «мифоним» и считает целесообразным введение в научный обиход термина «мифолексема». На наш взгляд, предложенный термин заслуживает внимания, поскольку при изучении мифологической лексики постоянно встречаются нарицательные слова.

Е. А. Чубина в статье «К вопросу об использовании мифонимов в названиях объектов сферы туризма» изучая проблемы номинации объектов в сфере туризма, анализирует мифонимы и процессы трансонимизации.

Д. Л. Кулагин в статье «Мифологические архетипы в русских народных сказках» рассматривал мифологическое мировоззрение восточных славян в русских народных сказках.

Статья А. А. Кудрявцевой «Особенности сочетаемости мифонимов, перешедших в имена нарицательные» посвящена мифонимам, перешедшим в нарицательные имена. Автором проанализированы антропоморфная и не антропоморфная сочетаемости, синонимические ряды, включающие мифонимы.

В. И. Дынин в статье «О натуре русских мифологических персонажей» рассматривал мифологическую лексику с точки зрения исторической эволюции религиозно-мифологических представлений.

В докторской диссертации О. А. Черепановой «Мифологическая лексика русского языка» представлено исследование по региональной и исторической лексикологии, посвященное описанию и комплексному изучению мифологической лексики русского языка XIX и XX веков по материалам Севера.

Д. М. Токмашев в статье «Теоретические проблемы фольклорной ономастики (на материале шорского языка)» исследует ономастическую лексику, в частности мифонимов, в различных жанрах.

В статье «Мифы и сказки как источник эргонимических номинаций (на примере ономастикона Тамбовской области)» Т. О. Прокофьева рассматривает особенности функционирования в ономастическом пространстве мифонимов, определяет особенности актуализации мифологических и сказочных прецедентных феноменов, выступающие в качестве эргонимической номинации. Автор отмечает, что эффективное использование мифологических и сказочных прецедентных феноменов в качестве основы эргонимических номинаций должно опираться на общие культурные коды, когнитивные аспекты и мотивационные сферы личности номинатора и адресата как членов лингвокультурного сообщества [14, с. 56].

Е. В. Стоянова в статье «Мифологема как культурная основа концептуализации действительности» (на материале русского и болгарского языков) мифологема рассматривается как единица

интерпретации ценностного аспекта современных лингвокультур. Автор отмечает, что концептуализация окружающей действительности регламентируется действием мифологем [15, с. 104].

Статья Н. Ю. Кузнецовой «Функционирование мифонимов в немецких и русских сказках» посвящена изучению мифонимов в немецком и русском языках на материале сказок. В ней автор, рассматривая мифонимы в немецких и русских сказках, отмечает, что мифонимы обладают яркой национальной культурной спецификой, поскольку их значение напрямую связано с историей и культурой народа — носителя языка [5, с. 109].

Л. Л. Григорьева, Г. А. Багатудинова в статье «Репрезентация мифологического сознания человека во фразеологии русского, английского и арабского языков» исследуют фразеологические единицы мифологического происхождения в трех языках. Авторы, сопоставив фразеологические единицы мифологического происхождения русского, английского и арабского языков, их распределили в следующие группы:

1. Фразеологические единицы, отражающие мифологические представления античных народов.
2. Фразеологизмы, отражающие религиозную картину мира других языческих народов [3, с. 148].

Н. И. Коновалова в статье «Демонологическая лексика как фрагмент концепта «сакральное» в русском языковом сознании» проводит компонентный анализ слов-мифологем. В результате ассоциативного эксперимента автор подчеркивает антропоцентризм сакральных представлений, экспрессивно-оценочные коннотации, опирающиеся на этнокультурные стереотипы [4, с. 150].

О. Ю. Николенко в статье «Названия мифических существ: история лексической группы по лексикографическим источникам» на материале лексикографических источников проводит анализ слов современного русского и древнегреческого языков, обозначающих мифических существ. Проанализировав лексические единицы, называющих мифических существ, автор дает классификацию названия мифических существ по генетической принадлежности к разным культурным традициям и по источнику происхождения [10, с. 148].

Докторская диссертация С. А. Кошарной «Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «человек-природа» в русской языковой картине мира» посвящена изучению семантической структуры слов, репрезентирующих взаимодействующие между собой ядерные понятия — человек и природа. Автор в синхронном и диахронном срезе выявил семиотические отношения между фактами культуры и языковыми единицами, отражающими языковую картину мира.

К. О. Папоян в статье «Фольклорно-мифологическая лексика в лирике М. И. Цветаевой» рассмотрел фольклорно-мифологические единицы в поэтической картине мира М. И. Цветаевой.

З. Б. Баучиева в диссертации «Этнокультурная лексика тюркского происхождения в русском языке», рассматривая этнокультурную лексику тюркского происхождения, проанализировала мифонимы тюркского происхождения в русском языке.

В книге В. А. Масловой «Лингвокультурология. Введение» на стыке лингвистики и культурологии рассматривается миф как важнейшая категория лингвокультурологии. Автор рассматривает связь мифа с языком и другими явлениями культуры. В. А. Маслова отмечает следующее: «Человек в конце XX века, осознал, что вся информация о мире приходит к нему по лингвистическому каналу, что он (человек) живет в большей мере в мире слов, чем в мире предметов и вещей: огромная доля информации поступает к нему через слово, и успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет словом, причем не столько в плане культуры речи, сколько в умении проникнуть в тайны языка... Язык — основной источник хранения мифов. Глубинный анализ языковых явлений с учетом мифологии — важная и актуальная задача современной лингвистики» [6, с. 5].

А. Н. Сыдыков в монографии «Этнолингвистика», рассматривая вопросы хронимов, этнонимов, культуронимов, не оставил без внимания и мифонимы. Исключительный интерес представляет глава «Теонимы», где проанализированы мифические персонажи в разделе «Теонимы в «Слове о полку Игореве». Представлен синхронный и диахронный анализ названий мифонимов, языческих богов — покровителей русского народа. Также автор подробно рассмотрел этимологию таких мифонимов, как «Перун», «Дажьбог», «Сварог», «Ярило» и др.

Представленный материал демонстрирует многоаспектность изучения мифонимов и констатирует, что в русском языкознании не существует единого терминологического названия мифологической лексики.

Обилие статей и многочисленность диссертационных исследований говорит о том, что мифологический пласт ономастики требует дальнейшего углубленного изучения.

Лингвистические изучения мифонимов позволяют не только определить место лексем этой группы в общем составе лексики русского языка, но и выявить единицы выражения мифологической картины мира человека, и получить новые материалы.

На наш взгляд, мифология определяет не только языческую культуру, но является основой для изучения материалов эпоса, былин, сказок, обрядовых песен, ономастики, фразеологизмов, паремиологии.

Таким образом, изученный материал подтверждает, что мифоним, являясь значимым элементом языковой картины мира, играет важную роль в системе языка и культуры. Изучение этимологии мифонимов помогает понять историю культуры и связь времен.

Литература:

1. Абыякая О. В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Санкт-Петербург, 2014. — 40 с.
2. Афанасьев А. Н. Славянская мифология. — М.: Эксмо, 2008. — 1520 с.
3. Григорьева Л. Л. Репрезентация мифологического сознания человека во фразеологии русского, английского и арабского языков / Л. Л. Григорьева, Г. А. Багатудинова // Альманах современной науки и образования. — Тамбов, 2011. — № 12 (55). — С. 147–150.
4. Коновалова Н. И. Демонологическая лексика как фрагмент концепта «сакральное» в русском языковом сознании // Язык. Система. Личность. — Екатеринбург, 2000. — С. 551–556.
5. Кузнецова Н. Ю. «Функционирование мифонимов в немецких и русских сказках» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2015. — № 7. — С. 109–111. — Режим доступа: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/28.html
6. Маслова В. А. Лингвокультурология. Введение / В. А. Маслова. — М.: Юрайт, 20018. — 208 с.
7. Мифологический словарь. — М., 1990. — 672 с.
8. Мифы и Легенды народов мира. — М., 2000. — 650 с.
9. Мурясов Р. С. Мифонимы в системе языка // Вестник Башкирского университета. — 2015. — Т. 20. — № 23. — С. 952–955. — Режим доступа: http://bulletin-bsu.com/arch/files/2015/334_4907_Muryasov_2v_952-956.pdf
10. Николенко О. Ю. Названия мифических существ. История лексической группы по лексикографическим источникам / О. Ю. Николенко. — С. 54–56. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/artikl/n/nazvaniya-mificheskikh-suschestv-istoriya-leksicheskoy-gruppy-pro-leksikograficheskim-istochnikam/viewer>
11. Питина С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. — Челябинск, 2002. — 42 с.
12. Плахова О. А. Роль образной составляющей в структуре мифологического концепта / О. А. Плахова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012, том 10 — № 1. — С. 83–88. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=101874>
13. Потеня А. А. Слово и миф // Из истории отечественной философской мысли. — М.: Правда, 1989. — 465 с.
14. Прокофьева Т. О. Мифы и сказки как источник эргонимических номинаций (на примере ономастики Тамбовской области). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mify-i-skazki-kak-istochnik-ergonimicheskikh-nominatsiy-na-primere-onomastikona-tambovskoy-oblasti/viewer>
15. Стоянова Е. В. Мифологема как культурная основа концептуализации действительности (на материале русского и болгарского языков). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/>
16. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М.: Наука, 1973. — 366 с.
17. Сыдыков А. Н. Этнолингвистика [Текст]: Монография. — Изд. LAP LAMBERT Academic Publishing, Deutschland. — 2020. — 251 с.
18. Хань Цзинхуэй Мифологические персонажи в современной русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.0. — СПб., 2002. — 20 с.

*Niyazalieva Rakhat Anarbekovna**nrahat73@mail.ru**The Bishkek State Unibersity named after Kusein Karasayev**Bishkek, Kyrgyzstan*

From the history of methonyms' researches in Russian

The article examines the history of methonyms' research. Reviewed and analyzed the history of scientists whose works are devoted to study of metonymy.

For many centuries until now, mythology as part of the culture has become the object of study of different sciences. Mythology as the embodiment of the mythological consciousness of person is an important part of the national linguistic picture of the world. Lexical units of myth, denoting mythological characters, objects, etc. — methonyms, in its own way representing the historical and national vision of the world, requires special study. In the works of scientists considering mythological vocabulary, methonyms are researched in different aspects. It is emphasized that in scientific linguistics there is no single, satisfying all researchers of term denoting units of mythological vocabulary.

Keywords: linguistic picture of the world, mythology, methonyms, linguistic culture, onyms, onomatology.

Формирование социокультурной компетенции у студентов, изучающих РКИ в условиях ограниченной языковой среды

В статье рассматриваются особенности обучения русскому языку как иностранному в условиях ограниченной языковой среды и возможности использования некоторых приемов внеаудиторной работы как средства формирования социокультурной компетенции и частичной компенсации отсутствия естественной языковой среды.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, ограниченная языковая среда, социокультурная компетенция, внеаудиторная деятельность.

В процессе изучения иностранного языка значимым является «окружение», в котором протекает обучение, иными словами, языковая среда [1, с. 364]. Изучение русского языка иностранными студентами может проходить в естественной (если обучение организуется в условиях иноязычной языковой среды) и искусственной языковой среде (которая воссоздается с помощью различных средств обучения в условиях отсутствия естественной языковой среды) [Там же]. Изучение языка в среде носителей языка, несомненно, является благоприятным фактором для овладения этим языком [2–4].

В рамках данной статьи мы хотели бы поделиться опытом преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в условиях ограниченной языковой среды. Студенты из Китая и Японии приезжают в Армению, ставя перед собой различные цели: кто-то, как китайские студенты, планирует пройти обучение в магистратуре Российско-Армянского университета (РАУ) и стать преподавателем русского языка на родине; кто-то учится в университете по программе международного обмена и, помимо русского, изучает армянский язык (как студент из Японии). Вуз, в котором иностранные студенты проходят обучение, становится площадкой, на которой они общаются с преподавателями, студентами и администрацией университета исключительно по-русски. Однако одних занятий по русскому языку и общения в стенах учебного заведения недостаточно: студентам, которые постоянно слышат армянскую речь вне аудитории, необходимо развивать коммуникативные навыки на русском языке. Особое значение в условиях ограниченной языковой среды также приобретает формирование социокультурной компетенции. Социокультурная компетенция представляет собой «знание учащимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры страны, а также способов пользоваться такими знаниями в процессе общения» [7, с. 143].

На наш взгляд, одним из самых эффективных средств формирования социокультурной компетенции у студентов, изучающих РКИ, является внеаудиторная деятельность. Перечислим некоторые формы внеаудиторной работы с иностранными студентами, которые дают возможность на практике применить знание русского языка.

Просмотр спектаклей и фильмов на русском языке

Массовый поход в театр и просмотр спектаклей на русском языке помогает воспитывать у студентов готовность к общению и сотрудничеству с людьми в инокультурной среде. Нами были организованы походы в Ереванский государственный русский драматический театр имени К. С. Станиславского с армянскими и китайскими студентами. Обучающиеся подключались к процессу организации похода в театр: звонили в театральную кассу, заказывали и покупали билеты. Обсуждение спектакля проводилось на объединенном занятии в форме викторины, к которой студенты заранее готовили вопросы и задания.

Совместное посещение кинотеатра предоставляет возможность для развития не только коммуникативных навыков, но и умения «сопоставлять факты языка и факты действительности»

[5, с. 22], а также понимания того, что язык — «не только средство познания и средство общения, но и форма социальной памяти, “культурный код нации”» [Там же]. В Ереване действует кинотеатр «Москва», в котором демонстрируют фильмы на русском языке. Стоит отметить, что там часто проводятся различные кинофестивали, на которые можно ходить со студентами, к примеру, «Золотой абрикос». Помимо этого, интересным опытом может стать посещение фестивалей национального кино. Так, студенты из Китая часто приглашают преподавателей и студентов других групп на фестивали китайского кино, где показывают фильмы с русскими субтитрами. Национальные фильмы — это своего рода культурные портреты страны, и обсуждение сюжетов фильмов на последующих занятиях может стать весьма плодотворным в аспекте межкультурной коммуникации.

Посещение музеев, приуроченное к праздникам

Знакомство с русскими традициями и обычаями можно проводить не только на материале фольклорных праздников. На сегодняшний день актуальной является задача включения в занятия по РКИ лингвострановедческого компонента, отражающего современные жизненные реалии российского общества. Так, например, мероприятия, посвященные Дню Победы, помогают студентам, проживающим в Армении, познакомиться с традициями празднования этого дня в России и на территории стран СНГ. Посещение Парка Победы, музея Великой Отечественной войны, возложение цветов к вечному огню, осмотр военной техники и знакомство с полевой кухней — мероприятия, способные научить студентов быть толерантными, уважать других людей, жить в мире и дружбе со всеми народами.

Еще одна довольно молодая традиция — проведение акции «Ночь музеев», которая проходит в выходные, ближайшие к Международному дню музеев (18 мая). В рамках этой акции нами традиционно планируется поход в Музей русского искусства. Экспозиции музея предоставляют иностранцам уникальную возможность узнать интересные факты о картинах русских художников, находясь вдали от России. Подобные организованные походы в музеи не только знакомят обучающихся с русской историей и культурой, но и развивают у них готовность и умение жить и взаимодействовать в современном поликультурном мире.

Участие в литературно-музыкальном вечере

Внеаудиторные занятия и процесс подготовки к ним предоставляют обучающимся возможность общения в неформальной обстановке. Кроме того, участие в различных тематических мероприятиях способствует проявлению творческих способностей студентов. Одним из примеров таких мероприятий является праздник к 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина, организованный кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации в рамках Недели русского языка в Армении. Активное участие в музыкально-поэтическом вечере приняли студенты РАУ, обучающиеся по направлениям «Филология», «Журналистика», «Лингвистика», а также иностранные студенты из Китая, Японии, Индии. На празднике звучали стихотворения различной тематики, исполнялись известные романсы и авторские композиции, созданные студентами специально к юбилею поэта. Так, например, студент из Японии прочитал стихотворение «Я помню чудное мгновенье» на русском и японском языках, а также исполнил музыкальную композицию собственного сочинения на гитаре.

Выступление на студенческой конференции

Привлечение студентов к специально организованной научной деятельности может выступать в качестве одного из приемов моделирования языковой среды в реальном образовательном процессе, что способствует началу формирования картины мира, присущей изучаемому языку [6, с. 34]. Иностранные студенты, проходящие обучение в РАУ, принимают активное участие в ставших ежегодными международными студенческими конференциях «Лингвострановедение: Родина глазами студента». Выступающие на конференции знакомят слушателей с традициями своей страны: традиционно звучат доклады, посвященные истории, религии, письменности, культурным и архитектурным достопримечательностям, экологии, национальным обычаям и традициям. Подобное научное мероприятие помогает развитию навыков сопоставления языковых и культурных фактов родной и иноязычной культур.

Открытый урок

Еще одной интересной формой внеаудиторной деятельности с применением социокультурного компонента является организованная преподавателем РКИ проектная работа, результаты которой студенты представляют на открытом уроке. Урок под названием «Экологические проблемы современности» проходил в РАУ с участием администрации университета, преподавателей различных дисциплин и студентов других специальностей. Студенты представили результаты своих исследований, затрагивающих актуальные экологические проблемы: загрязнение воздуха и воды в Китае, перенаселение планеты, энергетические ресурсы в Японии. В ходе открытого урока проходило активное обсуждение экологических проблем и вариантов их решения не только в аспекте культур иностранных студентов, но и в аспекте русской и армянской культур. Подобная форма работы призвана оживить дискуссию, повысить мотивацию студентов, и, в конечном итоге, служит развитию успешности культурного диалога в группе.

Таким образом, внеаудиторная деятельность является значимой составляющей процесса овладения иностранным языком в условиях ограниченной языковой среды. Приведенные в статье приемы внеаудиторной работы развивают у иностранцев умение сравнивать социокультурный опыт народа, говорящего на изучаемом языке, с собственным опытом. Культурная и страноведческая информация, которую студенты усваивают в процессе подобных мероприятий, служит формированию знаний о социокультурных особенностях носителей изучаемого языка, а также повышению уровня общей культуры обучающихся.

Литература:

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения иностранным языкам). — М.: ИКАР, 2009. — 448 с.
2. Акишина А. А., Каган О. Е. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного. — М.: Рус.яз. Курсы, 2002. — 256 с.
3. Вишняков С. А. Русский язык как иностранный: учебник. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 240 с.
4. Капитонова Т. И., Московкин Л. В., Щукин А. Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному. — 2-е изд., стереотип. — М.: Русский язык. Курсы, 2009. — 312 с.
5. Мартынова М. А., Ковалева Н. А., Юн Л. Г. Организационно-методические особенности работы с китайскими учащимися при обучении РКИ в условиях отсутствия языковой среды // Русский язык за рубежом. Специальный выпуск «Русистика Китая». — 2017. — С. 15–30.
6. Хабарова О. В. Роль и место социокультурного компонента в практике преподавания русского языка как иностранного // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2013. — № 3. — С. 33–38.
7. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для вузов. — М., 2003. — 334 с.

E. N. Arefeva
yevgenia.arefeva@rau.am
Russian-Armenian university

Development of sociocultural competence among students studying RFL in limited language environment

The article explores specific features of teaching Russian as foreign language in limited language environment and potential of using some types of out-of-class activities for developing of sociocultural competence and for creating such a learning environment which can partially compensate lack of natural language environment.

Keywords: Russian as foreign language, limited language environment, sociocultural competence, out-of-class activities.

Интернет-мем как лингвокультурема

Статья касается интернет-мема как единицы лингвокультурологии и ее употребления в интернет-пространстве. В работе затрагиваются функциональные и семантические ресурсы мема. Появление лингвокультурных мемов — это попытка воздействовать на окружающих посредством внедрения лингвокультурной информации.

Ключевые слова: лингвокультурология, креолизованный мем, интернет-мем, аллюзия, языковая экономия.

В процессе развития информационного общества возникают определенные признаки качественно новых социально-культурных процессов и явлений, среди которых особое место занимает Интернет. Он охватил все сферы жизни, став неотъемлемой его составляющей, выступил в определяющей роли в системе коммуникации, радикально изменив систему общественных отношений.

Е. И. Горошко убеждена, что «Интернет образует особую коммуникативную среду — место реализации языка, которое не имело аналогов в прошлом» [1, с. 390].

Производительность использования интернет-мемов определяется отмеченными ниже факторами: прежде всего, это возможность лаконично и экспрессивно наглядно передать информацию [4, с. 49].

Языковая экономия достигается на основе аллюзии, таким образом, в процессе коммуникации мем выступает верхушкой айсберга, а основная информация остается формально не выраженной, находясь в сознании коммуникантов как элемент культурной или эмпирической составляющей личности.

Интернет-мем чаще всего интерпретируют либо как обычную комическую картинку с надписью, либо, более широко, как определенную идею, имеющую не только план графического выражения, но и другие средства (популярные трансформированные и нетрансформированные афоризмы и др.).

Термин *мем* (от греч. — *имитатор*) происходит от дефиниции «меметика», заимствованной лингвистами из биологии.

Р. Докинз под мемом подразумевает определенный аналог гена как базовую единицу репликации, который функционирует в человеческом мозге и влияет на окружающую среду, распространяясь с помощью процесса имитации [2, с. 241].

В работе исследователя В. Е. Савицкой тонко подмечено: «Вся «научность» меметики, была и остается на уровне яркой остроумной аналогии с «генами-репликаторами». Меметика навсегда застряла на уровне блестящего, публицистически броского сравнения ген-мем-вирус, эксплуатируя при этом все таящиеся в обществе подспудные страхи и опасения по поводу возможности манипуляции сознанием научными методами» [7].

Наука интерпретирует мем как комплексную идею, которая формируется в виде чего-то определенного и памятного, как формальное средство вербализации. Зарождаясь в сознании одного человека, определенный образ, находя свое выражение, «заражает» и других лиц, трансформируясь в определенной степени в результате восприятия и осмысления, затем вновь передается дальше. Такой способ функционирования позволяет интерпретировать анализируемое понятие как одну из разновидностей вирусной информации.

Мем — это единица информации, которая содержится в сознании индивида и влияет на события таким образом, чтобы в сознании других людей возникло большее количество ее копий.

Ю. В. Щурина трактует интернет-мемы как разновидность прецедентных феноменов, единицу информации, передаваемой посредством интернет-коммуникации [9, с. 163].

Под термином мем-лингвокультурема будем понимать мем, содержащий лингвокультурную информацию и характеризующийся речевой экспликацией.

По нашему мнению, лингвокультурный компонент включает в себя знание национально маркированной лексики и определенных грамматических конструкций [3, с. 20].

В дифференциальные признаки мемов как лингвистических единиц включают: социально-культурный характер, полимодальность, избыточность, намеренное искажение, абсурдная модель языковой картины, установка на языковую игру при выборе лингвистических средств, юмористическая направленность, отражение социокультурной общности пресупозиций коммуникантов [5, с. 113–115] благодаря общему лингвокультурному фонду.

Анализируя лингвистический аспект интернет-мемов, ученые нередко говорят о новом жанре, который характеризуется специфическими признаками на уровне орфографии, лексики и синтаксиса. Характеризуясь четкой структурой, мем выступает в роли прямой ссылки на известное изречение — источник, трансформируя его в процессе своего употребления.

В роли изречения-источника могут выступать афоризмы, крылатые изречения, фразеологизмы, цитаты и т. д.

Одним из наиболее типичных признаков мемов является ориентированность реципиента, представленная обращениями (*дамы и господа; молодой человек, девушка, бабка, хлопчик*), приказным способом (*давай, расскажи мне что-нибудь*), односложными неопределенно-личными предложениями (*Хорошего дня! — Как дела? — Пока не родила. Или Дела у прокурора, а у нас так... де-лишки; Закурить не найдется? А если найду?*).

Таким образом, еще одна причина популярности мемов кроется в одновременной близости презентованных идей, как автору, так и реципиенту.

Интернет-мем не предполагает закрепленного автора, поскольку он является результатом творческого взаимодействия пользователей социальных сетей [6].

Ученые выделяют две группы интернет-мемов: креолизованные мемы и собственно текстовые мемы.

Креолизованные интернет-мемы имеют смысловую гомогенную систему, в которой изучены различные структурные уровни: вербальный, визуальный и музыкально-звуковой. Они выступают в функции диспенсера языкового материала в социальной сети. Часто именно креолизованные интернет-мемы и являются основой для формирования узнаваемой фразы, которая с годом трансформируется в текстовый интернет-мем [5].

Таким образом, мемы воспринимаются как сверхтекст, делая возможным не только содержательность, но и позволяют эксплицировать информацию максимально лаконично, часто не апеллируя даже к вербальным средствам. Например, отправляя реципиенту изображение или мелодичный проигрыш без вербального сопровождения, мы лишаем его возможности самостоятельного нахождения смыслов и расширения коммуникативных каналов [8, с. 41–47].

В социальных сетях доминируют креолизованные мемы. Креолизация придает мему экспрессивность и несет в себе дополнительную коннотацию, поэтому эмоциональная насыщенность — это главный фактор распространения мемов.

Поскольку креолизация характеризует говорящего или предмет, или лицо, о которой идет речь, мем приобретает дополнительную комическую и даже ироничную эмоциональную окраску.

Самыми частыми среди креолизованных мемов являются те, что презентуют:

- необычные эмоции и специфическое изображение выражения лица, эксплицирующие отношение к данной ситуации;
- необычные обстоятельства: странное по форме и загадочное по содержанию событие;
- обыденную ситуацию / героев, объект культуры, историческую картину.

По структуре нами выделены следующие текстовые мемы:

- мемы-слова;
- мемы-словосочетания;
- мемы-фразы.

Мемы, которые по форме выражения представляют собой отдельные слова, чаще всего интерпретируются как сленг, поскольку они являются данью моде и имеют «вирусную» природу распространения, однако, по нашему мнению, в отличие от единиц сленга, мемы характеризуются большим семантическим наполнением.

Этот факт обусловлен тем, что любой мем имеет свою историю, которая является не только лингвокультурной справкой, но и мотивацией для обогащения и понимания его значения, то есть каждый из мемов является единицей гипертекста, виртуальной ссылкой на ситуацию своего создания.

Мемы-словосочетания, как и фразовые мемы, отражают тенденцию к «карнавализации» общения и к языковой игре [5, с. 113].

Фразовые мемы имеют структуру простого или сложного предложения.

Фразовые мемы потенциально могут служить источником пополнения паремиологического состава речи. В отличие от пословиц и присказок, входящих в общеязыковый фонд, фразовые мемы тяготеют к единицам интернет-сленга, понятного не каждому, а широкому кругу коммуникантов [8, с. 41–47].

Мем, который является простым и выразительным по форме, сразу завоевывает внимание, прежде всего, молодежи, самой многочисленной и самой лабильной группы пользователей социальных сетей, поэтому часто интернет-мемы несут в себе отпечаток молодежной субкультуры с ее эмоциональной насыщенностью [8, с. 41–47].

Отметим, что степень экспрессивности мемов непосредственно связана со скоростью его восприятия и распространения, а также степенью критичности его анализа [5].

Таким образом, можно утверждать, что меметичность является одной из основных черт культуры виртуальных социальных сетей.

Проведенный анализ подтверждает важный статус интернет-мемов как хранилищ культурных знаков, богатых лингвокультурной информацией, и как интеллектуальных продуктов коллективного творчества интернет-сообщества [5, с. 113–115], содержащих вербальную (текст) и паралингвистическую (изображение) составляющую. Именно этот фактор позволяет мему оставаться одним из самых продуктивных средств интернет-коммуникации.

Литература:

1. Горошко Е. И. Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик Интернета // *Educational Technology & Society*. — 11(2). — 2008. — С. 388–411.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген. — М.: Мир, 1993. — 318 с.
3. Кривошапова Н. В. Лингвокультурная информация о Приднестровском регионе в интернет-коммуникации // *Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей V Международной научно-практической конференции, Москва, 22–23 апреля 2021 года / Российский университет дружбы народов*. — М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. — С. 20–27.
4. Литневская Е. И. Психолингвистические особенности интернета и некоторые речевые особенности чата как исконного селевого жанра / Е. И. Литневская, А. П. Бакланова // *Вестник Московского университета*. — Серия 9. Филология. — 2005. — № 6. — С. 46–61.
5. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // *Казанская наука*. — 2013. — № 1. — С. 113–115.
6. Марченко Н. Г. Социальная сеть ВКонтакте: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2013. — 16 с.
7. Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // *Культура в современном мире*. — 2013. — № 3. — URL: <http://infoculture.rsl.ru> (дата обращения: 07.11.2021 г.).
8. Соколова Е. В. Виртуальное пространство: новые феномены коммуникации // *Антропологічні виміри філософських досліджень*. — 2012. — № 1. — С. 41–47.
9. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // *Лингвистика дискурса*. — Вып. 3, 2012. — С. 160–172.

Krivoshapova N. V.

krivoshapova2012@gmail.com

Pridnestrovian State University T. G. Shevchenko, Tiraspol

Internet meme as a linguoculturema

The article deals with the Internet meme as a unit of linguoculturology and its use in the Internet space. The paper deals with the functional and semantic resources of the meme. The emergence of linguistic and cultural memes is an attempt to influence others through the introduction of linguistic and cultural information.

Keywords: linguoculturology; creolized meme; Internet meme, allusion, language economy.

Познание иностранными студентами русского языка: роль художественного текста

В статье акцентируется внимание на возможностях художественного текста при обучении иностранных студентов русскому языку, рассматриваются его особенности, указываются моменты, на которые стоит обращать внимание как преподавателям-русистам, так и обучающимся из-за рубежа. Приводятся конкретные примеры, подтверждающие то или иное положение.

Ключевые слова: русский язык, литература, национальная культура, речевое общение, иностранные студенты.

В обучении русскому языку и в его изучении художественная литература располагает богатым потенциалом как для преподавателей, так и обучающихся. Художественные тексты обладают неиссякаемыми изобразительными средствами. Чтение художественных текстов дает возможность увидеть богатство русского языка и прочувствовать его красоту. Кроме того, художественная литература включает в себя черты культуры народа, на языке которого созданы сами тексты, то есть художественная литература является источником сведений о национальной культуре народа-носителя языка.

Работая над данной статьей, мы учитывали свои собственные наблюдения, а также наблюдения иностранных обучающихся, которые они делали в процессе работы над чтением художественных произведений русских писателей.

При создании художественного текста автору приходится предугадывать то, как читатель будет реагировать на ту или иную его фразу. Из-за невозможности использовать паравербальные средства коммуникации, применяемые при живом общении, а именно: мимику, жесты, интонацию, темп речи, взгляд, автору для транслирования собственных ощущений, эмоций и мыслей приходится рассчитывать только на точность выбора слов и знаков препинания. Вследствие этого в художественных текстах оказывается гораздо большее количество слов для описания тех или иных явлений или ситуаций, описывающих жизнь людей и их быт.

Таким образом, читая художественную литературу, студенты встречаются с целым рядом синонимов и незнакомых слов, подлежащих точному пониманию и интерпретации. Интерпретация художественных произведений способствует формированию языковой культуры и обогащает стилистическую культуру обучающегося. Бывает, что обучающиеся сами сомневаются в достаточности своего уровня владения русским языком. Тем не менее это только начало, которое может проложить путь к успеху при условии, если хватит терпения преодолеть реальные трудности на пути познания иностранного языка.

Общаясь с иностранными студентами, мы часто слышим их жалобы на неумение выразить ту или иную мысль: «Не знаю, как это сказать по-русски». Однако его собеседник успокаивает: «Я понимаю, о чем ты хочешь сказать». Так мы становимся свидетелями какого-то чуда: в ходе разговора студенты могут понимать друг друга без слов, хотя у обоих нет навыка говорить на изучаемом русском языке достаточно свободно. Тем не менее данная ситуация подтверждает наше предположение о том, что бедный запас слов не всегда является единственной причиной неумения иностранцев выражать свои мысли на русском языке. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в овладении языком важен не только запас слов. Допустим, у нас есть все ингредиенты и необходимая кухонная утварь, чтобы приготовить определенное блюдо. Но получится ли оно у нас? Многое зависит от самого человека: умеет ли он готовить это блюдо. То же самое в нашей ситуации — умение составить отдельные слова в значимые предложения оказывается не менее важным делом и не менее трудной задачей.

Мы убедились на практике, что художественные тексты изобилуют образцами псевдокоммуникаций, на сто процентов совпадающими с реальными, которые можно использовать для

обучения иностранных студентов речевому общению. Например, в рассказе «На даче» Чехова встречается такой диалог: «— А ты ступай куда-нибудь на темную аллею... — кротко заметил Павел Иванович. — На свежем воздухе легче думать, да и... того — мне хотелось бы тут на скамье соснуть... Здесь не так жарко... — Вам спать, а мне сочинение обдумывать... — проворчал Митя. — Сочинение важнее... — Ну, я прошу тебя, Митя! Ты моложе меня и должен уважить... Я болен и... и хочу спать... Уйди! — Это эгоизм... Почему непременно вам здесь быть, а не мне? Из принципа не выйду... — Ну, прошу! Пусть я эгоист, деспот, глупец... но я прошу тебя! Раз в жизни прошу! Уважь!»

Митя покрутил головой...» [6, с. 179].

А в рассказе «Злой мальчик» этого же автора — такой: «А-а-а... вы целуетесь? Хорошо же! Я скажу мамаше. — Надеюсь, что вы, как честный человек... подсматривать подло, а пересказывать низко, гнусно и мерзко... Полагаю, что вы, как честный и благородный человек... — дайте рубль, тогда не скажу. А то скажу» [5, с. 179].

Эти диалоги являются ярким примером того, что на самом деле собеседники не всегда произносят вслух все слова, некоторые из них могут оставаться во внутренней речи. В письменной речи недостающие слова компенсируются знаками препинания, в звучащей речи — паузами и интонацией. И на это, мы полагаем, важно обращать внимание иностранных студентов при чтении художественных произведений.

Конечно, нельзя отрицать того, что диалогическую речь иностранцы чаще встречают в повседневных речевых ситуациях, нежели в художественных текстах, но в обоих случаях иностранные студенты должны научиться выдавать адекватную реакцию.

Кроме того, читая, студенты обязательно встречают какие-то конструкции, которые давно хотели бы использовать в своей речи, но только не знали, каким образом это сделать, или находят варианты более красивые и эстетичные, чем те, которые у них были в активном словаре. Благодаря этому их речь обогащается и становится более красивой, естественной и богатой.

Богатство речи и большой запас слов — это далеко не одно и то же. Мы уже писали о том, что иногда «...мы слышим речь человека, обладающего достаточным запасом слов и высокой эрудицией, но она не производит на нас большого впечатления, и, напротив, человек, лексический арсенал которого более чем скромнен, может удивить слушателей глубиной своей мысли. Богатство речи создается в значительной степени за счет уместного использования афоризмов, цитат, пословиц, знания значений многозначных слов» [1, с. 285].

Когда иностранный студент приучен четко следить за мыслями персонажей в художественных текстах, это дает ему хорошую возможность научиться думать по-русски, страхуя от ситуации, когда говорят: «грамматика правильная, но звучит не по-русски». И монолог того или иного персонажа в художественном произведении является важным подспорьем в овладении студентом этим умением: «...Я рад, что мы наконец одни, — начал Лапкин, оглядываясь. — Я должен сказать вам многое, Анна Семеновна... Очень многое... Когда я увидел вас в первый раз... У вас клюет... Я понял тогда, для чего я живу, понял, где мой кумир, которому я должен посвятить свою честную, трудовую жизнь... Это, должно быть, большая клюет... Увидя вас, я полюбил впервые, полюбил страстно! Подождите дергать... пусть лучше клюет... Скажите мне, моя дорогая, заклинаю вас, могу ли я рассчитывать — не на взаимность, нет! — этого я не стою, я не смею даже помыслить об этом, — могу ли я рассчитывать на... Тащите!» [5, с. 179].

Говоря о пейзаже, следует отметить, что он также имеет большое значение в формировании лингвистической компетенции иностранных студентов. К примеру, все знают слово «дерево», но не все знают отдельные названия деревьев и кустарников, такие как ольха, ивняк, сирень, пихта и т. д. Согласимся, что конкретные названия деревьев обычно не очень важны в речевой ситуации, однако их знание является показателем уровня и точности владения информацией. Исходя из этого, обучающиеся все же должны совершенствовать свои знания языка.

В реальной жизни мало кто самостоятельно учит все ряды слов одной группы. Во-первых, никто вас специально не спрашивает об этом. Во-вторых, не используя, слова не за-

крепляются в памяти. Для прочных знаний необходим контекст. Художественные произведения дают возможность прочитать детальную информацию обо всем, что нас окружает: о человеке и его мыслях, поступках, их последствиях, переживаниях, природе. Кроме того, художественные тексты дают нам шанс научиться точно выражать свои мысли и описывать явления в деталях.

Нас интересует литература не только потому, что она дает широкие возможности для формирования коммуникативной компетенции учащихся, но и потому, что велико ее предназначение для транслирования национальной культуры народа. Так, Николай Евграфыч, герой рассказа А. Чехова «Супруга», часто бормотал про себя «маленькая ножка ... маленькая ножка...». Причина в том, что во время написания рассказа (конец XIX в.) женщины носили длинные платья, скрывавшие ноги. Следовательно, их ножки мог видеть только муж. И если другой мужчина написал жене Николая Евграфыча: «...тысячу раз целую маленькую ножку», правда об измене жены становится очевидной.

В другом рассказе Чехова, «Злой мальчик», Лапкин боялся того, что Коля скажет родителям Анны, что они целовались на берегу реки. Лапкину пришлось подчиниться шантажу гимназиста Коли, поневоле подарить ему много подарков. Дело в том, что в то время, если пара не получила родительского благословения, их любовные отношения расценивались как постыдные и непорядочные.

Изучая портреты персонажей из рассказов Чехова, студенты заметили, что характер чеховских персонажей прочно соединяется с их внешним обликом: внешность мужа Анны Сергеевны («Дама с собачкой») ясно выражает его лакейскую черту всем подчиняться; сравнение характеров и внешности двух девушек — Алисы Осиповны («Дорогие уроки») и Зиночки («Зиночка») — позволяет заметить их сильное отличие: Зиночка — милое, поэтичное создание, вызывающее у читателей ощущение, что она нежная, слабая по характеру девушка, в то время как Алиса Осиповна, со строгими глазами и холодным деловым выражением на лице, является сильной личностью, четко знающей, чего хочет и как этого достичь.

Для раскрытия черт характера героев Чехов, на наш взгляд, часто использовал их фамилию. Создавая образ Ивана Ивановича, Чехов в рассказе «Злой мальчик» выбрал герою фамилию Лапкин, на наш взгляд, намеренно. Исторически эта фамилия образуется от слова «лапка, лапа» и характеризует человека с большими, сильными руками. Однако мы продолжаем раскладывать эту фамилию на составляющие ее смысла в зависимости от действий героя, когда он начал обнимать Анну: лапа (сущ.) — лапать (гл.), т. е. трогать тело девушки без разрешения: «...как-то нечаянно схватил руку Анны Семеновны, нечаянно прижал ее к губам... Это вышло как-то нечаянно» [5, с. 179]. Лапкин боялся Коли из-за того, что он знал, что был неправ; он с намерением делал это. Он поцеловал Анну, и это ее скомпрометировало.

Если обратим внимание студентов на описание природы в художественных текстах, мы поможем понять им психологию поведения героев, а иногда предугадать будущее. После знакомства («Дама с собачкой») «...на улицах вихрем носилась пыль, срывало шляпы». Как будто автор хотел подготовить нас к изменениям в будущем. После того как «Анна Сергеевна смотрела в лорнетку на пароход и на пассажиров, как бы отыскивая знакомых... и когда уже не было видно лиц, ветер стих совсем» [3, с. 367]. Все эти факты дают нам возможность почувствовать волнение героини. Если бы среди пассажиров показалось лицо ее мужа, ситуация бы сильно усложнилась.

Таким образом, в процессе знакомства с художественным произведением иностранные студенты получают важную информацию о русских традициях, нравах людей, их чертах, а также о психологии бытовой жизни. Совокупность данной информации способна оказать влияние на расширение знаний иностранных студентов о культурных особенностях России, а само чтение, изучение и анализ произведений русских классиков способствует повышению лингвистической компетенции иностранных обучающихся. Кроме того, «художественные тексты формируют любовь к языку, а также способствуют развитию языкового чутья: читая такие произведения, начинаешь различать тонкие оттенки слов...» [2, с. 332].

Литература:

1. Петрова Л. Г. Изучение рассказов русских писателей как фактор формирования ЛК иностранных студентов и средство адаптации к жизни в России // РКИ: лингвометодическая образовательная платформа: сборник трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию Белгородского государственного национального исследовательского университета. — Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. — 444 с. — С. 281–289.
2. Петрова Л. Г., Тьу Тхи Тхю Хонг. Иностранные студенты читают и анализируют рассказы А. П. Чехова: тема ненависти // Автор–текст–читатель: теория и практика анализа. Материалы Седьмых Международных научных чтений «Калуга на литературной карте России» // — Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского. — 2020. — 770 с. — С. 332–336.
3. Чехов А. П. Дама с собачкой // А. П. Чехов. Собрание сочинений в 8 т. Т. 6: Рассказы, 1898–1903. — М.: Правда, 1970. — С. 364–380.
4. Чехов А. П. Дорогие уроки // А. П. Чехов. Собрание сочинений в 8 т. Т. 3: Рассказы, 1886–1887. — М.: Правда, 1970. — С. 439–445.
5. Чехов А. П. Злой мальчик // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения. Т. 2: Рассказы. Юморески, 1883–1884. — М.: Наука, 1975. — С. 179–181.
6. Чехов А. П. На даче // А. П. Чехов. Собрание сочинений в 8 т. Т. 3: Рассказы, 1886–1887. — М.: Правда, 1970. — С. 458–463.

Petrova lilliya Gennadievna
Belgorod National Research University

Foreign students' study of the Russian language: the role of a literary text

The article focuses on the possibilities of a literary text in teaching foreign students the Russian language, examines its features, points out the points that should be paid attention to both Russian teachers and students from abroad. Specific examples are given to confirm this or that provision.

Keywords: Russian language, literature, national culture, speech communication, foreign students.

Отражение современной философии в песнях группы «One republic»

Автор дает краткие сведения об истории создания данного музыкального коллектива, а также анализирует некоторые стихотворения. В творчестве этой музыкальной группы автор находит новую концепцию бытия, отражающую современную действительность.

Ключевые слова: бытие, стереотипы, композиция, духовные ценности, риторический вопрос.

Группа была основана в 2002 году в Колорадо-Спрингс вокалистом Райаном Теддером и его школьным другом гитаристом Заком Филкинсом. Позже к ним присоединились клавишник Дрю Браун, ударник Эдди Фишер и басист Тим Майерс, который в 2007 году вышел из состава группы, а на его место пришел Brent Catcliff. На их счету около пяти альбомов и десятки хитов. Примечательно, что все песни как для группы, так и для других известных артистов Райан Теддер пишет сам. Райан Теддер является величайшим философом нашего времени. Его песни заставляют задуматься о любви и красоте, добре и мире, природе и человечестве в целом. В творчестве данных музыкантов всегда прослеживается их собственное мнение на происходящие вокруг события, они тонко подмечают особенности, характерные для нашего времени.

В песне «Counting stars» («Считая звезды») говорится:

*В последнее время я потерял сон,
Мечтая о том, что у нас могло бы быть.
Но я усердно молился...
Хватит сидеть и считать доллары,
Мы будем считать звезды.
Да, мы будем считать звезды. —*

В этих строках автор рассказывает о том, как, потеряв сон, он приобрел нечто большее. В молитвах он прозрел. Лирический герой упоминает о жажде денег, охватившей все человечество, о том, что люди разучились видеть прекрасное, что такие понятия, как «красота», «духовные ценности», «молодость» исказились, они утратили свое истинное значение.

*Я стар, но не настолько опытен,
Я молод, но не настолько отважен. —*

Речь идет о нашем поколении, которое сомневается, пытается найти себя и свой путь в жизни.

*Не думаю, что мир продается,
Я просто делаю то, что мне говорят. —*

Здесь автор затрагивает тему навязывания стереотипов. Лирический герой, имея свое мнение, все же подчиняется установкам, выполняя все действия механически. Однако дальше мы видим, что он не согласен с этим, он начинает бунтовать:

Я чувствую, что все как надо, когда поступаю «неправильно».

Я чувствую, что что-то не ладно, когда поступаю «правильно», —

«правильно» и «неправильно» здесь имеется в виду точка зрения толпы, которая навешивает ярлыки и подавляет индивидуальность каждого человека.

*Беру деньги и смотрю, как они горят,
Тонут в реке —
Уроки усвоены.*

Это является своеобразной кульминацией песни. Ничто не вечно, уверяет автор. Деньги — это всего лишь бумага, это не то, на что надо тратить свою жизнь. Находясь в вечной погоне за наживой, не успеваешь обратить внимание на самое важное и ценное — красоту мира, гармонию природы. Для усиления эффекта эти строки звучат несколько раз подряд. Поэтому манифестом звучит его призыв:

*Хватит сидеть и считать доллары,
Мы будем считать звезды.*

Песня «Connection» («Связь»), вышедшая в 2018 году, затрагивает совсем другие темы, например, тотального одиночества в условиях цифровой и виртуальной реальности:

Если здесь так много людей, почему я чувствую себя одиноким? —

воскликает лирический герой. Он спрашивает: «Могу ли я установить связь?» Речь идет о том, что современное общество приковано к технологиям, и большинство людей проводит слишком много времени в социальных сетях. Социальные сети стали заменять живое общение, и многих это делает одинокими. Здесь также применяется игра слов: под словом «связь» подразумевается как «подключение к Интернету», так и «человеческие отношения». Лирический герой просит о помощи:

Я запустил сигнальную ракету, — мне нужна любовь и преданность.

Однако он не бездействует. Он ищет пути спасения и находит их:

Я сменил несколько лиц, которые мне совсем незнакомы.

Возможно, мне стоит попытаться найти старого себя.

Отведи меня в те места, к тем людям, что меня знают. —

В этом хите автор также затрагивает и тему дружбы, говоря о том, что ее нелегко найти и сохранить:

Тяжело найти настоящих друзей, хороших друзей — давайте признаем это.

На протяжении всей песни он размышляет об одиночестве и дружбе, признавая, что в данный момент он не может ничего исправить, но в будущем сумеет изменить положение:

Я просто пытаюсь обрисовать ситуацию для себя,

Что-то, о чем я буду волноваться, может быть, где-то лет в сорок,

И я буду готов и способен отредактировать историю.

Однако автор признается:

Прямо сейчас, прямо сейчас я перехожу на новый путь.

Я ускоряюсь, я ищу что-то настоящее.

Встречаю кого-то еще, иногда бывает не стыдно.

Современная философия звучит также и в песне с громким названием «Human» («Человек»). Композиция стихотворения построена по принципу диалога. Это своеобразный разговор между Богом и Человеком:

Вчера я разговаривал с богом, мы с ним беседовали.

Я сказал, что сожалею о том, что утратил с ним связь. —

Человек признается, что отошел от веры, при этом раскаивается и добавляет:

Я рассказал, что замыслы, которые я пытался осуществить,

Обернулись полным крахом.

В любом случае, жизнь — не то, чем кажется. —

Он сделал это из-за отчаяния. Человек признает, что жизнь намного сложнее и не всегда происходит так, как ты задумал. Он спрашивает:

Почему эта жизнь является такой безумной комбинацией чисел,

Которые нам не под силу истолковать? —

Герой жалуется на плохие отношения между людьми в целом и друзьями в частности, намекая на одиночество:

Да, разумеется, у меня есть несколько друзей, но у нас сложные отношения.

Многие из нас счастливы лишь тогда, когда принимают препараты. —

В этих строках автор затрагивает одну из глобальных проблем современности — наркоманию. Наркотики — это лекарственные препараты, дающие минуты ложного счастья. Принимая их постоянно, человек ощущает зависимость от них.

На все размышления и жалобы Человека Бог говорит «странные вещи»:

Он спросил: Каково это — быть Человеком?

И продолжает:

Если бы я мог стать им хотя бы на один день, я бы не упустил этой возможности.

Я бы танцевал до восхода солнца под свою музыку.

Каково же это?

Каково это?

Неслучайно задается двойной риторический вопрос. Это необходимо для усиления эффекта. Этим вопросом он заставляет задуматься всех нас. Действительно, каково же это — быть Человеком? Вместо роптаний на Бога и жалоб на тяжелую жизнь он призывает нас гордиться тем, кто мы есть; ценить каждый прожитый день; быть благодарными судьбе; уметь находить прекрасное в этом мире и в нас самих. Каждый из нас должен понять, каково быть настоящим Человеком.

Проникновенная поэзия вкупе с отличной музыкой превращает обычные стихи в невероятно красивые песни. Творчество группы «One republic» вдохновляет миллионы людей по всему свету, побуждает к активной деятельности, пробуждает гражданскую позицию в каждом, а также заставляет задуматься о смысле жизни и месте человека в системе бытия.

Литература:

1. https://www.amalgama-lab.com/songs/o/onerepublic/counting_stars.html
2. <https://www.amalgama-lab.com/songs/o/onerepublic/connection.html>
3. <https://www.amalgama-lab.com/songs/o/onerepublic/human.html>

Sim Tatyana Vladimirovna
good_girl_tanya@list.ru
Gulistan State University

Reflection of modern philosophy in the songs of the band «One republic»

The author gives brief information about the history of the creation of this musical band, and also analyzes some poems. In the works of this musical group, the author finds a new concept of being that reflects modern reality.

Keywords: being, stereotypes, composition, spiritual values, rhetorical question.

Содержание

Направление 4

Русский язык на рынке труда

9 декабря 2021 г.

Короткевич В. И., Шарапова Е. В.

Русский язык в системе образования Республики Беларусь. 4

Пантюхина К. Ф.

Рынок языков законодательства Республики Узбекистан. 8

Райденко Е. А.

Оценка конкурентоспособности языков на рынке труда
в Республике Армения 14

Мамаева А. В.

Языковые особенности профессионального отбора
для профессии инженера 17

Льоренс Тревиньо А. А.

Русский язык на Кубе сейчас — что дальше? 21

Ануфриева Г. В.

Речекоммуникативная составляющая в компетентностной модели
бакалавра-юриста 25

Фатеева Ю. Г.

Возвращаясь к вопросу необходимости овладения РКИ
при обучении в России 29

Адамия З. К.

О роли программы переподготовки учителей в Грузии
(модуль «Русский язык») 32

Кухта Е. Е.

Проект профориентационной направленности «Работа с профессионально
важным словом» на уроках русского языка в средней школе. 34

Северская О. И.

Современный деловой стиль: литературная норма и тренды коммуникации . . . 38

Товт А. М.

Международное сотрудничество: интеграция нестоличных вузов
в мировой образовательный рынок (на примере Тамбовского
государственного университета имени Г. Р. Державина). 42

Балякин А. А.

Сравнительная оценка приграничного рынка языков
Саратовского Поволжья и Западного Казахстана 45

Горбатова Д. А.

Коммуникативные навыки в структуре компетенций
современного профессионала. 49

Направление 5
Русский язык — язык литературы и культуры
10 декабря 2021 г.

<i>Акопян К. С., Оганнисян Т. Д.</i>	
Конструкции с творительным сравнения в поэзии Анны Ахматовой	52
<i>Григорян Л., Оганисян Т. А.</i>	
Национально-прецедентные феномены в политической речи (на примере высказываний президента РФ В. В. Путина)	58
<i>Саркисян А. Г.</i>	
О дисфункциональном использовании библейских крылатых слов на русском . . .	63
<i>Меликсетян Л. С.</i>	
Архитектура и камень в армянском нарративе Осипа Мандельштама	67
<i>Кулибина Н. В.</i>	
Роль чтения художественной литературы в овладении языком и обретении опыта.	70
<i>Мкртчян Н. Г.</i>	
О долгом «возвращении» очерка «Музы слышны» Т. Капоте в Россию	75
<i>Петросян К. Г.</i>	
Порог двойного бытия...	79
<i>Матевосян Л. Б., Фрунджян М. Т.</i>	
Раннее знакомство с языками — гарант полилингвального будущего	83
<i>Айылчиева Д. Т.</i>	
Влияние русской литературы XX века на творчество Ч. Айтматова (на примере романа «И дольше века длится день»)	87
<i>Калмурзаева А. А., Балтабаева Э. М.</i>	
Концепт «Бог» в русской провербиальной картине мира	92
<i>Чжао Цзин</i>	
Анализ прагматической функции эмотивных фразеологизмов в контексте коммуникации.	99
<i>Газарова Д. Ю.</i>	
Русский язык в Армении как инструмент межкультурной медиации	102
<i>Ишанова Г. М., Алекешова Л. Б.</i>	
Фольклорные истоки персонажей-«чужаков» в прозе Довлатова	106
<i>Полехина М. М.</i>	
Инновационные подходы к преподаванию русского языка как иностранного: работа с литературным текстом	110
<i>Селезнева Л. В.</i>	
Русский язык как «мягкая сила» в поликультурном мире	114
<i>Аветисян В. О.</i>	
«Русские» отсылки в «Пенелопе» Гоар Маркосян-Каспер	118
<i>Харченкова Л. И.</i>	
Креолизованный текст в методическом контексте	120
<i>Камышева С. Ю., Филиппова А. А.</i>	
Путевые письма русского писателя А. С. Грибоедова. Первая встреча с Арменией	123

Камышева С. Ю.

Лингвокультурологический аспект преподавания РКИ126

Ионова С. В.

Язык глубоко мыслящих и чувствующих людей.127

Лушева А. А.

Коммуникативные стратегии в модели коммуникативной координации на примере современного устного спонтанного диалога131

Аржанова И. И.

Урок русского языка глазами учителя и ученика-иностранца (из опыта работы)135

Гаврилов В. В.

Языковая картина мира мансийского поэта Ю. Шесталова (концептуальный подход)137

Ермакова Ю. Д.

Традиционные и инновационные аспекты содержания школьного образования при аксиологическом подходе к обучению при изучении русского языка и литературы141

Дергунова Н. Г.

Традиции жанра жития в повести Л. Толстого «Отец Сергей»147

Муродова О. А.

Изучение произведений узбекских писателей в классах с русским языком обучения151

Соловьева А. А., Бурнашева О. В.

Чтение — поколений связующая нить.152

Абдуджабборов С. А.

Контекст и семантика относительного прилагательного154

Антонова Н. А., Антонова С. А.

Читательские предпочтения школьников158

Антонова Н. А., Чернова Д. А.

Повышение интереса к английскому языку посредством идиом163

Мисисян С. С.

Безэквивалентная лексика как источник лингвострановедческого материала на уроках РКИ.165

Беррефас Манел

Современный русский литературный язык и методы его изучения169

Величко О. В.

Интерактивные методы обучения на уроках русского языка.171

Ким Н. М.

Имя собственное в повести А. П. Чехова «Три года» как семантически емкий компонент177

Поваляева Л. Н.

Слово И. А. Бунина на уроке русского языка (на материале отрывка из рассказа «Антоновские яблоки»)181

Петрова Н. В.

Современный русский литературный язык как основа культуры речи русского народа185

<i>Барган Н. И.</i> Литературный язык Петровской эпохи. Начало нормализации русского литературного языка в 1730-е годы (В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов). Севернороссийский язык в теориях Тредиаковского и Ломоносова.	188
<i>Черепанова И. В.</i> Работа с текстом при изучении темы «Буквы <i>а</i> — <i>о</i> в корнях с чередованием <i>зар-</i> — <i>зор-</i> »	193
<i>Трихина Я. В.</i> Интеграция обучения и духовно-нравственного воспитания подростающего поколения на уроках русского языка.	197
<i>Долгая Г. А.</i> Развитие русской литературы в Узбекистане: проблемы и перспективы.	200
<i>Атрощенко Л. А., Кулик Л. В.</i> Факторы архаизации патронимов.	203
<i>Ильичева О. А.</i> Язык и культура: аспекты взаимодействия	207
<i>Денисенко Е. Н., Дмитриевская Л. Н.</i> Феномен армяно-русской современной литературы о детях и подростках (на материале произведений Наринэ Абгарян, Мариам Петросян)	210
<i>Муртазаева Ф. Р.</i> Психологические особенности женского образа в современной русской и узбекской прозе	214
<i>Кривошапова Т. В.</i> Русская литература Казахстана последних десятилетий	217
<i>Московкина Е. А.</i> Урок РКИ по художественному тексту: литературное произведение и культурный дискурс	220
<i>Феклисова Д. С.</i> Необходимо ли изучение русского языка через литературу и культуру?	224
<i>Семкова З. И.</i> Авторские неологизмы в творчестве В. Пелевина (на материале романов «Generation П» и «iPhuck 10»).	228
<i>Июльская Е. Г., Копылова В. В.</i> «Русская цивилизация» А. А. Зализняка	234
<i>Гуськова М. Д.</i> Образ Родины в рекламном дискурсе: вербальный и визуальный аспекты. . .	236
<i>Раджобова З. Ч.</i> О некоторых неологизмах за время пандемии в Республике Узбекистан	239
<i>Хо Сяоцзюн</i> Лингвокультурологическое описание русских примет с компонентом <i>кукушка</i> (на фоне китайского языка)	242
<i>Аведян В. Л.</i> Особенности функционирования русских пословиц и поговорок в армянском лингвокультурном пространстве	245

<i>Щербинина Ю. К.</i>	
Русский язык в сознании современного общества.	249
<i>Ешенова Н. А.</i>	
Приобщение учащихся к образу России на уроках литературного чтения в школе с киргизским языком обучения	251
<i>Черкашина С. П.</i>	
Миф и литературный текст в диалоге культур	255
<i>Жабборова М. Е.</i>	
История становления понятия «языковая картина мира»	259
<i>Овсяюкова О. А.</i>	
Языковая личность современного рок-поэта в текстах социально-политической проблематики.	262
<i>Ма Тунтун</i>	
Этикетные формулы реализации концепта «извинение» в русской лингвокультуре	265
<i>Трапкова Н. Н.</i>	
В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка (Н. В. Гоголь)	268
<i>Макаров Н. В.</i>	
Отражение национальных представлений о Свободе и Воле в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля.	271
<i>Билалова И. В.</i>	
Образ Родины в поэме Расула Гамзатова «Живая богиня Кумари»	273
<i>Данилевская Н. В.</i>	
Языковые ценности и речевая культура в молодежной среде жителей Пермского края	280
<i>Татевосян А. А.</i>	
Образ Китежа в поэзии о Петербурге	283
<i>Якушев А. А.</i>	
Репрезентация мифологического архетипа «вода» в славянских языках и культуре.	287
<i>Князева Е. А.</i>	
Роль приемов ТРКМ в работе с художественным текстом на уроках РКИ	290
<i>Гончар-Ханджян Н. К.</i>	
О «музыке» стиха и о переводах лирики Пушкина на армянский язык.	293
<i>Осницкая А. П.</i>	
Безграничное литературное наследие Е. Благиной для дошкольников стран Содружества	296
<i>Уманцева Л. В.</i>	
Бунин И. А. — знаток русского языка: слово о любви (на материале рассказов «Солнечный удар» и «Чистый понедельник»)	299
<i>Чупановская М. Н., Маклакова Т. Б.</i>	
Говоры Иркутской области как часть культурно-исторического наследия края (региональный аспект в преподавании дисциплины «Русский язык и культура речи»)	302

<i>Богданова Л. И.</i> Русский язык и культурная трансмиссия	305
<i>Алексеева М. В., Белич Е. В.</i> Конвергентный подход при изучении паремиологических единиц в процессе обучения русскому языку как иностранному	309
<i>Ли Сюэ</i> Понимание лексемы «бобы / 豆 » в русской и китайской лингвокультурах	312
<i>Сивова Т. В.</i> Лен в репрезентации цветовой концептосферы русского языка	314
<i>Касарова В. Г., Сологян А. А.</i> Историко-культурная, научно-образовательная среда в российско-армянских взаимосвязях	318
<i>Карасаева Э. Э.</i> Русский язык как отражение русской души	322
<i>Лебедева В. Д.</i> Отражение представлений о «своем» и «чужом» в духовном коде культуры (на материале фразеологизмов русского языка)	324
<i>Машенцова Е. Е.</i> Лексические особенности лирических свадебных песен	327
<i>Байгарина Г. П.</i> Русский язык как объект метаязыковой рефлексии творческой личности	330
<i>Ахатова А. В., Семенова О. Р.</i> Женские образы в «Истории» Льва Диакона и «Хронографии» и «Краткой истории» Михаила Пселла	334
<i>Капустина Е. В.</i> Проектная деятельность как способ повышения интереса обучающихся к русскому языку как языку культуры и литературы	338
<i>Кокорина Н. А., Михайлова О. А.</i> Акустическая картина мира поколения Z как фрагмент языковой картины мира	340
<i>Панчехина А. А.</i> О прецедентных феноменах как способе интеллектуализации газетного текста	344
<i>Бут-Гусаим С. Ф.</i> Антропонимикон прозы Алеся Осипенко	348
<i>Тетерина К. А.</i> Парадокс неполного предложения: коммуникативное преимущество при грамматической «ущербности» (на основе текстов русской литературы)	352
<i>Кравченкова Е. А.</i> «Я памятник себе нерукотворный воздвиг...»: А. С. Пушкин в русской рэп-поэзии	357
<i>Летаева Н. В.</i> Литературные дневники на занятиях РКИ	364

Видел-Игнашчак М., Мартынюк К.

Межкультурная коммуникация и формирование языковой и лингвокультурной компетенций на занятиях РКИ в вузе на материале русских песен 368

Каракая А.

Феминистское прочтение рассказа И. А. Бунина «Митина любовь» 371

Маргарян С. С.

Звучащее слово Осипа Мандельштама 374

Шульман Н. А.

Эффективная работа с биографическими текстами в обучении РКИ 378

Ванескегян К. А.

Хронотоп в русском постмодернистском романе. 381

Базанова К. С.

Языковая репрезентация образов персонажей диады Мастер — Иешуа Га-Ноцри в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» 384

Загороднюк А. А.

Лингвокогнитивные основания употребления действительных причастий в русской разговорной речи 388

Подунай А. С.

Историческое комментирование языковых явлений на уроках русского языка как способ формирования лингвокультурологической компетенции школьников 392

Ужегова Е. Н.

Медиатизация как экстралингвистический фактор развития современного языка 396

Саакян Л. Н.

Эвфемия как ритуализованная форма коммуникативного взаимодействия. . . . 400

Михайлова О. А.

Региональный корпус народной речи Среднего Прииртышья: потенциал использования при изучении русской традиционной культуры . . . 404

Шапошников В. Н.

Основные принципы строения языка и лексическая синтагматика 408

Губочкина Л. Ю.

Русскоязычный перевод образов антропоморфизма в отражении двух культур (на материале английской литературы) 411

Лучинина Л. А.

Специфика языкового выражения представлений о родине в фольклоре липован 413

Оганнисян Г. А.

Адаптация иноязычных элементов в армянской антропонимической системе (на материале романов Д. Демирчяна «Вардананк» и Х. Абовяна «Раны Армении»). 416

Мальцева Г. Ю.

Язык художественной литературы как конденсатор культурной памяти. Идиосеть рассказа «Рождество» В. В. Набокова 420

<i>Остертаг Е. Ю.</i>	
От аллюзии — к аллюзивному значению слова.	424
Вертикально-контекстуальные средства реализации иронической модальности, пародийного эффекта в художественном тексте.	427
<i>Добровольская М. Г.</i>	
Роль русского языка в практическом курсе перевода с первого иностранного языка	431
<i>Чергинская И. А.</i>	
Препозитивная придаточная условия как культураносный компонент поэтического текста	435
<i>Полежаева С. С.</i>	
Опыт интерпретации стихотворения патриотической тематики	440
<i>Варзин А. В.</i>	
«Все творчество его есть грандиозная мифологема»: язык Ф. М. Достоевского как лингвокультурный феномен	443
<i>Данильченко Г. Д.</i>	
Лингвополитические аспекты феминитивов.	445
<i>Литвинова А. С., Заварзина Г. А.</i>	
«Ковидное» словообразование в русском языке эпохи пандемии.	449
<i>Елистратова К. А.</i>	
Преподавание русского языка как иностранного в цифровой среде	452
<i>Бухеруя А.</i>	
Рекламный текст как отражение и форма массовой культуры	454
<i>Ниязалиева Р. А.</i>	
Из истории изучения мифонимов в русском языке	457
<i>Арефьева Е. Н.</i>	
Формирование социокультурной компетенции у студентов, изучающих РКИ в условиях ограниченной языковой среды	463
<i>Кривошапова Н. В.</i>	
Интернет-мем как лингвокультурема.	466
<i>Петрова Л. Г.</i>	
Познание иностранными студентами русского языка: роль художественного текста.	469
<i>Сим Т. В.</i>	
Отражение современной философии в песнях группы «One republic»	473

Научное издание

**Международный научный конгресс «Русский язык в глобальном
научном и образовательном пространстве» (6–10 декабря 2021 года)**

Сборник материалов

Часть III

Направление 4: Русский язык на рынке труда

Направление 5: Русский язык — язык литературы и культуры

Техническое редактирование

А. Н. Арефьева, А. А. Орлова, Н. М. Разумова

Компьютерная верстка *А. В. Дунько*

Подписано в печать 29.11.2021.

Гарнитура Таймс. Формат А4.

Усл. печ. л. 60,5.

Редакционно-издательский отдел
департамента научной деятельности
Государственного института русского языка
им. А. С. Пушкина.

Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.
Тел.: + 7 495 330 88 01. Факс: + 7 495 330 85 65.
Эл. адрес: inbox@pushkin.institute
Сайт: www.pushkin.institute

Отпечатано в ИП Лежия Ахра Владимирович

ISBN 978-5-98269-270-2

9 785982 692702 >

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

Pushkin

Международный научный конгресс

**«Русский язык
в глобальном научном
и образовательном
пространстве»**

6–10 декабря 2021 г.

Сборник материалов

Часть III

*Направление 4: Русский язык
на рынке труда*

*Направление 5: Русский язык —
язык литературы и культуры*

ISBN 978-5-98269-268-9

ISBN 978-5-98269-270-2 (Часть III)